

ЗАГОВОР МАРШАЛОВ

Брестская операция армии СССР

ЖЖ ВОЕННЫЕ
ТАЙНЫ
ВЕКА

А.Б. МАТНЕРОВСКИЙ

Annotation

Впервые в отечественной истории излагается новый взгляд на трагические события 1930-х гг., связанные с заговором военных кругов СССР во главе с Тухачевским. Высвечивается роль британских спецслужб и их влияние на политические процессы в СССР, анализируются многие персоналии как с западной, так и с советской стороны, в том числе называются конкретные агенты обеих сторон, участвовавшие в разоблачении заговора, ставшего прологом к Мюнхенскому сговору Запада с Гитлером и положившего начало Второй мировой войне. Особое значение придается анализу последовательной антироссийской позиции Англии, имеющей многовековые корни.

- [А. Б. Мартиросян](#)
 - [Вместо пролога](#)
 - [Часть I](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Часть II](#)
 - [Глава I](#)
 -
 -
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 -
 - [Вместо эпилога](#)
 -
 - [Список использованной литературы](#)
 -
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)

- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)

- [42](#)

А. Б. Мартиросян

ЗАГОВОР МАРШАЛОВ

Британская разведка против СССР

Вместо пролога

*Однажды Бог как будто ненароком,
К тому ж отнюдь не наугад,
Назвал Историю Разведкой,
Разведывающей назад...^[1]*

Нетрудно предвидеть, какой взрыв эмоций может вызвать уже эта, первая из трилогии единого концептуального замысла — «Геополитика и разведка Сталина» — книга под названием «Заговор маршалов. Британская разведка против России».

Она вступает в противоречие со всеми доселе считавшимися едва ли не абсолютной истиной оценками этого крупнейшего политического дела 1937 года. Содержание книги, опираясь на совпадение множества фактов, выстраивающее их во взаимосвязанную цепь дотоле неведомых, а потому и невидимых событий и процессов, приводит к уникальному выводу: как это ни парадоксально, но заговор маршалов неминуемо, неизбежно был **обречен изначально**, причем как минимум трижды!..

Во-первых — обречен на неизбежное зарождение. Причем как неотъемлемая составная часть военно-геополитического по сути и характеру «двойного заговора», как партнер в «дуэте» с заговором реваншистски настроенных германских генералов, возникшим задолго до привода Гитлера к власти. Этот заговор, вследствие антизападного (антибританского) характера германского «партнера», прямо в исходной точке перерос в «тройной», т. е. с участием экспансионистски настроенных кругов Японии.

Но и германская часть «двойного заговора» также была обречена на зарождение, как реакция германского милитаризма на тотальное военное поражение в Первой мировой войне и беспрецедентное в истории национальное унижение Германии по так называемому Версальскому мирному договору, якобы завершившему первую в XX веке всемирную бойню.

В обоих случаях эта уникальная своей исторической предопределенностью неминуемая неизбежность обладала своей,

весьма специфической логикой геополитического характера.

Во-вторых — на неизбежный провал именно как неотъемлемая часть «тройного заговора». Сколь бы парадоксально не выглядело нижеследующее, но все дело в том, что британская разведка приступила к его разоблачению... почти за 20 лет до того, как он едва не стал реальностью!.. Да-да, именно за *двадцать лет*, когда ни о каких тухачевских, уборевичах, якирах, гамарниках и т. п. даже среди дорвавшихся до власти в огромной стране коммунистов еще никто ничего не знал, когда даже о Сталине еще мало кто и что слышал даже в узком кругу высшей партийной элиты, а уж о Гитлере с его подручными и вообще о нацизме — и вовсе не было никакой даже тени намека. Потому, что:

— Еще за 20 лет до этого британская разведка и особенно высшее руководство Британской империи уже полностью осознавали и отдавали себе отчет не только в том, что подобный заговор — вне зависимости от конкретных форм его проявления и участников — принципиально возможен, но и реален, причем в ближайшей перспективе, что, кстати говоря, чрезвычайно быстро и подтвердилось на практике. А это даже в теории, не говоря уже о практике, представляет колоссальную угрозу высшим национальным интересам Великобритании. И уж если быть до конца точным, это осознание в полной мере присутствовало в консолидированном имперском интеллекте руководства Британской империи как минимум с начала последнего десятилетия еще XIX века.

— Еще за 20 лет до этого, руководствуясь мощными многовековыми геополитическими инстинктами самосохранения, британская разведка обрела беспрецедентно уникальный, феноменальный — даже на фоне ее богатейшего многовекового опыта — опыт и навыки превентивной ликвидации чужими руками и под чужим флагом подобного заговора с далеко идущими, крайне негативными для Великобритании геополитическими последствиями. С того момента британская разведка уже ни на секунду не выпускала из поля своего зрения даже тень намека на любую, пусть даже и гипотетическую, возможность возникновения подобной угрозы и последовательно отслеживала всю ситуацию.

— Еще за 20 лет до этого британская разведка оказалась причастна к совершению т. н. февральской революции 1917 года в

России, а «заговор маршалов» и особенно то, как изощренно искусно британская разведка его сдала, есть повтор (если вообще не плагиат) «февральской революции».

— Еще за 20 лет до этого, и тем более через 20 лет после этого, было совершенно очевидно, что подлинной целью Великобритании было создание максимально благоприятных в ее понимании, но не влекущих для нее персональной ответственности за откровенный международный бандитизм условий для абсолютного уничтожения России как государства, вне какой-либо зависимости от существующего в ней строя, но особенно как единственной в мире подлинно трансконтинентальной, единой евразийской державы, уже одним только фактом своего присутствия на географической карте мира бросающей вызов пресловутому принципу британской внешней политики, уже более пяти веков известному как «баланс сил».

— Еще за 20 лет до этого, и тем более через 20 лет после этого, был совершенно очевиден почерк британской разведки как послушного инструмента внешней политики Великобритании, откровенно действовавшей во имя достижения вышеуказанной цели за счет создания максимально благоприятных в ее понимании, но не влекущих персонально для нее никакой ответственности наподобие Нюрнбергского трибунала, для развязывания чужими руками новой мировой войны в целях гарантированного уничтожения России.

В-третьих, заговор неизбежно был обречен на многолетнюю фальсификацию и мистификацию. Потому, что это не только особая, тщательно соблюдаемая традиция британской разведки, но еще и потому, что в ней откровенно замешаны представители британской правящей элиты — от руководства министерства иностранных дел и финансов до премьер-министров, а также и членов британской королевской семьи, не исключая самого короля Эдуарда VIII!..

И поскольку полностью скрыть все следы было невозможно, то единственная реальная возможность для гарантированного отвода подозрений от Великобритании заключалась только в том, чтобы всевозможными фальсификациями и мистификациями (в т. ч., как это ни странно, также и мистифицированно-фальсифицированными якобы разоблачениями первых) так замести все возможно оставшиеся следы, так их запутать, чтобы никто и никогда не смог бы не то чтобы распутать, но и попросту даже подобраться к началу расследования!

Впервые внимание автора к возможности осуществления такого расследования невероятного, фантастического переплетения уникальнейших тайных процессов высшей мировой политики и геополитики, деятельности наиболее мощных разведслужб и влиятельных тайных обществ, тайной дипломатии, секретного финансирования тайных политических процессов привлек старинный друг отца автора — Константин Мефодиевич, в прошлом многолетний высокопоставленный сотрудник личной разведки Сталина, обладавший уникально многоплановым, специфическим даже для нелегальной разведки опытом разведывательной деятельности.

На протяжении многих лет он был не только профессиональным «охотником» за особо охраняемыми государственными и частными архивами, но и асом в добывании уникальной разведывательной информации по различным актуальным вопросам тогдашней современности, а также в области научного анализа этой информации, в т. ч. и методами разведывательно-исторического расследования.

Конечно, как опытейший профессионал Константин Мефодиевич не имел права, да и не мог передать автору какие-либо секретные документы из архива личной разведки Сталина. Но в то же время он поступил чрезвычайно просто и мудро: рассказывая в деталях о многих тайнах минувшего, подробно раскрывая принципы функционирования механизмов творения всевозможных закулисных процессов, детально поясняя методику выявления глубинных связей общеизвестных событий и фактов с закулисными процессами, он одновременно передал автору и разработанную им в содружестве со своими коллегами-разведчиками уникальную, беспрецедентно эффективную технологию целенаправленного сбора, глубинного анализа, многоступенчатой проверки и перепроверки и синтеза информации по острейшим вопросам истории и современности.

Тем самым, по его же словам, он, во-первых, преследовал цель избавить автора от необходимости прибегать к секретным или рассекреченным архивам и даже испытывать в них нужду.

«Как ты и сам понимаешь, — говорил автору старый разведчик, — не то чтобы все, но и вовсе никаких секретных архивов перед тобой не откроют, тем более по этим вопросам. Но даже если, предположим, и откроют, то и трех

жизней не хватит, чтобы детально с ними ознакомиться. В одном только Особом Архиве — сотни тысяч единиц хранения, а каждая единица — минимум 3–5 страниц... До зарубежных архивов тем более не дотянешься — самое интересное ведь в архивах разведок и тайных обществ, но попробуй туда попасть... И мне-то далеко не всегда удавалось, тем более с первого захода... Будешь прямо указывать, с чем конкретно хотел бы ознакомиться, — как минимум начнут палки в колеса вставлять, а то и вовсе замучают одним и тем же вопросом — откуда знаешь... До архивов личной разведки Сталина также не добратся — официально ее не существовало, первые экземпляры многих ее документов, поскольку они находились у Сталина, были уничтожены Хрущевым в первые три года после смерти Сталина, иначе не получилась бы его дурдомовская «оттепель»... А неофициально... — ...когда придет время, эти архивы заговорят в полный голос, и многим, очень многим и на Западе, и на Востоке, не говоря уже о России, придется, мягко выражаясь, вертеться, как жареным карасям на сковороде...»

Во-вторых, он избавил автора от необходимости всякий раз ссылаться на него, Константина Мефодиевича. «Исстари, например, — говорил старый нелегал, — хорошо известно, что лучший на века способ сохранить от раскрытия тайну истории, а в действительности же из поколения в поколение целенаправленно держать целые общества в абсолютном неведении по заранее определенному кругу вопросов — это именно же держать весь круг этих вопросов на виду у всех, предварительно распылив все основные элементы информации о них как во времени, так и в пространстве, а затем, также у всех на виду, устраивать вакханалии фальсификаций вокруг отдельно взятого вопроса, потом — вакханалии якобы разоблачений этих фальсификаций, ну и т. д. Достаточно двух-трех раз, чтобы с толку было сбито все общество — от млада до стара...

Все дело в том, что, как считают специалисты по психологическим войнам, для общества временной лаг, отделяющий историческое прошлое от современного ему настоящего, составляет

примерно сорок лет. Укладываемые в рамки этого периода события более или менее, но доступны непосредственному восприятию обществом в целом. А все, что за его пределами, — исчезает за горизонтом...

Но не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы уяснить ту простую истину, что коли информация была целенаправленно распылена во времени и в пространстве, а затем поэлементно многократно подвергалась фальсификациям и мистифицированным разоблачениям этих фальсификаций, да к тому же в условиях чехардой менявшихся политических режимов, то за недоступный для восприятия горизонт она угодит куда ранее, чем по истечении тех же сорока лет. К тому же к концу этого срока общество в целом утрачивает способность, а, главное, навыки точного анализа и обобщения своего же исторического прошлого, особенно если насильственно прервана преемственность поколений — например, войной...

В архивах же прячут не тайны истории, а причастность тех или иных персонажей истории к тем или иным событиям, особенно если эта причастность из разряда неблагоприятных, а также то, что об этом кто-то знает.

А вот искусство воссоединения из пространства и времени умышленно разрозненных бесчисленных крупинок информации — и есть великое искусство разведки и истории!

Ведь, например, те уникальные совпадения множества фактов, обладающих генетически заложенной в них способностью автономно и едва ли не автоматически выстраиваться в логически жестко взаимосвязанную цепь событий и процессов, о которых ты поведешь речь на страницах книг трилогии, именно как накрепко спаянные между собой звенья одной и той же цепи тянутся из эпохи в эпоху, из века в век, несмотря на все смены политических режимов и форм государственного устройства в России...»

И если действительно корректно точно следовать этим элементарным правилам, то, вне всякого сомнения, следует исходить не из т. н. «паранойи» Сталина, которой не было, но которой пытаются всё объяснить, особенно события 1937–1938 гг., а из того, что заговор был, заговор опасный, чрезвычайно опасный, как для Великобритании, так и для СССР.

Однако же не следует спешить с выводом о том, что в британской разведке все разом посходили с ума в необъяснимом припадке еще более необъяснимой любви к тому же Сталину, оказав ему такую услугу в разоблачении заговора, или что всемогущий генеральный секретарь был статистом в этой изощренной политической интриге.

Не следует, хотя бы потому, что в силу вышеуказанных причин британская разведка и по сей день осуществляет тотальную операцию прикрытия своего деятельнейшего участия в разоблачении особенно советской части «двойного заговора».

Но это же со своей стороны означает, что заговор не только был, но и действительно представлял собой колоссальную угрозу высшим интересам Британской империи, руководство которой активно подготавливало тогда новую мировую войну.

И в то же время заговор представлял еще большую, реальную угрозу не только и даже не столько существованию СССР, сколько самому существованию России.

Однако, сдвая различными путями, в т. ч. и по агентурным каналам чехословацкой военной разведки, «заговор маршалов» Сталину, причем заведомо зная, что он и так идет по пятам заговорщиков, британская разведка, как послушный инструмент в обеспечении высших интересов империи, руководствовалась отнюдь не альтруистическими соображениями. Четко прослеживаемая мотивация ее действий — максимально ослабить Советский Союз в преддверии ею же, Великобританией, запланированной Второй мировой войны XX века, — была и есть обусловлена «железной» логикой геополитического противоборства между Западом и Востоком, насчитывающего уже много веков. В последние пять с половиной веков главными персонажами этого ожесточенного, кровавого противоборства являются Великобритания и Россия, а с 1945 г. весь Запад во главе с США и Великобританией и Россия, как бы она не называлась!

А на войне, тем более такой — Войне Континентов и Цивилизаций, — самое бесценное — это **Правда**, которую, как едва ли не слово в слово говаривали практически в одно и то же время закадычные враги — И. Сталин и У. Черчилль, — охраняли и будут охранять **«батальоны лжи»**.

Уничтожить же их или, по крайней мере, принудить к безоговорочной капитуляции можно лишь только «спецназом» Истории — по аналогии с хорошо известным спецназом российской разведки, т. е. специальным разведывательно-историческим расследованием.

...Каждая из наших многочисленных бесед начиналась с вынесенного в качестве эпиграфа шутливой перифразы Константином Мефодиевичем одного из четверостиший Бориса Пастернака:

Однажды Бог как будто ненароком,
К тому ж отнюдь не наугад,
Назвал Историю Разведкой,
Разведывающей назад...

В оригинале это звучит так:

Однажды Гегель ненароком
И, вероятно, наугад
Назвал историка пророком,
Предсказывающим назад.

Часть I

Нить Ариадны...

*Все, что видим мы, — видимость только одна,
Далеко от поверхности моря до дна.
Полагай несущественным явное в мире,
Ибо тайная сущность вещей не видна.*

Омар Хайям

Глава I

Отыщи всему начало, и ты многое поймешь...

У любой разведки — две «ахиллесовы пяты»: связь и почерк. О первой достаточно широко известно благодаря книгам о разведчиках и кинематографу. О второй — почти ничего, во всяком случае широкой публике. Между тем первую без второй — не нащупать...

Выдающийся ас советской контрразведки, ныне покойный Иван Алексеевич Маркелов, при жизни любил приговаривать: «Ищите агента по почерку разведки — он неизменен, потому и подводит». Сущая правда: прежде, чем подведет связь, угрозу провала создаст неизменность почерка...

По-разному о себе дает знать эта «ахиллесова пята» всех разведок, но самое любопытное, что не только в работе с агентурой. Например, и в проведении специальных акций, в т. ч. и особенно стратегического характера, тем более ориентированных на тотальное манипулирование общественным сознанием.

И чем выше цель, ради которой затевается та или иная акция или операция, тем ошутимей о себе дает знать эта извечная «ахиллесова пята» разведки, сколь бы многоопытной и изощренной она ни была...

Существует масса признаков, сведенных в разных разведках в разные же системы, по которым, как по таблице умножения, можно быстро вычислить нужное. Конечно, не обо всем можно говорить открыто — увы, законы разведки есть законы разведки. Но то, о чем можно говорить, легче всего выстроить в понятную всем систему от простого к сложному.

Итак, вы задумывались когда-либо, почему у событий 1937 года столь большое количество названий? «Репрессии 1937 года», «жестокие репрессии 1937 года», «необоснованные репрессии 1937 года», «сталинские репрессии 1937 года», «дело Тухачевского», «заговор Тухачевского», «заговор маршалов», «заговор военных», «репрессии против военных», «жестокие репрессии против высшего командного состава Красной Армии», «обезглавливание Красной Армии» и еще примерно с десяток.

Списать только на журналистские штампы — значит почти ничего не сказать. Потому что да, действительно, «владыка журналист, ведущий свистопляску, глупец, кому дано при помощи столбцов дурачить по утрам три тысячи глупцов», но ведь суть-то вся в том, **кем дано!** Кому выгодно, чтобы у тех далеких, но по-прежнему волнующих общество событий было бы десятка полтора названий? Абсолютно аналогичная картина и с количеством версий на эту же, и без того трагическую и болезненную тему. Прошло без малого семь десятилетий — но всё те же полтора десятка версий в обрамлении полутора десятков названий?!

Любому мало-мальски грамотному человеку едва ли не с сызмальства прекрасно известно, что если версий какого-либо события, факта или явления больше трех, то следует в кратчайшие же сроки отделить явно похожие на зерна истины от несомненных и очевидных плевел.

Вот всего лишь два элементарных индикатора и вывод — хотя и предварительный, но достаточно серьезный: налицо первые явные признаки преднамеренного (пока не утверждаю, что злоумышленного) целенаправленно методичного распыления внимания, дабы не дать ни малейшего повода, чтобы зацепиться за ту самую «нить Ариадны», которая и выведет к истине...

Объективности ради не имею права не воздать должное тем, кто манипулирует этим процессом: они изрядно облегчили себе «работу» — в активном пропагандистском обороте оставили всего четыре версии, одна из которых бытует без малого 70 лет, две — немногим меньше 50, а четвертая — самая «молодая» — всего лет 5–6. Остальные же выполняют роль либо отвлекающего маневра, периодически напоминая о себе, либо «чистильщиков», призываемых обычно для подчистки наиболее глупых мест основных, которые с течением времени так или иначе всплывают на поверхность.

Все четыре основных версии:

— находятся в глубоком противоречии друг с другом, причем первые две — едва ли не в зеркальном, более того, самая первая — та, что ходит около 70 лет, содержит этот парадоксальный порок внутри самой себя;

— не только находятся в глубоком, в т. ч. и зеркальном противоречии друг с другом, но и попросту разносят друг друга в пух

и прах даже без посторонней помощи;

— не только разносят друг друга в пух и прах, но и осуществляют это весьма последовательно;

— не только последовательно разносят друг друга в пух и прах, но и осуществляют это в прямой зависимости от конкретной политической конъюнктуры времени обнародования версии, с некоторыми вариациями, зависящими от тех же особенностей, но уже времени муссирования;

— носят откровенные признаки мощных пропагандистских акций;

— по выходу в свет сопровождались мощными пропагандистскими кампаниями рекламного характера;

— носят явные признаки умышленно создаваемой непроверяемости внешне правдоподобно излагаемой фактуры;

— носят явные признаки умышленно создаваемых помех — зачастую крайне трудно преодолимых — для любых попыток хоть как-то объективно проанализировать факты;

— формально принадлежат перу бывших разведчиков — беглых предателей: три — бывшим советским, одна — бывшему нацистскому. Трое из них занимали видное положение в своих разведках — один из «наших» был нелегальным резидентом, другой — «легальным», а нацист — и вовсе являлся главой внешнеполитической разведки;

— носят все признаки происхождения из одного «мозгового центра», специализирующегося и на подобной деятельности, и на этой теме конкретно, причем у трех версий эти признаки выражены ясно и четко, у четвертой — более смазано, но в целом установимо.

И этим самым единым управляющим «мозговым центром» является одна из самых многоопытных, чрезвычайно изощренных и коварных разведок мира, обладающая чрезвычайно богатым опытом и навыками проведения многоходовых и долговременных крупных политических интриг и акций влияния. Потому что все версии:

— носят совершенно явные признаки геополитической подоплеки и преследуют явные геополитические цели, характерные только для этой разведки, причем, поскольку все признаки четко классифицируются по смыслу и в хронологической привязке, всякий раз эти геополитические цели оказываются прямо взаимосвязанными с глобальными процессами и событиями в истории XX века;

— выпущены в свет в виде книг, что является чрезвычайно характерной чертой этой разведки уже не один век; кроме того, выход в свет книг сопровождался упреждающей пропагандистской кампанией по формированию «паблисити» их авторам;

— по выходу в свет сопровождалось не только и даже не столько мощными, сколько грамотными пропагандистскими кампаниями, что также чрезвычайно характерно для этой разведки;

— впервые вышли на одном и том же языке, в т. ч. две — непосредственно в Великобритании;

— готовились в условиях прямого контакта их «авторов» с этой разведкой (в одном случае контакт опосредствованный);

— в исходной точке имеют в т. ч. и мотив мести — либо прямо, либо косвенно;

— носят явные признаки т. н. «трупологического» подхода в подборе как «авторов», так и «первоисточников» версий — мертвые, как известно, тем и хороши, что молчат. Эта черта уже не один век входит в число отличительных для этой разведки, особенно при проведении крупных операций;

— имеют различные, явно выраженные признаки вызывающе нахального, демонстративного игнорирования даже тени угрозы разоблачения. В двух случаях «авторы» даже и не знали, что они «авторы» нашумевших книг, причем один — даже при жизни. В одном случае «автор» вообще ничего не мог написать, поскольку попросту не знал языка, на котором якобы написал книгу, в другом — в предисловиях к различным изданиям в открытую признается переделка исходного материала, который, кстати говоря, вовсе не являлся даже черновиком книги, причем переделка настолько всеобъемлющая, что между текстами на различных языках разница носит принципиальный характер. В двух случаях присутствует едва ли не демонстративное игнорирование даже самых элементарных реалий описываемого периода, в одной — прокол чисто национального характера страны этой разведки. В двух основных и одной вспомогательной версиях, между которыми разница в 18 лет, повторяется один и тот же прокол, который был обусловлен незнанием одного конкретного факта именно этой разведкой;

— появились в период наивысшей активности Отдела дезинформации именно этой разведки, обладающей колоссальным и

ни с чем не сравнимым опытом именно в проведении дезинформационных акций пропагандистского характера, в т. ч. с крупномасштабным привлечением к этим операциям как уже состоявшихся литераторов, писателей, журналистов и публицистов, так и рекрутов той же разведки. Причем три версии появились в период действия и до сих пор никем не отмененного, а потому и засекреченного до 2017 г. плана глобальной же психологической войны против не столько даже СССР (хотя именно это название фигурирует в тексте), сколько против России как геополитического фактора на мировой арене. Лучшим доказательством тому, что план этот продолжает действовать, является факт появления четвертой версии, причем в статусе неотъемлемого компонента еще более глобального мифа на геополитическую же тему.

Конечно, можно было бы и далее продолжать этот анализ — материалов хватает, однако и этого вполне достаточно, чтобы составить узнаваемый фоторобот «почерка» конкретной разведки в конкретной сфере разведывательной деятельности. Теперь надо сказать о ней подробнее.

Представленный выше образец «почерка» идентифицируется только с Сикрет Интеллидженс Сервис (СИС) или, проще говоря, с английской разведкой, на профессиональном языке — МИ-6!

Это почерк разведки, многие века специализирующейся на проведении т. н. специальных акций в противоборстве с окружающим миром за утверждение особой роли Великобритании в глобальной расстановке сил на мировой арене.

«Битвы выигрываются кровопролитием и маневром, — отмечал еще Уинстон Черчилль в своих воспоминаниях. — Чем более велик генерал, тем большую роль он отводит маневру и меньшую — кровопролитию... Почти все битвы, которые расцениваются как образцы военного искусства... были битвами маневренными, в которых противник часто обнаруживал себя побежденным в результате использования какого-либо неизвестного ранее приема или изобретения, какого-либо необычного, быстрого, неожиданного удара или уловки... В войне возможны многие, разного рода маневры и лишь некоторые из них осуществляются непосредственно на

поле боя. Используются маневры на крайнем фланге или в глубоком тылу. Маневры во времени, дипломатии, технике, психологии; все они отдалены от сражения, но часто воздействуют на него решающим образом, и задачей всех их является найти более легкие пути, отличные от непосредственного кровопролития для достижения главной цели».

На языке спецслужб этот слегка витиеватый пассаж Черчилля насчет всевозможных маневров называется использованием «специальных средств». Он включает в себя широчайший круг различных тайных, нередко связанных с кровопролитием, но всегда очень сложных, зачастую крайне запутанных операций секретной войны разведок, использование мер, которые «кажутся странными в данный момент» и лишь впоследствии оказываются «чрезвычайно разумными».

«Опыт Англии в использовании специальных средств был очень длительным, — отмечал соотечественник Черчилля и один из лучших знатоков британской разведки и секретной дипломатии А. Браун, — более длительный, чем у какой-либо другой державы. На протяжении свыше пяти столетий ее государственные деятели и генералы применяли их для того, чтобы создать королевство, а затем империю, и чтобы защитить их от врагов».

Браун был абсолютно прав, как, впрочем, и обладавший колоссальным опытом взаимодействия с разведкой Черчилль, изначально увязавший витиевато изложенное им значение «всевозможных маневров» именно с битвами и войнами.

Именно так все и было в истории зарождения, становления, развития и расцвета могущества Британской империи. Более того, даже сама закладка основ будущего каркаса будущей империи тоже не обошлась без использования «специальных средств» и именно в геополитических целях.

Как известно, отсчет начала строительства будущей Британской империи даже официозная историография ведет с царствования

Генриха VIII. Но именно с него же и началась протестантская реформация в Англии, в горниле которой и был выкован каркас будущей империи — английское королевство, каким его знают последние пять веков.

Происходившие тогда процессы не были связаны с религиозными разногласиями и уж тем более с неукротимым либидо Генриха VIII, приведшего к знаменитому расторжению его брака с Екатериной Арагонской и последовавшей затем женитьбе на Анне Болейн.

За счет т. н. протестантского вольнодумства — т. е. средневекового «специального средства» глобальной борьбы — тогда был осуществлен разрыв Англии с Испанией и Римом, что было продиктовано исключительно геополитическими соображениями: наступила эпоха великих географических открытий, и центр мировой силы, ранее находившийся в Средиземноморье, в основном в Венецианской республике, стал перемещаться в сторону Атлантики. И от того, кто первым всерьез и надолго установит контроль над морскими коммуникациями в этом океане, напрямую зависело и то, кто будет господствовать над остальным миром. Католические Испания и Португалия, первыми проложившие морские пути к Американскому континенту и в Азию, поделившие весь известный тогда мир,^[2] не удосужились обеспечить долговременный контроль и в итоге достаточно быстро все потеряли. А Англия — приобрела.

Точно так же и первый шаг в строительстве будущей империи в открытую был сопряжен с т. н. «специальными средствами». Известно, что этот шаг внешне связан с разгромом в 1588 г. знаменитой испанской «Непобедимой армады». Но мало кому известно, что этот небывалый успех, так много предопределивший в судьбе Туманного Альбиона, связан и с небывалым успехом британской разведки в лице одного из наиболее блестящих и выдающихся ее асов того времени, великого, кстати говоря, специалиста по части психологических войн — Джона Ди.^[3]

Пагубного влияния этой, одной из наиболее характерных отличительных черт британской политики не избежали и русско-английские отношения с самого момента их зарождения и вплоть до наших дней.

Историки, например, до сих пор гадают, что же такого экстраординарного стряслось с Иваном IV, вследствие чего он

превратился в кровавого Ивана Грозного?

А есть ли основания для этих гаданий? Если внимательно приглядеться к этой истории, окажется, что не только нет для этого никаких оснований, а наоборот, налицо все необходимые данные для едва ли не категоричного утверждения, что к этому в открытую причастна британская разведка того времени.

В 1963 г. после вскрытия комиссией Министерства культуры СССР гробниц Ивана Грозного, его сыновей — Ивана Ивановича, Федора Ивановича и воеводы Скопина-Шуйского, открылась страшная картина. В останках Ивана IV Грозного была обнаружена чрезмерно высокая концентрация одного из самых ядовитых для человеческого организма металлов — ртути! Причем ее содержание достигало 13 граммов в расчете на тонну, в то время как обычно в человеке содержание ртути не превосходит 5 миллиграммов на тонну! Разница — в 2600 раз!

При этом следует учесть то обстоятельство, что во время этого анализа, к сожалению, не было принято во внимание то обстоятельство, что при похоронах Иван Грозный был облачен в схиму (монашескую одежду), богато расшитую золотыми нитками — ведь золото является сильнейшим поглотителем ртути! Следовательно, подлинное содержание ртути в останках Ивана Грозного должно было быть значительно больше, а соответственно, достигать больших размеров, и разница между ее естественным наличием в организме человека и тем, что было зафиксировано в эксгумированных останках!

В останках Ивана Ивановича также была зафиксирована ртуть — до нескольких граммов на тонну, что также абсолютно ненормально. А вот в останках младшего сына — Федора Ивановича — ртути зафиксировано не было! Простое сопоставление этих фактов приводит к единственному выводу — Ивана IV и его семью целенаправленно травили ртутью! Вот факты:

1. Первенец Ивана IV и Анастасии Захарьиной — Дмитрий — родился здоровым и нормальным ребенком, а умер от банальной простуды (простудился во время поездки с отцом на богомолье), которую в те времена далеко не всегда могли вылечить даже царские лекари. Ртути в его останках не обнаружено.

2. Второй сын Ивана IV и Анастасии — Иван — тот самый, которого Иван Грозный в 1581 г. убил посохом, родился в 1554 г., когда

самому Грозному было всего 24 года, и рос здоровым и сильным человеком. Но в его останках обнаружена высокая концентрация ртути!

3. А вот третий сын от Анастасии — Федор — родился в 1557 г. и был слабоумным. К тому же, как окончательно установила реконструкция знаменитого антрополога М. М. Герасимова, уродливым карликом с маленькой головкой на ширококостном скелете! И вот в его-то останках следов ртути не обнаружено. Следовательно, в промежутке с 1554 по 1557 г. Ивана IV уже начали всерьез травить ртутью.

А в 1560 г. умирает еще совсем молодая, горячо любимая Иваном IV царица Анастасия. Причем уже сам самодержец не сомневается в том, что ее отравили.

Прежде чем перейти к фактам второго ряда, отметим следующее. Отравление ртутью известно человечеству издавна. В описываемые времена — Средневековье — всей Европе, например, была известна т. н. «болезнь сумасшедшего шляпника»: она была распространена именно среди мастеров шляпного дела, которые при изготовлении модного тогда фетра использовали смертоносные ртутные соединения (подобный персонаж — «сумасшедший шляпник» — очевидно, известен многим читателям по знаменитой сказке Льюиса Кэрролла «Алиса в стране чудес»). Сейчас она известна как «болезнь Минамата» — впервые в XX веке была зафиксирована в Японии вследствие массового отравления ртутью, отсюда и название.

Главные симптомы этой болезни — глубокие депрессии, хроническая бессонница, сильно угнетенное состояние, мания преследования, психическое расстройство, выражающееся в бурных и буйных приступах, чрезвычайно опасных для окружающих. Более того, еще с древности также было известно, что отравление ртутью быстро приводит ко всеобъемлющему поражению генного аппарата и передается по наследству — у т. н. «сумасшедших шляпников» еще в Средневековье было зафиксировано рождение ущербного потомства, особенно если отравлению были подвержены оба супруга.

А теперь о фактах второго ряда. Именно в указанный промежуток времени — 1553–1554 гг. — на Руси появился первый британский шпион, купец Ричард Ченслор — доверенное лицо английского двора, а также ставший на долгие времена личным лекарем Ивана Грозного

выпускник Кембриджа, лекарь, астролог, маг и колдун (и еще и шпион) Элизеус Бомелия, прозванный на Руси Елисеєм Бомелия, по национальности, судя по всему, голландец.

В летописях того времени он называется «немцем», однако тут надо иметь в виду, что на Руси едва ли не до конца первой половины XX века немцами называли не германцев, а вообще всех иностранцев, которые не умели говорить по-русски, «немец» — значит немой, т. е. не может говорить по-русски. А в отношении этнической принадлежности — с этим на Руси все обстояло благополучно, и когда надо было, выражались более чем определенно, например, «германец на нас пошел».

Английский мореплаватель и купец, а в действительности шпион английского двора Ричард Ченслор участвовал в 1553 г. в экспедиции под командованием Хью Уиллоби по поиску Северного морского пути в Индию и Китай в противовес открытым, но тогда полностью контролировавшимся только католическими Испанией и Португалией морским путям вокруг Африки и через Атлантику в Америку (Вест-Индию). Через шесть месяцев после отплытия экспедиция потерпела крах — два корабля из трех были раздавлены льдами (на одном из них погиб Уиллоби), а корабль «Эдвард Бонавенчер» под командованием самого Ченслора в том же 1553 г. бросил якорь у маленькой бедной рыбацкой пристани близ старинного монастыря Михаила Архангела, где впоследствии и был построен первый российский порт Архангельск. Ченслор смог ознакомиться с Московским государством и даже был удостоен аудиенции у молодого, полного сил, а главное доброго нрава царя Ивана Васильевича — Ивана IV.

Вывод, который Ченслор сделал о Руси, был уникален и вошел в историю: ***«Если бы русские знали свою силу, то никто не мог бы соперничать с ними, но они ее не знают»***. Именно так он и сообщил в Лондон. А далее, явно для того, чтобы русские никогда и не узнали бы свою силу, — на самом же деле для того, чтобы они не могли воспользоваться ею, ибо русские и тогда знали о своей силе, но применяли ее только в необходимых случаях и в высших интересах Руси, — в дело вступил «лекарь» Бомелия.

Именно его-то, Бомелию, и ненавидели на Руси лютой ненавистью, считая повинным в диких, необузданных жестокостях царя, который как бы переродился из нормального человека в

свирепого вепря на троне. Бомелию так и называли — «лютый волхв», т. е. лютый, злой колдун, и именно под этим определением он и фигурирует в летописях. И только четверть века спустя его постигла, хотя и варварская по современным меркам — времена тогда были такие, что Русь в этом смысле ни на йоту не отличалась от Европы в жестокостях казней, — но абсолютно заслуженная кара: опытные палачи Малюты Скуратова выпустили из него кровь, а потом живьем поджарили на вертеле. Но за эти четверть века сколько же неисчислимых бед принес этот британский шпион всей Руси!

Царь отравлен, царица отравлена и умерла от отравления, потомство дебилизировано (ставший царем Федор Иванович), последний сын царя от Марии Нагой — печально знаменитый в русской истории царевич Дмитрий (родился в 1582 г.) был больным ребенком и страдал падучей болезнью, свирепствам царя нет конца, им же самым убит единственно пригодный для управления разросшимся (уже присоединена Сибирь) государством сын Иван, которого тоже травили, явно преследуя цель оборвать и его жизнь.^[4] Кончилось все это установлением власти Бориса Годунова и Великой Смутой, в которой Русь едва, точнее, чудом устояла.

Но вот на что хотелось бы обратить внимание, тем более в свете фактов третьего, обычно не пользующегося никаким вниманием со стороны историков, ряда. Ченслор оказался на Руси в самом прямом смысле вследствие разворачивавшегося геополитического по сути, но религиозно-цивилизационного по внешним признакам противоборства интенсивно протестантизируемой Англии с окружавшим ее тогда остальным христианским миром, в основном католическим. Вывод его о Руси был по сути геополитическим — ведь вначале своего правления Иван IV уже «затмил своих предков и могуществом и добродетелью», отмечали именно же англичане в своих донесениях в Лондон. «Имеет многих врагов и усмиряет их. Литва, Польша, Швеция, Дания, Ливония, Крым, Ногаи ужасаются русского имени (уже пошла ложь, ибо не ужасались, а вынуждены были считаться с законными интересами Руси. — А. М.)...В отношении к подданным он удивительно снисходителен, приветлив. Одним словом, нет в Европе более россиян преданных своему государю, коего они равно и страшатся и любят. Непрестанно готовый слушать жалобы и помогать Иоанн во все входит, все решит; не скучает делами и не веселится ни

звериной ловлей, ни музыкой, занимаясь единственно двумя мыслями: как служить Богу и как истреблять врагов России!»

Как это ни парадоксально, но и в сохранившихся до наших дней народных преданиях о лютой ненависти Руси к Бомелии, особенно же со стороны царского окружения, также геополитическая подоплека: люто ненавидя его и пребывая в абсолютной уверенности, что злой немец (подчеркиваю, что не германец, а иностранец) Бомелия своими «чарами» внушил царю «свирепство», оно открыто объясняло это тем, что-де немцы (т. е. иностранцы вообще) путем гаданий и волхований (т. е. колдовства) якобы дознались, будто им предстоит быть разоренными дотла русским царем, — и вот, дабы отклонить от себя такую участь, и прислали на Русь своего волхва (злого колдуна)!

Естественно, что молодой Иван IV вовсе не собирался кого-либо разорять — его действия были абсолютно адекватной реакцией на резко усилившийся тогда натиск в основном католического Запада на Русь в поисках сухопутного пути на Восток, в Индию, о котором уже тогда было известно, что он пролегает через Русь. И вовсе не случайно, что этот натиск, особенно в первый период правления Ивана IV, получал заслуженно жестокий отпор со стороны Москвы, которая к тому же стремилась возратить себе и исторически законные выходы в Балтийское море.

На арене этого жестокого геополитического противостояния и противоборства католицизма и резко набравшего силу протестантизма в очень хитроумной комбинации и выступил Лондон со своими шпионами и колдунами-отравителями. Пока католический Запад пытался проводить свою политику с помощью вооруженной силы, Лондон с подачи Ричарда Ченслора благословил создание на Руси Московской торговой компании, общая договоренность о чем имелась у него еще с 1553 г. — со времени аудиенции у Ивана IV, когда Ченслор высказал получившую одобрение молодого царя идею.

Московская торговая компания вначале получила от Ивана IV монопольное право на торговлю с Русским государством, т. е. из всех иностранцев они в одночасье превратились в абсолютных монополистов, затем — право беспошлинной торговли, а в 1569 г. — уникальное право беспошлинной транзитной торговли по волжскому пути со странами Востока! Англичане действовали очень тонко: с одной стороны, вытесняли всех иностранцев, пытавшихся действовать

на русском рынке, особенно голландцев, а с другой, подставили в качестве отравителя именно голландца, что позволяло, в случае провала, спихнуть все на них же.

Однако безудержная алчность британцев привела к тому, что после одного из приступов свирепости, просветлев на некоторое время разумом, Иван IV лишил эту компанию — в 1570 г., т. е. всего через год! — всяческих льгот. Правда, впоследствии, в результате множества просьб, часть этих льгот была восстановлена, но о монополии речь уже никогда не шла. На этом фоне самое время сказать и о фактах четвертого, практически никогда не упоминаемого ряда.

Выше мы уже отметили, что Иван IV вовсе не собирался никого разорять дотла — он всего лишь давал сдачи и, на первых порах весьма крепко. Но в то же время он отлично понимал и значение дипломатии, которая и в то время имела колоссальное значение и нередко носила характер династических браков.

Иван IV желал доброго межгосударственного союза с Англией и одно время, оставшись вдовцом, предпринял попытку свататься к правившей тогда в Англии королеве Елизавете. В ответ же, и это чрезвычайно характерно уже даже для тех, ранних англо-русских отношений, руководитель секретной службы Англии лорд Берли (в Москве его называли «боярин Бурлы») в своих инструкциях английскому послу при Иване Грозном Рэндольфу (тогда и в Англии не было четкого разделения между разведкой и дипломатией) прямо предписывал добиваться только привилегий для британских купцов, но всячески уклоняться от любых переговоров о союзе, тем более на брачной основе.

Да и как можно было говорить о браке, если в Лондоне прекрасно было известно, что их же агент Бомелия всюду травит царя и его родичей ртутью с катастрофически непоправимыми в плане престолонаследия последствиями!

Слава Богу, Всевышний воздал Англии за ее подлость — не прошло и полутора веков, как вследствие гомосексуальных наклонностей Вильгельма III Оранского у самого Альбиона на рубеже XVII–XVIII веков возникла острейшая проблема престолонаследия, завершившаяся тем, что на престол в Лондоне один за другим стали попадать слабоумные германские принцы — т. н. «серия Георгов», особенно под номерами от I до III.

Однако вышеприведенное хотя и с трудом, но все же различимая верхушка айсберга фактов четвертого ряда. Куда сложнее дело обстоит с той его частью, что сокрыта под спрессованной историей толщей времен. А ведь именно там, в вечных льдах прошлого, в первозданном виде сохранились подлинные корни первопричины происхождения сознательно-злобно враждебного отношения Англии к России вне какой-либо зависимости от сути и формы политического режима или государственного правления на Руси. Так что не вернуться к тому, что отписывали из Москвы английские соглядатаи, невозможно. Не слишком многословно, но более чем емко, они письменно зафиксировали дважды уникальное явление: **с одной стороны, растущее могущество Русского централизованного государства времен молодого Ивана IV, а с другой — факт уникального возрождения, но в новых исторических условиях, могучего ранее фактора в геополитической расстановке сил прошлого.**

Итак, если по порядку разложить ими же написанное, то это будет выглядеть следующим образом: (Власть идеи самодержавия московского царя + практически всеобъемлющая власть Православия) + (Власть по факту самого самодержавия московского царя + Откровенно поставленное во главу угла государственного правления столь же Откровенное служение Богу^[5]) + (Добродетельное служение самодержавной власти царя с беспрецедентной преданностью народа своему государю, что покоилось на «двух китах»: на отношении молодого царя к народу как к «Людям Бо-жиим и Нам Богом Дарованным!» и на его же позиции, что отныне он и судия народный, и защитник народа^[6]) + (Укрепление, в т. ч. и военной силой, внутренней и внешней безопасности государства + Укрепление единства страны и государства + Укрепление международного авторитета державы, чрез территорию которой проходили все сухопутные и речные пути с Запада на Восток и, соответственно, в обратном направлении) + (Отчетливо выраженное уже в первый период правления Ивана IV геополитическое стремление к возврату исконно славянских земель в Прибалтике и в целом на Северо-Западе ради законного обретения столь же законного выхода в Балтийское море, а также жестко обусловленное только соображениями внешней государственной безопасности движение на Восток и Юго-Восток).

При всех известных и часто не к месту поминаемых недостатках правления Ивана Грозного именно при нем несмотря ни на что в основном завершилось становление основного каркаса России как страны (в географическом смысле) и Русского централизованного государства, а вместе с тем и того евразийского понятия Россия, к которому мы теперь часто прибегаем.

И все это в обрамлении ореола наследника славных традиций Александра Невского (одним из первым давшим отпор натиску Запада на Русь) и его потомков — «собирателей и устроителей земель русских» — Даниила Александровича, Ивана Калиты и особенно Ивана III (тоже Грозного) и его знаменитой жены Софьи (урожденной Зои Палеолог — племянницы последнего византийского императора Михаила Палеолога).

Более того, все это происходило на фоне серьезно воспринятой Россией роли защитника православия и укоренившихся в ее государственной жизни византийских символов и традиций. Особое значение среди них имели преисполненный глубокого геополитического смысла герб с двуглавым византийским орлом (смотрит на Запад и на Восток) и овладевшая умами политической и церковной элит идея «Третьего Рима».

В итоге совокупность всего этого представляла перед остальным миром как своего рода уникальная религиозно-геополитическая реинкарнация за век до этого рухнувшей под ударами турок-османов Византийской империи. Но ведь рухнула-то она не столько под ударами турок — в 1453 г. им достался практически полностью обессиленный Царьград, т. е. Константинополь, — сколько в результате многовековой тотальной подрывной деятельности против империи, осуществлявшейся из корыстных торгово-экономическо-геополитических мотивов. И главным зачинщиком этой подрывной деятельности была Венецианская республика, олигархические кланы которой век спустя, т. е. с начала XVI века, стали переносить свою торгово-экономическую и геополитическую активность в Атлантику — ведь наступила уже эпоха великих географических открытий, — избрав в качестве плацдарма Англию Генриха VIII.

И поскольку ранее эффективно действовавшие короткие сухопутно-морские пути с Запада (из Венеции) на Восток через Средиземное море, Анатолийский и Аравийский полуострова

оказались полностью перекрытыми воинствующим исламом — в большой степени из-за подрывных потуг самой же Венеции против Византийской империи, — то остались только сухопутно-речные пути пролегавшие через Русь.

И тут: фактическая реинкарнация, но в более могучем облике, все той же ненавистной Венеции (и в целом Западу) Византийской империи.^[7] Да еще и самодержавно контролирующей все сухопутные и речные пути с Запада на Восток.

К тому же вторично за тысячу с лишним лет после падения Древнего Рима опять возрождается, но в более могучем обличье новый, «третий Рим» — Москва, не услышать чего Р. Ченслор физически не мог.

Совершенно «естественно», что не отразиться на только-только начавших зарождаться англо-русских отношениях все это не могло. Вот исходный преступный мотив в вызревании замысла отравления именно ртутью и Ивана IV, и его жены Анастасии, и его сына Ивана, замысла, суть которого сводилась к следующему:

— заведомо зная о тяжелейших медицинских, особенно же психических последствиях: депрессии, бессоннице, угнетенном состоянии, мании преследования, галлюцинациях, бредовых идеях, бурных приступах сумасшествия и т. п. (все это у Ивана Грозного потом проявилось в избытке), — подорвать веру окружения и, главное, народа в царя как Помазанника Божьего. Тем самым разорвать столь необходимые для прочности любого государства того времени узы между самодержцем и народом, насильно взрастить в последнем бредовую идею, что всякая власть преступна, а затем, двигаясь по звеньям неизбежной цепной реакции, взрастить и культивировать измену, как всего лишь якобы оппонирование сумасшествию власти, прославить это «сумасшествие» на века вперед, опорочив само имя этого государства, как якобы сосредоточения зла, насилия и бесчисленных пороков, которое-де следует уничтожить. У великого русского поэта и дипломата Ф. И. Тютчева есть такие строки:

Давно на почве европейской,
Где ложь так пышно разрослась, —
Давно наукой фарисейской

Двойная правда создалась:

Для них — закон и равноправность,
Для нас — насилие и обман...
И закрепила стародавность
Их, как наследие славян...

— заведомо зная о катастрофически непоправимых последствиях в плане воспроизводства потомства вследствие ртутного отравления, подорвать царствовавшую династию Рюриковичей и тем самым освободить престол для своей марионетки;

— заведомо зная о настороженном отношении Русского государства ко всяким немцам, т. е. иностранцам вообще, подставить на неизбежную в таком опасном деле плаху чужую голову — в данном случае голландца Бомелию;

— заведомо зная о сулящих несметные барыши на сухопутно-речных путях на Восток, попытаться не только овладеть ими, но и установить над ним свой полный контроль, в т. ч. и за счет беспопытной транзитной торговли, с тем, чтобы и на Западе, и на Востоке стать абсолютным монополистом в торговом обмене.

Пусть и почти пять веков спустя, но все же следует открыто признать, что этот подлый план фактически был выполнен и лишь чудом, называемым глубинной интуицией народа, нашедшего в себе силы и мужество к смертельно жестокому отпору, Русь едва устояла в Великой Смуте.

И совершенно не случайно, что созданная Р. Ченслором Московская компания беспрецедентно активно действовала именно во время Великой Смуты — от «годуновщины» (царь Борис был тесно связан с тем же Дж. Горсеем) до всех историй с Лжедмит-риями. Агенты именно этой компании — Джон Меррик и Уильям Рассел — пытались навязать России английский протекторат в разгар Смуты, а в 1612 г. ко всему прочему именно этой компанией был выдвинут проект военной экспедиции, преследовавшей цель под видом оказания помощи Москве в отражении очередного (инспирированного Западом) нашествия польских и шведских войск, захватить Русский Север —

единственный тогда выход России к морю. Проект этот был решительно отклонен великими патриотами Земли Русской — Мининым и Пожарским.

Говорят, что-де Англия — страна традиций, но если это и так, то, очевидно, прежде всего традиций подлых: через 300 с лишним лет после Великой Смуты начала XVII века, во времена очередной опять-таки при активнейшем участии Англии инспирированной Великой Смуты 1917 г. «военный проект» Московской торговой компании «реинкарнировался» в британскую интервенцию на Русском Севере в 1918 г.

Сама же «традиция» подлости по отношению к России начала складываться уже тогда, когда Русь чудом вышла из Смуты живой: к только что избранному на царствование Михаилу Федоровичу Романову вновь был приставлен английский «лекарь», а заодно астролог, колдун, но прежде всего шпион, потомственный разведчик, сын уже упоминавшегося выше Джона Ди — Артур Ди.

Но обратите внимание на то, в какое время его направили «лекарствовать» на Руси — ведь это был период не только начала правления новой династии Романовых, но и то самое время, когда едва ли не одновременно с восшествием Михаила Федоровича на престол Русь оказалась втянута в печально знаменитую по европейской истории Тридцатилетнюю войну. Эта, основанная на противоборстве двух течений в христианстве, война велась за контроль над миром между постепенно ослабевавшим, но все еще достаточно могучим католицизмом и день ото дня набиравшим силу протестантизмом. И Россия, вопреки всем своим национальным интересам, требовавшим в целом оставаться нейтральной, вступила в этот многолетний ожесточенно кровавый конфликт на стороне антигабсбургской, т. е. протестантской коалиции. Причем не просто на стороне антикатолической антигабсбургской протестантской коалиции, но именно как «Третий Рим» против Священной Римской империи германской нации (так называлась империя Габсбургов).

Это был блестящий дипломатический маневр — втянуть Россию в такое уникальное по своей сути противоборство! «Священный долг — учиться у своих врагов» — поэтому и четыре века спустя не считаю зазорным снять шляпу. Кончилось все это весьма плачевно для России: в тексте завершившего этот тридцатилетний общеевропейский

конфликт Вестфальского мира 1648 г. имя московского государя стояло на предпоследнем месте — ниже его был захудалый трансильванский князь. А до этого — в 1634 г. — унижительный Поляновский мир, после — в 1648 г. — до сих пор отравляющий историческую память России и Польши Андрусский мирный договор, далее — в 1661 г. — унижительный Кардисский договор и еще много такого, что открыто задевало честь и достоинство допетровской Руси. И уж вовсе неудивительно, что всего за два года до рождения Петра I появился первый в истории Европы общеевропейский геополитический план колонизации и закабаления России!

Оценивая спустя века состояние допетровской России, российский ученый-историк академик Е. В. Тарле прямо подчеркивал, что к концу XVII века положение России «поставило еще в допетровском поколении перед сколько-нибудь прогрессивно и самостоятельно мыслившими людьми грозный вопрос о возможности сохранения государственной безопасности и даже о национальном самосохранении в широком смысле этого слова». Вот ужасные в своей реальности последствия казалось бы банального для средневековой Европы отравления монарха другой страны.

А Московская торговая компания все еще действовала — окончательно ее выгнали из Московии только в 1649 г. при «тишайшем» царе Алексее Михайловиче.

Традиция подлости и самого низкого коварства Англии по отношению к России, вечно реализовывавшаяся руками секретной службы их британских величеств, прошла через века, ничуть не потеряв в весе.

И если измерить эту традицию хотя бы примерно вековым хронологическим шагом и только в части убийств царей, то увидим подлинное лицо подлой и гнусной Англии, почему-то не к месту называемой «старой и доброй».

Уже в начале XVIII века, осатанев от бессильной злобы на Россию Петра I, уверенно выходившую в Балтику, а до того обретшую еще и выход в Каспий, английская секретная служба в лице своего петербургского резидента Джеффериса вышла к королю Георгу I с официальным предложением о проведении в 1719 г. разведывательно-диверсионной операции по захвату и физической ликвидации участников Аландского мирного конгресса. И не просто

разведывательно-диверсионной операции, но операции под чужим флагом, откровенно подгадывая при этом под планировавшееся тогда прибытие на Аланды Петра I.

На поле брани убить или пленить государя, предводительствующего своими войсками, — это одно, но планировать на высшем монаршем уровне операцию по захвату и ликвидации государя другой державы, тем более не находящейся в состоянии войны с Англией, — это уж слишком даже для английской короны. За всю историю России ни одно государство, ни один монарх мира не опускался до такой низости!

Прошел еще почти один век, и в ночь на 12 марта 1801 г. в результате заговора был убит император Павел I. За кулисами заговора, а по сути-то гнусного преступления, стоял английский посол Уитворт, одновременно выполнявший и функции резидента британской разведки.

Оставляя пока за скобками иные события геополитического характера и убийства других видных российских деятелей, к чему активно прикладывала свои грязные руки британская секретная служба, напомним, что 1 марта 1881 г. был злодейски убит император Александр II, а год с небольшим спустя — 16 июня 1882 г. — отравлен выдающийся русский полководец Михаил Дмитриевич Скобелев. В обоих случаях корни заговоров и все следы настолько откровенно вели в Лондон, что тому пришлось на время притихнуть.

Опять-таки опуская пока геополитические аспекты — об этом разговор еще впереди, — напомним, что в последующие без малого четыре десятилетия Россия не только лишилась еще двух императоров — Александр III убит, Николай II свергнут и тоже, возможно, убит, но и попросту перестала быть сама собой как Российская империя.

И опять-таки все без исключения прямые и косвенные улики прямо указывают на Лондон: ставшая подлым ударом в спину союзника, т. н. «февральская революция» явилась делом рук британской секретной службы и ее пособников из числа внутрироссийских предателей. Даже сам план, даже сам сигнал к началу «революции» — и то были разработаны в британском посольстве в Петербурге при активном участии в т. ч. и посла Джорджа Бьюкенена.

Так называемый «октябрьский переворот» 1917 г. также стал результатом закулисной деятельности британской секретной службы, потому как Германия никогда не пошла бы на это даже при всех своих связях с Лениным до тех пор, пока не получила бы прямое согласие Лондона на «свободу рук на Востоке» в обмен на «перемирие на Западе», договоренность о чем была достигнута еще на августовских 1917 г. секретных переговорах между Великобританией и кайзеровской Германией.

Сейчас, в свете недавно вскрывшихся убийственных для демократической России фактов, свидетельствующих о невероятном историческом подлоге с похоронами т. н. останков невинно-убиенного государя императора Николая II и его семьи, уже невозможно говорить с уверенностью, что же на самом деле произошло тогда и кто виноват. Но надо помнить главное — именно британская королевская семья откровенно воспрепятствовала всем попыткам вывезти семью императора, отказав не только в присылке британского крейсера, но и даже в теоретическом предоставлении приюта на Западе, особенно в Англии.

За каждым из этих злодейств — одна и та же геополитическая причина, проистекающая из уникального статуса России, как единственной в мире единой трансконтинентальной евразийской державы.

Конечно, за истекшие пять веков британская секретная служба не ограничивалась одной только специализацией на политических убийствах. Ее интересы были и остаются куда как более чем широки. Но прежде, чем бегло упомянуть о них, необходимо отметить чрезвычайно важную, фактически предопределяющую тактику и стратегию британской секретной службы черту. Никогда она не была многочисленной разведывательной службой — СИС никогда не стремилась к разбуханию кадрового аппарата. Однако во все времена она оказывалась чрезвычайно эффективной, что нередко порождает ложные впечатления о ней.

Дело в том, что на протяжении веков малочисленность ее кадрового аппарата всегда компенсировалась... масонством. В первую очередь, естественно, британским масонством, для которого секретность деятельности и применение тех же самых «специальных средств» — такие же альфа и омега деятельности, как и для разведки.

В Англии же процессы зарождения, становления и развития как самой секретной службы, так и масонства всегда шли рука об руку, и было бы весьма удивительно, если бы они не оказали друг на друга соответствующего, глубоко взаимопроникающего влияния. Ведь Англия, тем более века назад, никогда не имела достаточно населения, чтобы вести ожесточенную борьбу за место под солнцем, опираясь преимущественно на вооруженные силы. Тем более что на протяжении веков (особенно в XVIII в.) о британских сухопутных силах говорили не иначе, как об армии львов, предводительствуемой ослиами (это слова самого герцога Веллингтона).

А вот флот был, всегда был мощным, и таковым остается и по сей день. Но флот требовал и требует постоянных опорных баз вдали от родных берегов. А это, тем более в свете стоявшей задачи строительства мощного королевства, а затем и империи, требовало применения совсем иных средств и методов, нежели просто вооруженные силы. Тем более что, имея в качестве предполья огромное водное пространство, Англия очень долгое время не так нуждалась в мощной сухопутной армии, как континентальные державы.

Так «специальные средства и методы» заняли лидирующие позиции среди всех средств и методов строительства и королевства, и империи. И на первом месте оказались «специальные средства и методы» зарождавшегося тогда прототипа современного масонства. Но в этом прототипе был сконцентрирован весь обобщенный, тщательно оберегаемый, но столь же тщательно и проанализированный, синтезированный в выводах и практических рекомендациях для последующего применения в новых исторических условиях чрезвычайно богатейший и бесценный опыт многовековой истории. Истории подрывной деятельности различных секретных и тайных обществ и движений многих народов мира. И этот бесценный по своему непреходящему значению опыт был поставлен на вооружение зарождавшихся тогда и британской секретной службы, и британского масонства.

Непосредственным же передаточным звеном явилась многоопытная, виртуозно владевшая этим опытом, в т. ч. и особенно на стыке двух миров (Запад — Восток), венецианская разведка и действовавшие рука об руку с ней различные тайные движения также

венецианского происхождения. Именно эта черта — фантастически виртуозное умение, пожалуй, точнее будет термин «искусство» — работать на стыке Запад — Восток, причем как вдоль силовых линий их противоборства, так и в узловых точках их пересечения, — стала не только одной из первых среди главных отличительных особенностей СИС, но и предопределила ее фантастически прозорливую геополитическую интуицию.

Сюда же и едва ли не на правах неотъемлемого компонента вплотную примыкает и не менее изумительное ее искусство действовать сразу на нескольких аренах противоборства, зачастую даже внешне полностью взаимоисключающих друг друга — искусство, пришедшее непосредственно из масонства, где оно укладывается в также незамысловатую формулу «единство в многообразии».

«Такого рода плюрализм, — отмечает известный российский специалист по истории масонства и разведки Л. Замойский, — позволяет масонству (а соответственно и разведке. — *А.М.*) привлекать сторонников, политически отстоящих друг от друга весьма далеко, а затем канализировать их движения так, чтобы разные колонны маршировали в одном, по сути дела, направлении».

Именно отсюда проистекает нередко ставящее «в тупик сочетание в масонстве радикальных, демократических, освободительных тенденций с консервативными, крайне авторитарными». А также не менее успешно ставящее в тупик умение СИС работать и с национально-освободительными движениями, и радикальными революционными течениями, и крайне агрессивными религиозно-идеологическими движениями, не говоря уже о всякого рода карбонариях, народовольцах, повстанцах, социалистах, марксистах, коммунистах, террористах, национальных сепаратистах и прочих бандитах всех мастей.

Здесь же, в качестве также неотъемлемого компонента можно обнаружить и потрясающее умение и секретной службы, и масонства Великобритании инспирировать, нередко с чужого плацдарма и под чужим же флагом (т. е. якобы в силу объективного стечения якобы

объективных же обстоятельств), зарождение новых идеологических течений и движений подрывного характера, но геополитической направленности. Здесь же и умение совершенно аналогичным же образом инспирировать якобы контрдвижения, т. е. в противовес уже созданным, сопровождая и то, и другое инициацией структурно-организационного оформления в соответствующие движения, течения, союзы, партии, альянсы, интернационалы и т. п. и, сшибая их лбами, извлекать из этого для себя пользу, главным образом геополитическую.

Естественно, что такой набор «специальных средств и методов» уже физически не мог обойтись и без великолепного же умения работать как с чужого плацдарма, так и под чужим же флагом. Причем нередко и тот, и другой могут оказаться многоступенчатыми во избежание провалов и обвинения в незаконной деятельности. Кстати говоря, это одно из объяснений того, почему провалы с поличным в британской разведке очень редки, а во многих контрразведках мира, в т. ч. и в российской, а до этого и в советской — лучшими асами считаются именно те, кто работает против СИС.

В этот же арсенал британских спецслужб входит и филигранно отточенное, фактически переходящее в искусство умение широко привлекать к своим операциям интеллектуальную и деловую элиту, а то и «сливки общества» из числа аристократов, в т. ч. вплоть до представителей королевской фамилии. И это умение также пришло из масонства.

Не менее бесценным богатством в этом арсенале числится и столь же виртуозное умение заблаговременно подбирать контингент пособников на вырост в целях их дальнейшего использования в наиболее грязных и чреватых громкими скандалами в случае разоблачения операциях — от идеологических диверсий до откровенного террора. С этим же обстоятельством также связано и искусство тонко работать с предателями и изменниками, откуда они ни были бы. Характерно, что прекрасно зная, что перед ней отбросы общества, британская разведка преднамеренно и очень тонко возвышает их в собственных же глазах, сажая тем самым на столь плотный крючок, с которого они никогда не смогут сорваться.

Чрезвычайное место в этом арсенале занимает политически и геополитически поистине бесценное искусство, ничем не выдавая ни своей причастности, ни, тем более, своей заинтересованности,

будоражить умы целых поколений многих обществ различных стран всевозможными «интеллектуальными продуктами», апеллирующими к характерным для любого нормального человека чувствам справедливости (в т. ч. и исторической), борьбы против зла и насилия, вызывающими к чести и достоинству, и даже к чувству прекрасного (в литературе, искусстве, музыке, живописи). Причем именно в этом «искусстве» особое место занимает умение провоцировать увод целых обществ и государств с эффективных для их развития путей, представляющих колоссальную опасность для самой Великобритании. С этим же связано и умение, также ничем не выдавая ни своей заинтересованности и причастности, провоцировать буйное, но крайне пагубное увлечение всевозможными ложными идеями и мифами в различных сферах общественно-политической и экономической жизни, истории и т. д. Вплоть до откровенного же опорочивания той же подлинной истории, однако же только чужими руками и с чужого плацдарма. [8]

И конечно, было бы очень удивительно, если бы в этом арсенале не оказалось бы и великолепного, филигранно отточенного искусства чужими руками сдавать наиболее опасных своих соперников и противников на расправу (законную или незаконную — это СИС никогда не интересовало) их же противникам. При этом ничем не выдавая ни своей заинтересованности, ни причастности, даже косвенно, даже спустя многие годы и десятилетия, но преследуя при этом цель нанести беспрецедентно непоправимый урон любому своему геополитическому сопернику. Потому что у Англии, а затем у Великобритании не было, нет и никогда не будет ни вечных друзей, ни вечных противников — у нее есть только вечные интересы. А в России особенно.

Этот весьма беглый экскурс в историю потребовался для того, чтобы как можно нагляднее и точнее показать, с какой конкретно родословной разведка оказалась причастна к истории с «заговором маршалов» и к многолетней шумихе вокруг нее.

Однако главное в том, что, зная теперь, о ком нужно вести речь, можно смело переходить и к главному вопросу расследования: почему именно британская разведка оказалась причастна к этому? Ведь разведка вообще, и британская в частности — это особо острый инструмент государства для защиты своей национальной безопасности

и национальных интересов. Следовательно, совершенно обоснованно поставить во главу угла дальнейшего расследования следующий принципиальный вопрос: **какие конкретно свои национальные интересы Великобритании преследовала и преследует вот уже без малого семь десятилетий кряду и каким образом эти интересы соотносились и соотносятся с ее же национальной безопасностью?**

Это тем более важно, если учесть, что поскольку разведка любого государства мира, хотя и специальными средствами, но неминуемо копирует политику своего же государства в сфере защиты национальной безопасности и национальных интересов, то у британской эта наследственная черта всех разведок отмечена неизгладимой печатью одной, весьма специфической, особой традиции британской внешней политики. Как ни одна разведка мира, британская с необычайной, веками неиссякающей силой жестко привержена принципу «континуитета», т. е. «преемственности» — как-никак, но уже свыше пяти столетий следует одним и тем же курсом.

Менялись и бесследно исчезали общественно-экономические формации и политические режимы, вспыхивали и угасали революции, исчезали целые племена и народы, гибли под ударами времени и врагов целые империи, сменялись эпохи, изменялся самый облик земной цивилизации, но принцип «континуитета» в политике Великобритании и ее разведки остается абсолютно неизблемым. Как и сам краеугольный камень политики Великобритании, выраженный в чеканной формуле: «У Великобритании нет ни вечных врагов, ни вечных союзников, есть только вечные интересы».

«Вечные интересы» Великобритании уже не один век укладываются в прокрустово ложе знаменитой британской триады:

— принцип соблюдения «равновесия сил» (часто используется ситюним «баланс сил»);

— принцип недопущения господства какой-либо великой державы на подступах к Индии, на сухопутных и морских коммуникациях, ведущих из Европы в Индию и обратно (со второй половины XX века произошло

расширение трактовки — теперь вместо Индии следует иметь в виду Азию вообще);

— принцип сохранения британского господства на морях (со второй половины XX века и здесь произошло расширение трактовки — будучи абсолютно не в силах после Второй мировой войны в одиночку обеспечивать соблюдение этого принципа, Великобритания вынужденно приняла на вооружение принцип сохранения господства англосаксонского Запада на морях, уступив тем самым «пальму первенства» США).

Этими же принципами много веков кряду определяется и само понятие национальной безопасности Великобритании, а соответственно, и стратегическая оценка природы угроз, возникающих для нее.

Таким образом, если вернуться к принципиальному определению разведки, как особо острого инструмента государства для защиты своей национальной безопасности и национальных интересов, то вполне естественен, обоснован и закономерен следующий принципиальный вывод:

если британская разведка оказалась изначально (т. е. с 1939 г.) причастной к пропагандистской шумихе вокруг «дела маршалов» и в то же время вплоть до наших дней не покидая продолжает участвовать в этой пропагандистской кампании, то, следовательно, именно британская разведка и тогда, и сейчас защищала и защищает высшие национальные интересы и национальную безопасность Великобритании!

И, следовательно, заговор не только реально существовал, но и реально представлял угрозу высшим интересам национальной безопасности Великобритании. Однако едва ли не важнее то, что целый ряд обстоятельств, связанных с «заговором маршалов», почему-то продолжает представлять угрозу высшим национальным интересам Великобритании, иначе десятилетиями ее разведка не продолжала бы поддерживающую кампанию давно проведенной операции.

Всей своей многовековой деятельностью СИС — как обобщенное понятие всей британской разведки со всеми ее предтечами и

преемниками — абсолютно обоснованно заслужила право называться самой прагматичной разведкой мира.

Как и сама Великобритания в своей внешней политике, так и ее разведка в своей практической деятельности при необходимости без каких-либо негативных последствий занимали позицию *splended isolation*, т. е. «блестящей изоляции». Она, тщательно собирая и анализируя информацию, наблюдает за развитием ситуации со стороны, чтобы в нужный момент молниеносным ударом добиться «выигрыша в последнем сражении». Веками это положение являет собой краеугольный камень знаменитой концепции «иммунитета» Великобритании от поражений. А тут уже без малого семь десятилетий «засвечивается» на одном и том же вопросе?!

Значит, действительно есть что-то такое, вследствие чего она упрямо идет на это, хотя прямолинейность — отнюдь не ее черта. Почему же она ведет себя таким образом, что скрывается за этим «что-то», какие обстоятельства, связанные с заговором, и по сей день тревожат британскую разведку, а на деле — саму верхушку правящей элиты Великобритании. Забегая вперед, отметим лишь несколько моментов.

«Версия № 4» появилась как неотъемлемый компонент выпущенного под конец 80-х годов XX столетия глобального геополитического мифа о «Ледоколе», автором которого официально выступил пресловутый предатель и псевдоисторик из конюшни британской разведки Виктора Суворов (он же Владимир Богданович Резун). Главная цель этого мифа — свалить в глазах позабывшего все на свете общественного мнения, в т. ч. и в России, ответственность за развязывание Второй мировой войны на И. В. Сталина и СССР. А в итоге полностью ликвидировать весь геополитический расклад в мире, выкованный грандиозными победами Советской армии. Фактически задача выполнена (в т. ч. и при участии Резуна) — Союз развален, геополитические позиции России отброшены едва ли не ко временам Ивана Калиты, в лучшем случае — Ивана IV.

Однако же реальных доказательств преступлений Сталина на этот счет не обнаружено до сих пор — ни в архивах, как не извращали документы алчущие «славы и наживы» псевдоисторики, ни в каких бы то ни было исторических исследованиях, срывающихся в штопор оголтелого антисталинизма тех же «историков».

Потому, что их не обнаружили даже заинтересованные в этом нацисты, о чем во всеуслышание заявили еще на Нюрнбергском процессе. Потому, что их попросту никогда не существовало в природе!

Зато есть документальные доказательства, свидетельствующие не только о прямой причастности верхушки правящей элиты Великобритании к целенаправленному развязыванию Второй мировой войны, но и о прямой причастности британской королевской семьи к этим преступлениям против человечества.

После разгрома нацистской Германии по указанию короля британская разведка в срочном порядке выкрала и перевезла на острова свыше 400 тонн документов германских архивов, в которых содержались компрометирующие данные. Более того, все, что касалось лично королевской семьи, было изъято в результате проведенной британской разведкой операции. Ее проводил выдающийся агент советской внешней разведки Энтони Блант (кстати говоря, родственник нынешней королевы Елизаветы II).

Но вот что интересно. Документы, затрагивающие честь и достоинство, а также международный престиж британской короны, Блант выкрал непосредственно из Голландии. Но ведь именно через эту страну пролегал основной канал нелегальной связи Гитлера с британской короной, который поддерживался усилиями сына последнего германского кайзера Вильгельма II — кронпринца Фридриха-Вильгельма и его жены Цецилии, которые вместе с кайзером осели в Голландии после Первой мировой войны.

И в то же время в этом маленьком, но чрезвычайно значимом в предвоенных англо-нацистских интригах поместье кайзера и его сына скрещивались и нити заговора антигитлеровски настроенных генералов вермахта и антисталински настроенных советских генералов. А поддержание связи между ними осуществлял автор «версии № 1» образца 1939 г. предатель Вальтер Германович Кривицкий (Самуил Гершевич Гинзбург). И еще. Апогей функционирования этого пути во всех направлениях нелегальной связи, т. е. как между Гитлером и британским королевским двором, так и между обеими частями «двойного заговора», точно совпадает с началом разоблачений, а затем и ликвидацией обоих заговоров — в период с 1936 по 1938 г.

Вот почему даже тень намека на подлинную правду обо всех обстоятельствах, связанных с обоими заговорами, чрезвычайно, едва ли не как сами они же, опасна для Великобритании.

Один маленький вопрос, как лакмусовая бумажка: если бы не было столь серьезных причин, как защита чести, достоинства, авторитета и международного престижа британской короны, стала бы британская разведка со своим прагматизмом десятилетиями «засвечиваться» на глупостях пропагандистской шумихи вокруг «дела маршалов»? Вот почему она тогда разоблачила оба заговора, вот почему поочередно сдала их — сначала в 1937 г. Сталину (это было выгодно в первую очередь), а потом на рубеже 1937/1938 гг. и Гитлеру. Вот почему она десятилетиями проявляет активность, прикрывая прямую причастность британской короны, поливая несусветной ложью и Сталина, и СССР, и саму Истину, бдительно охраняя тем самым подлинную правду от любых попыток постороннего взгляда.

В порядке естественного для любого исследования сомнения можно допустить и иное. Но тогда следует быть готовым к тому, что за достоверное придется признать, что-де в британской разведке (как, впрочем, и в самой правящей элите Великобритании) прямо-таки «пылали нежнейшей страстью и любовью» к «чудесному грузину», и от того-то и помогли ему разоблечь заговор военных. Что же до антигитлеровского заговора, то из-за того, что верили в миролюбие Адольфа Гитлера, которого воинственные генералы хотели ликвидировать. И опять вопрос в роли лакмусовой бумажки: если столь «изнывали от пылкой любви и страсти» к «чудесному грузину», что даже помогли ему ликвидировать этот заговор, то чего же десятилетиями поливают ложью и грязью Сталина, а значит и себя — ведь сами же помогли. В общем, подобные предположения даже в порядке явно неуместной шутки — не что иное, как контрпродуктивное предположение.

И как это ни парадоксально, но точнее всех этот «вечный интерес» к нашей стране, к нашей великой России сформулировали... нацисты: задолго до привода «титаническими усилиями»

Великобритании Гитлера к власти они открыто называли свою «альма-матер» (т. е. Англию) «прирожденным врагом единой России, заинтересованным в создании на континенте государства, которое будет в состоянии задушить Москву».

Обратите внимание на то, как точно подобраны термины — не «вечный враг», а именно же «прирожденный враг», как точно учтена особенность многовековой британской политики, которую сами же британские политологи прошлого, например, тот же Томас Карлейль, еще в XIX веке называли не иначе, как «обязанность всех континентальных держав вести войны в интересах Англии» и о которой Отто фон Бисмарк говорил: «Англия в войне употребляла европейские государства как «отличную пехоту»...»

Почти за век до Второй мировой войны XX века печально знаменитый в британской истории «лорд-поджигатель», он же премьер-министр Великобритании лорд Пальмерстон, еще в 1851 г., т. е. в самом апогее расцвета могущества викторианской Англии, опиравшейся на уже тогда обширнейшую колониальную империю, произнес: «Как ни неприятны были бы теперь наши отношения с Францией, мы должны их поддерживать, *ибо на заднем плане угрожает Россия., которая может связать Европу с Восточной Азией, а одни мы не сможем этому противостоять?!*» (выделено мной. — А. М.)

«Великое открытие» сделал этот беспринципный политик: Россия уже с конца XVII века соединяла Европу и с Восточной Азией, и с Дальним Востоком, отчего уже тогда появились общеевропейские планы уничтожения России и ее расчленения. Но Пальмерстон не был бы классическим британским премьер-министром, если бы при этом не солгал бы: он настолько давно был помешан на «русской угрозе», что его русофобские по форме, но геополитические по сути выходки привлекли пристальное внимание нашего Пушкина — поэт еще в середине 30-х годов XIX века чрезвычайно метко съязвил по адресу Пальмерстона:

Вот, в воинственном азарте
Воевода Пальмерстон
Поражает Русь на карте
Указательным перстом.

Воеводой Пальмерстон, конечно, не был. Но его деятельность на посту министра иностранных дел Великобритании была настолько

агрессивной, особенно по отношению к России, что больше ему подходил термин «воевода», нежели «министр иностранных дел».

Великий поэт великолепно и очень точно подметил самую геополитическую суть — «поражает Русь на карте...» — старинной патологии во внешней политике Великобритании (помните, принцип «континуитета», т. е. «преемственности», незыблем в веках!). И это действительно старинная, ничем не излечимая патология, своего рода «английская болезнь», которой уже веков пять.

Выше мы уже рассказывали о событиях, связанных с отравлением Ивана Грозного и причастности тогдашней британской разведки к этому злодеянию. Но ведь то же самое происходило и в последующем — любые действия России в ареале ее геополитического бытия, предпринимавшиеся по соображениям национальной и государственной безопасности, не только воспринимались Великобританией крайне враждебно и расценивались не только как серьезные угрозы ее национальной безопасности, но и как адекватные угрозам основания для совершения самых злодейских преступлений против России и ее государей.

Хотя бы бегло, но вспомним еще раз о том, что было в истории.

Петр I обеспечил России выход на Балтийское море и далее в Атлантику, выход в Каспийское море, заложил основы не только могучей империи, через территорию которой проходили (и проходят) все важнейшие сухопутные, сухопутно-речные, сухопутно-речные-морские и сухопутно-морские пути на Восток и Юго-Восток, но и Российского флота открытого моря. Каков же ответ «доброй старой» Англии? Планирование разведывательно-диверсионной операции по захвату участников Аландского мирного конгресса с расчетом на одновременный захват и самого российского самодержца с последующей его ликвидацией!

Павел I вступил в союз с Наполеоном — каждое государство вольно по своему усмотрению вступать в союзы с другими государствами, — стал главой Мальтийского ордена (остров Мальта, между прочим, при всей своей малой величине имеет громадное значение в стратегической расстановке сил в Средиземноморье), двинул корпус донских казаков под командованием знаменитого в будущем Платова на южные рубежи в направлении Индии. Причиной начала последней операции стали активные попытки Англии из

Северной Индии прорваться и закрепиться в регионе, который впоследствии был назван «южным подбрюшьем» России — т. е. в Среднюю Азию и Казахстан, что уже с конца XVIII века представляло серьезную угрозу безопасности Российской империи (именно поэтому Павел I еще до направления корпуса Платова, в 1798 г. направил туда с секретной миссией известного российского военного разведчика Бурнашева).

И каков же был ответ «доброй старой» Англии? А не прошло и двух месяцев с начала похода Платова, как в результате инспирированного и профинансированного английским послом-резидентом Уитвортом заговора при активнейшем участии англофильствовавших российских масонов Павел I был злодейски убит.

Кстати говоря, удобный случай показать действие принципа «континуитета» на межличностном уровне, точнее, в порядке межличностной преемственности: посол-резидент Великобритании в России Чарльз Уитворт был дальним потомком английского посла, состоявшего еще при Петре, — также Чарльза Уитворта, который всячески, вплоть до грубейшего нарушения статуса посла, мешал России в законном обретении выхода на Балтику. Он даже пытался навязать России британский арбитраж в балтийских делах, за что, естественно, получил свирепый разнос от грозного самодержца.

Небезынтересно было бы также отметить и то, что не без британских усилий Павел I стал наиболее оболганным, что называется, донельзя оболганным императором России. Почему? Да потому, что он первым среди русских царей предпринял попытки радикальных, едва ли не всеобъемлющих реформ, которые могли бы без особых потрясений вывести Россию на индустриальный путь развития, в т. ч. и за счет отмены крепостного права еще в начале первой половины XIX века. Но ведь активно трансформировавшаяся в «индустриальную мастерскую мира» Великобритания вовсе не жаждала иметь такого конкурента. Тем более что не Россия нуждалась в Европе, а Европа нуждалась в России и в производимых ею товарах, в т. ч. и сама Великобритания, особенно ее флот.

Начавший с «отцеубийства», но все-таки трансформировавшийся в державника Александр I, после разгрома Наполеона вынужден был озаботиться проблемами безопасности на южных рубежах, на Кавказе.

И тут же получил «английский дар» — при самом непосредственном участии английской агентуры, но руками турок было положено начало многолетней кровопролитной Кавказской войне. В самой же России усилиями подставных лиц и масонов стал вызревать заговор против императора, вошедший в историю как восстание декабристов, впервые разработавших уже собственно российский план геополитического уничтожения вскормившей их Родины путем ее расчленения и дробления на 15 административно-территориальных образований. Естественно, что там, где «души прекрасные порывы» без планов покушения на жизнь императора не обошлось, — их было несколько.

Мало кому известно, что ни в XVIII, ни в XIX веках не было ни одной русско-турецкой или русско-персидской войны, к которым не приложила бы своих рук Великобритания. Державно осмысленная политика Николая I по обеспечению безопасности империи, особенно на восточном, юго-восточном и южном направлениях, непрерывно натывалась на яростное сопротивление Великобритании. Всем хорошо известны обстоятельства трагической гибели выдающегося писателя и дипломата А. С. Грибоедова в Тегеране в результате провокации, устроенной английской агентурой в ответ на победу русского оружия над Персией и присоединение Восточной Армении к Российской империи.

Меньше известны другие факты геополитического бандитизма Великобритании против России. Это и инспирирование через французскую агентуру т. н. польского восстания начала 30-х годов XIX века, «на редкость» точно подоспевшего к очередной, Англией же спровоцированной русско-турецкой войне. Это и зверское убийство в 1833 г. флигель-адъютанта Николая I, выдающегося русского морского офицера — Александра Ивановича Казарского, чья феерически грандиозная морская победа в крайне неравном сражении с турецким флотом буквально до основания потрясла всю Европу.

Еще в XVIII веке любые попытки России обрести выход в мировой океан с южного направления, т. е. через Черноморские проливы Босфор и Дарданеллы, торпедировались специально для этого поступившими на русскую службу сотрудниками британской военно-морской разведки Джоном Эльфинстоуном и Самуилом Грейгом.

Мало кому известно, что широко известная как Крымская война 1853–1856 гг., на самом же деле называлась устроившими ее англо-французскими агрессорами Восточной войной. Что один из первых ударов соединенных англо-французских военно-морских сил тогда — в 1854 г. — пришелся по Петропавловску-на-Камчатке, явно во исполнение не в меру вещего заявления Паль-мерстона от 1851 г. А за шесть лет до этого, во время т. н. революции 1848 г. во Франции, «восставшие» почему-то не в меру озаботились необходимостью похода на Россию для «освобождения» подданных Российской империи, и, опять-таки, почему-то только поляков. Правда, если учесть, что сотворивший эту «революцию» при поддержке Англии Наполеон III был агентом влияния лорда Пальмерстона (он к тому времени был уже премьер-министром), то тогда все встанет на свои места.

Автор и инициатор многих либеральных реформ в России в начале второй половины XIX века, интенсифицировавший экономическое развитие России прежде всего за счет отмены крепостного права, восстановивший Черноморский флот, инициировавший бурное железнодорожное строительство в империи, получивший негласный титул Освободителя, едва не взявший Константинополь (англичане откровенно пригрозили войной, если Царьград будет взят русскими) во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и еще много чего полезного сделавший для империи Александр II, был убит в результате злодейского преступления 1 марта 1881 г. Абсолютно все прямые и косвенные улики указывали на Лондон. А до того Александр II получил и вовсе «королевский сувенир» из Лондона — т. н. польское восстание начала 60-х годов XIX века, инспирированное агентом влияния Пальмерстона, знаменитым в те времена международным бандитом и террористом Джузеппе Мадзини, «подвиги» которого всегда щедро оплачивались фондом Тибальди, созданным одним из руководителей британской разведки того времени Джеймсом Стэнсфильдом.

Правда, само «революционное бузотерство» поляков оплачивалось фальшивыми царскими рублями, которые в изобилии штамповали несколько специально созданных банкирами Сити подпольных фабрик — на этом, в частности, сильно погорел дядя знаменитого психиатра Зигмунда Фрейда — Иосиф Фрейд.

Другой личный агент влияния Пальмерстона — Арминиус Вамбери — прославился не столько тем, что был ловким евреем и сионистом, сколько тем, что будучи советником у турецкого султана, по указанию из Лондона впервые сформулировал «концепцию пантюркизма», одновременно спровоцировав массовый исход вайнахов из России в Турцию. Впоследствии, по мере возрастания интереса России к Средней Азии, Арминиус Вамбери под видом дервиша занимался тем, что пытался разжечь в этом регионе пламя мюридизма.

Британскую разведку в те времена вообще тянуло на глобальные проекты, крайне негативные последствия которых человечество пожинает до сих пор. В 70-х годах XIX века одному из руководителей британской разведки — Уилфреду Бланту (кстати говоря, дальнему родственнику выдающегося агента советской внешней разведки Энтони Бланта) пришлось в голову разработать для противодействия России концепцию панисламизма. К чему это привело в начале XXI века, объяснять не надо.

Замиривший страну, установивший крепкий порядок, продолживший курс на бурное экономическое развитие империи, ставший подлинным инициатором строительства Транссибирской железнодорожной магистрали, воистину соединившей Европу с Азией по суше, Александр III после недолгого правления — убит.

Именно в период его правления лично против него и против возглавлявшейся им империи был разработан глобальный план перманентной мировой войны. Он имел целью полное уничтожение России и как государства, и как страны, вплоть до состояния *«русской пустыни»*. Реализация плана осуществляется до сих пор. Он был разработан в Великобритании, опубликован в 1890 г.

За участие в церемонии символический закладки первого костыля будущего Транссиба получивший японским палахом по голове, инициировавший строительство Китайско-Восточной железной дороги (знаменитая КВЖД), продолживший курс на бурное экономическое развитие России (рубль золотого стандарта был более чем почтаемой валютой во всем мире), Николай II тут же получил и Всероссийский БУНД, и РСДРП, и русско-японскую войну, и т. н. революцию 1905 г. — и все с английским душком. Как установила еще царская полиция, оружие и деньги «революционеры» получали из Англии, а те политические силы, который оплачивалось якобы японскими

деньгами, то ли не ведали, то ли не желали ведать, что «тридцать Иудиных сребреников» — имеют либо английское, либо американское происхождение. Многие педалируют вопрос о том, что деньги эти были еврейского происхождения. Однако, несмотря на этот полностью соответствующий истине факт, исходить надо не из этнического фактора, а из геополитического, ибо к тому моменту и США уже совершенно открыто начали претендовать на геополитическую гегемонию во всем мире.

Затем Россия была втянута в Первую мировую войну (предусмотренную в упоминавшемся выше плане перманентной мировой войны против России, впрочем, и Вторая там тоже была предусмотрена). А в самый канун уже ни у кого не вызывавшей сомнения феерической победы русского оружия весной 1917 г. Николай II получил т. н. февральскую революцию, о необходимости свершения которой столь долго радела Великобритания и над осуществлением которой в грязном поте лица долго и рьяно трудились англофилы типа Милюкова, Гучкова, Львова, Керенского и т. п. негодья, действовавшие по прямому предписанию британского посольства в Петербург.

Весть об этом беспрецедентном злодействе в отношении не только ближайшего союзника Великобритании, но и ближайшего родственника британского короля Георга V, британский парламент воспринял стоя и аплодисментами, отметив попутно, что «цель войны — достигнута» (из заявления Дэвида Ллойд Джорджа в парламенте).

Что было потом, всем хорошо известно. **Надо отметить лишь одно — удивляться следует не тому, что именно британская королевская семья открыто противилась спасению Николая II и его семьи, отказывая и ему, и его семье даже в теоретическом приюте на Западе, а тому феноменальному лицемерию, с которым весь XX век британская королевская семья якобы горевала по поводу невинно убиенного российского самодержца.**

Все вышеприведенные факты, а их во сто крат больше, совершенно однозначно свидетельствуют о том, что эпохи могут меняться, но ничто и никто не в состоянии изменить вечные интересы «доброй старой Англии», которая не остановится ни перед каким преступлением, дабы соблюсти эти свои вечно подлые «вечные интересы», опирающиеся прежде всего на т. н. «равновесие сил».

Именно в этом специфическая природа постоянной агрессии Великобритании в отношении остального окружающего мира, но агрессии уникальной тем, что она всегда выдается за миролюбие.

Один из наиболее авторитетных политологов и публицистов Великобритании начала XX века Норман Энджел еще в 1923 г. отмечал, что «баланс сил» в действительности всегда «означает стремление создать превосходство сил на нашей стороне... Позиция, которую мы занимаем, в этом случае означает, что мы... не терпим существования настолько сильной группы соперничающих с нами государств, сопротивление которой было бы для нас безнадежным, которая обрекла бы нас на постоянно подчиненное положение в дипломатии, а наше свободное передвижение по земному шару могло бы иметь место лишь с ее молчаливого согласия. В этом **Becbraison d'etre «баланса сил»** (т. е. весь смысл «баланса сил». — *А. М.*).

Принцип «баланса сил» означает в действительности требование превосходства. Требование превосходства сил означает акт агрессии». **То есть, проще говоря, на протяжении пяти веков краеугольным принципом всей политики Великобритании, а соответственно, и ее разведки, является агрессия против окружающего мира!** Но агрессия вообще, тем более как постоянный, многовековой краеугольный принцип не только политики, но и по сути дела-то, самого существования британского государства, лишь тогда дает какой-либо эффект, когда она не только внезапна (в т. ч. и своим вероломством), но и осуществляется в упреждение.

Отсюда и постоянная обязанность британской разведки заблаговременно выискивать еще только могущие стать реальными угрозы Великобритании, и еще более агрессивно, на упреждение, бороться с ними.

Чем, например, могла Россия угрожать Великобритании в том же 1851 г., о чем с таким пафосом говорил Пальмерстон? За год до этого его высказывания (в марте 1850 г.) талантливый российский разведчик граф Яков Николаевич Толстой зафиксировал спровоцированный Пальмерстоном рост дикой русофобии в Англии, а 27 марта того же года впервые сообщил в Петербург об угрозе войны Англии против России. Все дело в том, что лоб в лоб тогда столкнулись две новые эпохи — одна в истории Англии, другая — в истории мировой цивилизации:

— адекватно реагируя на настроения правящей элиты, пребывавшей в эйфории расцвета могущества империи, Пальмерстон провозгласил эпоху создания новой Римской империи с центром в Лондоне — как он сам же и заявил, «каждый британец — житель нового Рима»;

— однако именно в это же самое время окончательно наступила и эпоха железнодорожного транспорта — Великобритания первой в мире вступила в нее. Именно в существо этой эпохи и была усмотрена угроза для Великобритании, потому что именно железнодорожный транспорт мог и в итоге действительно реализовал пассивный дотолерантный фактор необозримых трансконтинентальных пространств: Россия превращалась в могучий, практически ничем непреодолимый геополитический фактор громадной и достаточно гибкой силы со всеми вытекающими отсюда крайне негативными последствиями для Великобритании как для великой морской державы. Ибо с железными дорогами и выходами к морям и океанам соединяющая Европу и Азию Россия объективно выдвигалась на роль лидера во всем мире.

Это был своего рода исторический момент истины, когда верхушка правящей элиты Великобритании впервые в полном объеме столкнулась и в полной мере осознала то, о чем всего спустя полвека с небольшим выдающийся британский геополитик Хэлфорд Маккиндер скажет: ***«Континентальные и морские державы противостоят друг другу как в сфере идеалов, так и на материальном уровне и в выборе средств развития».***

Утаить от всего мира, в т. ч. и от России, железнодорожный транспорт было невозможно. Борьба же против развития железнодорожного транспорта, в т. ч. и в России, — и вовсе нереально. Выход Великобритании увидела один — в превентивной войне против России. В войне именно же на геополитическое уничтожение с тем, чтобы не допустить развития железнодорожного транспорта на территории России, которая в результате превратится в фактор не только неиссякаемой, но и попросту непреодолимой силы.

Просто в намеке на возможное в будущем возникновение идеи строительства Транссибирской магистрали, и тем более КВЖД, Англия интуитивно увидела глобальную стратегическую угрозу своим национальным интересам.

Ни тогда, ни тем более в будущем, никаких оснований, даже тени намёка на какие бы то ни было основания для таких выводов у нее не было и быть не могло. Ведь железные дороги в России строились на суверенной российской территории. А в тех случаях, когда они выходили за пределы границ России, строительство осуществлялось на основе межгосударственных договоров, без колониального разбоя, столь характерного для «доброй старой» Англии.

Вот этот неподдельный страх перед фактом, что Россия в силу особенностей своего уникального статуса единственной в мире единой трансконтинентальной евразийской державы на самом деле соединяет Европу с Азией, что в условиях новой эры — эры железнодорожного транспорта — может положить конец морскому могуществу Великобритании и, соответственно, мировому господству Великобритании, приводил ее правящую элиту в ужас. Она почти за полвека до начала разработки проекта Транссибирской магистрали свой неподдельный страх аргументировала практически теми же дефинициями, которыми в конце XIX века С. Ю. Витте оперировал в своем знаменитом докладе Александру III под многозначительным названием «О способах сооружения Великого Сибирского железнодорожного пути»:

«— Сибирский путь установит непрерывное рельсовое сообщение между Европой и Тихим океаном и, таким образом, откроет новые горизонты для торговли не только русской, но и всемирной;

— Россия сможет воспользоваться как всеми выгодами посредника в торговом обмене произведений Востока Азии и Западной Европы, так и выгодами крупного производителя и потребителя, ближе всех стоящего к народам азиатского Востока (употребленное С. Ю. Витте слово «произведений» в то время подразумевало только продукцию. — *А.М.*);

— строительство Великого Сибирского железнодорожного пути относится к событиям, какими начинаются новые эпохи в истории народов и которые вызывают нередко коренной переворот установившихся экономических отношений».

Невзирая на весь пафос слов Витте, на самом же деле подобных планов у царского правительства не было и в помине — речь шла об использовании собственно российской территории, суверенитет государства российского над которой никому тогда не приходило в голову оспаривать. Причем только об использовании в интересах экономического развития Российской империи, что было абсолютно естественным и законным желанием и намерением. Но это было позже.

А тогда — в упреждающем режиме и была спровоцирована еще в середине XIX века Восточная война. Вот почему один из первых ее ударов пришелся по российскому Дальнему Востоку с одновременным ударом по Крыму. Вот почему именно во время этой войны впервые после XVII века были реанимированы старинные общеевропейские планы по геополитическому уничтожению России и разработан новый план расчленения и раздробления России. Так Великобритания работала на упреждение еще только возможной тени еще возможного в будущем намека на потенциальную угрозу.

Вот почему, после краха планов Восточной войны, несмотря на унижающее поражение России, против нее в ход были пущены особо опасные «специальные средства»: научный коммунизм Маркса — Энгельса, т. н. польское восстание, народовольцы, анархизм Бакунина, террор всех мастей и оттенков, социал-демократия всех видов и толков, интернационалы, масонство и т. д. и т. п., пока со страшной силой не грянул 1917 год. Неужели можно подумать, что совпадение между временем принятия глобального плана перманентной мировой войны против России и временем принятия к реализации проекта строительства Транссибирской магистрали — случайность?

Оценивая международное развитие почти век спустя после тех самых слов Пальмерстона, Британский Королевский институт международных исследований (иногда последнее слово переводилось как «дел», отсюда и аббревиатура КИМД. — *А. М.*) в своем докладе «Политические и стратегические интересы Соединенного Королевства в 1939 году» (помеченном мартом этого года) отмечал: «Постройка Транссибирской железной дороги была политическим событием большого значения. Она глубоко затронула отношения между великими державами Европы.

В первую очередь она дала возможность России в своей дальневосточной политике избавиться от того морского контроля, который в конечном счете осуществляла Англия над европейскими континентальными державами благодаря своему решающему превосходству на море. Со времен Трафальгарской битвы морская гегемония Англии в восточной части Атлантического океана и в Средиземном море не подвергалась угрозе. Англия была последним арбитром в конфликтах, возникавших по вопросам колониальной политики других европейских наций. Одна только Россия, имея свободный доступ в Азию по суше, получала возможность избавиться от британской гегемонии, но до проведения транссибирской магистрали ее продвижение было только возможностью. Поскольку главные средства сообщения России с ее дальневосточным побережьем осуществлялись морем и поскольку она зависела от морского транспорта, она вынуждена была подчиняться английскому морскому могуществу, также как Франция и Германия.

Это положение изменилось тогда, когда на широких пространствах Азиатской России стали появляться железные дороги:

во-первых, Транскаспийская (на самом деле — Закаспийская. — Л. М.) железная дорога, которая протянулась до персидской границы и вызвала у британских государственных деятелей «нервозность» в связи с безопасностью Британской Индии;

во-вторых, Транссибирская, которая протянулась до берегов Тихого океана, в ближайшем соседстве с Китаем, Кореей и Японией.

Эта военная и политическая угроза для британских интересов в Китае заставила Великобританию к концу последнего десятилетия XIX века искать военных союзников против России. Мысли Чемберлена обратились к Германии. В речи, произнесенной 13 мая 1898 года, он говорил о возможности англо-германского союза, особо подчеркивая необходимость защиты британских интересов в Китае.

Когда из попыток заключить англо-германский союз ничего не вышло, взоры Великобритании обратились к Японии и 30 января 1902 года был заключен англо-японский союз».

Все это не обошлось без откровенной лжи. Россия строила свои железные дороги на своей суверенной территории, и с какой стати ее абсолютно внутренние дела должны вызывать «нервозность» у страны, находящейся за тысячи миль от места событий?

Проявлять «нервозность» по поводу сугубо внутренних дел суверенного государства, тем более делать такие выводы и предпринимать такие шаги — есть не что иное, как акт агрессии или как минимум откровенное посягательство на суверенитет России!

Было бы куда полезней, например, для прояснения вопроса, почему Чемберлен обратился сначала к немцам, а потом к японцам, если бы тот же Королевский институт вспомнил бы, что именно Джозеф Чемберлен давно предвидел, что в конечном счете именно Англия своей неумной политикой вынудит и Германию, и Россию, и Японию призадуматься над идеей тройственного объединения для отстаивания своих жизненных интересов, и потому первым начал высказываться в пользу англо-германо-японского союза.

Потому, что дело тут прежде всего в том, что уже само начало эпохи бурного железнодорожного строительства ознаменовалось эвентуальными (упреждающими) страхами по поводу глобальных последствий этого строительства, причем в первую очередь последствий геополитического характера.

Если тот же Пальмерстон увидел угрозу в самом факте трансконтинентального характера единой территории России, то в другом уголке англосаксонского мира — в Америке — и по сей день очень почитаемый в кругах геополитиков автор знаменитой книги **«The day of the Saxon»** Гомер Ли едва ли не одновременно с лордом-поджигателем конкретизировал суть этой угрозы, отметив, что тот день, когда Германия, Россия и Япония объединятся, то этот же день станет последним в истории англосаксонской цивилизации, опирающейся, как известно, на морскую гегемонию!

Позднее эти страхи наполнились беспрецедентно опасным, по мнению интеллектуальной элиты англосаксонского мира, содержанием. Часть этого «мнения» мы уже видели в цитате из доклада Британского Королевского института международных исследований.

Дело в том, что успешно развивая железнодорожную сеть в Европейской части империи, а также в Средней Азии, Россия с началом 90-х годов XIX века приступила к интенсивному строительству Транссибирской железной дороги, а с сентября 1896 г. и к строительству КВЖД, как ответвления Транссиба. Причем и сама

КВЖД имела ответвление в лице Южно-Маньжурской железной дороги (ЮМЖД).

Германия же, примерно с того же времени, окончательно втянулась в строительство знаменитой железной дороги «трех Б» — Берлин — Бизантиум — Багдад (Бизантиум, т. е. Константинополь), — с помощью которой выходила прямиком на аванпосты британских владений в Азии, особенно на подступы к Индии. Кроме того, с 1898 г. Германия закрепилась на Шаньдунском полуострове Китая, где в числе прочих получила также и концессию на строительство двух железных дорог.

Принимая во внимание близкие родственные отношения последнего русского царя Николая II и последнего германского кайзера Вильгельма II — они были кузенами, учитывая особо глубокое проникновение германского капитала в экономику тогдашней России, в т. ч. и особенно в сфере железнодорожного транспорта, включая строительство железных дорог, исходя из того, что железные дороги обеих стран на территории Китая могли быть спокойно «сшиты» на приемлемых технических условиях, тем более что КВЖД доходила до Порт-Артура, и не игнорируя того факта, что обе же державы действительно планировали усилить свою роль в Азии, в т. ч. и в отношениях с Японией, не трудно догадаться, что все необходимые предпосылки для возникновения хотя бы идеи или даже зондажных переговоров на ту же тему о геополитическом союзе были в наличии.

Тут же последовала и характерная реакция Великобритании — на упреждение. Тот же Джозеф Чемберлен, как указывал КИМД в своем докладе, уже 13 мая 1898 г. выступил с речью на тему об англо-германском союзе, т. е. предложил в опережение событий военный союз Берлину. На самом же деле реакция последовала еще раньше. Обратите внимание на следующее: Германия получила концессии на строительство железных дорог по договору с Китаем от 6 марта 1898 г., а уже 29 марта того же года Джозеф Чемберлен без какого-либо предварительного зондирования обратился к германскому послу в Англии с предложением о заключении союза! Любопытно, что проделал он это в доме Ротшильдов, явно принимая в расчет, что капиталы именно континентальных ветвей этого всемирно известного банкирского клана функционируют и в Германии, и в России. Сугубо по экономическим причинам Берлин тогда отказался, якобы поняв, что

его хотят втянуть в антироссийскую сделку. Тогда в 1899 г. Чемберлен повторил свою попытку.

Одновременно со стороны Америки из-под пера ее видного политического деятеля и экономиста Адамса Брукса за три-четыре года до описанных событий последовало откровенно алармистское предупреждение на ту же тему: **«Обширное германо-русско-восточноазиатское объединение, которое может быть достигнуто в результате проведения грандиозной трансконтинентальной политики железнодорожного строительства с конечными пунктами на морском побережье Китая, создало бы такую опасность для возрастающей англизации мира, против которой были бы бессильны любые, даже объединенные британские и американские блокирующие силы».**

Оформленная же концептуально как наиважнейшая цель обеспечения национальной безопасности Великобритании (и всего англосаксонского Запада) задача целенаправленной борьбы уже даже с тенью намека на еще только могущую, и то в отдаленной перспективе, стать хотя бы относительно взаимоотноительной для Германии, России и Японии идея тройственного их объединения, стала «архимедовым рычагом». С его помощью Великобритания злоумышленно столкнула весь мир в заботливо, но чрезвычайно искусно, без оставления каких-либо следов для прямых обвинений в будущем, ею же разжигавшееся пожарище Первой мировой войны, в рокочущем пламени которой оба потенциально главных кандидата в «коренники» возможного объединения — Германская и Российская империи — спалили друг друга дотла. Англии же только и оставалось, что угли помешивать, чтоб лучше все прогорело... Это и было как раз именно то, что Карлейль и называл «обязанностью континентальных государств вести войны в интересах Англии», а Бисмарк не иначе, как то, что «Англия употребляла европейские государства, как отличную пехоту, как «здорового дурня» всемирной истории».

Иначе требовавшегося Великобритании т. н. «баланса сил» достичь было невозможно. Германия уже с конца XIX века все серьезней наступала Англии на пятки, т. к. ее индустриальное развитие по темпам резко опережало вторую, а военная мощь и вовсе (уже были сопоставимы даже их ВМФ). Россия же стремительно развивалась с 90-х годов XIX века и по прогнозам наиболее авторитетных западных

и российских экономистов мирным путем превратилась бы в экономически и финансово господствующую над всем миром державу максимум к концу первой половины XX века. Да еще и при наличии такой трансконтинентальной территории, год от года все гуще покрывавшейся разветвленной сетью железных дорог, и самого многочисленного среди всех великих держав того времени населения.

Именно упреждая крайне опасное для нее развитие событий, Англия и пошла на это глобальное преступление против всего человечества, особенно против России. Эта «технология» достижения «баланса сил» впервые была разработана еще Фрэнсисом Бэконом (1561–1626), почитаемым на Западе английским философом, автором непревзойденных по своему цинизму трудов («Новая Атлантида», «Опыт», «Новый Органон», большая часть из которых в открытую была спланирована с трудов некоторых венецианских мыслителей), родоначальником английского материализма, видным масоном того времени (существует немало убедительных доказательств, что именно он был главой Английского Ордена Розенкрейцеров) и одновременно одним из асов британской разведки того времени (на пару с братом).

Именно он впервые обосновал необходимость «соблюдения равновесия сил» с помощью открытых военных действий, для чего, как он считал, **«всегда нужно иметь поводы, чтобы начать войну...»**, естественно, не первым и уж тем более не самому. И вовсе не удивительно то, что когда в Великобритании было принято решение о провоцировании мировой войны, а произошло это, в отличие от туманных утверждений КИМД, не к концу последнего десятилетия XIX века, а прямо в самом начале его — в 1890 г., — то весь посвященный в тайны глобальной мировой политики мир был оповещен об этом сугубо в масонско-разведывательной манере. 29 марта 1890 г. в зале одного из важнейших тогда железнодорожных вокзалов Берлина — Лертерском (ныне не существует) — **«...чьи-то неведомые руки среди цветов поставили изображение земного шара, обернутого крепом»** (последний абзац III главы «Бисмарк» раздела «Призвание» знаменитой книги всемирно известного писателя Эмиля Людвига «Последний Гогенцоллерн. Вильгельм II»). Разнесенные по всему свету средствами массовой информации сведения об этом факте в переводе с масонско-разведывательного языка означали: ***Мировая война с целью пресечения идеи глобального***

трансконтинентального объединения Германии и России, а также их первоочередного уничтожения — объявлена!

А в сочельник того же 1890 г. принадлежавший видному британскому политическому и государственному деятелю сэру Генри Лабушеру^[9] еженедельный журнал «The Truth» («Правда») опубликовал антимонархический памфлет «Сон Кайзера», в котором на редкость провидчески были расписаны революционные итоги Первой мировой войны (совпали с реальностью на 95–97 %). На приложенной к этому памфлету карте были показаны механизмы перекраивания Европы, инспирирования Второй мировой войны, а судьба России — указана как **«Русская пустыня»!**

При этом Германия только-только начала всерьез втягиваться в строительство дороги «трех Б», а Россия — только-только приняла решение о возможности строительства Транссиба. А мировая война объявлена.

Между тем, как показало дальнейшее развитие событий, в тот поистине трагический для судеб мира день навсегда убрали с политической арены и Германии, и Европы, и всего мира великого «железного» канцлера Германской империи — Бисмарка. «Уходили» его, хотя и в достаточной степени корыстолюбивую, но тем не менее в главном последовательно принципиальную политику, выраженную в его же чеканной формуле «на Востоке врага нет» (т. е. Россия — не враг), вследствие чего при всех своих чисто по-европейски двойственных маневрах он все же упорно держался за русско-германский договор о перестраховке от 6(18) июня 1887 г. (своего рода де-юре протопредтеча самой идеи объединения, а в будущем, уже в XX веке — также и договоров о нейтралитете и ненападении между двумя державами). Подлинная причина отставки Бисмарка заключалась в том, что с того момента уже последний кайзер Германии, полностью невежественный в делах мировой политики Вильгельм II, поддавшись уговорам своего русофобского и антибисмарковского окружения (уговоры были также не пустом месте — за их спиной откровенно маячила грязная провокация британской дипломатии, сотворенная с прямого ведома британского короля), отказался пролонгировать этот договор еще на шесть лет. Причем при совершенно ясно и четко обрисованной русской дипломатией перспективе перевести его в статус постоянного союза (но не ради объединения, столь

страшившего Великобританию, а в целях обеспечения взаимной безопасности). Вместо того, чтобы сделать все от него зависящее для упрочения мира, кайзер посмел предложить Александру III «поделить мир между Россией и Германией», на что получил от российского самодержца характерный для него зубодробильный ответ: *«Не веди себя, Вилли, как танцующий дервиш* (намек на идиотские выходки кайзера на Востоке. — А.М.). *Полюбуйся на себя в зеркало»...*

Обобщая важнейшие события XIX столетия, можно и нужно согласиться с великим русским поэтом Александром Блоком, который в одной из поэм охарактеризовал XIX век — веком **«растущего незримо зла»**, где **«зрели темные дела»**.

Но вот что особенно важно: еще в XIX веке инициировавший и по сей день нескончаемую череду незримо вызревающих русофобских по своей сути «темных дел» страх, дикий, необузданный страх перед призраком возможного объединения Веймарской Германии с СССР в некий геополитический альянс, все рычаги власти в котором будут принадлежать военным, совершенно естественным образом — с точки зрения логики соблюдения «вечных интересов» Великобритании — привел ее к единственно возможному в ее понимании варианту действий: по различным каналам обе части «двойного заговора», т. е. антигитлеровски настроенных генералов, намеревавшихся уже без фюрера покончить с Западом за позор и унижение Версаля, и антисталински настроенных поклонников «перманентной мировой революции» товарища Троцкого, были сданы властям по государственной принадлежности. Причем поочередно — сначала Сталину, потом — Гитлеру, иначе получилось бы несоблюдение «баланса сил» по-британски.

Потому что в тот момент «вечный интерес» Великобритании к России, хотя бы и называвшейся СССР, заключался отнюдь не в том, чтобы кто-то (или что-то) ликвидировал с таким трудом усаженного Англией в кресло рейхсканцлера Германии Гитлера вместе с его бесчеловечным режимом. Наоборот — в том, чтобы в кратчайшие сроки, поднакачав нацистскую Германию, бросить ее на Восток отрабатывать британские авансы. Ибо, как справедливо говаривали сами же нацисты еще до привода их к власти, «прирожденный враг единой России — Англия — всегда заинтересована в создании на континенте государства, которое будет в состоянии задушить Москву».

...На протяжении многих десятилетий не утихает спор о том, каким образом Гитлер оказался у власти. Прежде всего — не «оказался у власти» и не «пришел к власти», а именно же приведен к власти, потому как он был назначен на пост рейхсканцлера волевым решением президента Гинденбурга. И только потом, на последовавших мартовских выборах 1933 г., являвшихся не чем иным, как трагическим фарсом демократии, он и его партия на полную мощь использовали обретенный 30 января 1933 г. «административный ресурс».

Долгое время это объясняли: на Западе — якобы изъятиями несовершенной демократии Веймарской Германии (а какие «совершенства» у демократии вообще есть?), у нас — классовыми интересами капиталистов. Отчасти все это так, но не более того.

В последние 10–15 лет с подачи британской разведки на панели исторической проституции широко распространен миф о том, что-де Сталин подсобил Гитлеру. Сказать, что борзописец, из-под пера которого этот идиотизм вылез, а его вдохновители сумасшедшие или просто подонки — все равно что похвалить. В действительности никакой загадки нет. Вспомните — какие главные силы тогда противостояли друг другу. Нацисты и коммунисты. В каком случае был бы наиболее вероятен геополитический альянс и так неплохо друживших между собой Германии и СССР, причем альянс, который был бы сцементирован также и мощными идеологическими узами? В случае прихода к власти коммунистов (кстати говоря, примерно такая же ситуация и получилась уже после войны, когда была создана давно уже канувшая в Лету Германская Демократическая Республика). В каком же случае даже то, что имелось, можно было бы спокойно похоронить? В случае, если у власти окажутся нацисты. Что, между прочим, и случилось в абсолютно точном соответствии с этой схемой.

И вот именно об этом, к тому же едва ли не на коленях, 6 декабря 1932 года Фриц фон Папен уговаривал британского посла Винсента д'Абернона. Вот и вся разгадка...

И если теперь, зная все, что было изложено на предыдущих страницах, вспомнить, что Великобритания и ее разведка по абсолютно аналогичным мотивам, совершенно не стесняясь и даже не испытывая никаких угрызений совести, веками откровенно шла на

убийства Помазанников Божьих — русских царей, и не только их, если «добрый старый» Туманный Альбион, ничтоже сумняшеся, но заранее наточив, всадил-таки «февральский топор» в спину не только вернейшему союзнику, но и ближайшему родственнику своего же короля, то что, хотя бы даже теоретически, могло сдержать «души британской прекрасные порывы» в отношении какого-то там красного маршала Тухачевского сотоварищи, вознамерившихся бросить геополитический вызов самой Великобритании?!

Тем более что прецедент с русским генералитетом у нее был. Усилиями именно британской разведки на тот свет был отправлен знаменитый русский генерал Михаил Дмитриевич Скобелев (1843–1882) — герой Балканской войны, победитель турок, едва не взявший Константинополь (если бы не откровенная угроза войной, выдвинутая Лондоном, и столь сильно напугавшая царское окружение, то Царьград уже тогда был бы российским), присоединивший военной силой Среднюю Азию (ведь это именно его ратные подвиги стали подлинной первопричиной той самой «нервозности», о которой писал в своем докладе Королевский Институт), но откровенно поскользнувшийся на антибританском в своей сути бонапартизме в пользу Франции.

А Тухачевский едва ли не один к одному повторял путь Скобелева, даже в ряде деталей биографии, начиная с имени, только с красным оттенком. Даже посмертные версии, объясняющие их трагический конец, похожи как две капли воды — в обоих случаях они носят ярко выраженный антигерманский характер, хотя, если честно, Германия тут ни при чем.

В апогее своего восхождения на Голгофу «вечных интересов» Великобритании Тухачевский заявит германским генералам весной 1936 г.: *«...Если Германия изменит свою позицию (т. е. если генералы уберут бесноватого фюрера. — А. М.), ничто не помешает дальнейшему советско-германскому сотрудничеству, как это было тогда, когда в прошлом обе страны ощущали преимущества своей дружбы, ведь тогда они могут диктовать свои условия всему миру»*. И тем самым подписал себе смертный приговор, потому что именно с весны 1936 г. давно наблюдавшая за ним британская разведка начала — судя по всему, не без прямого влияния пронацистски настроенного, едва ли не всем сердцем обожавшего Гитлера английского короля Эдуарда VIII, — многоходовую операцию

по разоблачению двойного заговора советских и германских генералов, нацелившись прежде всего на последовательную, аргументированную и документально обоснованную дискредитацию в первую очередь именно Тухачевского в глазах Кремля. Но упаси вас Господь даже от тени намека на мысль, что-де в Интеллидженс Сервис все разом ударились в марксизм, возлюбили Сталина или, того хуже, что-де Сталин был слепой игрушкой в ее интригах.

Чрезвычайно трагично, но тем не менее до тривиальности банально все обстояло совсем иначе. Как увидим из дальнейшего расследования, Англия, как гласят ее же секретные документы, ожидала войны, большой войны не позднее 1938 г. Причем войны именно между Германией и СССР, и будучи прирожденным врагом России, буквально жаждала руками именно нацистов задушить гиганта на Востоке. Заговор же, в случае успеха, разрушил бы все ее планы по сраиванию Германии и СССР и развернул бы объединенную мощь двух государств против Великобритании. А к этому дуэту должна была подсоединиться и Япония, в которой с февраля 1937 г. одерживали вверх мощные, евразийски настроенные силы, венцом усилий которых стал приход к власти в июне того же года правительства принца Коноэ, находившегося под сильным влиянием и контролем знаменитого Рихарда Зорге и лучшего агента в его резидентуре, сотрудника японских спецслужб — Ходзуми Одзаки. А ведь Коноэ к тому моменту был уже давно сформировавшимся — еще со времен Версальской мирной конференции — антиатлантистом и убежденным евразийцем. Поэтому-то в первую очередь и был сдан именно заговор Тухачевского, как центральное звено намечавшегося к реализации геополитической комбинации Берлин — Москва — Токио, более всего страшившей Великобританию. Черчилль ведь и во время войны открыто признался Сталину, что более всего в Лондоне опасались именно германо-русско-японского союза. Кроме того, совершенно очевидно, что британская разведка всерьез рассчитывала на неминуемое ослабление военной мощи СССР в результате неизбежных репрессий против высшего командного состава. В итоге и нацистам облегчилось бы решение задач уничтожения СССР — ведь весь расчет сводился к тому, что сразу замену высшему командному звену не найти. Для этого при любых обстоятельствах нужно немалое время. А война между тем была запланирована Великобританией на 1938 г. —

Чемберлен тогда буквально из кожи лез, едва ли не пинками толкая Гитлера на агрессию против СССР.

Британская разведка прекрасно знала — к сожалению, с помощью товарища Троцкого ушей и глаз у нее хватало в высшем кремлевском эшелоне с самых первых дней советской власти, — что Сталин и сам давно идет по следам этого заговора, и потому «сливала» информацию о нем что называется «на ура». Но и Сталин прекрасно знал из донесений разведки, что Великобритания с нетерпением ждет войны между гитлеровской Германией и СССР не позднее 1938 г., и не только ждет, но и все делает для этого. Однако он не только знал, но и обладал всей полнотой многократно перепроверенной информации о заговоре.

Уже очень много лет кряду в качестве одного из главнейших признаков «хорошего тона» в оголтелом антисталинизме принято ёрничание по поводу его, Сталина, якобы имевшего место недоверия к разведывательной информации. Очень часто со ссылкой на очередного в предвоенные годы предателя А. Орлова (Лейба Лазаревич Фельдбин) приводятся данные о том, что Сталин неоднократно предупреждал руководителей советской разведки о том, чтобы они воздерживались бы от всевозможных предположений и гипотез. Приводится следующее его выражение: «Гипотеза в разведке может превратиться в вашего конька, на котором вы приедете прямо в устроенную вами же самими ловушку. Не рассказывайте мне, что вы думаете, дайте мне факты и источник». В отношении чего, собственно говоря, тут ёрничать, коли все, что он сказал — более, чем сущая правда — золотое правило, которого жестко придерживается любая разведка мира. А ведь он и располагал фактами, проверенными фактами и давно — задолго до 1937 г. И вот обладая всей полнотой проверенной и многократно перепроверенной информации, Сталин, что называется, лоб в лоб столкнулся с традиционным для России при любых режимах вопросом: что делать? С одной стороны — совершенно реальная угроза войны, с другой — не менее реальная угроза заговора военных дома. И вопрос из дилеммы немедленно перерос в трилемму — из двух зол необходимо было выбирать третье. Потому что уж что-что, но недавнюю историю о том, как подлейшим образом русские генералы в феврале 1917 г. предали своего царя, Сталин прекрасно помнил и повторять печальную участь Николая II не собирался!

Точная, абсолютно точная разведывательная информация, в т. ч. и о том, что нападение все-таки пока не произойдет, позволила ему в самый последний момент ликвидировать мятеж, назначенный на 12 мая 1937 г.

А теперь вопрос: *кто и как вложил в голову Тухачевского бредовую идею о том, что-де он, какой-то там красный маршал, имеет право от имени России помышлять диктовать свои условия всему миру?*

Глава II

«В глубине всякой груди есть своя змея»

*Вещи, которые в принципе дурны в начале,
редко завершаются добром в конце.*

Древнеримская пословица

Парадоксально, но факт, что как только речь заходит о глубинных корнях «дела Тухачевского», то при абсолютно точном указании основных фактов и событий, в части, касающейся ответственных, совершенно непонятным образом впереди оказывается именно тот «Федот», который в действительности не тот...

Еще более ошеломляющий парадокс состоит в том, что подлинные ответственные, в действительности не только давно и широко известны, но никогда и не скрывали, что именно они-то и есть те самые Федоты.

Посудите сами. С тех пор как приоткрылись архивы прошлого, все серьезные исследователи в качестве исходной точки «дела Тухачевского» справедливо указывают начало реализации идеи сотрудничества РККА с германским рейхсвером в сочетании с Рапалльским договором от 16 апреля 1922 г. между Веймарской Германией и РСФСР. А вот далее начинается непонятное. Потому как в качестве первого произнесшего «А» с нашей стороны обычно указывают Карла Бернгардовича Радека (настоящая фамилия Собельсон) — «гениального авантюриста в большой политике», обладавшего «умнейшей и хитрейшей головой своего времени». С германской же — знаменитого генерала Ганса фон Секта по прозвищу «Сфинкс», одну из светлейших голов германского Генерального штаба 20-х годов XX века, именуемого в последние годы не иначе, как «неизвестный друг России».

За этими прелестными, на первый взгляд, и прочно вошедшими в научно-публицистический оборот дефинициями как-то само собой из поля зрения выскальзывает главное — они действительно стояли у истоков реализации идеи сотрудничества. Но у этого никоим образом

не оспариваемого факта есть ведь и обратная, теневая сторона. Ее суть в вопросах:

кто же стоял у истоков возникновения самой идеи сотрудничества двух армий, а затем и государств;

кто на самом деле, на какой текущей и исторической базе, с какого конкретно импульса сгенерировал общий замысел этой идеи, во имя каких целей сгенерировал вообще, исходя из каких соображений пытался подкорректировать изначальный замысел в зависимости от развития мировой ситуации, в т. ч. и в первую очередь в Европе;

кто конкретно разработал конструкцию этого замысла;

кто и каким конкретно содержанием, особенно на этапе становления этого сотрудничества, в какой конкретно последовательности, от чего конкретно зависевшей последовательности пытался наполнить эту конструкцию соответствующим духом и смыслом?

А вот тут-то и начинается самое интересное, потому как утверждая, что британская разведка приступила к разоблачению заговора Тухачевского за 20 лет до того, как он едва не стал реальностью, поневоле приходится считаться с тем, что т. н. факт сотрудничества двух армий и государств на самом деле был прикрытием для куда более глобального замысла с изначально предсказуемыми негативными для обеих сторон последствиями, а также и для всего мира. Тем более что это и в самом деле было так — британская разведка отнюдь не та организация, которая реагирует на каждую беседу или беседы какого-то там Ганса с каким-то там Карлом. Уж если она изначально встала в боевую стойку — то это означает, что причины для этого у нее были более чем весомые.

И потому для начала априори, но придется признать, что к зарождению такого глобального замысла ни Радек, ни Сект в действительности не имели никакого отношения. На этапе уже первичного обсуждения предварительных контуров замысла — да, они уже были, что называется, при том, но в момент генерирования идеи — нет.

Потому что обе головы были в первую очередь незаурядными прагматиками, но отнюдь не теоретиками высшего класса, способными на глобальный полет мысли, на генерирование взбудоражившей основные центры силы тогдашнего мира идеи.

Хотя и «гениальный», с чем в принципе можно согласиться, но только с применением кавычек, Карл Радек и впрямь был чертовски ловок, но тем не менее авантюрист, т. е. если строго по смыслу этого французского по происхождению слова, человек, склонный к приключениям, похождениям, рискованным начинаниям, сомнительным в смысле честности предприятиям, рассчитанным на случайный успех, к делам, предпринимаемым без учета реальных сил и условий, обреченных на провал и неудачу.

Он и в действительности был таковым: еще до «революции» в России засветившись в полицейских сводках своим участием в делах польской, германской, австрийской и российской социал-демократий, он отовсюду был изгнан с колоссальным треском именно за авантюризм, а также мошенничество, поскольку обоснованно подозревался в воровстве партийных касс (для «борцов за народное счастье» это было отнюдь не редкостью — даже работавшая с Лениным германская разведка и то с горьким сожалением сетовала на безудержное воровство отпускаемых для подрывных целей денег), за что и получил звонкую кликуху «КРАДЕК». Еще более откровенно и обоснованно подозревался в агентурном сотрудничестве с германской и австро-венгерской разведками (в принципе, исходя из менталитета социал-демократии вообще и революционного движения в Европе в частности, это не было чем-то из ряда вон выходящим — беспрецедентно плотная наспигованность их рядов агентурой разведок и полиций различных стран, а также различных тайных обществ еще со времен К. Маркса была притчей во языцех), открыто, фактически в роли субагента влияния сотрудничал с одним из крупнейших агентов влияния германской разведки того времени — Александром Лазаревичем Гельфанд-Парвусом и его личными двойными агентами — Георгом Скларцем и Карлом Моором. Прекрасно знавший об этом и сам сотрудничавший как с немцами, так и с ними, В. И. Ленин, когда возникала «революционная потребность», брал под защиту «Крадека».

Едва ли не в точном соответствии с вышеприведенным смыслом слова «авантюрист», 12 февраля 1919 г. «Крадек» угодил в берлинскую тюрьму Моабит за прямое участие в очередной аванюре: направленный еще в конце 1918 г. по указанию Ленина в Германию, «Крадек» пытался организовать очередное кровавое бузотерство в этой

стране — т. н. «спартаковское восстание», окончившееся, как и следовало ожидать, грандиозным провалом и потоками крови, а лично для него — заключением в кутузку по обвинению как в революционном бандитизме, так и в причастности к убийству Карла Либкнехта и Розы Люксембург.

И на первых порах, до лета 1919 г., Крадек содержался в условиях жесткой изоляции, во всяком случае, все известные источники с особой силой напинают именно на это обстоятельство...

И вот там, в условиях строгой и жесткой изоляции, он якобы и «проявил чудеса политической ловкости», превратив тюремную камеру в «политический салон», в котором принимал чуть ли не всю политическую, экономическую и военную элиту озверевшей от фатального поражения в Первой мировой войне Германии, с представителями которой и обсуждал идею будущего сотрудничества.

И рад бы поверить в этот «гениальный авантюризм», да только вот как же быть с тем, что, будучи упрятым за решетку за прямое участие в прокоммунистических беспорядках, он, иностранец, гражданин ненавистной к тому времени всей Европе, в т. ч. и Германии, Советской России, еврей по национальности, коммунист, а тогда два этих параметра во всей Европе воспринимались только через знак равенства — еврей=коммунист, и наоборот, коммунист=еврей, — остался жив, хотя те беспорядки, в которых он принимал деятельное участие, подавлялись с такой жестокостью, что один из организаторов этого подавления получил от левых печальное прозвище «кровавая собака Носке»?! Я уж не говорю о том, что демонстрации спартаковцев тогда разгонялись не столько пулеметами, сколько шашками, т. е. попросту рубили людей, как капусту... — свидетельство, надо сказать, очень авторитетного источника: самого Ф. Э. Дзержинского, лично наблюдавшего подобные картины...

Как быть со всем этим, если евреев тогда убивали в первую очередь, если всех еще только заподозренных в прокоммунистических или проспартаковских симпатиях убивали тоже в первую очередь, причем сначала убивали, а уж потом, если оставалось время и, самое главное, желание, то интересовались, кого же все-таки шлепнули?!

Как быть со всем этим, коли он остался жив, хотя взяли его, что называется, с поличным, да еще и по подозрению в таком тяжком преступлении, как убийство, хотя и крайне ненавистных той же

«кровавой собаке» Носке Карла Либкнехта и Розы Люксембург, но ведь граждан же Германии?!

При таких обстоятельствах избежать жестокой расправы прямо на месте не сможет даже самый гениальный авантюрист — в этом трагическая особенность массовых беспорядков в период т. н. «революций».

И вот в такой-то ситуации он не только остался жив и здоров, но и еще и проявив «чудеса политической ловкости», превратил свою тюремную камеру строгой изоляции в «политический салон» для обсуждения с высшими представителями германской элиты глобальной идеи — ну право же, при всем искреннем уважении к талантам евреев не следует делать из тех же немцев круглых идиотов!

Потому что для того, чтобы поднять такие серьезные вопросы или хотя бы просто выйти на связь с той же германской элитой, не говоря уже о том, чтобы она еще и выслушала его, «Крадека», с его-то давно сгнившей репутацией и пухлейшим досье в германской полиции, — прежде всего необходимо было каким-то образом вынудить германские власти хотя бы «закрыть глаза» на все его «художества» по части «революционного» бандитизма. Т. е. попросту говоря, ситуация была явно не в его пользу — что бы он ни попытался произнести, реакция была бы однозначной: пытается увильнуть от ответственности, спасает свою шкуру.

Мягко говоря, не самое лучшее начало для серьезнейшего разговора, как, впрочем, и сама тюрьма строгой изоляции также отнюдь не самое идеальное место как для генерирования глобальных идей (ведь не до идеи же было, шкуру спасти надо было!), так и для авторской инициации диалога с элитой государства, за подрыв устоев которого его и уперли в кутузку!

Зато сколь же идеально это место вообще — тюрьма как таковая, со всеми строгостями и высокими стенами, за которыми ничего не видно, что происходит в камере некоего арестанта по кличке «Крадек», и сколь же идеальна даже сама формулировка его упрятывания в кутузку в целях сокрытия от посторонних глаз и ушей самого факта начала особо секретных переговоров по особо важной геополитической проблеме.

Действительно, идеальней и не придумаешь, если, например, исходить из того, что главной целью «революционной командировки»

«Крадека», этого «гениального авантюриста с умнейшей и хитрейшей головой в большой политике своего времени», была не столько даже организация убийства Карла Либкнехта и Розы Люксембург во имя удовлетворения «пролетарских амбиций» заделавшегося «мировым вождем» бывшего дворянчика Ульянова-Ленина, сколько организация того же убийства как прямой аванс — прелюдия к будущему серьезному разговору, ради которого он и должен был якобы сесть в тюрьму. Есть все абсолютно серьезные основания рассматривать его комфортабельную «отсидку» как часть очень хитроумного совместного плана германской разведки, наиболее авторитетных и влиятельных представителей тайной дипломатии Германии, некоторых германских тайных обществ и верхушки большевиков.

Потому что незадолго до его командировки в Германию там напрочь и полностью провалилось со своей подрывной «революционной» деятельностью целое советское посольство во главе с давно находившимся под наблюдением психиатров А. А. Иоффе (лично Зигмунд Фрейд пользовал будущего революционера-посла), у которого было все — и люди, и мешки с золотом, с бриллиантами, с валютой, и в изобилии подрывная литература на немецком языке, и явки, и связи в левых кругах, и даже оружие, которое, ничтоже сумняшеся, раздавали прямо в посольстве. И тем не менее еле ноги унесли из Германии.

И что же, «Крадек», выходит, в одиночку должен был делать то, что не смогла сделать целая свора присланных из Москвы и не одну «собаку съевших» на «революционном» бандитизме опытейших подпольщиков?! Нет, не за этим «Крадека» отправляли в Германию. Цель его командировки в охваченную «революционной смутой» побежденную страну была именно такой, как она указана выше. А что за этим стоит — об этом чуть ниже. Сейчас о генерале Гансе фон Секте.

Личность действительно примечательная, прагматичная, корыстно исповедовавшая главную заповедь не менее корыстного «железного» канцлера Германии — Бисмарка: **«На Востоке врага нет!»** Станным образом его смерть в конце 1936 г. и особенно его знаменитое завещание крайне резким образом интенсифицировали и сам заговор, тайную подоплеку которого мы расследуем, и действия британской

разведки по его «раскрытию», и, соответственного, действия Сталина по ликвидации заговора и т. д.

Но тогда, за семнадцать лет до его смерти, очень трудно представить себе, каким же образом даже его светлейшая голова могла стать той самой, генерирующей глобальную идею «мощностью», особенно если принять во внимание следующие обстоятельства:

во-первых, генерал почти всю Первую мировую войну провел за пределами Германии; тем более ее последний этап, когда заигрывание германского Генштаба и германской военной разведки с большевиками от слов перешло к практическим делам — с конца 1917 г. по ноябрь 1918 г. Ганс фон Сект находился на посту начальника Генерального штаба турецкой армии;

во-вторых, вернувшись в Германию и, естественно, далеко не сразу войдя в курс всего того, что тогда творилось у него на родине, он тем не менее вынужден был принимать самое активное участие в ликвидации всех тех «художеств», что были сотворены, в т. ч. и при участии «Крадека»;

в-третьих, он ненавидел революционеров всех мастей — хоть социал-демократов, хоть коммунистов. К евреям, правда, относился вполне лояльно, ибо сам был женат на еврейке по имени Доротея;

в-четвертых, как управляться с этой, политически никак не предсказуемой публикой, особенно по части крупных интриг с ней, — он еще тоже не знал, во всяком случае в достаточной мере;

в-пятых, он был типичным немецким потомственным военным и никогда не торопился с идеями, тем более глобальными. Испокон веку немцы тем и славились, что всегда являли собой народ обстоятельный, неспешный, деловитый, тщательный, чрезвычайно аккуратный, очень педантичный, вследствие чего наполеоновский образ мышления — **«сначала ввяжемся в бой, а там видно будет»** — никогда не являлся предпочтительным в немецком национальном самосознании;

в-шестых, даже если бы он и захотел что-либо сделать понаполеоновски, то и в этом случае, в части касающейся генерирования глобальной идеи и ее углубленной проработки в переговорах с «Крадеком», подобное предположение лишено смысла, потому что лицом, могущим что-либо ответственно выдвинуть на рассмотрение, он стал только 28 июня 1919 г. — именно в этот день ему было поручено исполнение обязанностей начальника германского Генштаба

(между прочим, этот день не что иное, как дата подписания Версальского «мирного» договора)), а начальником «Всеобщего воинского бюро», под вывеской которого укрылся официально распущенный Генштаб, и вовсе 7 июля 1919 г.

Между тем для того чтобы вести такие переговоры — о сотрудничестве армий, например, — необходимо было досконально знать не столько даже сам текст договора (440 статей на 208 страницах), сколько бесчисленное количество всевозможных положений, разъяснений, инструкций и т. п., по рукам и ногам связывавших Германию.

Но в то же время Ганс фон Сект принадлежал к тому наиболее влиятельному еще со времен кайзеровской Германии узкому кругу высшего офицерского состава, чье кредо было сконцентрировано в девизе: **«Честью прусского офицера было быть корректным, а честь немецкого офицера должна заключаться в том, чтобы быть коварным»**. Однако, как это ясно и без всяких объяснений, одного коварства более чем недостаточно. Правда, история не раз подтверждала, что случай помогает, но давно уже установлено, что если и помогает, то только подготовленному уму. В таком смысле его ум действительно был подготовлен коварством, но к восприятию импульсов, шедших от более подготовленных и еще более коварных умов. Что, кстати говоря, и имело место в действительности — на пост начальника официально распущенного германского Генштаба он пришел весьма подготовленным с должности военного эксперта германской делегации на версальской конференции.

Существующая ныне аксиома, в силу которой все обычно списывают на Версальский «мирный» договор, которым Германия действительно была унижена, раздавлена и ограблена, в действительности — ничего не объясняет. Хотя формально посыл верный, но только вот как быть с тем, что переговоры с «Крадеком» начались раньше подписания Версальского «мира». Причем начались именно плотные, интенсивные обсуждения и переговоры о том, как быть дальше двум изгоям тогдашней современности — Веймарской Германии и Советской России.

Соответственно выходит, что ракурс обсуждения накопившихся тем могли задать только те лица, которые в полной мере осознавали, что предметом переговоров должна стать альтернатива версальскому

унижению. Они должны были не менее ясно понимать, что основой переговоров должна стать платформа, имевшая идущее из прошлого интеллектуальное обоснование, подкрепленное в прошлом практическими делами, но в то же время и имеющее все черты т. н. «благородного» шантажа, гремучие последствия которого ясно понимал бы и сам контрагент.

При этом похабный Брест-Литовский мирный договор от 3 марта 1918 г. не мог использоваться в качестве исходной точки, ибо одним из главных условий капитуляции Германии в Первой мировой войне было немедленное его аннулирование в упреждающем капитуляцию порядке. В «лучшем случае» он мог иметься в виду чисто теоретически. Кроме того, эти лица должны были точно знать, с кем они имеют дело, т. е. что из себя представляет контрагент по переговорам, какие конкретно силы он представляет, каковы его интеллектуальные способности в плане адекватного восприятия предлагаемого и точного донесения содержания переговоров и достигнутых договоренностей до своего руководства. Наконец, эти лица должны были обладать хорошо развитыми навыками и опытом тайной дипломатии, в том числе и по части закулисных тайных переговоров и интриг, особенно с такой «публикой», которую представлял Карл Бернгардович Радек. Иначе серьезного диалога могло бы и не получиться — в конце концов «Крадек» сидел в берлинской «кутузке», а не они в московской.

Если суммировать все необходимые требования, то подлинными авторами идеи о т. н. сотрудничестве двух изгоев послевоенной Европы (в первую очередь их армий), подлинными инициаторами тайных переговоров должны были стать именно те, кто был не только превосходно подготовлен интеллектуально, но и обладал бы колоссальным опытом закулисной деятельности, в т. ч. и проведения тайных, многоходовых и долговременных операций, особенно же на стыке разведки, дипломатии и политики. Эти люди должны были в мельчайших деталях знать тайную историю недалекого прошлого, располагать необходимыми связями и влиянием в различных кругах общества для последующего проведения в жизнь достигнутых договоренностей, и в то же время обладать непререкаемым в глазах тех, кого представлял Радек, авторитетом, который уже только одним фактом своего существования понуждал бы и самого Радека, и

особенно стоящие за ним силы в Москве к адекватному восприятию обсуждавшейся проблемы и достигнутых договоренностей. Последнее было особенно важно для прагматичных немцев, ибо они-то прекрасно знали подлую манеру Ленина — ведь именно его и представлял Радек — интриговать буквально на пустом месте, выцыганивая не всегда понятные для немцев выгоды для себя.

Именно так все и произошло в реальности. Через 21 год после описываемых событий один из тех, о ком пойдет речь, выдающийся германский геополитик и конспиролог, военный разведчик, генерал-майор Карл Хаусхофер в одном из самых знаменитых своих трудов «Континентальный блок: Центральная Европа — Евразия — Япония» (1940) напишет о тех событиях, а также о лицах участвовавших в них следующее: **«И когда после войны (т. е. после Первой мировой войны. — А. М.) один из наших наиболее значительных и страстных политических умов, Брокдорф-Ранцау, захотел вновь схватиться за нить, и я был причастен к этому, то с русской стороны такую линию распознали две личности, с которыми и пытались готовить для нее почву»** (курсив мой. - А.М.). В другом переводе с немецкого то же самое звучит так: **«И когда после войны один из наших наиболее выдающихся государственных деятелей — обладавший железным характером Брокдорф-Ранцау — захотел с моей помощью восстановить нить контактов, два русских государственных деятеля контролировали этот процесс и стремились благоприятствовать его ходу»**.

А двумя русскими государственными деятелями, со слов самого же Карла Хаусхофера, были сам Карл Бернгардович Радек и народный комиссар по иностранным делам Георгий Васильевич Чичерин.

Прежде чем приступить к анализу «подвигов» этого германо-русского «квартета», хотелось бы обратить особое внимание вот на что. Обоими вариантами перевода, не говоря уже об оригинале, четко зафиксирован ясный и однозначный факт, а именно **«восстановление нити контактов»**, в чем Карл Хаусхофер, по его же словам, и помогал Брокдорф-Ранцау — первому министру иностранных дел Веймарской Германии (с 12 февраля по 20 июня 1919 г.; кстати говоря, на этот пост он был назначен именно в тот день, когда «Крадек» угодил в кутузку). Факт этот очень дорогого стоит! Но вот о чем речь — ведь что там было «восстанавливать», коли весь «великий октябрь» и так был

«творением» германской агентуры влияния. И что было «распознавать» тем же Радеку и Чичерину, если они и так с дооктябрьских времен плясали под дудку германского Генштаба. Ведь вполне достаточно было цыкнуть на них, да и на того же Ленина, и все покатилося бы само собой, как по маслу.

Среди перекочевавших неразгаданными в третье тысячелетие загадок начального периода истории советской власти есть одна, которая, как показывают вскрывшиеся в последнее время факты, не только имеет прямое отношение к предмету нашего расследования, но и серьезный шанс наконец-то получить свою разгадку. Речь идет об укрывавшейся до сих пор под плотной завесой непроницаемой тайны подлинной подоплеке секретного вояжа Ф. Э. Дзержинского якобы за женой якобы в Швейцарию в октябре 1918 г. в сопровождении секретаря ВЦИК, личного помощника Я. М. Свердлова — А. Аванесова.

Из многих версий на этот счет — от мистических (якобы отвез отрубленную голову Николая II для передачи масонским эмиссарам для последующего ее экспонирования в масонском храме в Чарльстоне, США) до сугубо прозаических — в последние годы выделилась вроде бы самая прозаическая: поездка «железного» Феликса якобы была связана с получением каких-то секретных директив непосредственно от какого-то тайного центра на предмет того, как дальше поступать с еще не очухавшимся от ранения 30 августа 1918 г. «гениальным вождем мирового пролетариата» — окончательно загнать его в гроб или пусть еще побегает.

И рад бы поверить в такую прозу тайного закулисья, если бы не веками выкованная беспрецедентная прагматичность британской разведки! Для нее такой дилеммы в тот момент не существовало в помине: она еще 6 июля 1918 г. ясно и однозначно доказала, что для нее хороший Ленин — это мертвый Ленин, а 30 августа 1918 г. вновь доказала то же самое. А вот речь о «старой лисе» СИС зашла потому, что безупречными фактами установлено следующее: выражаясь профессиональным языком, старая, но отнюдь не потерявшая львиной зоркости британская разведка «пасла» приезд главы ВЧК в Швейцарию! Причем «пасла», как всегда, высокопрофессионально, ибо исстари прекрасно знает все закоулки этого международного «заповедника» международного же шпионажа и тайных интриг, в т. ч.

знала и излюбленные на тот период «пастбища» ленинских эмиссаров — всю Первую мировую войну она вместе с русской разведкой, в т. ч. в Швейцарии, отслеживала все контакты германских коллег с Лениным и К°. Вот уж для кого не было никакой непроницаемой тайны уже в октябре 1918 г., так это именно для СИС: у пристани на озере близ Лугано (а городок этот, надо сказать, одна из главных «достопримечательностей» этого «заповедника») борт к борту встали два пароходика — на палубе одного из них Роберт Брюс Локкарт, на палубе другого — «железный» Феликс, и оба с интересом разглядывают пассажиров другого пароходика.

Лишь только в прямом смысле чудо — полная обритость некоего господина Доманского (именно под этим псевдонимом Дзержинский и выезжал в Швейцарию) — спасло главу ВЧК от малоприятной перспективы угодить прямо в «нежные объятья» своего закадычного врага — знаменитого британского разведчика Локкарта, которого он неоднократно лично допрашивал на Лубянке всего лишь три месяца назад.

Однако же вся пикантность этого инцидента отнюдь не в том, как всемогущий глава ВЧК чудом избежал «возобновления знакомства» со своим недавним узником, и даже не в том, что, как показывают факты, утечка информации о предстоящей тайной поездке «железного» Феликса произошла из верхнего эшелона большевистской верхушки — за давностью лет и отсутствием в этом факте чего-либо принципиального, Бог с ней, с этой утечкой. А в том, почему же британская разведка «пасла» его приезд в Швейцарию, срочно направив для этого самого Локкарта, только в сентябре добравшегося до Лондона и еще толком не пришедшего в себя от всех злоключений в стране «победившего пролетариата».

На вторую часть этого вопроса можно ответить сразу — в тот момент Локкарт оказался единственным под рукой у своего начальства сотрудником британской разведки, который прекрасно знал Дзержинского в лицо, поскольку сидел на Лубянке, куда он вопреки своему дипломатическому иммунитету угодил после разоблачения «заговора послов». Потому-то руководство СИ С срочно и перебросило его в Швейцарию, чтобы он выследил своего визави по ночным допросам.

А вот с первой частью этого вопроса — почему она «пасла» его приезд — посложней, ибо исторический прагматизм британской разведки, ее исключительная интуиция на еще только зарождавшуюся тень еще только расплывчатого намека на возможную угрозу высшим национальным интересам Великобритании требуют особых пояснений.

Давайте вспомним, что за период времени тогда был. Прежде всего это был финишный этап финальной части Первой мировой войны XX столетия. Германия уже стояла на пороге общенациональной и военной катастрофы — до нее оставалось уже менее месяца. Катастрофически убывали последние силы к сопротивлению, крайне резкими темпами нарастали, с одной стороны, военно-политическое давление стран Антанты, дошедших до высшей степени ожесточения в своей ненависти к Германии, — германского кайзера, к примеру, называли не иначе, как «бешеная собака в Берлине» («собака»-то, между прочим, была близким родственником британского короля), а с другой, вдохновляемое и направляемое, в т. ч. и из-за рубежа (как из стран Антанты, так и из Москвы), революционное движение в самой Германии. В ситуации совершенно очевидно надвигавшейся общенациональной катастрофы паникеры и мелкие интриганы обычно начинают метаться в поисках спасения собственных шкур, прагматики же, для которых даже такой исход войны — отнюдь не повод реветь белугой, начинают переброску мостов в будущее: ведь любая война кончается миром, даже если бегут последние союзники. Между тем среди этих последних союзников был один, хотя и изрядно подловатый, ибо собственноручно разжигал костер германской революции, но тем не менее лучшего все равно не было, а в условиях бешеной ненависти Антанты к Германии под конец войны и вовсе не приходилось выбирать. И этим, с позволения сказать, «союзничком» был не кто иной, как именно же Ленин и К°, которых Германия привела к власти в России и удерживала у кормила первое время. Правда, с тайного одобрения Великобритании, также тайно осуществлявшей переговоры с Германией на основе тезиса «мир на Западе в обмен на свободу рук на Востоке». Не осталась неучтенной и позиция тесно связанных с Германией США, крупный капитал которых и профинансировал т. н. «русскую революцию» по германским каналам.

Однако же все дело было в том, что получившие в результате подписания Брестского договора от 3 марта 1918 г. «свободу рук» на Востоке германские прагматики, а это прежде всего высший эшелон наиболее влиятельной тогда части деловой элиты Германии в лице Августа Тиссена, Гуго Стиннеса, Альберта Феглера, Эмиля Кирдорфа, Альфреда Гутенберга, Брунса, Рейша, Клекне-ра, Рехлинга, Пенсгена и других, пошли «своим путем» на Восток. На состоявшемся 16 мая 1918 г. в дюссельдорфском «Штальхофе» совещании капитаны германской экономики, руководствуясь своей грабительской логикой ненасытной алчности, решили, что было бы вполне резонно, если **«Германия и ее союзники на длительное время осуществили военную оккупацию коммуникаций, связывающих европейские страны с Севером России с целью освоения России, лимитрофов (так тогда называли еще входившие де-юре в состав Российского государства, но де-факто оккупированные германскими войсками прибалтийские территории. — А.М.), а также Украины».**

Потрясенные захватывавшей дух перспективой, германские промышленники записали в протокол совещания, что следует обеспечить **«возможно более глубокое финансовое проникновение в Россию для сохранения политического и военного превосходства Германии» с тем, чтобы в оккупированных последней прибалтийских областях, в Финляндии, на Украине, в Донбассе и на Кавказе расправиться с большевиками, ибо «только в том случае, если на место большевистского режима придет новый порядок вещей... мы (т. е. они, элита... — А.М.) могли бы облегчить ведение войны путем использования русских источников и запасов».**

История, правда, распорядилась несколько иначе — менее чем через полгода «новый порядок» был установлен в самой Германии. Под неудержимым натиском Антанты и революционного движения рухнула кайзеровская монархия, а вскоре появилось и уродливое «дитя Версаля», то бишь Веймарская Республика, почему-то обозванная «рейхом», т. е. империей при республиканском строе (!!)

В промежутке же между этими событиями произошло еще одно событие, последствия которого и привели двух закадычных врагов в Швейцарию. Британская разведка не только знала об этом совещании капитанов делового мира в Дюссельдорфе, и тем более о принятых там

решениях — уже в июне, а затем и в июле, и августе 1918 г. последовала прямая реакция руководства Великобритании на эту разведывательную информацию СИС в виде высадки английских десантов в Мурманске, Онеге, Сороке и Архангельске. Она прекрасно отдавала себе отчет в том, что идеи, изложенные в протоколе совещания, не умрут с кончиной государства. И каково же было пережевавшееся со страхом изумление руководства британской разведки, когда в это же самое время оно узнало о трюке «гения мирового пролетариата», который он проделал в развитие идей того самого дюссельдорфского совещания. Сейчас, по прошествии восьми с лишним десятилетий чрезвычайно трудно точно установить, каким образом содержание протокола по итогам совещания в Дюссельдорфе стало известно Ленину, однако финт, который «вождь» отколол в адрес «неблагодарных тевтонов» — целый же миллион квадратных километров отдал по Брестскому договору, а они, на тебе, «новый порядок вещей», — и сегодня любого ввергнет в изумление.

После того как подкупленный и завербованный капитаном французской разведки Пьером Лораном первый начальник контрразведки ВЧК, знаменитый Яков Блюмкин застрелил германского посла Вильгельма фон Мирбаха,^[10] на смену последнему через 20 дней после убийства, т. е. 26 июля, выехал... председательствовавший на том совещании в Дюссельдорфе выдающийся германский ученый-экономист, один из виднейших германских финансистов того времени, один из директоров «Дойче Банка» Карл Гильферих. Уже сам факт назначения такого преемника на пост посла в России говорил о многом.

Пробыв в первопрестольной всего восемь дней — с 29 июля по 5 августа 1918 г., — Карл Гильферих отбыл в Берлин, да так более и не вернулся. Что же все-таки произошло в эти дни?

Трудно, конечно, ныне установить точную дату, да и не так уж и важна она, однако же в одну из темных ночей этого периода к Гильфериху в посольство без приглашения и без предупреждения пожаловал сам народный комиссар по иностранным делам Советской России Георгий Васильевич Чичерин. Уже сам факт незваного ночного визита главы дипломатического ведомства страны пребывания в иностранное посольство — событие из ряда вон выходящее. Однако изумлению и без того до крайности изумленного «особенностями»

раннесоветского дипломатического протокола Карла Гильфериха вообще не стало предела, когда Чичерин едва ли не слово в слово повторил суть всего того, о чем германские промышленники беседовали в обстановке секретности еще 16 мая 1918 г. в Дюссельдорфе. И совсем Гильферих потерял дар речи, когда Чичерин, местами слегка процитировав текст протокола по итогам того совещания, вдруг предложил германской стороне заключить военный союз с участием также финнов и прибалтов (кстати говоря, ни одно из прибалтийских государств в тот момент еще не было суверенным, независимым и общепризнанным в международно-правовом смысле — там еще находились германские оккупационные войска) для борьбы против англичан в Мурманске и Архангельске, т. е. на том самом севере России, о котором и шла речь в Дюссельдорфе. По сути дела, он предложил немцам заключить военно-геополитический союз против Великобритании, а уж если совсем точно, то учитывая, что Великобритания являлась стержнем всей Антанты, военно-геополитический союз против Антанты, что в свою очередь означало союз против всего Запада. Едва дождавшись рассвета, Карл Гильферих, не медля ни секунды, отбыл в фатерланд.

Естественно, по прибытии в Берлин Гильферих самым подробным образом изложил на бумаге все перипетии ночного раунда внезапного глобального предложения Кремля и доложил военно-политическому руководству Германии (в годы Первой мировой войны МИД страны находился в полном подчинении военно-политического руководства кайзеровской Германии — деталь, как увидим чуть ниже, весьма существенная). Не вдаваясь во все детали и подробности этого маневра «вождя мирового пролетариата», можно отметить: это была чистейшей воды антигерманская провокация со стороны обязанного Германии и в целом вроде бы прогермански настроенного, но в не менее провокационных целях уже начавшего тогда переориентироваться на Антанту Ильича. Внешне это действительно выглядело несуразно: антигерманский характер провокации прогермански настроенного политического лидера, формально выступившего против Великобритании, Антанты и даже в целом против всего Запада.

...Кстати говоря, то, что это была личная его затея, В. И. Ленин тогда же подтвердил в одном из писем полпреду в

скандинавских странах В. Боровскому: «...договаривались о том, когда и как они, немцы, осуществят их план похода на Мурманск... Это совпадение интересов. Не используя этого, мы были бы идиотами» (ЦПА, НМЛ, Ф.2, оп.2, д. 122).

То обстоятельство, что Ильич написал об этом Воровскому, означает, что слухи о его предложении немцам поползли по Европе...

Как и любая иная провокация этого искреннего почитателя наполеоновского образа действий — «сначала вяжемся в драку, а там видно будет», эта также завершилась очередной трагедией для России. К 27 августа 1918 г. не в меру резвого в своих провокациях «вождя мирового пролетариата» немцы заставили подписать уже второй по счету похабный Брестский договор, по которому Россия обязывалась выплатить Германии огромную контрибуцию в размере 6 миллиардов марок в виде чистого золота и кредитных обязательств, т. е. 246,56 тонны чистого золота в слитках и 545 440 000 рублей кредитными билетами. Так Германия решила возместить себе все расходы, связанные с глобальной операцией «великий октябрь». Из них было выплачено всего 9,75 тонны чистым золотом на сумму 120 миллионов золотых рублей, которые после капитуляции Германии на правах победителя уворовала Франция.

И трех дней не прошло, как Ленин получил 30 августа 1918 г. свою, абсолютно заслуженную пулю на заводе Михельсона. Пуля эта и впрямь была абсолютно заслуженной, жаль только, что всадил ее такой же «бес революции» — Л. Д. Троцкий-Бронштейн, подставив на верную смерть явно ни в чем не повинную, полуслепую Ф. Каплан (Ройд).

...Во время допроса в НКВД 26 января 1938 г. один из наиболее видных представителей «ленинской гвардии» — видный масон высокой степени посвящения, агент австро-венгерской, а впоследствии и германской разведки, выдающийся мастер закулисных интриг Христиан Раковский заявил следователю следующее: «Троцкий организовал при помощи своих друзей покушение Каплан на Ленина. По его приказу Блюмкин убил посла Мирбаха. Государственный переворот, подготовлявшийся Спиридоновой с ее социал-революционерами (т. е. эсерами. — А.М.), был согласован: с Троцким».

В связи с этим заявлением Раковского следует особо подчеркнуть два обстоятельства. Во-первых, допросы Раковского осуществлялись на французском языке, т. к. «борец за счастье» русского народа, подданный царской Болгарии, сохранявший ее паспорт и гражданство вплоть до ареста, так и не удосужился толком выучить русский язык, хотя владел чуть ли не дюжиной иностранных. Во-вторых, поскольку во время допросов Раковского речь в основном шла о высших тайнах мировой политики и геополитики, изначально было решено вести их на французском языке, которым Раковский владел блестяще. «Из состава личной разведки Сталина для проведения допросов, — объяснял автору книги Константин Мефодиевич, — был выделен сотрудник, которого все знали как Рене Дюваль, хотя и это не настоящее имя, который владел французским языком лучше любого французского академика-филолога. На допросах и в протоколах он представлялся и подписывался как Гавриил Гаврилович Кузьмичев. Переводы протоколов допросов Раковского немедленно докладывались Сталину».

Что же до роли Троцкого в убийстве Мирбаха, то здесь следует иметь в виду, что на самом деле приказ об убийстве Мирбаха по согласованию с французской разведкой был отдан представителем британской разведки Дж. Хиллом, являвшимся ближайшим помощником Троцкого в деле организации военной разведки. Судя по всему, именно между ними — Дж. Хиллом и Троцким — и была согласована комбинация якобы вербовки Блюмкина капитаном французской разведки Пьером Лораном: у французов тоже чесались руки расправиться с тем же Мирбахом из-за Маты Хари, которую он и завербовал. Без такой комбинации британские уши «а ля Троцкий» вылезли бы мгновенно, чего, естественно, британская разведка не желала.

И еще. В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма (ЦПА НМЛ) — ныне Институт современной истории — в фонде 70, опись 3, единица хранения 769 хранился один очень любопытный документ с не менее красноречивой резолюцией, свидетельствующей о том, что Раковский на допросах говорил правду. На сообщении ревкома Северных железных дорог о начале левозсеровского мятежа в Ярославле Лев Давидович Троцкий

собственноручно письменно повелевал расстрелять весь ревком за это сообщение.

Так что выходит, что не только вопрос о начале этого мятежа был согласован с «бесом революции», но и вопрос о его прикрытии путем наглой информационной блокады центральных властей вплоть до прямого упрятывания концов в воду — тоже. Ибо если есть ревком — значит есть проблемы, нет ревкома — нет ни проблем, ни сообщений от этого ревкома. Тем более если учесть, что, по свидетельству Черчилля, Троцкий через того же Локкарта просил британские власти выделить офицера для контроля над русскими железными дорогами, в том числе и в первую очередь на Севере страны...

Но вот что-что, а идею не застрелишь и даже не припугнешь, как того же «гения» пулей. Документально оформленная в виде подробного доклада Гильфериха, идея о военно-геополитическом союзе Германии и России осела не только в архивах подчинявшегося тогда военно-политическому руководству страны МИДа Германии, но и в умах ознакомившихся с этим документом руководящих деятелей и германской внешней политики, и германской разведки, и, что самое главное, в умах элиты германского делового мира, которую Гильферих, естественно, ознакомил с содержанием своего доклада.

Было бы более чем удивительно, если бы стоя на краю неминуемой общенациональной катастрофы, но в то же время и ясно осознавая, что любая война рано или поздно кончается миром, прагматичные представители высшей деловой и политической элиты Германии не призадумались над тем, как уже в условиях мира не только вернуть, но и желательно с процентами вернуть вложенные в революцию десятки миллионов марок. Тем более что большая их часть была не германского происхождения, а американского. Т. е. опираясь на имевший в прошлом место факт финансовой поддержки Ленина и К° как на инвестиции в будущее, заложить экономический фундамент возрождения германского рейха. И ночное предложение Г. В. Чичерина в этом смысле оказалось куда более чем кстати.

Так сногшибательная провокация Ленина, опиравшаяся на наглый, агрессивный замысел германской элиты, и явилась тем самым изначальным атомом, из которого чуть позже и была синтезирована первая, основополагающая молекула идеи о будущем «сотрудничестве

двух государств», в т. ч. и их армий, а также их ВПК (хотя у России его в полном смысле слова как такового не было), завершившегося тем, что «фашистский меч» «ковался» в СССР якобы чуть ли не под присмотром Сталина.

...Как раз наоборот, именно тогда, когда Сталин в конце-то концов взял на себя контроль над советско-германским военным сотрудничеством (конец 1925 г.), с тех пор выигрывавшей стороной была именно советская — именно СССР больше всего получал выгод от этого сотрудничества...

Вот почему в числе «двух русских государственных деятелей» якобы что-то «распознавших», тем более какую-то «линию», Карл Хаусхофер и назвал Г. В. Чичерина. Но что он должен был «распознавать», если сам же и осуществлял провокацию с идеей о военно-геополитическом союзе. Вот что на деле означает в концептуальном смысле выражение того же К. Хаусхофера о **«восстановлении нити контактов»**. Т. е. не только дооктябрьских, а также постоктябрьских контактов с большевистской верхушкой, и даже не столько восстановление самих этих контактов, поскольку они не были потеряны в прямом смысле, но при опоре на них восстановление нити самих мыслей о военно-геополитическом союзе, развитие и доведение их до практической реализации в ближайшем же будущем. Это была чистейшей воды переброска концептуального моста в будущее при наличии опоры в прошлом. И то, что именно Карл Хаусхофер, к тому времени уже известный геополитик, ученый, военный, разведчик, принял самое деятельное участие в «восстановлении нити контактов» — лучшая гарантия того, что оно происходило именно на стезе идеи о военно-геополитическом союзе. Участие же во всем этом Г. В. Чичерина имеет многоаспектную подоплеку, часть из которой укажем сейчас, а часть — по ходу дальнейшего повествования.

Прежде всего, следует отметить, что наполовину Чичерин был немцем: его мать — баронесса Жоржина Егоровна Мейендорф. Род Мейендорфов еще в царское время дал России немало известных дипломатов. После окончания Петербургского университета в 1898 г. Г. В. Чичерин поступил на службу в Государственный и Петербургский главный архивы Министерства иностранных дел царской России, где, прослужив шесть лет, стал отличным знатоком

истории внешней политики и дипломатии России, многих дипломатических документов прошлого и даже написал историю российского МИДа к его столетию. Этот выбор места службы и естественен, и странен одновременно. Естественен — потому что по сути дела он занялся потомственным делом, странен — потому что, как он впоследствии сам же и говорил, ему хотелось быть подальше от активной политики царизма.

Правда, вместо «активной политики царизма» он, не увольняясь со службы, а место это, надо признать, чрезвычайно лакомое для любой солидной разведки, активно влезает в социал-демократические делишки и в 1904 г. эмигрирует в Германию. Там он в 1908 г. угодил в полицию и после этого был наконец изгнан с госслужбы. Что он делал четыре года кряду помимо занятий социал-демократией и марксизмом — неизвестно.

Так или иначе, но по факту выходит, что прусская полиция на будущее создала ему блестящее «реноме», вследствие которого уже в 1917 г. он угодил в Брикстонскую тюрьму Великобритании как узник под № 6027 за «энергичную интернациональную деятельность среди британских рабочих», которая в действительности была не чем иным, как чисто прогерманской акцией (немцы еще с довоенных времен приладились использовать социал-демократов и т. п. «марксистов» в своих целях — «традиция», кстати говоря, заложенная еще Бисмарком). На этом странности биографии Чичерина не исчерпываются...

Что же до практического **«восстановления нити контактов»**, т. е. на самом-то деле **«нитей мыслей»** о военно-геополитическом союзе Германии и России после неминуемого неизбежного разгрома первой, то вот тут-то и сыграл свою роль тайный вояж Ф. Э. Дзержинского в Швейцарию, потому как не в Швейцарию он ездил хотя бы и за женой, а через Швейцарию в Германию. Соответственно, вполне закономерен и вопрос: а почему именно Дзержинский, да еще и в сопровождении А. Аванесова, да еще и по категорическому настоянию самого Ленина, а также Свердлова?!

На выходе из чрезвычайно запутанного лабиринта сложнее переплетенных личных и политических интриг и коллизий того времени получается следующая картина. В силу личных амбиций последнего германского кайзера Вильгельма II, лично руководившего

всей подрывной деятельностью против России в период Первой мировой войны, в числе тех, кто на стыке разведки, тайной дипломатии, тайных обществ и тайного же финансирования торил столь же тайные тропы для привода Ленина и К^о к власти, оказались и играли громадную роль два теснейшим образом взаимосвязанных между собой тайных общества — «Гер-маненорден» и «Балтикум» (впоследствии реорганизованное и переименованное в «Консул»).

Члены этих обществ, особенно «Балтикума», а ими были чрезвычайно влиятельные и в Германии, и в России представители древних аристократических родов из числа прогермански настроенных остзейских (прибалтийских) баронов, сыграли колоссальную роль в широкомасштабных предфевральских, послефевральских и октябрьских интригах в России, которые, кстати говоря, всегда сопровождались и откровенным шпионажем в пользу Германии...

...Бароны доинтриговались в итоге до того, что глава русской военной контрразведки генерал М. Бонч-Бруевич (родной брат ближайшего помощника Ленина) едва ли не поголовно пересажал всю верхушку «Балтикума».

Впоследствии немцы ему это припомнят, когда он возглавит войска Западной завесы уже при большевиках. Под нажимом германского Генштаба Ленин вынужден будет его снять и назначить на этот пост старого германского агента генерала Парского, у которого перед немцами были «несомненные заслуги» — именно он без боя сдал Ригу немцам 21 августа 1917 г...

В верхушке того же «Балтикума» особо влиятельное положение занимали родовитые аристократы — остзейские бароны Пилляр фон Пильхау, являвшиеся по совместительству родней самого всесильного главы ВЧК Феликса Эдмундовича Дзержинского. Жена одного из руководителей общества Адольфа Пилляр фон Пильхау — Софья Игнатьевна Пилляр фон Пильхау — являлась родной сестрой матери «железного» Феликса — Елены Игнатьевны.

... Софья Игнатьевна Пилляр фон Пильхау была фрейлиной последней русской императрицы и пользовалась большим влиянием в Петербурге, что еще при царизме не раз пригодилось буйному в своих революционных увлечениях Феликсу Эдмундовичу. Сын Софьи Игнатьевны, т. е. двоюродный брат самого Дзержинского — Роман Александрович (в действительности Ромуальдас-Людвикас

Адольфович) Пилляр фон Пильхау был одним из видных чекистов начального периода ВЧК: заместителем начальника КРО ВЧК, заместителем председателя ГПУ Белоруссии, затем наркомом внутренних дел Белоруссии, далее работал на руководящих постах в органах госбезопасности РСФСР и Средней Азии, в 1937 году, будучи начальником УНКВД по Саратовской области, был арестован и расстрелян (обратите внимание на его последнюю должность — в Саратовской области тогда проживало огромное количество немцев, существовала даже Республика немцев Поволжья, там же в свое время находились и некоторые объекты совместного пользования рейхсвера и РККА).

Одновременно Р. А. Пилляр фон Пильхау был одним из ближайших личных друзей и родственником известного руководящего деятеля органов госбезопасности Артузова А. Х.

Среди клеветов Дзержинского в первоначальном составе ВЧК было немало бывших аристократов, в т. ч. и из числа прибалтийских баронов. Таковым, например, являлся и пресловуто известный по истории князь Андронников. По материнской линии он происходил из древнего рода балтийских баронов Унгерн-Штернбергов, по отцовской — грузинский князь. Андронников долгие годы проживал в Германии, где учился и был вхож в высшие аристократические круги Германии. Был представлен далее кайзеру, который подарил ему свой портрет с дарственной надписью. Гомосексуалист, пройдоха, каких свет не видывал, Андронников пребывал в противозаконных связях со многими мужскими представителями русской аристократии, был очень близок к царскому двору, но одновременно принимал самое деятельное участие во многих интригах против последнего русского царя Николая II, в т. ч., в частности, в организации убийства Распутина по заданию британской разведки. При всем при этом еще при царизме открыто похвалялся, что он является германским шпионом, что, кстати говоря, соответствовало действительности, ибо его активно использовал личный представитель кайзера, остзейский барон, опытный германский разведчик и дипломат, один из наиболее активных членов «Балтикума» в Германии — барон Хохен-Остен. Барон еще в 1916 г. нелегально прибыл в Россию для организации прогерманского «дворцового переворота» с целью сепаратного вывода России из

войны, чему, соответственно, помешала британская разведка со своей т. н. «февральской революцией».

Барон Хохен-Остен спустя всего десятилетие на редкость «своевременно» вылез перед советской военной разведкой в 1927 г., а затем, судя по всему, проник в ее агентурную сеть, поскольку являлся консультантом по русским вопросам в посольстве Венгрии в Берлине. Что касается «своевременности», то об общей обстановке 1927 г. будет сказано ниже, а здесь сразу же отметим, что это был год первого серьезного всплеска внутрисоюзной оппозиции, рассчитывавшей скинуть Сталина в случае войны с Западом при участии Германии...

Главой же «Балтикума» в Берлине являлся личный адъютант кайзера генерал граф Рюдигер фон дер Гольц, в руках которого были сосредоточены большинство тайных нитей связи с Россией. И когда возник вопрос о том, кто же конкретно должен выйти на тайный контакт с представителями «Балтикума» в Швейцарии, а затем и в Германии, то лучше кандидатуры «железного» Феликса не оказалось: по занимаемому положению в воцарившейся тогда в России иерархии власти — ровня самому фон дер Гольцу, к тому же, как известно из истории, наиболее секретные, закулисные переговоры по самым животрепещущим проблемам обычно осуществляют наиболее доверенные лица глав государств, как правило, руководители спецслужб. Дзержинский в этом смысле был просто идеальной фигурой — мало того, что глава ВЧК, так ведь еще и громадным авторитетом пользовался у самого Ленина. Несмотря на свое яростное несогласие с Брестским договором, в откровенной антигерманской деятельности еще не успел засветиться — из более чем провокационной затеи с убийством Мирбаха, о котором он знал, как, впрочем, и об антигерманском левоэсеровском мятеже, «железный» Феликс вышел сухим: мудро пребывал в отсидке у тех же левых эсеров, а подпись на мандате Блюмкина — поддельная... Ну и, наконец, прямой родственник одного из руководителей тайного общества «Балтикум». Куда уж лучше. К тому же в лицо его еще мало знали, особенно за рубежом, тем более что за границу он выехал полностью обрившись — не было ни волос, ни усов, ни знаменитой бородки клинышком.

Формальный предлог тоже более чем превосходный — бедную жену надо забрать из капиталистического рая. Предлог, кстати говоря, был очень важен в том смысле, что если бы о предстоящем вояже Дзержинского в Германию, да еще и по каналам «Балтикума», узнал бы тот же М. Бонч-Бруевич, который в свое время и Пилляр фон Пильхау чуть было не упрятал за решетку, то непременно забил бы тревогу с непредсказуемыми последствиями.

Аванесова же — секретаря самого Свердлова — «пристегнули» к Дзержинскому для контроля за его действиями. В этом был крайне заинтересован сам Яков Моисеевич, еще с весны 1918 г. сконцентрировавший всю власть в стране в своих руках, а после ранения Ленина и вовсе единолично распоряжавшийся всем. К тому же и формальный предлог тоже был неплох — Аванесов прекрасно знал Швейцарию, где окончил медицинский факультет Цюрихского университета еще в 1913 г., и где в общении с другими эмигрантами всю войну контактировал с немцами. Сам-то Феликс, как известно, в это время все по острогам скитался и толком не ведал, с кем там в сытой Швейцарии надо иметь дело. А дело надо было иметь с германским разведчиком, посланником в Берне бароном Гисбертом Ромбергом, его личным агентом — Робертом Гриммом, являвшимся главным редактором печатного органа швейцарских социалистов-интернационалистов журнала «*Berner Tagwacht*», с давним германским агентом (а также агентом японской разведки еще со времен т. н. «первой русской революции» 1905 г.) Александром Э. Кескюла (Кескюля), известным также под псевдонимом Александр Штейн, и некоторыми другими персонажами, которых Дзержинский в лицо не знал.

...Германский разведчик под дипломатическим прикрытием барон Гисберт фон Ромберг был «первооткрывателем» будущего «гения мирового пролетариата» — именно он первым установил связь с Лениным в Швейцарии еще в сентябре 1914 г. Причем Ильич действовал тогда как банальный «инициативщик». Кескюла-Штейн также лично содействовал германской разведке в поддержании личных контактов с Лениным и его окружением в период их пребывания в Швейцарии...

На этих лицах, прежде всего на самом Ромберге, замыкались связи «Балтикума» в лице личного тайного представителя общества

уже упоминавшегося Хохен-Остена. Без этих контактов Дзержинский никогда бы и не смог попасть в Германию, которая и была главной целью его тайного вояжа. Так начиналось практическое **«восстановление нити контактов»** — наведение мостов в послевоенное будущее. Особый интерес в связи с этими фактами представляет утверждение К. Хаусхофера о том, что процесс «восстановления нити контактов» осуществлялся с его помощью. Это действительно правда — руку к этому он приложил, да всерьез, и вот каким образом.

Выше уже указывалось, что среди тех, кто торил тайные тропы для Ильича сотоварищи на стыке разведки, тайной дипломатии, тайных обществ и механизмов секретного финансирования подрывной деятельности, особую роль играли два тесно взаимосвязанных общества — «Германенорден» и «Балтикум».

...Их объединяли идеи крайнего германского национализма, пангерманизма, ариософского мистицизма и т. п. Впоследствии, когда от «Германенорден» окончательно отделилась предтеча германского нацизма — «Общество Туле» (кстати, в описываемый период оно уже существовало), — то бежавшие из России остзейские бароны повалили туда гуртом, а затем и вовсе заняли высокие посты в руководстве нацистской партии...

Между тем самым мощным в структуре «Германенорден» был именно Баварский филиал со штаб-квартирой в Мюнхене, в число членов которого наряду с другими представителями различных кругов германской элиты (в т. ч. и аристократической) входил и Карл Хаусхофер — профессиональный военный разведчик, перешедший на работу в Мюнхенский университет, но не порвавший с разведкой. Входил он и в «Общество Туле».

Мощным же этот чахнувший филиал сделал известный по ранней истории нацизма в Германии барон Рудольф фон Зеботтендорф фон дер Роз. В свою очередь, этот барон долгое время жил в Османской империи, где был посвящен в ту же масонскую ложу, откуда вышли все руководители младотурецкой революции 1908 г., пребывавшие у власти в стране вплоть до 30 октября 1918 г. Благодаря тесным связям с ними, а также контактам в немецкой общине в Турции, в т. ч. и в среде германских предпринимателей, Зеботтендорф достаточно быстро познакомился с представителем всемирно известной фирмы

Крупна в Османской империи, близко общавшимся с главарями младотурков и представителями стоявших за ними мощнейших сил, сотрудником младотурецкой разведки, журналистом, масоном высокой степени посвящения. Им был позже ставший известным как автор плана использования эмигрантской группы Ленина и К° для организации т. н. «русской революции» — Александр (Израиль) Лазаревич Гельфанд, более известный под псевдонимом Парвус (в кругах «революционных» бандитов имел прозвище «слон с головой Сократа»).

...Барон Рудольф фон Зеботтендорф фон дер Роз (подлинное имя Адам Альфред Рудольф Глауэр) личность хорошо известная по исторической литературе. Поэтому нет особой нужды пересказывать основные вехи его биографии, особенно в части касающейся его личной причастности к взращиванию нацизма в Германии. Куда важней и интересней отметить некоторые особенности его биографии, которые практически никогда широко не освещались.

Дело в том, что с момента посвящения в ту же масонскую ложу, из которой вышли все главарь младотурков, Зеботтендорф оказался и под колпаком британской разведки. Бывший британский разведчик, авторитетный масонолог и романист Джон Бьюкен (лорд Твидсмюир), работавший в Турции в годы Первой мировой войны, открыто признал, что вся верхушка младотурок полностью контролировалась британской разведкой в лице ее офицера Обри Херберта — выходца из могущественной аристократической семьи Великобритании, которая издавна славится своими связями с разведкой и способностью по каналам разведки манипулировать различными тайными обществами. Еще его дед патронировал, в частности, самого Джузеппе Мадзини, виднейшего масона в середине XIX века и организатора итальянского повстанческого движения, который помимо всего прочего, подчинялся непосредственно и британскому премьер-министру того времени — Пальмерстону, на основании указаний которого руководил также и деятельностью Карла Маркса.

Соответственно, есть все основания предполагать, что под тем же колпаком оказался и сам Парвус, тем более, если учесть его особую

близость с известным в те времена представителем британской разведки на Востоке и торговцем оружием Бэзилем Захаровым.

А в свете этих фактов — еще очень большой вопрос: в прогерманских ли целях действовали те же Зеботтендорф и Парвус, создавая предпосылки один — для нацизма, другой — для крушения в России т. н. «русской революции». Но в итоге они оба действовали, преследуя цель уничтожения России. Мало кому известно, например, что «Майн Кампф» Гитлера — практически 100-процентный плагиат изданной Парвусом в 1922 г. брошюры об экспансионистских планах Германии (якобы Германии). До сих пор всю ответственность за «Майн Кампф» обычно приписывают Карлу Хаусхоферу. Да, влияние его идей там очевидно, но дело в том, что Хаусхофер сблизился с Гитлером значительно позже, в 1924–1925 гг., и его идеи всего лишь околонучно разнообразили «творение» коричневого фюрера, в основе которого лежали идеи, изложенные Парвусом. Есть все основания полагать, что брошюра Парвуса была своего рода подсказкой Гитлеру — именно подсказкой, особенно если учесть время публикации этой брошюры: 1922 г. — это и время образования СССР, т. е. восстановление, пускай и под советским флагом, но традиционно ненавистной Великобритании России. В это же время между Германией и Россией были сделаны первые шаги к геополитическому альянсу — был заключен Рапальский договор, так сильно всполошивший Лондон, что уже к концу того же 1922 г. он начал маневры по подготовке условий для высечения первых искр будущей Второй мировой войны.

Ко всему прочему следует иметь в виду одну подлую «традицию» и британской разведки, и британской тайной дипломатии — «никогда не делать ничего такого, что за тебя могут сделать немцы».

И еще о Зеботтендорфе. Мало кому известно, что барон длительное время пребывал в личных агентах влияния самого Канариса, выступая в то время под псевдонимом «барон ИНО». Они были чрезвычайно близки и в личном плане, поддерживали очень близкие дружеские отношения. Глава абвера Вильгельм Канарис очень доверял информации «барона ИНО», который добывал ее благодаря своим разветвленным конспиративным связям в различных странах. А эта связь буквально вынуждает повнимательней посмотреть на одну деталь из биографии Тухачевского. Всем хорошо известно, что

будущий маршал сидел в немецком плену в концлагере города Ингольштадт. Но мало кому известно, что именно Ингольштадт являлся основной первоначальной базой «Общества Туле». Этот городок недалеко от Мюнхена вообще вошел в мировую историю с черного входа благодаря целому ряду необычных историй, творившихся в нем в разные века (более подробно об этом см. главу «Он предал всех, кто его купил»).

И в связи с этим, а также учитывая свободный режим выхода из концлагеря, благодаря чему Тухачевский в конце концов и сбежал из плена, есть немало оснований полагать, что именно в Ингольштадте он и был посвящен в «Общество Туле». В те времена в это общество уже входил и Карл Хаусхофер, и ряд других видных представителей германской элиты. Имя первого между тем неоднократно всплывало на процессах 1937–1938 г. Это во-первых. Во-вторых, и в Германии, и за ее пределами реализация идей пангерманизма на «технологическом» уровне мыслилась лидерами общества за счет диктатур. Собственно говоря, само общество именно для этого и было создано и существовало до тех пор, пока диктатор не появился — Гитлер. Но ведь и за Тухачевским с тех же времен вьется шлейф категорических убеждений в наличии у него диктаторских замашек, да еще и с антибританским уклоном (а именно в этом-то его и обвиняла в 1937 г. вся западная пресса). Его солагерник — француз Реми Рур, обычно выступавший под псевдонимом Пьер Ферварк, еще в 1928 г. изложил эти факты в своей книге о Тухачевском. И если, например, исходить из того, что на Тухачевского именно в Ингольштадте обратили внимание — в данном случае не столь уж и важно, была ли то германская разведка, или же «Германенорден», «Балтикум» или «Общество Туле», — то знать об этом мог в первую очередь сам Зеботтендорф — барон Ино. Потому как Канарис, участвовавший с молчаливого согласия британской разведки в операции по «сливу» достоверной информации о заговоре Тухачевского через чехословацкую военную разведку и Бенеша Сталину, сдал и информацию о посвящении Тухачевского в «Общество Туле» (на этот счет также есть немало серьезных фактов). Именно это обстоятельство в числе других явно сломало сопротивление Тухачевского на следствии.

И еще одна деталь — после провала заговора Тухачевского Канарис отослал «барона Ино» от греха подальше из Германии,

пристроив своего приятеля в стамбульском отделении абвера у Герберта Риттлингера...

А вот с Парвусом в подрывных антироссийских целях и работал с начала 1915 г. посланник Германии в Копенгагене граф Ульрих фон Брокдорф-Ранцау, координировавший всю свою деятельность на этом направлении и с высшим военно-политическим руководством кайзеровской империи, и, естественно, с германской разведкой. К осени 1918 г. Парвус был уже очень солидным авторитетом по русским делам при руководстве Германии. А Карл Хаусхофер и Ульрих фон Брокдорф-Ранцау были близко знакомы. Вот так замкнулся круг межличностно-разведывательно-агентурных и иных связей, и началась прямая регенерация как **«нитей контактов»**, так и **«нитей мыслей»**.

Однако же сам процесс регенерации «нитей» контактов и мыслей о будущем союзе непосредственно зависел от решения нескольких вопросов. Дело в том, что к концу сентября 1918 г., а именно 27 сентября этого года, президент США Вудро Вильсон от имени всей Антанты впервые особо подчеркнул, что Германия не может рассчитывать не то чтобы на мир, но и даже на перемирие, пока у власти находится кайзер Вильгельм II. Таким образом, был жестко поставлен вопрос о ликвидации монархии в Германии.

В самой же Германии этот вопрос для элиты осложнялся тем, что она никак не могла взять под контроль саму «технологию» ликвидации монархии — то ли это будет совершено по «революционной, марксистской технологии», то ли в рамках т. н. «буржуазной революции», т. е. без особых потерь для самой элиты. Между тем последний вариант никак не получался, т. к., с одной стороны, многие из тех, кого можно было бы использовать для этих целей, были скомпрометированы близостью к кайзеру и потому обвинялись странами Антанты в развязывании войны, с другой же, дорогу этому варианту перекрывало на тот момент совершенно неконтролируемое развертывание событий по второй «технологии», что на фоне кровавой вакханалии террора и насилия в России и вовсе пугало германскую элиту. Одно дело — спускать с цепи *«борцов за народное счастье»* в далекой России — как говаривал еще Бисмарк, *«социализм в одной стране построить можно, только надо для этого найти страну, которую не жалко...»* — и совсем иное — допустить их к власти в горячо любимом фатерланде.

Между тем во главе революционного движения в Германии тогда стоял Спартаковский союз, который возглавляла старая знакомая Ф. Э. Дзержинского — Роза Люксембург. К ней 21 октября 1918 г. присоединился выпущенный на свободу под давлением народных масс знаменитый Карл Либкнехт (в заключении находился с 3 мая 1916 г.) — ярый противник Ленина и его кровавых методов, Брестского договора со всеми его последствиями, не говоря уже о том, что по уровню интеллекта и особенно авторитетности в международных кругах революционной социал-демократии он откровенно претендовал на роль лидера международного рабочего движения. Короче говоря, только этого еще и не хватало германской элите именно в то время.

Судя по тому, что произошло дальше, между Дзержинским и немцами состоялся не только зондажный обмен мнениями, но и были достигнуты некоторые предварительные договоренности.

Во-первых, по вопросу о том, как умерить сильно пугавшую германскую элиту и раздражавшую германский Генштаб революционную прыть К. Либкнехта и Р. Люксембург. Именно с этой целью прилично одетый господин «Доманский» и посещал многочисленные митинги с их участием, о чем регулярно докладывал в Москву.

Во-вторых, о том, что делать, если они не поймут словесных увещаний, т. е. могут ли столь обязанные немцам господа большевики организовать ликвидацию этих деятелей, в т. ч. и при содействии германской разведки? Конечно же, услуга за услугу — взамен германская сторона закрывает дело об убийстве Мирбаха, хотя в Германии, несмотря на всю революционную анархию последних дней существования монархии, ширилось массовое движение за суровое наказание убийц германского посла. Между тем один из главных соучастников этого преступления вел тайные зондажные переговоры в Берлине, спокойно разгуливал по городу, регулярно посещал митинги с участием лидеров Спартаковского союза и не менее регулярно отсылал отчеты об увиденном в Москву Ленину — судя как раз по письмам из Германии, господин «Доманский» находился там вплоть до ноября (последнее письмо датировано 28 октября).

В-третьих, о том, что и как предпринять, чтобы сохранить на будущее если не букву, то хотя бы дух прошлого сотрудничества, в т. ч.

и на договорной основе — ведь господа большевики столь многим обязаны Германии? Как сохранить золото, которое Ленин обязан был выплатить по второму Брестскому договору, но так, чтобы оно стало залогом будущего сотрудничества?

...Любопытно в этой связи отметить одну интересную деталь. Именно во время этой таинственной поездки Дзержинского через Швейцарию в Германию в швейцарских банках появились многочисленные вклады с шестью нулями — на имя Дзержинского был открыт вклад на сумму 85 миллионов франков, на имя Ленина — 75, на имя Зиновьева — 80, на имя Троцкого — 90 миллионов франков и т. д. «Достопочтенные господа большевики» и тут явно обманули партнеров — договаривались они явно о том, что вклады будут такими, чтобы и немцы ими пользовались, а получилось то, что все вклады стали именными, т. е. никто из немцев к ним и приблизиться не мог. Обычно такие операции и доверяют самым близким людям, но в то же время и постоянно «пасут» их — именно этим явно и вызвано то обстоятельство, что Дзержинского сопровождал Аванесов, доверенное лицо самого Свердлова...

Судя по всему, во время обсуждения этих тем и возникла идея направить в Германию с тайной миссией кого-либо из тех «ленинских гвардейцев», который обладал бы опытом самых грязных интриг в международных делах, свободно ориентировался бы в германской действительности и был бы понятен германской стороне. Более того, тогда же было оговорено, что присланное для организации «мокрого дела» лицо временно будет арестовано, а затем будет выпущено на свободу и в условиях конспирации с ним начнут тайные переговоры. А по достижению договоренностей оно будет отпущено назад в Россию. В качестве аванса от Дзержинского потребовали, и, похоже, явно не без участия лично Ганса фон Секта, срочной переправки в Россию большого друга германского Генштаба, бывшего военного министра Турции Энвера-паши, которому, в случае его захвата странами Антанты на территории Германии, грозил расстрел. Все это было не только услышано, но и исполнено.

...При непосредственном участии Дзержинского и под его личным контролем в августе 1920 г. Энвер-паша по тайным каналам Коминтерна на самолете был переправлен в Советскую Россию, где его встретили с распростертыми объятиями.

Даже спустя десятилетия, даже через призму «восточных интриг» этого искреннего почитателя наполеоновского образа действий, чрезвычайно трудно представить себе резоны, которыми руководствовался Ленин, связываясь с одним из крупнейших международных преступников того времени, соглашаясь на его прибытие и предоставление ему убежища в Советской России. Ведь ему же прекрасно было известно, что как один из членов преступного триумvirата младотурок (еще один из них, Джемаль-паша, также был переправлен в Советскую Россию) Энвер-паша несет личную ответственность за организацию массового геноцида армянского народа в Османской империи в 1915 г. Более того, ему было прекрасно известно, что Энвер-паша является одним из ведущих идеологов и практиков панисламизма и пантюркизма, что для России было чрезвычайно опасно именно по геополитическим соображениям. Что практически незамедлительно и подтвердилось на практике — у «вождя мирового пролетариата» хватило ума отправить Энвера-пашу в Среднюю Азию для установления там советской власти?! После чего в течение нескольких лет огромные силы ВЧК и РККА гонялись за Энеером, чтобы в конце концов прикончить его, в т. ч. за организацию басмачества...

Ну а далее произошло следующее. По прямому указанию Ленина в Германию направляется Карл Бернгардович Радек — тогда глава иностранного отдела ЦК большевистской партии. Попал он туда весьма специфически. Дело в том, что «на помощь восставшему германскому пролетариату» не в меру щедрый Ленин направил туда аж целую группу «своих специалистов»: Х. Раковского, Ю. Мархлевского, Н. Бухарина, А. Иоффе и К. Радека. Однако свято чтящие «орднунг» (т. е. порядок) и достигнутые договоренности немцы схватились за голову от такого размаха любителя наполеоновских заповедей и, конечно же, арестовали всю эту банду прямо в Ковно (ныне Каунас, Литва), а после нескольких дней ареста выслали обратно в Минск, кроме, естественно, «гениального авантюриста с умнейшей и хитрейшей головой в большой политике», сиречь Карла Радека — этот проследовал по назначению согласно имевшимся договоренностям.

Прибыв в Германию, Радек, естественно, и не собирался оказывать помощь «восставшему германскому пролетариату», а в прямой кооперации с германской разведкой и ее агентурой начал охоту

за головами лидеров германского пролетариата — Карла Либкнехта и Розы Люксембург. К вечеру 15 января 1919 г. охота окончилась их убийством.

...Если у Радека была бы только одна задача, то уже 15 января он должен был покинуть Германию, но он остался еще почти месяц (без трех дней), пока его с помпой не арестовали...

Помогали Радеку в организации этого преступления: крупнейший агент влияния германской разведки Александр (Израиль) Лазаревич Гельфанд-Парвус, старые агенты германской разведки Карл Вайтел Моор (агентурный псевдоним «Байер») и Георг Скларц, установивший даже вознаграждение за поимку К. Либкнехта и Р. Люксембург.

Незадолго до своей гибели Карл Либкнехт раздобыл какие-то серьезные доказательства связей Радека и его компаньонов по «оказанию помощи восставшему пролетариату» с германской разведкой. Более того, он еще и вознамерился устроить «международный социалистический суд» по этому вопросу, в водоворот которого неизбежно было бы втянуто руководство большевиков. Тем самым он ускорил свою гибель.

Уже после их убийства начальником конвоя капитаном Пфлугк-Гартунгом (непосредственно застрелил К. Либкнехта) и лейтенантом Фогелем (лично застрелил Р. Люксембург) брат Либкнехта, известный берлинский адвокат Теодор Либкнехт открыто обвинил Радека в выдаче брата и Розы Люксембург на расправу подавлявшим восстание спартаковцев властям (кстати говоря, самое активное участие в подавлении этого восстания принимали и все структуры «Германенорден», «Общества Туле», «Балтикума»). Ну а дальше началось именно то, ради максимальной зашифровки чего личный биограф Л. Д. Троцкого Исаак Дейчер и пустил по миру легенду о «чудесах политической ловкости» Радека в Моабитской тюрьме, которая и поныне кочует из книги в книгу и опровержение которой потребовало столь значительных предварительных пояснений.

На самом же деле Радек не сидел в Моабитской тюрьме ни часу — сначала 12 февраля 1919 г. его поместили в Лертерскую тюрьму, что находилась неподалеку от Лертерского вокзала (ныне ни тюрьма, ни вокзал в Берлине не существуют).

Во-вторых, из-за того, что спартаковцы практически сразу же организовали покушение на Радека прямо в тюрьме, его быстро

перевели оттуда, где он не так уж и долго хлебал арестантскую баланду из ближайшего ресторана, в частный дом с большим количеством комнат, который был арендован германской разведкой. Эту часть операции осуществлял Карл Вайтел Моор — агент германской разведки «Байер».

В-третьих, именно этот самый «Байер» выдал Радеку целых 15 тысяч марок. «Крадек» и тут остался верен себе: эти денежки он выжал из наивного Моора под предлогом необходимости оказания помощи вдове расстрелянного главы Баварской Советской Республики — Е. Левине, заявив, что вообще-то ему всего нужно 25 тысяч марок, из коих 10 тысяч он уже получил от Виктора Коппа — представителя РСФСР в Германии, прибывшего туда в начале 1919 г. (с 5 ноября 1918 г. дипломатические отношения между Берлином и Москвой были разорваны по инициативе первого; как знать, не было ли и это согласовано во время тайных переговоров с Дзержинским). Копп прибыл в Германию для организации т. н. «экономического прорыва» в германо-советских отношениях, т. е. для закупки паровозов для Советов. На самом деле подлинной целью его пребывания в стране была организация «горячей линии» связи между вступившим в переговоры с немцами Радеком и Лениным. Сам факт того, что Радек свободно общался с Коппом в условиях своего ареста и формального отсутствия дипломатических отношений между двумя государствами, более чем прекрасное доказательство того, что он и в самом деле находился на свободе.

Вот каким образом и на какие конкретно деньги Радек и проявлял «чудеса политической ловкости», содержа свой «политический салон», в котором принимал представителей высшей политической элиты Германии. О том, что это было именно так, свидетельствует сам Карл Хаусхофер: **«Тот, кто участвовал в этой игре, должен был смириться с обстановкой: ночами напролет находиться в помещениях, усеянных окурками сигарет и залитых чаем, вести изошренные беседы в духе древних каверз, которыми изобиловала каждая такая беседа».**

Эта очередная цитата из его уже упоминавшегося труда «Континентальный блок...» четко и однозначно свидетельствует о том, что Радек находился не только на свободе, но и в частном доме.

...По некоторым данным, он находился на вилле самого Парвуса в берлинском пригороде Ванзее, что выглядит вполне логично, т. к. он был в таком случае под постоянным присмотром и агента германской разведки, и такого же «гениального авантюриста»-махинатора. Впоследствии, после смерти Парвуса, его виллу прибрали к рукам нацисты, и вроде бы сам Геббельс поселился в ней...

Вот так в сложнейше запутанных, многократно взаимопересекавшихся лабиринтах всевозможных интриг, различных разведывательных контактов, межличностных и агентурных связей на стыке тайной дипломатии, разведывательной деятельности и закулисной активности тайных, на руинах некогда процветавших двух сильнейших империй континентальной Европы зарождалась первая молекула всего того, что впоследствии тот же Л. Д. Троцкий назовет не иначе, как **«аксиомой внешней политики Советского Союза»**, т. е. **«союз с Германией независимо от ее государственной формы»**.

И было бы крайне удивительно, если бы вся эта история закончилась бескровно. Потому что было бы еще удивительнее, если бы «повивальная бабка» подавляющего большинства мировых интриг, катаклизмов и войн за последние три столетия — «старая добрая» Великобритания и ее разведка не сыграли бы на опережение в своем вечном стремлении взять под свой неусыпный контроль все то, что еще только в будущем может превратиться в союз двух континентальных гигантов Европы — Германии и России. Соответственно, нет ничего удивительного и в том, что некоего господина «Доманского» с нетерпением ожидал в Лугано господин Локкарт. В мире разведок ничего случайного не бывает, тем более когда речь идет о британской разведке, а вопрос касается Германии и России — именно в этом случае британская разведка извернется ужом, но все постарается выследить и разузнать. Соответственно, не менее естественно и то, что британская разведка отслеживала пребывание Радека в Берлине. Потому как не понимать, что означают все эти тайные шашни с Радеком, британская разведка не могла — она уже летом 1919 г. самым что ни на есть «традиционным» образом отреагировала на эту информацию устами своего выдающегося сотрудника и еще более выдающегося геополитика Хэлфорда Маккиндера, представившего британскому правительству настойчивые

рекомендации о том, чтобы как можно дальше чисто в географическом смысле развести друг от друга Германию и Россию, граничивших между собой до 1 августа 1914 г. А это означает, что британская разведка располагала едва не всей полнотой информации еще только о намечаемом союзе двух изгоев.

Таким образом, надо признать, что еще с первых послеоктябрьских дней подозревавшая возможность такого поворота событий (это отчетливо видно по первым послеоктябрьским донесениям британского посольства в Петербурге) британская разведка оказалась на высоте и с того момента уже не выпускала из поля своего зрения весь процесс зарождения, становления и развития германо-советского сотрудничества, в т. ч. и перерождения его военной части в грозящий высшим национальным интересам Великобритании заговор военных. Причем в кооперации не только с германскими генералами, но и, как увидим из дальнейшего расследования, также в союзе с милитаристски настроенными японскими евразийцами. Карл Хаусхофер, например, совершенно не случайно даже 21 год спустя после тех событий в «Континентальном блоке...» особо подчеркнул, что «ухватывание нити контактов» напрямую было связано с тем, что именно немцы должны были взять на себя миссию ***«сблизить политические интересы японцев и русских в поисках благоразумного пограничного урегулирования и через него обеспечить свободный тыл на других направлениях политической деятельности»***. В этих его словах по сути дела вся квинтэссенция военно-геополитического заговора по оси Берлин — Москва — Токио, хотя сами эти слова были написаны спустя три года после ликвидации заговора Тухачевского.

Однако британская разведка уже в самом факте причастности Хаусхофера к этим тайным ночным бдениям с Радеком усмотрела именно такую перспективу, назвать которую вслух сам Хаусхофер решился только в 1940 г. И именно поэтому британская разведка не успокаивалась до тех пор, пока не довела дело до логической, с ее точки зрения, кровавой трагедии 1937 г., к тому же использовав ее как непосредственный пролог к Мюнхенскому сговору с Гитлером. И это тоже ее, британской разведки «почерк» в уникальном «искусстве» из одной, очень серьезной угрозы выжать как минимум две прибыли. Но тогда до всех этих событий было еще далеко, и даже сам «гений

мирового пролетариата» абсолютно не отдавал себе отчета в том, что кирпичик за кирпичиком строит фундамент будущей трагедии, в т. ч. и 22 июня 1941 г...

В особо плотный, интенсивный режим эта, по словам К. Хаусхофера, «игра» вошла не позднее 8 мая 1919 г. Дело в том, что накануне, 7 мая, министру иностранных дел только что созданной Веймарской республики графу Ульриху фон Брокдорф-Ранцау был вручен полный текст Версальского «мирного» договора. По нему, как подчеркивал советский историк Е. В. Тарле, *«Германия превращалась из субъекта, могущего заявить и поддержать силой свою волю, в объект, в пассивное политическое существо... Суверенитет Германии ограничивался в самом важном пункте: Германия отныне в самом существовании своем не обеспечивалась своими силами, а только соглашениями и условиями, зависевшими от воли других держав»*. Это и был непосредственный пролог к резкой интенсификации тайных переговоров с Радеком.

Именно с этого момента фактически автоматически вошла в интенсивный режим и закипела работа «высоких умов», которых с германской стороны в первую очередь представляли:

І. Ульрих Карл Христиан фон Брокдорф-Ранцау (1869–1929), граф, профессиональный германский дипломат, специалист по тайной дипломатии — именно на него замыкались все основные связи интриги Германии с Лениным и К°. На дипломатической службе с 1894 г., в 1897–1901 гг. — секретарь германского посольства в Петербурге, затем в Вене, в 1901–1909 гг. — советник миссии в Гааге (Нидерланды), затем советник германского посольства в Вене. В 1909–1912 гг. — генеральный консул в Будапеште (Венгрия тогда входила в состав Австро-Венгерской империи). С 1912 по 1918 г. — германский посланник в Копенгагене (Дания), откуда руководил основной работой по использованию Ленина и К° в подрывных антироссийских целях. С конца декабря 1918 г. исполняющий обязанности министра иностранных дел Германии, а с 12 февраля по 20 июня 1919 г. министр иностранных дел Веймарской республики. В этом качестве Брокдорф-Ранцау возглавлял германскую делегацию на Парижской мирной конференции.

Убежденный и жесткий противник Версальского «мира», условия которого пытался оспорить как глава германской делегации. Однако, в

связи со своим общим крайне негативным настроем и вследствие того, что все, без исключения, выдвинутые им в специальной записке контрпредложения по некоторому смягчению условий договора были с порога отклонены участниками конференции, за 8 дней до подписания текста договора Брокдорф-Ранцау демонстративно покинул конференцию и подал в отставку с поста министра. Тем самым он пытался затянуть подписание крайне невыгодного для Германии договора, но одновременно развязать себе руки в переговорах с Радеком, с которым был знаком еще с военных времен.

С 1922 по 1929 г. Брокдорф-Ранцау был первым послом Веймарской республики в СССР. Психически не вполне нормальный человек, отъявленный алкоголик, закоренелый гомосексуалист, чем он занимался — и тем, и другим — на пару с наркомом иностранных дел СССР Г. В. Чичериным, в основном по ночам. На пару же ежегодно они и лечились в Германии. Ни то, ни другое, ни третье (кстати говоря, и у Чичерина с психикой тоже не все было в порядке) не было секретом ни для Ленина, ни для Сталина, ни для ОГПУ, ни для германской разведки, и вообще для кого бы то ни было.

... Соответствующая информация обо всех особенностях их «нежной дружбы» и совместном пьянстве плотным потоком оседала в печально знаменитой Черной книге начальника Спецотдела ГПУ — ОГПУ — НКВД Глеба Бокии, которого еще Ленин лично поставил на эту должность для систематического сбора компромата на соратников...

Совершенно неуместно считается, что Брокдорф-Ранцау был искренним сторонником советско-германского сотрудничества и сближения, чему якобы содействовал, находясь на посту посла. Реальность же такова, что ни до, ни в начале, ни, тем более, впоследствии он никогда не был искренним сторонником такого сотрудничества, вплоть до самой своей смерти от безудержного пьянства, о котором ходили фантастические легенды в дипломатическом корпусе Москвы тех лет. В перехваченном советской разведкой его секретном письме от 8 июля 1926 г. на имя президента Германии фельдмаршала Гинденбурга Брокдорф-Ранцау прямо указывал, что т. н. «хорошие отношения Германии с СССР изначально были браком по принуждению, а о браке по любви не может быть и речи», в связи с чем всякие чрезмерные надежды, связываемые с

германо-советскими отношениями, он откровенно считал «ошибочными и опасными». Более того, в этом же письме он указывал, что *«отношения с СССР должны были из тактических соображений до известной степени основываться на блефе, т. е.... полезно создавать впечатление большей близости с Россией, чем есть на самом деле»* (курсив мой. — А.М.).

Естественно, что еще со времен войны он прекрасно, в деталях знал все аспекты подрывной деятельности Германии против России, значительную часть которой осуществлял лично. Соответственно, знал он и о компромате на Ленина и его ближайшее окружение из числа пребывавших с ним в эмиграции, и, конечно же, каналы оказания влияния на т. н. «ленинскую гвардию».

Не правда ли, интереснейшая персона активно занялась «восстановлением нитей контактов и мыслей» через Радека?! А ведь именно с таким «багажом» в голове закоренелый пьяница и гомосексуалист Брокдорф-Ранцау и приступил к ночным бдениям в «политическом салоне» Радека, основанном на деньги германской разведки.

Но еще хлеще был второй участник германского «дуэта» — легендарный в мировой политике и геополитике первой половины XX века Карл Хаусхофер (27.8.1869 — 15.03.1946). Выдающийся германский геополитик, один из основоположников-классиков этой, почти весь XX век не признававшейся в России науки, автор громадного количества трудов — научное наследие составляет 40 томов и свыше 400 эссе по различным вопросам истории, географии, культуры, политики, экономики и, естественно, самой геополитики. Нередко свои работы писал на стыке многих отраслей знаний. Профессиональный военный разведчик: с 1897 г. выполнял различные военно-дипломатические и разведывательные функции и поручения в Юго-Восточной Азии, Индии, Тибете, Монголии, Синьцзяне (Китай), Маньчжурии, Японии. С 1908 по 1910 г. являлся германским военным атташе в Японии и с тех пор располагал в этой стране колоссальными связями во всех кругах японского общества. По состоянию здоровья в 1911 г. вынужден был возвратиться в Германию и с того момента вплоть до своего самоубийства накануне допроса в Нюрнбергском трибунале (был назначен на 16.3.1946) прожил на родине, изредка выезжая за границу. С того же времени сначала научный сотрудник,

затем доктор, а с 1921 г. профессор Мюнхенского университета и одновременно основатель и бессменный руководитель знаменитого в те времена Института геополитики при том же университете.

...Институт Геополитики с самого начала своего существования широко использовался в качестве научно-журналистского прикрытия для германской военной разведки, а с момента привода нацистов к власти — также и нацистской внешнеполитической и партийной разведками. Институт являлся одним из главных аналитических центров, обслуживавших военно-политическую и деловую элиту Германии, а впоследствии также и нацистскую верхушку...

С 1924 г. Хаусхофер — основатель и бессменный издатель знаменитого в первой половине XX века, обладавшего громадным авторитетом в международных политических, дипломатических, деловых, военных и разведывательных кругах журнала «Геополитика», впоследствии переименованного в «Zeitschrift für Geopolitik». Сотрудничать с этим журналом почитали за честь многие выдающиеся деятели политики, экономики, дипломатии, науки, военной разведки (в т. ч. Рихард Зорге, например), ведущие корреспонденты мировых изданий и информационных агентств. Все это обеспечивало беспрецедентно высочайший уровень именно аналитической осведомленности Хаусхофера по всем проблемам мировой политики.

Как незаурядный интеллект и профессиональный военный разведчик высокого уровня — имел звание генерал-майора, — благодаря своим личным и деловым качествам, а также связям (Хаусхофер был женат на дочери одного из видных германских предпринимателей — еврея по национальности, которую звали Марта) он был вхож в высшие круги как Германии, так и ряда других стран, особенно Великобритании и Японии, лично был знаком со многими носителями очень громких фамилий. Был одним из крупнейших в то время германских специалистов по Дальнему Востоку и Азии в целом. Еще до Первой мировой войны Хаусхофер являлся личным советником кайзера Вильгельма II по дальневосточным проблемам. Уже с тех пор являлся убежденным сторонником союза Германии и Японии при участии России, о чем свидетельствует его первый капитальный труд «Дай Нихон» («Великая Япония»), изданный в Мюнхене еще в 1913 г. В период с 1916 по 1918 г., как авторитетный специалист по Японии и проблемам Дальнего Востока, принимал

активное участие в тайных сепаратных переговорах между Германией и воевавшей на стороне Антанты Японией, с целью заключения с ней сепаратного мира (переговоры были зафиксированы русской военной разведкой, которая по каналам Антанты сумела предотвратить их успешное завершение).

Участник Первой мировой войны — с 1 августа 1914 г. был восстановлен на военной службе, командовал дивизией, в т. ч. и на Восточном фронте. Карл Хаусхофер великолепно разбирался и легко ориентировался в вопросах астрологии, оккультных наук, конспирологии, истории и современности различных тайных обществ, в т. ч. и особенно масонских, сам являлся членом «Германенорден» и созданного под его эгидой на манер масонской ложи «Общества Туле», в конце 20-х годов уже сам создал пресловутую «Ложу Врил» («Ложу Света»), в которую входили многие руководящие деятели нацистского рейха. Принял посвящение в буддизм в одном из монастырей под Лхасой, был посвящен в члены японского тайного общества «Зеленый Дракон», имел очень тесные связи с другими тайными японскими обществами — «Обществом Реки Амур», «Обществом Черного Дракона» (оба вечно путают из-за одинакового чтения разных иероглифов), «Обществом Черного Океана», «Великим Обществом Национального Духа», в т. ч. и особенно с их закулисным патроном, легендарным в японской конспирологии и геополитике тех времен Мицуро Тоямой, сам создал в Берлине и Мюнхене Тибетское Общество. Себя называл не иначе, как «учеником Восточной Империи».

И при всем при этом Хаусхофер был теснейшим образом связан, являясь фактически ее членом, с одной из самых могущественнейших масонских лож Великобритании и всего Запада — «Герместическим Орденом Золотой Зари». Владел немецким, английским, японским, а также санскритом. В его биографии и личности есть несколько моментов, о которых, невзирая на то, что они практически не поддаются более или менее серьезной проверке в научном смысле слова, все же есть резон упомянуть.

Во-первых, еще в период Первой мировой войны при планировании военных операций были подмечены неоднократные проявления Хаусхофером потрясающего дара интуиции, граничившей, а нередко и просто переходившей в ясновидение. Так, он неоднократно

точно предвидел время и место атаки противника, места падения тяжелых снарядов, не раз абсолютно точно предсказывал погоду. Зафиксированы также и случаи политических предсказаний, например, о предстоящих политических изменениях в стане противников Германии.

Во-вторых, на протяжении всей его жизни за ним тянулся шлейф граничавших с мистикой разговоров о том, что он якобы потомок германских королей. Пикантность этих слухов в том, что в Германии исторически всегда была верховная власть императора (по-немецки — кайзер), а титул «король» использовался всего лишь несколько недель перед восшествием на трон кайзера, т. е. являлся как бы прединаугурационным. В истории Германии зафиксирован всего лишь один германский именно король, который так и остался королем — Конрадин Штауфен, правильней Конрадин Гогенштауфен, последний из раннесредневековых представителей гиббелинов в Германии, погибший на эшафоте в 1268 г.

Отсюда и, в-третьих, до конца жизни Карла Хаусхофера сопровождали столь же глухие разговоры о том, что он один из дальних потомков Гогенштауфенов, причем незаконный.

За этими, особенно двумя последними, казалось бы, сугубо салонно-аристократическими сплетнями, в действительности сокрыт серьезный оккультно-политико-геополитический смысл, корни которого уходят в раннесредневековую историю Священной Римской империи германской нации (последние два слова — с XII в.), а реальные последствия проявились в действиях Хаусхофера уже в XX веке. В связи с этим есть необходимость хотя бы вкратце коснуться той истории.

...Созданная Карлом Великим (768–814) Священная Римская империя даже в лучшие свои времена представляла собой политически рыхлое объединение германских и итальянских территорий (карликовых княжеств и королевств). Она являла собой своего рода конфедерацию, причем весьма слабую, Германии и Италии (поскольку большая часть французских территорий отпала от империи вскоре после смерти Карла Великого). Тем не менее с X века по вторую половину XII столетия это было реальное государственное образование с централизованной политической властью и рядом общих органов управления. В X–XI веках окончательно установилось

господство германских императоров (впервые титул императора принял Карл Великий) над римскими папами. Священная Римская империя была агрессивным экспансионистским государственным образованием, а главным направлением ее внешнеполитической экспансии было восточное. Главными же экономическими опорами этой экспансии являлись левантийская торговля, т. е. торговля со странами Ближнего Востока (ранее назывались «страны Леванта»), крестовые походы, в т. ч. и в указанный регион, и, соответственно, безудержный грабеж во время этих походов. Однако несмотря на то что активная внешнеполитическая экспансия вроде бы и содействовала некоторому цементированию империи, тем не менее острейшая борьба внутри самой империи, ожесточенное противоборство с римскими папами, основанное на стремлении полностью подчинить их себе, а церковь в целом — императорской (светской) власти, не только привело к продолжительному конфликту между противоборствующими сторонами, но и систематически подтачивало саму власть. В итоге и в самой Германии империя, становясь все более эфемерной, уже в X–XI веках из наследственно-выборной трансформировалась в выборную. Вопрос об императоре решался на специальном съезде князей-курфюрстов, власть которых в этом вопросе к концу XIII века выродилась в олигархию курфюрстов, вершивших судьбы империи, помимо императорской власти. Как и любой иной политический процесс подобного типа, и этот тоже незамедлительно привел к расколу правящей элиты на два лагеря: гвельфов и гиббелинов.

Гвельфы, а название это происходит от старинного княжеского рода Вельфов, к которому принадлежали ганноверские монархи (по-итальянски — Гвельфы), уже в IX–X веках являлись крупнейшими землевладельцами в Бургундии, Швабии, а затем и северо-востоке Германии. Именно в таком своем качестве Гвельфы в 1137 г. выставили свою кандидатуру на престол императора Священной Римской империи германской нации, но натолкнулись на ожесточенное сопротивление могущественных соперников из числа гиббелинов — в лице рода Гогенштауфенов, которым и досталась корона. Один из Гвельфов — Оттон IV — все же прорвался на императорский престол, на котором сидел с 1208 по 1215 г. Его племянник, известный по истории как Оттон Дитя (умер в 1252 г.),

стал родоначальником знаменитого Брауншвейгского дома, одна из ветвей которого в 1692 г. получила курфюрство в Ганновере. Один из курфюрстов этой ветви — Вильгельм Оранский,^[1] приглашенный в конце XVII века осуществить «славную революцию» в будущей Великобритании, стал английским королем, однако же, вследствие злостной педерастии, не смог оставить потомства, хотя и был формально женат на дочери Якова II — Марии. Когда же она скончалась, проблема престолонаследия настолько обострилась, особенно после смерти единственного ребенка сестры Марии — Анны, что уже в 1701 г. Вильгельм был вынужден подписать Акт о престолонаследии, согласно которому глава Ганноверской династии того времени, 71-летняя внучка короля Якова — София — стала наследницей Анны, которая уже в 1702 г. взошла на престол в связи со смертью Вильгельма-гомосексуалиста. А с 1714 г. в связи со смертью и Анны, и Софии Ганноверская династия стала поставлять на экспорт английских королей, причем особенно на первом этапе в основном страдающих психическими отклонениями.

Начало этой «экспортной серии» положил Георг I, а самым полоумным, над которым издевались даже английские поэты, был Георг III. Последним прямым представителем этой династии в Англии была знаменитая королева Виктория, скончавшаяся в 1901 г. Ее внуком был последний император Германии — Вильгельм II, а двоюродный брат британского короля Георга V — российский император Николай II, приходился Вильгельму II кузеном.

После присоединения Ганновера к Пруссии в 1866 г. Гвельфы потеряли свой престол в Германии, но не смирились и продолжали настаивать на самостоятельности Ганновера и возвращении им владетельных прав, опираясь на своих многочисленных сторонников, образовавших как бы партию, которая так и называлась — Гвельфской партией. У последней были ярко выраженные сепаратистские наклонности, с которыми ожесточенно боролся еще «железный» канцлер Германии Отто фон Бисмарк.

В свою очередь, гиббелины (по некоторым данным, это название происходит от сильно искаженного названия имени Гогенштауфенов — Вайблинген), т. е. сторонники Гогенштауфенов, еще в те стародавние времена были партией тех сил феодальной знати Германии, которые поддерживали идею сильной централизованной

власти, выступали за широкие права императорской власти в Священной Римской империи германской нации, считали свои долгом защиту империи от теократических притязаний римских пап, расценивая императора с сильной централизованной властью как защитника своих старинных вольностей от посягательств зарождавшейся тогда торгово-промышленной буржуазии, которая в абсолютном своем большинстве, тем более в городах, была на стороне Гвельфов. По сути дела, гиббелины отстаивали идею универсальной централизованной монархии, утверждающей свое господство в т. ч. и на чужих землях. В начале XIII века во главе гиббелитов становится король Сицилии и властитель германский — Фридрих Гогенштауфен. Личность более чем примечательная, и прежде всего тем, что геополитически он был ориентирован на Восток. Будучи восторженным почитателем Востока как такового, он в то же время являлся упорным противником феодальных порядков и сторонником сильного централизованного государства, без каких-либо свобод во главе со всемогущей бюрократией. Во внешней политике этот почитатель Востока был не менее ярко выраженным антиевропейцем — свернул 6-й крестовый поход, причем на выгодных для египетского султана условиях, отказался от поддержки Польши и Моравии в отражении нашествия Батыя, и даже пригласил к себе на службу в качестве тайной полиции остатки разгромленных на Востоке исмаилитов и секты ассасинов, уже в то время активно вырождавшихся в банду тайных убийц. Естественно, что это вызвало крайне ожесточенное сопротивление Ватикана. Несли Фридрих Гогенштауфен в ответ на действия Ватикана, развернувшего бурную деятельность (в нее был втянут даже знаменитый Франциск Ассизский), объявил войну Святому Престолу, то глава последнего — Папа Иннокентий IV, собрав церковный собор и осудив Фридриха, объявил крестовый поход против него, используя для этого французские войска. В разгар той войны от лихорадки погибает Фридрих Гогенштауфен, и на престол восходит его сын — Конрад Монфератский, который подозрительно быстро погибает от рук тех же ассасинов (эти служили всем, кто хорошо платил; до сих пор жива легенда о том, что заказчиком этого убийства являлся Ричард Львиное Сердце). Затем на престол восходит его сын — Конрадин. Он продолжил войну, но в 1268 г. попал в плен к французам

и те, не долго думая, отрубили ему голову. Династия Гогенштауфенов физически прервалась.

Однако разговоры и слухи со сплетнями утверждают, что именно Карл Хаусхофер являлся единственным наследником незаконных потомков Конрадина Гогенштауфена и, более того, единственным наследником тех самых остатков исмаилитов и ассасинов, что были призваны на службу к Фридриху Гогенштауфену...

Коррелирует ли вся вышеизложенная история с тем, что уже было и еще будет сказано о Карле Хаусхофере, а также с главным персонажем и главным предметом нашего разведывательно-исторического расследования — Тухачевским и военно-геополитическим заговором глобального характера по оси Берлин — Москва — Токио?

К сожалению, как это ни парадоксально, но даже очень коррелирует. Начать хотя бы с внешнего вида самого Карла Хаусхофера — у немцев, как правило, носов с горбинкой не бывает. Но это всего лишь слегка пикантная мелочь из того, что известно о Хаусхофере.

... Сейчас мало кому известно, что первыми в XX веке черепа и носы стали мерить не кто иные, как именно же англичане — впервые такая «операция» была проведена в индийском городе Мадрасе в 1900 г. Тогда измерениям подвергли как живых, так и умерших индийцев, а также местных евреев. Так что нацисты всего лишь прилежно скопировали британский опыт...

Или, к примеру, его ранняя близость к германскому императору, его более чем почтительное отношение к монархии вообще (в т. ч. и к японской) и в целом автократическому принципу жестко централизованной, фактически диктаторской власти, что вполне закономерно привело его и в «Германенорден», и в «Общество Туле», и к активному участию в первоначальном возвращении, а затем и сотрудничеству с той же нацистской партией, которая, как известно, была сугубо вождистского толка.

Что же до геополитических последствий таких наклонностей в образе мышления, то тут следует, хотя и забегаая вперед, отметить, что военно-геополитический заговор по оси Берлин — Москва — Токио, судя по ряду фактов, явно мыслился его идейными вдохновителями

как установление военных диктатур во всех трех центрах этой оси (в Японии, правда, с определенной поправкой на национальную специфику).

В этой же детали образа мышления Хаусхофера, имя которого не раз всплывало на процессах 1937–1938 гг., есть и «мостик» к личности самого Тухачевского. Не претендуя на пересказ инсинуаций насчет его бонапартистских замашек, из-за чего он и получил кличку «Наполеон» («Наполеончик»), которую многие «историки» обязательно смакуют во всех изданиях, было бы более уместно процитировать строки из воспоминаний солагерника Тухачевского — Реми Рура (псевдоним Пьер Ферварк). Вот что говорил будущий маршал, сидя в концлагере Ингольштадта: **«Чувство меры, являющееся для Запада обязательным качеством, у нас в России — крупнейший недостаток. Нам нужны отчаянная богатырская сила, восточная хитрость и варварское дыхание Петра Великого. Поэтому к нам больше всего подходит одеяние диктатуры. Латинская и греческая культура — это не для нас! Я считаю Ренессанс наравне с христианством одним из несчастий человечества... Гармонию и меру — вот что нужно уничтожить прежде всего». Или вот еще: «Россия похожа на этого великого и несчастного музыканта (разговор шел о Бетховене. - А.М.). Она еще не знает, какую симфонию подарит миру, поскольку не знает самое себя. Она пока глуха, но увидите — в один прекрасный день все будут поражены ею...»**

...Меры у него и впрямь не было — он до такой степени считал христианство несчастьем человечества, что свою собаку назвал Христосик...

Любопытно отметить, что сидевшие с ним в лагере французы переделали его фамилию в Тушатусский — от французского «touche-a-tout», т. е. демонстрировать поверхностные знания...

Другое высказывание Тухачевского (накануне известий о т. н. «февральской революции»): **«Наш Император — недалекий человек... И многим офицерам надоел нынешний режим... однако и конституционный режим на западный манер был бы концом России. России нужна твердая, сильная власть...»**

...В этой связи нельзя не отметить одно чрезвычайно важное обстоятельство. По аргументированному мнению трагически

погибшего под конец XX века российского историка Вильяма Похлебкина, термин «сталинизм» в 20 — 30-х годах прошлого столетия совершенно не тождественен тому, что полвека после смерти Сталина пытаются вбить в головы населения. Детально анализируя суть критики «сталинизма» именно в 30-х годах в одной из своих последних работ «Великий Псевдоним», Похлебкин сделал ошеломляющий вывод о том, что «именно они, старые большевики, были недовольны введением в сталинскую Конституцию 1936 г. различных демократических новшеств, вроде прямых, всеобщих выборов при тайном голосовании. Именно этот факт считался в большевистских оппозиционных кругах главной ошибкой Сталина в 30-х годах, а вовсе не репрессии, которые велись против троцкистов и правых в партии. Истинные большевики подвергали Сталина и сталинизм критике слева, считая, что Сталин просто поторопился объявить о ликвидации антагонистических классов в СССР и что его вариант Конституции открывает путь к постепенной реставрации буржуазного строя». И если наряду с этим выводом Похлебкина вспомнить еще и указание В. М. Молотова на то обстоятельство, что Тухачевский стал торопиться с переворотом именно со второй половины или даже с конца 1936 г., а именно тогда-то и завершалась работа над проектом Конституции, то, очевидно, для прояснения одной из важнейших причин и целей заговора появился реальный шанс. Особенно в свете того, что уже за 20 лет до этого Тухачевский начисто отрицал конституционный режим для России, считая, что ей нужна диктатура...

Вот еще высказывание будущего маршала (в это время он читал одно из произведений Достоевского): «Разве важно, осуществим ли наш идеал пропагандой или оружием? (речь шла о будущем славянского мира. — А. М.) Его надо осуществить — и это главное. Задача России сейчас должна заключаться в том, чтобы ликвидировать все: отжившее искусство, устаревшие идеи, всю эту старую культуру... При помощи марксистских формул ведь можно поднять весь мир! Право народов на самоопределение! Вот магический ключ, который отворяет России двери на Восток и запирает их для Англии. Революционная Россия, проповедница борьбы классов, распространяет свои пределы далеко за пограничные линии, очерченные договорами... С красным

знаменем, а не с крестом мы войдем в Византию! Мы выметем прах европейской цивилизации, запорошившей Россию, мы встряхнем ее, как пыльный коврик, а потом мы встряхнем весь мир!»

Судя по этим выражениям будущего маршала, с ним явно кто-то поработал в идеологическом плане, и этот «кто-то» очень уж смахивает на самого Карла Хаусхофера — уж слишком много у поверхностно эрудированного подпоручика выражений из арсенала самого Хаусхофера. Достаточно хотя бы бегло пролистать труды этого геополитика, чтобы убедиться в обоснованности и серьезности такого предположения. Я уж не говорю о сентенциях вокруг «магического ключа», Англии и «пограничных линий».

Да, в русской армии времен Первой мировой войны открыто бытовала абсолютно справедливая уверенность в том, что подлинный враг России не Германия, а Великобритания, но все дело-то в том, что эта убежденность появилась в разгар войны, а Тухачевский практически всю войну просидел в концлагерях для военнопленных. Следовательно, к таким выводам его привели именно в Ингольштадте, соответственно — кто? А если вспомнить, что Карл Хаусхофер был просто помешан на геополитических альянсах именно против Великобритании, если вспомнить, что вся западная пресса открыто обвиняла Тухачевского именно в 1937 г. за то, что он планировал достичь континентального соглашения против Великобритании, а по условиям тех времен об этом речь можно было вести только с Германией, то выходит, что и впрямь с ним очень хорошо поработали еще в Ингольштадте, и осуществлял эту обработку, судя по всему, сам Карл Хаусхофер. Ничего удивительного в этом предположении нет, ибо Хаусхофер в первую очередь был военным разведчиком и только потом стал геополитиком. Кроме того, концлагеря для военнопленных — что называется, синекура для разведок, работающих на перспективу. Вспомните хотя бы выдающегося советского разведчика Джорджа Блейка — ведь он тоже был завербован советской разведкой в плену, куда попал во время корейской войны в начале 50-х годов XX века. И еще одно обстоятельство, которое могло сыграть большую роль, — в генеалогических древах К. Хаусхофера и М. Тухачевского слишком много могущих объединить при приватном разговоре мистики и легенд.

Об этой стороне генеалогии К. Хаусхофера уже говорилось. А вот что касается Тухачевского, то если верить Энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона, дворянский род Тухачевских ведет свое начало от некоего графа Индриса, иностранца, переселившегося на Русь еще в XIV веке. Более того, поскольку тот же самый граф Индрис являлся родоначальником такого знаменитого рода России, как Толстые, из которого, как известно, вышли многие выдающиеся деятели культуры, дипломатии, разведки России, то, обратившись к тому же словарю Брокгауза и Ефрона, можно установить, что этот самый Индрис был немцем. А если вспомнить, что писал о своих предках один из славнейших «птенцов гнезда Петрова» — первый граф Толстой (Петр Андреевич), то и вовсе выходит, что этот самый Индрис прямиком из Германии в 1352 г. направился на Русь. Кстати говоря, все то же самое Толстой указал еще в 1686 г. в тексте «старинного родословца», поданного в Палату родословных дел Разрядного приказа. Конечно, в связи с этим нельзя не указать и того обстоятельства, что с давних времен отечественные историки почему-то скептически относятся к этим родословным вообще, а не только к родословной Толстого или Тухачевского. Наверное, они исходили из того, что, например, тот же Петр Андреевич Толстой указал свое происхождение от некоего предка, прибывшего из Германии, ради того, чтобы потрафить Петру I, который, как известно, более чем благосклонно относился к немцам. Что ж, может быть, и это так, но уж слишком целенаправленный выбор одного и того же предка для нескольких известных дворянских родов — Толстые, Тухачевские и еще двух — порождает сомнение в приписываемой историками умышленной «сочиненности» этих родословных, скорее всего, что-то реальное за всем этим действительно было.

Так это или не так, но одно можно сказать точно — в поисках подхода к глубинам души и сердца интересующего ее лица любая уважающая себя солидная разведка всенепременно использует такие обстоятельства, особенно если вопрос стоит о приобретении перспективной агентуры на будущее, тем более с уклоном на агентуру влияния (хотя, конечно, в те времена такого термина не существовало, но само понятие имеет место быть с древнейших времен, всегда использовалось и в тайной дипломатии, и тем более в разведке).

Ну и, наконец, еще одно высказывание Тухачевского, уже после «февральской революции»: «Если Ленин окажется способным избавить Россию от хлама старых предрассудков и поможет ей стать независимой, свободной и сильной державой, я пойду за ним». Как у него могли родиться такие предположения при той скудости информации, что доходила до военнопленных концлагеря Ингольштадт? Ведь все, что им становилось тогда известным, проистекало из германских газет, весьма однобоко подававших информацию о событиях в России.

Если все эти более чем пикантные обстоятельства обобщить, то поневоле придется признать, что перед нами достаточно интересная первоначальная основа для вербовки или, по меньшей мере, для установления доверительных отношений. И в жизни, и в разведке, и в тайных обществах все происходит именно так — сначала подбирается кандидатура, затем изучаются взгляды, изыскиваются «струны и струнки», на которых можно было бы сыграть и не только добратся до глубин души кандидата, но и попросту ею овладеть, и т. д.

Но вернемся к самому Хаусхоферу. Еще большую корреляцию той давней раннесредневековой историй с прижизненными взглядами Карла Хаусхофера можно увидеть в его потрясающей многолетней (фактически пожизненной) непреодолимой тяге к Востоку, в чрезвычайно почтительном отношении к Востоку, в страстной увлеченности оккультизмом и мистикой Востока, в по-священности во многие мистические учения Востока. Но особенно же в нашедших глубокое отражение в его геополитических концепциях мыслях о том, что глубинное сочетание европейского продолжения Евразии, под которым он однозначно понимал Германию, с самой Евразией, т. е. с Россией, и Востоком, прежде всего с Дальним, главным образом со столь полюбившейся ему Японией, оформленное на высшем геополитическом уровне как континентальный блок Германий — России — Японии, — и есть та самая европейско-евразийская антибританская конструкция мироустройства. И здесь Германия, в случае установления в ней сильной централизованной власти, может занять подобающее ей, равное с Великобританией положение. Отсюда и его знаменитый «Ostorientierung» — т. е. ориентация на Восток, как возможность расширения «жизненного пространства» (Лебенсraum) за счет открытости Востоку, что у нас то ли умышленно, то ли просто от

незнания путают с возрожденным нацистами старым тевтонским девизом «Дранг нах Остен».

У Хаусхофера предостаточно иных антироссийских грехов, чтобы еще и это приписывать ему, тем более что в действительности в его пониманий «открытость Востоку» не подразумевала оккупацию славянских земель. Обычно эта путаница в своей основе имеет тот факт, что Хаусхофер лично обучал геополитике Адольфа Гитлера. Да, это правда, обучал, но ведь это еще далеко не вся правда — кровавой славянофобий коричневого диктатору Хаусхофер не прививал. Гитлер уже сам сделал свой выбор, полностью извратив все то, чему его обучали, и, соответственно, закономерно пришел к краху.

Наоборот, под этим Хаусхофер однозначно подразумевал совместный российско-германский цивилизационный проект установления «Нового Евразийского Порядка», дабы переструктурировать в первую очередь континентальные пространства Европы и Азии, т. е. Евразии (на языке геополитики — Мирового Острова), и освободить ее от массивированного влияния т. н. «Морской Силы», т. е. Атлантического Центра Силы во главе (в те времена) с ведущей мировой морской державой Великобританией. Генеральным изъяном этой идеи было и есть то обстоятельство, что здесь речь идет о прямом противопоставлении еще даже незачатого (на момент появления этих его взглядов) в своих фундаментальных основах «Нового Евразийского Порядка» давно уже сложившемуся Атлантическому Центру Силы с его гегемонистскими амбициями и претензиями на абсолютное мировое господство. Даже только на уровне мыслей столкновение этих двух концепций в мировой геополитике автоматически высекает искры именно глобального вооруженного столкновения, избежать которого в действительности просто нереально. Только две мировые войны XX века — уже ярчайшее тому доказательство. А еще «холодная война», в т. ч. и ее отдельные «горячие всполохи». И в этом смысле нет ничего удивительного в том основополагающем тезисе настоящей книги, который был указан еще в предисловии, — заговор Тухачевского, как ключевое звено «тройного» военно-геополитического заговора по оси Берлин — Москва — Токио, изначально был обречен на провал так же, как и сам глобальный заговор, а весь мир — на Вторую мировую войну, которую последовательно готовила Великобритания.

При всем при этом, сколь парадоксально ни прозвучало бы нижеследующее утверждение, но все свои теории и концепции, особенно же рекомендации, К. Хаусхофер умудрялся разрабатывать с очевидной оглядкой на Великобританию, под политику которой зачастую корректировал свою «восточную ориентацию». Эта «ориентация» в итоге едва ли не автоматически вырождалась в искусно замаскированный, но тем не менее достаточно чувствительно воспринимавшийся в мире геополитический шантаж того же Запада, Великобритании особенно. И, что особенно характерно, чаще всего это увязывалось с Россией, пускай и носившей тогда название Советской.

...Вполне возможно, что эхо всех тех стародавних сплетен сказалось и на появлении у Хаусхофера и такой черты. Ведь если его считать незаконным потомком Конрадина, тем более наследником исмаилитов и ассасинов, умудрявшихся служить — «по заказу» — различным хозяевам, то тогда следует признать, что эхо это, оказывается, прошло и на генетическом уровне, иначе откуда бы появиться такой черте не только характера, но и геополитических взглядов и действий...

В свою очередь, этот генетически явно не случайный порок не мог избавить его от фактически неизбежной необходимости занимать сугубо западную, солидарную с той же Великобританией позицию.

Этот фантастический парадокс Хаусхофера привел к тому, что в итоге вместе со своим сыном — Альбрехтом (сотрудником МИДа Германии, впоследствии казнен как соучастник антигитлеровского заговора 20 июля 1944 г.) — он «докорректировался» до того, что стал непосредственным инициатором знаменитого полета Р. Гесса в Англию в мае 1941 года, целью которого было договориться с Великобританией о совместном походе на Восток. Удивительно в то же время даже не то, что в основе идеи полета Гесса лежала разработанная Хаусхоферами мысль о необходимости создания «федерации против Советской Евразии на базе англо-германского сотрудничества, вплоть до слияния армий и флотов», предвосхитившая всего через 8 лет созданный на основе такой же идеи Североатлантический блок, а то, что первые шаги к будущему полету Гесса Хаусхоферы сделали именно в 1936 г. буквально в канун Моменты Истины в осознании смертельности близившегося к реализации глобального заговора, который наступил и у британской

разведки, и у Сталина практически одновременно — осенью того же 1936 г.

Именно в 1936 г., во время проходивших в Берлине Олимпийских игр, Хаусхоферы, особенно младший — Альбрехт, установили очень тесный контакт с маркизом Клайсделом, будущим герцогом Гамильтоном. В то время маркиз был не только очень известным летчиком, но и членом Англо-германского общества, а по совместительству — и агентом британской разведки (британские аристократы с удовольствием выполняют поручения СИС).

Так много внимания геополитическим взглядам Хаусхофера с их вечным «двойным дном» уделено отнюдь не случайно. Более того, они специально показаны на фоне далекой истории и одновременно на параллелях со взглядами Тухачевского, дабы как можно точнее и глубже показать абсолютную интеллектуальную беспомощность наших доморощенных интриганов.

Ведь по сути-то дела они совершенно однозначно не отдавали себе отчета, в какую смертельно опасную, в т. ч. и для их жизней, геополитическую интригу высшего мирового порядка завели их безумные амбиции и претензии на высший разум, в т. ч. и в делах т. н. «мировой революции»!

Ведь одно дело на Тамбовщине травить газами безоружных баб с малыми детьми, в чем будущий маршал изрядно преуспел, но совершенно иное дело — наступать на «мозоли» Великобритании! Это прекрасно понимал Сталин, причем даже после войны, в ореоле славы и могущества главного победителя Германии! Пребывавший тогда на вершине мыслимого и немыслимого могущества, он отчетливо понимал, что есть пределы любым амбициям, и зазря не лез в драку с Западом, кроме тех случаев, когда его открыто вынуждали к этому!

Наши же заговорщики этого не понимали — им казалось, что какими-то континентальными соглашениями, тем более на основе военных диктатур с Германией, а также Японией, они «на горе всем буржуйам мировой пожар раздуют»! Тевтоны-то изначально отводили им роль той самой лафонтеновской обезьяны, что должна была таскать каштаны из огня! Причем даже тогда, когда вроде бы от всего сердца, правда, «тевтонского», помогали урегулировать отношения с той же Японией — им всего лишь тыл был нужен для того, чтобы Япония спокойно могла крушить Британскую империю на Востоке, в то время

как сами тевтоны также при спокойном восточном тыле крушили бы ее в Европе и Атлантике!

В связи с этим, очевидно, есть прямой резон показать и то, чего заговорщики не желали видеть или просто не могли увидеть, хотя бы по той причине, по которой французы-солагерники будущего маршала иронически переименовали его фамилию...

Итак, К. Хаусхофер считается основоположником знаменитой геополитической доктрины **«континентального евразийского блока»**.

Однако эта доктрина есть не что иное, как хотя и перенасыщенная всевозможными, зачастую пафосными рассуждениями и умозаключениями, а также явно небезынтересными фактами и аргументами, но тем не менее всего лишь авторская интерпретация Хаусхофером, как представителем опоздавшей к основному разделу мира Германии в начале эпохи империализма, оборотной стороны стародавних страхов того же Пальмерстона, о чем говорилось еще в предыдущей главе!

И потому вовсе неудивительно, что созревшая в основных своих чертах и постулатах еще до Первой мировой войны, т. е. в период наивысшего обострения англо-германских противоречий, эта же доктрина, но уже после столь беспрецедентно катастрофического поражения Германии в той войне, представлялась ему в плане практической реализации как прямое геополитическое противостояние прежде всего с англосаксонским Западом, особенно с Великобританией, как едва ли не единственная возможность возродить имперское величие Германии.

Однако же в ситуации, когда Германия была политически раздавлена Версальским т. н. «мирным» договором до того, что из активного субъекта мировой политики превратилась в пассивный субъект корыстной политики все той же Антанты, само существование которого обеспечивалось только соглашениями и условиями, зависевшими от воли других держав, попытка столь радужной реанимации оборотной стороны стародавних страхов Пальмерстона уже в самой своей основе было не чем иным, как тривиальным геополитическим шантажом Запада, прежде всего Великобритании, для постепенного выцегивания у последней, как у лидера Запада, уступки за уступкой по принципу — «мы с Востоком до тех пор, пока

Запад не с нами», или, как один из вариантов, «Германия с Востоком ровно настолько, насколько Запад не с Германией»! Что, как говорится, и имело место быть в политике Веймарской Германии вплоть до привода Гитлера к власти, да так и осталось вплоть до 1 сентября 1939 г., если вспомнить, как Гитлер постоянно выцыганивал у Запада собственное «умиротворение», в т. ч. и экономическое.

То есть, по сути дела, и со стороны Хаусхофера изначально предполагался, а в дальнейшем и реализовывался все тот же блеф, о котором столь красочно написал его друг Брокдорф-Ранцау в письме президенту Гинденбургу.

Между тем он преотлично понимал, что такое открытое геополитическое противопоставление, тем более в рамках «континентального блока», да к тому же на фундаменте из шантажа с использованием до остервенения ненавистных Западу Советов, неминуемо неизбежно, едва ли не автоматически приведет к жесткому, не исключая жестокого, скорее всего упреждающему, в т. ч. и военному ответу со стороны того же англосаксонского Запада, прежде всего самой Великобритании!

Т. е. опять к войне! Той самой войне, разменной монетой в которой опять станут исторические судьбы народов Германии и России, как главных европейско-евразийских «коренников» этого континентального блока, особенно же России, как самого крупного и мощного именно в геополитическом смысле «коренника»!

Ему ли, генерал-майору германской военной разведки, профессионалу высочайшего класса и в политике, и в дипломатии, и в истории, и, естественно, в геополитике было не понимать или не осознавать, что Великобритания в лице ее сильно окрепшей в годы Первой мировой войны разведки будет особо тщательно отслеживать всю ситуацию вокруг любых, даже еще только намеков на попытки реализации подобных идей?! А поскольку она категорически не терпит какого бы то ни было нарушения столь свято веками чтимого ею пресловутого «баланса сил», в т. ч. и на подступах к «жемчужине» в короне Британской империи — Индии, то не остановится ни перед чем, пока интригами глобального порядка или той же войной не исправит чертов «баланс сил» в свою же пользу. Да еще и подтянет под это дело весь Запад. На тот момент был еще свеж пример того, как британская разведка в опережение германских интриг по организации

«дворцового переворота» в целях устранения Николая II и последующего сепаратного вывода России из войны (которые, кстати говоря, осуществлялись по каналам именно «Германенорден» и «Балтикума», но под общим патронажем германской разведки) устроила свою т. н. «февральскую революцию».

Ему ли, Карлу Хаусхоферу, было не знать эту азбучную аксиому геополитики, которая уже со времен Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг. обрела бесконечную вереницу беспрецедентно «железных» фактов и аргументов, подтверждающих ее?! А ведь за каждым из них — осознанно подлые действия Великобритании против России, направленные только на ее уничтожение. Тем не менее Карл Хаусхофер совершенно сознательно пошел на участие в той, как он сам же и называл, «игре» с Радеком не только с абсолютно аналогичным Брокдорф-Ранцау «багажом» мыслей, но и фактически как главный геополитический идеолог этой «игры».

Абсолютно идентичным же «багажом» мыслей обладал и Ганс фон Сект, который входил в состав германской делегации на версальской «мирной» конференции в качестве военного эксперта и где под влиянием первых двух, особенно же Карла Хаусхофера, превратился в того самого «неизвестного друга России», как его, по меньшей мере от полного незнания, продолжают величать. Воистину «в глубине всякой груди есть своя змея»! И что же должно было получиться из этого «триумвирата» змеиного по своему коварству «багажа» мыслей?! Да только то, о чем и было сказано выше, ибо глобальная провокация с непрерывным подставлением России, пускай и называвшейся тогда Советской, под всевозможные удары со стороны Запада ничем иным и не могла закончиться. В этой связи весьма любопытно и та последовательность событий, которая не замедлила показать себя во всей своей угрожающей «красе».

Не успела «игра» с Радеком войти в интенсивный режим, а, напомним, произошло это после 7 мая 1919 г., как уже 26 мая Верховный Совет Антанты по инициативе Великобритании направил ноту Колчаку, в которой говорилось о полном разрыве всяких отношений с советским правительством и о готовности признать его Верховным правителем России. Но только при одном условии — именно же как Верховный правитель Колчак должен был письменно согласиться на отделение от России Польши, Финляндии, Латвии,

Эстонии, Литвы, Кавказа, Закавказья, Закаспийской области/Причем если в отношении последних шести между Колчаком и марионеточными правительствами этих окраинных территорий не будет достигнуто соответствующих соглашений, то вопрос должен быть передан на арбитраж Лиги Наций. А это означает, особенно в отношении пяти первых, что рекомендация британской разведки британскому же правительству о необходимости как можно дальше чисто в географическом смысле развести на послевоенный период Германию и Россию — *была услышана!* А подал эту рекомендацию не кто иной, как закадычный оппонент того же К. Хаусхофера выдающийся британский геополитик и тоже разведчик Хэл форд Маккиндер, который в то время состоял консультантом британской разведки при Колчаке по вопросам геополитики. Не говоря уже о том, что и сама эта рекомендация Маккиндера тоже прямая реакция на начавшуюся в Берлине «игру». На этой же рекомендации Маккиндера основана и главная задача похода Юденича на Петроград в 1919 г., а затем, уже в 1920-м — нападения Финляндии на Россию. Она же стала главнейшим побудительным мотивом чисто пробританской агрессии Польши против России весной 1920 г. Причем, что характерно, Великобритания отлично понимала, что именно эта агрессия должна быть умеренной и строго дозированной, иначе поднимется вся Россия и сметет Польшу с лица земли, о чем откровенно предупредила Варшаву. Но дорвавшиеся до «свободы» панове так закусили удила, что пришли в себя, только увидев Красную армию у стен своей Варшавы. После чего уже Тухачевский уносил свои ноги из-под ее же стен, потому как развести Германию и Россию как можно дальше чисто в географическом смысле означало, что даже такому агрессору, как Польша, Великобритания и вся Антанта в целом, обязательно помогут, потому как ее, Польши, роль барьера на пути продвижения Германии на Восток и против проникновения России в Европу была определена еще в секретном меморандуме британского правительства аж в декабре 1916 г., т. е. еще до т. н. «февральской революции». И отнюдь не странное дело, что не успели высохнуть чернила на подписях под договорами, по которым этот развод как можно дальше чисто в географическом смысле был оформлен де-юре, как той же Германии внезапно, без всяких на то объяснений, при открыто проявленном недовольстве Франции резко скостили репарационный

долг — с 269 до 132 миллиардов марок. Не догадываетесь, за что? А за то, что, соблазнив идеей «континентального блока» увлеченных т. н. «полевой революцией» азартных «игроков» в Москве, фактически спровоцировали их превратить национально-освободительную войну против агрессии Польши в революционный поход на Запад, который, зная о предстоящем повороте событий, заранее начал оказание помощи Польше. Ведь главная-то цель заключалась в том, чтобы выманить за пределы Советской России основные силы Красной армии и в оторванности от баз снабжения уничтожить их!

Или вот еще. Не успели «игроки» в Берлине пообсуждать вопрос о том, каким же образом на пользу двум изгоям послевоенной Европы воспользоваться тем самым «магическим ключом», который открыл бы двери России на Восток, но захлопнул бы их | для Великобритании, как тут же, прямо в 1919 г., «на хвост» всех будущих интриг Москвы и Коминтерна на восточном направлении села британская разведка и так никогда уже не выпускала оные из поля своего зрения. Особенно, например, ситуацию вокруг научных экспедиций Н. Рериха, которые осуществлялись под патронажем тайных обществ и молодой советской разведки. Более того, едва только они до чего-то определенного в отношении этого самого «магического ключа» договорились, как тут же под патронажем британской разведки и контролировавшегося ею всемирно известного лидера исмаилитов Ага-хана возник план «Юго-Восточного Союза» в составе территорий Северного Кавказа и Закавказья, а затем даже и план военно-политической унии между Азербайджаном и Персией под британским протекторатом. И, опять-таки, отнюдь не странное дело, что все эти планы возникали буквально по горячим следам ныне широко известного секретного предложения Троцкого об организации крупномасштабного военного похода на Восток, в Индию, который появился 5 августа 1919 г. — в Берлине «игра» была в самом разгаре — а вышеизложенные планы британской разведки появились уже в I сентябре — октябре того же года!

У наших хватило ума полезть в Персию, чтобы, видите ли, I отобрать у белогвардейцев пару угнанных в персидские порты посудин, но при этом установить там скоротечную Гилянскую Советскую республику, и тут же получили контрнаступление поляков. Дальше — больше, ибо у той «игры», что разыгрывалась в Берлине, были свои законы. В октябре 1921 г. вздумалось министру

и иностранных дел Франции Лушеру и министру иностранных дел Веймарской республики Вальтеру Ратенау хоть как-то нормализовать враждебные до того отношения между двумя государствами. В октябре того же года с молчаливого ведома Великобритании они подписали малоизвестное ныне Висбаденское соглашение. Ведь всякая война должна кончаться миром. Но под это же дело начал суетиться и «гений мирового пролетариата», о чем аккуратные немцы педантично докладывали своим патронам в Лондоне. И вот когда в апреле 1922 г. т. н. «гоминтерн» в составе Брокдорф-Ранцау и Чичерина в ночь с 15 на 16 апреля прорвал-таки в «ночных бдениях» т. н. дипломатическую блокаду и был подписан знаменитый Рапалльский договор, то наступил час расплаты, жестокой расплаты. Всего два месяца прошло с момента подписания Рапалльского договора, как 24 июня 1922 г. знаменитый и чрезвычайно влиятельный на Западе Вальтер Ратенау, один из членов «Комитета 300», что и в те времена правил Западом, был убит «специалистами по мокрым делам» из уже британской разведки подконтрольного «Балтикума», а что касается «гениального» Ильича, так и месяца не прошло, как на редкость «своевременно» егохватила столь сильная кондрашка, что он не соображал даже, как пользоваться зубной щеткой, и все мычал что-то невнятное.

А все потому, что не надо было, наслушавшись берлинских сказок из «политического салона» Радека, наступать на мозоли «старой доброй» Великобритании, ибо Висбаденское соглашение между Германией и Францией и Рапалльский договор Советской России с Германией создали совершенно иную, неподконтрольную Лондону геополитическую конструкцию в континентальной Европе, в которой Германия играла практически независимую роль, а Франция укрепляла и так постфактум по итогам войны сложившуюся гегемонию на континенте. А таких фокусов «добрая старая» Великобритания терпеть не может, особенно от тех, кто входит в «Комитет 300», — от того-то столь жестокая расплата и последовала.

Некоторое время у наших хватало ума уклоняться от последующих не менее соблазнительных предложений о военно-политическом союзе с Германией — «урок»-то был предметным и жестоким. Зато как только дело дошло до создания СССР, что в Лондоне открыто воспринималось как воссоздание, хотя и в слегка урезанном виде, но все той же ненавистой Альбиону России, как тут

же последовали, причем практически едва ли не день в день, прямо в декабре 1922 г., первые шаги Великобритании по организации будущих Локарнских соглашений, благодаря которым и был выпущен на свободу «дух Второй мировой войны». А чтобы «духу войны» было бы на что жить, был составлен пресловуто известный «План Дауэса» — Великобритания и тут осталась верна себе: подтянув под это дело весь Запад, прежде всего экономически более сильные США. Финансового бремени по «материализации духов» она на себя не взяла, а предоставила эту «честь» заокеанскому партнеру. Так была заложена «мина под Европу».

Дальше опять настал черед восточных мотивов. Едва только Советы хоть как-то нормализовали свои отношения с Китаем и приступили к нормализации отношений с Японией, а и в том, и в другом случае без Берлина (особенно Карла Хаусхофера и его личных связей) дело не обошлось, как тут же Великобритания провозгласила необходимость «построения политики европейской безопасности из-за России»: начались плотные и очень интенсивные предлокарнские интриги, закончившиеся подписанием Локарнских соглашений. Смысл последних был в том, что ими Великобритания как бы уравнивала выстроенную не без помощи Германии неподконтрольную Лондону геополитическую конструкцию в виде последовательных договоров СССР с Германией (1922 г.), Китаем (1924 г.) и с Японией (1925 г.), причем именно за счет полной неурегулированности вопроса о восточных границах Германии при наличии фактически пактов о ненападении на Западе. Берлинский шантаж удался и на этот раз — уже в 1926 г. Германия за уши была втянута в Лигу Наций и тем самым получила как бы политическую реабилитацию, а в конце 1926-го — начале 1927 г. с Германии и вовсе был снят военный контроль и удалена союзная контрольная комиссия.

...Говоря о предлокарнских интригах Великобритании, нельзя не воздать должное ее тайной дипломатии и разведке за искусство профессионально и комплексно решать свои задачи. Камнем преткновения на пути к Локарно была позиция Франции, недавно усугубившей дипломатические отношения с СССР и по-прежнему косо поглядывавшей на козни Берлина, который в те времена только и знал, что плясал под лондонскую дудку. Так вот ради того, чтобы умерить упрямство Парижа, в Лондоне решили через свою агентуру в

советской военной разведке попытаться соблазнить Кремль и Коминтерн идеей устройства очередной революции. На этот раз на Балканах с использованием панславянской идеи.

Одновременно с основополагающим шагом Великобритании в предлокарнских интригах — знаменитым меморандумом Остина Чемберлена от 20 февраля 1925 г., в котором излагались основные идеи будущих соглашений, — агент британской разведки в советской военной разведке В. С. Нестерович (известен также и под фамилией Ярославский) в том же феврале подал в Политбюро и Президиум ЦИК СССР подробную записку под названием «Пути революции на Балканах». В ней он пытался обосновать целесообразность очередного революционного бандитизма за рубежом под видом панславянской идеи и с использованием всевозможных славянских организаций и комитетов. Особый упор делался на то, что предлагаемое им революционное бузотерство должно начаться в странах Малой Антанты, а именно там-то более всего и было сильно влияние Франции. Кроме того, в записке прямо указывалось, что главный противник СССР — Франция, что не соответствовало действительности, ибо хотя другом тот же Париж в те времена назвать было нельзя, но все же разведчику полагалось бы знать, что главным противником в то время была именно Великобритания. Наряду с этим, Нестерович-Ярославский особое внимание уделил использованию для этих целей Военно-революционной организации Македонии, которая еще с конца XIX века находилась под полным контролем итальянского масонства, в частности, знаменитой ложи «Пропаганда-2», которая в свою очередь с давних пор находилась под контролем британского масонства и британской разведки. Короче говоря, если бы этот план был полностью реализован, разрыва дипломатических отношений со многими странами Европы, в т. ч. и особенно с Францией было бы не миновать, не говоря уже о более худших последствиях. Ведь под сильнейший ответный удар Запада подставлялось все славянство! Частично Коминтерн, правда, реализовал этот план, который, как и следовало ожидать, закончился грандиозным провалом и скандалом в Болгарии, потому как болгарская полиция, естественно, была заранее оповещена. Нестерович же подался в бег, но вскоре его выследили и отравили в одном из кафе германского городка Майнца. Ну а Франция после этого стала вполне

сговорчивой, и предлокарнские интриги покатались к своему заранее запланированному финалу. Кстати говоря, этим же предложением Лондон явно пытался отвлечь резко возросшую активность Кремля и Коминтерна в Китае на более подконтрольные ей территории...

На локарнские успехи Великобритании Кремль ответил подписанием советско-германского Договора о нейтралитете и ненападении от 24 апреля 1926 г. Одновременно каким-то не к месту «светлым умам» в Москве пришла в голову идея о военно-политическом союзе между СССР, Китаем и Японией. И двух месяцев после этого не прошло, как заместитель министра иностранных дел Великобритании по разведке Локкер-Лэмпсон в июне 1926 г. провел в Лондоне секретную конференцию с участием прозападно настроенных представителей германской военно-политической элиты с целью разработки плана объединенного военного похода Запада на СССР при активном участии Германии. А к весне 1927 г., крайне обеспокоенная неутомимыми попытками прорыва Москвы и Коминтерна в Китай и вообще в Азию, Великобритания начала яростно нагнетать обстановку везде, где только можно.

Надо отметить следующее — к тому моменту тот же Локкер-Лэмпсон уже был послом Великобритании в Китае и предпринимал титанические усилия для осложнения советско-китайских отношений, что, к сожалению, ему удалось. Более того, тогда же в 1927 г. появился и знаменитый «меморандум Танаки», в котором четко были обозначены агрессивные планы Японии против СССР. Обстановка вокруг СССР, да и в самом СССР крайне резко осложнилась — уже открыто замаячила угроза войны с Западом и стала резко возрастать угроза военного же столкновения на Востоке, а в стране резко подняла голову оппозиция и начала разговоры о смене власти. Если коротко охарактеризовать последствия начавшихся в берлинском «политическом салоне» Радека интриг, то не прошло и десяти лет, как вместо провокационного в изначальной своей сути континентального блока Берлин — Москва-Токио (а в какой-то момент даже и с участием Пекина) Москва получила вполне реальную угрозу войны на два фронта — на Западе и Востоке.

Хороши все эти «умнейшие и хитрейшие головы в большой политике» — что это за сотрудничество, коли любая попытка его реализовать приводила к таким последствиям?!

О каком же диктате всему миру могли мечтать заговорщики в 30-е годы, когда уже 20-е ясно показали, что британская разведка сверхплотно сидит «на хвосте» еще только вынашивавшихся идей подобного типа?!

Т.е. изначально даже сама идея уже была обречена на провал, и, честно говоря, по большому геополитическому счету, на вполне справедливый, потому как так или иначе, но необходимо осознанно считаться с интересами других, возможно и неприятных по каким-либо мотивам, но жильцов и так плотно перенаселенной коммунальной квартиры под названием Земля...

30-е годы вполне убедительно доказали абсолютную справедливость такого вывода, в т. ч. и в отношении заговора военных во главе с Тухачевским, которые, судя по всему, так до конца и не осознали, что были игрушками в колоссальной по своим негативнейшим последствиям геополитической игре, а судьба марионеток исторически всегда печальна...

Часть II

Коль нашла ворона розу, мнит себя уж соловьем [\[12\]](#)

*Не постоянно все, что в мире есть,
К тому ж изъянов в том, что есть — не
счесть.*

*Поверь же в то, что сущее незримо
И призрачно все то, что зримо здесь.*

Омар Хайям

Глава I

Где начало того конца, которым заканчивается начало?^[13]

*Я презираю лживых, лицемерных,
Молитвенников сих, ослов примерных.
Они же, под завесой благочестья
Торгуют верой хуже всех неверных.*

Омар Хайям

*«У нас в Англии есть поговорка: зачем лаять самому, если собака
есть?..»^[14]*

С октября 1939 г. по настоящее время никем не замеченным оставался фантастически уникальный парадокс. В тот год в мир глобальных провокаций на заранее заданную геополитическую тему с подачи британской разведки выпорхнули сразу две запредельно идиотские версии «дела Тухачевского».

Версия № 1: «У Эдуарда Бенеша, бывшего президента Чехословакии, тоже есть свои счета к Сталину. Дело в том, что, когда в 1937 г. были расстреляны Тухачевский и крупные военачальники Красной Армии, Европа была настолько возмущена, что Сталину пришлось искать каналы, через которые он мог бы убедить европейские демократические правительства в том, что победитель Деникина и Колчака — нацистский шпион.

По указке Сталина в ОГПУ в сотрудничестве с Управлением разведки Красной Армии было состряпано досье, которое должно было свидетельствовать против этих высших командиров Красной Армии, для передачи его правительству Чехословакии. Эдуард Бенеш, видимо, счел, что он не вправе проверять эти свидетельства, учитывая возможную помощь Сталина Чехословакии.

Пусть теперь Бенеш припомнит это дело, пересмотрит свое отношение к характеру «свидетельств», изготовленных специалистами

из ОГПУ, и решит, имеет ли он право продолжать молчать.

Теперь, когда стало ясно, что хуже способа бороться с Гитлером, чем замалчивание преступлений Сталина, нет, все те, кто впали в подобную ошибку, должны нарушить молчание. Из опыта последних трагических лет следует извлечь урок, что наступление тоталитарного варварства нельзя остановить путем стратегического отступления на позиции полуправды и фальши. Конечно, нельзя диктовать цивилизованной Европе, как ей защищать честь и достоинство человека, но я все же надеюсь, что все те, кто не хочет принять сторону Сталина и Гитлера, согласятся, что главным их оружием должна стать правда, а такие вещи, как убийство, должны быть названы своими именами».

Оригинально получается: сначала поставить к стенке военных, потом испугаться возмущения какой-то там Европы, затем искать каналы для убеждения оной в своей правоте, задним числом состряпать досье, едва ли не насильно всучить его Бенешу, наверное, для того, чтобы он разболтал бы, что-де Сталин ни в чем не виноват, но прав, и одновременно надеяться на то, что он же еще и поможет Чехословакии?!

Версия № 2: «Когда все элементы непостижимой головоломки в Красной Армии были соединены воедино, законченная картина выявила следующие факты:

1. Сталинский план с целью опорочить Тухачевского и других генералов начал осуществляться, по крайней мере, за 6 месяцев до так называемого раскрытия «заговора».

2. Сталин расстрелял маршала Тухачевского и его соратников как немецких шпионов как раз накануне завершения сделки с Гитлером после нескольких месяцев секретных переговоров.

3. Сталин умышленно использовал фальшивые доказательства, полученные из Германии и сфабрикованные нацистским гестапо, в ложном обвинении самых преданных генералов Красной Армии. Это доказательство было получено ОГПУ с помощью белоэмигрантских военных организаций за рубежом.

4. По заданию Сталина 22 сентября 1937 года в Париже был тайно похищен генерал Евгений Миллер, возглавлявший Российский Общевоинский Союз.

Этот дерзкий акт, который мировая общественность не связывала с чисткой Красной Армии, был совершен с целью ликвидации единственного внешнего источника информации как канала, через который гестапо предоставило ОГПУ ложное доказательство против руководителей Красной Армии».

Вдогонку версии № 2 послано «разъяснение» следующего содержания: «Суть новостей заключалась в том, что проект соглашения между Сталиным и Гитлером заключен и доставлен в Москву Канделаки, секретным эмиссаром Сталина в Берлине.

Давид Канделаки, выходец с Кавказа и земляк Сталина, официально состоял торговым представителем в Германии. В действительности он был личным посланником Сталина в нацистской Германии.

Канделаки в сопровождении Рудольфа (псевдоним секретного представителя ОГПУ в Берлине) как раз вернулся из Германии, и они оба быстро были доставлены в Кремль для беседы со Сталиным. Теперь Рудольф, который подчинялся Слуцкому по заграничной разведывательной службе, достиг такого положения с помощью Канделаки, что был направлен непосредственно с докладом к Сталину через голову его руководителя.

Канделаки добился успеха там, где другие советские разведчики оказались бессильны. Он вел переговоры с нацистскими лидерами и даже удостоился личной аудиенции у самого Гитлера. Истинная цель миссии Канделаки была известна пяти-шести человекам.

Сталин считал это триумфом своей личной дипломатии, так как теперь в течение многих лет он один мог контролировать ход развития Советского государства. Только немногие из его ближайших помощников знали об этих переговорах.

Наркомат иностранных дел, Совет Народных Комиссаров, то есть советский кабинет министров, и Центральный Исполнительный Комитет, возглавляемые председателем Калининым, не принимали участия в политической игре Сталина — Канделаки.

В апреле 1937 г., после возвращения Канделаки в Москву, Сталин был уверен, что союз с Гитлером дело решенное. В тот момент, когда шли переговоры с Гиглером, он уничтожал своих старых товарищей, объявив их немецкими шпионами. Он узнал, что в настоящее время

Германия не представляет для него реальной угрозы. Путь для чистки Красной Армии был свободен».

И при всем при этом Сталин, оказывается, был настолько зловреден, что приурочил начало «миссии» Канделаки непосредственно к дате подписания Антикоминтерновского пакта, т. е. к 25 ноября 1936 г.

Парадокс в том, что в эту версию поверили, да еще как! Уже сколько десятилетий верят. Ведь нет ни одной антисталинской работы, где бы ни встречалась фамилия автора этого бреда. Как же, под ним стоит подпись «гордости» всей «прогрессивной общественности», «кумира» антисталинских «детей Арбата». Между тем ни Вальтер Германович Кривицкий, чья подпись «украшает» эту версию с октября 1939 г., ни, тем более, Самуил Гершевич Гинзбург — а ведь это одно и то же лицо — клиническим идиотом никогда не был, как, впрочем, и автором «своих» вышепротитированных «мемуаров» под крикливым названием «Я был агентом Сталина».

Потому что лично, собственной рукой ничего не писал и лично не издавал никаких мемуаров! Гонорар получал, а вот писать ничего не писал! Ни Вальтер Германович Кривицкий, ни Самуил Гершевич Гинзбург, а в действительности нанесший в канун войны колоссальный ущерб советской разведке беглый предатель попросту не знал английского языка, на котором якобы написал свои мемуары. Вдова ближайшего друга Кривицкого — такого же беглого предателя Игнация Рейсса — и такая же, как и они, беглая предательница Элизабет Порецки, вам слово: «Кривицкий ехал в США и очень страдал от этого, **поскольку ни язык, ни страна не были ему знакомы.** Он завел в Штатах новых друзей, которые проявили заботу о нем, а после, когда Кривицкого уже не было в живых, и о его семье. Но именно среди них он познал глубину своего одиночества. Его новые друзья и посоветовали ему заняться журналистикой, а еще лучше написать воспоминания. «И тогда жизнь наполнится смыслом», — уверяли его. **Он не мог писать по-английски** и всю работу возложил на «негров», которым сообщил необходимую обширную информацию. «Негры» исказили ее с единственной целью — сделать книгу сенсационной. **Он ничего не знал об американской прессе,** потому что не читал ее. А шумиха вокруг воспоминаний «сталинского агента» поднялась изрядная. Его сотрудникам удалось добиться поставленной

цели. Кривицкий не подозревал, что «негры» присвоили ему звание и степени, которыми он никогда не обладал, а также «вручили» пост шефа советской разведки в Европе. Он невольно позволил приписать себе поступки других людей, которые он никогда не совершал. Он позволил исказить многие факты, имена, названия мест.

В то же время в этой — весьма спорной — книге он умолчал о своих подлинных заслугах: например, он лишь мельком упоминает о раскрытии японского кода, за что его представили к высокой награде, которую он так и не получил. Кривицкий не упомянул, что это была самая опасная операция в нацистской Германии. Он отказывался напрасно рисковать жизнью людей, о которых упоминается в его воспоминаниях: ему было известно, что только за одно упоминание имени в подобной литературе можно ответить головой (забегая вперед, отметим, что предал он свыше 100 человек! — *А. М.*).

Но мемуарист так и не осознал, что делает ему больше чести, чем присвоение фиктивных заслуг. Чтобы успокоить свою совесть, он называл вымышленные имена убитых, но он не имел права приписывать себе их деяния».

Мне трудно сказать, чего в ее словах больше — бездонной глубины человеческого, нравственного и профессионального падения, или безбрежной фальши, наигранного сетования по поводу деятельности недобросовестных «литературных негров», или попросту злоумышленного нежелания признать, что предательство — оно и есть предательство, и сколько его ни оправдывай, как ни оправдывай, оно на века — предательство. У Мольера в «Тартюфе» есть отличные строки:

Так ничего гнусней и мерзостнее нет,
Чем рвенья ложного поддельно яркий цвет.
Чем люди, полные своекорыстным жаром,
Которые кормясь молитвой, как товаром,
И славу, и почет купить себе хотят
Ценой умильных глаз
И вздохов напрокат...

Одно только ясно сразу — даже на излете жизни, а выше цитировавшиеся мемуары Э. Порецки были написаны уже в конце ее жизненного пути, такие естественные для любого нормального человека, тем более для офицера разведки, понятия, как честь, долг, патриотизм, Родина, для нее, как и прежде для ее мужа и его друга, были всего лишь пустым звуком. Теперь об объективности и достоверности этого источника, ибо на то есть особые причины. Дело в том, что ВТ. Кривицкий напрямую был причастен к физической ликвидации ее мужа — Игнация Рейсса, сбежавшего на Запад несколько ранее. Элизабет Порецки не только точно знала об этом, но и в связи с этим одно время испытывала особую неприязнь к Кривицкому, чего и не скрывала в своих мемуарах: «Наша старая дружба с Кривицким умерла, между нами кровь Людвига» (правильно — «Людвик», под этим псевдонимом И. Рейсе и работал в советской разведке. — *А. М.*).

Формально, уже только на основании одного этого факта можно было бы, по меньшей мере, хотя бы предположить, что Э. Порецки как бы мстит Кривицкому, расписав до мельчайших подробностей всю неприглядную и дурно пахнущую подоплеку происхождения его т. н. «мемуаров». Однако такое предположение следует немедленно отбросить, так как есть и объективные, независимые от слов Э. Порецки доказательства: Кривицкий всегда работал только в континентальной Европе, главным образом против Германии, в связи с чем его основным рабочим языком был немецкий (к тому же с австрийско-чешским акцентом — из-за места рождения и первичного освоения немецкого языка по месту рождения; кроме того, он владел также польским, фламандским языками и, естественно, идиш). Более того, в конце концов и сама Э. Порецки в итоге признала, что «с Кривицким отношения стали улучшаться еще до его отъезда в США».

Есть и другие свидетельства совершенно сторонних лиц, которые едва ли не на все сто процентов аутентично описывают всю грязь «истории» происхождения его т. н. «мемуаров», в т. ч. и называя по имени главного «литературного негра». Так что сомнений в объективности и достоверности того, как она описала «технология» подготовки, его т. н. «мемуаров», нет.

Конечно, для окончательного и категорического вывода о том, что Кривицкий не имел никакого отношения к самой процедуре написания

«своих» мемуаров, и вышеприведенных свидетельств может показаться мало. Но есть немало тому доказательств в тексте этих самых «мемуаров». Приведу часть из них.

Итак, например, Кривицкий бежал из НКВД, однако в тексте его «мемуаров» практически повсеместно — 259 раз! — фигурирует аббревиатура ОГПУ, а также ГПУ — 49 раз, а НКВД — всего 9 раз. Между тем, по состоянию на октябрь 1939 г., когда «мемуары» вышли в свет, НКВД как таковой насчитывал уже более пяти лет. Мог ли опытный разведчик-нелегал не знать названия своей же спецслужбы?

Или как можно было написать, что встречался с самим Ежовым, но называть его главой ОГПУ? Ведь Ежов никогда не был главой ОГПУ, он возглавлял только НКВД, и в 1936 г. пришел именно в НКВД, который был создан на базе ОГПУ еще летом 1934 г.

Или вот такой перл: «...весной 1937 г... с резидентом НКВД приехали в Москву... в ГПУ царило...» Выходит, что весной 1937 г. отдельно существовал НКВД, отдельно — ГПУ (а все это наряду с ОГПУ), воскресшим, оказывается, спустя почти полтора десятка лет после реорганизации. Конечно, это мелочи, но ведь они изложены в мемуарах разведчика-профессионала.

А чего, например, стоит его знание своей же собственной биографии? Между тем прямо в первой же строчке первой же главы его «мемуаров» приводится одна дата — 30 июня 1934 г., — в связи с которой «мемуарист» указывает, что в это время он работал в Разведывательном управлении Генштаба.

Несоответствие с фактами, собственноручно изложенными им в своей же автобиографии, очевидно, столь сильно покорило редакцию издательства, что она тут же дала сноску — «В. Г. Кривицкий в это время работал в ИНО ОГПУ». То есть получается, профессиональный разведчик-нелегал не ведал о том, где и когда он работал.

Возьмем что-нибудь посложней, например, операцию по добыванию японских шифров, благодаря чему, видите ли, контролировал всю секретную переписку между Японией и Германией в 1935/1936 гг. по вопросу о заключении пресловутого Антикоминтерновского пакта. Даже для непосвященного в тайны разведывательной деятельности, но обладающего просто элементарно здравым умом, — это миф чистой воды. И прежде всего потому,

что в любой разведке существует «железное» правило — все добытые шифры иностранных государств немедленно переправляют в Центр и только Центр организует дальнейшую работу с ними. Более того, для контроля шифропереписки, ведущейся средствами радиосвязи, необходимо иметь соответствующую аппаратуру перехвата. В 30-е годы прошлого столетия эта аппаратура была очень громоздкой и сладить с ней в условиях нелегальной резидентуры было абсолютно невозможно. Я уж не говорю о том, что по прикрытию он был владельцем небольшого антикварного магазина — антикварный магазин с «лесом» антенн для радиоперехвата?

Да и как он мог контролировать всю шифропереписку между Японией и Германией, если, во-первых, у него в руках оказались только японские шифры, которые были построены на использовании японского языка, которого он тоже не знал, как, впрочем, и часто употребляемого японцами английского, а, во-вторых, как он мог что-то контролировать, коли переписка велась между посольством Японии в Берлине и МИДом Японии в Токио, а он сам сидел в Голландии?!

Если подобные вопросы можно было бы задать ему самому, то он и сам бы удивился своим подвигам... Он действительно добыл книгу японских шифров и немедленно переправил ее в Москву...

Что же до шифров вообще, и японских в частности, так их, во-первых, не только он добывал, но и многие другие разведчики и агенты — это вообще одно из наиболее приоритетных направлений деятельности любой солидной разведслужбы. А, во-вторых, с конца 20-х — начала 30-х годов прошлого столетия и на Лубянке — знаменитый Спецотдел Глеба Бокии, и на Знаменке — тогда штаб-квартире прославленного ГРУ, преотлично наловчились раскалывать, в т. ч. и шифры Страны восходящего солнца, включая и т. н. «пурпурный» — один из самых сложных японских шифров того времени!

«Проконтролировав» всю секретную шифрпереписку между Японией и Германией — одно это утверждение уже натуральный бред, поскольку все проконтролировать невозможно, — гордящийся этим своим «достижением» «мемуарист» вместо общеизвестной даты подписания Антикоминтерновского пакта — 25 ноября 1936 г. — почему-то сначала использовал 10 марта 1936 г.?! Вот и спрашивается, ну что он там «контролировал», коли и этого-то не знал?!

Кстати, на т. н. «дипломатическую тему» это далеко не единственный прокольный «перл» — в другом месте т. н. «своих мемуаров» доблестный борзописец начертал, например, такое: «...как только Молотов и Риббентроп подписали протокол о заключении советско-германского пакта...»! (подчеркнуто мной. — А.М.)

Выходит, что даже изредка заглядывая в нечасто попадавшиеся ему на глаза газеты на знакомом языке, он, в строгом соответствии с известной поговоркой, видел только фигу — ведь на весь же мир было объявлено, что, во-первых, Молотов и Риббентроп подписали именно Договор о ненападении, а пактом он был назван прессой только в середине сентября 1939 г., а, во-вторых, что они подписали именно же Договор, а не протокол о заключении какого-то неизвестного пакта!

И вот так, уважаемые читатели, буквально в каждом абзаце, буквально в каждой строчке его т. н. «мемуаров».

Потому что он действительно ничего не писал сам — за него это сделал старый агент британской разведки, скандально известный в журналистских кругах русской эмиграции литературно-публицистический «папараци» Исаак /Айзек/ Дон-Левин, о котором и о «творениях» которого в тех же кругах той же эмиграции выражались более чем определенно: «От документа, пущенного в оборот Дон-Левинным, за десять километров несет такой фальшью, что нужно быть просто слепым или дураком, чтобы ее не заметить...»

С Божией помощью и мы не оказались ни слепыми, ни, тем более, дураками. На этом вопрос об «авторстве» Кривицкого-Гинзбурга считаю полностью закрытым — РАЗ И НАВСЕГДА! БЕЗОГОВОРОЧНО!

Но открытым остается вопрос о его причастности к «заговору маршалов» — иначе чего ради он полез бы морализаторствовать, да еще и в адрес экс-президента Чехословакии Эдуарда Бенеша...

Для измены Родине нужна чрезвычайная низость души^[15]

Предатели предают прежде всего самих себя.

Плутарх

...Абсолютно непонятно, на каких основаниях, но упрямо считается, что побег в 30-х годах XX века таких разведчиков, как В. Г. Кривицкий, А. Орлов и т. п., были якобы адекватной реакцией «убежденных борцов со сталинизмом» на развернувшиеся в 1937 г. репрессии.

Однако это в корне абсолютно ложная точка зрения, ибо факты свидетельствуют, что эти кочующие из одной антисталинской публикации в другую «бродячие борцы со сталинизмом», коего, кстати говоря, они и не шибко-то видели, поскольку большей частью пребывали за границей, стали предателями задолго до 1937 г. и бежали на Запад отнюдь не во спасение своих шкур от «ежовых рукавиц» Лубянки.

Это было абсолютно сознательное, давно созревшее предательство по очень шкурным, крайне неприглядным мотивам!

Элизабет Порецки, вновь Вам слово. На одной из страниц своих мемуаров (хоть эта написала сама!) — «Тайный агент Дзержинского» (Кривицкий — тайный агент Сталина, этот — Дзержинского?! Даже по названиям очевидно, что не то чтобы на Россию, но и даже на СССР им было наплевать, они были только чьими-то агентами) — Элизабет Порецки при абсолютно четком и ясном указании на то, что нижецитируемый ею разговор состоялся в 1937 г., отмечает, что как-то в беседе со своим мужем, говоря о Кривицком, она заметила супругу, что **«уже в течение двух лет он (т. е. Кривицкий. — А.М.) всегда отступал, когда приближался момент совершить решительный шаг»** (так на «новоязе» предателей якобы благородно звучит самое гнусное из всех человеческих деяний — **ПРЕДАТЕЛЬСТВО! — А.М.**).

«Я была уверена, — продолжает далее беглая предательница, — что и сейчас он найдет иллюзорную надежду, которая еще на какое-то время, неопределенное, отсрочит разрыв с ними» (т. е. с Лубянкой, Кремлем, СССР. — А.М.).

А это означает, что на тот момент, т. е. на 1937 г., насчитывалось уже минимум два года, как они между собой обсуждали вопрос о предательстве, хуже того — это свидетельствует и о том, что коли два года уже шло обсуждение, то,

следовательно, сама мысль о предательстве прочно сидела в их умах задолго до этого двухлетнего срока!!!

Т. е. выходит, что как минимум с 1935 г., если не раньше, они продумывали и обсуждали между собой механизм предательства!

Между тем и Рейсе, и Кривицкий принадлежали к когорте наиболее авторитетных и опытных профессионалов нелегальной разведки, а профессионалы такого уровня просто так на предательство не идут. Для этого еще надо как минимум трижды «созреть»: сначала до самой мысли о предательстве, затем дать ей вызреть в собственном сознании и укоренить ее, а затем уже и до фактического предательства дозреть.

Как это ни парадоксально, но именно так все было и в действительности — например, своего мужа, Игнация Рейсса, Э. Порецки выставила предателем и вовсе со стажем аж с 1919 г. А заодно и Кривицкого, ибо они были не просто земляками, но закадычными друзьями детства. То есть, по ее словам, выходит, что придя на работу в разведку в 1919 г., они уже были предателями или как минимум склонными к этому. Более того, прямо на титульном листе своих мемуаров она приводит следующий диалог со своим супругом: «В этой книге должен быть один очень важный персонаж... Может быть, самый главный герой.

— Кто же? — изумленно перебила я.

— Кто? — в голосе Людвиг (т. е. ее мужа. — *А.М.*) была ненависть. — Феликс Эдмундович Дзержинский! Это он... Он... Я никогда не рассказывал тебе об этой встрече в его московском кабинете в девятнадцатом году! Мы были там все! Вся наша дружная компания из милого австрийского городка. Нет! — остановил себя Людвиг. — Книгу о нас не надо осквернять этим демоном... Ведь мы — его стая. Он выпустил нас из-под своего крыла на эту «грязную работу».

По прошествии более восьми десятилетий, последние из которых принесли весьма подробные знания о многом и о многих, в т. ч. и о «железном» Феликсе, вряд ли кому-либо придет на ум мысль о том, чтобы вылепить из него некое подобие ангела — все равно ведь не получится. Но вопрос именно в том, что если все всё так хорошо понимали, то, простите, зачем же так долго оставались на этой «грязной работе»? Что мешало, например, в те же 20-е годы или в

начале 30-х годов попросту уйти с этой «грязной работы»? Или, на худой конец, тогда же бежать на Запад?

В первом случае в те годы вообще без каких-либо последствий обошлось бы, во втором — если не высовываться, то в принципе тоже без особых последствий, как-никак, но примеры тому есть, и немало. Но нет, все это время работа не казалась «грязной», ибо протекала в основном за границей, на казенные и немалые деньги — опять же, весьма приятный момент, особенно на фоне разрухи и проблем 20-х годов и трудностей первых пятилеток. И вот с такими-то мыслями в голове они, эти «борцы со сталинизмом», работали в нелегальной разведке, в святая святых разведывательной службы?!

В общем-то ответ на подобные вопросы дал еще сам Ф. Э. Дзержинский, когда в 1923 г. заявил К. Радеку: «Только святые или негодяи могут служить в ГНУ, но святые теперь уходят от меня, и я остаюсь с негодьями» (выделено мной. — А.М.).

И вот еще что очень характерно — сначала они работали в военной разведке — и тоже как нелегалы, и лишь затем, в 1931 г., все дружно ринулись в ИНО ОГПУ. В то время еще никто никого не принуждал — это будет потом, и то, если честно, все равно, при всех обстоятельствах, всегда и непременно интересовались личным мнением и с уважением относились к нему: уж слишком это тонкое дело — разведка, чтобы только голым насилием двигать кадры туда-сюда.

А ведь сам факт перехода из военной разведки в разведку Лубянки при тех, мягко выражаясь, изначально не отличавшихся каким бы то ни было подобием сердечности отношениях между двумя постоянно конкурировавшими ведомствами — в «шоколадном домике» на Знаменке никогда не забывали о грубых попытках «железного» Феликса еще на заре советской власти силой подмять под ВЧК военную разведку, — это не только просто странная, но именно настораживающая деталь их биографий по состоянию на 1931 год.

Во-первых, потому, что начало 30-х годов — время первого серьезного всплеска уже сориентировавшейся на силовое решение своих задач оппозиции в стране, в т. ч. и с участием военных. Уже в 1930 г. в отношении Тухачевского были получены первые серьезные данные о его заговорщической деятельности и с тех пор поток такой информации только нарастал.

Во-вторых, это тем более важно учесть, если вспомнить, что этот всплеск активности оппозиции сопровождался и активным установлением законспирированных контактов с различными кругами русской эмиграции и иными, не менее заинтересованными в перевороте в СССР силами, особенно с Троцким и его сообщниками.

В-третьих, в еще большей степени это важно учесть еще и потому, что в силу ряда объективных обстоятельств разведка Лубянки носила в те годы в первую очередь ярко выраженный характер внешней контрразведки — цели и операции этого типа и стиля были тогда преобладающими. Однако в том-то все и дело, что с позиций внешней контрразведки легче вступать в контакты с представителями различных заинтересованных в перевороте в СССР кругов и сил, не говоря уже о том, что и легендировать-то их тоже значительно легче, в т. ч. и т. н. «оперативной необходимостью».

В-четвертых, в свете всего этого очень трудно не обратить внимания на тот факт, что с 1 августа 1931 г. ИНО ОГПУ возглавил А. Х. Артузов — «ученик» Дзержинского и близкий друг Тухачевского еще со времен советско-польской войны 1920 г. Между тем Кривицкий и Рейсе также участвовали в разведывательных операциях во время той войны, находясь под общим командованием Тухачевского.

На одной из страниц своих мемуаров Э. Порецки указывает, что вернувшись в 1935 г. из Москвы, Кривицкий заявил ее мужу следующее: ***«Они нам не доверяют... мы нужны им, но они не могут доверять коммунистам-интернационалистам. Они заменяют нас русскими, для которых революционное движение в Европе ничего не значит»*** (выделено мной. — А. М.).

Выходит, что все дело в том, что их начали заменять русскими, которым вполне справедливо и закономерно было наплевать на это самое «революционное движение в Европе», потому как не Россия для какого-то там «революционного движения» дармоедов из крикливой банды Коминтерна, и не советская разведка для этого «движения» дармоедов, а принципиально наоборот, что и было открыто провозглашено именно в 1935 г.

А вообще-то ничего не скажешь, уж очень хорош этот «интернационалист», если в штыки воспринял даже не сам факт, а еще только идею прихода в разведку представителей главного, государствообразующего народа России (СССР).

И поскольку во всем этом есть очень грязный подтекст, невозможно не отметить, что именно тогда, когда Кривицкий был в Москве в который-то-раз руководителем разведки Лубянки, т. е. главой Иностранного отдела Главного управления государственной безопасности Народного комиссариата внутренних дел СССР, был назначен именно еврей — с 21 мая 1935 г. руководителем ИНО стал Абрам Слуцкий, его первым заместителем — тоже еврей, Борис Берман, вторым заместителем — тоже еврей, Валерий Горожанин (он же Кудельский). Это уж потом, уже после побегов таких, как Кривицкий-Гинзберг, Рейсс-Порецкий, Орлов-Фельдбин и им подобных, начнут разбираться и, к сожалению, чрезвычайно круто со многими чекистами, в т. ч. и разведчиками, в т. ч. и евреями по национальности. Но никто и никогда не ставил задачу о поголовном изгнании евреев с Лубянки, в т. ч. и из разведки, — это произойдет только во времена хрущевской «оттепели», ибо именно при нем, в 1955 г. с Лубянки окончательно повыгоняли всех евреев.

Что же до описываемого периода, то достаточно вспомнить такие славные имена, как Наум Эйтингон, Борис Рыбкин, Елена Зарубина (урожденная Розенцвейг), Лев Василевский, Яков Серебрянский и еще многие и многие другие, носители которых своим героическим, самоотверженным служением Родине — России — золотыми буквами вписали свои великие имена в историю отечественной разведки. Да, им пришлось хлебнуть лиха, и в первую очередь из-за таких предателей как Рейсе, Кривицкий, Орлов и т. п. Но никогда, ни при каких обстоятельствах у них не возникало даже тени намека на те мысли, что издавна бродили в головах этих самых «борцов со сталинизмом». А уж сколько пострадало русских и представителей других национальностей в той же разведке — и говорить трудно.

Но все-таки, что же в конце концов привело его, Кривицкого (да и Рейсса тоже), к фактическому предательству? И при чем тут болтовня о недоверии к коммунистам-интернационалистам и вообще о революционном движении в Европе, от которой, как и от других «творений» Дон-Левина, за десять километров несет фальшью?

А оно вот в чем. 7 и 8 мая 1935 г. в Москве прошло беспрецедентное по своему значению совещание руководства военной разведки, созванное по инициативе Сталина. Одна из причин созыва заключалась в том, что в военной разведке произошел — еще в

феврале 1935 г. — очередной крупнейший провал (известен по истории ГРУ как копенгагенский). Подобные провалы на протяжении 20-х — начала 30-х годов XX века носили «серийный» характер и не только в ГРУ, но и на Лубянке, и в Коминтерне. Всякий раз предпринимались вроде бы правильные меры по недопущению провалов, но не проходило и года, как происходил очередной провал.

В условиях надвигавшейся реальной военной угрозы подобная практика халатности, безответственности и элементарного несоблюдения самых элементарных правил конспирации в разведке окончательно вывела из себя высшее государственное и партийное руководство, которое и созвало это совещание и потребовало самым радикальным образом изменить положение к лучшему. Исходя из практики деятельности советского руководства, можно, не боясь ошибиться, говорить о том, что итоги и выводы, сделанные на совещании, касались не только военной разведки, но и ИНО ГУГБ НКВД СССР. Главный же итог совещания, касавшийся всех разведслужб, заключался в открытой постановке задачи о резком повышении роли и эффективности разведки в подготовке к отражению угрозы войны.

А среди главных итогов, затрагивавших тактику разведывательной деятельности, значилось категорическое требование (в который-то раз начиная с 20-х годов) прекратить использование в разведывательных целях членов иностранных компартий, особенно же вербовать их (кстати говоря, это требование не было выполнено на 100 % едва ли не до конца существования СССР). Логическим продолжением линии руководства СССР по подготовке к войне стало Постановление Политбюро ЦКВКП(б) от 15 мая 1935 г., гласившее:

«1. Создать Оборонную комиссию Политбюро для руководства подготовкой страны к возможной войне с враждебными СССР державами.

2. Создать Особую комиссию Политбюро по безопасности для ликвидации врагов народа.

3. Провести во всей партии две проверки — гласную и негласную.

4. Обратиться ко всем членам и кандидатам партии с закрытым письмом о необходимости повышения

большевистской бдительности, беспощадного разоблачения врагов народа и их ликвидации».

А 21 мая 1935 г. Артузов навсегда покинул пост руководителя ИНО ГУТБ НКВД СССР и полностью сосредоточился на работе первого заместителя начальника военной разведки — С. Урицкого.

Именно после этого, судя по всему, своеобразного «момента истины», на все предложения о том, чтобы уже тогда совместно бежать на Запад, Кривицкий отвечал короткой фразой: «Ситуация для меня еще не созрела». На профессиональном языке любой контрразведки мира это означает, что объект, принявший принципиальное решение о предательстве, приступил к тщательной подготовке к побегу в самый крайний момент. А учитывая, что это профессионал высокого уровня — разведчик-нелегал, — то и подготовка к побегу будет заключаться в том, чтобы как можно больше скопить информации к моменту фактического предательства, потому что во все времена единственным пропуском при уходе к противнику является информация. Так оно и вышло потом — «интернационалист» «сдал» британской разведке свыше 100 разведчиков, агентов, доверительных связей и оперативных контактов, а также свыше двух десятков вспомогательных агентов, т. е. агентов инфраструктуры любой разведки — связников, курьеров, содержателей конспиративных и явочных квартир, телефонов, почтовых ящиков и т. д., нанеся тем самым беспрецедентно мощный урон советской разведке. И когда — перед самой войной!

...Вначале 1940 года по настоянию британской разведки В. Г. Кривицкий был перевезен из США в Англию, где его с большим мастерством, я бы даже сказал искусством, допросила одна из самых сильных контрразведчиц того периода — Джейн Арчер (МИ-5). Кстати говоря, вывезли его на британские острова отнюдь не случайно — еще в США он начал всерьез сдавать советскую агентуру и операции разведки представителям британской разведки, в лице действовавшего на территории США нью-йоркского разведывательного центра МИ-6.

Так вот Джейн вытряхнула из «интернационалиста» столько, что потом, когда с помощью выдающегося агента советской разведки — Дональда Маклина — ее доклад попал в Москву, там попросту за голову схватились. И было от чего — ведь, с одной

стороны, он «сдал» громадное количество разведчиков, агентов, доверительных связей и оперативных контактов, но с другой — информация подобного рода по тогдашним правилам британской разведки оседала в «Комитете XX», который занимался агентурной работой с выявленными агентами иностранных спецслужб, нередко перевербовывая их. На счастье советской разведки, особенно же ее знаменитой «кэмбриджской пятерки», а ведь Кривицкий фактически навел на нее МИ-5, в «Комитете XX» всеми делами заправлял их ближайший друг — Виктор Ротишльд, также связанный с советской разведкой. В значительной мере именно благодаря ему «пятерка» отделалась более чем удачно и продолжила свою работу.

Однако все дело в том, что обычно, при возникновении подобных ситуаций, руководство преданной разведки по соображениям профессиональной безопасности априори обязано предполагать и расшифровку своей агентуры, и возможность ее перевербовки, и вброс в эти же каналы искусной дезинформации, короче говоря, все самое плохое, что может быть в разведывательной деятельности. Как правило, идут даже на временную консервацию агентуры и даже целых резидентур. Например, из-за выхода в свет «мемуаров» Кривицкого руководство советской разведки вынуждено было временно законсервировать мощную нелегальную резидентуру в США, которую возглавлял выдающийся разведчик-нелегал Исхак Абдулович Ахмеров (заместитель — Норман Бородин, сын известного Михаила Бородина), располагавший уникальной агентурной сетью, благодаря которой под плотным наблюдением находилась вся администрация президента США. Масштаб нанесенного Кривицким ущерба был настолько велик, что в известность был поставлен Сталин.

И если помнить об этом, то станет понятной одна из основополагающих причин, в силу которой он, Сталин, накануне войны проявлял повышенную недоверчивость к разведывательной информации. Особенно если она исходила из источников, попавших в поле зрения британской разведки. А ведь Кривицкий был не единственный предатель. В то время самой заинтересованной в столкновении СССР и Германии державой была Великобритания, а, соответственно, невозможно не понимать и того, что не учитывать этих обстоятельств Сталин не только не мог, но и не имел права.

Отсюда и недоверие, но всегда с просьбой как можно тщательней все перепроверить...

Что же до того, когда же «ситуация должна была созреть», то вот тут-то и получается, что как одно из звеньев «двойного заговора», он и должен был оставаться на своем посту в Голландии в качестве именно одного из связующих советскую и германскую части заговора звеньев. Потому, что именно в Голландии нелегальный резидент советской разведки, а на самом деле предатель и заговорщик Вальтер Германович Кривицкий установил очень тесные связи с семьей экс-кайзера Германии Вильгельма II, который после отречения от престола и краха монархии еще в ноябре 1918 г. укрылся в голландском местечке Доорн.

Именно на Доорн замыкались многие линии связи антигитлеровски настроенных германских генералов, особенно же промонархически настроенной части, с представителями которых у Кривицкого были свои крепкие, хорошо налаженные связи. О них он не докладывал в Москву. Именно в Доорне, в прямой контакт с Кривицким вошли доверенные представители главнокомандующего сухопутными войсками вермахта генерал-полковника барона Вернера фон Фрича, являвшегося одним из наиболее принципиальных и последовательных сторонников идей генерала Ганса фон Секта о «восточной» ориентации. Именно Вернер фон Фрич в 1936–1937 гг. возглавлял промонархический заговор против Гитлера.

Однако, войдя в этот аристократический круг, — кстати говоря, ему, а также Рейссу неоднократно сообщалось личное указание Сталина всей разведке о необходимости срочно найти каналы для агентурного проникновения в аристократические круги, в частности, Германии, на что оба предателя пренебрежительно отмахивались — Кривицкий, вместо того, чтобы заниматься своим прямым делом, т. е. разведкой, занялся категорически запрещенным политическим интриганством. Он не только установил тесные связи с антигитлеровски настроенной оппозицией там, в Доорне, но и с некоторыми ее представителями занялся нелегальной политической деятельностью подрывного характера: готовил и размножал антигитлеровские памфлеты?! Естественно, не ставя об этом в известность Москву, Центр (кроме, конечно же, руководителей советской части «двойного заговора»), иначе с ним начали бы разбираться еще тогда, в 1936 г.!

Вы можете себе представить ситуацию, когда глава нелегальной резидентуры, не ставя в известность Центр и не имея на то никакого ни права, ни разрешения, начинает заниматься сугубо подрывной политической деятельностью, да еще и печатать и размножать памфлеты, направленные против главы, хотя и крайне недружественного, но государства, с которым у СССР совершенно официальные дипломатические отношения?!

Это уже не нарушение, хотя бы и грубейшее, а злостное, злоумышленное преступление!

И Кривицкий совершенно сознательно пошел на это тягчайшее для разведчика-нелегала, тем более главы нелегальной резидентуры, преступление, — когда представители фон Фрича обратились к нему с просьбой об издании антигитлеровского памфлета, он не только не отказал, но и принял самое деятельное участие в исполнении этой просьбы совместно с женами Вильгельма II и генерала Людендорфа (того самого, что пропустил «запломбированный» вагон с Лениным в Россию, а затем поднял на ноги Гитлера, чтобы в очередной раз, продемонстрировав свою патологическую тупость в политике, скатиться до антигитлеровской оппозиции...).

Однако, столь глубоко внедрившись без санкции и вообще какого бы то ни было ведома Москвы в ближайшее окружение экс-кайзера, Кривицкий неминуемо попал и под колпак британской разведки, которая с момента бегства кайзера из Германии в 1918 г. и вплоть до его смерти в 1940 г. ни на секунду не выпускала экс-монарха из поля своего зрения, так как он был не столько побежденным врагом, сколько очень опасным именно в силу близких родственных связей с британской королевской семьей (кузен короля Георга V) экс-монархом, а из-за своих колоссальных связей в мировом сообществе венценосных особ и высшей аристократии запросто мог нанести серьезный ущерб британской монархии.

А «пас» экс-кайзера и его ближайшее окружение, а также их связи как в Доорне, так и за пределами Голландии — особенно же в Германии и в Великобритании — не кто иной, как старинный, «закадычный» недруг Лубянки — печально известный еще с лета 1918 г. британский разведчик Роберт Брюс ЛОККАРТ.

Наряду с общеизвестными сведениями о Локкарте следует иметь в виду еще одно, куда более важное, чем даже все, что о нем

известно, обстоятельство. Дело в том, что по данным высокопоставленного в прошлом сотрудника британской разведки Джона Колемана; Роберт Брюс Локкарт являлся членом знаменитого в закулисные Запада, особенно же Западной Европы, «Комитета 300» — одного из самых могущественнейших в мире закулисных институтов подлинной, невидимой власти на Западе, исполняющего фактически функции «мирового правительства».

Насчитывающий уже не одно столетие «Комитет 300» объединяет в своих рядах наиболее влиятельных представителей деловой, особенно финансовой, политической, военной, культурной и научной элиты Запада, совокупная мощь которых может сокрушить любые государства мира. На протяжении всей своей истории «Комитет 300» традиционно управляется только представителями высшего эшелона правящей элиты Великобритании, в т. ч. и представителями британской королевской семьи. Локкарт же являлся одним из тех редчайших британских разведчиков, который был допущен в святая святых невидимой системы управления Западом (очевидно, как ученик выдающегося британского геополитика, разведчика, ученого Хэлфорда Маккиндера, также являвшегося членом «Комитета 300»).

И попасть под его колпак означало даже не столько попасть под колпак британской разведки как таковой, хотя и это уже чрезвычайное обстоятельство, сколько под невидимый колпак всевидящего ока самого «Комитета 300», который в 30-е годы XX века был крайне заинтересован именно в сохранении Гитлера у власти в Германии как ударно-штурмовой силы Запада для броска на Восток в целях учинения очередной расправы с Россией, хотя бы и называвшейся тогда СССР. В то время членами «Комитета 300» с британской стороны едва ли не поголовно являлись участники пресловутой «Кливлендской группировки» («клики», как ее тогда называли) — яро пронацистски настроенные: Гарольд Бальфур — заместитель министра авиации, Кеннет Линдсей — депутат парламента, лорд Дунгласс (впоследствии лорд Хоум), герцог Гамильтон — главное действующее лицо с британской стороны в интриге по организации перелета Гесса в Англию, Джим Уэддерборн — заместитель государственного секретаря Великобритании по делам Шотландии, Р. А. Батлер — заместитель министра

и иностранных дел, лорд Лотиан — посол Великобритании в США, Оуэн О'Малли — посол Великобритании в Венгрии, лорд Галифакс — министр иностранных дел Великобритании в правительстве Н. Чемберлена, лорд Юстас Перси — влиятельный член партии консерваторов, сэр Сэмюэль Хор — опытнейший дипломат, но еще более разведчик, лично принимавший активнейшее участие в убийстве еще Распутина и организации т. н. «февральской революции» в России. Дж. Дж. Астор — владелец газеты «Тайме» и его супруга — Нэнси Астор.

Локкарт же не только выполнял информационные задания СИС и «Комитета 300» — у него, кстати говоря, долгое время была очень уникальная «крыша», ибо, с одной стороны, он использовал традиционное для британской разведки журналистское прикрытие, с другой же, возглавлял разведывательно-информационную службу одного из крупнейших в те времена международных банков — но и прежде всего «пас» наиболее видных деятелей Запада: от политиков и бизнесменов до деятелей культуры и прочих интеллектуалов.

Что же до его очень близких связей с семьей экс-кайзера и с самим экс-монархом, то в его функции одновременно входило, судя по всему, обеспечение упреждающей безопасности основного трафика особо конфиденциальной связи между Букингэмским дворцом и Гитлером. Именно по этому каналу, в частности, Гитлеру ясно дали понять, что он может преспокойно оккупировать Рейнскую область, куда он не имел права соваться, и даже объяснили, как это сделать, чтобы, паче чаяния, не втянуть Лондон в войну — как впоследствии выяснила уже французская разведка, Гитлер ввел войска в эту область, несмотря на особые опасения своих генералов, заведомо зная, что Англия никак не отреагирует, ибо сама же и наметнула, что это лучше всего сделать за день до вхождения в силу взаимоперекрещивавшихся советско-французского и советско-чехословацкого договоров о взаимопомощи в отражении агрессии от 02.05. и 16.05.1935 г. По этому же каналу продвигалась в обе стороны и иная судьбоносная тогда для всего мира информация. И было бы удивительно, если бы британская разведка не «пасла» бы безопасность такого трафика связи. Кривицкий же, оказавшись, что называется, в струе самой что ни на есть золотой для любой

разведки информационной жилы, пустился в печатание антигитлеровских памфлетов!

В 20-х-30-х годах Локкарт откровенно специализировался также и на отслеживании любых связей из СССР с границей, а опыт у него был немалый. Локкарт так же, как и Кривицкий, очень глубоко внедрился в семью и ближайшее окружение экс-кайзера и даже стал его частым гостем. Более того, он не только пользовался гостеприимством отставного монарха и его семьи, но и сам проявлял несвойственное англичанам радушие, принимая у себя в Англии часто приезжавших туда в 30-е годы с различными миссиями от различных, в т. ч. и антигитлеровски настроенных кругов, германских принцев — сыновей и внуков экс-кайзера, а также других высокопоставленных эмиссаров. Фигура Локкарта в середине 30-х годов XX века еще и тем зловеща, что именно в это время он был очень близок к будущему королю Великобритании — Эдуарду VIII, который тем и отличался, что был на редкость прогитлеровски настроенным монархом.

Но самое главное, конечно, в том, что Локкарт «пас» фактически главный трафик сугубо конфиденциальной связи между Гитлером и британским королевским двором, по которому фюреру передавались наиважнейшие для судеб мира сведения и мнения об истинной позиции Великобритании по различным актуальнейшим вопросам тогдашней современности.

Кривицкий же вместо того, чтобы максимально использовать столь редко выпадающий в жизни любого разведчика шанс и полностью оседлать столь уникальную «золотую жилу» в интересах своего государства, занялся подрывной политической деятельностью. Очевидно, судьбы «перманентной мировой революции» ему были куда дороже, чем судьбы мира и безопасности государства, гражданином которого он являлся и на верность которому присягал.

А теперь, в свете этих фактов, взглянем, на другой. В 1934 г. от одного из наиболее ценных своих агентов — Винцента Антоновича Илинича — возглавлявший тогда ИНО Артузов получил следующие данные: «...польской разведкой был добыт скопированный доклад английской разведки о том, что германское командование в лице генерала Хаммерштейна нашло в лице т. Блюхера человека, который опираясь на Германию, совершит переворот в СССР». Оставим за

скобками факт упоминания фамилии Блюхера в такой связи — это предмет отдельного разговора.

Сейчас о Хаммерштейне, или, как он именовался в советских документах 20-х — 30-х гг. прошлого столетия, Гаммерштейне, точнее, Гаммерштейне-Экворде. Генерал этот был одним из активных участников антигитлеровского заговора еще в начальный период правления нацистов. Причем того заговора, идейная платформа которого заключалась в нехитрой формуле прусского коварства: пусть Гитлер сделает свое дело, а потом армия с ним расправится. **«Сделает свое дело»** — это значит пусть разобьет оковы Версаля.

И Гаммерштейн действительно полностью разделял такую платформу, которая, в общем-то, и господствовала в умонастроениях германского генералитета с начала 30-х годов. Еще в сентябре 1931 г. после четырехчасового общения с коричневым фюрером он сам же и заявил, что **«Гитлер хочет, собственно, того же, что и рейхсвер; различие только в темпах»** (в другом переводе этого же заявления Гаммерштейна, проистекающего из одного и того же источника, сие звучит так: **«Мы хотим сделать это медленнее. А в остальном мы единого с ним мнения»**). Между тем с представителями именно этой части германского генералитета еще летом 1932 г. Кривицкий как раз и установил доверительную связь от имени московских заговорщиков. И вот что особенно любопытно — произошло это сразу же после перевода Кривицкого в ИНО — тогда еще ОГПУ.

А ведь таких сообщений — о планирующемся заговоре военных в РККА — было немало, как, впрочем, и документальных данных о резко возросшем с начала 30-х годов интересе британской разведки к внутренней оппозиции в СССР, в т. ч. и военной. Однако доорнские «игрища» не могли не привести еще и к тому, что на фигуре Кривицкого зафиксировалось внимание не только британской разведки, но и к концу 1936-го — началу 1937 г. также и знаменитого абвера адмирала Канариса. Правда, формально считается, что «мемуарист» угодил под колпак еще и абвера из-за своего участия в организации контрабандных поставок оружия в Испанию после начала в этой стране Гражданской войны. Да, это так, и в февральском 1937 г. сообщении одного из ценнейших в то время агентов отечественной разведки — сотрудника гестапо Вилли Лемана (псевдоним — «Брайтенбах») — говорилось именно о том, что созданную Кривицким

для этих целей подставную фирму в Гааге абверовцы обложили своей агентурой. Однако вряд ли это было главной причиной — таких подставных фирм по всей Европе советская разведка создала в то время немало, так что уследить за всеми было не под силу даже абверу.

Но даже если это и так и он действительно «попал под колпак» абвера в результате хитроумно расставленных сетей германской военной разведки,^[16] то все равно, абверовцы очень быстро вычислили бы круг его общения, в т. ч. и связи с ближайшим окружением экс-кайзера, ибо это не что иное, как обычные «альфа и омега» разведывательной деятельности. Ну а дальше, сами понимаете, что могло произойти...

Между тем в своих «мемуарах» Кривицкий вовсю хвастает тем, что он покупал оружие даже в нацистской Германии — как якобы он Опишет, в Гамбурге на продажу поступила партия слегка устаревших винтовок и пулеметов, которые продавались подешевле. И сразу же вопрос: а куда делись оставшиеся деньги — ведь он покупал по дешевке, а выдавали ему деньги как на новое оружие. И не это ли стало одной из главных причин, по которой он бежал на Запад? Ведь о массовых отказах оружия в бою быстро стало известно, и представители НКВД в Испании начали тогда разбираться с этой проблемой. Разбирался же, между прочим, не кто иной, как резидент НКВД в Испании и впоследствии тоже беглый предатель А. Орлов. Кстати говоря, это какое-то повальное явление у т. н. «борцов со сталинизмом» — они настолько были убеждены в необходимости борьбы со сталинизмом, что начинали ее, причем поголовно, с тривиальных краж. Рейсе украл 60 тысяч долларов, Кривицкий прикарманил несколько десятков тысяч франков, Орлов — 68 тысяч долларов. А ведь это были деньги тех самых рабочих и крестьян, за сокровенные чаяния которых они якобы боролись.

Дело тут вот в чем. Вопреки укоренившемуся в общественном сознании мнению о том, что абвер — это военная разведка, на самом же деле это и военная разведка, и военная контрразведка. Причем контрразведывательное направление деятельности было едва ли не абсолютно преобладавшим на протяжении 20-х — начала 30-х годов. В конце-то концов слово «абвер» по-немецки означает «защита». И лишь с приходом адмирала Канариса на пост главы этой спецслужбы в январе 1935 г. обе функции стали равноправными. Между тем в

контрразведывательной структуре абвера существовал специальный отдел по наблюдению за связями и поведением высшего офицерского состава, т. е. генералитета.

И уж что-что, но такие контакты германского генералитета, тем более его промонархически настроенной части, а именно из этой-то среды и рекрутировались кадры антигитлеровского заговора в начале первой волны 30-х годов, были именно в центре внимания этого спецотдела абвера, поскольку многие генералы бывали в Доорне. Этот спецотдел тем более не мог пройти мимо таких контактов, если, с одной стороны, учесть, что для абвера не было секретом, что Голландия — «традиционное пастбище» британской разведки, а с другой — что достаточно частые контакты экс-кайзера и его ближайшего окружения с антигитлеровски настроенными генералами на фоне связей самого экс-монарха в различных кругах Великобритании и других стран и вовсе приобретали соответствующий негативный оттенок в глазах контрразведки абвера.

Естественно, что и для самого «хитроумного грека» — адмирала Канариса — также не было секретом, по каким каналам фюрер сносится с высшими кругами Великобритании, включая и правительство, и королевский двор, где проходит основной трафик этой сугубо конфиденциальной связи, и кто является основными курьерами между ставкой Гитлера и Лондоном. Он и сам частенько прибегал к услугам различных представителей германской аристократии в тех же целях, и к тому же едва ли не сразу после назначения на пост главы абвера организовал тайные каналы для связи и заочных консультаций с руководством британской разведки. Несмотря на то что это явится некоторым опережением событий в повествовании, тем не менее уже здесь можно отметить, что Канарис располагал едва ли не всей полнотой информации об антигитлеровском заговоре и весьма хитроумно «слил» большую ее часть англичанам, рассчитывая на получение соответствующих рекомендаций в отношении дальнейших действий. Благодарная британская разведка дальше, естественно, поступила по-своему «усмотрению» — Кривицкий был потрясен, узнав о том, что Гитлер повыгонял многих из тех оппозиционно настроенных генералов, с которыми он общался в Доорне. И вот что особенно удивительно — эти действия Гитлера оказались на удивление последовательными.

Короче говоря, к середине осени 1937 г. выбор у Кривицкого был весьма небогатым — или в лапы к абверу, либо в «объятия» англичан, потому как прознай Лубянка обо всех его доорнских и оружейных «художествах», то встреча с ее костоломами из числа таких же «интернационалистов», как и он сам, была бы неминуемо неизбежна. Его ведь и так вызвали в Москву после вышеупоминавшейся информации «Брайтенбаха», и только чудом он избежал подвалов Лубянки, а 22 мая 1937 г. улизнул из СССР. Навсегда.

6 октября 1937 г. по той же, уже проторенной его другом — Рейссом — тернистой тропинке Кривицкий ушел, успев, правда, посодействовать убийству своего друга. И свое предательство он оформил так же, как и Рейсе, переходом на сторону «беса мировой революции» — Троцкого.

В погоне за журнальной дракой...

*Охотник до журнальной драки
Сей упоительный зоил
Разводит опиум чернил
Слюною бешеной собаки.*

А. С. Пушкин

Абсолютно непонятно, на каких основаниях, но до сегодняшнего дня считается, что «борец со сталинизмом» Вальтер Германович Кривицкий вынужден был скрыться из Европы в США, спасаясь от якобы охотившихся за его головой представителей НКВД. Однако это всего лишь легендирование подлинной причины его «выезда» в США.

Во-первых, за всю историю разведки, с седых библейских времен не было ни одного предателя, у которого едва ли не мгновенно и автоматически после предательства и побега не развивалась бы шизофреническая мания преследования — у страха глаза действительно велики...

Во-вторых, первое время, практически целый год после предательского побега он находился во Франции, где пописывал в троцкистских изданиях. Но если бы приказ о его ликвидации

действительно был бы отдан и поступил бы зарубежным резидентурам и боевым группам, на что «он» (потому как не он, а Дон-Левин) открыто намекает и даже пытается утверждать, то вычислить его в Париже и вообще во Франции было, что называется, парой пустяков.

Все троцкистские издания, все звенья троцкистских организаций во Франции были плотно обложены агентурой НКВД, не говоря уже о нескольких группах разведчиков-нелегалов, автономно работавших по этому же направлению.

Тем более что Кривицкий вышел прямиком на сына Троцкого — Седова, который был под плотным постоянным наблюдением и контролем главного агента по разработке Троцкого и его ближайшего окружения — «Этьена» (в то время «Тюльпана»), он же Марк Зборовский. Кстати говоря, хорош же «профессионал», коли не мог заблаговременно сообразить, что к Троцкому и его родне соваться нечего — НКВД там все контролирует...

Так оно и произошло на самом деле — М. Зборовский действительно очень быстро установил место пребывания Кривицкого и сообщил об этом своим кураторам из разведки.

Так что чувствовавшим себя во Франции куда вольготнее, чем даже в родной Москве, летучим бригадам НКВД ничего не стоило, получи они и самом деле приказ о его ликвидации, сровнять беглого «борца со сталинизмом» с землей...

В тот момент там находились такие асы по осуществлению особо острых акций, как опытный разведчик-нелегал Афанасьев, знаменитый Яков Серебрянский, на счету которых к тому времени было уже немало успешно проведенных операций такого рода, не говоря уже о том, что Я. Серебрянский являлся к тому же руководителем Особой Группы при руководстве НКВД и подчинялся лично Ежову.

Короче говоря, если бы приказ действительно был бы отдан, то количество часов, отведенных Кривицкому для оставшейся жизни, можно было бы пересчитать по пальцам — пример при его же прямом содействии «замоченного» Рейсса лучшее тому доказательство...

Я уж не говорю о том, что даже профанация наблюдения за Кривицким и то была прекращена, едва Берия пришел к власти на Лубянке. Профанация потому, что было известно все: и где живет, и что делает, и с кем общается, но никаких серьезных действий против

Кривицкого не предпринимали, а с 11 февраля 1939 г. прекратили даже и профанацию.

И в итоге-то выходит, что сказка о неких зловредных супостатах из НКВД — даже не сказка, а просто мгновенно лопнувший мыльный пузырь!

Да и как ему не лопнуть, если он изначально пребывал в «железных» тисках таких колючих вопросов, как, например: почему книга его т. н. «мемуаров» вышла именно в США, почему именно в октябре 1939 г., почему именно в предисловии содержится грубый, хамский «наезд»-шантаж экс-президента Чехословакии Эдуарда Бенеша, почему предатель выехал в США только в декабре 1938 г., а первые его журнально-газетные публикации появились только в апреле 1939 г., и т. д. и т. п.?

Итак, как это ни парадоксально, но после побега его легализация во Франции и получение американской въездной визы происходили на удивление легко, едва ли не как по маслу... Преспокойно обратился к министру внутренних дел Франции Дорма с просьбой о предоставлении политического убежища?! Получил не только убежище, но и даже личную охрану...

Затем Леон Блюм — явно изнывавший от скуки и безделья премьер-министр Франции — пустился во все тяжкие, ходатайствуя перед американским послом в Париже — У. Буллитом — о выдаче Кривицкому и его семье въездных американских виз, причем не оставил этого занятия, даже уйдя в отставку?!

В свою очередь, министр внутренних дел Франции столь нежную заботу о беглом предателе со стороны премьер-министра одобрил еще и беспрецедентным заявлением о том, что-де Кривицкого никто и ничем беспокоить не будут?!

Как будто с каждым днем все сильнее чувствовавшей нарастание нацистской угрозы Франции, а, соответственно, и ее спецслужбам, не о чем было поинтересоваться у беглого советского шпиона, работавшего по Германии?!

Ни главе французской контрразведки генералу Пайолю, ни знаменитому «Сюртэ Женераль» вообще, ни начальнику знаменитого 2-го Бюро Генерального штаба Франции (военная разведка) генералу Гоше, короче говоря, никому не было дела до человека, который так много знал о Германии!

Да, мне хорошо известно по истории спецслужб, что французская разведка и контрразведка не дремали — у первой только в абвере Канариса было не менее 10 агентов, а вторая пачками арестовывала нацистскую агентуру в стране: в 1935 г. — 35 агентов, в 1937 г. — 150 (впоследствии, в 1938 г. — 274, а за первые полгода 1939 г. — 300 агентов!).^[17]

Но ведь не настолько же они были удовлетворены всей получаемой о Германии информацией, чтобы вот так запросто отмахнуться от беглого советского шпиона, который специализировался именно по нацистской Германии?!

Не те традиции у разведки вообще, у французской в частности, чтобы столь пренебрежительно проигнорировать пребывание во Франции столь осведомленного человека. В мире разведок ни действие, ни бездействие ни при каких обстоятельствах не бывают случайными. А это означает, что французскую разведку очень убедительно попросили «не трогать Кривицкого». И попросить столь убедительно могла только британская разведка, потому как, во-первых, у нее имелись давние, еще со времен Первой мировой войны тесные контакты с французскими коллегами. Во-вторых, британская разведка лучше, чем французская контрразведка, знала об истинных масштабах проникновения советской разведки в госструктуры Франции, в т. ч. и в спецслужбы. Утечка секретной информации из различных госструктур Франции в середине 30-х годов прошлого века вообще была притчей во языцех.

...Например, как документально установила советская разведка еще в середине 1936 г., во время конфиденциальной беседы с британским послом в Берлине по вопросу о воздушном пакте и обмене техническими данными о ВВС Великобритании и Германии, Гитлер, выразив согласие на этот обмен с Англией, категорически отказался от аналогичного же обмена с Францией, мотивируя свой отказ тем, что все данные о ВВС Германии немедленно попадут в руки СССР. В этом он был прав...

Естественно, что вслед за утечкой не замедлила бы последовать и расплата — пример быстрой ликвидации перебежавшего к англичанам Рейсса был слишком свеж, чтобы его игнорировать...

В-третьих, именно в тот период британская разведка оказала французским коллегам неоценимую услугу: максимально используя

данные своей разветвленной агентурной сети, она составила и передала французской разведке и контрразведке очень длинный и подробный список действующей во Франции гитлеровской агентуры. Вот откуда у французской контрразведки столь внушительные успехи в борьбе с нацистскими спецслужбами во второй половине 30-х годов XX века. Естественно, что услуга за услугу — мы вам помогли, а вы не трогайте Кривицкого. Однако подобная просьба не являлась каким-то простым взаимозачетом услуг. Прежде всего следует принять во внимание то обстоятельство, что с начала 1937 г. в высших правительственных и военных сферах Франции активно действовал известный британский разведчик Кеннет де Курси, впоследствии герцог Грантмесниль-Лоррейн. Он был очень влиятельным, располагавшим мощными связями в различных, не исключая и королевского двора, кругах Великобритании лицом, был весьма близок с тогдашним заместителем главы британской разведки — знаменитым Стюартом Мензисом (впоследствии стал ее главой). Кеннет де Курси был убежденным сторонником идеи сближения Англии с Германией для совместной борьбы с СССР — в этом он видел возможность укрепления и сохранения Британской империи. Именно он первым сообщил Мензису, что в случае войны Франция воевать не намерена и подпишет с Германией мир. А Лондон, как это известно исстари, воевать любит, но только чужими руками и чужой кровью. И в то же время, в середине 30-х годов прошлого столетия во всех основных центрах силы в мире окончательно возобладала та точка зрения, что в грядущей войне победа будет на той стороне, к которой примкнут в качестве союзника США.

А президент США Франклин Делано Рузвельт, искусно укрываясь пресловутым в те годы американским изоляционизмом, не проявлял никакого желания, по крайней мере в то время, открыто солидаризироваться с политикой Великобритании по умиротворению Гитлера на британских принципах. Рузвельт откровенно выжидал наиболее выгодного для США момента, чтобы влезть в общеевропейские разборки и добиться американского же господства в Европе. Прислуживать же Лондону у него не было никакого желания.

Как документально установила советская разведка еще в конце января 1937 г., Великобритания с нетерпением ожидала именно войны и именно же не позднее 1938 г. Но вот оставаться один на один с

Гитлером Лондону не особо хотелось — не для того он привел к власти этого коричневого фюрера и столь заботливо патронировал его агрессивным устремлениям. Договариваться же с Советами у Лондона и вовсе не было никакого желания, по крайней мере в то время. Надежды на США стали и вовсе призрачными, когда в октябре 1937 г. уже со вторым визитом (первый состоялся еще в 1936 г.) в неофициальном порядке Германию посетил знаменитый в те годы американский летчик полковник Чарльз Линдберг, восторженно относившийся и к Германии, и к нацистам. Линдберг являлся фактически символом влиятельнейшей в Америке изоляционистской организации «Америка — прежде всего», которая открыто призывала не лезть в европейские дела. А к его мнению в Вашингтоне тогда всерьез прислушивались. Великобританию же чрезвычайно беспокоил американский изоляционизм, вследствие чего именно в то время по рекомендации созданного еще в 1936 г. Объединенного Комитета по разведке МИ-6 начала осуществление мощной пропагандистской кампании в США с целью сломить влияние изоляционистов. Непосредственно эту работу вел нью-йоркский разведывательный центр МИ-6.

Именно в такое время объявляется Вальтер Германович Кривицкий и чуть ли не с порога предупреждает британскую разведку о возможности заключения между СССР и Германией договора, наподобие того, что впоследствии был заключен 23 августа 1939 г., причем со ссылками на некую тайную миссию Д. В. Канделаки. Естественно, что в МИ-6 были довольны — Кривицкий явно претендовал на роль Колумба, тем более на базе слухов, пущенных самой же британской разведкой. Но факт остается фактом, и не использовать подвернувшийся случай не в традициях британской разведки. Она настолько была рада этому случаю, что сначала даже не обратила внимания на то, что в одном из первых интервью Кривицкий открыто намекнул на наличие советской агентуры в британском МИДе. Ее внимание привлекло обстоятельство, что в уста Кривицкого можно было вложить то, чего сам Лондон опасался пуще чумы и даже коммунизма — идею о советско-германском военно-геополитическом альянсе. А затем, развернув соответствующую пропагандистскую деятельность, как следует поугаать подобной угрозой Рузвельта и сломить его изоляционизм.

Еще в первой главе подчеркивалось, что в соответствии с давней стратегией работы на упреждение угроз своей национальной безопасности, Великобритания и ее разведка пойдут на любые меры ради недопущения материализации такой угрозы. Именно в силу этих соображений и возникла с профессиональной точки зрения отличная идея использовать предателя в пропагандистской акции влияния, направленной на изменение изоляционистской позиции Рузвельта. И судя по всему, именно Кеннет де Курси первым или одним из первых подал идею на сей счет. Потому как явно не без его содействия Леон Блюм ходатайствовал перед американским послом в Париже о выдаче Кривицкому въездной визы в США. Вот, собственно говоря, почему Кривицкого «не трясли» и не опрашивали французские спецслужбы. Но это не значит, что британская агентура не работала с ним — в троцкистских и вообще эмигрантских кругах у МИ-6 было достаточно агентов.

То, что британская агентура работала с Кривицким еще во Франции, выясняется из одного малоприметного факта. Дело в том, что задуманную пропагандистскую акцию провести в Европе было невозможно и нецелесообразно. Потому как главным «ударным» моментом в ней должна была стать извращенная до неузнаваемости информация о т. н. «тайной миссии» советского торгпреда в Германии Давида Канделаки по организации якобы тайного сговора Сталина с Гитлером. Причем явно планировалось увязать воедино эти «переговоры» Канделаки с гитлеровским окружением, о которых, в силу их «секретности», знал весь мир, с репрессиями против высшего командного состава Красной армии по принципу, что репрессии якобы были прологом к этому якобы состоявшемуся сговору Гитлера и Сталина. И тем самым полностью завуалировать причастность британской разведки. Однако, на беду британцев, обедню испортил лично товарищ Троцкий — этот «красивый» замысел он по сути дела выболтал чуть ли не на следующий день после расстрела Тухачевского сотоварищи, да еще и задом наперед (Лев Давидович, конечно же, не хотел причинить вред британской разведке). Тогда в статье «Обезглавливание Красной Армии» (вот откуда одно из названий этого дела в журналистском обороте), руководствуясь своей патологически извращенной логикой, Троцкий запустил следующую мысль: он утверждал, что обвинения высших военных руководителей в

сотрудничестве с Германией якобы преследовали важнейшие внешнеполитические цели — разрушить бытовавшее на Западе мнение о том, что «союз с Германией, независимо от ее государственной формы, считался аксиомой внешней политики Советского Союза». Этим пассажем Троцкий и в самом деле испортил британцам всю игру, потому как начини они делать какие-либо заявления от имени беглого предателя, тем более с использованием сильно искаженных данных о миссии Канделаки, то вместо требуемого эффекта получилось бы не только подтверждение выводов Троцкого, но и расписывание в собственной же причастности к сдаче «заговора военных». А вот этого-то британской разведке вовсе и не надо было. Это особенно стало понятно, когда с дружеским частным визитом в октябре 1937 г. Гитлера посетил недавно отрекшийся от престола британский экс-король Эдуард VIII, а вслед за ним на свидание с фюрером ринулся министр иностранных дел Великобритании лорд Галифакс. По итогам визитов, как свидетельствуют добытые советской разведкой документы, Гитлеру открыто было дано «добро» на агрессию в восточном направлении.

...Странное дело, почему-то никогда ни в одном исследовании с этим фактами, особенно же с визитом экс-короля Эдуарда VIII, не увязывается то обстоятельство, что буквально сразу же после его визита Гитлер созвал 5 ноября 1937 г. секретное совещание высшего военного командования, на котором впервые прямо объявил о своих планах по развязыванию новой мировой войны. Выходит, что экс-король привез ему соответствующее мнение соответствующих кругов?! В свою очередь, Галифакс приехал в Германию, будучи полностью в курсе того, что говорилось на этом совещании, особенно о выводах по его итогам, — в знаменитой в те годы папке под громким названием «Германская опасность», в которой, для использования руководством МИД Великобритании, концентрировались все наиважнейшие документы от всех специальных служб страны по германской тематике, была соответствующая информация и об этом совещании. Папка эта была очень интересная, и потому советская разведка регулярно заглядывала в нее. Более того, именно после этих визитов стала готовиться расправа с генералами Фричем и Бломбергом, которых уже в начале 1938 г. Гитлер выгнал, да еще и с какими скандалами, со всех постов...

Так что устраивать в Европе пропагандистскую шумиху насчет якобы тайного сговора Сталина и Гитлера на базе крайне искаженных данных о миссии Канделаки было явно не с руки. Тем более, если учесть, что во многих европейских изданиях появились весьма откровенные публикации, в которых прямо указывалась причина провала заговора Тухачевского — он планировал достичь с Германией континентального соглашения, ориентированного против Великобритании. Что, кстати говоря, соответствовало истине.

Ну а после того как Англия и Франция — эти «доблестные умиротворители» Германии XX века — столь блестяще прокололись с навсегда покрывшей их позором Мюнхенской сделкой с Гитлером, против которой, кстати говоря, крайне категорически протестовал Советский Союз (Сталин), даже тень намека на идею проведения вышеупомянутой пропагандистской акции в Европе становилась абсолютно нереальной. Однако после Мюнхена у англичан затеплилась надежда все-таки провести эту пропагандистскую акцию. Дело в том, что вопреки всем ожиданиям Лондона и вопреки всем его попыткам чуть ли не в прямом смысле взашей толкнуть Гитлера на Восток, из этого на тот момент ничего не вышло. После Мюнхена коричневый фюрер фактически вышел из повиновения. И под конец 1938 г. в донесениях британской разведки руководству страны с нарастающей силой зазвучала тревога — потрясенный невероятным успехом в Мюнхене, Гитлер стал всерьез помышлять о том, чтобы наконец-то разобраться с той же Англией, а заодно и с Францией за унижение Германии после Первой мировой войны.

В одном из аналитических документов британской разведки, который 25 января 1939 г. министр иностранных дел лорд Галифакс докладывал кабинету министров, так и говорилось, что «...в конце прошлого года (т. е. 1938 г. — *А.М.*) и в текущем месяце мы начали получать сведения, что мысли руководителей Германии обращены теперь в другую, опасную для нас сторону». А всего через три дня, т. е. 28 января 1939 г., тот же Галифакс секретно отписал президенту США Рузвельту: «Начиная с ноября 1938 г. появились признаки, со временем становившиеся все более определенными, что Гитлер наметил дальнейшие внешние авантюры на весну 1939 г.... Донесения показывают, что Гитлер, поддерживаемый Риббентропом, Гиммлером и другими, рассматривает возможность нападения на западные

державы в качестве предупредительной операции, за которой последуют действия на Востоке».

Естественно, что один на один или даже совместно с той же Францией разбираться в кровавой драке со столь «любовно» выпестованным коричневым диктатором корыстно мудрым англичанам ой как не хотелось. Уж если и суждено таковому быть, то лучше всего это делать совместно с США, ибо после мюнхенской сделки с Советами было бы очень трудно договориться, хотя, как известно из истории, и в тех условиях Москва не захлопывала двери. А о том, чтобы США пристегнулись бы к британской колеснице, «добрая старая» Англия мечтала столь откровенно, что это не прошло мимо внимательных глаз советской разведки еще в начале января 1937 г. Однако как сдвинуть Рузвельта с этой мертвой для Великобритании позиции изоляционизма, как вынудить его сделать то, о чем он говорил еще в январе 1937 г. в конфиденциальной беседе со специальным представителем премьер-министра Великобритании сэром Рэнсименом? Поскольку конфиденциальной эта беседа была только для них, но не для советской разведки, то уже тогда, в конце января 1937 г., было известно, что в ответ на откровенное признание Рэнсименом того, что Лондон ожидает войны не позднее 1938 г., Рузвельт, в частности, ответил следующее: «Если произойдет вооруженный конфликт между демократией и фашизмом, то Америка выполнит свой долг».

Но более всего камнем преткновения было это самое «если», потому как на невинную овцу Великобритания после Мюнхена явно не тянула, к тому же после этого события ни один более или менее нормальный политический деятель на Западе не доверял правительству Н. Чемберлена и ему лично. А в США и вовсе существовал острый дефицит доверия к тогдашнему британскому правительству, в каждом действии которого и Рузвельт, и его ближайшее окружение с едва скрываемым возмущением усматривали попытку любым путем добиться односторонних выгод для Британской империи. А вот укреплял Рузвельта и его ближайшее окружение в этом не кто иной, как экс-президент раздавленной Гитлером под патронажем Чемберлена Чехословакии — Эдуард Бенеш. Он едва ли не каждый день встречался то с Рузвельтом, то с различными представителями его ближайшего окружения, особенно же с имевшим

тогда колоссальное влияние и на президента лично, и вообще на администрацию Белого дома министром финансов Генри Моргантау. Естественно, что очень часты были и встречи с советским послом Уманским.

Именно в тот момент Бенеш был не только экс-президентом преданной Англией и Францией Чехословакии, но и до крайности оскорбленным той же Англией и человеком, и главой государства, отчего он и эмигрировал в США. Дело в том, что не без помощи Сталина ему стали известны на редкость нелестные характеристики Чехословакии, ее народа и его самого, которые британская дипломатия под одобрение лично Н. Чемберлена выдавала в канун Мюнхена. Не впадая в дипломатические изыски, британская дипломатия тогда всю оперировала такими определениями, как например, «чехословаки — самая свиноголовая раса», а Бенеш — выпускник трех престижнейших университетов Европы — «самый свиноголовый в своем стаде».

...Не следует думать, что Париж: сильно отставал от Лондона по части хамства — в одной из французских газет в первых числах мая 1938 г. было опубликовано не менее «лестное» для Праги выражение о том, что-де «кости одного французского солдата стоят больше, чем все чехословаки вместе». И это Франция, которая была обязана защищать Чехословакию?!

Именно по этой причине Бенеш эмигрировал не в Англию, а в США, — в Лондон он вернулся только после 10 мая 1940 г., когда пало правительство Чемберлена, а премьер-министром стал Уинстон Черчилль.

К тому же и Сталин помог самому экс-президенту — советская разведка под расписку выдала ему на «мелкие расходы» 10 тысяч долларов США (большие тогда деньги), а также спасла людей из ближайшего окружения Бенеша и даже помогла вывезти архивы чехословацкого правительства.

Британская разведка прекрасно знала об этом — и у нее в окружении Бенеша была своя агентура, не говоря уже о том, что его всю жизнь «пасли» лучшие британские разведчики.

Но британская разведка знала еще и то, что Эдуард Бенеш еще со времен Первой мировой войны являлся ее агентом, в первую очередь, если по-современному, агентом влияния — в одном из секретных

меморандумов известного в те годы британского разведчика-специалиста по психологической войне — Уикхэма Стида — он так и назван: агент британской разведки...

И вот теперь этот весьма исправно помогавший Великобритании и ее разведке в осуществлении многих политических и прочих интриг агент влияния чуть ли не с четвертьвековым стажем сотрудничества — с 1915 по 1939 г. — употребляет все свои силы и влияние фактически против Великобритании!

Как переломить ситуацию? Как заставить Бенеша помалкивать? Как максимально полно дезавуировать ценность всего того, что он наговорил Рузвельту, в т. ч. и с подачи советского посла Уманского, а следовательно, и самого Сталина? Как склонить Рузвельта к разочарованию в оценках европейской ситуации, выдававшихся Бенешем, в том числе и по согласованию с Уманским (британская разведка преотлично понимала, что это так)?

Как заставить главу Белого дома принять британскую точку зрения и открыто солидаризироваться с политикой Лондона? Как вообще расшатать самую основу, а если удастся, то и вовсе ликвидировать этот, в представлении Лондона, до нельзя некстати сформировавшийся дискуссионный клуб-трио: Рузвельт — Бенеш — Уманский?...

В высшей мировой политике, точнее, в высших мировых интригах есть только два способа решить подобные вопросы — либо убийство, либо неограниченный в грубости шантаж сверхубойным компроматом. Третьего не дано по определению...

На убийство Бенеш еще «не тянул» — даже гитлеровцы подобного не планировали, так что все подозрения пали бы сразу на англичан.

А вот на ничем не ограниченный в своей грубости шантаж сверхубойным компроматом — на это он определенно «тянул», во-первых, потому, что еще и сгодиться мог в дальнейшем — как-никак, но в мировой политике тех лет он был весьма крупной и значимой фигурой.

А во-вторых, и это самое главное, весь сверхубойный компромат был в руках британской разведки.

Потому что именно она, британская разведка, рекомендовала ему, Бенешу, передать Сталину всю поступившую в Прагу по агентурным

каналам чехословацкой военной разведки информацию о заговоре советских военных!

... Чехословацкая военная разведка с момента получения информации о заговоре советских военных еще осенью 1936 г. немедленно проконсультировалась по этому вопросу с британской разведкой, благо за ней далеко и ходить-то не надо было — региональный резидент СИС, майор Гибсон, вообще подолгу сидел в Праге. К тому же в Злату Прагу часто наведывался и Р. Б. Локкарт, который на пару с другим известным британским разведчиком — Гарольдом Никольсеном (впоследствии стал известен как специалист по истории дипломатии) — вплоть до Мюнхена активно «пас» и Бенеша, и все чехословацкое руководство...

Именно на основании рекомендаций британской разведки Бенеш принял крайне опасное для себя и Чехословакии решение о передаче информации о заговоре Сталину.

Опасное, потому что очень трудно понять, чем же он и в самом-то деле руководствовался, принимая такое решение, — ведь не мог же он, опытный европейский политик, не понимать, что в итоге будет разрушена и без того достаточно хрупкая система советско-франко-чехословацкого союза о взаимопомощи от 1935 г., что и случилось ровно через год.

Впрочем, в еще большей степени он не мог и не передать, потому как в случае успеха «двойного заговора» Чехословакия и вовсе была бы раздавлена — Тухачевский и его главные поделельники в этом вопросе были единоклассны с германскими генералами, не говоря уже о том, что в тогдашних межгосударственных отношениях присутствовал также и достаточно болезненный территориальный вопрос о Закарпатской Руси. Короче говоря, все это сыграло решающую роль в выборе стратегии проведения пропагандистской акции влияния, в том числе и в итоговом выборе персоны Бенеша в качестве объекта шантажа для нападков со стороны некоего беглого предателя из советской разведки. А для самого последнего был предопределен «выезд» в США — на самом же деле, говоря профессиональным языком, «вывод» в Америку буквально вслед за Бенешем.

Суть же операции в итоге свелась к следующему: вызревший тогда замысел исходил из того, что единственной управой на Бенеша, могущей одновременно трансформироваться и в своего рода

переломный момент в позиции самого Рузвельта — а это и была самая главная цель, — должен был стать вброс в общественно-политическую жизнь США крайне порочащих экс-президента Чехословакии сведений, которые сами по себе отворотили бы главу Белого дома даже от мысли доверять словам и комментариям Бенеша. Более того, учитывая особую опасность для Великобритании сложившегося дискуссионного трио Рузвельт — Бенеш — Уманский, удар явно планировался с двух сторон: как по самому Бенешу, так и по Уманскому, но в направлении Бенеша. Грубо говоря, вся эта задуманная англичанами операция должна была являть собой «двуликого Януса»: сочетать в себе все «достоинства» грязного доноса президенту Рузвельту на экс-президента Бенеша, а также на посла Уманского, и в то же время все «прелести» грубого шантажа лично Бенеша. Причем вброс должен был осуществляться при полном отсутствии каких-либо внешних признаков причастности «английской руки», от имени якобы авторитетного в силу своего прошлого статуса человека, ищущего спасения своей шкуры в «цитадели свободы» — США. Было учтено даже и то, что ближайшее и, подчеркиваю это вновь, имевшее колоссальное влияние на главу Белого дома окружение Рузвельта — это прежде всего влиятельнейшие евреи США (в первую очередь Генри Моргентау), а также то, что и посол СССР в США — Уманский тоже был евреем, как и Кривицкий. Но даже все это могло и не сработать, не зная англичане заблаговременно одной существенной детали, а именно, что Кривицкий с 20-х годов лично был знаком с Уманским, и что он, Кривицкий, точно знает о том, что Уманский тесно связан с органами госбезопасности СССР, в частности, с разведкой. Что, кстати говоря, соответствовало истине. И если вернуться к утверждению о том, что британская разведка начала работать с Кривицким еще во Франции, то выходит, что англичане заранее, т. е. до «вывода» Кривицкого в США, не только знали, что он лично знаком с Уманским, но и то, что предатель в курсе сотрудничества Уманского с советской разведкой, на чем и был сделан весь расчет пропагандистской акции влияния. Без точного и заблаговременного знания этого факта нечего было даже и думать о том, чтобы «выводить» беглого предателя в США, тем более для проведения такой крупной пропагандистской акции. Что же до самого Уманского, то, по отзывам очень авторитетных и близко знавших его

лиц, он был «очень способным, эрудированным человеком, значение которого прекрасно понимало американское правительство, некоторые представители которого позволяли себе вести с ним неофициальные беседы... Когда министр финансов США Моргентау принимал его, то удалял стенографисток и переводчиков и обсуждение деликатных вопросов... шло один на один».

Естественно, что значение Уманского не только как посла вообще, но и прежде всего как личного доверенного представителя Сталина понимали и в Лондоне, в штаб-квартире британской разведки, и в ее нью-йоркском разведывательном центре. Именно поэтому опорочивание — по тексту «мемуаров» Кривицкого это смахивает на очень грубый донос — также и имени Уманского должно было стать одним из ключевых залогов успеха в запланированной МИ-6 операции. И логика здесь была проста: Уманский доверенное лицо лично Сталина, связан с органами госбезопасности СССР, т. е. с НКВД-ОГПУ, которое устроило такие жестокие репрессии, в т. ч. и против военных, он часто встречается с Бенешем, который тоже замешан в этом развязывании репрессий, так как именно он и передал информацию о заговоре Сталину, следовательно, Бенеш... сами понимаете. Тем более что частично это и впрямь соответствовало действительности. Надо сказать, «логика» эта сработала настолько эффективно, что когда Бенеш в 1940 г. приехал в Англию, то Черчилль весьма сердито и в лоб задал ему колющий вопрос: «Что, Сталину удобнее разговаривать со мной не напрямую, а через Бенеша?»

Вот так англичане допланировались до того, что в текст «мемуаров» Кривицкого воткнули сразу обе версии, причем версии № 1 был придан характер ударной, ибо она выполняла функцию грубого шантажа Бенеша умышленно искаженно поданным компроматом, а версия № 2 — несмотря на беспрецедентно дикое ее противоречие первой, выполняла роль якобы детального разъяснения. *Однако же весь парадокс в том и состоит, что все получилось как в математике: минус на минус дал плюс, т. е. вышло так, что глупость версии № 1, помноженная на глупость версии № 2, дали в итоге гениальный результат — совершеннейший абсурд до сегодняшних дней почитается едва ли не самым достоверным фактом.*

Как и следовало ожидать, даже при такой гениальной результативности пропагандистского эффекта буквально все предусмотревшая многоопытнейшая британская разведка со всей изначально предрешенной неминуемой неизбежностью прокололась именно на том, на чем просто-таки обречена была обязательно проколоться: на «почерке». И в стратегии замысла, и в тактике его претворения одно и то же — старинный британский метод осуществления любой пропагандистской акции влияния: амальгама, или, попросту говоря, наведение несуществующей тени на вроде бы якобы существующий плетень.

Вот версия № 1 — та, что содержалась в предисловии к «мемуарам» Кривицкого. Напомним ее схематично: сначала Сталин поставил военных к стенке, потом якобы испугался возмущения Европы (интересно, что Кривицкий в «мемуарах» приводит якобы факт, что Сталин сам же и произнес: «Европа все проглотит!)), затем ринулся искать каналы для убеждения этой самой Европы в своей правоте, задним числом приказал Лубянке и военной разведке состряпать досье с компроматом на Тухачевского сотоварищи, затем едва ли не насильно всучил это самое досье Бенешу якобы с расчетом, что тот с помощью этого досье оправдает его в глазах всей Европы. Ну а Бенеш, рассчитывая на возможную помощь Сталина Чехословакии, счел себя не вправе проверять эти доказательства.

Именно этот бред и выполнял ударную роль внезапного, ничем не ограниченного в своей беспрецедентной грубости шантажа экс-президента Эдуарда Бенеша. Потому как вопреки точному знанию истинной последовательности недавних событий, британская разведка все подала шиворот-навыворот, но тем самым полностью расписалась в том, что она целенаправленно и откровенно намекает Бенешу: мол, замолчи, а то всю правду выложим, и тогда точно не поздоровится. В результате МИ-6 высекла сама себя, как та самая унтер-офицерская вдова, потому что намекать таким образом могла только знающая все в деталях сторона. Я уж не говорю о том, что в число пороков Бенеша или Сталина идиотизм никогда не входил и за всю их жизнь не давал о себе знать даже призрачным намеком. Тот же Бенеш прекрасно знал

правила политического «политеса» на межгосударственном уровне, в т. ч. и то, что в таких деликатных и щекотливых делах, как, например, предупреждение о заговоре высшего военного командования против центральной власти в могучем соседнем государстве, с которым, помимо тесных связей, был подписан еще и Договор о взаимопомощи в отражении агрессии, необходимо говорить только правду, все элементы которой выдержат самую дотошную проверку. Или вовсе не заикаться на такие темы, потому как в противном случае последуют прямые и крайне жесткие обвинения в грубейшем и откровенном вмешательстве во внутренние дела суверенного государства. Знал он и то, что в таких случаях крайне необходимо, хотя и в зашифрованном виде, но обязательно указывать источники, по крайней мере на подобие нашей известной формулы «по достоверным данным от проверенных источников соответствующих компетентных органов...», скрепляя такое послание личной подписью и печатью главы информирующего государства.

Абсолютно не идеализируя ни того, ни другого, нельзя также не отметить, что, во-первых, Бенеш прекрасно знал, что и кому он сообщает, т. е. что Сталин при любых обстоятельствах не поверит ни одному слову, пока сам не проверит все до последнего микрона, а, во-вторых, что Сталин так и сделал — проверил. Именно так все и было в действительности — не Сталин насильно вручил Бенешу досье, а именно Бенеш добровольно сначала передал устную информацию, а затем и подробное досье, также содержащее чистую правду. Но при этом слегка перемудрил с зашифровкой подлинного источника, что частично объяснимо, так как даже в таких случаях никто и никогда не назовет подлинного имени одного из наичценнейших агентов своей разведки. Тем более что на его информации в предмюнхенский период держалась фактически вся безопасность Чехословакии. Сейчас имя этого агента известно и будет названо ниже.

8 мая 1937 г., т. е. за четыре дня до переворота — он был назначен на 12 мая 1937 г. под видом военных маневров, — Бенеш передал также и само досье с информацией, обоснованно компрометировавшей военных. Информация была заслушана на заседании Политбюро 24 мая 1937 г. — до этого также шла перепроверка всех данных, — и только 25 мая 1937 г. Тухачевский был арестован, а уже 26 мая без малейшего физического принуждения, ровным, спокойным почерком,

с соблюдением всех правил орфографии и синтаксиса дал самые подробные письменные показания о заговоре, которые, из-за их содержания, даже самые оголтелые антисталинисты ну никак не могут писать на костоломов с Лубянки. Расстрелян он был в ночь с 11 на 12 июня 1937 г. Следов досье не найдено до сих пор: при Хрущеве очень основательно почистили архивы...

...Надо сказать и о перевороте под видом военных маневров. 10 мая 1937 г. Тухачевский обратился к начальнику военной разведки комдиву Л. Г. Орлову и приказал ему срочно прислать к нему ответственного работника, занимающегося германским направлением. К маршалу немедленно был направлен капитан Николай Григорьевич Ляхтерев,^[19] которому Тухачевский заявил, что готовится большая стратегическая игра и потому 11 мая к 11.00 ему нужны последние данные о состоянии вооруженных сил Германии. По плану игры, со слов Тухачевского, предусматривалось, что немцы могут включить в свою группировку до 16 танковых и моторизованных дивизий СС. 11 мая 1937 г. ровно в 11.00 утра капитан Ляхтерев со всеми материалами прибыл в приемную Тухачевского, где и узнал, что маршал только что получил назначение на пост командующего Приволжским военным округом и немедленно отбыл к месту новой службы в Горький (на самом деле это не совсем так, ибо 13 мая Сталин принял Тухачевского в Кремле).

Что следует сказать по поводу этих фактов? Во-первых, различные источники, в т. ч. и данные судебных процессов 1937–1938 гг., прямо сходятся именно на этой дате (иногда упоминается еще и 15 мая, но в таком сочетании — «переворот должен был состояться до 15 мая»). Это уже очень серьезно.

Во-вторых, комдив Орлов А. Г. был одним из участников заговора. Именно о нем, в бытность его военным атташе СССР в Берлине, агент британской разведки «Фил» в своем донесении от 10 октября 1936 г. сообщал помощнику британского военно-воздушного атташе полковнику Кристи, что на одном из приемов в Берлине между командующим сухопутными войсками вермахта генерал-полковником бароном Вернером фон Фричем (а именно он возглавлял тогда германскую часть «двойного заговора») и военным атташе СССР Орловым состоялся обмен тостами, во время которого последний заявил, что «армия СССР готова завтра сотрудничать с Гитлером,

пусть лишь Гитлер, партия и германская внешняя политика совершат поворот на 180°, а союз с Францией отпадет. Это могло бы случиться, если бы, например, Сталин умер, а... Тухачевский и армия установили военную диктатуру» (выделено мной. — А. М.).

Даже если и считать, что Гитлера Орлов припел из ложных соображений дипломатического этикета, то все равно это слишком рискованное заявление, тем более из уст высокопоставленного официального представителя вооруженных сил СССР. Да и визави при обмене тостами у него был еще тот — генерал Фрич был не только во главе заговора, но и ближайшим другом и единомышленником генерала Ганса фон Секта. Кроме того, несмотря на то что Фрич был категорически против политизации самого вермахта в нацистском духе, тем не менее у него у самого было весьма двойственное отношение к режиму — с одной стороны, он возглавлял антигитлеровский заговор, с другой же исповедовал мысль о том, что лично «Гитлер ниспослан Германии самим Провидением, и тут уж ничего не поделаешь». Судя по всему, Фрич все-таки исповедовал главную формулу германского генералитета — «пусть Гитлер сделает свое дело, а дальше армия обойдется и без него», но поскольку, находясь на посту главнокомандующего сухопутными войсками, он обязан был соблюдать хотя бы видимость лояльности по отношению к Гитлеру, то вслух он высказывал мысли наподобие вышеприведенной. Так что, приплетя к своему тосту еще и Гитлера, Орлов явно подстраивался под особенности личных взглядов Фрича.

В-третьих, особое недоумение вызывает формулировка сил противника в задаче стратегической игры. Речь идет об SS Verfügungstruppe — эсэсовских формированиях особого назначения. Однако по состоянию на май 1937 г. они не располагали такими силами, чтобы выводить в авангард наступления до 16 танковых и моторизованных дивизий. В 1937 г. в составе SS Verfügungstruppe насчитывалось три штандарта (полка), саперный иттурмбанн и иттурмбанн связи. Моторизованные дивизии появились в СС только перед нападением на СССР, и то их было всего четыре...

Говорить же о каком бы то ни было предвидении Тухачевского не приходится, т. к. он не предвидел и более элементарные вещи, являющиеся аксиомой при нападении с Запада. В частности, что белорусское направление станет одним из главных, хотя абсолютно

точно знал по донесениям разведки, что командование вермахта откровенно увязывало успех блицкрига на Востоке именно с этим направлением главного удара.

Более того, генерал-полковник Фрич, как главнокомандующий сухопутными войсками вермахта, был достаточно категорическим противником этих подразделений SS Verfügungstruppe и не считал нужным даже планировать их участие в боевых действиях вермахта, тем более в авангарде наступления. И об этом Тухачевскому было прекрасно известно из донесений военной разведки — тщательное наблюдение за личными взглядами генералов иностранных армий на различные вопросы стратегии и тактики является одной из главных задач военной разведки. Так что вполне естественен вопрос — с какой такой стати Тухачевский выдумал такую формулировку для определения характера сил противника в стратегической игре. Это трудно понять, во всяком случае, с военной точки зрения. А вот с политической, заговорщической — она более чем объяснима: раз такие отборные войска, да еще и танковые и механизированные дивизии СС, то, естественно, и противопоставить им надо равнозначные войска, т. е. такие же отборные танковые и механизированные соединения РККА, причем как минимум в том же количестве. А вот это-то и есть самое что надо для успешного переворота — уж с 16-ю как минимум, если по логике задачи «игры», танковыми и механизированными дивизиями власть точно можно захватить, тем более что их командиры — все его ставленники. Ленин и вовсе с одной дивизией латышских бандитов удержался у власти, а тут — целых 16...

Естественно, что кроме самого факта ареста и расстрела Тухачевского и его подельников Кривицкий ничего физически знать не мог, тем более о досье — в момент передачи это было сверхсекретным делом, о котором знали только трое: Сталин, Молотов и Ежов, и только с 24 мая — члены Политбюро. Это потом о досье станет известно, и то в столь специфической ситуации, что иначе как по каналам британской разведки ни Кривицкий, ни, тем более, его писарь-папарацци — Дон-Левин узнать не могли.

Дело в том, что уже в декабре 1937 г. — напоминая, что Кривицкий ушел на Запад 6 октября, а из СССР убыл и того раньше — в соответствии с соглашением о сотрудничестве военных разведок

Чехословакии и СССР от 1935 г., в Праге состоялась очередная встреча соответствующих делегаций. И вот на этом совещании произошло очень бурное столкновение делегаций по вопросу о репрессиях в отношении высшего командного состава РККА.

Первым получивший агентурные данные о заговоре и консультировавшийся по этому вопросу с резидентом британской разведки майором Гибсоном глава чехословацкой военной разведки полковник Франтишек Моравец и сопровождавшие его лица буквально напали тогда на советскую делегацию с крайне резкими обвинениями. Их суть сводилась к тому, что как можно было перерезать почти весь высший командный состав по обвинениям, которым-де весь мир не верит и считает ошибочными. Естественно, что советская делегация весьма сдержанно ответила — ведь весь компромат на Тухачевского сотоварищи поступил из Праги! Ну и уж совсем естественно, что едва ли не в тот же день британская разведка была полностью в курсе произошедшей на этой встрече перепалки.

...Этим нападениями на советскую делегацию полковник Ф. Моравец по сути дела пытался отвести подозрения от своей службы. Он и после войны, уже на излете жизни написал в изданных в США мемуарах, что Бенеш никакой информации о заговоре ему, начальнику разведки, не передавал. А с какой такой стати глава государства должен что-то передавать начальнику разведки, когда, наоборот, начальник разведки для того и существует, как и вся его служба, для того, чтобы постоянно докладывать главе государства всю добываемую информацию...

Что же до всего мира, то обычно очень эффективная чехословацкая военная разведка тут дала серьезную промашку — главные персонажи высшей мировой политики того времени отнюдь не считали эти обвинения ошибочными, однако делали вид, что это так, потому как очень уж выгодно это дело — делать из другого чудовище...

Президент Рузвельт, например, получил от своего посла в Москве Джозефа Дэвиса — кстати говоря, очень умного, проницательного и очень хорошо информированного дипломата — секретную шифротелеграмму № 457 от 28 июня 1937 г. (в начале июля она была уже на столе Сталина) следующего содержания: **«В то время как внешний мир благодаря печати верит, что процесс — это**

фабрикация... — мы знаем, что это не так, и, может быть, хорошо, что внешний мир думает так». Любопытно, что Дж. Дэвис завершил эту телеграмму такими словами: «*Что касается дела Тухачевского — то корсиканская опасность пока что ликвидирована*».

...Нельзя не воздать должное объективности и честности Дж. Дэвиса, в том числе и в связи с его принципиальной последовательностью в этом вопросе. В одном из ноябрьских номеров британской газеты «Санди экспресс» за 1941 г. была опубликована статья Дэвиса, и вот что он тогда писал (в кратком изложении газеты): «Дэвис заявляет, что через несколько дней после нападения Гитлера на Советскую Россию его спросили: «А что вы скажете относительно членов пятой колонны в России?» Он ответил: «У них таких нет, они их расстреляли». Дэвис пишет далее, что «значительная часть всего мира считала тогда, что знаменитые процессы изменников и чистки 1935–1938 гг. являются возмутительными примерами варварства, неблагодарности и проявлением истерии. Однако в настоящее время стало очевидным, что они свидетельствовали о поразительной дальновидности Сталина и его близких соратников».

После подробного изложения планов Бухарина и его сподвижников Дэвис отмечает: «Короче говоря, план этот имел в виду полное сотрудничество с Германией. В качестве вознаграждения участникам заговора должны были разрешить остаться на территории небольшого, технически независимого советского государства, которое должно было передать Германии Белоруссию и Украину, а Японии — приморские области и сахалинские нефтяные промыслы». Заявляя, что советское сопротивление, «свидетелями которого мы в настоящее время являемся», было бы «сведено к нулю, если бы Сталин и его соратники не убрали предательские элементы», Дэвис в заключение указывает, что «это является таким уроком, над которым следует призадуматься другим свободолюбивым народам»....

И в завершение исследования вопроса о природе происхождения версии № 1 хотелось бы отметить вот еще что.

Долгое время мне никак не удавалось дать более или менее вразумительное объяснение одному обстоятельству: с какой такой стати версия № 1 сопровождается совершенно несвойственной для

стилистки пускай и бывшего, но ведь советского же гражданина, весьма пафосными, морализаторско-нравоучительными пассажами, да еще на грани нахального менторства? Списать на Дон-Левина — конечно, проще всего, но ответа все равно не получится, ибо сразу же возникает вопрос: а он-то с какой стати стал менторствовать, да еще и в таком духе, и к тому же после столь грубого шантажа Бенеша?

И вот когда вышла в свет книга О. Ф. Соловьева «Масонство в мировой политике XX века» — все встало на свои места. Оказалось, что все его менторство не более, чем прямая перекличка по смыслу и духу с известным майским 1939 г. посланием президента Рузвельта как могущественного заокеанского масона своим европейским собратьям. Вот всего лишь одна фраза из этого послания: ***«Лишь тот, кто смело отказывается отступить перед провокацией диктаторов, а, напротив, упреждает ее переходом в наступление, и сможет ее обуздать».***

Откуда беглый предатель или тот же Дон-Левин могли узнать об этом послании? Ведь оно прошло по закрытым американским дипломатическим каналам и было посвящено острейшему тогда вопросу — о Польше. Послание было адресовано руководству одной из самых могущественнейших масонских лож континентальной Западной Европы — «Великий Восток Франции». А передал его руководству французских масонов лично посол США в Париже У. Буллит 25 мая 1939 г. Происхождение же послания таково. Еще 14 апреля (по европейскому времени уже 15 апреля) 1939 г. Рузвельт обратился с призывом к Гитлеру и Муссолини воздержаться от любых шагов, могущих привести к большой войне, дать обещание воздерживаться в течение десяти лет от нападения на перечисленные им 30 государств с одновременным созывом конференции для решения вопросов разоружения и спорных экономических проблем, а равно начать переговоры по установлению гарантий мира.

В характерной для них манере Адольф Гитлер и Бенито Муссолини «послали» призыв Рузвельта по известному адресу... 25 мая 1939 г. через посла США в Париже У. Буллита (кстати говоря, ярого приверженца Мюнхенской сделки) Рузвельт направил руководству французских масонов послание, суть которого сводилась к следующему (далее в изложении О. Ф. Соловьева): «По взаимной договоренности к послу отправился Груссье (А. Груссье в то время

являлся Великим Мастером Великого Востока Франции. — *А.М.*). 29 мая он проинформировал о содержании беседы Совет ВВФ и руководство ВЛФ (ВВФ — Великий Восток Франции, ВЛФ — Великая Ложа Франции. — *А.М.*), уведомив об устном послании Рузвельта. Буллит якобы находился в состоянии сильного волнения и сразу же заявил, что президент следит с «очень сильной тревогой за развитием событий в Европе», ибо у него складывается впечатление о возобновлении натиска сил, толкающих на «возвращение к политике умиротворения».

Это и побуждает его обратиться к друзьям во Франции, считающих себя ответственными за бескомпромиссный курс обуздания диктаторов. Существо послания сводилось к следующему: «Поскольку Гитлер отклонил предложенное президентом посредничество, в нынешней фазе эволюции обстановки предпочтительно воздерживаться от публичных заявлений, а войти в прямой контакт с силами, несущими основную ответственность за происходящее в ближайшие месяцы».

Наступил исключительно серьезный момент, когда надо опасаться в конечном счете еще одного компромисса — в польском вопросе. «Такой компромисс за счет Польши стал бы очень серьезной ошибкой». По свидетельству президента, он дал понять еще в марте премьер-министру Великобритании Чемберлену, что продолжение его политики умиротворения приведет к отказу США от предоставления моральной, материальной и иной помощи. Он предложил действовать таким образом, чтобы конфликт с Гитлером сделался бы неизбежным. Как он же заверил Англию и Францию, в случае войны «США бросят всю свою мощь на весы демократических государств, сражающихся в Европе». Обещал он и «полную поддержку всем тем, кто готов противостоять действиям сторонников нового компромисса». Лишь тот, кто смело отказывается отступить перед провокацией диктаторов, а, напротив, упреждает ее переходом в наступление, и сможет ее обуздать».

Из текста протокола отчета о заседании Совета Ордена в помещении Великого Востока Франции от 29 мая 1939 г., подписанного тем же Груссье, важно еще одно предложение: «С учетом подавляющего материального преимущества и благоприятного стратегического положения демократических стран у правительств

Парижа и Лондона отныне не остается никакого повода для уклонения еще раз от Конфликта» («Конфликт» с большой буквы на масонском языке означает мировую войну. - А.М.).

Я специально столь подробно привел всю эту историю в силу следующих причин.

Во-первых, пользуясь случаем, еще раз наглядно проиллюстрировать всю изначально предрешенную обреченность на полный провал по вине лично и только Запада англо-франко-советских переговоров летом 1939 г. в Москве об организации коллективного отпора Гитлеру. Обреченность на провал, предрешенную особой позицией лично президента США. Мало того, что ни Лондон, ни Париж не только не намеревались всерьез договариваться с Москвой о коллективных мерах безопасности по предотвращению войны, а, наоборот, совершенно открыто взащей толкали Гитлера на агрессию против СССР, так ведь к тому же еще и со всей откровенностью выполняли масонский приказ Рузвельта сделать все, чтобы война непременно вспыхнула. Причем, и это очень важно учесть именно в данном случае, — Рузвельт в тот момент прекрасно знал, абсолютно точно знал, что Гитлер нападет на Польшу при любых обстоятельствах (кстати говоря, знал это и Сталин, в том числе и о том, что об этом же знает и Рузвельт).

То есть налицо прямое свидетельство того, что Запад со всей решительной принципиальностью нацелился на непосредственное развязывание Второй мировой войны — войны, у которой, не будь Договора о ненападении от 23 августа 1939 г., маршрут уже тогда, в сентябре 1939 г., был бы такой же, что и 22 июня 1941 г.

...Судя по действиям Сталина именно в этот период, он явно располагал соответствующей разведывательной информацией об этом послании Рузвельта: в масонских и высших правительственных кругах Франции агентуры хватало. Наряду с другой разведывательной информацией, эта явно стала одной из серьезнейших причин, побудивших Сталина начать подготовку к возможному подписанию Договора о ненападении. Дело в том, что именно 31 мая 1939 г., т. е. всего через два дня после упомянутого заседания Совета Великого Востока Франции, в Государственном архиве Октябрьской революции (ныне ГАРФ), входившем тогда в Центральное архивное управление НКВД СССР, было заведено дело № 27 в 612 фонде, в котором стали

сосредотачивать различные материалы о неофициальных контактах с Германией фактически за последнюю к тому моменту четверть века, в т. ч. и данные о конфиденциальных каналах доведения информации до руководства Германии для оказания соответствующего влияния. В этом деле концентрировались материалы разведки, контрразведки, тайных обществ, внешнеполитического ведомства и т. д.

Во-вторых, обратить внимание на то обстоятельство, что придав концовке версии № 1 столь очевидно перекликающийся со смыслом и духом послания Рузвельта характер, британская разведка со всей очевидностью бросила вызов и самому главе Белого дома. Потому как и, в-третьих, из текста версии № 1, не говоря уже о самом содержании «мемуаров», с такой же очевидностью явствует, что под категорию диктаторов и тоталитарного варварства пером Кривицкого — Дон-Левина откровенно подводятся Сталин и СССР, в то время как Рузвельт совершенно однозначно имел в виду Гитлера и Муссолини (соответственно, Германию и Италию).

В-четвертых, этот незатейливый прием понадобился для того, чтобы под маской якобы демонстративного непонимания того, о каких диктаторах шла речь в послании, ненавязчиво навязать Рузвельту именно британскую версию этого самого «столкновения демократии и фашизма», т. е. вынудить его занять более откровенную антисоветскую позицию. Ибо в британском понимании «демократии» — это страны Западной Европы, главным образом сама Великобритания, а заодно и Франции, а «фашизм» — гитлеровская Германия и сталинский СССР.

В-пятых, следует особо подчеркнуть, что подобную ложь, как версия № 1, можно было запустить только в это время — в октябре 1939 г., т. е. после начала Второй мировой войны. Потому что формально война началась после 23 августа 1939 г., вроде бы вследствие подписания договора о ненападении между СССР и Германией, т. е. в столкновении демократии и фашизма виноват Сталин и его СССР, а, соответственно, США, как и обещали, должны теперь «бросить всю свою мощь на весы демократических государств, сражающихся в Европе». Чего, между прочим, глава Белого дома тогда вовсе и не собирался делать.

Именно из-за этого, невзирая на всю очевидность острейшего противоречия версии № 1, в глубь основного текста «мемуаров» была

воткнута версия № 2, которая, между прочим, изначально была основной — на ней держался первоначальный замысел операции с «мемуарами», но в том-то все и дело было, что до 23 августа 1939 г. использовать ее было невозможно, так как не было самого существенного для нее факта — якобы факта якобы тайного сговора Сталина с Гитлером. И только сам факт подписания договора о ненападении «наконец-то» предоставил «мемуаристам» этот, с позволения, «факт».

Как никто другой в мире, британская разведка издавна прекрасно знает, что маятник европейских качелей равновесия исторически сложился так, что вслед за любыми договоренностями о дружбе, сотрудничестве или ненападении и нейтралитете какой бы то ни было страны, с Германией, в самые же кратчайшие сроки последует адекватная реакция в виде аналогичных договоров любой иной, посчитавшей себя ущемленной, страны, но, опять-таки, с Германией. За примерами далеко ходить не надо, они все прекрасно известны. Взять хотя бы только начало XX столетия: Россия сепаратно выходит из Первой мировой войны по Брест-Литовскому договору от 3 марта 1918 г. — по факту своей победы в этой войне Запад силой принуждает Германию подписать унижительный Версальский мир в 1919 г. В 1922 г. Советская Россия и Веймарская Германия подписывают знаменитый Рапалльский договор — Запад отвечает «духом Локарно», т. е. подписанием в октябре 1925 г. пресловутых Локарнских соглашений, суть которых сводилась к пакту о ненападении между Западом и Германией. В апреле 1926 г. СССР и Германия заключают двухсторонний договор о ненападении и нейтралитете — Запад последовательно с 1926 по 1932 г. осуществляет целую серию мероприятий по максимальной нейтрализации просоветской ориентации Германии, в частности втаскивает ее в Лигу Наций, полностью снимает военный контроль за действиями Германии, привлекает ее к участию в пресловутом Пакте Кэллога — Бриана (своего рода глобальное подобие Локарнских соглашений), в соответствии с принятым «планом Юнга», резко ослабляет бремя репарационных платежей для Германии и одновременно пытается втянуть Германию в организацию нового антисоветского похода на Восток. СССР добивается весной 1931 г. пролонгации договора от 1926 г. еще на пять лет — Запад

предпринимает максимум усилий, чтобы не допустить ратификации протокола о пролонгации (он будет ратифицирован только в мае 1933 г., т. е. уже после привода Гитлера к власти). СССР избирает тактику подписания двухсторонних договоров о ненападении со всеми странами, граничащими с ним, перекрывая тем самым любые лазейки для организации агрессии против себя, и добивается очень значительных успехов на этом направлении — Запад приводит к власти в Германии Гитлера, который немедленно начинает рвать всю ткань международных отношений в Европе, в т. ч. и систему двухсторонних договоров о ненападении, пытаясь прорваться к границам СССР. Советский Союз, в свою очередь, начав с идеи Восточного пакта, доводит дело до подписания с Францией и Чехословакией перекрещивающихся договоров о взаимопомощи в отражении агрессии (1935 г.) — Запад переходит к тактике целенаправленного экономического «умиротворения» Германии и Гитлера, преследуя цель в кратчайшие сроки экономически поднакачать Германию и толкнуть ее на Восток. СССР пытается реанимировать резко ухудшившиеся с приходом Гитлера межгосударственные отношения Германии и СССР, в основном за счет активизации торгово-экономических связей — Запад активно противодействует этому всеми силами, и в повестку дня выдвигается принцип будущей Мюнхенской сделки.

Естественно, что вслед за Мюнхенской сделкой, целью которой было открыть магистральную дорогу Гитлеру на Восток, должен был последовать адекватный угрозе оборонительный шаг со стороны Москвы. Подчеркиваю, что логика европейского равновесия такова, а в то время была особенно такова, что 23 августа 1939 г. было абсолютно закономерным, предсказуемым в силу изначальной полной адекватности угрозе шагом Кремля, и обвинять за это Сталина значит не только открыто грешить против элементарной исторической истины, но и попросту опускаться до очень подлого подлога.

...Из истории дипломатии тех лет хорошо известно, что еще до Мюнхена послы многих государств забрасывали свои правительства телеграммами, в которых с разной степенью категоричности, но открыто указывали на то, что Мюнхенская сделка Запада неизбежно и в очень короткое время приведет к заключению соответствующего

договора о ненападении между СССР и Германией, тем более что старый, от 1926 г., истек как раз в 1938 г...

Британская разведка, конечно же, историю знала, равно как и современность, и потому, как только Договор о ненападении от 23 августа 1939 г. стал реальностью, тут же, едва ли не в прямом смысле на следующий же день, устами одного из наиболее видных своих представителей, выдающегося геополитика, директора Лондонской школы экономики, члена «Комитета 300» Хэлфорда Маккиндера обвинила другого, не менее выдающегося геополитика, директора Института геополитики, и тоже разведчика Карла Хаусхофера в том, что последний якобы злоумышленно извлек из арсенала первого самые эффективные инструменты для расшатывания Британской империи.

В приступе имперского гнева британская разведка несла откровенную чушь: как будто Маккиндер не знал, что еще в конце XIX века отец тогдашнего премьер-министра Великобритании Джозеф Чемберлен открыто предупреждал, что Англия своей неумной политикой против России вынудит-таки и последнюю, и Германию к какому-нибудь соглашению между собой. А заодно и Японию. К 1939 г. эта мысль Джозефа Чемберлена уже была канонизирована в статусе априорной аксиомы и в британской внешней политике, и в дипломатии, и в разведке, и, естественно, в геополитике правящих кругов Великобритании. В связи с чем она и фигурировала в тексте мартовского доклада КИМД, который цитировался еще в конце первой главы и к составлению которого сам же Маккиндер приложил свои же собственные руки.

Когда же Вторая мировая война по прямой вине Великобритании, Франции, США, не говоря уже о гитлеровской Германии, стала трагической и печальной реальностью, то вот тут-то британская разведка и сочла, что «настал тот день и час», и пустилась во все тяжкие с операцией «мемуары» Кривицкого. И опираясь на свой излюбленный, веками апробированный и отшлифованный метод «Амальгамы», точнее, целенаправленного наведения заведомо подло негодными средствами несуществующей тени на вроде бы якобы околоравдоподобно существующий плетень, предприняла массированную атаку и на общественное мнение, и на президента США, чтобы вынудить в конце концов главу Белого дома сойти с «мертвой» для Лондона позиции и открыто солидаризироваться с

Великобританией, в т. ч. и прежде всего на антисоветской внешне, но по сути антироссийской основе. Именно этим и только этим объясняется наличие в «мемуарах» сразу двух не только запредельно идиотских версий, но и запредельно же по-идиотски противоречивших друг другу. Потому что только таким образом возможно было хоть как-то, но задвинуть куда-нибудь подальше Мюнхенский сговор, как прямой пролог и к 23 августа 1939 г., и к 1 сентября 1939 г., и, одновременно, на опережение, спихнуть всю ответственность за развязывание уже Второй в XX веке мировой войны на Россию, хотя бы и называвшуюся тогда СССР.

...Это вообще старинная «забава» британской разведки — после каждой устроенной Великобританией войны, тем более мировой, на кого-нибудь да спихнуть всю ответственность, особенно же на Россию. Например, после Первой мировой войны ее «историки в штатском» все 20-е и начало 30-х годов в поте лица занимались этой грязной работой, пик активности которой всегда полностью, до последнего микрона совпадал с очередной активизацией антироссийской деятельности Великобритании...

Но если Мюнхенский сговор явился не чем иным, как прямым и непосредственным прологом к 1 сентября 1939 г. (тем более в сочетании со злоумышленно выданными Великобританией т. н. «гарантиями безопасности» Польше, которые сами же британские специалисты по разведке считали **«наиболее верным способом ускорить взрыв и мировую войну... подстрекали Гитлера»**), адекватно-упреждающей реакцией на что и стала советская подпись под Договором о ненападении от 23 августа 1939 г., то **прямым и непосредственным прологом к Мюнхенской сделке Запада с Гитлером явилась хитроумно организованная британской разведкой ликвидация «двойного заговора», в первую очередь и особенно его советской части, как представлявшей наибольшую, чрезвычайную опасность для Великобритании!**

Парадоксом этой ликвидации является то обстоятельство, что она была переплетена с т. н. «экономическим умиротворением» Гитлера, т. е. с организацией резко ускоренной накачки военно-промышленного потенциала нацистов за счет ВПК, армии и военной инфраструктуры Чехословакии для последующего ускорения их броска на Восток. Именно этот парадокс очень длительное время являлся главным

шлагбаумом на пути понимания подлинной сути «дела Тухачевского», хотя о самом т. н. «экономическом умиротворении», естественно, прекрасно известно всем историкам.

На протяжении десятилетий из поля зрения многих исследователей постоянно выскальзывала следующая взаимосвязь фактов. В мае — июне 1937 г. происходит ликвидация советской части «двойного заговора» (прежде всего в руководящем его звене), а 24 июня 1937 г. военный министр Германии генерал-полковник Бломберг подписывает директиву о подготовке к войне. В октябре того же года происходит частный визит в Германию экс-короля Великобритании Эдуарда VIII. 5 ноября 1937 г. Гитлер впервые широко оповещает своих генералов о планах завоевания мирового господства. 19 ноября того же года происходит визит министра иностранных дел Великобритании лорда Галифакса в Германию, во время которого фюреру откровенно выдается «добро» на агрессию в восточном направлении (кстати говоря, впервые эти данные были опубликованы еще при жизни Сталина в изданной еще в 1951 г. исторической справке под названием «Фальсификаторы Истории» — именно в этой публикации впервые были открыто продемонстрированы подлинные записи содержания секретных переговоров Галифакса с Гитлером). На рубеже 1937–1938 гг. происходит ликвидация военной оппозиции Гитлеру, который выгнал Бломберга и Фрича, да еще и с позором. 4 февраля 1938 г. Гитлер принимает на себя функции Главнокомандующего вермахтом, на 22 мая 1938 г., т. е. на следующий же день после истечения срока пролонгации Договора о ненападении и нейтралитете между СССР и Германией от 1926 г., назначается нападение на Чехословакию («план Грюн»). Оно не состоялось лишь по той простой причине, что предупрежденное тем же агентом чехословацкой военной разведки руководство страны объявило всеобщую мобилизацию, в результате чего, при вооруженном столкновении Чехословакии и Германии, чей вермахт еще был достаточно слаб в то время, от Гитлера вряд ли что-либо осталось, а Западу пришлось бы втягиваться в этот конфликт на стороне Чехословакии, да еще и в союзе с СССР. Премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен вводит пресловутый «план Зет» в действие и доводит дело до Мюнхенской сделки с Гитлером. И вот итог, сугубо военно-экономический итог в характеристике самого

Гитлера (из его выступления 23 апреля 1939 г.): «Хочу, чтобы вы имели хотя бы некоторое представление о почти астрономических цифрах, которые дает нам этот международный арсенал, расположенный в Центральной Европе (т. е. Чехословакия. — А.М.). Со времени оккупации мы получили 1582 самолета, 581 противотанковую пушку, 2175 орудий всех калибров, 735 минометов, 486 тяжелых танков, 42876 пулеметов, 114 тысяч пистолетов, 1020 тысяч винтовок, 3 миллиона гранат, миллиарды единиц огнестрельных боеприпасов».

И это абсолютно не случайно, что именно Чехословакию, чей удельный вес на мировом рынке оружия составлял тогда 40 % и чей ВПК спокойно мог выпускать ежемесячно 1600 танковых и 3000 ручных пулеметов, 130 тысяч винтовок, 7 тысяч гранатометов, 200 орудий, десятки танков и самолетов, Великобритания со всей несвойственной ей «щедростью» сдала «в аренду» Адольфу Гитлеру. Только за счет Чехословакии он получил оружия и снаряжения в расчете на 45–50 дивизий. С момента захвата Чехословакии, т. е. с 1 октября 1938 г. и до 1 сентября 1939 г., только заводы всемирно известного концерна «Шкода», составлявшие основной костяк ВПК Чехословакии, произвели вооружений больше, чем весь ВПК Великобритании за этот же период, не говоря уже о мощной военно-инженерной инфраструктуре, доставшейся Гитлеру в непосредственной близости от советских границ.

...Кстати говоря, Сталин задолго до Мюнхена предвидел такой поворот событий. В интервью от 1 марта 1936 г. председателю американского газетного объединения «Скриппс-Говард Ньюспейперс» Рою Говарду, на вопрос последнего о том, «как СССР представляет себе нападение со стороны Германии? С каких позиций, в каком направлении могут действовать германские войска?», Сталин ответил следующее: «История говорит, что когда какое-либо государство хочет воевать с другим государством, даже не с соседним, то оно начинает искать границы, через которые оно могло бы добраться до границ государства, на которое оно хочет напасть. Обычно агрессивное государство находит такие границы. Оно их находит либо при помощи силы, как это имело место в 1914 году, когда Германия вторглась в Бельгию, чтобы ударить по

Франции, либо оно берет такую границу «в кредит», как это сделала Германия в отношении Латвии, скажем, в 1918 году, пытаясь через нее прорваться к Ленинграду... Яне знаю, какие именно границы может приспособить для своих целей Германия, но думаю, что охотники дать ей границу «в кредит» могут найтись».

Конечно же, Сталин немного слукавил — он уже тогда прекрасно знал, какие конкретно «охотники» и какую конкретно границу сдадут «в кредит» Гитлеру, но таковы правила международного «политеса» — делать вид, что еще не догадываешься.

Столь же интересен и сам вопрос Роя Говарда, причем именно в полном объеме, так как он прозвучал в следующем виде: «Советский Союз опасается, что Германия и Польша имеют направленные против него агрессивные намерения и подготавливают военное сотрудничество, которое должно помочь реализовать эти намерения. Между тем Польша заявляет о своем нежелании разрешить любым иностранным войскам использовать ее территорию, как базу для операций против третьего государства. Как СССР представляет себе нападение со стороны Германии? С каких позиций, в каком направлении могут действовать германские войска?»

Менее чем через год после этого интервью, на фоне поступавшей к Сталину секретной информации о тайных переговорах между Берлином и Прагой, которые вели соответственно высокопоставленные сотрудники германского МИДа Альбрехт Хаусхофер (старший сын Карла Хаусхофера) и граф Траутмансдорф, с одной стороны, и президент Чехословакии Э. Бенеш — с другой стороны, по вопросу о т. н. урегулировании германо-чехословацких отношений (в центре внимания переговоров была проблема заселенных немцами Судет), на стол кремлевского владыки легла также секретная информация, но уже об итогах завершившихся в Германии командно-штабных учений вермахта, также как и вышеупомянутые переговоры, состоявшиеся в конце 1936-го — начале 1937 г. А в них говорилось, что «никакого точного решения относительно восточной кампании не будет найдено, пока не будет решен вопрос о создании базы для операций в самой Восточной Польше». Кстати говоря, точно такая же информация поступила в

Лондон, о чем Сталин знал из той самой папочки под названием «Германская опасность», что имелась в МИДе Великобритании.

Отдавать же сразу Польшу Гитлеру Лондону явно не хотелось — ее приберегали для других интриг. Но как показывает анализ, именно в перекрестье этих двух информации и возникли истоки Мюнхенских соглашений 1938 г. и одновременно импульсы, подтолкнувшие британскую разведку к началу практической реализации операции по сдаче заговора военных на расправу с одновременным скидыванием всей ответственности на Сталина и якобы имевшую место нацистскую фальшивку...

Собственно говоря, именно этим-то и объясняется несколько необычная — через т. н. «экономическое умиротворение» — взаимосвязь между ликвидацией советской части «двойного заговора» и организацией Мюнхенской сделки Чемберлена с Гитлером при участии Даладье.

Но здесь следует иметь в виду то, что проявление этой взаимосвязи не есть результат какого-то особо коварного плана Лондона. Если, например, за тем же заговором британская разведка и впрямь давно следила с нарастающей тревогой, и действительно искала возможность разделаться с заговорщиками на свой лад, то вот сам повод воедино увязать и их ликвидацию, и ускорение милитаризации Германии за счет «сдачи в аренду» Чехословакии появился у Лондона относительно случайно.

Но там мгновенно смекнули, что можно извлечь из этого повода — январские 1937 г. ожидания Лондоном войны не позднее 1938 г. были отнюдь не случайными, ибо уже шла проработка вопроса о том, как максимально эффективно в интересах Великобритании использовать подвернувшуюся возможность. Высоколобые умы в Лондоне давно искали и повод, и возможность начисто вспороть мощный бронезилет внешней безопасности СССР, сотканные дипломатией Сталина из многочисленных перекрещивавшихся между собой как двухсторонних, так и многосторонних договоров о ненападении, нейтралитете, взаимопомощи и недопущению войны как средства решения международных споров. Этим «бронезилетом» были перекрыты все пути для агрессии против СССР с Запада. Более того, этот «бронезилет» выдержал также и натиск резкого скатывания значительного количества европейских стран к жестким

националистическим, фашистским, тоталитарным и авторитарным режимам, которые, как по команде, охватили все подступы к СССР по периметру его западных, юго-западных, северных и северо-западных границ, а также ареалы его геополитических интересов на этих же направлениях.

Но даже при этих обстоятельствах до Мюнхена Гитлер ничего не мог сделать и хоть как-то приблизиться к советским границам. Однако весь парадокс в том и состоит, что повод, о котором пойдет речь, т. е. сам этот случай никогда не являлся секретом — он хорошо известен всем историкам, которые занимаются предысторией Второй мировой войны.

Другое дело, конечно, что его никогда не увязывали в таких взаимосвязях. Именно поэтому-то и получилось, что ложь версии № 2 из «мемуаров» Кривицкого гуляет по свету уже седьмое десятилетие, да еще и в статусе едва ли не достоверного факта.

Именно эта версия выстраивает в единое целое логически и хронологически никак не взаимосвязанное: подписание Антикоминтерновского пакта, якобы подыгрывание Сталина дуэту Гитлер — Муссолини, т. е. оси Берлин — Рим в ущерб Лондону — Парижу, безосновательное приурочивание начала т. н. «миссии» Канделаки к дате подписания Антикоминтерновского пакта, репрессии против высшего командного состава РККА. А из этой совокупности ненавязчиво делается сногсшибательный вывод о преднамеренной злоумышленности подписания Договора о ненападении от 23 августа 1939 г.

Если повнимательней приглядеться, то окажется, что налицо попытка доказать т. н. общественному мнению США, но прежде всего самому главе Белого дома и его ближайшему окружению, что якобы длительное время тайными, а также и кровавыми мерами осуществлялось сколачивание тройственного союза Берлин — Москва — Токио при одновременном намеке на квартет диктаторов, командующих в Берлине — Риме — Москве — Токио. То есть того самого геополитического альянса, которого по обе стороны Атлантики страшились пущего всего, как на этом, так и на другом свете, именно как того самого «последнего дня англосаксов», о котором говорил еще Гомер Ли. Именно поэтому сразу же после грубого шантажа Бенеша в предисловии к «мемуарам» Кривицкого первой идет «ударно-

штурмовая» глава под названием «Сталин заигрывает с Гитлером», внутри которой роль «ударно-штурмовой» изюминки выполняет измышление о том, как «мемуарист» Кривицкий расколол всю переписку между Токио и Берлином по поводу переговоров о заключении Антикоминтерновского пакта. Причем в самой этой байке роль также «ударно-штурмового», но «щекотунчика», исполняет вещание «мемуариста» о кознях Берлина и Токио в Китае и на Тихом океане.

А вот это уже «блюдо» сугубо для Белого дома — в тот момент его можно было раздражить именно и только этим, и ничем иным. Англичане вообще, как никто иной в мире, ловко, с фантастическим искусством умеют точно выбирать наиболее болезненные «акупунктурные точки» на внешнеполитических «мозолях» дяди Сэма и незаметно надавливать на них, заставляя шевелиться прямые, как границы штатов, извилины американской политики. Дело тут вот в чем. На протяжении многих десятилетий убежденно считается, что Антикоминтерновский пакт был в первую очередь антикоминтерновским и антисоветским по своей направленности. Во всяком случае, в нашей историографии это практически повсеместное явление. На самом же деле — это всего лишь верхушка айсберга, ибо ни в Лондоне, ни в Вашингтоне, ни тем более в Берлине или Токио, не говоря уже о Москве, никто не заблуждался насчет истинной цели этого пакта. В действительности это был настоящий германо-японский геополитический сговор в первую очередь антианглосаксонского характера, т. е. антибританского и антиамериканского характера. Этот пакт являл собой продукт реализации идей Карла Хаусхофера, в связи с чем вовсе не случайно, что дорожку к этому пакту начал торить еще с осени 1933 г. именно сын Карла Хаусхофера — Альбрехт. А тот якобы основной по истории антисоветский и антикоминтерновский смысл ему придали ради того, чтобы раньше времени не вспугнуть Лондон и Вашингтон.

Однако, придав этому пакту конкретно антикоминтерновский характер, и Берлин, и Токио одновременно поднапустили и очень коварного туману насчет Москвы. Подписав пакт, обе стороны обменялись также и соответствующими дипломатическими нотами: в германской, представленной за подписью Риббентропа, в частности, говорилось, что: «В связи с подписанием Дополнительного секретного

соглашения к Соглашению против Коммунистического Интернационала я имею честь сообщить Вам, Ваше превосходительство, что германское правительство рассматривает договора, существующие между германским рейхом и Союзом Советских Социалистических Республик, в частности Рапалльский договор 1922 г. и Пакт о нейтралитете 1926 г., как не утратившие силу и не противоречащие духу этого соглашения и вытекающих из него обязательств».

Японской же нотой, врученной Риббентропу послом Японии в Берлине, германское правительство было поставлено в известность о сохранении в силе подписанных ранее японо-советских договоров и соглашений. То есть по сути дела этими нотами обе стороны дезавуировали антисоветский характер и самого пакта, и секретного приложения к нему, но дезавуировав именно таким образом, не только четко обозначили их антизападную, антианглосаксонскую направленность, но и бросили тень на Москву, поскольку в таком случае очень легко было заподозрить, что подобное было осуществлено чуть ли не с прямого ведома самой Москвы. Более того, на фоне активно тогда циркулировавших по Европе слухов о т. н. «тайной миссии» Канделаки, расчетливо подпущенный германо-японский туман мог спровоцировать и Лондон, и Вашингтон на категоричную убежденность в том, что Москва и в самом деле каким-то образом замешана во всей этой истории, только не хочет пока показывать это. Естественно, что и Лондон, и Вашингтон достаточно быстро прознали и о самом факте обмена такими нотами, и об их содержании. Знала об этом и Москва, в т. ч. и о том, что об этом знают и Лондон, и Вашингтон. Нельзя исключать того, что именно этот факт стал самой последней каплей, переполнившей чашу терпения британской разведки, и так небезосновательно подозревавшей, что «двойной заговор» на самом деле «тройной заговор», т. е. с участием и Японии, после чего МИ-6 и спустила всю лавину достоверного компромата в отношении Тухачевского на голову Кремля. Однако не одну «собаку» съевшая на подобных интригах британская разведка задолго до подписания самого Антикоминтерновского пакта учуяла, что вся эта германо-японская возня с секретными переговорами отнюдь не только и даже не столько против СССР, сколько против Запада, прежде всего против Великобритании.

По добытым советской разведкой в середине 1936 г. секретным документам Великобритании видно, что уже к тому моменту Британский имперский комитет обороны озаботился проблемами подготовки к войне на Дальнем Востоке и проработкой планов войны с Германией.

Однако Имперский комитет обороны — не та организация, чтобы на пустом месте проявлять такую заботу. По своему он, конечно же, был прав, т. к. британская разведка располагала достоверными сведениями о том, что в первой половине 1936 г. в Германию с неофициальным визитом прибыл тесно связанный с правящей японской верхушкой и всевозможными тайными обществами Страны восходящего солнца, а также с самим Карлом Хаусхофером профессор Токийского университета Д. Мамо. Во время неофициальных переговоров с командованием германского ВМФ Мамо тщательно разъяснил германской стороне, что «цели Японии в Азии и на Тихом океане состоят в том, чтобы установить господство в Желтом море, захватить как минимум еще три китайские провинции, установить контроль над Бирмой, французским Индокитаем, а также захватить Австралию, что, по его словам, естественным образом предполагает предварительное создание крупных военных баз на Филиппинах, а затем и в самой Австралии». Более того, Мамо сообщил немцам, что, готовясь к схватке за колонии с Великобританией, японская разведка еще в 1935 г. добыла секретный план оборонительных сооружений британской военно-морской базы в Сингапуре.

Отсюда и вполне понятная теперь озабоченность Британского Имперского комитета обороны проблемами ведения войны на Дальнем Востоке.

И последнее в дальневосточной подоплеке «мемуаров» Кривицкого, а по сути в операции британской разведки по оказанию влияния на США. Дело в том, что на вышеуказанном британские интриги по поводу Антикоминтерновского пакта не завершились. К 1939 г. Лондон уже имел вариант «дальневосточного Мюнхена», а к 24 июля этого же года реализовал его в известном соглашении Арита — Крейги, которым, по аналогии с англо-японскими соглашениями начала XX века, откровенно подтолкнула Токио на вооруженное нападение на СССР на Халхин-Голе. Однако же после того как японская агрессия была отражена и в сентябре 1939 г. был заключен

мир между СССР и Японией, соглашение Арита — Крейги приобрело ярко выраженную антиамериканскую направленность. Дело в том, что изначально по соглашению предусматривалось отвести угрозу возможного нападения Японии на британские владения на Дальнем Востоке, направив ее агрессию против СССР. Но как только этот номер с треском провалился, то «отвести угрозу» по-британски стало означать, что теперь ее направят в сторону американских владений, ибо повторно японцы уже не желали связываться с Советским Союзом. Соответственно, в условиях только что начавшейся по вине самой Великобритании Второй мировой войны любые намерения Лондона априори получить поддержку США требовали опережающего разъяснения сложившейся ситуации, в т. ч. и кто виноват в том, что под угрозой японской агрессии оказались американские интересы на Дальнем Востоке?

Ну а кто, по мнению Лондона, может быть виноват? Только Сталин — ведь это именно он «подыграл» Антикоминтерновско-му пакту, это он послал из-за этого Канделаки в Берлин, чтобы «тайно» сговориться с Гитлером, это именно он ради этого «тайного сговора» с Гитлером вырезал весь высший командный состав своих вооруженных сил и в итоге заключил-таки опасный для Запада Договор о ненападении с Берлином?! Соответственно, США обязаны встать на сторону Великобритании, поскольку связанная пактом с Германией Япония с этого момента будет с алчностью поглядывать на американские владения на Дальнем Востоке и вообще на Тихом океане, в чем опять-таки виноват Сталин?!

В этой «логике» Лондона заключалась прямая ставка на одну особенность позиции США по дальневосточным проблемам того времени: Рузвельт еще в январе 1937 г. объяснил Лондону, что пока не будут затронуты интересы Вашингтона в Азии, США будут нейтральны. Вот такой «логикой», свалив все в одну кучу, нахально все переврав и исказив до неузнаваемости, написанные британским агентом Дон-Левиным «мемуары» Крутицкого объясняли трагические события 1937 г.

А был ли мальчик?..

Абсолютно непонятно, на каких основаниях, но тем не менее с невероятным упрямством считается, что тайная миссия Канделаки — факт. Между тем никакой тайной, ни даже просто миссии Канделаки — не было. И это действительно факт.

Я очень хорошо понимаю, какую кривую ухмылку вызовет такое заявление, но повторяю — миссии Канделаки как таковой не было. Именно в том смысле ее не было, что никто не направлял Д. В. Канделаки в Берлин с тайной миссией для решения задачи найти пути для тайного сговора с Гитлером. В то же время абсолютной правдой является тот факт, что весной 1935 г. на должность советского торгпреда в Берлин прибыл старый знакомый Сталина — Давид Владимирович Канделаки. Но с какой стати следует его изначально зачислять в специально направленные для какой-то тайной цели тайные эмиссары Сталина?!

Торговый представитель СССР в Германии по должности, он просто обязан был в силу должностных функций не только и не просто контактировать, но именно налаживать нормальные деловые отношения со всеми, мало-мальски значимыми в деловых и финансовых кругах лицами пускай и нацистского, но государства, с которым тогда весь мир поддерживал официальные дипломатические отношения, в т. ч. и СССР. Но и из этого также не следует, что он прибыл туда в роли тайного эмиссара Сталина.

Если следовать этой «логике», то вообще любой из совзагранработников того периода — тайный эмиссар Сталина, включая дворников советских представительств за рубежом. Тем не менее легенде о некой тайной миссии Канделаки скоро исполнится уже 70 лет. Так в чем же дело? С какой стати совершенно банальная в своей тривиальности командировка превратилась в тайную миссию? С какой стати с этой якобы тайной якобы миссией столь упорно увязывают репрессии против военных?

Чтобы понять, что же на самом деле тогда произошло, а самое главное, как произошло, давайте отступим от времени начала его командировки всего на два года, т. е. к 1933 г.

Едва только Великобритания привела Гитлера к власти, как тут же началось резкое ухудшение германо-советских отношений при формально пролонгированном еще на пять лет Договоре о ненападении и нейтралитете от 24 апреля 1926 г. (в апреле — мае

1933 г. состоялся обмен нотами о ратификации протокола о продлении от 1931 г.). За 11 месяцев только 1933 г. советское посольство в Берлине направило МИДу Германии 217 нот протеста. Иные посольства за всю историю своего существования не представляли ни одной такой ноты, а тут — целых 217. То есть по 20 нот ежемесячно, а за вычетом выходных и праздничных дней обоих государств фактически каждый день — нота протеста. Только за первую половину 1933 г. советский экспорт в Германию сократился на 44 %, то же самое происходило и в последующем, но в еще больших размерах. Аналогичным же образом резко сократился и германский экспорт в СССР. Торговое соглашение между Германией и СССР от 2 мая 1932 г. было объявлено гитлеровским правительством недействительным. А ведь торгово-экономические отношения СССР с Германией были едва ли не стержнем всей системы внешнеэкономических связей Советского Союза того времени. В то же время на проходившей в мае 1933 г. под патронажем Великобритании международной экономической конференции в Лондоне между представителями Англии и Германии совершенно открыто обсуждался вопрос о разделе между странами Запада, в первую очередь между первыми двумя, «обширного рынка на Востоке», т. е. СССР.

Тогда же, во время секретной встречи главы внешнеполитического отдела нацистской партии Альфреда Розенберга с министром иностранных дел Великобритании Дж. Саймоном и военным министром М. Хэлшем, обе стороны увлеченно обсуждали **«план избавления Европы от большевистского призрака»**, предусматривавший присоединение к Германии Австрии, Чехословакии, значительной части Польши, включая и пресловутый «Данциге — кий коридор», Познань, Западную Украину, Западную Белоруссию, также Литву, Латвию и Эстонию, как плацдарм для германской экспансии на Восток. Если речь шла о призраке, то зачем, спрашивается, надо было секретно обсуждать такие вопросы, не говоря уже о том, что вообще нечего обсуждать внутренние дела суверенного государства без его участия в этом. Мало того, что обсуждали, так ведь еще и обсуждение откровенно смахивало на нижайшее испрашивание вассалом разрешения на агрессию у своего сюзерена.

А на стол Сталина тем временем ложились такие разведывательные донесения, как, например, следующее:

«Тайные предложения Гитлера Английскому правительству 4 июля 1933 года Совершенно секретно Секретные переговоры национал-социалистов с английским правительством, начатые еще во время пребывания в Лондоне Розенберга, энергично продолжаются.

Хозяйственное соглашение Англии и Германии. Как сообщалось, особый проект предусматривает раздел русского рынка. По мнению германских кругов, следует ожидать скорого изменения политического положения в России и соответственно этому желательно заблаговременно разделить эту громадную область сбыта.

Только в этом смысле следует понимать меморандум Гугенберга, требовавшего территориальных уступок на Востоке и создания там новых крупных рынков сбыта и вложения капиталов».^[20]

То же самое, но в еще более тревожном виде — и в последующем: сообщения подобного типа пошли, что называется, валом. 21 мая 1934 г. на стол Сталина ложится донесение из Лондона, в котором сообщалось о заявлении лорда Ллойда, посмевшего во всеуслышание произнести следующее: **«Мы предоставим Японии свободу действий против СССР. Пусть она расширит корейско-маньчжурскую границу вплоть до Ледовитого океана и присоединит дальневосточную часть Сибири... Мы откроем Германии дорогу на Восток и тем обеспечим столь необходимую ей возможность экспансии. Это отвлечет от нас японцев и Германию и будет держать СССР под постоянной угрозой».**

Великобритания пошла ва-банк, стремясь вместо не имевшего никаких предпосылок для возникновения даже в качестве предмета для предварительного обсуждения, но до умопомрачения страшившего ее якобы возможного геополитического трио Берлин — Москва — Токио, сконструировать подконтрольный ей дуэт Берлин — Токио, направленный против СССР.

Шквал подобных сообщений нарастал буквально не по дням, а по часам, и все более тревожным становилось их содержание.

Что делает Сталин? В ответ на поднятую нацистами и их западными покровителями тотальную не столько антисоветскую, сколько антироссийскую шумиху, Советское правительство уже в том же 1933 г. официально и прямо в лоб ставит перед Гитлером вопрос: остается ли в силе его заявление об экспансии на Восток, сделанное им еще в «Майн Кампф»? Гитлер вопрос проигнорировал. Тогда Советское правительство заявляет: «По-видимому, это заявление остается в силе, ибо только при этом предположении становится понятным многое в теперешних отношениях германского правительства с Советским Союзом».

В 1934 г., видя, что обстановка продолжает накаляться, Сталин делает очень серьезное, но и очень осторожное предупреждение и Западу, и Гитлеру, и заодно внутренней оппозиции в СССР. В нашей исторической науке почему-то никакого внимания не обращается на одну чрезвычайно важную для понимания событий 1937–1938 гг. работу Сталина. 19 июля 1934 г. Сталин обратился с письмом к членам Политбюро «О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма», в которой буквально в ключья разнес одного из «классиков-основоположников» «научного коммунизма», в котором говорилось:

«...Нельзя не заметить, что в этой статье (т. е. статье Энгельса. — А. М.) упущен один важный момент, сыгравший потом решающую роль, а именно — момент империалистической борьбы за колонии, за рынки сбыта, за источники сырья, имевший уже тогда серьезнейшее значение, упущены роль Англии как фактор грядущей мировой войны, момент противоречий между Германией и Англией, противоречий, имевших уже тогда серьезное значение и сыгравших почти определяющую роль в деле возникновения и развития мировой войны. (Как видите, уже в этой фразе прямая перекличка с тем, что обсуждалось в 1933 г. на секретных англо-германских переговорах. — А. М.)... Это упущение составляет главный недостаток статьи Энгельса.

Из этого недостатка вытекают остальные недостатки, из коих не мешало бы отметить следующие:

а) Переоценку роли стремления России к Константинополю в деле назревания мировой войны.

Правда, первоначально Энгельс ставит на первое место, как фактор войны, аннексию Эльзас-Лотарингии Германией, но потом он отодвигает этот момент на задний план и выдвигает на первый план завоевательные стремления русского царизма, утверждая, что «вся эта опасность мировой войны исчезнет в тот день, когда дела в России примут такой оборот, что русский народ сможет поставить крест над традиционной завоевательной политикой своих царей.

Это, конечно — преувеличение.

(Обратите внимание на этот пункт — ведь в сопоставлении с поступавшей к нему информацией о заговоре, в т. ч. и военных, ориентированном на ситуацию возникновения войны, это означает, что Сталин открыто предупреждает, в т. ч. и оппозицию, не говоря уже о Западе, что он хорошо все понимает, но именно поэтому-то и не допустит повторения 1917 г. — *А. М.*)

б) Переоценку роли буржуазной революции в России... в деле предотвращения надвигающейся мировой войны. Энгельс утверждает, что падение русского царизма является единственным средством предотвращения мировой войны. Это — явное преувеличение.

Новый буржуазный строй в России... не мог бы предотвратить войну хотя бы потому, что главные пружины войны лежали в плоскости империалистической борьбы между основными империалистическими державами.

в) Переоценку роли царской власти, как «последней твердыни общеевропейской реакции»... Что она была последней твердыней этой реакции — в этом позволительно сомневаться.

...Эти недостатки статьи Энгельса представляют не только «историческую ценность». Они имеют, или должны

были иметь еще важнейшее практическое значение.

В самом деле, если империалистическая борьба за колонии и сферы влияния упускается из виду, как фактор надвигающейся мировой войны, если империалистические противоречия между Англией и Германией также упускаются из виду, если аннексия Эльзас — Лотарингии Германией, как фактор войны, отодвигается на задний план перед стремлением русского царизма к Константинополю, как более важным и даже определяющим фактором войны, если, наконец, русский царизм представляет собой последний оплот общеевропейской реакции, — то не ясно ли, что война, скажем, буржуазной Германии с царской Россией является не империалистической, не грабительской, не антинародной, а войной освободительной, или почти освободительной?

Едва ли можно сомневаться, что подобный ход мыслей должен был облегчить грехопадение германской социал-демократии 4 августа 1914 года, когда она решила голосовать за военные кредиты и провозгласила лозунг защиты буржуазного отечества от царской России, от «русского варварства».

Характерно, что в своих письмах на имя Бебеля, писанных в 1891 году (через год после опубликования статьи Энгельса), где трактуется о перспективах надвигающейся войны, Энгельс прямо говорит, что «победа Германии есть, стало быть, победа революции»...

Не думаю, что у любого здравомыслящего человека могут появиться какие бы то ни было основания для предположения, что Сталину больше делать нечего было, кроме как спустя почти полвека критиковать «классика».

Как и любой другой в истории и современности нормальный государственный деятель высшего уровня, тем более творчески мыслящий и самостоятельно пишущий, Сталин прибег к исстари прекрасно известному, веками апробированному на высшем политическом уровне приему: путем анализа как самого исторического обстоятельства (факта), так и навеваемых им исторических параллелей

с текущей современностью показать свою оценку современной ему мировой и внутренней ситуации, свое понимание глубинной сути происходящих на его глазах процессов. Прежде всего, это его реакция на красноречивое молчание Гитлера, вдохновленного агрессивным пособничеством Запада.

Во-вторых, это и откровенное предостережение Западу по принципу «я знаю, в чем тут дело, и потому не допущу повтора».

В-третьих, это также и предостережение всем своим политическим визави, в т. ч. и особенно из числа внутренней оппозиции, чтобы никто из них не рассчитывал на возможность повтора февраля и октября 1917 г.

В-четвертых, это еще и очередное подчеркивание того факта, что начавшееся несколькими годами ранее дистанцирование от ортодоксального марксизма и курса на т. н. «мировую революцию» не есть временная кампания, но суть постоянная и принципиальная политика впредь.

В-пятых, поскольку это было проделано в виде письма к членам Политбюро, то это в свою очередь означает, что Сталин прекрасно отдавал себе отчет в существующей постоянной утечке информации из Политбюро, в т. ч. и за границу, и в данном случае именно на нее-то и рассчитывал, что, кстати говоря, было вполне верным расчетом, ибо так быстрее дошло до ушей всех заинтересованных сил и лиц.^[21]

Так оно и вышло — оппозиция, например, не только услышала, но и ответила, правда, на свой лад — как убийством Кирова, так и откровенной консолидацией своих рядов. Запад, естественно, тоже не остался глухим, и уже в конце марта 1935 г. на стол Сталина легло очень серьезное, очень тревожное разведывательное сообщение — полная запись бесед об англо-германских переговорах, состоявшихся в Берлине 25 и 26 марта между Гитлером и министром иностранных дел Великобритании Дж. Саймоном. Именно на этих переговорах Гитлеру впервые после его привода к власти вполне официально был обещан «зеленый свет» в экспансии на Восток. Одновременно, т. е. также в марте 1935 г., из Берлина поступила копия доклада германского посла в Лондоне, в котором говорилось: «Сейчас достигнуто фактическое равенство прав для Германии в вооружениях на суше; задача германского руководства состоит в том, чтобы завершить это огромное достижение... Ключ к положительному решению находится в руках

Англии». Германский посол был абсолютно прав — все ключи находились в руках Англии, которая не преминула воспользоваться ими сугубо в антироссийских (антисоветских) целях.

Так, в развитие Лондонского англо-французского коммюнике от 3 февраля 1935 г., в котором обе стороны заявили готовность окончательно отменить военные статьи Версальского договора (де-факто военный контроль был снят с Германии еще в январе 1927 г.), Лондон спокойно проглотил горькую пилюлю Гитлера, объявившего 9 марта 1935 г. о существовании в Германии военной авиации (кстати говоря, из 28 типов стоявших на вооружении самолетов 11 были английского и американского производства), а 15–16 марта — еще более наглые заявления о создании вермахта вместо рейхсвера, введении всеобщей воинской повинности и создании целой армии из 12 корпусов и 36 дивизий. Причем проглотил с таким удовольствием, что уже 8 апреля 1935 г. на конференции в Стресе тот же Дж. Саймон высказался категорически против применения санкций к Германии в связи с откровенно грубейшим нарушением положений еще не отмененного Версальского мирного договора. Это «удовольствие» проистекало из весьма банальных, но очень важных обстоятельств: образовавшийся в результате целенаправленных действий Гитлера по разрыву торгово-экономических отношений с СССР вакуум сразу же заполнила... Англия (а также США): уже в апреле 1933 г. Великобритания заключила с нацистской Германией соглашение об угле, 10 августа 1934 г. — валютное соглашение, 1 ноября 1934 г. — торговое и платежное соглашения.

На языке МИДа Великобритании это называлось «экономическое умиротворение», причем именно во главу угла по настоянию экономического отдела МИДа Великобритании была поставлена задача экономическими методами не допустить опасного для Великобритании сближения Германии с Россией на почве экономического сотрудничества. Более того, из года в год в докладах британского МИДа, обычно именовавшихся «Экономический аспект внешней политики», эта задача не только приоритетно фигурировала, но и приоритетно жестко подчеркивалась как основополагающая.

Естественно, что, обладая всей информацией о вышеизложенном, большую часть из которой невозможно привести на страницах одной книги, Сталин разработал и начал реализовывать серию полностью

адекватных, великолепно продуманных действий различного характера. Некоторые из них уже назывались выше, правда, без указания основополагающих причин, вызвавших их к жизни. Напомним, о чем шла речь: это и совещание с руководством военной разведки, это и Постановление Политбюро от 15 мая 1935 г. о подготовке к войне. Но это же и заключение соответственно 2 и 16 мая 1935 г. советско-французского и советско-чехословацкого договоров о взаимопомощи в отражении агрессии.

Колоссальное значение в этой серии ответов Сталина занимает и созыв VII Конгресса Коминтерна — одна из самых серьезнейших попыток Сталина добиться от Коминтерна не болтологии о мировой революции, под шумок которой откровенно разбазаривались громадные денежные средства, и уж тем более не бездумных, приводящих к диким скандалам с зарубежными государствами различных подрывных акций, а именно тонкой, ювелирной работы в помощь многочисленным усилиям руководства страны.

Это и сентябрьские 1935 г. крупномасштабные военные маневры в Киевском военном округе, и еще очень и очень многое.

Для того, чтобы как можно объективнее разобраться в том, что и как делал Сталин, тем более в свете предстоящего подробного разговора о «миссии» Канделаки, приведу несколько нюансов, которые достаточно ярко проиллюстрируют фон, на котором возникла, а затем и развивалась легенда о миссии.

Прежде всего о том, что стояло за Постановлением Политбюро от 15 мая 1935 г., ибо мало того, что оно более 60 лет было неизвестно, так ведь и то, что лежало в его основе, — и по сей день неизвестно. Между тем это целый комплекс серьезных разведывательных данных, среди которых тематически следует выделить следующие:

1. Для пункта № 1 Постановления — шквал разведывательной и иной информации о бурной милитаризации, фактически гонке вооружений в Германии, среди которых опять-таки тематически и по значимости следует отметить следующие:

— информация о перестройке экономики Германии на военные рельсы, о мероприятиях по мобилизации промышленности и внешней торговли на время войны и т. п.;

— о начале производства новых видов вооружений, испытаниях новейших видов оружия, создании новых видов войск, о постановке на

вооружение вермахта новых видов военной техники и оружия и т. п.;

— об усилении внутривластного режима, обработке населения в целях его подготовки к войне и т. д.

2. Для пунктов №№ 2, 3 и 4 — разведывательные сообщения о мартовском совещании руководителей немецких «пятых колонн» в Европе, которое прошло и под непосредственным руководством Гиммлера.

Кстати говоря, реакция Сталина на эти данные была фактически мгновенной — по каналам Коминтерна немедленно было подготовлено издание разоблачающей нацистские происки книги «Коричневая сеть. Как работают гитлеровские агенты за границей, подготавливая войну». (Das Bravme Nets. Wie Hitlers Agenten im Ausland arbeiten und den Krig).

В книге подробно описывалась работа 48 тысяч всевозможных агентов нацистов (в основном агентов влияния различного уровня), приведены подробные списки, в т. ч. и непосредственно шпионской агентуры нацистов в различных странах Европы с указанием имен, адресов и функций. На фоне этих сообщений большое беспокойство у Сталина вызвал и прошедший по разведывательным каналам слух о том, что назначенный 1 января 1935 г. руководителем абвера адмирал Канарис вознамерился пригласить обратно на работу в разведку знаменитого руководителя германской военной разведки времен Первой мировой войны Вальтера Николаи. Фигура эта в разведывательно-политическом смысле была очень опасной — Николаи имел прямое отношение к работе с «ленинской гвардией» еще в период с 1915 по 1918 г., и вполне естественно, что его приход мог означать курс нового руководства абвера на расконсервацию агентуры из числа тех деятелей партии, что в свое время были в эмиграции за рубежом, а также тех, кто был завербован еще во времена германской оккупации по Брестскому договору, а то и вовсе до начала Первой мировой войны (в первой половине XX века у германской разведки это была очень характерная черта — вербовать агентуру на длительное оседание). Опасность такого поворота событий была еще и в том, что с 1934 г. в Москве появился новый посол Германии граф Фридрих Вернер фон Шуленбург, хорошо известный по предвоенной истории. Однако мало кому известно, что в первую очередь граф был одним из крупнейших и опытных германских разведчиков-русистов со

специализацией на Закавказье. Возглавив дипломатическое представительство в Москве и осмотревшись, Шульенбург постепенно стал восстанавливать, в т. ч. и лично свои, ранее законсервированные агентурные связи. Как впоследствии установила советская контрразведка, список его агентуры точно совпадал со списком его же агентуры еще довоенных времен, который в свое время изъяла царская контрразведка.

Более того, наряду с этими данными, на стол Сталина попала информация и о том, что Гитлер лично предложил знаменитому британскому разведчику — известному Лоуренсу Аравийскому, он же Томас Эдвард Лоуренс — возглавить отдел диверсий абвера. Опасность же Лоуренса заключалась в том, что он был непревзойденным мастером как вообще по Востоку, в т. ч. и по сопредельным с СССР странам Востока, где советская разведка еще в начале 20-х годов часто напарывалась на его подрывные действия, так и выдающимся специалистом по организации внутренних бунтов, повстанческих движений именно среди населения восточных стран, особенно мусульманских. И попади он на службу в абвер, еще неизвестно, чем бы все кончилось. Однако 19 мая 1935 г., после того как он отправил телеграмму Гитлеру с выражением своего согласия, Лоуренс погиб в дорожной катастрофе, разбившись на мотоцикле...

Даже при столь беглом перечислении отдельных штрихов обстановки очевидно, что Постановление Политбюро было более чем обоснованно во всех своих пунктах.

Теперь вот о чем — о политико-пропагандистском противодействии нараставшей угрозе войны. Сталин и тут показал себя с самой лучшей стороны. Вряд ли широко известно, например, когда и при каких обстоятельствах советский историк, академик Евгений Викторович Тарле приступил к написанию своего самого знаменитого труда «Наполеон», а также, что тому предшествовало. А между тем он сел за работу именно с подачи Сталина и именно в конце марта 1935 г., и на одном дыхании, за несколько месяцев сотворил этот блестящий труд, который был немедленно издан.

Обычно те, кто знают об этом факте, как правило, несут и вовсе беспардонную чушь о том, что Сталин вознамерился в своих амбициях сравниться с самим Наполеоном. Но это заведомая ложь, потому как причина была совершенно в ином. Дело в том, что, во-первых, придя к

власти, нацисты стали активно использовать давно известную всем историкам фальшивку под названием «Завещание Петра Великого».^[22] В нем великий Государь всея Руси якобы предначертал и обосновал планы России по установлению своего мирового господства. Кстати говоря, вышеупоминавшееся письмо Сталина от 19 июля 1934 г. — не что иное, как прямой и личный ответ Сталина на эти нацистские провокации с «Завещанием Петра Великого». Именно поэтому-то в письме, в частности, и шла речь о Константинополе.

Во-вторых, дело было еще и в том, что первым эту фальшивку в обосновании своей агрессии против России использовал именно Наполеон.

В-третьих, как и в свое время Наполеона, так и Гитлера с момента его привода к власти стали превозносить как «воскресшего Карла», т. е. как Карла Великого — основателя Священной Римской империи германской нации (последние два слова — с XII века), являвшегося фактически основоположником знаменитого «дранг нах Остен», т. е. «натиска на Восток».

Ну и, в-четвертых, чтобы вновь всем напомнить, чем кончил Наполеон, напав на Россию.

Вот обо всем этом и напомнила знаменитая книга Тарле, однако весь Запад, включая и Гитлера, сделал вид, что намек не понял. Это повторилось и в 1938 г., когда опять-таки с подачи Сталина Тарле в кратчайшие сроки написал и издал книгу «Нашествие Наполеона на Россию», что было прямым ответом Сталина на Мюнхенскую сделку Запада с Гитлером.

Но книга была рассчитана не только на Запад, но и на свою, внутреннюю оппозицию, поскольку, как известно, одним из главнейших элементов тактики и стратегии Наполеона всегда была откровенная ставка именно на внутреннюю оппозицию стран, на которые он нападал. Не говоря уже о том, что он впервые в мировой практике стал широко и комплексно использовать подрывную пропаганду, агентуру влияния, «пятые колонны», сочетая их комплексное применение с тривиальным военно-политическим шпионажем. И то обстоятельство, что подготовка предисловия к книге была поручена не кому-нибудь, а именно Карлу Радеку — одному из виднейших оппозиционеров того времени и единомышленнику Троцкого — более чем красноречивый факт, т. к. обойти эти

особенности деятельности персонажа книги Радек физически не мог и не смог бы, но написав о них, фактически от имени ЦК ВКП(б), т. е. Сталина, в очередной раз предупредил оппозицию, в т. ч. и вояк, что наверху все видят, все понимают, а потому...

Нет никакого сомнения в том, что оппозиция прекрасно поняла этот намек, но, естественно, по-своему — именно с 1935 г. началась фактически тотальная консолидация ее рядов и более четкая ориентация на Запад, что очень хорошо видно по материалам всех основных процессов 1936–1938 гг.

И еще на эту же тему, но уже в порядке переходного мостика к теме «миссии» Канделаки.

Как правило, то, о чем сейчас пойдет речь, почему-то самыми белыми нитками пришивают именно к «миссии» Канделаки, хотя в действительности это вовсе не так. Речь идет о знаковом тогда событии — о правке Сталиным черновика статьи Тухачевского в марте 1935 г. Все, кому не лень, усердно пинают Сталина за то, что он посмел править текст такого «умницы», как Тухачевский. Какой тот был «умница» — об этом чуть попозже. Сейчас о том, что у тех, кто этим занимается, почему-то ни разу не промелькнула простенькая мысль: а зачем вообще Сталин поручил Тухачевскому написать ту статью? Почему он внес такие резкие правки в текст статьи, из-за которых и весь сыр-бор идет уже не один десяток лет? Вместо того чтобы спокойно разобраться, в чем тут дело, совершенно на пустом месте породили совершенно никчемную версию о том, что содержание статьи после правки обрело вид кнута, в то время как Канделаки поехал предлагать пряник. Я не случайно назвал эту версию никчемной, ибо ложью обозвать это просто нельзя — здесь очень тонкая манипуляция: статья была написана и опубликована в конце марта (31 числа) и касалась гонки вооружений и агрессивных планов Германии, но никак не экономического сотрудничества. Канделаки же только-только выехал из Москвы в тот момент, и какой эффект могла дать эта статья в плане реализации якобы поставленной ему тайной задачи найти пути для тайного сговора с Гитлером — трудно даже догадываться.

Ведь дело-то было совсем в ином, не говоря уже о том, что у Сталина мотивация всех его политических шагов — какие бы при этом они не принимали формы — всегда четкая, ясная, адекватная и потому

легко устанавливаемая. И если отбросить т. н. конъюнктурные соображения, то немедленно же бросится в глаза тот факт, что статья готовилась, что называется, «дважды по горячим следам»:

во-первых, в тот момент в Москве уже было известно как о факте состоявшихся в Берлине 25–26 марта 1935 г. англо-германских переговоров, так и, естественно, об их содержании. Причем Тухачевский, как и Сталин, владел этой информацией сразу по трем каналам минимум — от наркомата иностранных дел, от военной разведки и от разведки Лубянки.

Во-вторых, как известно, сразу же после берлинских переговоров в Москву 28 марта прибыл член английской делегации на этих переговорах Энтони Идена. Это был первый визит видного британского политического деятеля в Россию после октября 1917 г. Визит имел чрезвычайное значение и означал своего рода сенсацию.

Британское правительство направило Идена в Москву отнюдь не случайно — оно прекрасно осознавало, что на берлинских переговорах совершило беспрецедентную подлость по отношению к миру и безопасности в Европе, особенно в отношении СССР, откровенно согласившись с восточным азимутом гитлеровской экспансии. И Иден специально приехал, чтобы прощупать реакцию Москвы на это обстоятельство. Кстати говоря, и сам факт визита носил по тем временам достаточно подловатый, но уж очень типичный для британской дипломатии характер. Дело в том, что прямые переговоры англичан и с Гитлером, и со Сталиным в обоих случаях на тот момент были впервые, т. е. тем самым Лондон демонстративно показал, что для него что Гитлер, что Сталин — все едино. И это в марте 1935 г.!

Всему высшему руководству страны, в т. ч. и Тухачевскому, хорошо была известна многозначительная реплика Сталина на околодипломатические маневры Идена. В ответ на его заявление о том, что Англия совсем маленький остров (это, очевидно, следовало понимать, как то, что от него мало что зависит), Сталин ответил следующее: **«Да, маленький остров, но от него многое зависит. Вот если бы этот маленький остров сказал Германии: не дам тебе ни денег, ни сырья, ни металла — мир в Европе был бы обеспечен».** В ответ Иден как воды набрал в рот. А что ему оставалось делать — ведь Сталин был абсолютно прав, не говоря уже о том, что то же самое открыто писала и сама британская пресса.

Более того, Идену откровенно было заявлено глубокое понимание сути состоявшихся в Берлине англо-германских переговоров. **«Сейчас было бы еще преждевременно сказать, в какую именно сторону Германия в первую очередь направит свой удар, — заявили Идену советские руководители. — В частности, вполне допустимо, и даже более вероятно, что первый удар будет направлен и не против СССР... Не забыла Германия и уроков истории, показывающих, что если удастся иногда вторгнуться в пределы нашей страны, то не так легко там оставаться или без ущерба выбраться оттуда... Вообще, Гитлер, выдвигая в настоящее время на первый план восточную экспансию, хочет поймать на удочку западные государства и добиться от них санкции на его вооружение. Когда эти вооружения достигнут желательного для Гитлера уровня, пушки могут начать стрелять совсем в ином направлении».**

Все это было известно Тухачевскому, как, впрочем, и то, насколько трудно согласовывалось коммюнике по итогам визита Идена, не желавшего хоть как-то обидеть Германию. Кремлю удалось-таки тогда дожать Идена, и коммюнике в итоговом, согласованном уже непосредственно на вокзале виде констатировало, что в сложившейся обстановке необходимо более, чем когда-либо продолжать усилия в направлении создания системы коллективной безопасности в Европе.

И вот зная все это, «умница-стратег» блестяще не прошел элементарный тест, который ему устроил Сталин, — в зависимости от того, что напишет и особенно как озаглавит, а в таком деле, как пропагандистская акция влияния, что и было на самом деле, тем более по «горячим следам», это имеет едва ли не решающее значение, — будет ясно, о чем же в действительности думает «умница-стратег», в отношении которого непрерывным потоком идет компрометирующая его информация.

Он и показал, что называется, собственноручно, о чем он действительно думает. Черновик статьи был озаглавлен «Военные планы Гитлера», которые он свел только к антисоветским. А это означало, что будущий маршал Советского Союза Михаил Николаевич Тухачевский умышленно развел в разные стороны Гитлера и столь дорогих его сердцу «умницы-стратега» генералов рейхсвера, за две недели до этого преобразованного в вермахт.

И вот это была уже серьезная позиция, мимо которой Сталин пройти не мог. Потому что получилось, что руководство СССР выступает за коллективную систему безопасности в Европе, а какой-то кандидат в Бонапарты все сводит сугубо к антисоветским замыслам одного коричневого фюрера. А раз так, и поскольку Тухачевский выступал как сугубо официальное лицо, то выходило, что во всем виноват только лично Гитлер, а германские генералы тут ни при чем. То, что Гитлер виноват — никто и оспаривать не собирается, но разве есть какие-либо основания допускать мысль о том, что Тухачевский не понимал, что Гитлер без генералов в военной сфере ничего не сделает? Разве есть какие-нибудь основания предполагать, что Тухачевский не знал — хотя бы из той же разведывательной информации, — что генералы абсолютно единодушны с Гитлером в вопросах не только гонки вооружений, но и прежде всего внешней экспансии, в т. ч. и на Восток, и что единственная разница между ними только в вопросе о темпах реализации этих планов? Разве можно допустить мысль о том, что Тухачевский не понимал, что Гитлер к тому времени уже более двух лет являлся не только главой нацистской партии, но, прежде всего, главой германского правительства, а с 1934 г., после весьма странно ускорившейся смерти Гинденбурга, и вовсе стал абсолютным главой германского государства, и что в таком качестве он говорит и действует уже от имени всей Германии? Разве ему неведомо было, что военные планы Гитлера были не лично гитлеровскими, но всего нацистского руководства Германии, что они разделялись и германскими генералами, что впоследствии со всей однозначностью подтвердил и Нюрнбергский трибунал? Как он вообще мог ограничиться упоминанием одной только антисоветской ориентации военных планов, когда ни Гитлер, ни его генералы никогда не скрывали своего намерения разобратся со всеми обидчиками по Версалию, что означало только мировую войну, в водоворот которой всенепременно будет втянут и СССР? Разве он ничего не знал ни о берлинских, ни о московских переговорах и не понимал, что на них обсуждалось? Разве ему вообще неведомо было, что конкретно писал Гитлер в «Майн Кампф» — ведь как один из руководителей наркомата обороны он обладал всей полнотой доступа к любой разведывательной и иной информации по актуальным вопросам? И что же, выходит, что он ни разу не слышал и не читал о сугубо гегемонистских претензиях

Адольфа Гитлера на мировое господство, что опять-таки означало только мировую войну, а не только вооруженный конфликт с СССР?!

Десятки таких вопросов можно было бы задать и найти на них вполне документальные ответы, причем не в пользу Тухачевского.

Поэтому, напоминая о знаменитых словах Наполеона о том, что «все должно иметь свой предел — даже ненависть», — т. е. в данном случае вполне объяснимая конъюнктурными соображениями ненависть многих антисталинистов к Сталину, — нельзя не отметить, что именно он, Иосиф Виссарионович Сталин, оказался многократно прав не только в том, что очень сильно откорректировал статью, но и в том, что внес очень резкую правку в ее содержание.

Прежде всего, это переделка самого названия на «Военные планы современной Германии», это и сильная перестановка смысловых акцентов — на то, что эти планы имеют не только и не столько антисоветскую направленность, сколько антизападную, в т. ч. и антифранцузскую направленность (именно в то время шли советско-французские переговоры о заключении договора о взаимопомощи в отражении агрессии, и необходимо было «дожать» французскую сторону, а Тухачевский, как известно, не был в восторге от предполагавшегося военного союза с Парижем — ему больше импонировал союз с Германией). Это, наконец, и вообще никем никогда не упоминаемая правка, связанная с тем, что Сталин внес в текст статьи именно ту самую цитату из «Майн Кампф», которой он еще в 1933 г. загнал Гитлера в угол.

Прошло уже очень много лет, ну не пора ли, полностью отрешившись от каких-либо пристрастий и конъюнктурных соображений текущего периода, хотя бы самому себе честно объяснить — так в чем же был не прав Сталин? Ведь весь ход последующих событий со всей трагичной убедительностью показал, что именно он-то и был прав — война была мировая, вторая по счету в XX веке. А мы все об «умнице-стрателе». Да этот «умница» и через год, по весне 1936 г. пропел ту же песню о разделении Гитлера от генералов, и в итоге сам себе подписал смертный приговор... в Лондоне.

Короче говоря, акция с публикацией откорректированной статьи Тухачевского удалась на славу — произвела настоящую сенсацию, а в Берлине вызвала резкое недовольство, вплоть до полуофициальных протестов, которые, впрочем, были запросто отклонены Москвой.

Удалось дожать и французов — 2 мая 1935 г. договор с Францией был подписан, а 16 мая — и с Чехословакией. Гитлеру и его британским покровителям ясно дали понять, что СССР не сидит сложа руки, а все видит, все понимает, потому и предпринимает адекватные угрозе меры, почему, между прочим, и были проведены те самые знаменитые военные маневры в Киевском округе.

Кроме того, этими резкими правками, факт которых не скрывался, а наоборот, открыто был предан огласке через болтливого Карла Радека, Сталин со всей определенностью давал понять германским генералам, что более не следует рассчитывать на германофильство части советской военной верхушки, ибо он, Сталин, держит их под контролем и более не допустит, чтобы они совершенно неправомерно отделяли бы германских генералов от Гитлера.

Любопытно в этой связи привести один факт. По свидетельству В. М. Молотова, до 1935 г. Тухачевский побаивался и тянул с переворотом, а после, с 1936 г., начал торопить. С чего бы это? На одни инструкции Троцкого тут все не спишешь — уж не сообразил ли задним числом Тухачевский, что тест-то он не прошел? Естественно, что публикацией такой статьи с такими резкими правками преследовалась и цель подтолкнуть германское руководство на открытое официальное опровержение, чего, столь же естественно, не последовало, кроме отклоненных Москвой полуофициальных протестов. Однако сам факт публикации в центральной партийной газете «Правде», а не в официальной государственной «Известия», означал, что Москва пока оставляет двери открытыми для именно межгосударственного диалога, если, конечно, у Берлина сохраняется желание иметь нормальные межгосударственные отношения с СССР. И если так, то, пожалуйста, но без попыток делать ставку на советских германофилов, тем более в заговорщическом ключе. А чтобы, не раздражая весь остальной мир, начать нормализацию отношений с многовекового, традиционного, характерного для всего человечества приема, т. е. с нормализации торгово-экономических отношений, — вот именно для этого в Берлин и был направлен Давид Владимирович Канделаки. И уж если и усматривать в чем-то миссию, то вот он, реальный, без подделок смысл его банальной служебной командировки в Берлин — положить начало нормализации торгово-экономических отношений между двумя государствами, ранее вполне

неплохо сотрудничавших именно на этой стезе. Именно поэтому Сталин и выбрал своего земляка и своего старого знакомого, чтобы в Берлине быстрее сообразили, что если торгпредом приехал человек Сталина, то, следовательно, все вопросы нормализации торгово-экономических отношений будут решаться по-сталински, в ударном темпе. Но в Берлине, к сожалению, дали совсем иную трактовку всему этому.

Секрет превращения достаточно банальной служебной командировки Канделаки в некую тайную миссию связан именно с этой «нацистской трактовкой». Во-первых, прежде, чем Берлин положительно ответил на запрос Москвы о назначении Канделаки новым торгпредом, все что надо и не надо сообразила узкая каста советских дипломатов-германофилов, которая с давних времен занимала руководящие позиции в Наркомате иностранных дел. Еще одну трактовку дала каста западников иной ориентации. Да в принципе и соображать-то тут нечего было, ибо и так все было понятно, что Сталин специально направляет новым торгпредом своего земляка и давнего знакомого, чтобы тот незамыленным старинным германофильством профессиональных германофилов из числа советских заграничников посмотрел на ситуацию и определил, по мере возможности, что можно сделать для улучшения торгово-экономических отношений между двумя странами. Поэтому нет ничего удивительного в том, что нарком иностранных дел М. М. Литвинов воспринял это назначение без какого-либо энтузиазма. Каста есть каста, тем более что сам Литвинов был не из германофилов, а из англофилов. Тем более нет причин удивляться немедленной реакции отторжения со стороны дипсостава советского полпредства и торгпредства в Берлине. Она тем более неувидительна, если учесть, что по указанию Сталина Канделаки сразу же оказался под опекой разведывательных резидентур НКВД и ГРУ, что было оправдано, ибо в противном случае он долго входил бы в курс дела и обстановки.

Однако всем, кто хоть раз бывал в долгосрочной заграничной командировке хоть при Советах, хоть после, прекрасно известно, что за «любовь» царит между обычным персоналом заграничных учреждений и теми, кто находится под опекой разведывательных резидентур. А тут на это накладывался еще и сам факт, что это человек Сталина. Короче говоря, совершенно неувидительно, что одним из т. н. первоисточников

слухов о «тайной миссии» Канделаки стали всяческие слухи и сплетни в самом полпредстве СССР в Берлине, а уж как они дошли до ушей соответствующих инстанций того же нацистского руководства, и вовсе не секрет: в любом государстве мира контрразведка внимательно слушает, что болтают в посольствах и торгпредствах других стран, а уж гестапо тем более слушало. Правда, все эти отчеты о прослушивании своевременно попадали в руки советской разведки, т. к. выше уже упоминавшийся агент советской разведки «Брайтенбах» весьма аккуратно и с давних пор отслеживал всю ситуацию вокруг советской колонии в Берлине. А к тому, что происходит в советских учреждениях в Берлине, прислушивались не только в гестапо, но и резидентуры главных европейских разведок, особенно же британской и французской.

Во-вторых, как это ни парадоксально, но частично миф о «тайной миссии» Канделаки родился в результате тривиального инициативного шпионажа Н. И. Бухарина: по свидетельству помощника американского посла в Москве (тогда им был тот самый У. Буллит, вскоре переведенный в Париж) — Оффи — именно «Коля Балаболкин» (так презрительно называл Бухарина Троцкий) в 1935 г. сообщил им обоим, что Сталин ведет секретные переговоры с немцами и «тянет в сторону союза с Германией». Между тем «Балаболкин» в то время был лишен доступа к секретной информации и сам знал только с чьих-то третьих слов, и, более того, был настолько пустобрех, что попросту не понимал, что подобие союза и так существовало — в виде пролонгированного Договора о ненападении и нейтралитете от 24 апреля 1926 г.

В 1936 г. «Балаболкин» вновь наступал тем же американцам по этому же вопросу, а при выезде в том же году в Париж за архивом Маркса разболтался на эту же тему и в кругах русской эмиграции. А уж эта-то была на шпигована не только агентурой НКВД, но и всех основных разведок Европы, особенно английской, французской и германской. Трезвон пошел по всем разведывательным каналам.

В-третьих, и это самое главное — банальная служебная командировка Канделаки едва ли не мгновенно превратилась в некую «тайную миссию», не его, Давида Владимировича, усилиями якобы по выполнению поставленной ему задачи, **а усилиями, предпринятыми по собственной инициативе лично министром финансов**

нацистской Германии — Ялмаром Шахтом. Именно он лично и по собственной, но наверняка согласованной с Гитлером инициативе, сделал первый шаг к тому, чтобы приезд нового торгпреда приобрел бы ореол тайной миссии. И что самое парадоксальное — ведь об этом самом наисущественнейшем моменте всей этой истории всем хорошо известно, но тем не менее все с невероятным упорством продолжают говорить о некой тайной миссии.

Ни для кого никогда не было секретом, что Шахт был не только выдающимся банкиром и финансистом, но и воистину гроссмейстером финансовых шахмат. И пока в рейхе пребывали в эйфории прихода к власти, он первым понял, что успех в области внешней политики Германии может быть достигнут только в том случае, если будет проведена молниеносная модернизация германских вооруженных сил с превращением их в полнокровную и мощную армию. Только в этом случае можно было рассчитывать, по его не раз высказывавшемуся мнению, на какой бы то ни было доход в будущем, т. е. на прибыли от войны.

Исходя из этого и понимая, что денег в рейхе нет, Шахт разработал гениальную аферу: с прямого согласия Сити и Уолл-стрита и при поддержке самого Гитлера, Шахт запустил на полную мощность механизм финансово никак неподкрепляемой накачки экономики Германии пустыми бумажками, получившими название «векселей МЕФО» — по названию специально созданной фиктивной компании «Металлургише форшунг-гезельшафт». Именно этими-то векселями, которые было приказано принимать без ограничений при якобы годовой их доходности в 4 %, и оплачивалась вся гонка вооружений в Германии, модернизация и реорганизация армии, причем продолжалось это до 1 апреля 1938 г. В общем-то ничего нового в том не было — Ялмар Шахт сознательно повторял классическую и знаменитую аферу англичанина Джона Ло, с помощью которой Англия еще в начале XVIII века чрезвычайно сильно подорвала финансовую систему Франции, вышибив ее из разряда серьезных конкурентов в колониальном разбое.

Но в данном случае, используя эту же схему, Шахт совместно с британскими и американскими финансистами, с одной стороны, вроде бы обеспечил максимальное финансирование гонки вооружений секретным путем, т. к. векселя МЕФО нигде в официальных отчетах не

фигурировали, с другой же, с помощью изъятой таким образом по всей Германии кассовой наличности, финансировал, к большому удовлетворению западных воротил, массовые закупки за рубежом стратегического сырья, необходимого для военной промышленности, в основном в британских колониях. Но тем самым Шахт откровенно посадил всю Германию на иглу абсолютной, прямой зависимости Германии от Запада, в первую очередь от Великобритании.

Очень скоро, как истинный гроссмейстер финансовых шахмат, Шахт уже к весне 1935 г. сообразил, что появились первые грозные признаки того, что афера может лопнуть с таким треском, что и головы можно будет лишиться. К тому же и из Сити тоже дали понять, пока, правда, в мягкой форме, что недовольны поведением Берлина. В первых числах мая 1935 г. в деловой прессе Великобритании прозвучал следующий мотив: *«Без Англии в качестве платежного учреждения и без возможности продлить сроки кредитов Германия не смогла бы осуществить свои планы... Снова и снова Германия отказывается от своих обязательств, публичных и частных, но она продолжала покупать шерсть, хлопок, никель, каучук, нефть, пока ее потребности не были удовлетворены, а финансирование закупок проводилось прямо или косвенно через Лондон»*. За все это Шахт расплачивался с Западом «векселями МЕФО». К маю 1935 г. Шахт понял, что до беды недалеко, и, как истинный гроссмейстер финансовых шахмат, решил сыграть на опережение. Вот тут-то как раз и получилось, что приезд нового советского торгпреда стал более, чем кстати, тем более, что приехал человек самого Сталина. Шахт решил сыграть на необузданном страхе Великобритании перед призраком возможного экономического сближения Германии и СССР, чего, как уже отмечалось выше, Лондон и впрямь опасался пуще чумы, и таким образом вышибить с Лондона как можно больше уступок в финансовой сфере. **Именно поэтому-то он самолично и сделал первый шаг, и при первой же официальной встрече с Канделаки построил вид, что он будет и впредь твердо держаться курса на углубление хозяйственных отношений с СССР, создав тем самым полностью ложное впечатление, что речь якобы идет о продолжении какого-то курса. Между тем встреча-то была первая, и следовательно, о каком таком продолжении он говорил —**

непонятно, а раз непонятно, следовательно, пойдут слухи, что и надо было Шахту.

Конечно же, ни эта встреча — первая по счету, — ни, тем более, первые заявления Шахта не остались без внимания всех заинтересованных сторон, особенно же Великобритании. Канделаки отбил соответствующую телеграмму в Москву, а британская разведка, представленная тогда в Берлине лучшими своими асами, полностью зафиксировала и факт встречи, и факт удивительных высказываний Шахта, тем более что тот дал специальную утечку. Вот так было положено начало мифу о якобы тайной миссии Канделаки. И он потому миф, что только 5 мая 1935 г. Канделаки было направлено первое, одобренное лично Сталиным указание о том, что и как делать в дальнейшем. Но именно это же и означает, что Москва подстроилась под реально возникшую ситуацию, а не специально создавала ее или искала ее, или способствовала ее возникновению. И хотя ни один из этапов этой «миссии» Канделаки, а в действительности миссии Шахта, не привел ни к каким практическим результатам, абсолютно мифическая легенда сложилась как бы сама собой и далее зажила автономной жизнью. Сейчас, по прошествии стольких десятилетий, чрезвычайно трудно определить, в чем из того, что будет названо ниже, был специальный умысел, но объективная реальность оказалась такова, что без едва ли не мгновенного сгущения атмосферы слухов и подозрений вряд ли могло обойтись.

Во-первых, сам контакт Канделаки с Шахтом произошел на фоне подписания Договора о взаимопомощи от 2 мая 1935 г. с Францией. При той утечке, которую умышленно допустил Шахт, сочетание этих фактов, к тому же на фоне пролонгированного два года назад советско-германского договора о ненападении и нейтралитете, самым естественным образом не могло не вызвать у Лондона подозрений в том, что происходит некая реанимация событий почти полуторадесятилетней давности — помните, Рапалльскому договору 1922 г. предшествовало франко-германское Висбаденское соглашение от октября 1921 г. Тогда Ратенау из-за этого убили, а Ленина на редкость «своевременно»хватила кондрашка. Удивительного во всем этом ничего нет, ибо тогда фактически была создана некая геополитическая конструкция, которая не укладывалась в рамки интересов Великобритании. Примерно аналогичная ситуация

создалась и в мае 1935 г. — Великобритания всерьез заподозрила то же самое.

Во-вторых, развитие этой ситуации дополнялось еще и подписанием сопряженного с франко-советским договором также и советско-чехословацкого договора от 16 мая 1935 г. Тут уж впору было заподозрить некое конструирование некоего трансевропейского геополитического альянса с участием стран Западной, Центральной и Восточной Европы, в котором Великобритания уже не сможет играть привычной для нее роли суперарбитра в европейских делах.

В-третьих, не могу категорически утверждать, что сознательно, именно в антироссийских, антисоветских целях, но свой вклад в укрепление подобных подозрений у Великобритании внес и Адольф Гитлер — 21 мая 1935 г. он внезапно для всего мира произнес свою пресловутую знаменитую речь о миролюбии, в которой предложил всем странам заключить с нацистской Германией договор о ненападении.

На таком фоне и без того, в представлении Лондона, якобы не беспочвенные слухи о какой-то тайной миссии Канделаки сами собой стали приобретать некое якобы убеждающе-зловещее значение.

В-четвертых, тогда же, в мае 1935 г., до Лондона доходят сведения о том, что «посредник Риббентропа, бывший торговец оружием в Китае советник японской администрации Южно-Маньчжурской железной дороги Ф. В. Хак встретился с японским военным атташе в Берлине генералом Осима и поставил его в известность о намерении германского правительства заключить союз с Японией».

И вот тут-то уже все окончательно смешалось в сильно раздраженных подозрениях Форин офиса и СИС — с этого момента там уже практически не сомневались, что все это звенья одной и той же цепи. Ну а дальше произошло то, что и должно было произойти — при содействии британской разведки и дипломатии по всей Европе покатился тайфун различных домыслов, слухов, сплетен, догадок и т. п., которыми до беспредела были забиты все информационные каналы разведок и посольств.

Причем в ряде случаев, за счет откровенно извращенной интерпретации отдельных аспектов отношений между СССР и Германией, всем этим слухам и сплетням придавался вид особой достоверности: например, в апреле 1937 г., после настойчивых просьб СССР, Германия наконец согласилась ходатайствовать перед Франко об

освобождении захваченных франкистами в плен в ходе Гражданской войны советских граждан, а Кремль, в свою очередь, согласился на освобождение ранее арестованных германских граждан, чего добивался посол Шуленбург, и когда об этом стало известно в мире, то банальное взаимодействие в консульских вопросах было интерпретировано, с подачи Англии, как некое подтверждение гулявшим по Европе слухам о «тайной миссии» Канделаки. Короче говоря, все получилось ну прямо по Шекспиру:

Развесьте Уши.

К Вам пришла Молва.

А кто из Вас не ловит жадно слухов?

Момент истины

Однако сговор все-таки состоялся, но не между Гитлером и его присными, с одной стороны, и Канделаки и Сталиным — с другой, а между британским правительством и коричневым фюрером. Формально это произошло на фоне якобы «тайной миссии» Канделаки, а на самом деле — вследствие миссии Шахта. И произошел сговор на стезе «экономического умиротворения» нацистской Германии.

Сразу же хочу особо подчеркнуть, что британская сторона пошла на этот сговор совершенно сознательно, преследуя одновременно сразу три комплекса целей.

Во-первых, ликвидировать именно советскую часть «двойного заговора», как наиболее опасную для Великобритании. Это должно было стать прямым прологом к резкому ослаблению военной мощи Советского Союза и, как следствие этого, прямым прологом к ликвидации системы перекрещивавшихся советско-французского и советско-чехословацкого договоров о взаимопомощи от 2 и 16 мая 1935 г. и сопряженных с ними двухсторонних договоров этих трех государств. Главный удар в рамках этого комплекса целей предназначался по военной мощи СССР, опираясь на которую и была построена система этих перекрещивавшихся договоров. Логика в этом очень проста — выбей основу в этой конструкции, и рухнет вся

система. Именно так все и произошло, причем если общий военный фон был создан руками французского Генерального штаба, то Праге была предоставлена сомнительная честь поучаствовать в провале заговора Тухачевского.

Во-вторых, при абсолютной внешней непричастности официального Лондона, не говоря уже о разведке, привести систему этих договоров к такому якобы объективному краху, когда бы он был обоснован на исходящих от французского Генерального штаба якобы объективных данных об ослаблении советской военной мощи. Это, в свою очередь, позволило бы ликвидировать в сознании высшего чехословацкого руководства даже тень намека на надежду на какую бы то ни было помощь Москвы и тем самым, загнав его в ситуацию полной безысходности, вынудить Чехословакию к безоговорочному согласию с будущей «мюнхенской» сделкой. Это было связано с тем, что предоставление помощи СССР Чехословакии по договору было обусловлено тем, что то же самое, но в опережение Советского Союза, сделает Франция. Поэтому-то и «организация» якобы объективного краха системы договоров должна была быть обоснована мнением именно французского Генерального штаба — мол, военная мощь СССР ослаблена, а потому нет смысла рассчитывать на нее и вообще принимать ее в расчет. Что же до того, почему «мюнхенская» сделка в данном случае стоит в кавычках, то здесь следует иметь в виду, что вопрос о месте совершения такой сделки в тот момент, естественно, не стоял — здесь подразумевается принципиальная сторона этой сделки как таковой. А то, что она произошла в Мюнхене, — так это всего лишь экспромт самого Гитлера.

В-третьих, в результате достигнутых «успехов» в первых двух случаях создать возможность для передачи «в аренду» («в кредит», если по Сталину) Гитлеру Чехословакии вместе с ее ВПК, накопленными уже вооружением и созданной вблизи советских границ мощной военно-инженерной инфраструктурой, т. е. проще говоря:

а) прорубить Гитлеру проход непосредственно к границам СССР с тем, чтобы он начал свой столь вожделенный для Лондона «дранг нах Остен»;

...В одном из донесений за 1937 г. личного агента гитлеровского посла в Лондоне И. Риббентрона — Джорджа Попова — с прямой ссылкой на слова самого Н. Чемберлена было написано следующее:

«Для нас, конечно, было бы лучше всего, если бы Гитлер и Сталин сцепились и растерзали друг друга» (информация об этом по каналам «кэмбриджской пятерки» быстро дошла до Москвы; а передал ее одному из членов «пятерки» — Энтони Бланту — антинацистски настроенный германский дипломат в Лондоне Вольфганг фон унд цу Путлиц). И вот, чтобы это самое «лучше всего» скорее бы наступило, и была организована сделка в Мюнхене, улетая из которого с клочком бумаги в кармане, Н. Чемберлен прямо так и заявил Гитлеру: «Для нападения на СССР у Вас достаточно самолетов, тем более, что уже нет опасности базирования советских самолетов на чехословацких аэродромах». Естественно, что столь «трогательные» рекомендации» британского премьер-министра самому Гитлеру немедленно попали на стол Сталина в виде соответствующего разведывательного донесения....

б) осуществить фактически мгновенную и мощную военно-экономическую накачку милитаристских мускулов нацистской Германии. Но на этот раз без прямого участия британского капитала, ибо во второй половине 30-х годов это было уже чрезвычайно опасно для международного имиджа «доброй старой» Англии.

Технологически же сговор был осуществлен следующим образом. Выше уже подчеркивалось, что Ялмар Шахт был действительно выдающимся гроссмейстером финансовых и экономических шахмат. А быть таким гроссмейстером означает особое умение чрезвычайно тонко и точно выбирать политический момент для торгово-финансово-экономического торга на грани шантажа. Отлично понимая, что после введения в действие в конце августа 1936 г. меморандума об экономической подготовке к войне его блестящая афера с векселями МЕФО может не только лопнуть, лишив его головы, Ялмар Шахт, на фоне «исполнения Германией долга перед западной цивилизацией», выражавшемся в прямом пособничестве мятежу Франко в Испании вплоть до направления ему в помощь воинских контингентов (не говоря уже о других видах помощи), решился осенью 1936 г. предложить Лондону заключить между Великобританией, Францией и Германией широкое соглашение, в основе которого лежали бы французские уступки в колониальной и экономической областях. Момент для постановки такого вопроса был выбран на редкость удачно. Дело в том, что разгоревшаяся при активном

содействии Англии, Франции, Германии, Италии и других западных стран Гражданская война в Испании с невероятной остротой обозначила целый комплекс глобальных проблем. Прежде всего, сам факт Гражданской войны в Испании, и тем более победа в ней Франко означали бы, что впервые с 1659 г. Франция теряет всякие гарантии безопасности тыла, т. е. со стороны Пиренейского полуострова. Автоматически это означало бы и начало утраты Францией как колониальной метрополии своих связей с колониями, а следовательно, и начало ее же извне ускоряемого падения и как великой державы, подпирающей «баланс сил» по-британски. Тем более что реальность угрозы такого развития событий в еще большей степени затрагивала саму Великобританию, которая с 1704 г. привыкла господствовать на Гибралтаре. А одержки поддерживаемый Гитлером и Муссолини Франко победу, это означало бы, что под прямую угрозу будет поставлена свобода мореплавания для британского флота. Перспектива и впрямь мрачная, особенно если учесть, что в этом случае свобода прохода через важнейший в системе общемировых морских коммуникаций Гибралтарский пролив, являвшийся одним из основных связующих Англию с ее колониями звеньев, будет прямо зависеть от находящегося под влиянием Берлина Франко. Хуже того, это означало бы и катастрофическую угрозу для свободы мореплавания в Атлантике, т. к. именно атлантическое побережье Пиренейского полуострова в буквальном смысле слова идеальное место для базирования оперирующих в акватории этого океана военно-морских сил и авиации.

Однако, с другой стороны, в том же Лондоне учитывали и возможные негативные последствия в случае победы республиканцев. В этом случае, рассуждали в Лондоне, при наличии в Испании правительства Народного фронта, поддерживаемого Москвой, получится, что фактически СССР контролирует этот важнейший в британском внешнеполитическом пасьянсе регион. Хуже того, «баланс сил» резко изменится, и ведущую роль в европейских делах будет играть Франция, которая будет поддерживаться Москвой. Следовательно, это будет означать не только кинжал, приставленный к спине любимого Лондоном Гитлера, но и прощание со всякими надеждами на то, что столь любовно выпестованный Лондоном фюрер

когда-нибудь нападет на СССР. Но разве Гитлера привели к власти для того, чтобы потерять такие надежды?

Шахт блестяще учел весь этот пасьянс британских страхов и пустился во все тяжкие со своим предложением, поскольку тогда он считал самым важным получить доступ к источникам стратегического сырья, ибо как специалист видел, что ВПК Германии задыхается без этого — даже недавняя реокупация Рейнской зоны в этом смысле мало что дала. Как документально установила советская разведка еще в январе 1937 г., Великобритания абсолютно точно знала об этой проблеме Германии, как, впрочем, и то, что Гитлер не готов к войне. Надо отдать должное факту того, что профессионалы из британского МИДа все-таки призадумались над тем, зачем Шахт вышел с таким предложением. Причина настороженности проистекала из того обстоятельства, что в Форин офисе прекрасно помнили, что когда Гитлера приводили к власти, он заявлял: «Дайте мне четыре года, и я буду готов к войне». Но прошло чуть менее четырех лет, и коричневый фюрер принимает новую программу экономической подготовки к войне, и тоже рассчитанную на четыре года («меморандум об экономической подготовке к войне» от 26 августа 1936 г.). Что он задумал? Да еще и выдвигая такие предложения через Шахта?

Пока профессиональные дипломаты настороженно молчали, на фоне только что образовавшегося «дуэта дуэтов» — т. е. спарки осей «Берлин — Рим» и «Берлин — Токио» — неожиданно восторженный интерес к этому предложению Шахта проявил формально далекий в тот момент от внешнеполитических дел канцлер казначейства, т. е. министр финансов Невилл Чемберлен, активно поддержанный главным в тот момент специалистом по «экономическому умиротворению» — главой экономического отдела МИДа Великобритании Ф. Лейт-Россом. ***Оба настояли не просто на встрече с Шахтом, а именно на неофициальной встрече для обсуждения его предложения.*** Не менее восторженный интерес к этому предложению Шахта проявил в то время военный министр Франции, а в недалеком будущем премьер-министр и соучастник мюнхенской сделки с Гитлером — Эдуард Даладье. Более того, Даладье стал напрашиваться на эту встречу.

...Между тем тот же Даладье 17 декабря 1936 г. на заседании комиссии по военным делам сената Франции как военный министр

высказал слишком уж многозначительное замечание. Приняв участие в обсуждении вопроса о новой военной доктрине стран, в т. ч. и о роли нового тогда рода войск — танковых, будущий мюнхенский поделщик Н. Чемберлена заявил следующее: «...Никто никогда не видел, как действуют в боевых условиях пресловутые германские бронированные дивизии... Я допускаю, что этот вид оружия создан для ведения подвижной войны в равнинной местности. Возможно, при этом имелись в виду Украина, Польша, Чехословакия...»
Комментарии излишни.

Но самое интересное в том, что в указанный момент Даладье уже знал о заговоре советских военных. Именно в декабре 1936 г. Бенеш проинформировал об этом сына премьер-министра Франции Леона Блюма, а тот — отца, который, соответственно, информировал Даладье как военного министра, коль скоро речь шла о заговоре военных в государстве, с которым у Франции был заключен договор о военной взаимопомощи в отражении агрессии...

Встреча Ялмара Шахта с Ф. Лейт-Россом действительно состоялась — это произошло в первых числах февраля 1937 г. на территории Германии в городе Баденвейлере и носила действительно неофициальный характер.

Однако для того, чтобы максимально точно понять, что же произошло на этой встрече, а без этого практически никогда не понять суть ликвидации советской части «двойного заговора» как прямого пролога к Мюнхену, важно тщательно учесть хотя бы основные элементы фона, на котором произошла их встреча.

Во-первых, это, прежде всего, сами испанские события и все, что было сказано о них выше.

Во-вторых, на рубеже 1936–1937 гг. между Германией и Чехословакией шли секретные переговоры консультативного характера на предмет возможного урегулирования острых проблем отношений между двумя государствами, прежде всего Судетской. «Гвоздем» же переговоров было обсуждение предложения Гитлера о том, что он, видите ли, готов уважать целостность Чехословакии в обмен на гарантии, что она останется нейтральной в случае германо-французской войны.

...Берлин тогда целенаправленно пытался вбить свой «осиновый кол» в систему перекрещивавшихся советско-французского и

советско-чехословацкого договоров о взаимопомощи от 2 и 16 мая 1935 г. Геринг, например, еще в 1935 г. заявил Муссолини: «Если бы германской политике удалось разрубить узел, связывающий Париж и Москву, это было бы, несомненно, очень большим успехом»...

Переговоры вели: с германской стороны — Альбрехт Хаусхофер (старший сын Карла Хаусхофера) и граф Траутмансдорф, оба высокопоставленные сотрудники германского МИДа; с чехословацкой стороны — сам президент Чехословацкой Республики Эдуард Бенеш. Он вел их незаконно, т. к. в соответствии с вышеупомянутыми договорами, уже только о самом факте предложения Германии начать такие переговоры он обязан был проинформировать и Париж, и Москву, и предварительно проконсультироваться с ними, что было прямо предусмотрено статьей 1 советско-чехословацкого договора. Обсуждать же за спиной официального Парижа, пусть и не столь порядочного и верного, как, возможно, тогда и хотелось бы Праге, союзника, такой «гвоздь» программы — прямое нарушение договора. Тем более если учесть, что по советско-чехословацкому протоколу к одноименному договору, в статье 2 прямо предусматривалось, что помощь СССР может быть оказана только после того, как в опережение Москвы то же самое сделает Франция. Об этих переговорах знали и в Лондоне, и в Париже, и в Москве (сотрудники ближайшего окружения Бенеша — Людмила Каспарикова и Яромир Смутный — были агентами советской разведки). Во всех трех столицах точно знали также и то, что на основании секретной директивы военного министра Германии Бломберга № WA 1186/35g K11 от 4 апреля 1935 г. германский Генеральный штаб разработал перспективный план нападения на Чехословакию под кодовым названием «Шулунг» (впоследствии трансформирован в план «Грюн»). Знала об этом и чехословацкая военная разведка — к описываемому периоду времени у нее уже был тот самый агент, который сообщил и о заговоре военных в СССР. Однако в начале февраля 1937 г. по прямому указанию Гитлера переговоры были прерваны.

В-третьих, заключение Антикоминтерновского пакта между Германией и Японией 25 ноября 1936 г. Антианглосаксонская, в т. ч. и антибританская ориентированность этого пакта, о чем говорилось выше, не была секретом для Лондона еще на стадии германо-японских переговоров. Ко всему прочему следует иметь в виду, что за месяц до

подписания Антикоминтерновского пакта, ставшего как бы международно-правовым оформлением оси «Берлин — Токио», примерно аналогичным же образом была создана и ось «Берлин — Рим». По совокупности спарка этих «дуэтов» являла собой чрезвычайную угрозу для Великобритании, особенно же для ее морских коммуникаций, связывавших метрополию с колониями, т. к. в сферу деятельности этой спарки попадало до 90 % британских колоний и морских коммуникаций, связывающих с ними. И если бы спарка к тому же превратилась еще и в трио «дуэтов» («Берлин — Рим» — «Берлин — Токио» — «Берлин — Мадрид»), то роль Великобритании как великой державы была бы сведена полностью на нет.

В-четвертых, в конце 1936-го — начале 1937 г. в самой Германии проходили крупные командно-штабные учения командования вермахта, по результатам которых, как стало известным и советской, и британской разведкам, был сделан отчаянный вывод о том, что **«никакого точного решения в восточной компании не будет найдено, пока не будет разрешен вопрос о создании базы для операций в Восточной Польше»**. То есть высшее военное командование Германии официально признало, что никакой агрессии на Востоке, тем более блицкрига — не получится. Перед Гитлером во всей остроте встал вопрос о плацдармах на ближайших же подступах к границам СССР, без чего «дранг нах Остен» остался бы обыкновенным мыльным пузырем. Однако дело тут еще и в том, что эти учения стали первыми в череде подобных, обладавшими также и ярко выраженным военно-экономическим характером. Наряду с генералами, в них впервые приняли участие боссы германского военно-промышленного комплекса — Бош, Феглер, Шпрингорум, Сименс, Крупп, Борзик и другие. На учениях детально отрабатывался вопрос о взаимодействии вермахта и экономики на период наступательной войны, прежде всего тот аспект этого взаимодействия, который касался соответствия экономических приготовлений требованиям наступательной войны. Собственно говоря, именно позицией капитанов германского ВПК и был в значительной мере обусловлен тот отчаянный вывод, который сделали генералы по итогам учений.

Все это послужило причиной того, что главнокомандующий сухопутными войсками вермахта генерал-полковник Вернер фон Фрич в январе 1937 г. отдал распоряжение о разработке детального плана нападения на Чехословакию — именно там-то можно было, рассчитывая на «пятую колонну» в лице судетских немцев, быстро завладеть и плацдармом для нападения на СССР, и конечно же мощным военно-экономическим потенциалом этой страны. План «Шулунг» в итоге был переделан в «план Грюн».

Данное обстоятельство не ускользнуло от внимания британской разведки, в информации которой на эту тему официальный Лондон глазами Чемберлена и Лейт-Росса усмотрел реальный предмет для торга с Берлином.

...Вообще же следует откровенно признать, что в целом Лондон вполне цинично наплевал на Чехословакию задолго до прихода Гитлера к власти и с тех же давних пор имел виды на Прагу, как на разменную монету в своих интригах. Еще 24 сентября 1930 г. знаменитый «король» британской прессы, тесно связанный как с правящей верхушкой страны, так и с британской разведкой, лорд Ротермир в своей газете «Дейли Мейл» писал: «Более вероятно, что с приходом к власти национал-социалистского правительства под энергичным руководством этой партии — Германия сама найдет способ немедленного исправления самых вопиющих несправедливостей... В результате таких событий Чехословакия, которая систематически нарушала мирный договор, как угнетением расовых меньшинств, так и уклонением от сокращения своих вооружений, может в одну ночь прекратить свое существование». За восемь лет до Мюнхена столь беспрецедентная прозорливость, когда даже Гитлер был всего лишь главарем одной из германских партий!

Нет, категорически нет! Это преднамеренное разглашение незавидной судьбы Праги в корыстных комбинациях Лондона на мировой арене. Более того, это умышленно заблаговременное наведение Гитлера именно на стезю т. н. «решения» чехословацкого вопроса через его Судетский аспект, как на один из магистральных коридоров прохода к границам СССР. И Гитлер с тех же пор все отлично понял — вся его «аргументация» по этому вопросу чуть ли не слово в слово повторяла британские «изыски» на эту же тему.

Но надо в этой же связи воздать должное и Бенешу. Этот и вовсе, убедившись в неизбежности именно такого поворота судьбы возглавляемого им государства, а произошло это еще в 1932 г., отдал очень любопытный приказ своим военным: через четыре года быть готовыми к войне и в качестве конечного срока поставил 1936 г. Сам этот факт достаточно убийственный — слишком уж откровенное знание будущего проглядывается в нем. Но если помнить, что Бенеш был не только старым агентом влияния на службе у британской разведки, но и опытейшим масоном высоких степеней посвящения, то тогда ничего удивительного...

В-пятых, в начале 1937 г. умер знаменитый генерал Ганс фон Сект, оставив после себя на редкость сильно взбудоражившее все основные разведки мира, а также военные круги ведущих европейских государств завещание, главный вывод которого был выдержан в духе самого Бисмарка — «на Востоке врага нет», и, следовательно, Германия должна держаться за Россию, хотя бы и Советскую.

...Из донесения 7-го отдела ГУГБ НКВД СССР: «... VII Отделом ГУГБ НКВД получено от агента, связанного с германскими правительственными кругами, следующее агентурное сообщение: политическое и военное завещание генерала фон Секта было передано Гитлеру Бломбергом, причем в день похорон Секта. По условию Гитлер передал один экземпляр завещания Фричу (Сект прекрасно знал, что Фрич возглавляет заговор германских генералов против Гитлера и находится в контакте с руководством советской части «двойного заговора», потому и завещал один экземпляр передать Фричу. — А.М.). Завещание Секта держится якобы приблизительно в рамках его брошюры 1933 г. «Германия между Востоком и Западом». Сект заклинает в своем завещании Гитлера не относиться с предубеждением к русским вопросам и русским политическим и военным деятелям (очень интересный аспект. — А.М.), тогда, по твердому убеждению Секта, можно будет легко прийти к соглашению с Советским Союзом. Свою уверенность Сект обосновывает между прочим следующими тезисами:

- 1. У Германии нет общей границы с СССР;*
- 2. СССР не имел ничего общего с Версальским мирным договором;*
- 3. СССР не возражал против вооружения Германии, т. к. СССР в течение нескольких лет активно поддерживал германское*

вооружение;

4. СССР не требует от Германии никаких репараций;

5. СССР не является противником Германии в колон... (далее в документе пропуск. — А.М.)

6. Германия с внутривойсковой точки зрения в данный момент меньше чем когда-либо опасается большевизма;

7. И Германия и СССР автархичны, поэтому у них больше общего друг с другом, чем с демократией;

8. Взаимоотношения Турции с СССР доказывают возможность самых интимных и наилучших отношений между Германией и СССР;

9. В течение долгих лет СССР находится в дружественных отношениях с Италией.

Сект требует, чтобы немцы как можно скорее улучшили отношения с СССР с тем, чтобы освободить Германию не только от опасности войны на два фронта, но и от опасности многофронтной войны.

Эта опасность для Германии в данный момент неизмеримо актуальней, чем во времена Бисмарка и Шлиффена. Сект настойчиво предостерегает против союза с Японией, учитывая ее ненадежность, а также потому, что это повредит соглашению с Англией и Америкой и не даст завязать интимные отношения с Китаем. В кругах военного министерства содержание этого завещания встречено якобы почти с неограниченным одобрением»...

В-шестых, завещание Секта появилось на фоне резко усилившегося с осени 1936 г. просоветского брожения в вермахте, что зафиксировали многие разведки, в т. ч. в первую очередь советская и британская. Советская военная разведка именно в это время получила данные о том, что генералы Гаммерштейн-Экворт, Фрич, Рейхенау, Бек, Бломберг принадлежат к той группе германских генералов, которые хотели бы «по-хорошему договориться с Красной Армией». Аналогичную информацию получила и разведка НКВД.

Точно такой же информацией располагала и британская разведка. Более того, у британской разведки в тот момент скапливалось все больше и больше фактически неопровержимых данных о реальности угрозы едва ли не одномоментных военных переворотов в Германии и СССР, а с учетом развития обстановки в Японии вообще складывалось

чуть ли не категорическое убеждение в том, что «двойной заговор» перерос в «тройной».

... Тут надо отдать должное британской разведке — она более чем любая иная разведка мира часто сталкивалась с проблемой двояких последствий попыток проекции военных (или даже боевых) навыков в сферу политики.

Ведь не секрет, что генералам, тем более прошедшим войны, куда легче решиться на подмену политики голым насилием и широко его практиковать как внутри своих стран, так и за их пределами. Тем более генералам, в умах которых бродят, по сути дела, «родственные» идеи: одни — за «мировую революцию», помехой которой считается Великобритания и вообще британский империализм, другие — озабочены идеей как следует поквитаться с той же Англией за позор и унижение Версаля, а заодно намерены претендовать на мировое господство, и, опять-таки, главная помеха — все та же Великобритания, третьи — и вовсе «восемь углов под одной крышей» задумали построить якобы как «сферу процветания», и, опять-таки, одна из главных помех — та же Англия. И, не приведи Господь, размышляли в британской разведке и кое-где повыше, если все это реализуется на практике, то трем, а то и четырем и даже шести (т. е. германской, итальянской, японской, советской, испанской и португальской) военным диктатурам договориться между собой куда легче, тем более на антибританской основе. Тем более что генералы в силу своего специфического профессионального опыта вообще значительно свободней от всевозможных идеологических предрассудков, более способны к самостоятельным решениям, готовы к риску и союзу со всеми, кто может помочь им в достижении поставленных целей. Короче говоря, и в британской разведке, и в высшем эшелоне британской правящей элиты отнюдь небезосновательно со своей точки зрения узрели на горизонте ближайшего же будущего первые признаки реального восхода «Последнего Дня Англосаксов» по Гомеру Ли...

В-седьмых, на фоне всего вышеизложенного, особенно в последних двух пунктах, 29 января 1937 г. Канделаки, выполняя полученные в Москве инструкции, передал Шахту официальные предложения Советского правительства приступить к широкому

обсуждению всех актуальных вопросов нормализации германо-советских отношений.

В-восьмых, едва ли не буквально день в день с действиями Канделаки и также на этом же фоне будущий практический реализатор Мюнхенской сделки — сэр Рэнсимен — в ранге специального представителя тогдашнего британского премьер-министра Болдуина выпытывает у президента США Рузвельта его позицию в отношении европейской ситуации. И чрезвычайно важно то, как он это делает — прямо в лоб заявляет Рузвельту, что-де Лондон ждет войны не позднее 1938 г., и тут же спрашивает, а будут ли США соблюдать свой нейтралитет, если **«европейская война не может быть проведена без моральной и финансовой помощи со стороны США»**. Ай да Рэнсимен! Зачем в Вашингтон-то пожаловал? Откуда про войну знает, да еще и не позднее 1938 г., если даже само командование вермахта в это же время убеждено, что Германии не грозит опасность со стороны СССР и что вооружения СССР предназначены только для оборонных действий, а не наступательных? Можно только догадываться, что творилось в мозгу Рузвельта, когда он слушал пассажи Рэнсимена о войне на фоне мгновенно всплывшей в его памяти только что изложенной сути телеграммы его посла в Берлине — Додда (кстати говоря, копия этой же телеграммы попала и в Москву, дочь посла — Марта — была связана с советской разведкой). Не иначе, как «старая добрая» Англия опять что-то недоброе замыслила, план какой-нибудь, который должен вступить в действие аккурат сразу же по истечению пролонгированного срока действия Договора о ненападении и нейтралитете между СССР и Германией от 24 апреля 1926 г. А ведь этот срок как раз и истекал в мае 1938 г., и война тогда едва не разразилась (майская 1938 г. мобилизация Чехословакии). И именно тогда Лондон ввел в действие пресловутый «план Зет», приведший в итоге к Мюнхену, а затем и ко Второй мировой войне.

Опытнейший юрист и дипломат, не одну собаку съевший в сложнейших политических баталиях Рузвельт, как бы издеваясь над лондонским гастролером (кстати, очень сильно связанным с британской разведкой, что не было секретом для Вашингтона), ответил Рэнсимену, что **«Америка прилагает усилия к тому, чтобы как можно дольше сохранять свой нейтралитет»**. Дальше Рузвельт заявляет, что **«если произойдет вооруженный конфликт между**

демократией и фашизмом, Америка выполнит свой долг». Пойди пойми, о чем это он. Следующий пассаж Рузвельта и вовсе наверняка вызвал уныние Рэнсимена — президент заявил, что **«если вопрос будет стоять о войне, которую вызовет Германия или СССР, то она (т. е. Америка. — А.М.) будет придерживаться другой позиции и, по настоянию Рузвельта, Америка сохранит свой нейтралитет»**. Но Рэнсимен не был бы британским политиком до мозга костей, если бы понимая, что и у США есть колоссальные геополитические интересы в мире, не дождался бы более или менее существенного ответа. И он прозвучал: **«Если СССР окажется под угрозой германских, чисто империалистических, т. е. территориальных, стремлений, тогда должны будут вмешаться европейские государства, а Америка встанет на их сторону»**.

Как только это стало известно в Лондоне, там немедленно сделали очень простенький вывод — вот и нужно поставить СССР «под угрозу германских, чисто империалистических, т. е. территориальных стремлений», и тогда самая что ни на есть мировая война получится. Война, в решающем лобовом столкновении которой стенка на стенку вновь сойдутся Германия и Россия, пускай и называвшаяся тогда СССР.

В Лондоне очень точно рассчитали, ибо прекрасно знали, что думы о Хартленде (по этому вопросу см. стр. 332) обуревают Вашингтон в не меньшей, чем Великобританию, степени. Только для этого сначала надо одномоментно и очень резко ослабить военную мощь СССР, и в то же время быстро прорубить Гитлеру коридор к границам СССР, чтобы он открыто «продемонстрировал» эти самые свои «чисто империалистические, т. е. территориальные, стремления». И в связи с этим очень любопытен ответ Рэнсимена, который поддакнул Рузвельту, едва услышав от него насчет «империалистических, т. е. территориальных, стремлений» Германии. Рэнсимен пояснил, что **«в основе каждого нападения фашистов или их вассалов на СССР будут лежать империалистические мотивы»**. Болтливый А. Розенберг за десять лет до этого прямо написал, что как **«прирожденный враг России, Англия всегда заинтересована в создании на континенте государства, которое будет в состоянии задушить Москву»**. Оттого и привела Великобритания Адольфа Гитлера к власти в Германии.

В-девятых, в это же время, т. е. в январе 1937 г., и на этом же фоне французский Генеральный штаб, с подачи лично Даладье, вдруг запросил Советский Союз о возможной помощи Франции со стороны СССР в случае, если на нее нападет Германия. Целых два года Генеральный штаб Франции не волновался по этому поводу, даже в рамках уже заключенного и вошедшего в законную силу советско-французского договора о взаимопомощи в отражении агрессии, причем даже невзирая на майское 1935 г. согласие французского руководства начать переговоры между Генштабами двух стран, — и вдруг здрасьте! Этот запрос тем более покажется странным, если учесть, что никаких видимых причин для его направления именно в тот момент у Франции не было — советская разведка документально точно знала, что официальный Париж не менее точно знает, что Гитлер к войне не готов, и об этом своем знании на пару с Лондоном докладывали аж Вашингтону. Правда, впоследствии начальник легендарного «Дозьен Бюро», т. е. 2-го бюро Генштаба Франции (военной разведки) — генерал Гоше, не моргнув и глазом, запустил в оборот легенду о том, что в то время он агентурным путем добыл чуть ли не посуточный график гитлеровской агрессии в Европе, который, однако, никоим образом не нашел даже тени намека хоть на какое бы то ни было документальное подтверждение в захваченных союзниками в конце войны нацистских архивах. Следовательно, остается только следующее:

а) Париж точно знал о зондажных переговорах гитлеровских эмиссаров с Э. Бенешем — только там в тот момент всплывала, и то достаточно гипотетически на то время, тема возможной войны Германии с Францией.

б) Париж уже точно знал о заговоре советских военных, ибо такой запрос есть не что иное, как прощупывание по официальным каналам намерений другой стороны, а ведь в военных кругах Франции ни для кого не было секретом восторженное германофильство Тухачевского и его будущих под ельников, и что он, заместитель наркома обороны, отнюдь не в восторге от советско-французского договора о взаимопомощи. После того как французское руководство получило неофициальное предупреждение от самого Бенеша о заговоре советских военных, а это, как отмечалось выше, имело место еще в

декабре 1936 г., по-иному расценить внезапный запрос французского Генштаба просто невозможно.

в) Париж, вне всяких сомнений, стал разыгрывать свою, отведенную ему каким-то конкретным замыслом Лондона «партию» в той части, о которой говорилось выше.

Еще более интересно и то, на каком фоне был направлен этот странный запрос. Поскольку Франция никогда не граничила ни с Россией, ни тем более с СССР, в ответе на запрос откровенно ожидалось пояснение мнения советской стороны о том, каким конкретно путем Москва планирует оказать помощь Парижу в случае необходимости. «Странным» образом именно в это же время и Лондон, и Париж, и даже Вашингтон буквально вцепились в официальную Варшаву, требуя от нее объяснений насчет того, есть ли у нее какие-либо соглашения с СССР, позволяющие в случае войны пропустить советские войска и авиацию через свою территорию. Обалдевшая от внезапного натиска западных стран Варшава отвечает, что, естественно, никаких таких соглашений нет — наверное, это был один из редчайших в то время случаев, когда не в меру заносчивая Варшава ответила честно. Но самое-то пикантное в том, что все эти запросы Запада к Варшаве почему-то оказались на опережение запроса Генштаба Франции.

17 февраля 1937 г. Советский Союз дал официальный ответ на запрос французского генштаба и указал в нем два варианта оказания помощи: 1) через территорию Польши и Румынии; 2) морским путем. Кроме того, в ответе содержались и иные предложения советской стороны, главным из которых было начать все-таки переговоры между двумя генштабами. В ответ Париж как воды в рот набрал. Зато чуть позже начальник Генштаба Франции генерал М. Гамелен проговорился: **«Альянс с Россией в труднопредсказуемых условиях представляется нежелательным»**. А проговорился он именно в марте 1937 г., когда в СССР необратимый характер приобрело выкорчевывание заговора военных. В июне же 1937 г. тот же генштаб Франции вообще поставил точку в этом вопросе: **«Всякое новое сближение Франции с Москвой привело бы с точки зрения безопасности к нулевому или даже отрицательному результату»**. Напомним, что 12 июня 1937 г. было опубликовано

сообщение о состоявшемся суде над Тухачевским и К° и о немедленном приведении приговора в исполнение.

И потому вовсе неудивительно, что ровно через год, уже в преддверии Мюнхена, и французская пресса стала муссировать мысль, что *«кости одного французского солдата стоят больше, чем все чехословаки, вместе взятые»*. Вот так, шаг за шагом для Праги создавалась обстановка полной безысходности. Колоссальную роль в осуществлении этого поистине дьявольского плана Лондона играла упреждающая сдача заговора советских военных на расправу центральным властям СССР. Ибо именно в этом был залог успеха в решении задачи быстрого ослабления военной мощи СССР, но тем самым и в обеспечении Франции «нужными» аргументами при мотивировке отказа от сотрудничества с Москвой. Только это могло ликвидировать у Праги даже тень иллюзий на какую бы то ни было помощь от СССР, поскольку именно отказ Парижа от сотрудничества с Советским Союзом в военной сфере и означал полный крах системы перекрещивающихся договоров.

И надо воздать должное и самому Э. Бенешу, который собственными руками рыл могилу и для себя, и для возглавляемого им государства: вышеупоминавшийся запрос французского Генштаба, оказывается, был согласован с Генштабом Чехословакии, а вся военная верхушка этой страны в то время находилась под полным контролем самого Бенеша, как верховного главнокомандующего.

И, наконец, в-десятых, план, о котором уже было вскользь упомянуто, действительно существовал. Как документально точно установила советская разведка, в январе 1937 г. британский посол в США Линдсей проинформировал официальный Вашингтон о том, что между Лондоном и Парижем достигнуто соглашение о **«совместном общем плане действий** (так в документе. - *А.М.*) **Англии и Франции»**, первый пункт которого, по словам Линдсея, гласил: **«1. Будет сделана новая попытка достигнуть полного соглашения с Берлином»**. А вот пункт 3 этого же плана, со слов того же Линдсея, гласил, *что СССР должен действовать в полном согласии с Лондоном и Парижем, т. к. «Москва должна ясно понять, что СССР не должен делать индивидуальных выступлений в области внешней политики, мешая этим выполнению планов своих демократических друзей тогда, когда ему это выгодно. Это*

повторялось слишком часто в связи с испанскими событиями, и напряженное положение, создававшееся вследствие этого, слишком опасно, чтобы позволить его повторение».

Слишком уж мудрено изъяснялся посол Его Величества, но суть понятна — Лондон до белого каления взбешен вполне официальными контактами Канделаки, слухи о «тайной миссии» которого множила сама британская дипломатия, игравшая в этом вопросе в четыре руки с британской разведкой. Более того, Москва, оказывается, должна понять, что она не имеет никакого права мешать «демократическим друзьям» из всех сил толкать Гитлера на Восток?! Обратите внимание вот еще на что. Линдсей проинформировал об этом плане одновременно с визитом Рэнсимена к главе Белого дома. Что, усиленно подчеркивавший в беседе с Рузвельтом, что он прибыл в США именно как специальный представитель премьер-министра Болдуина, Рэнсимен не мог сам проинформировать президента об этом плане? Конечно же мог! Но ведь это была спланированная политическая акция по одурачиванию официального Вашингтона, в которой у Рэнсимена и Линдсея были свои, строго определенные роли. Один сообщает о совместном плане сделать новую попытку достигнуть полного соглашения с Берлином, другой — с порога объявляет, что Лондон ждет войны не позднее 1938 года, а в итоге совместными усилиями прощупать позицию США в отношении последствий задуманной Лондоном при участии Парижа сделки, вошедшей в историю как Мюнхенский сговор.

Короче говоря, для Лондона все было «слишком опасно, чтобы позволить повторение», и была предпринята «новая попытка достигнуть полного соглашения с Берлином». *Вначале февраля 1937 г. состоялась та самая конфиденциальная встреча тет-а-тет в Баденвейлере между Шахтам и Лейт-Россо. Именно после этой встречи Шахта с Лейт-Россом Гитлер полностью отменил представленные Канделаки через того же Шахта предложения Советского правительства о нормализации советско-германских отношений.*

...Британские историки, например, еще во время 50-летия тех событий демонстративно недоумевали — а зачем это Гитлер так поступил. Так посмотрели бы в архиве Форин офиса, да почитали бы отчет Лейт-Росса о встрече с Шахтом — к тому времени он уже

был рассекречен, хотя о самом факте известно давно и он никогда не скрывался...

Именно после этой встречи Шахта с Лейт-Россом Адольф Гитлер начал заявлять, что получил из России вести о грядущем перевороте. Именно после этой встречи Шахта с Лейт-Россом Гитлер внезапно прервал германо-чехословацкие зондажные переговоры и более к ним не возвращался. Именно после этой встречи Шахта с Лейт-Россом, письменно сообщая первому о сделанном Гитлеру докладе по итогам этой встречи, министр иностранных дел Германии Константин фон Нейрат написал: «Если делам суждено развиваться к установлению абсолютного деспотизма, опирающегося на военных, то в этом случае мы, конечно, не должны упустить нужный момент, чтобы снова занять сторонников в России».

В другом варианте перевода того же самого текста это звучит так: «Совсем другое дело, если ситуация в России будет развиваться дальше в направлении абсолютного деспотизма на военной основе, то в этом случае мы, конечно, не упустим случая снова вступить в контакт с Россией».

Все это совершенно однозначно свидетельствует прежде всего о том, что сутью этой «новой попытки достигнуть полного соглашения с Берлином» являлся сознательно злоумышленный сговор Лондона с Гитлером против мира и безопасности в Европе.

Потому как по «результатам» встречи Шахта с Лейт-Россом можно, реконструировав общий ход торга, констатировать следующее:

— от имени британского правительства Лейт-Росс через Шахта ясно дал понять Гитлеру, что нет никакой необходимости нажимать на вопрос о колониальных и экономических уступках, если, конечно, Гитлер согласится с тем, что в порядке компенсации Великобритания (при участии Франции) поможет Берлину соответствующе выгодным для него образом урегулировать не только так сильно волнующую его проблему Судет, но в итоге получить прямой доступ к развитой индустриальной базе ВПК Чехословакии, к ее богатейшим арсеналам вооружений, к ее мощной военно-инженерной инфраструктуре в непосредственной близости от границ СССР.

Короче говоря, Гитлер снимает все свои колониальные и экономические претензии, а взамен, через некоторое время, получает Чехословакию со всем ее экономическим, военно-экономическим,

военным и иным «приданным» в качестве плацдарма для нападения на СССР, ради чего, собственно говоря, Гитлера и привели к власти. Поскольку торг шел между двумя опытнейшими специалистами в области экономики, то и главный лейтмотив торга был чисто экономический.

— Одновременно, также от имени британского правительства, Лейт-Росс через Шахта ясно дал понять Гитлеру, что Лондон (и Париж) ожидают от него немедленного и серьезного аванса в знак согласия с таким, очень «дельным», на их взгляд, предложением, а в качестве аванса ему будет зачтено немедленное прекращение даже зондажных контактов:

а) с СССР — в формате Шахта — Канделаки, ибо Лондон всерьез опасался, что в преддверии истекающего через год с небольшим на тот момент пролонгированного срока действия советско-германского Договора о ненападении и нейтралитете от 24 апреля 1926 года в таком формате (Шахта — Канделаки) обе стороны до чего-нибудь крайне неприятного для Лондона да договорятся;

б) с Чехословакией — в формате А. Хаусхофер — Траутмансдорф — Э. Бенеш, и более к подобным действиям не возвращаться.

И, наконец, также от имени британского правительства, Лейт-Росс через Шахта ясно дал понять Гитлеру, что сделать такой аванс для него не должно составить какого-либо труда, если он к тому же примет во внимание, что по данным, которыми располагает Великобритания, в СССР вот-вот произойдет военный переворот и Сталина свергнут, а следовательно, нет никакого резона разыгрывать фарс с представителем Сталина Канделаки.

Этот аванс сделать тем более легко, явно намекнул Лейт-Росс, если Гитлер учтет также и то обстоятельство, что в случае переворота у Чехословакии не останется даже тени иллюзии на получение какой бы то ни было помощи со стороны Москвы по столь тревожащему Берлин договору от 1935 г., т. к. первоочередной гарант безопасности Чехословакии — Франция — не намерена затевать военное сотрудничество с большевиками в условиях надвигающейся непредсказуемой политической ситуации в СССР.

Если Гитлер поймет и воспримет эти предложения, то Великобритания вполне реально может поспособствовать «мирному» получению Берлином столь прекрасного для нападения на СССР

плацдарма с богатейшими арсеналами вооружений и прекрасной военно-инженерной инфраструктурой.

Естественно, что Гитлер понял, и в итоге круг замкнулся именно там, где и должен был, по расчетам Лондона, замкнуться — на все той же стезе «экономического умиротворения».

Вот как был высечен подлинный пролог к мюнхенской подлости, коей, в свою очередь, как топором была прорублена прямая магистраль ко Второй мировой войне XX века.

А прямым прологом к Мюнхену стало заваливание при прямом содействии и Лондона, и Бенеша заговора военных в СССР, ибо только так можно было обвалить систему перекрещивавшихся советско-французского и советско-чехословацкого договоров о взаимопомощи.

И вот на что в этой связи хотелось бы обратить особое внимание. Читатели, естественно, помнят, что «в-девярых» был упомянут руководитель 2-го бюро Генштаба Франции генерал Гоше. Основания к тому были и весьма серьезные.

Дело в том, что профессиональный военный разведчик генерал Гоше преднамеренно запутал ситуацию. Формально действительно факт, что 2-му бюро Генштаба удалось агентурным путем добыть очень важный документ — копию «Директивы о единой подготовке вермахта к войне». Подписанная военным министром Бломбергом (учеником и единомышленником генерала Г. фон Секта) директива действительно рассматривала пять вариантов войны:

«1. «Операция Рот» — «война на два фронта с центром тяжести на Западе» (т. е. против Франции. — *А.М.*)

2. «Операция Грюн» — «война на два фронта с центром тяжести на Востоке (из дальнейшего текста директивы вытекает, что речь идет о Чехословакии и, возможно, СССР. — *А.М.*)».

3. «Особая операция Отто» — «вооруженная интервенция против Австрии» (любопытно в этой связи отметить, что аншлюс Австрии с Германией предусматривался Великобританией еще в 1916 году! — *АМ.*)

4. «Особая операция Рихард» — «военные операции в Красной Испании (подразумевалось использование контингента германских сухопутных войск в этой стране. - *А.М.*)».

5. «Особая операция Рот — Грюн» с дополнением» — «Англия, Польша и Литва участвуют в войне против нас» (т. е. против Германии;

речь шла в этом пункте о войне на два фронта — против Франции и Чехословакии. — *А.М.*).

Однако в том-то все и дело, что все варианты на тот момент носили всего лишь концептуальный характер (хотя и это уже было опасно), и, соответственно, никакого посуточного, помесячного, поквартального или даже годового, и вообще никакого графика военных действий в директиве не было и быть не могло. **Потому как вся «изюминка» этой директивы в содержании ее пункта «б», гласившем: «Быть в состоянии использовать для войны создающиеся благоприятные политические возможности. Это должно быть учтено при подготовке вермахта к возможной войне в мобилизационный период 1937/38 гг.». А центр тяжести самой этой «изюминки» директивы сосредоточился в следующем пассаже (надо подчеркнуть, что директива вышла за подписью военного министра, а это означает, что она была разработана, одобрена, согласована и разослана в войска с прямого ведома и по прямому указанию Гитлера): «Война на Востоке может начаться путем неожиданных немецких операций против Чехословакии. Предварительно для этого должны быть созданы политические и международно-правовые предпосылки»!**

И самое главное: директива была подписана 24 июня 1937 г., а это, в свою очередь, означает, что у генерала Гоше не было никаких документальных оснований наемать в своих мемуарах на этот документ как якобы на серьезную страшилку, возникшую в начале 1937 г., из-за чего, мол, и последовал странный запрос Генштаба Франции в Москву, так как сам Гоше получил этот документ лишь осенью 1937 г. Ну, да и Бог с ним, с Гоше-то. Куда важнее для нашего расследования то обстоятельство, что «благоприятные политические возможности» расценены в тексте директивы именно как «создающиеся», т. е. на тот момент в настоящем времени, и что именно в силу этого они должны быть учтены «при подготовке вермахта к возможной войне в мобилизационный период 1937/38 гг.». Это и означает, что сговор британского правительства с Гитлером, осуществленный в рамках конфиденциальной встречи Лейт-Росса с Шахтом, действительно состоялся на основе британского предложения и что Гитлер принял все условия Великобритании, а также то, что обе стороны начали

реализовывать достигнутые конфиденциальные договоренности. Иначе откуда бы взяться таким словам в тексте директивы, как, например, «создающиеся благоприятные политические возможности»?! А это уже в свою очередь означает, если вспомнить, что директива была подписана всего через 12 дней после официального сообщения о раскрытии заговора советских военных, суда над ними и расстрела, что под этими «возможностями» откровенно подразумевался разгром заговора в СССР.

Этот пассаж вышел явно не из-под пера Бломберга, потому как при сопоставлении всех деталей этой директивы получается, что военный министр нес самую что ни на есть чушь — сначала прямо говорит об агрессии (т. е. что война может начаться путем неожиданных немецких действий против Чехословакии) и тут же добавляет, что для этого еще **«должны быть созданы политические и международно-правовые предпосылки»**. Но где вы видели агрессора, который нуждался бы в создании именно **«международно-правовых предпосылок»**? В пропагандистском обосновании — да, с этого начинаются все войны, но при чем тут «международно-правовые предпосылки»? Такое могло произойти только под прямым воздействием Гитлера, который, очевидно, довел до сведения своего военного министра суть достигнутых между Шахтом и Лейт-Россом конфиденциальных договоренностей. То есть речь шла именно о тех самых предпосылках политического и международно-правового характера, которые в период 1937–1938 гг. должны были, с одной стороны, быть созданы самой Великобританией — за счет провала заговора военных и ослабления военной мощи СССР, завалить также и систему перекрещивавшихся советско-французского и советско-чехословацкого договоров, лишить Прагу даже тени иллюзий на помощь Москвы, и тем сами обеспечить условия для успеха юридического сговора, коим и стал Мюнхенский сговор. С другой — создаться т. н. «объективным путем», т. е. в результате истечения пролонгированного срока действия советско-германского договора о ненападении и нейтралитете от 24 апреля 1926 г., который как раз и истек в мае 1938 г. (как раз на 22 мая, т. е. на следующий день после истечения срока действия договора, и было назначено военное нападение на Чехословакию; лишь всеобщая мобилизация в этой стране и недвусмысленная готовность СССР прийти на помощь Праге

в одностороннем порядке сорвали нападение; именно после этого Чемберлен и ввел в действие свой пресловутый «план Зет»).

А теперь обратим особое внимание вот еще на что. Как уже говорилось, специальный представитель британского премьер-министра Болдуина — сэр Рэнсимен — в конце января 1937 г. в беседе с президентом США Рузвельтом заявил с порога, что Лондон ожидает войны не позднее 1938 г. Но если сами же немцы, т. е. руководимый лично Гитлером военный министр Бломберг своей подписью удостоверяет предположительную возможность войны на Востоке, в первую очередь против Чехословакии, датируя ее письменное высказывание только 24 июня 1937 г., а Рэнсимен об этом же говорит за океаном уже в январе 1937 г., то к какому выводу должен прийти любой непредвзятый исследователь, если:

а) между этими событиями факт конфиденциальной встречи Лейт-Росса с Шахтом;

б) а после этой встречи происходит разгром верхушки военного заговора в СССР?!

Ведь никогда не привлекало внимания то обстоятельство, что как сама директива, так и особенно выше детально проанализированные пассажи в ее тексте, появились уже через 12 дней после официального сообщения о расстреле Тухачевского и его поделщиков.

Сговор Лондона с Гитлером состоялся на основе британской схемы: провал заговора военных, в СССР, обвал системы выше неоднократно упоминавшихся договоров между СССР, Францией и Чехословакией, лишение Праги любых шансов на получение помощи Москвы под надуманными предлогами — и путь к Мюнхену открыт. И каждая из сторон пунктуально выполняла взятые на себя обязательства.

Но это всего лишь одна сторона медали, а вот и другая — все вышеизложенное одновременно означает, что до встречи Лейт-Росса с Шахтом в Берлине никто ничего не ведал о заговоре советских военных. То есть нацистская верхушка, включая и самого Гитлера, ничего толком не знала об этом заговоре, *иначе сам Гитлер не стал бы заявлять, что он получил вести из России о грядущем перевороте*. А столь осведомленный и информированный человек в нацистской иерархии 1937 г., как министр иностранных дел германии Константин фон Нейтрат, не написал бы того, что он написал Шахту в

личном письме. Ведь хоть на немецком, хоть на русском языках само построение фразы свидетельствует о том, что фон Нейрат обращается к Шахту, как к лицу не только знающему о факте возможного военного переворота в СССР, но и первым проинформировавшему того же Нейрата (а он, соответственно, Гитлера) об этом факте, и потому, как само собой разумеющееся, в личной переписке с человеком, который сам первым сообщил об этой сногшибательной новости, Нейрат и позволил себе такие обороты, как *«если делам суждено развиваться к установлению абсолютного деспотизма, опирающегося на военных...»* (в другом варианте — *«совсем другое дело, если ситуация в России будет развиваться в направлении абсолютного деспотизма военных»*).

Подчеркиваю, что так можно было писать только лицу, которое действительно не только знает, что к чему, но и с которым уже имелся предварительный разговор на эту же тему. А ведь Шахт отчитывается перед Нейратом за все свои встречи — хоть с Канделаки, хоть с Лейт-Россом. Это абсолютно точно. То обстоятельство, что нацистская верхушка действительно ничего не знала об этом заговоре, особо оттеняет концовка письма Нейрата: ***«...то в этом случае мы, конечно, не должны упустить нужный момент, чтоб снова занять сторонников в России» («в этом случае мы, конечно, не упустим случая снова вступить в контакт с Россией»)***. Переписка личная, конфиденциальная, ни Нейрату, ни Шахту опасаться некого и нечего. Более того, Нейрат употребляет местоимение «мы», что означает, что он мыслил в момент написания письма от имени всего тогдашнего руководства Германии, т. е. в первую очередь и от имени самого Гитлера. И это сущая правда, потому как на недоуменные вопросы посла Чехословакии в Берлине В. Мастны к члену германской делегации на зондажных переговорах с Прагой графу Траутмансдорфу о причинах внезапного прекращения этих переговоров граф ответил, что фюрер получил известие из Советского Союза о плане устранения Сталина и установлении военной диктатуры. Он подчеркнул, что в случае претворения этого плана в жизнь фюрер полностью изменит свое отношение к России и одновременно будет готов уладить все разногласия как в Восточной, так и в Западной Европе. То есть все сходится один к одному — и содержание письма Нейрата Шахту, и точка зрения фюрера на «известие из Советского Союза». Более того, сходится

все и по времени: письмо (точнее, меморандум) Нейрата датировано 6 февраля, заявление Траутмансдорфа (изложенное в срочном донесении Мастны в Прагу) — 9 февраля 1937 г.

И в таком случае спрашивается, зачем Берлину нужно было сдавать Сталину весь этот заговор, пусть даже и по подложному компромату, как это утверждают все версии «дела Тухачевского», если и министр иностранных дел Германии от имени всего германского руководства, и даже сам Гитлер считают успех заговора хорошим случаем «снова занять сторонников в России», «полностью изменить свое отношение к России» и даже «урегулировать все разногласия как в Восточной, так и в Западной Европе»?!

Так вот в том-то все и дело, что никакого резона у официального Берлина и не было. Потому как ничего он не знал.

Отсюда и вывод: что бы ни гласили всевозможные версии об «успехе» нацистской провокации с подложным компроматом на Тухачевского и его подельников, ни нацистская разведка в частности, ни РСХА в целом, ни сам руководитель РСХА (Рейнгард Гейдрих) никакого отношения к этому делу не имели и не могли иметь, потому как самой такой операции ими не проводилось и даже не замышлялось. Потому что они попросту ничего не знали об этом. Не знали до встречи Лейт-Росса с Шахтом. И то, что это было именно так, подтверждает следующий факт: во всех версиях, где фигурирует якобы «озарение» Гейдриха мыслью о провокации (начиная с «версии Шелленберга»), оно обычно датируется декабрем 1936 — январем 1937 гг., как правило, концом января — началом февраля 1937 г. Именно это и означает, что такой датировкой пытаются скрыть подлинный источник информации о заговоре военных в СССР и точное время получения информации.

А ведь источник — британский, и все версии «дела Тухачевского» — тоже британские. С профессиональной точки зрения нельзя не отдать должное британской разведке (Лейт-Росс работал в теснейшем контакте с руководством германского отдела МИ-6). Дело в том, что, требуя во время торга Лейт-Росса с Шахтом соответствующего аванса со стороны Гитлера, англичане точно рассчитали, что, оказавшись вынужденным объяснять свои резкие повороты на 180° в контактах Германии с СССР (т. е. отказ рассматривать предложения,

представленные Канделаки), а также внезапное прерывание переговоров с Чехословакией, Гитлер так или иначе проговорится, что он получил какие-то сведения из Советского Союза. И как только он проговорится, а это было неизбежно как в силу вышеуказанных причин, так и в силу его эмоционального характера, то с того момента виновником за провал заговора становится лично он, Адольф Гитлер, а уж как представить его вину — это уже дело британской разведки.

Конечно, никто и не помышляет о том, чтобы хоть в чем-то обелить Гитлера. Но правда и то, что он никакого отношения ни к заговору Тухачевского, ни тем более к его провалу не имел и не мог иметь, поскольку ничего об этом не знал.

И еще об одной пикантной детали из жизни британской разведки в тот период. Как только верхушка военного заговора в СССР была разгромлена, руководителю входившей в систему СИС британской воздушной разведки Фредерику Уинтерботэму было приказано немедленно порвать всякие личные контакты с нацистами, особенно с бароном Уильямом С. де Роппом, являвшимся личным двусторонним агентом влияния и британской разведки, и высшего нацистского руководства (Гитлера, Геринга, Гесса, Розенберга), длительное время обеспечивавшим активное функционирование прямого канала «горячей связи» между Уайтхоллом (т. е. британским правительством; на этой улице в Лондоне расположены правительственные учреждения Великобритании), Букингэмским дворцом (т. е. британской королевской семьей) и Гитлером. Почему?

Во-первых, ни одна разведка мира вот так запросто не рвет такие контакты, тем более на таком уровне, ибо это просто за пределами смысла, духа и логики разведывательной деятельности вообще. Между тем СИС в этом смысле до определенной степени — эталон, ибо она веками поддерживает всевозможные связи и контакты как с влиятельнейшими представителями правящих, так и оппозиционных кругов, не гнушаясь одновременно и отношениями с откровенными отбросами из разных стран.

Во-вторых, стыд — это и вовсе не по части Лондона, тем более что британская разведка по поручению своего же правительства всю Вторую мировую войну провела в безудержных сепаратных переговорах с нацистами об установлении сепаратного мира с Гитлером и ни разу не покраснела, даже тогда, когда откровенно

приторговывала территорией Франции, естественно, за спиной Парижа, или когда призывала Запад объединиться с Гитлером и уничтожить Россию (секретный меморандум У. Черчилля «Об объединенной Европе» 1942 г.). А тут, в условиях мира, в ситуации нормальных дипломатических и иных отношений, когда все руководство чуть ли не лобызается с дорогим Гитлером, и вдруг такой категорический приказ? К тому же следует учитывать, что поскольку Уинтерботэм занимал высокий пост в иерархии британской разведки, приказать ему могли только сверху, а, следовательно, там, наверху, прекрасно знали и о самом факте существования канала Уинтерботэм — Ропп, и что он из себя представляет, т. е. какие влиятельнейшие силы обоих государств он связывает, и, наконец, какая конкретно информация продвигается по этому каналу в обоих направлениях. И если тот же Лейт-Росс в силу своего официального статуса высокопоставленного дипломата Великобритании не мог выйти за рамки намека, то по каналу Уинтерботэм — Ропп в Берлин ушла вся информация без каких-либо экивоков, причем, судя по всему, буквально в преддверии встречи Лейт-Росса с Шахтом. Но как только процесс разгрома верхушки военного заговора в СССР обрел черты трагической необратимости, лавочка под названием «Уинтерботэм — Ропп» была немедленно прикрыта. Типичнейшее проявление «почерка» британской разведки в упреждение опасности расшифровки при проведении особо острых акций влияния. И это было для СИС тем более важно, если учесть, что канал этот обслуживал и правительство Великобритании, и британскую королевскую семью. Британская разведка приняла мудрое решение, особенно если принять во внимание, какие же глобальные геополитические задачи решались в ходе этой операции. В части, касающейся главной темы нашего исследования, следует прямо признать, что британская разведка добилась более чем внушительного результата. Посудите сами:

— в крайне выгодном для Великобритании свете раздут миф о «тайной миссии» Канделаки, перепугавший едва ли не всю Европу своим мифическим результатом — якобы не только сближением, но и соглашением между Гитлером и Сталиным, и тем самым предотвращена, во всяком случае на время, нормализация межгосударственных отношений Германии и СССР;

— на фоне мифа о «тайной миссии» Канделаки целенаправленными усилиями британской разведки завален заговор военных в СССР и умышленно создано ложное впечатление о якобы имеющей место прямой связи между этими событиями (она в действительности была, но не такая, как ее представляют: Тухачевский и К° опасались, что нормализация межгосударственных отношений между Германией и СССР сведет на нет шансы для их переворота, потому-то они и стали со второй половины 1936 г. торопить с переворотом), и одновременно нанесен сильный ущерб советской военной мощи, прежде всего в плане ее международного престижа, за счет чего была завалена и вся система перекрещивавшихся советско-французского и советско-чехословацкого договоров о взаимопомощи в отражении агрессий, а в итоге — расчищен путь к Мюнхенской сделке;

— вынужденный той же британской разведкой сообщить Сталину достоверную информацию о заговоре, Бенеш столь же вынужденно делает это в обстановке невероятного переплетения всевозможных слухов, домыслов и сплетен. Более того, апофеозом такой обстановки становится якобы «получение из Советского Союза» Гитлером сведений о заговоре, и с того момента, кто бы и что бы затем ни делал, все вынуждены вертеться вокруг этого несмываемого клейма на Гитлере;

— положено стратегическое начало к реальному разжиганию Второй мировой войны, в т. ч. начато реальное прорубание будущего мюнхенского «коридора»;

— созданы все необходимые предпосылки для того, чтобы как только Москва предпримет в ответ адекватные угрозе соответствующие меры по обеспечению своей собственной безопасности, незамедлительно развернуть кампанию протестов с прямыми обвинениями Советского Союза в пособничестве нацистскому диктатору и вообще разжиганию мировой войны. Что и произошло во всей своей британской «красе» после 23 августа 1939 г., в т. ч. и при существенном содействии «мемуаров» Кривицкого.

Великий русский историк В. О. Ключевский однажды очень изящно съязвил по поводу т. н. общественного мнения на Западе: *«На Западе каждая научная идея, каждое историческое впечатление при дрессировке ума и навыка превращается в убеждение, что в*

массе есть суеверие; причина — быстрое распространение, оборот идей». Вот именно это и происходит с «версиями по делу Тухачевского», начало чему было положено операцией британской разведки с «мемуарами» Кривицкого. Именно ими положено начало, в т. ч. и беспочвенной легенде о некой причастности нацистской разведки к «делу Тухачевского». Однако, как уже было установлено выше, ни нацистская верхушка вообще, ни особенно руководство нацистской разведки, прежде всего сам начальник РСХА Р. Гейдрих, тут ни при чем.

Тогда каким же образом, спрашивается, еще «Кривицкий» умудрился приплести к этому делу гестапо? В том-то все и дело, что его «литературный негр» — Исаак (Айзек) Дон-Левин приплел гестапо, что называется, до кучи: на фоне краткого упоминания дела о похищении советской разведкой генерала Миллера в Париже в одну кучу свалены и гестапо, и белоэмигрантские организации, и генерал Скоблин, и кружок А. И. Гучкова, и дочь последнего, и т. д. А это, между прочим, один из серьезнейших проколов британской разведки, который также почему-то никогда не привлекал внимания исследователей.

Начнем с генерала Скоблина — он же агент советской внешней разведки под псевдонимом «Фермер» (ранее «ЕЖ-13»). Но Николай Скоблин никогда не состоял в агентурных отношениях с нацистской разведкой и уж тем более никогда не был агентом-двойником. Это был честный и искренний патриот России, высокопрофессиональный разведчик — в Российском Общевоинском Союзе Скоблин сам возглавлял всю разведку и контрразведку, — который внес громадный вклад в обеспечение государственной безопасности СССР. Первой же о якобы имевшей место причастности нацистских спецслужб к похищению генерала Миллера из Парижа заговорила сама французская пресса прямо по «горячим следам». Причем мотивировка у французских газетчиков была на редкость примитивной — мол, генерал Миллер не проявлял должного рвения и почтения к Гитлеру, что, естественно, не могло не повлиять на его судьбу. Затем масла в огонь подлил большой «охотник до журнальной драки» Владимир Бурцев. В своих интеллектуальных пассажах на эту тему он ни на йоту не превзошел французских коллег по перу и тоже обвинил в похищении нацистов. Усмотрев в такой неожиданной на первой взгляд

реакции французской и вообще зарубежной, в т. ч. и эмигрантской, прессы хорошую возможность начисто откреститься даже от тени намек на подозрения в свой адрес, некие «светлые головы» в лубянской разведке с санкции Ежова опубликовали в «Правде» статейку, в которой и вовсе объявили Скоблина агентом гестапо. Легенда о Скоблине — агенте гестапо — с того момента зажила своей автономной, до сих пор продолжающейся жизнью. Глупейшая, конечно, ситуация — честный агент, искренне и очень плодотворно сотрудничавший с советской разведкой, ни за что угодил в агенты гестапо. Однако у британской разведки был свой резон педалировать тему «Скоблин как агент гестапо», а следовательно, и «источник» подложного компромата на советских вояк. Это позволяло ей скрыть наличие у нее самой солидного досье как на советских заговорщиков, так и на самого Скоблина.

Во-первых, дело в том, что как руководитель разведки и контрразведки РОВС Скоблин действительно контактировал (по долгу службы) с представителями различных европейских спецслужб, в чем и была одна из главнейших непреходящих его ценностей как агента. Естественно, что СИС об этом знала.

Во-вторых, от внимания британской разведки не ускользнуло, что когда ранней весной 1936 г. Тухачевский, возвращаясь с похорон британского короля Георга V, завернул по пути в Москву еще и в Берлин, где встречался с германскими единомышленниками — рейхсверовскими генералами, а также с представителями белоэмигрантских кругов, то там же оказался и генерал Скоблин. Добытую информацию об этих встречах и содержании бесед Тухачевского Скоблин передал через германское коммунистическое подполье — члена КПГ Блимеля — в советское посольство. Очевидно, информация была настолько «горячей», что Скоблин не стал дожидаться возвращения в Париж, где у него была постоянная связь с советской разведкой. И столь же очевидно, что факт его контакта с представителями коммунистического подполья не остался незамеченным со стороны гестапо. Между тем в ближайших друзьях самого начальника РСХА Рейнгарда Гейдриха ходил один из наиболее эффективно действовавших в Германии того времени британских разведчиков, «журналист» по прикритию — Батлер. Естественно, что поскольку визит в Берлин такого лица, как Тухачевский, оказался в

центре внимания британской разведки, то совершенно не исключено, что в том числе и по каналу Гейдрих — Батлер Лондону стало известно и о высказываниях Тухачевского, и о том, что там был Скоблин, и, естественно, что он имел контакт с представителями коммунистического подполья, которые вслед за этим что-то сообщили в советское посольство.

В-третьих, полностью значение всей информации о Скоблине британская разведка осознала чуть позже — в конце лета 1936 г. Дело в том, что 12 июля 1936 г. британская разведка зафиксировала факт конфиденциальной встречи в доме одного из членов палаты общин британского парламента советского военного атташе в Великобритании К. Путны и генерала Скоблина. Путна в то время по указанию Тухачевского продолжал налаживать контакты с наиболее влиятельными кругами белой эмиграции. А в августе 1936 г. Путна уже был арестован. Чуть позднее, уже в феврале 1937 г., окружным путем — через чехословацкую военную разведку в Риге — британская разведка получила сведения о том, что Путна признан виновным в сговоре с германскими офицерами. Элементарное сопоставление всех фактов привело британскую разведку к единственному и верному выводу о том, что Скоблин — агент советской разведки. Когда же его имя всплыло в связи с похищением генерала Миллера, когда вся европейская, в т. ч. и белоэмигрантская пресса буквально с ходу завывала о причастности гитлеровских спецслужб к этому делу, стало очевидным, что Скоблин бесследно сгинул из поля зрения (последним его видел советский резидент в Испании и в скором будущем беглый предатель А. Орлов-Фельдбин, у которого оказалось даже золотое кольцо Скоблина — с убитого, что ли, снял?). Не воспользоваться такой уникальной ситуацией в своих интересах было бы актом отпетой глупости, на что СИС никогда не претендовала. И потому в оборот была запущена легенда о Скоблине, как о двойном агенте НКВД и гестапо, ибо это позволяло ей скрыть свою причастность к провалу заговора военных.

Теперь о наиболее убойном «гвозде» обеих «версий» Кривицкого — якобы имевшей место причастности гестапо к сотворению подложного компромата на Тухачевского и его подельников.

Сразу надо подчеркнуть, что поскольку речь идет о «версиях» Кривицкого, являющихся как бы «основоположниками» всей этой лжи,

то в рамках этой главы будут затронуты только те аспекты, которые относятся к подоплеке истории происхождения этого мифа. Все остальное будет исследовано в связи с «мемуарами» Шелленберга — очередным «творением» британской разведки на эту же тему.

Еще в первой главе подчеркивалось, что «почерк» разведки при проведении операции — это родовое проклятье, ибо рано или поздно он непременно подведет. Именно это и случилось с т. н. «причастностью гестапо» к «делу Тухачевского» — потому как в который раз англичане прибегли к веками возлюбленному ими методу «Амальгамы».

Правда, если в отношении того же Скоблина этот метод сработал фактически в автоматическом режиме, то вот с «причастностью гестапо» дело обстоит чуточку сложнее. Дело в том, что весной 1937 г. имел место один факт, предшествовавший и особенно последовавший фон свершения которого позволил британской разведке целенаправленно привязать к этой истории еще и гестапо. И вот что характерно — даже спустя много десятилетий британская разведка по-прежнему «держала марку» по этому вопросу, вынудив перо профессора Лондонской школы экономических и политических наук Дональда Камерона Уотта вывести следующее: «Как бы ни развивались события на деле, чехословацкий источник свидетельствует о повторении в начале апреля (1937 г. — *А.М.*) сообщений о германо-советских контактах (речь идет о «миссии» Канделаки». - *А.М.*), что побудило посла Польши в Германии Ю. Липского обратиться за разъяснениями к К. Нейрату, а итальянского посла в Советском Союзе Россо — к Шулленбургу. Об этом же также сообщали послы разных стран. Эти донесения совпадали с действиями Геринга, который 7 апреля встретился в Берлине с Мастны. Содержание их беседы неизвестно, но Мастны немедленно выехал в Прагу, где 17 апреля был принят Бенешем. Президент Чехословакии направил сразу же главу чехословацкой тайной полиции К. Новака в Берлин, где он встретился с ведущей фигурой СД Мюллером.

Бенеш, получив информацию от Мастны, в период с 22 апреля по 7 мая имел четыре встречи с послом СССР. В них принял участие Крофт. На первой встрече Александровский отверг сообщение чехословацкой стороны как абсурдное. Но затем показанное досье

поколебало его позиции. Видимо, это сыграло какую-то роль в том, что запрос МИДу Великобритании о выдаче визы Тухачевскому для поездки на коронацию Георга VI был отменен 4 мая. В качестве причины была названа болезнь Тухачевского».

Ничего не утверждая категорически и конкретно (попутно отметим, что многое перепутав), профессор как бы ненавязчиво выстраивает не имеющие друг к другу отношения события в один ряд и исподволь принуждает любого читающего к априорному восприятию всего этого «варева», как якобы имевшей место глубинной причинно-следственной связи между событиями. Ничего не подозревающий об элементарном подлоге читатель уже с третьего после только что процитированного абзаца начинает со следующих слов профессора: «Материал, который СД и Бенеш снабдили Сталина...» Ничего не утверждая и не объясняя, тем не менее утверждается, что-де «снабдили Сталина»...

Обратимся к британскому сборнику документов под названием «Germany and Czechoslovakia 1937–1938». На странице 40 читаем: «Прошлой весной, когда он (речь идет о весне 1937 г., он — это Бенеш. - *А.М.*) услышал об эмигрантском плане организации тайных убийств, он предложил чехословацкой полиции сотрудничать с немецкой полицией (гестапо)...» Это выдержка из донесения германского посланника в Праге Эйзенлора весной 1938 г.

А на странице 33 того же сборника с еще большим удивлением обнаруживаем, что никакой внезапности в тех контактах между чехословацкой и германской полициями не было. Тот же В. Мастны, по утверждению чиновников МИДа Германии, тогда же, в 1937 г., добросовестно настаивал перед руководством Чехословакии на удовлетворении просьбы германской полиции об установлении связи между ней и чехословацкими коллегами, вследствие чего два высших чиновника чехословацкой полиции все-таки приехали в Берлин. Причем, ссылаясь на самого Мастны, германские дипломаты подчеркивали, что чехословацкий посол добивался этого в течение нескольких месяцев. Элементарная проверка и весь этот «профессорский ряд» рухнул, как карточный домик. Ведь причина этих контактов была в следующем.

Во-первых, Бенеш был крайне озабочен в то время резко усилившейся активностью троцкистов в Чехословакии. И не потому,

что на том настаивал Сталин, как это пытаются многие представить со ссылками на беглых предателей Рейсса и Кривицкого, а потому, что деятельность троцкистов резко осложняла и без того до крайности сложные отношения Праги с Берлином. Именно весной 1937 г. озабоченность Бенеша по противодействию троцкистам в Чехословакии сконцентрировалась на деле Антона Грилевича, который, спасаясь от нацистов, еще в 1933 г. бежал из Германии и обосновался в Праге. Грилевич руководил издательством, выпускавшим книги Троцкого, был официальным издателем «Бюллетеня оппозиции» и редактором журнала «Перманентная революция», органа немецких сторонников ГУ Интернационала (троцкистского. — А.М.). Пропагандистская деятельность возглавляемых Грилевичем троцкистов в Чехословакии вызывала резкое недовольство со стороны германских властей, т. к. своим острием она была направлена против Германии и нацистов. Вынужденный считаться с мощным и агрессивным западным соседом Бенеш, чтобы не дать повода нацистам вмешаться во внутренние дела Чехословакии, инициировал уголовное преследование Грилевича и в связи с этим приказал чехословацкой полиции вступить в контакт с германской полицией (именно полицией, которая — в 1937 г. — по факту структуры карательных органов Третьего рейха входила в состав гестапо) в целях получения необходимых материалов для выдворения Грилевича из страны. Это тем более объяснимо, если учесть, что штаб-квартира «Интерпола» тогда находилась в Берлине. В конце концов, продержав несколько месяцев под арестом, Грилевича выдворили в Австрию.

Во-вторых, по агентурным каналам своих спецслужб Бенешу стало известно, что Организация Украинских Националистов (ОУН) разработала план осуществления ряда политических убийств с тем, чтобы добиться создания т. н. Закарпатской Украинской Республики. Бенеш попал в трудное положение: с одной стороны, ОУН всегда пользовалась мощной поддержкой Чехословакии, где она и была создана, в т. ч. и поддержкой лично Бенеша. С другой — после того как еще 15 июня 1934 г. боевики ОУН по приказу абвера убили польского министра внутренних дел Бронислава Перацкого (который был категорически против гитлеровских притязаний на Данциг и данцигский «коридор»), а убийца — Мацейко — при помощи

чехословацкой полиции укрылся в Чехословакии, Бенеш вынужден был отдать приказ о разгроме структур ОУН в стране (тогда были захвачены явки, множество документов, лица, причастные к ОУН). С тех пор отношения резко ухудшились — вышедшая из-под контроля Праги ОУН при поддержке своих новых хозяев в лице абвера нагнала не под дням, а по часам. Однако управу на них можно было найти, только контактируя с германскими властями, на содержании которых и находилась тогда ОУН. Для Бенеша борьба с ОУН была тем более важна, что украинские националисты откровенно посягали на суверенитет и территориальную целостность Чехословацкой республики, президентом которой он являлся. Территории, на которые зарились оуновцы, входили тогда в состав Чехословакии. Германские же власти предлагали контакт между полициями двух стран в рамках того самого зондажного политического флирта осени 1936-го — начала 1937 г., о котором говорилось выше.

Все это имело смысл для Бенеша еще и потому, что над ним как дамоклов меч висела еще и проблема судетских немцев, также требовавших самоопределения и присоединения к нацистской Германии. Пронацистские организации судетских немцев не отличались спокойным нравом и, подстегиваемые из Берлина, все чаще шли на острые, в т. ч. и террористические мероприятия.

В каком-то смысле понять Бенеша можно и нужно — два мощных сепаратистских движения, управляемых из одного центра (Германии), да еще и резко антигерманская деятельность троцкистов для его маленького государства — это чересчур. Не говоря уже о периодически вспыхивавших т. н. шпионских скандалах между Прагой и Берлином, в т. ч. и при участии советской агентуры. Все это в определенной степени действительно требовало официальных контактов с германской полицией. Короче говоря, все это свидетельствует о том, что профессор Уотт, как и за пять с лишним десятилетий до него его же коллеги, попросту соврал. Но соврал, четко подстроившись под точно известный и достоверный факт — между чехословацкой и советской военными разведками действовало соглашение о сотрудничестве, в рамках которого происходил обмен разведывательной информацией, вот откуда корни этого самого «снабдили Сталина»...

А теперь настал черед «кружка Гучкова», или, как его обозвал наш «мемуарист», «питательной среды», в которой до кондиции доводились родившиеся в гестапо доказательства вины вояк, впрочем, лучше уж процитировать этот бред сивой кобылы: «Скоблин был главным источником «доказательств», собранных Сталиным против командного состава Красной Армии. Это были «доказательства», родившиеся в гестапо и проходившие через «питательную среду» кружка Гучкова в качестве допинга для организации Миллера, откуда они попадали в сверхсекретное досье Сталина».

Несмотря на то что это и в самом деле бред, анализировать придется на полном серьезе, ибо «кружок Гучкова» «мемуарист» зря приплел: во-первых, потому, что Скоблин никогда не был секретарем «кружка Гучкова», во-вторых, потому, что «кружок Гучкова», как, впрочем, и в первую очередь сам Александр Иванович, — это полностью подконтрольное британской разведке явление. Дело в том, что Гучков еще до февраля 1917 г. активно контактировал с британской разведкой при подготовке т. н. «февральской революции». С тех самых пор Гучков и числился в анналах британской разведки как информирующий агент влияния, а оказавшись в эмиграции, вообще скатился до банального шпионажа в пользу тех же бритов. «Кружок Гучкова» — наглядный пример действий британской разведки чужими руками, с чужого плацдарма и под чужим же флагом. Еще в самом начале своего эмигрантского периода по указанию британской разведки он связался с германскими разведслужбами и через них пытался протолкнуть один из планов Великобритании по организации вооруженного похода против Советской России. И делал это настолько бойко, что умудрился попасть в поле зрения французской контрразведки!

В 1923 г. именно через этот «кружок Гучкова» небезызвестный бес «перманентной революции» Лев Давидович Троцкий якобы пытался сговориться с Польшей о пропуске частей Красной армии на помощь германской революции. Однако, как тогда же абсолютно точно установила советская военная разведка, вся информация уходила прямоком британской разведке. Отчего Верховный Совет Антанты был полностью в курсе того, что в Москве замышлялось в связи с «германским октябрём». Вот в такой ипостаси А. И. Гучков и пробыл до самой своей смерти в 1936 г.

В-третьих, несмотря на то что внутри кружка Гучкова и впрямь имелся агент советской разведки — родная дочь самого Гучкова, Ариадна (Вера) Гучкова, по второму мужу Трэйл, — именно в 1936–1937 гг. она находилась в СССР и, соответственно, ничего существенного непосредственно из «кружка» своего папаши добыть не могла, тем более что со смертью в 1936 г. Гучкова и сам «кружок» приказал долго жить. А ведь именно на нее «мемуарист» более всего-то и тыкал пальцем.

И что в итоге осталось? Одна ложь и амальгама, амальгама и ложь. А ведь едва ли не весь мир поверил лжи за подписью «мемуариста» Кривицкого.

Постскриптум

В 9 часов 30 минут по вашингтонскому времени 10 февраля 1941 г. в антураже малоубедительного самоубийства в № 532 вашингтонского отеля «Бельвю» был обнаружен труп «мемуариста» Кривицкого. «Самоубийца» и впрямь попался какой-то малоубедительный: выстрелив себе в упор в висок из пистолета 38-го калибра и пробив навылет собственный череп, «самоубийца», оказывается, прежде, чем окончательно испустить дух, успел ликвидировать какие бы то ни было отпечатки пальцев на пистолете, попутно заляпав его рукоять отдельными пятнами крови, затем пошарить по полу, найти пулю и удалить ее из номера, а затем снять туфли и спокойно улечься на не застеленную кровать.

Самое любопытное в этом «самоубийстве» это то, что накануне совершенно в бодром расположении духа будущий «самоубийца» приобрел именно такой пистолет 38-го калибра и разрывные пули. Между тем на тот свет «мемуарист» отправился при помощи обыкновенной пули. Ведь если бы он выстрелил в висок разрывной пулей, то ему снесло бы полчерепа, чего в протоколе осмотра места происшествия за подписью инспектора полиции Бернарда В. Томпсона нет. Ну а раз так, то и вывод иной: не отправился, а был отправлен на тот свет. Причем не советской разведкой, потому как и во-первых, наблюдение за Кривицким, как уже отмечалось выше, было снято по

распоряжению Л. П. Берии еще 11 февраля 1939 г. и с тех пор не возобновлялось.

Во-вторых, в связи с публикацией его «мемуаров» советская разведка вынуждена была срочно свернуть деятельность как «легальной», так и мощной нелегальной резидентуры во главе с прославленным асом нелегальной разведки Исхаком Абдуловичем Ахмеровым и его заместителем Норманом Бородиным. Дело в том, что в «мемуарах» на фоне обвинений в подрывной деятельности против США фигурировала ближайшая родня Ахмерова — руководящий деятель компартии США Эрл Браудер. В соответствии с элементарными правилами конспирации и безопасности нелегалов, по указанию руководства разведки Ахмеров и Бородин в срочном порядке вынуждены были покинуть США, законсервировав мощнейший агентурный аппарат, которым была плотно обложена вся администрация США.

Так что представлять «длинную руку Москвы» или попросту Лубянки было некому. Даже из Москвы послать было некого — один из самых опытных разведчиков-диверсантов, высококлассный профессионал по части особо острых мероприятий, знаменитый и легендарный Яков Серебрянский оказался под следствием, причем именно из-за предательства Кривицкого.

Приняв все это во внимание, учтем также и следующее:

во-первых, что со 2 сентября 1939 г. Кривицкий уже официально находился в контакте с представителями британской разведки в США — работу с ним вела резидентура МИ-6 в Вашингтоне и нью-йоркский разведывательный центр МИ-6;

во-вторых, что кроме британских разведчиков, а также Комиссии Конгресса США по расследованию подрывной деятельности, где он должен был выступить в очередной раз (выступление как раз и было назначено на 10 февраля 1941 г.), никто не знал его точного адреса места жительства, и тем более факта его предстоящего прибытия в Вашингтон;

в-третьих, что незадолго до самоубийства «мемуарист» получил письмо от какого-то знакомого, который еще в 1938 г. помог ему в Старом Свете после предательства и побега, в котором сей «доброжелатель» предупредил, что в Нью-Йорке объявился один из бывших сотрудников Кривицкого, который, как впоследствии обычно

очень глубокомысленно подчеркивала «вся прогрессивная печать», прибыл с «несомненным заданием» свести счеты с бывшим «шефом»;

в-четвертых, что все это по совокупности поневоле вынуждает обратить внимание именно на британскую разведку, ибо только она точно знала, кто и чем помог «мемуаристу» в момент предательства и бегства;

в-пятых, что весь антураж «самоубийства» — от письма с предупреждением, незафиксированное™ какого бы то ни было шума от выстрела при очень тонких стенах в отеле, наличия приоткрытого окна, на что полиция вообще не обратила никакого внимания до исчезновения пули и отсутствия отпечатков пальцев, — явно свидетельствует о чьем-то очень уж сильном желании навести все подозрения на Лубянку, то, очевидно, вряд ли найдутся основания, чтобы сомневаться в том, что перед нами «почерк» британской разведки в «чисто английском убийстве».

Все было сделано так, чтобы кто угодно поверил в «длинную руку НКВД и Москвы», якобы инсценировавшей самоубийство. Что и произошло со всей той неминуемой обреченностью, которая и была запланирована. *Инсценировка самоубийства при ликвидации неугодных лиц — один из излюбленных, приемов британской разведки на протяжении веков. Она неоднократно прибегала к нему даже в конце XX века, в т. ч. и в отношении советских граждан. Так, по данным бывшего чрезвычайного и полномочного посла СССР в Великобритании В. И. Попова, за те шесть лет, которые он в 80-х годах прошлого столетия возглавлял посольство, три сотрудника советских учреждений в Англии покончили жизнь самоубийством. Однако, как показало патологоанатомическое исследование, проведенное по настоянию КГБ СССР, двое из них были отравлены, а одна — женщина — была доведена до невменяемости специальными психотропными препаратами до самоубийства. В свою очередь, предпринятая резидентурой КГБ в Лондоне проверка показала, что все трое встречались с представителями британских спецслужб.*

Настоящее же имя убийцы Вальтера Германовича Кривицкого (Самуила Гершевича Гинзбурга) — **Уильям Стефенсон**, ближайший друг Уинстона Черчилля, канадский миллионер, бизнесмен, глава британского координационного центра по безопасности (представительство британской разведки в США в годы Второй

мировой войны), размещавшегося в Эмпайр Стэйт Билдинг в Нью-Йорке. Именно он, Уильям Стефенсон по кличке «Бесстрашный», при содействии одного из ведущих «мастеров» резидентуры МИ-6 в Нью-Йорке по документальным фальсификациям — Х. Монтгомери Хайда — организовал убийство Кривицкого и инсценировку под самоубийство.

Операция, которую они провели, не слишком отличалась интеллектуальным изыском. За месяц до убийства направили ему подложное письмо, которое затравленный страхом предатель показал ближайшему окружению (после смерти его письмо стало главным доказательством того, что «длинная рука НКВД» дотянулась до предателя и за океаном). А затем, дождавшись очередного вызова предателя для допроса в Комиссии Конгресса, убили его в номере гостиницы, используя пистолет с глушителем, забрали пулю и через окно улизнули (или же приоткрыли окно для отвода глаз, а сами вышли через дверь). Все было сделано именно так, чтобы представить случившееся как сомнительное самоубийство, которое потому сомнительное, что, оказывается, его уже предупреждали о грозящей опасности, а убит он был прямо перед дачей показаний, что должно было и, естественно, тут же и навело на мысль, что тем самым ему хотели помешать выступить в Комиссии Конгресса. Но поскольку он был предателем из советской разведки, то кто в этот момент, по логике вещей, мог быть больше всех заинтересован в его убийстве? Конечно, НКВД — на то и был направлен весь намек.

Следует также отметить, что У. Стефенсон и Х. Монтгомери Хайд не гнушались даже тем, чтобы подложными документами и откровенной фальсификацией дурачить самого президента Рузвельта (знаменитое дело о «боливийской фальшивке»). Так что в отношении какого-то там переставшего быть нужным предателя и вовсе не задумывались. Уильям Стефенсон отличался склонностью к особо резким действиям, в числе которых убийства были для него вполне обыденным делом. Его методы всерьез раздражали директора ФБР Эдгара Гувера, поскольку Стефенсон не считал нужным хоть как-то согласовывать свои действия на территории США с американской полицией, что нарушало положения англо-американского соглашения о сотрудничестве спецслужб. Однако «Бесстрашному» на все это было наплевать, ибо он пользовался мощнейшей поддержкой

влиятельнейшего в Вашингтоне тех времен Уильяма Донована — впоследствии создателя Управления Стратегических Служб (УСС), предтечи ЦРУ. Именно поэтому, едва ли не с поличным хватая У. Стефенсона и его людей на различного рода преступлениях, глава ФБР Гувер вынужден был тут же пресекать любые попытки какого бы то ни было подобия тщательного полицейского расследования. Абсолютно точно так же произошло и при расследовании «самоубийства» Кривицкого: упоминавшийся выше инспектор полиции Бернارد В. Томпсон едва ли не с порога заявил, что это самоубийство и что это сомнений не вызывает.

Ну и, наконец, последний вопрос — а в чем же был смысл ликвидации Кривицкого непосредственно для британской разведки?

Во-первых, все, что было возможно выжать из этого беглого предателя, МИ-6 выжала: от «мемуаров» до сотрудников и агентуры советской разведки.

Во-вторых, и это самое главное — своими показаниями в Комиссии Конгресса Кривицкий мог нанести серьезный ущерб политическим интересам официального Лондона и оперативным интересам самой МИ-6. Прежде всего потому, что при всей «дружбе» с США ни британское правительство, ни, тем более, МИ-6 не считали нужным делиться с американцами какой-либо информацией. Более того, ничего толком не ведавший, что же понаписал от его имени «литературный негр» Исаак Дон-Левин, на допросах в Комиссии Конгресса Кривицкий мог всерьез проговориться, потому как члены Комиссии разрабатывали свои вопросы к нему, опираясь на его же «мемуары». И вся эта неприглядная история с изданием «мемуаров», как акции британской разведки по оказанию влияния на администрацию США и лично Рузвельта в целях втягивания Америки в войну на стороне Великобритании, могла выплыть наружу с самыми непредсказуемыми для Лондона последствиями негативного характера.

Между тем единственное, что в тот момент нужно было Великобритании и чем в первую очередь и занимался У. Стефенсон — это поскорее втянуть США в войну против Германии на своей стороне, потому как Великобритания медленно, но верно шла к своей гибели в результате тотальной подводной войны, организованной

гитлеровским подводным флотом: к весне 1941 г. на дне морском покоилась уже почти половина тоннажа британского торгового флота.

Именно поэтому беглому предателю и была отведена последняя роль — фактом своей смерти дать еще одно «убедительное» свидетельство того, что «демократия ведет смертельный бой с фашизмом» и гибнут ее люди, и потому долг США встать на сторону «демократии», т. е. Великобритании.

Великобритания в тот момент уже знала о «плане Барбаросса», а с лета 1940 г. по прямому указанию лично У. Черчилля вся британская разведка делала все возможное, чтобы поскорее разжечь общемировое пожарище войны (приказ У. Черчилля от 22 июля 1940 г.). А в таких интригах уже выжатый как лимон беглый предатель мог сильно повредить своими показаниями.

Но ни «мемуарами», ни своей смертью Кривицкий особой пользы не принес — Рузвельт был Рузвельтом, и вплоть до Пёрл-Харбора Америка оставалась нейтральной.

Ну вот, пожалуй, и все, что можно сказать о «деле Тухачевского» через призму операции британской разведки «Мемуары Кривицкого».

Глава II

«Мемуары» из могилы

«PERFIDE ALBION!» («Коварный Альбион»)

*Любимое изречение Фридриха II Великого,
короля Пруссии.*

«Узкая специализация в широком смысле слова приводит к широкой идиотизации в узком смысле слова»^[23]

Имея за плечами результаты предыдущего анализа, установить, что через 17 лет после операции «Мемуары Кривицкого» МИ-6 вновь допустила просчет — дело несложное.

Кривицкий не ведал ни того, что он «написал» в своих «мемуарах», и ни о шумихе, поднятой вокруг них. Но и Вальтер Шелленберг — бывший глава нацистской внешнеполитической разведки — также не знал, что же вышло в свет за его подписью, а уж о поднятой вокруг его «воспоминаний» шумихе и вовсе был лишен возможности догадываться. Ведь к моменту их выхода в свет — а произошло это в августе 1956 г. в Великобритании на английском языке — Шелленберг уже четыре с лишним года как пребывал в могиле!

Так же, как и Кривицкий, нацистский экс-обер-шпион отправился на тот свет при прямом участии британской разведки — это произошло 31 марта 1952 г. в клинике Форнака, что была в итальянском городе Турине. И что характерно, так же, как и Кривицкий, Шелленберг всего лишь за месяц до кончины тоже жаловался на слежку, установленную за ним британской разведкой.

Ни в том, ни в другом случае советская разведка никакого отношения к их смерти не имела. Тем не менее в обоих случаях англичане «выдержали марку»: если в отношении «самоубийства» Кривицкого до сих пор ходят совершенно беспочвенные слухи о якобы причастности к этому НКВД, то в отношении Шелленберга достоверно

известно, что он скончался именно тогда, когда МИ-6 в очередной раз просаботировала настойчивое требование советской разведки предоставить наконец возможность допросить экс-шефа нацистской внешнеполитической разведки. Но тут того свалил-таки «ураганный рак печени...»

Самое интересное в медицинской части смерти Шелленберга заключается в том, что практически сразу же после войны англичане принялись активно его травить — находясь под арестом как военнопленный, он неоднократно на это жаловался. Более того, получив на удивление небольшой срок, Шелленберг еще в тюрьме едва не умер, пока его допрашивали американцы, — достоверно известно, что именно этого более всего и не хотели в британской разведке. Американские доктора поставили его тогда на ноги, и более или менее здоровым он вышел на свободу, однако менее чем через год англичане добились его. Конечно, сожалеть о кончине, пусть даже и преждевременной, одного из руководителей СД и СС, объявленных Нюрнбергским трибуналом преступными организациями, не приходится. Но все же, каковы англичане — чуть ли не всю войну вели с Шелленбергом сепаратные переговоры, а в дни мира прикончили его. Но ведь именно потому и прикончили в дни мира, что в это время он уже не нужен был: все, что можно было, из него выжали, а если он вдруг попадет в руки к русским, то возможны дополнительные осложнения!

Так что если тот же Кривицкий успел под конец жизни увидеть свои «мемуары», то Шелленбергу этого не было дано. Хотя и он в действительности никаких мемуаров не писал, не редактировал, названия им не давал, а, соответственно, и не менял, и уж тем более сам лично ничего не издавал. Все, что он успел якобы написать с середины мая 1945 г. — свыше 1000 рукописных страниц, — это всего лишь черновые записи адресованного британской разведке «отчетного доклада» по передаче «бесценного опыта» ведения разведывательно-подрывной деятельности, в т. ч. и особенно против СССР. Причем в основу «мемуаров» Шелленберга была положена его детальная, многостраничная автобиография, собственноручно написанная им по требованию британской разведки еще в период пребывания в плену. Между тем даже сами сотрудники МИ-6 (например, высокопоставленный и высококвалифицированный разведчик,

политолог и историк Хью Тревор-Роупер) еще в конце 40-х годов XX века считали, что эта автобиография **«не может быть использована как беспристрастный источник свидетельств»**.

К автобиографии были добавлены собственноручные показания Шелленберга на допросах, а на основе всего этого и были созданы «мемуары». Собственно говоря, именно поэтому «рукопись», попавшая в руки английского издателя, «находилась» в полном беспорядке. Но разве мог генетически педантичный и аккуратный немец, к тому же прошедший школу в спецслужбах Третьего рейха, столь бессистемно и хаотично излагать на бумаге свои мысли? Такое могло случиться только в одном случае — когда материал был понадерган из разных протоколов допросов и собственноручных докладов Шелленберга. Вот почему все то, что хорошо известно под названием «Лабиринт», есть не что иное, как результат тотальной перекройки и переделки этих «черновиков» в сочетании с крупномасштабными купюрами особо опасных для Великобритании и ее разведки мест. В результате разница между теми, настоящими, записями Шелленберга и тем, что в итоге было опубликовано, — принципиальна!

Если вкратце резюмировать вышесказанное, то налицо вновь факт широкомасштабного использования «литературных нефов». То есть все точно так же, как и в операции «Мемуары Кривицкого».

Тем не менее необходимо воздать должное МИ-6 — там прекрасно осознавали, что от «почерка» никуда не денешься. А потому на удивление вызывающе, прямо в предисловии к «мемуарам» признано, что все то, что опубликовано под названием «Лабиринт», не есть нечто аутентичное черновым записям самого Шелленберга. Более того, не менее вызывающе продемонстрирована и «технология» подготовки черновиков к изданию в статусе «мемуаров». Расчет оказался точным — мало того, что никто на это не обращает внимания, так ведь еще и без малого полвека гуляющая по свету фальшивка едва ли не сразу обрела статус практически априорно достоверной: нет ни одного исследования по тому же «делу Тухачевского», где бы она не занимала лидирующее место во всей их доказательной базе! И это при условии, что еще за восемь лет до превращения показаний Шелленберга в «мемуары» в самой МИ-6 считали, что ни сам экс-

обер-шпион, ни, тем более, его записки не могут быть использованы как беспристрастный источник.

Однажды, говоря об ответственности историков, Вольтер заметил, что «историк, который, дабы угодить какой-нибудь могущественной семье, хвалит тирана - трус, историк, намеревающийся запятнать имя доброго государя, — чудовище, сочинитель романов, выдающий свои выдумки за правду, — презрен».

А почему, собственно говоря, этому точному расчету не сработать, если без малого полвека в поле зрения исследователей не попадают, например, следующие обстоятельства.

Во-первых, первоначальным названием этой фальшивки было «Мемуары Шелленберга». Однако же ни один автор в мире в своих собственных, оригинальных, собственноручно изложенных письменных воспоминаниях не будет говорить о себе в названии собственной же книги в третьем лице. Как минимум должно было бы быть название «Мои воспоминания», а уж в подзаголовке вполне уместны разъяснения о том, чьи это воспоминания и о чем. Правда, следует отдать должное МИ-6, точнее Управлению специальных операций МИ-6, быстро сообразившему, что под таким (первоначальным) названием «мемуары» выйти не должны. Однако же, сменив название на нейтральное «Лабиринт», «сделали как всегда» потому, что название из одного, как пуля, стремительно врывающегося в сознание слова — характернейшая и типичнейшая черта всех особо важных пропагандистских «трудов» британской разведки на протяжении столетий: «Капитал», «Овод», «Лабиринт», «КГБ», «Ледокол» и т. д.

...Написанным агентом глобального интеллектуального влияния британской разведки Карлом Марксом «Капиталом» взорвали все человечество, которое практически полтора века провело в борьбе со всякими интернационалами и самоунизительными попытками избавиться от последствий этого взрыва. В оперативном подчинении Карл Маркс находился лично у британского премьер-министра Пальмерстона, который руководил им через особо доверенных лиц из числа масонов — куратором с этой стороны был знаменитый Джузеппе Мадзини, а также через сотрудников разведки — оперативный куратор Фридрих Энгельс и т. н. «интеллектуальный»

куратор Дэвид Эккарт. Кстати, Сталин прекрасно знал об этой темной стороне происхождения марксизма — учения, которое «всесильно, потому что верно», и потому еще до войны неоднократно говорил советским ученым, что если они «на все вопросы будут искать ответы у Маркса, то попросту пропадут».

«Овод» — «евангелие» молодежного и международного терроризма, воспевающее откровенных бандитов, находившихся на службе лично у премьер-министра Великобритании Пальмерстона. Эта книга совратила с пути созидания не одно поколение молодежи в мире. А ведь, казалось бы, хрупкая женщина — Лилиан Войнич — писала об идеалах справедливости.

«КГБ» — особо острая акция массового пропагандистского влияния, осуществленная МИ-6 при активном использовании известного предателя Олега Гордиевского под занавес «холодной войны». Она нанесла очень серьезный урон престижу органов государственной безопасности нашей страны в переломный момент ее истории. Как известно, «технология» расправы с любым государством предусматривает оголтелые нападки «прогрессивной» или «демократической» общественности на органы безопасности, правопорядка и вооруженные силы в превентивном порядке.

«Ледокол» — мощнейшая акция консолидированного интеллектуального влияния в геополитическом противоборстве Запада с СССР (Россией). Огромные тиражи этой книги, особенно на русском языке, в самом буквальном смысле слова оболванили (именно в этом вся «соль» этой операции) сотни миллионов людей во всем мире, особенно в Восточной Европе и СССР. Она спровоцировала абсолютно ничем не мотивированный, однако же едва ли не абсолютный отказ общества от своей же собственной, к тому же недавней истории.

А сколько еще таких «трудов» рангом пониже!..

Во-вторых, тесно взаимосвязанное, а потому эффективное применение сразу целого комплекса «ударных технологий» с очень высоким КПД, ориентированных на использование в подготовке и проведении крупных акций пропагандистского влияния глобального порядка. «Коренником» в этом комплексе является триада:

— «технологии» легендирования обстоятельств появления (в т. ч. и у первого английского издателя) «черновой рукописи», позволяющей

весьма правдоподобно придать ей все необходимые черты объекта авторского права;

— «технологии» предотвращения утечки информации о подлинной природе происхождения «рукописи» за счет придания всем аффилированным с этим делом лицам статуса субъектов авторского права со всеми вытекающими отсюда позитивными для них финансовыми последствиями;

— «технологии» инициирования уникального эффекта якобы объективно имеющей место цепной реакции естественно взаимного самоподтверждения. Она сама по себе уже являет комплекс методов и соподчиненных «технологий», главными из которых являются:

а) безапелляционная спецредактура исходного материала до состояния откровенно телеграфного стиля изложения, благодаря чему образуется;

б) возможность не только быстрого издания на одном языке, но и столь же быстрого перевода на любые, особенно европейские языки;

в) совокупный основной «плюс» первых двух, выражающийся в кратком, сжатом, намертво вгрызающемся в память читательской аудитории лапидарном стиле, который гарантирует чрезвычайно быстрое продвижение продукта на глобальном рынке русофобской пропаганды, особенно в случае тотального подключения на итоговом этапе операции союзных и дружественных СМИ различных стран;

г) максимальный же эффект от такого «плюса» достигается весьма оригинальной тактикой подгадывания начала публикаций под наиболее адекватные цели операции (в т. ч. и достаточно точно прогнозируемые на ближайшее же будущее) действия противной стороны, что, в свою очередь, обеспечивается;

д) состоянием постоянной готовности к немедленному встраиванию сути своей пропагандистской фальшивки «в струю» смысла и духа заявлений и действий противника. Это приводит не только к успеху в инициации заранее просчитанной реакции якобы самоподтверждения, но и к фатальному отложению в памяти широких читательских масс сути самой фальшивки как якобы получившей совершенно объективное и независимое подтверждение даже из уст (из-под пера) такого антагониста, как сам противник, против которого и проводится вся акция;

е) и, наконец, тактика подгадывания, как правило, используется с тщательнейшим учетом особенностей национальной истории, национального психо-эмоционального восприятия «истин» различными по своему менталитету этноконфессиональными читательскими аудиториями.

И стоит лишь осведомленному обо всем этом читателю, к тому же не забывшему убийственного сарказма вывода Ключевского о «дрессировке ума и навыка общественного мнения на Западе», всего-то чуть-чуть повнимательней приглядеться к подоплеке появления фальшивок Кривицкого и Шелленберга, то и беглого анализа окажется вполне достаточно, чтобы убедиться в неизменности «почерка» британской разведки в подобных операциях.

А к какому выводу может и должен прийти любой исследователь, если, например:

— в обоих случаях совершенно идентичные по смыслу и духу начальные фазы операций:

а) Кривицкий начинал в Америке с элементарного нищенского прозябания и лишь в апреле 1939 г. «внезапно» обрел возможность получать по тем временам громадные гонорары — по 5000 долларов за каждую из пяти статей, опубликованных в «Саттердей ивнинг пост» (для сведения: доллар 1939 г. раз в 15 «тяжелее» современного), и лишь только после этого последовали и сами «мемуары», и также высокий «гонорар» за них;

б) Шелленберга и его жену также загнали в нищету — они едва-едва сводили концы с концами, и только после смерти экс-обер-шпиона его жена «продала» права на «рукопись», обрета определенную финансовую устойчивость;

— в обоих случаях совершенно идентичная в своей основе тактика легендирования и зашифровки причастности британской разведки к операциям:

а) в случае с Кривицким это осуществлялось практически сразу же после прибытия его в США методом «подвода» к нему Исаака (Айзека) Дон-Левина, который, как отмечают сами же западные, в т. ч. и британские историки (например, Брук Шепард в книге «Буреизвестники»), оказался **«нужным человеком в нужное время»**. После установления личного контакта с предателем, что было весьма нетрудно, ибо в чужой стране любому проявившему

любезность к тебе радуешься, Дон-Левин «разговорил» предателя и предложил ему опубликовать серию статей в американской прессе. Но поскольку Кривицкий не знал английского языка, Дон-Левин «по доброте душевной» предложил свои услуги и далее от имени предателя писал уже все то, что ему приказывали англичане;

б) супруга Шелленберга продала права на невесть откуда взявшиеся «черновики рукописи» своего мужа (якобы еще при его жизни нечто подобное заказывало какое-то швейцарское издательство. Какое — не ясно, как, впрочем, и то, а этому издательству что за интерес был?) не кому-нибудь, а западногерманскому журналу «Квик», в котором британская разведка тогда хозяйничала примерно так же, как и у себя в Лондоне, и якобы только после анонсных публикаций на страницах этого журнала «неких отрывков» из «воспоминаний» «некоего нацистского полковника Зет» о существовании «черновики рукописи» и узнали английские издатели (Андрэ Дейч и К°) и, соответственно, выкупили права на них.

То есть в обоих случаях совершенно отчетливо видна типичная схема разведывательного втягивания объекта в моральную и материальную зависимость от разведки при одновременном решении ряда иных, не менее важных вопросов легендирования, легализации и зашифровки.

В обоих случаях едва ли не драконовская спецредактура исходного «сырья»: и в случае с Кривицким — устные «сказания» беглого предателя, и в случае с Шелленбергом — хаотичные, бессистемные записи и отрывки, изначальные «материалы» подверглись такой спецредактуры, что по сути стали неузнаваемыми. Причем в случае с «мемуарами» Шелленберга доредактировались до того, что при каждом новом издании, тем более в переводе на другой язык, получалось нечто совершенно иное. Это хорошо видно на примере простого сопоставления названий и подзаголовков одной и той же, более всего нас интересующей главы (о «деле Тухачевского») на английском и немецком языках, естественно, в переводе на русский язык:

В переводе с английского на русский язык:

1. Глава III.

2. Название: «Рейсхвер и Красная Армия».

3. Подзаголовки, они же краткое резюме главы, вынесенное в название: «Мрачное занятие Янки — Сотрудничество между германским и русским штабами — Оппозиция со стороны генерала Гофмана и Рехберга — Маршал Тухачевский под подозрением — Предпосылки русско-германского пакта — Продажа дела Тухачевского посланнику Сталина».

В переводе с немецкого языка на русский язык:

1. Нумерация глав отсутствует.

2. Название: «Дело Тухачевского».

3. Подзаголовки: «Помещик Янке — Рейсхвер и Красная Армия — Германия нелегально вооружался — План Гофмана-Рехберга — Изучение архивов вермахта — Тухачевского бросают на произвол судьбы».

Напоминаю, что к моменту первого издания на английском языке в Англии (август 1956 г.) Шелленберг уже более четырех лет как находился в могиле, а ко времени первого издания на немецком языке (1959 г.) — соответственно свыше 7 лет. Вполне понятно, что сам он не мог внести какие-либо правки, дополнения или изменения. Списать же на якобы неудачный перевод на русский язык нельзя, так как и на английском, и на немецком языках тот же самый принципиальный разнобой в названиях и подзаголовках, не говоря уже о содержании одной и той же главы одного и того же сочинения, написанного одним и тем же лицом.

Однако все рекорды неузнаваемости побил французское издание 1957 г. Французы умудрились даже перевести Шелленберга с должности главы разведки на пост руководителя контрразведки Третьего рейха, причем, не моргнув и глазом, проделали эту нехитрую кадровую рокировку прямо в названии — «Говорит шеф нацистской контрразведки» («La Chef du centre espionnage nazi parle»).

...До своего назначения начальником управления «СД-Заграница» Главного управления имперской безопасности Вальтер Шелленберг действительно возглавлял группу контрразведки в составе гестапо, но в историю Второй мировой войны он вошел как глава нацистской внешнеполитической разведки. Собственно говоря, именно потому-то и были состряпаны «мемуары» Шелленберга...

И все же рекордом в операции «Мемуары Шелленберга» следует считать уникальное явление — вопреки всем своим правилам ни при

каких обстоятельствах не оставлять следов, могущих вывести прямо на британскую разведку или, хуже того, непосредственно на Великобританию как на заинтересованное государство, британская разведка не только оставила следы, но и, что называется, преподнесла, пожалуй, самое ценное доказательство причастности Великобритании к событиям 1937 г.

Речь идет о геополитической составляющей «почерка» британской разведки при проведении этой операции. Вместе с ней британская разведка предоставила еще одно неоспоримое доказательство того, что, во-первых, заговор советских военных именно как неотъемлемая часть «двойного заговора» действительно имел место и, во-вторых, что целенаправленными действиями британской разведки, скоординированными с действиями британского правительства, обе части «двойного заговора» были провалены в порядке подготовки предпосылок пролога к мюнхенскому сговору, а, соответственно, и ко Второй мировой войне XX века.

Все дело в том, что, невзирая на весь разнобой в текстах всех изданий «мемуаров» Шелленберга, в любом из изданий (начиная с самого первого, вышедшего в 1956 г. на английском языке в Англии) самым парадоксальным образом выдерживаются три «железных правила», имеющих прямое отношение к интересующей нас теме:

во-первых, повествующей о «деле Тухачевского» главе в обязательном порядке предшествует повествование о скандальном снятии со своего поста главнокомандующего сухопутными войсками вермахта генерал-полковника барона Вернера фон Фрича, который, как отмечалось выше, в 1936–1937 гг. возглавлял промо-нархический антигитлеровский заговор германских генералов (именно с «заговором Фрича» поддерживал нелегальную связь Кривицкий). Причем, мало того, что совершенно непонятно (из-за хронологии), каким образом оно предшествует истории «дела Тухачевского», так ведь еще и само повествование о Фриче как бы «утоплено» в массу возможно и интересных, но не имеющих прямого отношения к истории его снятия деталей из жизни нацистских спецслужб.

Во-вторых, глава, посвященная «делу Тухачевского», в любом издании и на любом языке завершается одним и тем же выводом, причем если в остальных случаях разнобой затрагивает и смысл, и дух, и стиль изложения, и даже расстановку материалов и акцентов, то

в последнем абзаце практически никакого принципиального разнобоя нет.

В переводе с английского языка на русский язык:

«Таким образом, дело маршала Тухачевского явилось подготовительным шагом к сближению между Гитлером и Сталиным. Оно явилось поворотным пунктом, ознаменовавшим решение Гитлера обеспечить свой восточный фронт союзом с Россией на время подготовки к нападению на Запад».

В переводе с немецкого языка на русский язык:

«Дело Тухачевского явилось первым нелегальным прологом будущего альянса Сталина с Гитлером, который после подписания договора о ненападении 23 августа 1939 года стал событием мирового значения».

Небольшие текстуальные различия, обязанные своим происхождением весьма специфическому учету британской разведкой особенностей национальной истории и национального психоэмоционального восприятия недавней истории разными по этноконфессиональному признаку читательскими аудиториями, ни в коей мере не повлияли на принципиальную сторону «вывода». И в том, и в другом случаях речь идет якобы о «прологе» к Договору от 23 августа 1939 года, на котором (а следовательно, на СССР и Сталине) и лежит вся ответственность за Вторую мировую войну.

В-третьих, в любом издании указанному выше выводу немедленно наследует глава, повествующая о разбое гитлеровской Германии в Австрии и Чехословакии. Причем о самом Мюнхенскомговоре, открывшем дорогу этому разбою, с превеликой неохотой в буквальном смысле слова процежено сквозь зубы. В этом можно убедиться и опять-таки просто сопоставив названия этих глав, включая и подзаголовки:

В переводе с английского языка на русский язык:

1. Глава IV.

2. Название: «Оккупация Австрии и Чехословакии».

3. Подзаголовки: «Приготовления к аншлюссу — Прием, оказанный Гитлеру в Вене — Бомба на пути следования — Визит Гитлера к Муссолини — Меры безопасности в Италии — Отношения судетских немцев — Секретный приказ о расчленении

Чехословакии — Германия устанавливает протекторат над чехами».

В переводе с немецкого языка на русский язык:

1. Нумерация глав отсутствует.

2. Название: «Присоединение Австрии и разгром Чехословакии».

3. Подзаголовки: «Подготовка к «аншлюсу» — Вступление в Вену — Гитлер посещает Италию — Конрад Генлейн — Йозеф Тисо — Драматические переговоры с Гахой — Вступление в Прагу — Большой погром 10 ноября 1938 г.».

Как видите, в названиях одной и той же главы на разных языках, включая и подзаголовки, нет даже и тени намека хоть на какое бы то ни было эхо Мюнхенского сговора, о сути которого в тексте главы едва ли не в прямом смысле процежено сквозь зубы всего полтора предложения. Ни слова о том, что же стало основой действий Германии. Короче говоря, таким своеобразным расположением текста (не говоря уже о содержании) подлинники составители «мемуаров» Шелленберга пытались исподволь сформировать у читателей впечатление, что расстрел Тухачевского и его подельников якобы на основании сфабрикованных нацистами подложных документов — это не только пролог к Договору 23 августа 1939 г. и Второй мировой войне, но и прежде всего к захвату Австрии и Чехословакии. Что Гитлер якобы операцией по подбрасыванию подложного компромата обеспечил себе нейтральность Восточного фронта за счет достигнутого союза с Россией, чтобы лучше подготовиться к нападению на Запад. То есть навязывается мысль о том, что во всем виновата Россия (СССР, Сталин).

Столь вольно обойдясь с хронологией, да еще и сопроводив эти «вольности» перестановкой акцентов как в самих событиях, так и тем более в их очередности, британская разведка стремилась убрать даже тень намека на какую бы то ни было возможность предположения о том, что в действительности между всеми теми событиями есть прямая связь. Как и всегда бывает у преступников, причина этого весьма банальна: после войны, когда в руки стран-членов антигитлеровской коалиции, в т. ч. и СССР, попало громадное количество документов Третьего рейха, опасность разоблачения такой связи была громадной. Тем более что Советский Союз сразу же после

войны начал систематическую публикацию различных нацистских документов, причем как в инициативном порядке, так и в качестве «сдачи» на многочисленные пропагандистские выпады Запада, уже тогда пытавшегося переложить на СССР историческую ответственность за возникновение войны. А это означает, что целенаправленный провал британской разведкой «двойного заговора» (и в первую очередь его советской части, как наиболее опасной для Великобритании) был не чем иным, как прямым прологом к Мюнхенскому сговору, с помощью которого и была прорублена необходимая магистраль ко Второй мировой войне.

Ведь история беспристрастно зафиксировала только одну-единственную последовательность событий: май — июнь 1937 г. — ликвидация заговора Тухачевского; январь — февраль 1938 г. — ликвидация «бархатной» оппозиции германских генералов во главе с Фричем и Бломбергом; март 1938 г. — аншлюс Австрии, сентябрь 1938 г. — Мюнхенский сговор Великобритании и Франции с Гитлером.

О чем эта последовательность свидетельствует, подробно говорилось в предыдущей главе. Поэтому, не прибегая к повтору, схематично пройдемся по тем событиям с позиций логики фактов, чтобы еще раз проверить правильность тех выводов.

Однако, поскольку придется оперировать некоторыми терминами (в т. ч. и конспирологического характера и из арсенала самого Сталина), то хотелось бы сразу внести ясность в этот вопрос. Речь идет о терминах, которыми оперировал Сталин в своем выступлении на расширенном заседании Военного совета при наркомате обороны 2 июня 1937 г., посвященном разоблачению заговора Тухачевского. При анализе текста подлинной, неуправленной стенограммы речи Сталина на этом заседании немедленно бросается в глаза то обстоятельство, что Иосиф Виссарионович парадоксальным образом настаивает на трех терминах, особо выделяя прежде всего термин **«германский рейхсвер»** (или просто **«рейхсвер»**), правда, в увязке с термином «германские фашисты», иногда разбавляя свою речь термином «немецкий Генштаб». С формальной стороны такая связка объективна и справедлива — в Германии установлен нацистский режим, и вооруженные силы присягнули на верность Гитлеру, т. к. с формальной стороны Гитлер был приведен к власти предусмотренными Конституцией Веймарской республики процедурами.

О беспрецедентном переплетении — как на межличностном, так и межучрежденческом уровнях — рейхсвера и нацистских структур особо говорить не приходится, это давно известно. С другой стороны, когда знаешь о фанатичной приверженности Сталина к особо тщательно выверенной точности формулировок и используемых в них терминов, такое терминологическое упорствование вызывает поначалу легкую оторопь. Ведь с 15 марта 1935 г. Сталину прекрасно было известно о реорганизации рейхсвера и его трансформации в вермахт. И, соответственно, спрашивается, с какой такой стати до последнего дня своей жизни отличавшийся точностью своих формулировок Сталин упрямо настаивает на термине, который и в самой Германии снят с вооружения два с лишним года назад?!

Конечно, и Сталин явно мог быть подвержен влиянию инерции традиций. И все же, это беспрецедентное для него упорствование на термине **«германский рейхсвер»** лишает возможности однозначно списать все только на «инерцию традиций». Из насчитывающихся в тексте стенограммы 22 случаев использования термина **«германский рейхсвер»** или просто **«рейхсвер»** 11 фигурируют именно в абзаце, объясняющем суть заговора, а 6 на подступах к нему. Это свидетельствует о том, что Сталин четко показывает, что он прекрасно знает, что именно **«рейхсверовские»** германские генералы являются партнерами заговора Тухачевского, что он отлично понимает то обстоятельство, что это давняя, корнями уходящая еще в догитлеровский период история.

...Небезынтересно в этой связи отметить один явно симптоматичный факт. 11 ноября 1935 г. новый германский военный атташе в Москве Эрнст Кёстринг отправил в Берлин депешу, в которой сообщил, что во время состоявшейся у него в тот же день беседы с заместителем наркома обороны М. Н. Тухачевским последний «живо интересовался судьбой знакомых ему по прежним контактам немецких офицеров» и, по мнению атташе, «проявил интерес и симпатию к рейхсверу».

Сразу же отметим интересную деталь с этом сообщении: Кёстринг прибыл в Москву представлять не рейхсвер, а вермахт Германии, ибо с середины марта 1935 г. вооруженные силы этой страны были переименованы. Естественно, что не зная этого, тем более как военный атташе, он не мог, а потому в его

изложении эта деталь приобретает примерно то же значение, каковое двумя годами позже вкладывал Сталин, чрезмерно упорствуя на терминах «германский рейхсвер» и «рейхсвер»...

Именно поэтому он с порога называет заговор термином «военно-политический заговор», более того, совершенно открыто называет его геополитическую суть: блокирование через пораженчество с Германией и Японией. Что и было на самом деле — Тухачевский без какого-либо принуждения собственноручно, подробно, со множеством деталей, выдумать которые костоломы-«интернационалисты», засевшие тогда на Лубянке, не могли, письменно изложил «План поражения». И как бы не хотелось кому-то списать появление этого документа на этих костоломов (типа Рейсса, Кривицкого, Орлова и т. п.), но даже откровенной ложью и подтасовкой фактов им это не удалось.

...Одно время в этих «кругах» было модно глубокомысленно мимоходом замечать, что на одном из протоколов допроса Тухачевского были обнаружены бурые пятна, похожие на пятна крови.

Намек понятен — били. Однако эти пятна были обнаружены на третьем экземпляре машинописного текста показаний Тухачевского. Такой был порядок — перепечатывать собственноручные показания особо важных подследственных, тем более по особо важным делам. Совершенно естественно, что ни одному «реабилитатору» и в голову-то не пришла мысль о необходимости проведения анализа этих пятен на предмет установления, во-первых, что это за пятна конкретно и, во-вторых, кому они принадлежат. Но даже если бы и оказалось, что кровь принадлежит Тухачевскому, то и это не означало бы, что его показания из него выбивали силой. Ведь пятна были обнаружены на третьем экземпляре, а не на собственноручно Тухачевским написанных показаниях, тем более что последние написаны ровным, четким почерком (в этом можно легко убедиться, взглянув на фотокопию первой страницы его показаний), с применением всех знаков препинания русского языка. После битья ровного почерка не бывает, не говоря о четкости и ясности изложения, которое интеллектуально точно соответствует уровню самого Тухачевского. Тем более что это все-таки 143 страницы рукописного текста...

Еще в предыдущей главе обращалось внимание на то, что спустя всего лишь 12 дней после публикации официального сообщения о расстреле Тухачевского и его главных подельников военный министр гитлеровской Германии фельдмаршал Вернер фон Бломберг подписал «Директиву о единой подготовке вермахта к войне». Однако есть немалые основания для того, чтобы выражение *«спустя всего лишь 12 дней»* изменить на *«и только через 12 дней»*.

С одной стороны, дело в том, что подобные документы — «Директива о единой подготовке к войне» — по определению не рождаются в одночасье и даже за 12 дней: слишком это сложная и многогранная задача — подготовка вооруженных сил любой страны к войне. И не раз доказывавшие свою фанатичную приверженность военному делу немцы, тем более профессиональные военные, никогда такие вопросы с кондачка не решали. У германских военных по сей день остается в большом почете знаменитый девиз незабвенного фон Мольтке: «*Erst wagen, dann wagen*», т. е. «Сначала взвесить, потом действовать».

Разработка, например, Директивы № 21 — она же «План Барбаросса» — заняла полгода: прямой приказ о начале ее разработки Гитлер отдал 20 июля 1940 г., а подписал саму директиву только 18 декабря 1940 г.

Более того, ни по возрасту (59 лет), ни по жизненному опыту, ни, тем более, в силу профессионального опыта Бломберг абсолютно не был склонен решать такие задачи за день-два и даже за 12 дней.

...Это ведь только у нас возможно, чтобы начальник Генерального штаба вместе с наркомом обороны за несколько дней, не отдавая себе в полной мере отчета о катастрофических масштабах возможных негативных последствий, создали бы план превентивного удара по Германии, а затем шесть с лишним десятилетий кряду все историки вынуждены доказывать очевидное: что даже письменно изложенные в одном-единственном экземпляре мысли пускай даже высоких должностных лиц — это даже не вынашиваемые намерения, и уж тем более не предназначенные для реализации планы...

Однако же если, с другой стороны, вспомнить, в развитие чего и на каком фоне началась разработка этой директивы, то вопрос о сроках ее подготовки не только приобретет совершенно иную окраску, но и

окажется в сфере действия хорошо известного принципа «двойного стандарта».

Во-первых, ее разработка началась на фоне реализации плана экономической подготовки Германии к войне и фактически по итогам командно-штабных учений вермахта в конце 1936-го — начале 1937 г. Причем основополагающий вывод по результатам последних заключался в том, что без создания плацдарма в Восточной Польше нечего и помышлять о каком бы то ни было блицкриге на Востоке. И вот какой удивительный факт — именно этот вывод германских генералов очень плотно смыкается с той частью собственноручных показаний Тухачевского о заговоре и плане поражения, где он расписывает планировавшиеся заговорщиками вредительско-пораженческие действия на западных границах Украины и Белоруссии в целях усиления вероятности разгрома советских войск на этих театрах военных действий. Причем Тухачевский подчеркивает, что проработку плана таких действий заговорщики начали весной 1936 г. на апрельских стратегических военных играх, проводившихся в Генеральном штабе РККА.

...В связи с этим небезынтересно отметить следующее. Во-первых, в начале февраля 1936 г. для участия в траурной церемонии похорон британского короля Георга V в Лондон прибыл маршал Тухачевский. Во время этих мероприятий «стратег» совершенно естественным образом общался с германской военной делегацией, которую возглавлял генерал Герд фон Рунштедт — один из наиболее близких к Гансу фон Секту высших германских офицеров и одновременно близкий друг главнокомандующего сухопутными войсками вермахта генерала Вернера фон Фрича. В состав германской делегации входил и военный атташе Германии в Великобритании полковник Гейр фон Швеппенбург, который поддерживал дружеские отношения с одним из ближайших подельников Тухачевского, военный атташе СССР в Великобритании К. В. Путча. Г. фон Швеппенбург, также как и Рунштедт, принадлежал к кругу германских заговорщиков.

Как собственноручно указывал Тухачевский в своих письменных показаниях следствию, генерал Г. Рунштедт, обратившись к нему, заявил, что ему поручено переговорить с ним по взаимно интересующим вопросам.

А по возвращении в СССР Тухачевский и провел вышеупомянутые стратегические игры. Более того, следует иметь в виду, что и Уборевич тоже к тому времени вернулся из загранкомандировки, в ходе которой напрашивался на приглашение в Германию.

Во-вторых, в период присоединения территорий Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР в 1939 г., советскими органами госбезопасности в одной из львовских тюрем было захвачено доверенное лицо главы абвера Канариса, бывший штабс-капитан царской армии, граф Александр Сергеевич Нелидов, угодивший в польскую кутузку по обвинению в шпионаже в пользу Германии (что соответствовало действительности) — он был направлен в Польшу с разведывательным заданием лично от Канариса.

Пройдя по контрразведывательным инстанциям, Нелидов, в конце концов, оказался в руках разведки Лубянки. В первой половине 1941 г. блистательные асы советской разведки Василий Зарубин, Зоя Воскресенская и Павел Журавлев «разговорили» Нелидова, и выяснилось следующее.

Александр Сергеевич, оказывается, принимал участие в командно-штабных учениях вермахта на рубеже 1936–1937 гг. и, обладая великоленной памятью и военной эрудицией, в точности изложил всю игру на карте с указанием дислокации германских войск, в т. ч. и по номерам дивизий, количеству вооружений и т. д.

Как вспоминала в своих мемуарах З. Воскресенская, в память ей запали синие стрелы, направленные к границе Белоруссии, на вопрос о смысле которых Нелидов пояснил, что на финальном этапе этих игр Минск предполагалось занять на пятый день после внезапного вторжения германских войск в СССР.

Подчеркиваю, что игры происходили на рубеже 1936–1937 гг., когда у Германии еще не было общей границы с СССР, когда сам вермахт еще мало был похож: на тот, что вторгся в нашу страну 22 июня 1941 г., когда еще сам Гитлер даже не знал, когда он сможет начать войну, что очень хорошо видно по тексту его меморандума об экономической подготовке к войне от 26 августа 1936 г.! И при таких обстоятельствах — такая невероятная прыть?! Пускай еще только на картах...

Когда военные специалисты ознакомились с этими данными, они, естественно, хмыкнули, на что З. Воскресенская проинформировала

их, что один из агентов разведки — ж.д. чиновник в Берлине — получил конкретное предписание главного военного командования Германии прибыть на станцию Минск на пятый день после начала военных действий и приступить к исполнению обязанностей ее начальника (Минск, как известно из истории, пал, правда, на шестой день, что, естественно, не меняет сути дела).

Так вот, чем другим возможно объяснить столь поразительную картографическую прыть германских генералов за пять лет до фактических событий с падением Минска, кроме как передачей нашими заговорщиками соответствующих сведений о том, как и насколько вредительски будет организована оборона на белорусском направлении?! Даром фантастического предвидения герров генералов?! Начисто исключено, даже невзирая на то, что профессионалы они были очень высокого класса!

Зная о том, к каким выводам сами же генералы пришли по итогам этих учений, ничего другого не остается, как прямо признать, что герры генералы прекрасно знали о том, какой «приятный сюрприз» заготовили им их коллеги из РККА.^[24]

Стоит ли тогда так возмущаться, что-де едва только война началась, а Сталин опять генералов к стенке поставил, на этот раз Павлова и его помощников?! Ведь тут же выплыл вопрос о связи Павлова с заговором Тухачевского, и не просто выплыл, а именно на фоне данных Нелидова — они ведь были доложены на самый верх.

...А в целом, если отталкиваться хотя бы просто от самого факта хронологических совпадений в связи с вопросом о необходимом для блицкрига плацдарме в Восточной Польше, то получается следующее: Тухачевский утверждал, что создание заговора относится к 1932 году, но именно на этот же год приходится инициативная, лично Тухачевским осуществленная (факт установлен анализом его рукописей) разработка детального плана операции по разгрому Польши. Причем центральное место в этом плане уделено дезорганизации польских войск как раз в Западной Украине и Западной Белоруссии.

Что это значит? Советское правительство заключает с Польшей договор о ненападении и нейтралитете (1932 г.), в Женеве, в феврале 1932 г., открывается Международная конференция по разоружению, у Советского Союза обязательства по

международному Парижскому договору о воспреещении войны в качестве орудия национальной политики и средства урегулирования международных споров от 27 августа 1928 г. (более известен как Пакт Кэллога — Бриана), а какой-то «наполеончик» разрабатывает план нападения на Польшу?! Ведь никто из высшего советского партийно-государственного руководства ему таких задач не ставил. И в таком случае, спрашивается, под кого, под какую ситуацию он разработал такой план, если в 1932 г. в Европе шла активная подготовка к возможному нападению на СССР с участием германского рейхсвера, ради чего в Женеве в открытую уравнивали Германию в правах на гонку вооружений?! Но что совсем удивительно (однако это тоже факт), что, оказавшись в камере на Лубянке и посмертно самым ничем не обоснованным образом причисленный к «лику гениальных стратегов», Тухачевский начисто отверг в своих собственноручных показаниях именно белорусское направление главного удара Гитлера как «совершенно фантастическое» (подлинные слова Тухачевского).

Следовательно, выходит, что пока Тухачевский был на свободе, он готовил пораженческие планы на том направлении, а как только оказался в камере — так «совершенно фантастическим» оно стало. То есть выходит, что умышленно пытался ввести в заблуждение, даже на краю смерти. Между тем ему ведь хорошо было известно, что «создание плацдарма в Восточной Польше» для успеха блицкрига на Востоке — это и есть прямой выбор белорусского направления как главного в войне на уничтожение России (СССР). В таком случае получается, что «гениальный стратег» не понимал или умышленно игнорировал факт, который Гитлер совершенно откровенно изложил в «Майн Кампф»: уничтожение России (СССР) главная цель его жизни...

Во-вторых, разработка директивы Бломберга началась на фоне обнародованного в военной среде Германии завещания генерала Ганса фон Секта, которое дополнительно простимулировало и без того достаточно активный всплеск просоветских симпатий среди офицеров и генералов, вышедших из рейхсвера. На этом фоне в Москву по различным каналам стала стекаться информация о том, что и Бломберг числится в первых рядах тех германских генералов, которые хотели бы «по-хорошему договориться с Красной Армией».

В-третьих, что особенно важно, Бломберг возглавлял делегацию нацистской Германии на церемонии коронации нового английского короля Георга VI в начале мая 1937 г. Между тем в самый последний момент от поездки в Лондон был отведен Тухачевский, который вполне официально встретился бы с тем же Бломбергом в Лондоне. Кстати говоря, реакция самого Тухачевского на отвод от поездки в Англию вообще сразит наповал. Дело в том, что запрос в МИД Великобритании о выдаче Тухачевскому въездной визы был представлен через британское посольство в Москве 3 мая 1937 г. В тот же день из Берлина было получено официальное сообщение о составе и главе германской делегации на коронационных торжествах. 4 мая в срочном порядке и внезапно запрос о выдаче визы Тухачевскому был аннулирован советской стороной. И в тот же день на квартире наркома внешней торговли А. Розен-гольца (активного троцкиста и не менее активного заговорщика) Тухачевский, уяснивший, что Сталин с Ежовым обставили его, стучал кулаком по столу и орал: «Вы, что, ждете, когда нас к стенке поставят как Зиновьева, я пятого начинаю переворот!»

Естественно, что запись этого разговора немедленно попала на стол Сталина. И надо отдать должное его нечеловеческой выдержке в условиях смертельной опасности — никаких репрессивных мер в отношении Тухачевского он тогда не предпринял, отлично понимая разницу между словами и конкретными преступными действиями.

8 мая пришло досье от Бенеша — и опять ничего в отношении Тухачевского не было предпринято. Судя по всему, Сталин до последней секунды тянул с его арестом, и только тогда, когда стало известно о том, что он в срочном порядке объявил военные маневры на 12 мая 1937 г., только тогда Сталин окончательно убедился, что заговор — смертельная реальность и более медлить нельзя. 11 мая Тухачевский был снят с поста замнаркома обороны и назначен командующим Приволжским военным округом с приказом немедленно отбыть к месту новой службы. И опять Сталин пошел на смертельный для себя риск — 13 мая он дал аудиенцию Тухачевскому: ведь кандидат в «бонапарты» запросто мог пронести маленький пистолет, ибо его, как маршала, даже охрана Сталина не могла обыскать.

До 24 мая шла еще одна проверка — на этот раз материалов досье Бенеша. Лишь после того как все точки над «i» были расставлены,

когда наступила абсолютная ясность, только тогда из Кремля последовал приказ об аресте Тухачевского. 25 мая он был арестован.

Обладая даже столь мизерным набором сведений, поневоле оказываешься вынужденным повнимательней присмотреться к тому обстоятельству, что западные историки, говоря о факте подписания Бломбергом вышеупомянутой директивы, используют в основном выражение вроде **«наконец выпустил директиву»**. Что это, намек на то, что Бломберг по каким-то только ему ведомым причинам тянул время с изданием этой директивы? Это весьма убедительно смахивает на то, что западники действительно дали намек, возможно, что и сами того не желая, и, соответственно, если подойти к этому факту, как к намеку, но с позиций «двойного стандарта», то очень многое само собой прояснится.

Ведь в первую-то очередь суть «Директивы о единой подготовке вермахта к войне» была отнюдь не в том, что, чтобы вермахту быть готовым к возможной войне в мобилизационный период 1937–1938 гг. — это само собой свидетельствующее об истинности ранее упоминавшейся подоплеки (встреча Лейт-Росса с Шахтом) доказательство, — но в том, что в основу Директивы Бломберг закладывал тогда новую для того времени концепцию единого для всех родов войск Верховного Главнокомандования. По сути дела, в мирное время он закладывал концепцию, характерную только для периода войны: предельной концентрации и централизации всей полноты государственной, политической, экономической и военной власти, т. е. концепцию военной диктатуры едва ли не на грани абсолютного деспотизма военных (если вспомнить слова того же К. Нейрата). В итоге выходит, что списать это самое выражение **«наконец выпустил директиву»** на сугубо профессиональные обстоятельства — не получается. Ведь еще в период работы над директивой Бломберг прекрасно знал, что в войсках новая концепция не вызовет восторга, что и случилось сразу же после ее поступления в командные структуры вермахта. Его тогда поддерживали всего четыре офицера — генералы Фрич, Бек, Кейтель и подполковник Йодль (первые два активные участники антигитлеровского заговора 1936–1937 гг.; Кейтель — тот самый, что впоследствии подписал Акт о безоговорочной капитуляции Германии — был близок с фон Бломбергом).

То, что он непременно встретит сопротивление командующих, Бломбергу было ясно изначально: что, например, он мог сделать вопреки воле того же Германа Геринга, люфтваффе которого вообще было государством в государстве внутри даже вооруженных сил Германии?! В результате получается, что списать **«наконец выпустил директиву»** на обусловленную якобы его намерением загодя сгладить все острые углы затяжку времени — опять не выходит, ибо он даже с Гитлером толком не договорился о том, как эта директива будет претворяться в жизнь, когда поступит в командные структуры вермахта. Между тем, как только она поступила, там сразу начался резкий ропот, а Гитлер вдруг немедленно самоустранился от межгенеральских разборок, хотя, казалось бы, сама идея единого Верховного Главнокомандования должна была ему импонировать, и, следовательно, он не должен был оставлять Бломберга один на один с разъяренным генералитетом в момент начала реализации такой директивы.

В «сухом остатке» остается следующее — военный министр Германии генерал-фельдмаршал Вернер фон Бломберг ожидал серьезных событий в СССР, т. е. переворота Тухачевского! Иначе просто нечем более объяснять эту затяжку времени!..

В таком случае принцип «двойного стандарта» становится уникальным «золотым ключиком», открывающим еще одну тайну истории. Ведь в случае удачи переворота Тухачевского и установления в бывшем (в результате оного) СССР военной диктатуры разрабатывавшаяся Бломбергом директива приобретала совсем иной смысл — становилась как бы правовой базой для установления полного контроля военных во главе с Бломбергом (Фричем, Веком, Рейхенау, Гаммерштейн-Эквордом и другими) над всей Германией под предлогом якобы возникновения угрожающей безопасности Германии новой международной ситуации при одновременной ликвидации самого фюрера. То есть такой же военной диктатуры.

...Ничего удивительного в таком повороте событий не было бы, т. к. всего за три года до этого Бломберг уже грозил Гитлеру подобным исходом, правда, по другому поводу. Незадолго до «ночи длинных ножей» 30 июня 1934 г.; когда СС и гестапо в одночасье ликвидировали всю верхушку штурмовых отрядов СА во главе с Эрнстом Ремом, Бломберг от имени рейхсвера дважды угрожал

Гитлеру, что если он не разоружит штурмовиков как параллельную вооруженную силу, противостоящую рейхсверу, то армия выступит против него (Гитлера). Первый раз, имевший место 11 апреля 1934 г. на борту броненосца «Дойчланд», стоявшего на рейде в Киле, угроза Бломберга прозвучала вполне мягко, т. к. была похожа на обычную сделку: в порядке компенсации за отказ от штурмовиков и за оставление рейхсвера единственной вооруженной силой в Германии Бломберг гарантировал Гитлеру поддержку со стороны рейхсвера в его президентских амбициях перед лицом тогда уже всем очевидной скорой кончины президента Гинденбурга. Однако согласившийся с этим требованием Гитлер тянул, что вызвало негодование как у экономической, так и военной элиты Германии.

17 июня последовало известное предупреждение вице-канцлера фон Папена, сделанное последним в выступлении в Марбургском университете. 20 июня тот же фон Папен вновь крайне резко потребовал от Гитлера разобратся наконец с СА. Гитлер в силу своей беспочвенной уверенности в том, что ему удастся обмануть всех, дотянул до того, что 21 июня 1934 г. его призвали к ответу. Его вызвали в поместье Гинденбурга Нойдек и там, на ступеньках частного дома президента Германии, со всей солдатской прямоотой фон Бломберг выразился следующим образом: «Если правительство рейха не сумеет осуществить ослабление напряженности (т. е. если не разберется со штурмовиками. — А.М.), президент введет военное положение и передаст контроль над страной армии».

Вышедший на ту же ступеньку подышать свежим воздухом Гинденбург величаво поддакнул фон Бломбергу. Только после этого Гитлер понял, что обратной дороги нет, и 30 июня 1934 г. вырезал всех своих соратников, с которыми начинал играть в национал-социализм и которые в колоссальной степени способствовали его становлению как фюрера и приводу к власти. Бломберг же с 23 июня объявил полную боевую готовность во всем рейхсвере и до 1 июля сохранял ее, дабы у Гитлера не было бы никакого шанса свернуть с указанного ему пути.

Кончилось это тем, что 1 июля 1934 г. Бломберг издал приказ по рейхсверу, в котором от имени вооруженных сил Германии "присягнул Гитлеру на верность, ибо в приказе говорилось: «Рейхсвер, как вооруженная стража народа, благодарит фюрера и выражает ему

чувство глубокого доверия и преданности».^[25] А с августа месяца началась и формальная процедура приведения к присяге всего личного состава рейхсвера...

Однако поскольку заговор «гениального стратега» был провален, а его верхушка расстреляна, то протянув с момента снятия — 11 мая 1937 г. — Тухачевского с поста заместителя наркома обороны полтора месяца, в т. ч. и те самые 12 дней после официального сообщения о расстреле, и убедившись, что оставшиеся на свободе поделщики «стратега» ничего не могут предпринять, Бломберг «наконец выпустил директиву», но уже в том виде, в котором она безусловно должна была потрогать болезненному тщеславию вождистских амбиций Адольфа Гитлера и его планам. Тем не менее, как уже отмечалось выше, Гитлер быстро самоотстранился от участия в проведении этой директивы в жизнь до 4 февраля 1938 г., когда он, со скандалами изгнав Бломберга и Фрича, объявил себя Верховным главнокомандующим, упразднив при этом военное министерство.

Однако этот дополнительный обзор будет неполным, если, обладая уже определенной суммой знаний о выясненной в целом подоплеке появления «Директивы...», не обратимся к событиям на другом конце планеты, имевшим место в этот же период времени. Это позволит, с одной стороны, еще более острее и точнее почувствовать, что же стояло за упорно использовавшимся Сталиным термином, а с другой — открыть еще один реальный доступ к пониманию причин тех политических процессов, что происходили в нашей стране в 1936–1938 гг.

В Японии в это же самое время (в конце мая — начале июня 1937 г.) очень «своевременно» разразился правительственный кризис и к власти пришло правительство во главе с одним из наиболее влиятельнейших в то время политиков Страны восходящего солнца, председателем палаты пэров японского парламента, убежденным антиатлантистом, евразийцем японского толка, старым знакомым Карла Хаусхофера и его сына Альбрехта — 46-летним принцем Коноэ Фумимаро. Его ближайшее окружение было буквально напиговано информаторами и особенно субинформаторами Рихарда Зорге, которые при принце исполняли роли консультантов по различным вопросам. Истинной звездой и в окружении Коноэ, и в агентурной сети самого Зорге являлся Одзаки Ходзуми — ближайший друг и единомышленник

советского разведчика. Поскольку как сама фигура Коноэ Фумимаро, так и его политическая деятельность, особенно же в преддверии назначения на пост главы правительства, и тем более самые первые шаги на этом посту, представляют колоссальный интерес в связи с темой нашего расследования, остановимся на всем этом чуть подробнее.

Потомок одного из древнейших и богатейших аристократических родов Японии, многие представители которого вершили судьбы этой нации начиная с IX–X веков, Коноэ Фумимаро родился в 1891 г., получил блестящее образование и продвигался по жизни, не встречая никаких преград. Однако уже при первой же попытке войти в большую политику Японии Коноэ обрушил все возлагавшиеся на него надежды. Дело в том, что он пользовался чрезвычайной благосклонностью столпа японского либерализма, закоренелого атлантиста и влиятельнейшего политического деятеля Японии Сайондзи Киммоти, который намеревался сделать из него как бы своего идейного преемника. Но когда по рекомендации того же Сайондзи Коноэ в составе японской делегации побывал на Парижской (Версальской) мирной конференции, то в Японию он вернулся уже с отчетливо выраженными антибританскими и антиамериканскими взглядами. Кстати говоря, явно не без воздействия Карла Хаусхофера, с которым принц встречался в кулуарах конференции. А его первый политический труд, которым он громко заявил о себе, так и назывался — «Отказ от мира с англо-американской ориентацией».

Как считают специалисты, несмотря на ряд огрехов, во многом этот труд являл собой концентрированное выражение политической философии японского евразийства, признанным лидером которого Коноэ вскоре и стал.

...Здесь следует иметь в виду, что в отличие, например, от российского евразийства, для японского никогда не было вопроса о выборе между «почвой» и «кровью» — основополагающими постулатами, на которых зиждятся многие геополитические конструкции. Дело в том, что в силу мононациональности самого государства, интересы как последнего, так и самого японского этноса совпадали. Однако при первых же шагах японского евразийства в авангарде внешней экспансии Страны восходящего солнца уже только в азиатском регионе автоматически привели в

действие неминуемо неизбежный антагонизм — преследуя цель установления собственной монополии пути сообщения к источникам сырья, от которого объективно и в решающей степени зависит Япония, доминирующая в японском евразийстве этнократическая идея незамедлительно вылилась в осужденный впоследствии Токийским трибуналом варварский геноцид населения оккупированных Японией азиатских стран, которое, между прочим, японские евразийцы мечтали объединить под «одной крышей сопроцветания»...

Никому в мире не дано избежать сурового влияния главного, Высшего Закона Высшей Мировой Геополитики, суть которого (вкратце) такова: монополия пути сообщения автоматически предполагает и монополию заселения, причем столь непреложно, сколь и непреложна монополия заселения автоматически предопределяет владение тем, кому она принадлежит, также и монополией пути сообщения. От того, какими путями, методами и средствами была установлена та или иная монополия, напрямую зависят и последствия для другой. Если все начиналось с военных действий, то абсолютно неизбежен кровавый исход, особенно же для монополии заселения, а в обратном исчислении — абсолютно неизбежна народная война... [\[26\]](#)

Путь Коноэ к вершинам японского политического Олимпа был стремительным — в первой половине 20-х годов прошлого столетия он уже являлся депутатом парламента, с 1926 г. стал председателем его верхней палаты (палаты пэров). Для тогдашней Японии это было совершенно неслыханным делом: в 35 лет — и председатель верхней палаты парламента! С одной стороны, принцу удавалось обзаводиться противоположными связями на различных полюсах политической жизни Японии: от являвшихся «образцом» националистического экстремизма «молодых офицеров» до либералов, в т. ч. и левых, не исключая даже просоциалистического и даже промарксистского толка, от тайных обществ специфически японского толка до интеллектуалов всех мастей, но преимущественно евразийской ориентации. С другой — он становился все более и более убежденным сторонником проповедовавшегося К. Хаусхофером тройственного геополитического альянса Берлин — Москва — Токио, ориентируясь на союз с СССР, который рассматривал не как «страну Коминтерна», но как континентальную данность евразийства, ориентированную

против Великобритании и США. Это он считал одним из важнейших залогов успеха в создании «единой сферы процветания Великой Восточной Азии» — главной геополитической задачи империи. Таким своим поведением на политической сцене страны Коноэ, стремясь к вершинам власти, по сути дела пытался гомогенизировать (т. е. привести в однородное состояние) всю политическую структуру Японии вокруг одного стержня, фактически на грани известного из европейской истории принципа «одна нация — одна партия — один фюрер», за что его не раз критиковали.

...Но при всем этом именно при правительстве Коноэ произошли два самых крупных военных столкновения Японии с СССР: в 1938 г. — на озере Хасан, в 1939 г. — на Халхин-Голе. Теневая сторона этих событий до сих пор оставляет немало оснований для размышлений: то ли Коноэ специально дал японским сухопутным силам возможность получить убедительный советский ответ — ведь именно сухопутная армия все время жестко требовала вооруженной экспансии на Север, в то время как сам Коноэ был убежденным сторонником южного направления экспансии, — то ли еще что-то, вовсе неведомое, неподвластное никакому анализу, во всяком случае при современном уровне знаний?!

Но вот что любопытно — когда в 1941 г. третий кабинет Коноэ свалил ярый сторонник северного направления экспансии генерал Тодзио Хидэки, то даже он ничего не смог поделать с тем, что вся японская военная мощь была подготовлена к прыжку на юг, в результате которого Пёрл-Харбор стал реальностью...

Вот такому политическому деятелю Японии в конце мая — начале июня 1937 г. было поручено сформировать новое правительство страны. Тот же Рихард Зорге отмечал в своих официальных корреспонденциях во «Франкфуртер цайтунг», что «уже одно его сформирование (правительства Коноэ. — А.М.) облегчило чрезвычайно запутанное внутривнутриполитическое положение и приблизило разрядку. У него лучше, чем у других правительств, перспективы справиться с будущими трудностями. Оно не рассматривается как переходное правительство. Оно представляет самую перспективную в данный момент попытку внутривнутриполитической концентрации сил, направленную на то, чтобы решить большие

военно-хозяйственные задачи, которые ставит перед любым японским правительством напряженное международное положение».

А дальше начинается совершенно удивительное. Дело в том, что подготовка к прорыву Коноэ во власть, т. е. на пост премьер-министра, началась в ноябре 1936 г. — именно тогда его друзья и поклонники, среди которых был и Одзаки Ходзуми, создали Общество Сева, которое стало заниматься выработкой различных рекомендаций по проблемам внутренней и внешней политики Японии для будущего премьер-министра.

Здесь необходимо иметь в виду, что японские евразийцы в то время и так были представлены в верхнем эшелоне политической элиты хотя и немногочисленной, но очень влиятельной группой лиц, мощь политического потенциала которых проистекала из опоры на придворные круги, которым симпатизировал и сам японский император Хирохито (Сева) — между прочим, кузен Коноэ. Отсюда и название Общества, и специфика представленных в нем интеллектуалов — почти поголовно все были евразийцами.

Кроме того, ноябрь 1936 г. — это время подписания пресловутого Антикоминтерновского пакта, о специфической, фактически теневой антианглосаксонской ориентированности которого уже не раз тоже говорилось.

И, наконец, дело еще и в том, что за несколько месяцев до создания Общества Сева, после подавления февральского 1936 г. мятежа военных, уже тогда всеми оценивавшийся как способный консолидировать все политические силы страны, Коноэ наотрез отказался возглавить правительство Японии, пренебрегнув тем самым пожеланием самого императора, что в Стране восходящего солнца не принято. Почему же он за несколько месяцев до этого отказался, а спустя эти же самые месяцы и чуть более чем за полгода до майско-июньских событий в СССР и Германии вдруг начал готовиться к броску во власть? Складывается впечатление, что это отнюдь не случайное явление.

...Надо сказать несколько слов о мятеже японских офицеров в феврале 1936 г., т. к. эхо этого мятежа смыкается с темой нашего исследования. Прежде всего следует отметить, что наиболее точный и всесторонний анализ этого мятежа, его причин, движущих сил и последствий в обрамлении японской специфики во всем мире дал

именно Рихард Зорге — и как журналист, и как разведчик. Им были опубликованы несколько статей на эту тему в различных печатных изданиях Германии, с которыми он по прикритию имел соответствующие контракты: подписанная инициалами «R. S.» статья «Армейский мятеж в Токио» была опубликована в марте 1936 г. в журнале Карла Хаусхофера «Цайтшифт фюр геополитик» (это была наиболее подробная статья), а в берлинской «Борзен цайтунг» и «Франкфуртер цайтунг» были опубликованы примерно аналогичные статьи, но в апреле 1936 г. Опубликованная в журнале Хаусхофера статья оказалась частично воспроизведенной на страницах «Правды» в начале апреля 1936 г., причем с подачи Карла Радека, а 15 апреля «Известия» (главный редактор Н. И. Бухарин) перепечатывают статью из «Борзен цайтунг». Казалось бы, совершенно невинное дело, наподобие того, что в свое время делал очень популярный еженедельник «За рубежом».

Но это только на первый взгляд, ибо и Бухарин, и Радек — не те персонажи, чтобы просто так, в порядке ознакомления читателей с событиями за рубежом, что-то опубликовать, тем более что оба были в активной оппозиции Сталину. Во-вторых, оба, как руководящие в прошлом деятели Коминтерна, прекрасно знали Р. Зорге, особенно Радек, в т. ч. и о факте перехода Зорге на работу в военную разведку...

Но это одна сторона медали. Вторая же заключается в том, что и мировая пресса, и сообщения дипломатов, да и сам Зорге не обошли вниманием японскую специфику этого мятежа, в числе главных элементов которой были следующие:

— «явление «гекокийо», т. е. «свержение старших младшими, высших низшими» — ведь мятеж: осуществили «молодые офицеры»;

— погодные обстоятельства февральского мятежа (26 февраля), вызвавшие в Японии, а соответственно, и в мировых СМИ, сообщения дипломатов и разведчиков широкую ассоциацию с легендарным в японской истории актом мести в Уедо (старое название Токио) в XVII веке. Суть этой истории такова — сорок семь ронинов (слуг) одного, подло убитого господина в течение длительного времени притворялись пассивными, выслеживая убийцу своего господина, а затем, во время снегопада, напали на него и отсеченную голову убийцы принесли на надгробье своего господина,

после чего сдались властям (те приговорили их к самоубийству). Так вот мятеж 26 февраля проходил в условиях обильного снегопада, что у чувствительных к подобным вещам японцев не могло не вызвать соответствующих аналогий ассоциативного порядка.

Теперь можно составить простое уравнение и увидеть следующее: внутрисоюзная оппозиция Сталину нарастает; уже идут разговоры о том, когда же найдется тот, кто выстрелит в него, чтобы якобы вернуться к Ленину, а на самом деле к привычному разбою под лозунгами «Даешь мировую революцию!»; военные плетут заговор, не гнушаясь союзом с Троцким и его сторонниками внутри СССР; в апреле проходят стратегические игры в Генштабе, где военные обговаривают детали заговора и вредительско-пораженческие действия, и тут на тебе — перепечатка о токийском мятеже да еще и с такой подоплекой, как «гекокийо» и снегопад. Да, «гениальный авантюрист» Радек действительно обладал «хитрейшей головой», ориентированной на мастерские провокационные подстрекательства, — ведь по существу то был тонкий призыв к умышленно притихшей на некоторое время оппозиции начать действовать... Однако куда больше вопросов возникает, когда познакомишься с первыми шагами Коноэ на посту премьер-министра.

1. Возглавив правительство, Коноэ сразу же заявил, что «ясно без слов, что Япония и Советский Союз, которые являются соседями на Дальнем Востоке, должны строить свои дружественные отношения на прочной основе».

2. Но в том-то все и дело, что, став премьер-министром, Коноэ весьма парадоксальным образом предложил только что ушедшему в отставку премьеру Хирота Коки пост министра иностранных дел. Тому самому Хирота, при котором происходила вся закулисная, секретная подготовка к подписанию Антикоминтерновского пакта. Тому самому Хирота, который еще в бытность послом Японии в Москве в 1930–1932 гг., в одной из своих шифротелеграмм отмечал: «Отложив в сторону вопрос о том, стоит или не стоит воевать с Советским Союзом, можно сказать, что имеется необходимость проводить жесткую политику по отношению к Советскому Союзу с намерением начать войну с СССР в любой момент. Целью, однако, должна быть не защита от коммунизма, а скорее оккупация Восточной Сибири» (вообще надо отдать должное японским «ястребам» того времени —

выражались они всегда ясно, без каких-либо восточных витиеватостей). Москва прекрасно знала об этом, т. к. Спецотдел Глеба Бокии наловчился взламывать японские коды. И не только знала, но и публикацией различных, в т. ч. и вышепротитированной, выдержек из японских шифртелеграмм в «Известиях» сильно ускорила досрочный отъезд Хирота на родину.

Тому самому Хирота, при котором были разработаны: — программа установления господства Японии в Восточной Азии (главным образом за счет экспансии в район стран Южных морей);

— программа «Основные принципы государственной политики», в которой за Японией провозглашалась роль стабилизирующей силы в Восточной Азии;

— программа покорения Северного Китая;

— документы «Курс на оборону империи» и «Программа использования вооруженных сил», в которых главными противниками назывались СССР, США, Великобритания и Китай;

— план «Хэй» Генерального штаба Японии — план войны в Китае;

— «Предложения по вопросу о внешней политике государства», представленные военно-морским ведомством и морским Генштабом, суть которых сводилась к тому, чтобы, воспользовавшись трудностями в Европе и ослаблением позиций Англии в Азии, начать экспансию в ее колонии в регионе;

— еще много других документов, которые впоследствии фигурировали на Токийском процессе в качестве документальных доказательств вины Японии в «заговоре против мира» и развязывании войны, за что Хирота попал на виселицу вместе с генералами.

Но в то же время в предложении Коноэ занять пост министра иностранных дел (кстати, принятом Хирота) была одна тонкость конспирологическо-геополитического свойства. Дело в том, что Хирота с молодости был очень близок с легендарным в японской конспирологии тех лет Тояма Мицуро — основателем и многолетним лидером знаменитого и часто упоминаемого в литературе «Общества реки Амур» — «Кокурюкай», которое нередко, из-за одинакового чтения разных иероглифов, устойчиво неверно именуют «Обществом Черного Дракона». Это общество само по себе было не менее влиятельным, чем «тезка», и не менее тесно связанным также и с

такими влиятельнейшими тайными обществами, как «Общество Черного Океана», «Великое Общество Национального Духа» и другими (последнее Тояма также возглавлял). С этими обществами, игравшими колоссальную роль в закулисной политической жизни Японии и в целом в Азии, тесные связи поддерживал сам Коноэ. Принц был очень близок с Мицуро Тоямой, который в свою очередь поддерживал тесные связи с отцом и сыном Хаусхоферами.

Сейчас, например, мало кому известно, что именно усилия дуэта К. Хаусхофер — М. Тояма во многом предопределили мали-зацию советско-японских отношений в середине 20-х годов XX века. Причем нормализацию, основанную на взаимных уступках: СССР извинился тогда за «неосторожный» расстрел японских подданных (был такой инцидент), согласился предоставить Японии концессии на добычу угля, нефти и леса и реанимировать Портсмутское соглашение 1905 г., а Япония признала СССР де-юре и установила с ним дипломатические отношения, а также вывела свои войска с Северного Сахалина.

Лица, принимавшие участие в этом процессе с советской стороны, прекрасно знали об этом мощном закулисном механизме и впоследствии никогда не порывали с ним, а оказавшись в оппозиции Сталину, пытались использовать этот механизм закулисных связей в интересах оппозиции, в планах которой, кстати говоря, было и предоставление концессий той же Японии. Среди этих лиц в первую очередь следует отметить самого Троцкого, ибо он стоял у истоков практической реализации советско-германского сотрудничества, в т. ч. и в военной сфере, и он же в качестве председателя Главконцескома принимал участие в предоставлении Японии вышеупоминавшихся концессий. Вот откуда обвинения в его адрес о том, что он сотрудничает и с Японией.

Но хлеще всех оказался третий шаг Коноэ на посту премьер-министра. Прямо на первом же заседании правительства, состоявшемся в начале последней декады июня 1937 г., Коноэ открыто «потребовал, чтобы становившиеся до сих пор все более резкими противоположности воззрений были преодолены путем отказа каждого отдельного лица от одностороннего выполнения своих целей» (цитата из статьи Р. Зорге «Князь Коноэ собирает силы Японии. Его тяжелая задача — создание военного хозяйства», опубликованной во «Франкфуртер цайтунг» 27 июня 1937 г.). Что это, попытка установить

полностью авторитарный характер правительства или же диктатуру самого премьер-министра? Судя по тому, что далее пишет в только что процитированной статье сам Зорге, последнее наиболее реально. Потому как далее в этой же статье Зорге особо подчеркивает принципиальную позицию Коноэ в вопросе о полном подчинении всех и вся на японской политической сцене только и только императору, мнение которого через узкий Совет генро проводит только премьер-министр, становящийся таким образом олицетворением политических принципов «узкого круга советников у трона».

То есть, если отбросить в сторону национальную специфику тогдашнего государственного устройства Японии, принципиально речь шла об ужесточении вертикали исполнительной власти. Дело в том, что в те времена структура власти в Японии была такова, что один человек или группа лиц в принципе могли получить безраздельный контроль над страной, направлять и координировать функции кабинета министров и высшего командования. Длительное время такая власть принадлежала генро. Затем, к началу XX века, это приобрело вид, при котором кабинет, состоявший из партийных политиков, за исключением непосредственно военных министров, мог контролировать вооруженные силы. Однако с мая 1932 г. эта ситуация на некоторое время прервалась, как оказалось, до прихода во власть принца Коноэ, который стремительно стал восстанавливать этот принцип, к тому же на грани европейского аналога «один народ — одна партия — один фюрер».

...Самое парадоксальное в упоминавшейся статье великого разведчика заключается в том, что сам Зорге расценил действия Коноэ едва ли не как шаг назад от авторитарного государства, хотя лично и собственноручно буквально перенасытил ее содержание совершенно однозначными и серьезными аргументами как раз противоположного свойства, т. е. в пользу укрепления режима авторитарного государства...

Таким образом выходит, что в трех совершенно разных государствах — нацистской Германии, Советском Союзе и императорской Японии — на фоне всплеска активности в поисках путей евразийской консолидации по всей этой трансконтинентальной дуге, пускай и в разных ситуациях и интерпретациях, но зазвучал вопрос о диктатуре, причем на уровне геополитического минимума,

едва ли не с абсолютной доминантой военных (в Японии — авторитарно-военной).

Как подобное могло произойти в разных углах планеты практически одновременно? Это нельзя списать на случайность, потому как нельзя игнорировать следующие факты:

1. Это произошло в тех самых государствах, над которыми, вне зависимости от их государственного устройства и господствующих политических режимов, в исторической динамике новейшего на тот период времени витали:

а) идеи тройственного геополитического альянса Берлин — Москва — Токио;

б) тень едва ли не постоянных (с конца XIX века) подозрений англосаксонского Запада (прежде всего самой Великобритании) в якобы существующей готовности воплотить такую идею в жизнь.

2. Это произошло в тех самых государствах, над умами существовавшей в которых оппозиции также витала тень идеи о тройственном геополитическом альянсе, корни которой проистекали:

а) из объективно трансконтинентально консолидировавшей их антизападной основы, которая в свою очередь проистекала также б) и из принципиальной установки самой оппозиции на поиск геополитических союзников за пределами своих государств, что в свою очередь в плане практической реализации облегчалось тем, что в) каждая из оппозиций в этих государствах имела свои, не столь уж и давние двусторонние, хорошо законспирированные закулисные связи с каждой из двух других, прекрасно знала всю структуру и механизм тайных закулисных связей друг с другом, обладала навыками и умением своевременно приводить шестеренки этого механизма в движение в нужном направлении:

— германская в отношении советской обладала таким «багажом» еще с дооктябрьских времен, не говоря уже о годах плотного межгосударственного сотрудничества в догитлеровский период; в отношении Японии та же германская (генеральская) оппозиция имела одновременно мощные личные связи Карла Хаусхофера и его сына Альбрехта с наиболее могущественными закулисными силами евразийского характера и мощное прикрытие этих связей в лице установившихся с 1933 г. тесных межгосударственных отношений между Германией и Японией;

— советская в отношении той же германской обладала, собственно говоря, тем же «багажом», скрепленным еще и сотрудничеством РККА с рейхсвером; в отношении японской частично «багаж» был также еще дооктябрьский — как-никак, но «революция» 1905 г. делалась в основном на деньги японской разведки (хотя сами денежные средства были англо-американского происхождения), а частью — приобретенным в середине 20-х годов, когда происходил процесс нормализации советско-японских отношений;

— японская сторона в отношении советской и германской обладала практически тем же «багажом»;

— наконец, все три стороны обладали очень серьезными навыками ведения различных сепаратных, тайных и иных закулисных переговоров (о германском и советском опыте уже много говорилось, так что на этот раз отметим японский — Япония ведь тоже вела интенсивные тайные переговоры еще с царской Россией в самом начале XX века; затем в ходе Первой мировой войны Токио вел сепаратные переговоры с Германией еще в 1916 г., а в 20-х годах имели место попытки, кстати говоря, обоюдные, договориться с советской стороной о тройственном альянсе СССР-Китай — Япония, который подразумевал и подсоединение Германии, в случае удачи).

3. Это произошло в тех самых государствах, в которых витавшая над умами оппозиции евразийская идея тройственного (а в какой-то момент даже и четвертного — с участием Китая) геополитического альянса едва ли не текстуально совпадала с их же геополитическими целями:

а) германская (генеральская) оппозиция, стремясь полностью исключить возможность и вероятность двухфронтной и даже многофронтной войны за счет опоры на военно-политический союз с СССР (т. е. в случае успеха заговора по свержению Сталина) намеревалась со всей решительностью полностью поквитаться с Западом за унижения Версаля;

б) внутрисоюзная — считая бессмысленной ставку на союз с западными демократиями, продолжала активно делать ставку на продолжение вселенского разбоя под лозунгом «перманентной мировой революции», в чем она видела свой специфический идеал «возврата к Ленину» (Сталина тогда в основном обвиняли, что он предал «мировую революцию», которую предать-то было невозможно,

поскольку ее как таковой и не было, а был Коминтерн, которому эта самая «революция» мерещилась во всех уголках планеты и руководство которого не собиралось понимать, что его главная задача выступать инструментом влияния в обеспечении безопасности СССР, но никак не инструментом всемирного разбоя). Любопытная деталь: в СССР даже в таком, казалось бы, непременно обязанном быть единым в проведении единой внешней политики учреждении как МИД — в те годы НКВД — и то существовали две мощные «партии»: «германофильская» во главе с Крестинским и Стомоняковым (оба заместители наркома; последний и вовсе был не просто германофилом, но именно же германофилом евразийской ориентации с ярко выраженной провосточной ориентацией), и «вестфильская», т. е. прозападная, во главе с самим народным комиссаром иностранных дел М. М. Литвиновым. Печально, но факт, что несмотря на весь их «интернационализм», мощнейший «водораздел» между этими «партиями» пролегал по сугубо национальному признаку — «вестфилы» в основном были евреи, хотя и включали в себя представителей других национальностей, а «германофилы» в основном неевреи — русские, да и иных, в т. ч. славянских, национальностей (Стомоняков, например, был болгарин), хотя и среди них была часть евреев. В «мясорубке» 1937–1938 гг. «германофилы» в основном сгинули с подачи «вест-филов» до такой степени, что когда Молотов в мае 1939 г. сменил Литвинова на посту наркома иностранных дел, то у него задача была, как он сам же и говорил, «прикрыть эту еврейскую лавочку»;

в) внутриапонская, настаивая на **«перманентной экспансии» (автор термина — Рихард Зорге)**, в т. ч. и с применением военной силы, единственную проблему видела только в определении главного азимута экспансии — на Север или на Юг. Однако и в том, и в другом случае она прекрасно отдавала себе отчет, что главный противник у нее англосаксонский Запад, прежде всего Великобритания и США, интересы которых в азиатском регионе были обширны, а в качестве союзника она рассматривала именно пост СССР (т. е. после свержения Сталина), ибо без такой опоры тягаться с Западом Япония не могла по экономическим причинам.

4. Это произошло в тех самых государствах, фактическое совпадение базирующихся на антизападной основе геополитических

целей оппозиции в которых, в двух случаях — германском и японском — всерьез стимулировалось еще и откровенно корыстными соображениями чисто экономического характера.

Да и как, например, те же германские генералы могли забыть, что именно слабость сырьевой, особенно топливно-энергетической, базы и острая зависимость от импорта в конечном итоге поставила Германию на колени в годы Первой мировой войны, несмотря все техническое и технологическое превосходство германского ВПК. Естественно, что практически ничем не отличаясь от Гитлера в геополитических амбициях, особенно же по части «Лебенсраума» («жизненного пространства»), германская генеральская оппозиция именно в «мирной опоре» на ресурсы постСССР и исключенности вероятности двух- и даже многофронтовой войны как раз и усматривала залог реальности успеха в том, чтобы до основания поквитаться с тем же Западом.

...Термин «мирная опора» — отнюдь не случаен. Дело в том, что по инерции давних времен у нас по-прежнему приписывают происхождение кровожадных планов Гитлера насчет «жизненного пространства» Карлу Хаусхоферу. Не питая, тем более в ретроспективе, абсолютно никаких иллюзий в отношении этого, по-своему выдающегося геополитика, тем не менее следует указать, что Карл Хаусхофер никогда не провозглашал необходимости расширения «лебенсраума» для Германии за счет применения «огня и меча» в отношении славян и их земель. Гитлер «самостоятельно», т. е. с помощью других лиц, дошел до этих человеконенавистнических, зоологически славянофобских планов. Хаусхофер же подразумевал экономическую интеграцию, естественно, исходя из неоспоримого, по его мнению, превосходства германской экономики, что в сущности означало только одно: Россия становилась сырьевым придатком Германии (что и предусматривалось еще «планом Дауэса»), а в политическом смысле это означало бы поглощение экономически слабого экономически сильным. В общем-то именно поэтому в планах внутрисоюзной оппозиции и фигурировали территориально-экономические уступки и концессии, как плата германской стороне за ее благосклонность (подробная информация в деталях всплыла на процессах 1937–1938 гг.).

В связи с этим вновь хотелось бы подчеркнуть то обстоятельство, что подавляющее число планов и замыслов, идей и

концепций Карла Хаусхофера всегда носили двойственный характер — одна правда для своих, другая для партнеров, в т. ч. и советских. Причем часто «двойное дно» его идей и концепции имело еще и второй эшелон двойственности. Это особенно ярко проявилось непосредственно накануне нападения Германии на СССР — фактически им же, но более всего его сыном Альбрехтом организованный перелет Тесса в Англию преследовал цель создания совместно с Западом некоей федерации «против советской Евразии» на базе тесного англо-германского сотрудничества, вплоть до слияния армий и флотов. Тем самым была предвосхищена идея НАТО, причем за 8 лет до ее практической реализации!..

От природы до крайности обделенная ресурсами Япония тем более все свои действия по реализации экспансионистских планов в открытую увязывала с решением экономических задач своего развития, особенно своего ВПК (это очень хорошо видно даже по названию статьи Р. Зорге, посвященной приходу принца Коноэ на пост премьер-министра) — ведь ее импортная зависимость по важнейшим показателям, как правило, превышает не только две трети, но и очень часто вообще три четверти. Именно поэтому со времен «революции Мэйдзи» (60-е гг. XIX в., когда Страна восходящего солнца встала на путь индустриального развития) ее внешнюю политику и дипломатию так и называют единым термином — «экономическая дипломатия».

Совершенно естественно, что при таких принципиальных исходных данных японские евразийцы, хоть в оппозиции, хоть непосредственно пребывая у власти, буквально физически не могли и не смогли бы проигнорировать экономические проблемы в поисках геополитического союзника для реализации своих амбициозных планов в регионе. Вопрос упирался лишь в «технологию» — развязать или разрубить «гордиев узел» на пересечении двух и так теснейше взаимосвязанных проблем: экспансионистские планы японской правящей элиты властно требовали подкрепления, и реальной военной мощью, и сырьевыми ресурсами. С постановкой вопроса о выборе конкретного направления экспансии вся эта проблема превращалась в старинный философский спор о том, что было вначале — яйцо или курица...

Судя по тому, как развивались события в 1937 г., в самый канун прихода лидера японских евразийцев принца Коноэ на пост премьер-

министра, вопрос стоял так, что за счет блокирования (или создания видимости блокирования) по геополитическим соображениям с внутрисоюзной оппозицией, в т. ч. и при посредничестве германской оппозиции, получить от постСССР необходимые ресурсы и затем уже приступить к экспансии евразийского толка, т. е. в южном направлении. Ведь на процессах 1937–1938 гг. также всплывал и вопрос о готовности оппозиции предоставить Японии концессии на Советском Дальнем Востоке, в т. ч. и нефтяные. В связи с этим хотелось бы напомнить одну почти забытую деталь. У «разоблачителей» одно время в разговорах о «невинных» военных заговорщиках мелькал аргумент о том, что они-де правильно ругали Сталина за то, что он продал японцам КВЖД. Но надо помнить, что КВЖД (вместе с ЮМЖД) была прямой причиной русско-японской войны 1904 г. (спровоцированной Великобританией), позора Портсмутского соглашения 1905 г., «революции» 1905 г., что именно на КВЖД произошел, хотя и при прямом участии китайских войск, но ведь и при прямом «Содействии» Японии (тогда управлявшейся ярыми «ат-лантистами»), вооруженный конфликт в 1929 г. А кроме того, КВЖД (вместе с ЮМЖД), как неотъемлемая тогда составная часть Транссибирской магистрали, и вовсе являлись одной из главнейших причин Первой мировой войны, что достаточно хорошо известно по истории. Как можно было обвинять Сталина в том, что он в целом с приличной выгодой для своего государства продал милитаристски настроенной Японии не столько даже последний огрызок колониального прошлого царской России (хотя КВЖД и строилась без характерного для Запада колониального разбоя, сугубо мирным путем, на основе русско-китайского договора 1896 г.), сколько вполне реальное яблоко раздора Токио с тем же Западом — Великобританией, США и даже с той же Германией, экономические интересы которой Япония не преминула ущемить именно на китайском плацдарме?! Как вообще можно было обвинять Сталина за это, если он за реальное золото продал Токио неуловимую, но жестокую возможность увязнуть в Китае?! Ведь китайско-японская война, начавшаяся в 1937 г., сковала силы Японии в Китае, и сколько бы она в последующем ни пыталась ринуться на СССР, сил у нее уже не хватало, а вразумляющие советские ответы на агрессии на озере Хасан и Халхин-Голе окончательно убедили даже самых твердолобых японских генералов в

необходимости проведения более сдержанной политики по отношению к СССР. Так что по сути дела это была гениальная сделка Сталина, загнавшая Японию в капкан!

Военные заговорщики потому и ругали Сталина за продажу КВЖД, что он тем самым отнял у оппозиции один из реальных инструментов реализации геополитического заговора на Дальнем Востоке, включая и возможность втягивания СССР в мощный вооруженный конфликт. На этот же «инструмент» явно рассчитывала и германская генеральская оппозиция: в числе ее «видов» на сей счет было то, что Япония будет получать по этой магистрали ресурсы из СССР, усилит свою мощь и сможет в таком случае перекрыть по всей Азии «кислород» той же Великобритании, а также США, и тем самым облегчит Берлину задачу расплаты с версальскими обидчиками (собственно говоря, то же планировал и Адольф Гитлер).

Наконец, следует отметить, что отсутствие возможности списать все на случайное совпадение объясняется еще и следующими причинами. Во-первых, и в Берлине, и в Москве, и в Токио военно-геополитический заговор был представлен слишком высокопоставленными лицами: в Германии — военным министром Бломбергом, главнокомандующим сухопутными войсками Фричем, начальником Генштаба сухопутных войск Беком, генералами Гаммерштейном-Эквордом, Рейхенау и др.; в СССР — группой советских военных во главе с заместителем наркома обороны маршалом Тухачевским, причем в группу входили и командующие важнейшими военными округами СССР; в Японии — самим принцем Коноэ, признанным лидером японских евразийцев, в т. ч. и среди военных, к числу которых следует отнести командный состав японских ВМС (адмирал Йонаи Мицумава был противник каких бы то ни было осложнений с СССР и сторонник союза с Москвой, за что его считали едва ли не главой «русской партии» среди японских военных). Все, как на подбор, «вза-имофильствующие»: германская оппозиция давно «прославилась» прагматичным русофильством и японофильством, «наши» — своим рьяным германофильством и своеобразным «остфильством»; японские — не меньшим германофильством и особой разновидностью прагматизма в отношении СССР — не осложняющим отношения с остальным миром союзом с СССР.

Во-вторых, все три компонента заговора имели своих «серых кардиналов», как конспирологического, так и геополитического характера, нередко совмещавших и то и другое в одном лице — будь то физическое или же какое-то общество:

в Германии — Карл Хаусхофер, его сын Альбрехт и частично Ганс фон Сект, хотя и умерший к началу тех событий; первые же два, особенно Хаусхофер-старший, в одном лице совмещал массу ипостасей конспирологическо-геополитического характера, ибо являлся и известным геополитиком, и разведчиком, и аналитиком очень высокого уровня, и тесно связанным с различными тайными обществами (в Германия — «Ложя Полярных», она же «Орден Полярных», о которой говорится в следующей главе, в Японии — с обществами «Черного Дракона», «Черного Океана», «Реки Амур» и т. д.), и, что самое характерное, при всем при этом оба Хаусхофера имели прямое отношение к британской масонской ложе «Герместический Орден Золотой Зари», на которой-то, кстати говоря, и лежит принципиальная ответственность за появление нацизма вообще;

в СССР — хотя и высланный из СССР еще в 1929 г., но тем не менее не потерявший конспиративных связей с внутренней оппозицией Лев Троцкий, который и держал руку на пульсе двухсторонних связей как между советской и германской оппозицией, так и между советской и японской частями геополитического заговора; при этом не следует забывать, что в силу своих родственных и иных связей Троцкий был теснейшим образом связан и с могущественными масонскими силами Запада;

в Японии — Коноэ Фумимаро и особенно Тояма Мицумаро, а также стоявшие за ними тайные японские общества.

В-третьих, на «хвостах» германского и японского компонентов заговора «висела» советская военная разведка:

— на германском — В. Г. Кривицкий, формально числившийся в НКВД. Его связи с германскими генералами появились еще со времен работы в разведупре. Не говоря уже о том, что функционально его общение с представителями заговора Фрича — Блом-берга более всего похоже на то, что это делалось все-таки по линии военной разведки, но прикрывалось, на случай расшифровки, лубянской вывеской (в принципе подобное — достаточно распространенное явление в мире

спецслужб; например, того же Скоблина Лубянка вербовала от имени разведки Красной армии);

— на японском — Рихард Зорге и его лучший агент Одзаки Ходзуми, который сам являлся сотрудником одной из японских спецслужб того времени. К тому же и сам Зорге выполнял роль Двойного агента, т. к. с разрешения руководства ГРУ сотрудничал также и с германской разведкой (абвером).

В обоих случаях «хвосты» были не простые — оба, особенно же спарка Зорге — Одзаки, умело вертели всей «собакой»: если Кривицкий по просьбе германских генералов занимался памфлетированием для оказания влияния, то спарка Зорге — Одзаки и вовсе напрямую вершила политику, зачастую на глобальном уровне.

Короче говоря, если подвести итог, то нужно помимо всего, что уже было перечислено, помнить также и следующее: Запад совершенно не случайно избрал тактику именно «экономического умиротворения» — не в его политических традициях именно подобным образом «умиротворять» своих откровенных геополитических конкурентов. А это означает, что Запад прекрасно понимал саму суть основы могущего сложиться военно-геополитического альянса — постСССР должен был превратиться в источник ресурсов для Германии и Японии, которые в таком случае безбоязненно могли бы перейти к реализации своих амбициозных геополитических планов. Вот почему ликвидация советской части заговора была осуществлена не только в первоочередном порядке, но и оказалась теснейше переплетена с «экономическим умиротворением» Гитлера за счет сдачи ему «в аренду» Чехословакии. Вот почему правительство Коноэ, выждав всего лишь месяц после прихода к власти, инцидентом на мосту Лугоуцяо (более известен как мост Марко Поло) в ночь на 8 июля 1937 г. развязала войну в Китае. Токио, как и Берлин, тоже ожидал коренных изменений в СССР и превращения последнего в постСССР с военной диктатурой, опираясь на экономическую помощь которой Япония смогла бы решить свои военно-экономические задачи и начать настоящую вооруженную экспансию. Однако же убедившись, точно так же, как и германская генеральская оппозиция, в полной необратимости свершившегося в СССР разгрома заговора военных, но получив гарантии «экономического умиротворения» со стороны Запада, тут же ринулся

на тропу войны с привычными антисоветскими лозунгами, но с естественно задними, по отношению к Западу, мыслями. 7 декабря 1948 г. все эти «мысли» обрушились бомбами на Пёрл-Харбор.

То есть если тот же Бломберг «только 12 дней спустя наконец подписал» ту самую «директиву», о которой так много говорилось выше, то более остро нуждавшийся в ресурсах Токио менее чем через месяц после официального сообщения о расстреле Тухачевского и К° развязал войну в Китае за те же самые ресурсы. И вот что очень любопытно — именно славившаяся своими связями с британской разведкой английская газета «Ньюс хроникл» в номере от 25 июня 1937 г. (всего через 13 дней после официального сообщения о расстреле Тухачевского) опубликовала (к тому же со ссылкой на самого Сталина?) сведения о некоем плане «стратега», который включал в себя следующие элементы: разрыв договоров СССР с рядом западных стран (прежде всего речь шла о договорах с Францией и Чехословакией); полный отказ от курса на разоружение и предотвращение агрессии; организацию попытки втягивания Германии в войну с одним из европейских государств, при сохранении со стороны СССР строгого нейтралитета. Последнее должно было означать: пока еще в силу пролонгации действует Договор о ненападении и нейтралитете от 24 апреля 1926 г. между СССР и Германией, разрывом договоров с Францией и Чехословакией дать Берлину возможность напасть на Францию, при том что Чехословакия удерживалась от нападения на Германию угрозой с Востока.

Если теперь окончательно свести воедино все обстоятельства:

— что существовала германская генеральская оппозиция Гитлеру, что ее возглавляли Бломберг и Фрич, что тот же Бломберг, как один из заговорщиков, одновременно готовит «Директиву о единой подготовке вермахта к войне» именно же в мобилизационный период 1937/38 г., но при этом закладывает в нее и «второе дно» в виде аккуратно заготовленной нормативной базы для установления военной диктатуры под видом Верховного главнокомандования, — что в СССР существовал военно-политический заговор во главе с Тухачевским, которого в СССР обвинили в связях с германским рейхсвером, а в Англии — в только что приведенных выше намерениях, — что в Японии только что пришедшее к власти правительство Коноэ тут же развязало войну, у которой запросто мог быть совсем иной вектор

направленности, **то никакой речи о случайном совпадении и быть не может.**

Теперь вернемся к «версии» Шелленберга. Итак, поскольку выше мы установили, что до встречи Лейт-Росса с Шахтом нацистская верхушка, включая и самого Гитлера, не ведала о заговоре советских военных, то могло ли быть выгодным тому же Гитлеру, когда он узнал об этом, уничтожение чужими руками столь высокопоставленной агентуры германского рейхсвера? Это исключается даже гипотетически, так как Гитлер изначально был нацелен на агрессию против СССР — его ведь именно для этого и привели к власти — и для него столь высокопоставленная агентура была нужна именно живой.

Однако все дело в том, что речь идет о 1937 г., а в это время Гитлер пока еще ни о каком конкретно нападении на СССР всерьез не помышлял, тем более на уровне разработки конкретных планов (хотя и примеривался). Причем по трем довольно банальным причинам.

Во-первых, не было ни коридора прохода к границам СССР, ни, тем более, плацдарма для развертывания войск в непосредственной близости к советским границам. Какую бы политику в отношении СССР ни проводили в то время Польша или Чехословакия, объективная геостратегическая реальность была такова, что полностью против своей же антисоветской, а по сути дела русофобствовавшей (особенно у официальной Варшавы), воли они служили буферами между гитлеровской Германией и СССР. Для Гитлера первостепенной задачей было ликвидировать эти буферные зоны. Собственно говоря, именно это-то и составляло главную суть выводов по итогам командно-штабных учений конца 1936-го — начала 1937 г. Так какой же смысл в том, чтобы ликвидировать «высокопоставленную агентуру», если она сама не только мечтала о «континентальном соглашении с Германией», но и реально могла способствовать решению всего спектра самых насущных задач рейха, в т. ч. и военно-экономических?!

Во-вторых, вермахт того периода хотя и быстро рос как в количественном, так и качественном отношении, однако именно тогда он был еще весьма слаб. Настолько, что его могла раздавить даже регулярная армия Чехословакии (не говоря уже о возможностях двухмиллионного ее ополчения), тем более при поддержке Франции и СССР, как то и предусматривалось по неоднократно уже

упоминавшимся договорам 1935 г. Даже через год после ликвидации заговора Тухачевского Гитлер по-прежнему панически боялся даже тени намека на возможность вмешательства СССР в его внутриевропейские разборки, в чем его откровенно убеждал большой знаток Советского Союза посол Германии в Москве граф фон Шуллербург. Еще 30 мая 1938 г. он отписал Гитлеру в секретном (но не от Лубянки) порядке следующее: «Война не может быть локализована. Прямо или косвенно все европейские и неевропейские силы, а также скандинавские государства примут в ней участие. Участие Европейской России в этой войне будет самым большим и самым решающим событием». Это было написано тогда, когда негативные последствия разгрома заговора — в плане ослабления военной мощи СССР — были заметны невооруженным глазом даже невоенному человеку. И опять же вопрос — какой Гитлеру был смысл ликвидировать столь «высокопоставленную агентуру», если, опираясь на нее, он мог устранить даже саму вероятность участия России в войне против Германии?!

В-третьих, Гитлеру прекрасно было известно, что СССР ничего не замышляет против Германии, тем более нападения на нее, тем более в 1937 г. (то же самое абвер фиксировал и вплоть до 22 июня 1941 г. по всей линии западной границы СССР). Кстати говоря, знали об этой осведомленности нацистского руководства и на Западе, а в Кремле знали, что Запад знает, что Гитлер знает. В добытой советской разведкой копии телеграммы американского посла в Берлине У. Додда на имя госсекретаря США от 8 января 1937 г. говорилось, что *«конфиденциальные доклады, которыми располагает командующий сухопутными войсками Германии Фрич, убеждают руководителей рейхсвера, что Германии не грозит опасность со стороны СССР в течение ряда лет и что вооружения СССР предназначены не для наступательных, а для оборонительных действий»*.

Кстати говоря, то же самое фиксировал и британский военный атташе в Москве полковник Р. Файэрбрейс, из года в год отмечавший в своих отчетах, что Красная армия именно в обороне является весьма внушительным противником, а его американский коллега полковник Ф. Феймонвилл оценивал боеспособность РККА в обороне также высоко, в т. ч. и в противостоянии даже коалиции агрессивных держав.

То есть с какой стороны ни возьми, Гитлеру не было никакого резона в первой половине 1937 г. пускать «под нож» столь «высокопоставленную агентуру» германского рейхсвера. Заиметь такую агентуру, выпестовать ее, дожидаться момента, когда она займет высшие и ключевые посты в военной иерархии государства, уничтожение которого являлось сутью смысла существования нацистского режима, и вот так, запросто, одной какой-то фальшивкой сдать, да еще и за четыре года до фактического нападения на СССР?!

Короче говоря, нацистское руководство, начиная с Гитлера и кончая руководством спецслужб, никакого отношения к провалу «заговора» Тухачевского не имело. Равно как и к ошельмованию Тухачевского фальшивками — поскольку ни ошельмования, ни фальшивок попросту не было и такой операции даже не планировалось.

Один из наиболее близких к Гитлеру руководителей Третьего рейха — Альберт Шпеер — в своих «Воспоминаниях» указывал, что в 1937 г. Гитлер считал ложными обвинения, предъявленные Тухачевскому и К°. А ведь это могло быть только в одном случае, когда он обо всем этом узнал постфактум, в противном же случае он просто знал бы — и только после неудачного покушения на его жизнь 20 июля 1944 г. наконец стал не исключать возможности тайного сотрудничества между германским и советским генштабами в 30-е годы. Более того, Шпеер прямо подчеркивал в своих действительно собственноручно написанных мемуарах, что Гитлер не располагал никакой информацией о существовании тайных связей между германским и советским генералитетом.

В итоге вся эта логика «версии Шелленберга» — не что иное, как британская фальшивка. Ведь Гитлер действительно не ведал ни о заговоре Тухачевского, ни о нем же, как о неотъемлемом компоненте «двойного заговора», и уж тем более «тройного заговора», пока не в меру «сердобольные» англичане не дали ему информацию о возможности крутых перемен в СССР, дабы на том произвести торг по «сдаче в аренду» Чехословакии!

Ретроспективы ради можно пойти на предположение, что сдача фальшивками Тухачевского и К° в руки НКВД имела бы хоть какой-то смысл в самый канун нападения на СССР, но не за четыре же года до него!

Ведь, во-первых, за такой срок в одной только Академии Генерального штаба, не говоря уже о других военных вузах, из тех же старших офицеров можно подготовить 200–300 современно мыслящих генералов и еще иметь резерв в несколько сотен (до тысячи человек) не до конца завершивших курс обучения.

Во-вторых, выше высказанное предположение лишено всякого смысла еще и в силу соображений военного порядка, в частности исходя из стратегии блицкрига, на которую столь сильно и всегда уповал Гитлер. Какой смысл сдавать агентуру на расправу контрразведке противника, тем более подложным компроматом, особенно в канун нападения на него, если:

— сам уповаешь только на блицкриг, автоматически подразумевающий разгром основных вооруженных сил противника именно в приграничных сражениях, а — твоя агентура, занимая высшие посты в военной иерархии государства-противника, вынашивает планы поражения своей же армии. Ведь Тухачевский до последней секунды своей жизни с невероятным упорством проповедовал доктрину жесткой обороны именно на линии государственной границы, особо рьяно отстаивая тезис о том, что «приграничные сражения в отличие от Первой мировой войны должны принять затяжной характер и продолжаться несколько недель»?!

И чего такого «стратега» сдавать? Ведь даже и без подельников-пораженцев он один мог стать едва ли не главным залогом успеха блицкрига Гитлера на Востоке. Достаточно вспомнить его безумно преступное отрицание белорусского направления главного удара как «совершенно фантастического». Но ведь этим его взгляды на стратегию не ограничивались, и уж если быть откровенным до конца, они вообще до ужаса преступно парадоксальны. Не имея серьезного и системного ни высшего вообще, ни, тем более, высшего военного образования, особенно полного курса обучения в Академии Генерального штаба (вообще это уникальный парадокс всего СССР — из первых пяти советских маршалов только Буденный удосужился окончить Военную академию имени Фрунзе, и то в 49 лет), но снабемый непомерно амбициозным тщеславием натурального выскочки, Тухачевский всю свою жизнь при Советах занимался откровенно «непринужденным», но вполне компилятивным плагиатом взглядов и выводов крупнейших зарубежных военных специалистов,

приписывая их себе, как якобы результат собственных теоретических изысканий в области им же изобретенной «классовой стратегии».

На выдающихся отечественных специалистов военного дела «наполеончик» презрительно плевал, а единственный вид внимания, который он им оказывал, было откровенное, но полностью беспочвенное провоцирование военной контрразведки на расправу с бывшими царскими офицерами и генералами, имевшими несчастье честно служить своей Родине — России — в РККА. Позорнейшее дело «Весна» (1930), по которому за решетку незаслуженно попали многие из них, едва ли не на три четверти на совести лично Тухачевского.

Но даже это не уберегло Тухачевского от полной неспособности понимать, что же пишут зарубежные специалисты. Один из наиболее выдающихся военных теоретиков и практиков современного Тухачевскому германского генералитета, впоследствии командующий группой армий «Север», фон Лееб в 30-х годах XX века написал очень толковую книгу о стратегической обороне. Суть ее он сводил к тому, что в современной (на тот момент) войне наиболее целесообразно обороняющимся войскам постепенно уступать свою территорию, заставляя наступающую сторону нести очень большой урон, в первую очередь из-за растянутых коммуникаций, крайне болезненно подверженных фланговым ударам. Лееб тщательно проанализировал и обобщил опыт, в первую очередь боевой опыт русской армии при отражении тотальных нашествий с Запада, но, однако, превозносимый «стратег» не обратил внимания на эту концепцию, потому как опыт царской армии ему был не указ. А ведь в святцах родного российского Генерального штаба еще с 1812 г. лежат выдающиеся аналитические рекомендации стратегического характера, составленные по просьбе русской военной разведки одним из самых талантливейших аналитиков военной стратегии в начале XIX века, ближайшим советником Наполеона, а впоследствии генерал-майором русской армии, одним из основателей Военной академии Антуаном Жомини. Именно он разработал основы той самой стратегической обороны как таковой и в применении к специфическим условиям России в частности — фон Лееб всего лишь, но весьма объективно, трансформировал его идеи к условиям XX века. Именно там, в этих талантливых рекомендациях Жомини содержалась замечательная мысль о том, что стратегическая оборона должна сопровождаться

также и активными действиями сильных маневренных частей и соединений на растянутых коммуникациях противника, по которым осуществляется снабжение армии вторжения. Да и вообще, идея стратегической обороны настолько прочно вошла в плоть и в кровь, в сами гены российского государственного сознания, что ее образ, дух и смысл запечатлен даже в поэзии:

...Русь обняла кичливого врага,
И заревом московским озарились
Его полкам готовые снега.

А. С. Пушкин

...Хрустнет Ваш скелет
В тяжелых, нежных, наших лапах.

А. Блок

Именно этого чрезвычайно опасался Гитлер, рассчитывавший на то, что советское командование все-таки изберет вариант жесткой обороны прямо на границе, от чего даже в Директиве № 21 («План Барбаросса») прямо предписал: «Отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено».

Что бы произошло, если «наполеончик» со своей ставкой на жесткую оборону непосредственно на границе оставался бы на своем посту и 22 июня 1941 г., да еще и со всеми своими вредительско-пораженческими намерениями? Как минимум — полная национальная катастрофа с необратимыми последствиями, по сравнению с которой даже все тяжелейшие неудачи РККА в начальный период войны оказались бы всего лишь мимолетным огорчением.

...Насколько этот вопрос был серьезен, можно увидеть из нижеприводимого факта. Незадолго до войны, 24 февраля 1941 г., от проверенного агента «Экстерн» со ссылкой на приближенные к нацистской военной верхушке источники в «Российском национал-социалистском движении» (была такая фашиствовавшая контора в

русской эмиграции во главе с Меллер-Закомельским) внешней разведкой Лубянки была получена очень интересная информация. Оказалось, что едва только просохли чернила на подписях под Договорами о ненападении от 23.08.1939 г., а затем и от 28.09.1939 г. между СССР и Германией, как германский Генеральный штаб заказал известному белоэмигрантскому генералу Петру Краснову аналитический обзор на тему «Поход Наполеона на Москву в 1812 г. Теоретический разбор вопроса о возможности такого похода в XX веке и возможные последствия».

Это не только одно из прямых доказательств того, что Гитлер и его генералы уже тогда были всерьез поглощены планами агрессии против СССР и что Сталин был абсолютно прав, заявив И. фон Риббентропу на банкете по случаю подписания Договора о ненападении, что советское руководство прекрасно осознает, что конечная цель Германии — это нападение на СССР (очевидцы утверждали, что от этих слов Сталина Риббентроп едва не подавился шампанским). Это еще и свидетельство того, что ни Генеральный штаб Германии, ни тем более абвер не позволили себе роскоши не обращать внимания на опыт прошлого и особенно на взаимосвязанные с этим опытом симптоматичные действия СССР еще осенью 1939 г. Дело в том, что, во-первых, годом раньше — в 1938 г. — вышла новая книга Е. В. Тарле «Нашествие Наполеона на Россию», а в 1939 г., в конце лета состоялось переиздание известного в военных кругах труда А. Жомини «Очерки военного искусства», первое издание которого имело место еще в начале 30-х годов. Германские генералы быстро сообразили, что означают такие публикации, тем более что еще в 1936 г. на фоне книги Тарле «Наполеон» вышло в свет второе в 30-х годах переиздание трудов А. Жомини. Да в общем-то не так уж и сложно было сообразить, что советское военно-политическое руководство откровенно разворачивается к бесценному опыту прошлого. Надо отдать должное «хитроумному греку» — главе абвера адмиралу Канарису — и его коллегам из отдела «Иностранные армии» Генштаба в том, что они вполне логично вычислили стратегические последствия ликвидации Тухачевского. Ибо был ликвидирован не только, а может, и не столько сам преступный заговор, сколько носители преступной (но выгодной для Германии) для обороны России идеи. Абвер умел по

незначительным штрихам делать серьезные и обоснованные выводы. Да и как было не заметить этого: в 1935 г. — издание книги «Наполеон», в 1936 г. — труды Жомини, в 1938 г. — издание книги «Нашествие Наполеона на Россию», в 1939 г. — очередное переиздание трудов Жомини...

Кроме того, Тухачевский ко всему прочему до конца своей жизни был также и не менее рьяным сторонником нанесения превентивного удара как по потенциальному (достаточно вспомнить его личную инициативу и собственноручно разработанный план нападения на Польшу в 1932 г.), так и по уже изготовившемуся к нападению на СССР противнику. В этом смысле именно эта его рьяность как свидетельство полного отсутствия какого-либо присутствия понимания как стратегии современной ему войны, так и сути геополитической ситуации в современном ему мире, вообще откровенно переходит в преступный умысел. Дело в том, что не знать о книге фон Лееба или о публиковавшихся им статьях на эту тему Тухачевский не мог.

Во-первых, потому, что любая военная разведка, тем более крупная, и уж особенно великой державы, с особой тщательностью и систематически следит за всеми книжными новинками и иными открытыми публикациями на военные темы, и столь же регулярно делает подробные обзоры по ним, в т. ч. и аналитические, а многое переводит на язык своего государства для внутреннего пользования — расширения стратегического кругозора командного состава. Советская военная разведка исключений в этом смысле не являла, наоборот — она одна из лучших в мире образцов для подражания в деле организации аналитической работы.

Во-вторых, по своему положению в 30-е годы Тухачевский даже если бы и захотел, то все равно не избежал бы ознакомления с такими материалами, поскольку он числился в первой пятерке основных адресатов для сообщений военной разведки, не говоря уже о его личном пристрастии к различным новомодным веяниям в военном деле. Так вот, в доктрине фон Лееба был один постулат, на котором Тухачевский фактически и свернул себе шею и едва не свернул шею Георгий Константинович Жуков. Дело в том, что этим постулатом предусматривалось откровенное провоцирование противника перед началом войны на якобы упреждающее, превентивное выступление,

чтобы спровоцировав таким образом действительное начало войны, но чужими руками, и уничтожить затем ударную силу противника в оборонительных боях.

Таким образом, зная о странном дуализме взглядов «гениального полководца» на стратегию, в т. ч. на оборону крупнейшего государства мира, тем более в сочетании с известными фактами его заговорщической, включая и вредительно-пораженческую, деятельности, поневоле схватишься за голову при одной только мысли о том, что же могло произойти 22 июня 1941 г., будь этот «стратег» на своем посту. Не говоря о том, что подобные взгляды — прямое свидетельство того, что он не понимал подлинного, геополитического характера грядущего столкновения с Германией как столкновения не Берлина и Москвы, но Запада и Востока в целях полного уничтожения России, причем не только как государства, но прежде всего как географического и геополитического фактора всемирного масштаба.

... Что же до Г. К. Жукова, то при всем моем личном безграничном уважении к его ратным подвигам, тем не менее невозможно не обратить внимания на ныне хорошо известный историкам инцидент 15 мая 1941 г. В тот день, фактически следуя постулату из доктрины фон Лееба, Жуков совместно с Тимошенко (наркомом обороны) предложил Сталину нанести превентивный удар по сконцентрированной по ту сторону границы группировке войск вермахта. И только крайне резкий в своей исключительной разумности, основывавшейся сразу на двух «китах» — геополитической нецелесообразности и исторической ответственности за будущее, — отпор Сталина такой идее предотвратил эту безумную авантюру. Потому что через четверть века сам же Жуков без какого-либо принуждения, по собственной инициативе рассказав об этом факте, одновременно полностью признал и абсолютную авантюристность выдвинутого им и Тимошенко предложения.

И вот уже более 10 лет — со дня предания широкой огласке факта о плане Жукова — кипит околонучный спор на тему «готовил ли Сталин превентивную войну или нет». По моему глубочайшему убеждению, Жуков того не желал, но вот что же в итоге получилось? Один непродуманный шаг — предложение начальника Генерального

штаба о нанесении превентивного удара — и все тычут, что Сталин и СССР агрессоры, поскольку сами-де готовили превентивный удар...

Если еще раз подвести промежуточный итог, то совершенно очевидно, что даже в гипотетическом смысле ни по какой «статье» Гитлеру абсолютно не было выгодно сдавать столь германофильствовавших Тухачевского и его подельников.

Теперь давайте попробуем рассмотреть еще один вопрос: а могло ли, в свою очередь, быть выгодным Гитлеру уничтожение германофильствовавшей агентуры в качестве, например, пролога к заключению с СССР нового договора о ненападении, т. е. того самого, что был подписан 23 августа 1939 г., на что в любом издании «мемуаров» Шелленберга тычет его «версия»? Невозможно увидеть даже тень намека хоть на какой-то смысл в том, чтобы за год до истечения пролонгированного до мая 1938 г. Договора о ненападении и нейтралитете от 1926 г. фальшивкой сдать на расправу Лубянке и Сталину якобы «свою» высокопоставленную агентуру в эфемерном (по состоянию на первую половину 1937 г.) ожидании призрака возможности заключения Договора о ненападении от 23 августа 1939 г. Потому как, во-первых, произошел бы неминуемый скандал в межгосударственных отношениях с СССР. А в 30-х годах Гитлер еще отчаянно боялся Советского Союза и его мощи, и даже не рисковал идти на столь откровенно грубые агрессивные шаги в отношении Москвы. Кстати говоря, частично этот скандал все-таки произошел, когда в связи с делом военных в советской печати появились прозрачные намеки на некоего генерала, военного атташе иностранной державы — между тем весной 1937 г. в Москве был только один военный атташе в генеральском звании: генерал Кёстринг из посольства Германии, который незамедлительно выступил с официальным протестом.

Во-вторых, и это самое главное, если исходить из вышедшего предположения, то тогда следует признать, что Гитлер по собственной инициативе решил вступить в конфликт со своими генералами. Ведь весь германский генералитет официально присягнул ему на верность после событий 30 июня 1934 г., а поэтому «сдать агентуру германского рейхсвера» означало бы открытую конфронтацию непосредственно с германским генералитетом. Однако на тот момент Гитлер еще не был готов к тому, чтобы начать

наступление на своих генералов: это начнется только с 4 февраля 1938 г., когда после изгнания Бломберга и Фрича он объявит себя Верховным главнокомандующим.

...На основе имеющихся материалов можно вполне уверенно утверждать, что до начала ноября 1937 г. Гитлер даже не отдавал себе отчета, что же означает — постпериод после истечения срока действия договора от 1926 г. в мае 1938 г., а скорее всего — даже до декабря 1937 г. Как уже отмечалось, несмотря на то что план нападения на Чехословакию разрабатывался германским Генштабом с 1935 г., непосредственно в завершенном виде («план Грюн») он был утвержден Гитлером только в декабре 1937 г. со сроком исполнения весной 1938 г.

*В хорошо известном всем историкам «протоколе Хоссбаха» о совещании у Гитлера 5 ноября 1937 г. есть уникальный факт: в ответ на реплику министра иностранных дел Константина фон Нейрата о том, что в ближайшем будущем в Европе не предвидится никаких военных конфликтов (между тем в Испании вовсю полыхала Гражданская война, в которой впервые после 1914 г. с оружием в руках, но с неофициальных позиций столкнулись представители Германии и России), Гитлер безапелляционно заявил: **«Такая ситуация возникнет летом 1938 г.»** (подчеркнуто мной. — А. М.). Любопытно отметить, что чуть более чем за год до этого в известном меморандуме о единой экономической подготовке к войне от 26 августа 1936 г. Гитлер не смог назвать календарные сроки развязывания войны, отчего в тексте меморандума содержится следующий пассаж: «Целью этого меморандума не является предсказание времени, когда нетерпимая ситуация в Европе перейдет в стадию открытой войны. Я хочу лишь выразить мое твердое убеждение, что этот кризис не преминет наступить». А вот к 5 ноября 1937 г. фюрер уже был сориентирован именно на возникающий после истечения срока действия Договора 1926 г. постпериод, не помышляя в то же время ни о каком новом Договоре о ненападении с СССР. Т. е. к этому моменту он уже понимал, что поскольку 20 мая 1938 г. истекает пролонгированный срок действия советско-германского Договора о ненападении и нейтралитете от 24 апреля 1926 г., то он, Адольф Гитлер, с молчаливой санкции Лондона может нападать на Чехословакию буквально на следующий день. Именно*

поэтому утвержденный им в декабре 1937 г. «план Грюн» предусматривал в качестве даты нападения на Чехословакию 22 мая 1938 г. Столь ювелирно подлое подгадывание сроков действий, затрагивающих судьбы всего мира, — прием не из арсенала коричневого фюрера. Это уже «почерк» Великобритании, которая всего за два предыдущих года — 1936 и 1937 гг. — дважды его продемонстрировала, и в обоих случаях против Чехословакии (особенно если вспомнить миссию Лейт-Росса). Дело в том, что когда 7 марта 1936 г. Гитлер, объявив о разрыве Локарнских соглашений, реокупировал Рейнскую область, он действовал на упреждение вступления в силу перекрещивавшихся советско-французского и советско-чехословацкого договоров о взаимопомощи от 2 и 16 мая 1935 г., которые должны были войти в действие 8 марта 1936 г.

Французская разведка уже тогда точно установила, что именно Великобритания порекомендовала Гитлеру пойти на такой шаг. Ведь именно с 8 марта при вступивших в силу вышеупомянутых договорах Великобритания неизбежно оказывалась обязанной, как главнейший гарант соблюдения Локарнских соглашений, предпринять прямые контрмеры (в т. ч. и военные) против Германии (кстати, именно поэтому на французскую ноту от 3 марта 1936 г. о том, что в случае попытки реокупации Рейнской зоны Франция ответит серьезными военными мерами, официальный Лондон обещал якобы дать ответ только 9 марта). Уведомление же Гитлера о безнаказанной возможности осуществления этого агрессивного акта тогда произошло по линии: британский король Эдуард VIII — его германские кузены Филипп Гессенский и Карл Эдуард герцог Саксен-Кобург-Готский, а также по линии связи Уинтер-ботэм — де Ропп.

В 1937 г. по накатанной колее королевского соучастия в мировом бандитизме произошло аналогичное. В октябре этого года ярый поклонник нацизма и лично Гитлера, но уже бывший король Эдуард VIII с частным визитом посетил Германию, где встретился с предметом своего обожания. Любопытно, что, прекрасно владея немецким языком, как родным, Эдуард даже в качестве частного гостя отказался от формата тет-а-тет, потребовав присутствия переводчика с английского на немецкий. Мера предосторожности отнюдь не случайная, ибо если бы уже тогда просочились сведения о том, что 5 ноября 1937 г. Гитлер, хотя и в узком кругу, но уже

говорил о мировой войне, да еще и указывая срок — лето 1938 г., то избежать грандиозного скандала с обвинением британской королевской семьи в прямом подстегивании агрессивных амбиций Германии не удалось бы ни при каких обстоятельствах. Прямая связь между визитом Эдуарда и этим заявлением Гитлера бросается в глаза. Как, впрочем, и прямая связь с тем фактом, что, убедившись с помощью всей той же британской разведки, что Гитлер все правильно понял, в Берлин уже 19 ноября 1937 г. пожаловал не кто иной, как сам министр иностранных дел в правительстве Невилля Чемберлена лорд Галифакс. А после встреч с ним Гитлер утвердил «план Грюн» со сроком исполнения 22 мая 1938 г.!

Прямая связь как между событиями в канун и после реокупации Рейнской зоны, так и частным визитом Эдуарда VIII, совещанием 5 ноября 1937 г., заявлением Гитлера, что подходящие для войны условия сложатся летом 1938 г., визитом Галифакса и утверждением «плана Грюн» со сроком исполнения 22 мая 1938 г., очевидна. Особенно если учесть, что в январе того же 1937 г. ранее упоминавшийся специальный представитель британского премьер-министра Болдуина — сэр Рэнсимен — вдалбливал президенту Рузвельту, что Великобритания ждет войны не позднее 1938 г., а посему вместе с Францией имеет соответствующий план, как «полностью добиться нового соглашения с Берлином», после чего и произошел провал заговора Тухачевского.

В 1951 г. в ответ на откровенно хамские выпады Великобритании и США в адрес СССР с обвинениями в том, что именно СССР виноват в разжигании Второй мировой войны, МИД СССР по прямому указанию Сталина подготовил и опубликовал историческую справку под названием «Фальсификаторы истории», в которой со ссылкой на захваченные архивы германского МИДа были опубликованы разведывательные данные 1937 г. о визите Галифакса в Берлин. Эти данные свидетельствуют о том, что план, о котором говорил Рузвельту Линдсей и в силу которого Рэнсимен уверял главу Белого дома, что Лондон ждет войны не позднее 1938 г., заключался в том, что Англия, а под ее нажимом и Франция, присоединятся к оси «Берлин — Рим» (которая к тому времени разрослась до треугольника Берлин — Рим — Токио) с целью создания единого фронта против СССР, участвовать в котором и приглашали США. Между тем

высказать такое мнение Галифакс мог только в одном случае — при наличии заваленного в своей основе «двойного» и даже «тройного» заговора по цепи Берлин — Москва-Токио. То есть вместо этого, даже не континентального соглашения, ориентированного против Великобритании, в чем западноевропейская пресса открыто обвиняла Тухачевского, но трансконтинентального соглашения антианглосаксонской направленности, Лондон открытым текстом высказал намерение соучаствовать в создании также трансконтинентального, однако уже иного в своей сути соглашения — с сугубо русофобской, антисоветской целью. Отсюда и прямое согласие Галифакса на гитлеровские планы по захвату Данцига, Австрии и Чехословакии. Отсюда же и резкое усиление «экономического умиротворения» в Германии, и Японии. Именно поэтому провал заговора Тухачевского и оказался столь тесно взаимосвязан с политикой «экономического умиротворения».

Высказанное Галифаксом намерение о присоединении к оси Берлин — Рим могло быть произнесено только в том случае, если был полностью завален пугавший Лондон военно-геополитический «тройной заговор». С другой стороны, это же означает, что сам Гитлер в тот момент ни на йоту не помышлял ни о какой возможности заключения нового договора о ненападении с СССР. Следовательно, ему не было никакого смысла, имея он такую германофильствовавшую агентуру, как расстрелянные военные, сдавать ее на расправу Сталину, т. к. только с ее помощью он мог избежать проявления военной активности СССР после истечения срока действия Договора от 1926 г. Ведь и сам Тухачевский, и его главные подельники были против договоров о взаимопомощи с Францией и Чехословакией. Британская «Ньюс хроникл» отнюдь не случайно обвинила Тухачевского в организации втягивания Германии в войну с одним из европейских государств при сохранении со стороны СССР строгого нейтралитета...

Теперь черед другого: а могло ли, в свою очередь, быть выгодным Гитлеру уничтожение, тем более чужими руками, германофильствовавшей агентуры германского рейхсвера в качестве пролога к аншлюсу Австрии и оккупации Чехословакии в октябре 1938 г., на что ненавязчиво намекает все та же «версия Шелленберга»? Опять-таки начисто исключено по выше уже

указывавшимся мотивам и причинам. Тем более если учесть, что аншлюсе Австрии был предreshен еще в 1916 г., о чем свидетельствуют секретные документы британского МИДа того же периода, а судьба Чехословакии была предопределена все той же Великобританией как минимум еще в 1930 г. Для Гитлера же наиболее выгодным было бы сохранение агентуры живой и здравствующей на своих влиятельнейших постах, ибо только в этом случае возможно было избежать откровенной демонстрации советской военной мощи.

Опять вынужден вернуть внимание читателей к тому обстоятельству, что именно связанная с британской разведкой «Ньюс хроники» обвинила Тухачевского в намерении соблюдать после переворота строгий нейтралитет СССР, пока Германия будет воевать с кем-либо из европейских государств.

...Между прочим, когда дело дошло до финала предмюнхенских интриг, то Лондон направил в Прагу целую бригаду британских разведчиков во главе с неоднократно упоминавшимся сэром Рэнсименом, которая только и была занята тем, что откровенно выламывала руки официальной Праге, дабы предотвратить даже малейшую возможность ее обращения за помощью к СССР...

После всего вышеизложенного можно спокойно ставить точку в попытках что-либо предположить хотя бы в гипотетическом плане, ибо ни по каким мотивам Гитлеру было не выгодно сдавать такую агентуру на расправу, не говоря уже о том, что о заговоре военных он ничего не знал.

В заключение этой вынужденной темы об «агентуре германского рейхсвера» затронем еще один аспект. В одно время у защитников «гениальных стратегов» в моде было зубоскальство на тему о том, что-де насколько же глупы были сотрудники НКВД, вменив в вину некоторым из заговорщиков — евреям по национальности — связь с нацистами. Мотивировка внешне была убойной — евреи, мол, не могли снюхаться с фашистами, нацистами, которые были зоологическими юдофобами. Элементарное передергивание фактов на фоне формальной достоверности. О том, что в целом германские нацисты были юдофобами, всем известно. Но, как указывалось выше, Сталин упорствовал именно на термине «германский рейхсвер» или просто «рейхсвер» совершенно не случайно — у Сталина всегда любое слово имело колоссальный вес. Дело в том, что ни в целом офицерский

состав рейхсвера, ни тем более генералитет, выросший из среднего офицерского звена времен еще Первой мировой войны, никакой, тем более патологической юдофобией не страдали. Они едва ли не поголовно, а в среднем каждый третий, были женаты на еврейках, а достаточно заметная прослойка офицерского и высшего офицерского состава гитлеровского периода и вовсе сами были евреями. Точнее, они были «мишлинге», т. е. лицами, родившимися от смешанных браков «арийцев» с «неарийцами». Сообщая об этом, израильская газета «Вести» особо подчеркивала, что только среди высокопоставленных офицеров и генералов вермахта насчитывалось 77 «мишлинге», которым лично Гитлер выдал удостоверения о «немецкой крови», хотя ему прекрасно было известно об их «неарийском» происхождении. Среди них: 23 полковника, 5 генерал-майоров, 8 генерал-лейтенантов и два полных генерала. По данным той же газеты, классическим примером «скрытого еврея» в военной элите Третьего рейха следует считать генерал-фельдмаршала авиации Эрхарда Мильха — его отец был евреем-фармацевтом. А «классикой» решения вопроса та же газета считает давно известный «афоризм» Геринга: «В своем штабе я сам буду решать, кто у меня еврей, а кто нет!» В целом же в вермахте насчитывалось 150 тысяч «мишлинге», громадная часть которых воевала против СССР. Сотни «мишлинге», по данным израильской газеты, были награждены за храбрость Железными крестами, а двадцать солдат и офицеров были удостоены высшей военной награды гитлеровской Германии — Рыцарского Креста. Даже в пропаганде «мишлинге» были задействованы в полной мере — долгое время, как отмечает израильская газета, образцом голубоглазого «арийца» в каске была фотография «мишлинге» Вернера Голдберга, отец которого был евреем. А уж что говорить об «отцах-основоположниках» германо-советского «двойного заговора» — Карле Хаусхофере и Гансе фон Секте: у обоих жены были еврейками, соответственно, сыновья того же Хаусхофера не кто иные, как «мишлинге». Поэтому нет ничего удивительного в том, что советские генералы-евреи пользовались почетом и уважением у германских генералов, даже невзирая на то, что они в первую очередь были коммунистами, коих в рейхсвере ненавидели. Якир, например, и вовсе приглянулся президенту Гинденбургу и даже был награжден им почетным дипломом.

Германский генералитет, тем более рейхсверовский, настолько не страдал юдофобией, что неоднократно выражал Гитлеру свое, нередко резкое недовольство по поводу антиеврейских проявлений режима, причем даже в ходе войны. В связи с этим уместно напомнить, что именно генералы в резкой форме выступили против «Хрустальной ночи» в ноябре 1938 г., когда в отместку за убийство в Швейцарии германского дипломата еврейским националистом, нацисты устроили всеобщий погром оставшегося в «рейхе» еврейского населения.

Генерал Рейхенау, «мишлинг», кстати говоря, по всем разведывательным сводкам проходивший как активный соучастник «двойного заговора», неоднократно выступал против насилия над евреями, резко протестовал против прикрепления подразделений СС к воинским подразделениям, так как эсэсовцы буквально зверствовали в отношении евреев, бросая тем самым тень на саму армию. Такими же были Бломберг, Гаммерштейн-Экворт, Фрич и другие.^[27]

Так что на поверку выходит, что зубоскальство полностью беспричинное. Особенно если учесть, что следствие в отношении военных вели как раз те самые «интернационалисты», к числу которых принадлежали и Рейсе, и Кривицкий, и Орлов. Например, того же Тухачевского допрашивали начальник 5-го отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР комиссар госбезопасности 2-го ранга Израиль Моисеевич Леплевский и его помощник Ушаков, он же Зиновий Маркович Ушимирский. Именно их подписи стоят под протоколами допросов военных, в т. ч. и Тухачевского, включая и те, в которых «стратег» собственноручно изложил все сведения о заговоре и плане поражения (143 страницы).

Итак, мы окончательно убедились, что Гитлеру не могло быть выгодным устраивать провал якобы агентуры германского рейхсвера. Соответственно, окончателен и другой вывод — ни Гитлер, ни кто-либо другой из нацистского руководства, особенно нацистские спецслужбы, к этому делу никакого отношения не имели, потому как даже и не замыслили что-либо подобное.

Вывод окончательный, в т. ч. и в отношении «версии Шелленберга». Однако, чтобы завершить теперь уже перепроверку, вновь пройдемся по глубоким тылам вопроса о том, кому же все-таки было выгодно завалить этот заговор и почему?

Кто же ждал войны не позднее 1938 г.? Великобритания.

Почему она ждала войны не позднее этого года? Да потому, что в мае 1938 г. истекал пролонгированный срок действия Договора о ненападении и нейтралитете между СССР и Германией от 24 апреля 1926 г., что позволяло ей, Великобритании, откровенно толкать Гитлера на Восток, для чего она и привела его к власти в Германии.

Что должно было стать той самой «искрой», из которой, по расчетам Лондона, должно было возгореться пожараще именно Англией ожидавшейся не позднее 1938 г. войны? Агрессивные территориальные притязания гитлеровской Германии на Судетскую область Чехословакии, которую сама же Великобритания с Францией едва ли не насильно впишнула в состав территории вновь образованного по итогам Первой мировой войны государства под названием Чехословакия.

...Самым пикантным в предыстории возникновения Чехословакии являлось то обстоятельство, что ее образование Западом не предусматривалось. Польское государство, например, предусматривалось и именно как «барьер против России», а вот Чехословакия — нет. Изначально то, что впоследствии стало Чехословакией, во всех планах Запада, т. е. прежде всего Великобритании, фигурировало только как «белое пятно». И если вспомнить историю, то нетрудно заметить, что вся полоса т. н. признаний «будущей» Чехословакии протекала весьма специфически. Сначала британская агентура из числа будущих лидеров будущей Чехословакии — Масарика и Бенеша — всю Первую мировую войну занималась тем, что якобы в пользу России провоцировала массовое дезертирство чехов и словаков из австро-венгерской армии. К октябрю 1917 г. их уже насчитывалось только на территории России 300 тысяч человек. Затем из этой за несколько лет плена изрядно отождравшейся на русских харчах массы дезертиров-дармоедов, после т. н. «февральской революции» был создан корпус чехословацких легионеров, который с помощью британской агентуры в лице февральских временщиков разместили вдоль всего Транссиба. Нотой же от 1 апреля 1918 г. британского военного министра лорда Мильнера (того, что устраивал в России «февральскую революцию») этому корпусу было предписано сидеть на Транссибе в целях предотвращения захвата этой магистрали немцами и японцами,

вследствие чего они и устроили свой знаменитый мятеж, по случаю которого «гений мирового пролетариата» изобрел не менее «гениальный» термин «белочехи». 4 июня 1918 г. Великобритания и Франция разъяснили «вождю мирового пролетариата», что чехословацкие бандиты, орудующие в России на Транссибе, признаны ими «союзными войсками», что означало, что их нельзя трогать, а особенно бить. В течение лета 1918 г., пока «белочехи» с просто словаками бандитничали на Транссибе, выполняя поставленные Лондоном задачи, они были признаны уже «союзной нацией» (в названии корпуса упоминаются две нации, а «союзная» — одна, а какая — пойди пойми). Только 28 октября 1918 г. Великобритания позволила провозгласить т. н. «независимость» Чехословакии за то, что «...контролируя Сибирскую железную дорогу... чехословацкие легионы... оказали существенную услугу делу союзников», т. е. предотвратили вполне реальную тогда перспективу блокирования Германии и Японии вдоль всей трассы Транссиба (Германия стремилась захватить европейский конец Транссиба, а Токио стремился прибрать к рукам Транссиб от Урала до Дальнего Востока). То есть образование «независимого» государства с названием Чехословакия было куплено британской агентурой в лице Масарика — Бенеша и подчиненных им чехословацких легионеров активным участием в трагедии России. Вот почему впоследствии Чехословакия и оказалась замешана в провале заговора Тухачевского как в прямом прологе к Мюнхенской сделке, ибо его провал означал провал «тройственного заговора» (Берлин — Москва — Токио), о чем уже много говорилось выше, за исключением одного момента: начав свою родословную именно с такой деятельности, Чехословакия неминуемо была вынуждена пройти тот же путь повторно.

Что же до того, как ее вынудили повторно пройти тот же антироссийский путь, то тут надо иметь в виду одну особенность британской дипломатии. Есть у нее одна многовековая, филигранно отточенная, но не перестающая от этого быть подлой «традиция». А именно: если на крутых переломах истории британская дипломатия начинает тоном Кассандры вещать о причинах будущих войн, как бы предупреждая все человечество о будущей опасности, но именно в эти же переломные времена подписывает важные международные документы, закрепляющие эту реальную опасность, как факт

международных отношений на обозримый период будущего (лет 20–25), — это означает, что она уже спланировала новую войну, но столь же заранее готовит себе алиби, одновременно интернационализируя будущую ответственность за войну, т. е. растворяя свою личную в «интернациональной».

Ни одно государство мира не умеет так делать, причем до сих пор США, например, единственное, что могут, так это требовать международной резолюции, дающей право на бомбардировки Ирака или Югославии, — на большее у Белого дома ума просто не хватает. Но ведь только по факту, а не на перспективу. А вот Великобритания умеет это делать на перспективу, причем и дальнюю тоже. Совершенно сознательно следуя этой «традиции», в основе которой старый принцип Ф. Бэкона (что всегда надо иметь поводы для того, чтобы начать войну), еще 25 марта 1919 г. премьер-министр Великобритании Ллойд Джордж направил недавно открывшейся Версальской «мирной» конференции меморандум под названием «Некоторые соображения для сведения участников конференции перед тем, как будут выработаны окончательные условия». В нем, в частности, говорилось: «Вы можете лишить Германию ее колоний, превратить ее вооруженные силы в простую полицию, низвести ее военно-морской флот на уровень пятистепенной державы, однако, если в конце концов Германия почувствует, что с ней несправедливо обошлись при заключении мирного договора 1919 г., она найдет средства, чтобы добиться у своих победителей возмещения... Несправедливость и высокомерие, проявленные в час триумфа, никогда не будут забыты и прощены.

По этим соображениям я решительно выступаю против передачи большего количества немцев из Германии под власть других государств, и нужно воспрепятствовать этому, насколько это практически возможно.

Я не могу не усмотреть причину будущей войны в том, что германский народ, который проявил себя как одна из самых энергичных и сильных наций мира, будет окружен рядом небольших государств. Народы многих из них никогда раньше не могли создать стабильных правительств для самих себя, а теперь в каждое из этих государств попадет масса немцев, требующих

воссоединения со своей Родиной» Это, между прочим, напрямую относилось к Чехословакии и Польше.

Меморандум завершается вполне категоричным выводом, что такая политика должна **«рано или поздно привести к новой войне на востоке Европы».**

Однако же если бы «британский лев» не подписал от имени Великобритании Версальский «мирный» договор, если бы он прямо сказал, что все именно так и было предусмотрено в опубликованном еще за 29 лет до его выступления Плане Перманентной мировой войны, а все версальские решения, между прочим, чуть ли не под копирку повторяли положения этого плана, особенно в части, касающейся Германии, если бы он признал тот факт, что еще только начиная Первую мировую войну Великобритания уже думала о Второй мировой войне, то тогда еще был бы хоть какой-нибудь шанс на то, чтобы ему поверить. Но Ллойд Джордж тогда всего этого не сказал и не признал — за всю свою жизнь он вообще всего лишь один раз проговорился о целях Плана Перманентной мировой войны, о главной его цели — когда, услышав давно ожидавшуюся им весть о свержении царя Николая II, радостно воскликнул: «Цель войны достигнута».

В итоге из тезисов его меморандума получились аргументы для будущей программы будущей нацистской партии, условия для возникновения которой также были подготовлены Великобританией задолго до начала даже Первой мировой войны. Естественно, что нацисты и особенно сам Гитлер не замедлили воспользоваться столь великолепно сформулированными самим британским премьер-министром тезисами. Более того, за все время своего существования в качестве фюрера сначала нацистской партии, а затем и Германии, Гитлер не смог выдумать ничего лучше, чем эти самые тезисы Ллойда Джорджа. Хуже того, Великобритания периодически подсказывала Гитлеру «новые повороты» в старых тезисах в поисках «немедленного исправления самых вопиющих несправедливостей» (слова лорда Ротермира. — А.М.). Но даже при таких обстоятельствах Гитлера хватало только на зондажные переговоры с Чехословакией, которые он пытался вести осенью 1936 г. и вплоть до начала февраля 1937 г. И вдруг, в начале февраля 1937 г. он взял да и прервал этот зондаж — якобы получив предупреждение из СССР о возможном скором смещении Сталина.

Что же произошло в действительности, уже рассказано на предыдущих страницах этой книги.

Здесь особенно важно подчеркнуть — это самое «вдруг» в мгновение ока превращает «версию Шелленберга» в абсолютное ничто уже только в силу самого факта, что означает, что Адольф ничего не планировал, а соответственно, ничего не планировали и в нацистских спецслужбах.

Почему именно из этой «искры» должно было возгореться пожарище именно Англией ожидавшейся не позднее 1938 г. войны? Да потому, что при истекшем Договоре от 1926 г. о ненападении и нейтралитете между СССР и Германией СССР по-прежнему формально оставался связанным обязательством оказать военную помощь Чехословакии в соответствии с Договором от 1935 г. А Германия Гитлера свободна от обязательства не нападать на Советский Союз.

Кому же наиболее выгодно было бы сохранение живой германофильствующей высокопоставленной агентуры в высшей советской военной иерархии? Только Германии, потому что германский вермахт даже после захвата Чехословакии еще не был тем самым мобильным, вышколенным, прекрасно обученным и оснащенным вермахтом, который известен по истории Второй мировой войны. Тогда его могла раздавить даже чехословацкая армия, имевшая 42–45 дивизий, а уж при поддержке СССР от гитлеровской Германии ничего не осталось бы, даже мокрого места.

Кому же в таком случае особенно мешала эта германофильствующая высокопоставленная агентура? Только Великобритании (о резонах Сталина — разговор отдельный), потому что германофильствующая военная верхушка СССР (да еще и с потугами на «мировую революцию») плюс русофильствовавшая военная верхушка Германии стремились к военно-геополитическому альянсу Берлин — Москва на основе военных диктатур с немедленным подсоединением к нему Рима и особенно Токио. И тогда верная смерть как для самой Великобритании, так и для ее империи, и вообще для всего англосаксонского Запада. А если, как предполагали в Лондоне, к этому «квартету» подсоединятся еще Мадрид и Лиссабон (т. е. Франко и Салазар), то тогда практически мгновенная смерть. Потому как в сферу деятельности этого секстета диктатур попало

бы практически 100 % основных морских и железнодорожных коммуникаций, связывавших метрополию с ее колониями, особенно в Азии, без которых Англия — всего лишь Туманный Альбион. И то обстоятельство, что не Гитлер, а министр иностранных дел Великобритании лорд Галифакс от имени своего государства выразил готовность присоединиться к разросшейся к тому моменту до тройственного союза Берлин — Рим — Токио оси, совершенно однозначно свидетельствует, что Галифакс использовал зеркальную копию основополагающего замысла «двойного-тройного» заговора. Все это означает, что в Лондоне полностью были в курсе истинных замыслов заговорщиков, иначе использование именно зеркальной копии было бы невозможно! Цель же была только одна — «доброй старой» Англии нужна была война, война на Востоке Европы, война между Германией и СССР. Но вот влезать в нее Великобритании не хотелось — не для того ведь Гитлера привели к власти. Поэтому-то прозорливый Сталин еще в 1935 г. при подписании Договора о взаимопомощи с Чехословакией статьей 2-й обусловил предоставление советской военной помощи Праге тем, что то же самое, но в опережение действий СССР сделает Франция, что, в свою очередь, автоматически означало, что в силу своих союзных с Францией отношений ей, Великобритании, придется также автоматически лезть в драку, причем на стороне СССР. Но этого-то Лондон и не хотел.

Именно поэтому Галифакс выражал не только готовность Великобритании подсоединиться ко всем этим фашистским осям, но говорил также и о готовности Франции к этому. А это означало фактический отказ Парижа даже от видимости соблюдения договоров 1935 г. Это, в свою очередь, могло быть достигнуто только путем ликвидации смертельно опасного для Великобритании «двойного-тройного» заговора за счет нанесения упреждающего удара по ключевому, решающему его звену — советской части, что в результате гарантированно обеспечивало Лондону простор для глобального маневра, потому что:

— вооруженные силы СССР в таком случае неминуемо ослабнут, ибо удар по высшему командному звену равносителен практически 100 % деморализации личного состава, что

немедленно скажется на уровне боеспособности и боеготовности вооруженных сил;

— у Чехословакии пропадет последний шанс надеяться на помощь Москвы, т. к. Париж немедленно проигнорирует свои обязательства по Договорам 1935 г. под предлогом того, что вооруженные силы СССР не в надлежащем состоянии;

— следовательно, Великобритания полностью свободна от необходимости оказывать помощь Франции и, соответственно, лезть в ею же разжигавшуюся общеевропейскую войну, и может сосредоточиться на обеспечении безопасности Британской империи.

Абсолютно все произошло в точнейшем соответствии именно с этим сценарием.

В мае 1938 г. британская пресса кричала «нам нет дела до чехов!», а ас психологической войны лорд Ротермир разыгрывал свою «партию» строго по определенным нотам. Статья с таким хамским названием вышла 6 мая 1938 г., однако накануне лорд Ротермир показал гранки этой статьи германскому послу в Лондоне Дирксену, который немедленно отбил соответствующую депешу в Берлин. И было из-за чего — Лондон открыто говорил Берлину: нападай на Чехословакию, не бойся! Лишь только всеобщая мобилизация, объявленная в Чехословакии, и откровенное предупреждение СССР о своей готовности незамедлительно прийти на помощь Праге даже в одностороннем порядке, не дожидаясь действий Парижа, сорвали реализацию «плана Грюн» и возникновение европейской войны уже в мае 1938 г. И тогда Лондон ввел в действие пресловутый «план Зет», который и привел к Мюнхенской сделке.

Поскольку и в геополитической «бухгалтерии» тоже существует знаменитое «Итого», то пора подвести окончательный итог: если с небольшим опережением провалить и «двойной-тройной» заговор, и сдать на расправу германофильствовавших советских военных, которые, по обоснованному мнению Лондона, играли ключевую роль, то в выигрыше останется «добрая старая» Англия, а «на бобах» — Сталин и СССР! Да еще и на каких «бобах»: Договор о ненападении и нейтралитете от 1926 г. истек окончательно, обязательства перед Прагой формально остались, высший командный состав перерезан, боеспособность вооруженных сил

близка к нулю, авторитет в мире подорван почти до основания, война началась!

Все именно так и должно было произойти, потому что, уезжая из Мюнхена, навсегда обесчещенный невиданным даже в грязной истории британской дипломатии позором сделки с Гитлером премьер-министр Великобритании Невилл Чемберлен, стоя у трапа самолета, прямо призвал Гитлера к нападению на СССР. Вот его слова: *«Для нападения на СССР у вас достаточно самолетов, тем более что уже нет опасности базирования советских самолетов на чехословацких аэродромах»* (выделено мной. — А.М.). А чуть позже, как опять-таки станет известно советской разведке, и министр иностранных дел Франции Боннэ откровенно заявит нацистским главарям: *«Оставьте нам нашу колониальную империю, и тогда Украина будет Вашей»* (выделено мной. — А.М.) (сказано 6 декабря 1938 г.). Потому что обе державы — Великобритания и Франция — прикрылись фактически пактами о ненападении: Лондон — с 30 сентября 1938 г., Париж — с 6 декабря 1938 г. У них есть, у Москвы — нет.

Война тогда не началась лишь по той простой причине, что даже у Гитлера хватило ума сообразить, что между 170 советскими и 42 германскими дивизиями есть разница. За что его, кстати говоря, чуть позже тот же Галифакс обозвал клятвопреступником — обещал, мол, напасть на СССР, но слова не сдержал...

Вот, собственно говоря, почему вся «версия Шелленберга» даже не фальшивка, а обыкновенная пропагандистская акция британской разведки. Ибо в реальной истории имел место не якобы пролог к Договору о ненападении между СССР и Германией от 23 августа 1939 г. в виде якобы незаконной расправы с военными на основе подложного компромата, подброшенного Сталину нацистскими спецслужбами, а действительно реальный пролог к Мюнхенской сделке, подготовленный британской разведкой в соответствии с прямым поручением правительства Его Королевского Величества!

«Сомоса, конечно, сукин сын, но он наш сукин сын!»^[28]

Один из самых больших парадоксов «версии Шелленберга» и заключается в том, что изначально в нее был заложен мощнейший потенциал мгновенного разоблачения как фальшивки британской разведки. И обрати своевременно наши исследователи пристальное внимание на этот парадокс, не гуляла бы эта версия по всему свету без малого полвека, да еще и в статусе едва ли не априори достоверной. Но, к сожалению, этого не случилось. Да и не могло случиться, потому что лучшие асы советской разведки были арестованы Хрущевым по ложным обвинениям. А ведь именно они, эти асы не только отечественной, но и мирового сообщества разведок, являли собой не только живое воплощение традиций советских спецслужб, но и были живыми носителями знания довоенных, военных и послевоенных дел разведки и нюансов большинства сложнейших перипетий смертельной борьбы с сильнейшими спецслужбами мира. И если бы такие как Павел Судоплатов, Наум Эйтингон и многие их коллеги остались бы на своих высоких постах в разведке, то смею вас уверить, что от «версии Шелленберга» не осталось бы камня на камне уже в 1956 г. Но, увы...

А невероятная мощь потенциала разоблачения «версии Шелленберга» состоит из трех основных «зарядов»:

Во-первых, спустя пятую часть века «версия» намертво стыкуется с содержанием не только предъявленного военным в 1937 г. обвинения, но и с «версией Кривицкого» — одни и те же персонажи, одна и та же «технология» подачи, одна и та же «версия», одни и те же политические и геополитические выводы из нее и т. д. Так не бывает в действительности и, если точнее, имеет право существовать только в одном случае — если использовались безупречные с любой, самой придирчивой точки зрения одни и те же архивные документы. Но этого нет и в помине.

Человеческая же память, пускай и руководителя разведки большого государства, но пережившего фатальный разгром, крах и национальную катастрофу, плен, допросы, унижения, нищету, болезнь, преследования и тюремное заключение, физически не в состоянии обеспечить такой точности «стыковки». Тем более столь сомнительная, с точки зрения безупречности и достоверности по мнению британских разведчиков от 1948 г., как память Шелленберга. Даже если и допустить гипотетический вариант, что Шелленберг и впрямь сразу же после войны уселся писать мемуары, то все равно от «дела

Тухачевского» его память отделяло фактически целое десятилетие. Оно было перенасыщено астрономическим количеством событий, проблем и задач, с которыми экс-обер-шпион нацистской разведки сталкивался, как ее глава, в период тотальной войны Германии против всего мира.

Когда сотрудники разведок действительно сами пишут мемуары, они — и это практически повсеместное «железное правило» — «освежают» свою память, обращаясь к архивам своей спецслужбы. Взгляните на любые мемуары — их сейчас много издано — хотя бы наших разведчиков, и в любых из них вы увидите как прямые ссылки на архивы, в т. ч. и с указанием даже номеров архивных дел, так и четко выверенную по архивам аргументацию. Это неписаное правило для всех мемуаристов, тем более выходцев из спецслужб. Шелленберг же был в плену, затем отбывал срок по приговору, и кто ж ему в таком случае «освежал» память? Тем более документами из архива рейха, когда все разведки стран-членов антигитлеровской коалиции гонялись за этими архивами. Как говорилось выше, Шелленберг лично ничего в плане мемуаров не писал и стал «мемуаристом» спустя четыре с лишним года после смерти по «милости» все той же британской разведки.

Во-вторых, в еще большей степени мощь потенциала разоблачения определяет характерное проявление «почерка» британской разведки при проведении глобальных интриг влияния — массированное применение чрезвычайно эффектного и эффективного как в пропагандистском плане, так и в плане предотвращения каких бы то ни было попыток проверки приема: ведь «мемуары» Шелленберга — это же «мемуары» умершего, персонажи и источники — также мертвецы. Такие основные персонажи «версии» Шелленберга, как он сам, его шеф Гейдрих, Гитлер, Бенеш, Скоблин, Сталин, Ежов, военные заговорщики, и даже часто всплывающий окольными путями как якобы один из источников подтверждения «версии» бывший помощник Гейдриха Герман Беренс и другие к моменту выхода «мемуаров» были мертвы. А нередко упоминающийся как якобы важный источник эсэсовец Альфред Науйокс, сбежав из плена, на долгое время вообще пропал из поля зрения, хотя и выпустил якобы сам какую-то книгу (правда, в конце жизни Науйокс вернулся в Германию и стал успешным бизнесменом, умер 4 апреля 1960 г.).

И спросить не у кого, а бумага за них вечно все будет терпеть. Тем более что касается нацистов: ну разве кому-нибудь придет в голову заступиться за этих извергов, да и вообще ворошить это дело?! Не правда ли, великолепно задумано! Даже в виде трупов нацисты по-прежнему несут верную и нужную «доброй старой» Англии службу!

Воистину правы были И. Сталин и У. Черчилль, практически одновременно в 1943 г. изрекшие:

У. Черчилль — «Правда о войне столь драгоценна, что ее должны оберегать телохранители из лжи»;

И. Сталин — «Правду охраняют батальоны лжи».

А правду о Перманентной мировой войне против России — тем более.

Но «доблестные» британские разведчики сами же и оставили на виду у всех точнейшие «лоции», как спокойно пройти между Сциллой осужденного человечеством нацизма и Харибдой опасности невольного заступничества. А суть этих «лоций» в том, что «по Шелленбергу» выходит, что, хотя и с помощью компромата, но военных на расправу «сдало» даже не гестапо, а Главное Управление Безопасности НСДАП (далее ГУБ НСДАП). Но с какой такой стати оно должно было лезть в такие дела — ведь это компетенция только и только военной разведки, да и то с санкции Генерального штаба!

Работа против высшего военного командования, и тем более его компрометация перед высшими властями противного государства, ни в одной стране мира и ни в какие времена не осуществлялась и не осуществляется без предварительного и тщательного согласования с руководством Генерального штаба и военной разведки своей страны. Ведь у них есть свои, профессиональные интересы в этой сфере, которые именно в этой сфере являются приоритетными по отношению ко всем остальным. Вспомните хотя бы наши операции в годы Великой Отечественной войны. Например, стратегические радиоигры «Монастырь» и «Березина» (великолепно описаны в мемуарах П. А. Судоплатова) — они были согласованы с Генштабом наших вооруженных сил, за исключением, естественно, сугубо оперативных вопросов разведдеятельности. Или, что более близко к теме нашего расследования, операцию «Трест» (или «Синдикат»), по которой в 20-х годах прошлого столетия легендировалась причастность Тухачевского к антисоветскому подполью, на что многие обычно ссылаются как

якобы на первоисточник появления в итоге компромата в отношении маршала. Ведь и по этой операции причастность его и ряда иных лиц из числа военных напрямую согласовывалась с командованием РККА и Генштаба.

Главная же, «по Шелленбергу», роль ГУБ НСДАП в этой операции тем более удивительна, если учесть, что на практике между спецслужбами Третьего рейха — в лице абвера (военная разведка и контрразведка) и ГУБ НСДАП (прежде всего VI Управление — внешняя разведка) — действовала «Декларация 10 принципов», по которой обе стороны обязывались не вмешиваться в дела друг друга, которые были очерчены этой декларацией следующим образом: военная сфера — целиком за абвером, политическая — за ГУБ НСДАП. Более того, именно на тот момент, когда по «версии Шелленберга» у начальника ГУБ НСДАП Гейдриха возникла идея компрометации советских военачальников, эта самая декларация была только что подписана и на ней еще не высохли чернила. Чуть ниже мы остановимся на этом поподробнее.

Кроме того, следует иметь в виду, что начало самой истории с декларацией было положено еще устными договоренностями между Канарисом и Гейдрихом в 1935 г.

Естественно, что Канарис и Гейдрих не собирались честно и скрупулезно во всем следовать смыслу, духу и букве этой декларации — этого в принципе в сообществах спецслужб не бывает по определению. Однако же провести столь грандиозную, с гигантскими военно-политическими последствиями операцию, минуя всесильный в 30-х годах абвер, возглавлявшийся пользовавшимся полным доверием Гитлера Канарисом, и Генштаб, во главе которого стоял тогда сам генерал Бек, было просто невозможно.

Между тем во всей этой истории в «варианте Шелленберга» Канарис и Генштаб выставлены едва ли не как невинные агнцы. Мол, налетели гестаповцы, украли какие-то документы (в т. ч. и у Канариса, а заодно и в военном ведомстве), устроили пожар, чтоб замести следы, и были таковы. А потом наштамповали фальшивок и продали их Сталину аж за целых три миллиона рублей золотом. Бред, да еще какой! Вы только вдумайтесь — что ж это за охрана была в Военном министерстве, в т. ч. и в самом абвере, чтобы вот так преспокойно туда залезть, выкрасть документы и даже устроить пожар, чтобы никто

никаких следов не нашел?! Какой смысл в этой сказке? Никакого. Просто для антуража. Или вот с этими тремя миллионами рублей золотом, ибо ни одному из тех, кто составлял эту сказку, даже в голову не пришло, что 3 миллиона рублей золотом — это 300 тысяч золотых червонцев, т. к. с конца XIX века и до свертывания НЭПа в СССР никаких других золотых монет в России не чеканили. И в таком случае, если по царскому червонцу — а это 7,74 грамма золота — то 2322 килограмма золота, если по советскому — 8,6 грамма золота — так и вовсе 2580 килограмм. Кто-нибудь должен был сообразить, что в мире нет таких кошельков, куда можно было бы впихнуть до 2,5 тыс. кг золота и мотаться с таким кошельком через границу! Не говоря о том, что для транспортировки такого кошелька нужна была мощная бригада как минимум из 10 штангистов-тяжеловесов, а то и больше, ибо ни один эмиссар Сталина, сколь ему ни приказывай, такой кошелек никогда в жизни поднять не смог бы. ^[29]

Но ладно бы только это, а то ведь кто-то из составителей «версии Шелленберга» додумался до того, что эти три миллиона рублей золотом, т. е. по определению металлические деньги, эмиссар Сталина выдавал, оказывается, бумажными купюрами высокого номинала, номера которых были переписаны, из-за чего впоследствии завалилась германская агентура в СССР, т. к. ей платили именно из этих денег. Придумал это настоящий болван, потому как, во-первых, или три миллиона рублей золотом, или просто три миллиона рублей — третьего просто не дано. Во-вторых, что же это за силач-эмиссар у Сталина был — суперрекордсмен мира по поднятию тяжестей. В-третьих, и где это гестаповцы такой пресс-нож нашли, под который пустили три миллиона рублей золотом с номерами, чего в банковском деле от сотворения мира никогда не бывало.

В-четвертых, каким же болваном надо было быть, чтобы написать, что агентуре платили деньгами крупного номинала, чего не делает ни одна разведка мира при выдаче наличных денег агентуре, не говоря уже о том, чтобы выдавать агентуре денежные средства из тех ресурсов, которые априори засвечены контрразведкой противника. Это, по меньшей мере, означает, что тот, кто воткнул в «версию Шелленберга» этот пассаж, никогда в жизни в реальной разведке не работал, тем более с агентурой. Что, как убедимся чуть позже, и было на самом деле.

Между тем на самом-то деле все было куда проще и естественней, ибо все упирается в фигуру Гейдриха. Начальник РСХА Рейнгард Гейдрих был убит по жесточайшему настоянию именно британской разведки. Но все дело в том, что когда дело дошло до реализации операции «Антропоид» — убийство Гейдриха в Чехословакии в 1942 г., — то боевики нелегальной резидентуры чехословацкой военной разведки выступили против. Они справедливо полагали, что убийство столь высокопоставленного нациста приведет к крайне негативным последствиям для мирного населения Чехословакии. Именно поэтому они обратились как к своему руководству, так и через него к руководству британской разведки с просьбой об отмене операции «Антропоид». Однако Лондон в самой грубой и жесткой форме ответил, что эту операцию они обязаны провести непременно. Боевики нелегальной резидентуры чехословацкой военной разведки выполнили этот приказ, устроили покушение на Гейдриха, однако в действительности он скончался не от ран, а от банального сепсиса. Понятно, что нацисты самым зверским образом отомстили мирному населению Чехословакии за Гейдриха. Но всемирно известная трагедия сожженной вместе со своим населением чешской деревушки Лидице на совести не только гитлеровцев, но и лично тогдашнего главы британской разведки Стюарта Мензиса.

Однако же во имя чего или кого столь беспрецедентно жестким требованием безусловного уничтожения пускай и высокопоставленного нациста Гейдриха, незаконный, как утверждала британская молва тех лет, сын короля Эдуарда VII (умер в 1910 г.) — Стюарт Мензис — сознательно подставил на неминуемую зверскую расправу не только ни в чем не повинных людей, но ведь и не имевших к этому делу никакого отношения граждан хотя и союзного, но тем не менее иностранного государства? Как это ни удивительно, но еще в 1942 г. ответ на этот вопрос, причем из уст самого Стюарта Мензиса, сумел получить выдающийся советский разведчик Ким Филби, впоследствии сам едва не возглавивший МИ-6. Сейчас уже ни для кого не является секретом, что Мензис поддерживал личную связь с адмиралом Канарисом и даже во время Второй мировой войны периодически встречался с ним в Швейцарии и Швеции (кстати говоря, за связной Канариса в Швейцарии — женой погибшего польского военного атташе Галиной Шимански — приглядывала, судя

по всему, и советская разведка). После одной из таких встреч Мензис и отдал приказ о подготовке убийства Гейдриха руками боевиков чехословацкой военной разведки, штаб которой во главе с произведенным в генералы Ф. Моравцем на период войны перебазировался в Лондон (точнее, британская разведка попросту вывезла Моравца, его ближайших сотрудников и архив разведки в Лондон).

Формально приказ о ликвидации Гейдриха был увязан с тем, что он лично разработал и провел через утверждение Гитлера план «окончательного» решения «еврейского вопроса» в оккупированной Европе, обсуждавшийся на Ванзейской конференции в конце января 1942 г. Ким Филби был среди тех, кого этот приказ касался в первую очередь, а потому он предложил заодно ликвидировать и самого Канариса (мысль вполне уместная во время такой войны). Однако в ответ услышал жесткие слова С. Мензиса: «Я не хочу, чтобы против адмирала предпринимались какие-либо действия». В итоге Мензис фактически признал наличие негласной связи между ним и Канарисом и, более того, что вопрос об уничтожении Гейдриха именно в Чехии возник явно по инициативе самого Канариса, а он, Стюарт Мензис, глава британской разведки, гарантировал ему удовлетворение его необычной просьбы. Конечно, из этого не следует спешить делать вывод о том, что Канарис был тривиальным агентом МИ-6 — не тот случай и не тот ранг, да и сами англичане достаточно искушенные профессионалы, чтобы не требовать с адмирала подписку о сотрудничестве.

Исходя из того, что написано и в зарубежной, и в нашей литературе, можно с полной уверенностью охарактеризовать статус Канариса в спарке с Мензисом, как «инициативно информирующего в порядке консультирования инициативного агента инициативного же влияния», разумеется, прозападного, точнее, в формате прозападного антинацизма. Получилось немного длинно, но зато полностью совпадает со всеми опубликованными данными на сей счет.

...Подобное, кстати говоря, отнюдь не редкость в невидимом миру разведывательных сообществ, особенно при работе с представителями элиты руководящих кругов той или иной страны. Собственно говоря, агентура влияния, которая, как правило, к тому лее и великолепно информирована, до чрезвычайности опасна, потому

как работает в основном без письменного оформления отношений с иностранной разведкой (исключения, конечно, бывают, но лишь те, которые подтверждают правило), а уж если это «инициативная агентура влияния», то степень ее опасности многократно возрастает. Бороться с ней чрезвычайно трудно, ибо грань между симпатиями и оказанием целенаправленного влияния по заказу в законодательстве практически всех стран мира настолько хрупка и зыбка, что никого и никогда не удастся привлечь к суду...

Причина, побудившая Канариса обратиться к Мензису с просьбой (или намеком) о такой услуге, заключалась в том, что старинный враг адмирала — в тот момент глава РСХА Рейнгард Гейдрих буквально «висел» у него на «хвосте», совершенно обоснованно, едва ли не с первых же дней пребывания Канариса на посту главы абвера, подозревая его в связях с британской разведкой. При всем том, что закоренелый нацист Рейнгард Гейдрих издавна ненавидел Канариса (эта история многократно описана в литературе и повторять ее нет никакого смысла), он был отличный контрразведчик, особенно по части политического сыска и контршпионажа. Между прочим, Гейдрих достаточно быстро собрал объемистое досье на «хитроумного грека», в котором были сконцентрированы многочисленные данные, свидетельствовавшие о том, что Канарис едва ли не изначально, т. е. с января 1935 г., когда был назначен на пост главы абвера, состоял в оперативном контакте с британской разведкой.

Априори считается, что С. Мензис и В. Канарис были шапочно знакомы еще со времен Первой мировой войны. В 1934 г. контакт с Канарисом установили (нередко пишут, что «восстановили») агент британской морской разведки в Испании Хуан Марч и знаменитый еще со времен Первой мировой торговец оружием, тесно связанный с СИС Бэзил Захаров. Контакт с Канарисом держался в поле межличностных контактов при условии, что каждая из сторон прекрасно знала, что из себя представляет визави. Очевидно, поэтому в МИ-6 расценивали Канариса как **«дремлющего агента»**.

Более того, материалы Гейдриха убедительно свидетельствовали о том, что Канарис как сам лично, так и через сеть специально поставленных СИС сотрудников и агентов абвера передает англичанам важнейшую информацию. «Хитроумный грек», прекрасно зная не только правила нацистского «политеса», но и законы

спецслужб Третьего рейха, не менее быстро составил объемное досье на Гейдриха. Оно уличало главу РСХА — этот «приводной ремень совести нацистской партии» — в неарийском происхождении: его прадед — Хаим Арон Гейдрих, как это видно уже по имени, был евреем, что в свою очередь означало не только автоматический вылет Гейдриха из нацистской партии и со всех постов в СС и СД, но и неминуемое его водворение в концлагерь (а скорее всего, и до этого бы дело не дошло — в СС и СД мусор из избы не любили выносить, а потому шлепнули бы его прямо в подвале на Принц-Альбрехт-штрассе, где размещалось гестапо). К началу 40-х годов обоюдная вражда достигла невиданного размаха — Гейдрих как настоящая гончая шел по следу Канариса, и когда он отправился в Прагу, «хитроумный грек» понял, что это конец. Гейдрих именно потому направился в Прагу, что совершенно обоснованно именно там искал абсолютно неопровержимое доказательство связи Канариса с британской разведкой.

Потому что именно в Чехии находился и активно действовал через каналы чехословацкой военной разведки к тому времени весьма высокопоставленный сотрудник абвера, который задолго до войны с прямого указания Канариса инициативно пошел на вербовку в качестве агента чехословацкой военной разведки. А эта разведка давно контролировалась МИ-6. С первых же дней своего сотрудничества и вплоть до провала он снабжал и чехословаков, и британцев ценнейшей информацией по очень широкому кругу вопросов. В принципе сама эта история вряд ли является новостью. Но никто никогда не обращал внимания на то, что именно через этого агента и была осуществлена передача достоверной и полностью проверяемой информации о заговоре советских военных чехословацкой военной разведке, которая, естественно, доложила об этом своему президенту — Бенешу, а тот, убедившись в том, что это правда, — Сталину. В делопроизводстве чехословацкой военной разведки этот агент числился под псевдонимом А-54 и именно под ним часто фигурирует в различных исторических исследованиях о Второй мировой войне.

В действительности же его подлинное имя — Пауль Тюммель (иногда пишут Туммель), к началу сотрудничества с чехословацкой военной разведкой майор, к моменту провала — полковник абвера.

...Пауль Тюммель, член НСДАП с 1928 г. С 1933 г. сотрудник штаба абвера в Берлине. В 1934 г. был переведен в отдел абвера в Дрездене, который занимался Чехословакией и под псевдонимом «доктор Холъм» возглавлял особо агрессивные разведывательные сети абвера, известные как НЕТЦ-1 и НЕТЦ-2. 10 февраля 1936 г. под псевдонимом «Карл» инициативно подставился чехословацкой военной разведке и фактически с первой же встречи с ее главой (полковником Ф. Моравцем) пошел на вербовку. С первого же личного контакта и вплоть до провала передавал исключительно достоверную и важную информацию о всех становившихся ему известными военных и военно-политических планах Гитлера и его окружения. Информация автоматически становилась достоянием не только чехословацкого, но и британского правительства. Дело в том, что с первых же дней его сотрудничества с чехословацкой военной разведкой о факте сотрудничества стало известно и британской разведке, региональный резидент которой в Праге майор Гибсон был ознакомлен с материалами Тюммеля. Вплоть до начала реализации Мюнхенской сделки, т. е. до 1 октября 1938 г., А-54 фактически являлся ключевым агентом, на информации которого большей частью и основывалась военная безопасность Чехословакии (объявление майской 1938 г. всеобщей мобилизации в Чехословакии было осуществлено на основании именно его данных). С 1939 г. А-54 фактически стал также и агентом британской разведки под псевдонимами «Фанта», «Рене», «Ева» и т. д., хотя оперативное руководство по-прежнему осуществлялось по нелегальным каналам чехословацкой военной разведки. К информации А-54, поступавшей в Лондон, имели прямой доступ выдающиеся агенты советской внешней разведки Энтони Блант и Ким Филби. До своего провала в 1942 г. Пауль Тюммель являлся ключевым агентом МИ-6 в Центральной и Юго-Восточной Европе. Провал произошел в результате целенаправленных поисков гестапо, которое внедрило свою агентуру в чешское движение Сопротивления.

Как только выплыла фамилия А-54 — Пауль Тюммель, — в РСХА случился своего рода переполох. Дело в том, что Тюммель с давних пор являлся личным другом рейхсфюрера С С Генриха Гиммлера, и, в частности, на работу в отдел абвера в Дрездене он был направлен

именно по его распоряжению. Учитывая это обстоятельство, контрразведывательную разработку Пауля Тюммеля по обвинению в шпионаже возглавил лично Рейнгард Гейдрих, и именно из-за этого он и отправился в Прагу.

Конечно, личная близость с Гиммлером даже для непосвященного в тайны специфики разведдеятельности — момент чрезвычайно настораживающий. Однако он столь же чрезвычайно быстро нейтрализуется тем, что с первого и до последнего дня работы на чехословацкую, а затем еще и на британскую разведку. Пауль Тюммель поставлял всегда беспрецедентно достоверную, секретную, а потому и наивысшей информации. Специально подставленный в дезинформационных целях агент рано или поздно, но обязательно начинает передавать дезинформацию — его для того и подставляют. А этого у А-54 за все время сотрудничества ни разу не было отмечено. Именно из-за него, Пауля Тюммеля, являвшегося особо секретным каналом Канариса для передачи достоверной разведывательной информации Великобритании, адмирал и попросил Стюарта Мензиса срочно организовать убийство Р. Гейдриха. Ведь если бы глава РСХА схватил Тюммеля, то он уж выпотрошил бы его, и висеть Канарису на том же железном крюке за ребро в подвале гестапо еще в 1942 г...

Ни у чехов, ни у англичан никогда не было достаточного минимума информации, позволяющей сделать хоть какие-то предположения о подлинных причинах, побудивших Пауля Тюммеля пойти на сотрудничество с ними. Известно только, что деньги как таковые его не интересовали, он их брал только на оперативные расходы. По ряду косвенных данных есть вполне достаточно оснований считать, что Тюммель был личным, особо доверенным представителем Канариса и именно по его указанию подставился чехам. В пользу такого вывода говорит «почерк» работы самого Канариса: во-первых, абсолютное отсутствие материальной основы сотрудничества А-54 с разведками антигитлеровской коалиции — Канарис действительно был чрезвычайно щепетилен в этих вопросах в работе на Запад.

Во-вторых, исключительная достоверность секретнейшей информации, поставлявшейся А-54 на протяжении всего периода его сотрудничества и с чехами, и с британцами, причем без единого подозрения на дезинформацию, что также чрезвычайно характерно для «почерка» работы Канариса на Запад.

В-третьих, изощренное коварство самого адмирала в выборе кандидата на такую роль — очевиден прямой расчет Канариса на то, что в случае провала он сможет «умыть руки», свалив все на Гиммлера, как на друга и покровителя Тюммеля, ибо сам глава абвера ненавидел и РСХА, и СС, и СД, хотя и был с ними крайне осторожен. В общем, это вполне обыденная для мира спецслужб практика — подставлять друг друга, особенно перед высшим руководством своего государства, тем более с помощью знаковых фигур или событий.

В-четвертых, точный расчет Канариса на то, что западные разведки, тем более в условиях войны, не будут копаться в причинах сотрудничества Тюммеля с ними — вполне достаточно будет как бы само собой подразумевавшегося неприятия нацистского режима. Канарис был профессионалом очень высокого класса и свои ходы рассчитывал очень точно.

И, наконец, в-пятых: несмотря на то что РСХА шло буквально по «горячим следам», Паулю Тюммелю довольно долгое время удавалось ускользать из лап гестапо. Это следует в первую очередь объяснять не столько его личным профессионализмом, хотя он и налицо, а прямым покровительством Канариса — ведь в руках адмирала была и военная контрразведка, которая не только очень часто переходила дорогу гестапо, но и очень искусно подставляла гестаповцев под критику его же начальства. Не говоря уже о самом факте уникальной просьбы Канариса к Мензису об организации убийства Гейдриха...

Пауль Тюммель, он же А-54, был одной из двух ключевых фигур в созданной «хитроумным греком» двухканальной системе круговорота самой секретной информации и заочных секретных консультаций, четко сориентированной на высшее руководство британской разведки — конкретно лично на Стюарта Мензиса, который практически одновременно с назначением адмирала на пост главы абвера стал

первым заместителем руководителя СИС, а чуть позже шефом британской разведки.

Дело в том, что одновременно с Тюммелем, даже чуть раньше, в поле зрения Мензиса Канарис ввел другого своего агента — Роберта фон Треека вместе с супругой Виолеттой фон Шредер (немкой чилийского происхождения). Треек был введен в поле зрения Мензиса открыто — он стал его соседом по загородному поместью в местечке Лакингтон (графство Уилшир), что к западу от Лондона. Осуществляя эту операцию, Канарис прекрасно отдавал себе отчет в том, что на фон Треека есть достаточно пухлое досье в британской разведке — на том, собственно говоря, и строился весь расчет адмирала. Ибо главная задача Роберта фон Треека в том и заключалась, чтобы выйти, в т. ч. и с помощью того же Мензиса, на высшие круги британской элиты, причем так, чтобы та изначально знала и понимала, с кем имеет дело. Мензис, надо отметить, мгновенно установил, что за сосед у него появился, и вполне лояльно отнесся к этому факту, причем настолько, что систематически подтрунивал над Трееком, выкрикивая при его виде слова из нацистского гимна — «Дойчланд, Дойчланд, юбер аллес». Естественно, прекрасно знало, кто такой фон Треек, и ближайшее окружение Мензиса.

Упоминавшийся еще в первой главе знаток истории британских спецслужб Алан Браун прямо указывал, что Треек и был направлен в Англию «для установления контактов с британской ветвью «Синего Интернационала» — небольшой, тесно связанной группой политической и торговой аристократии, в руках которой находилась подлинная власть в Европе».

...Британская ветвь «Синего Интернационала» или, точнее, если исходить из данных бывшего высокопоставленного сотрудника британской разведки Джона Колемана, Британская ветвь «Европейской Черной Аристократии» (European Black Nobility) — это наиболее могущественная ветвь уже упоминавшегося «комитета 300». Ее представители практически поголовно состояли членами одной из самых могущественнейших в мире масонских лож — британского «Герместического Ордена Золотой Зари» (Hermetic Order of Golden Dawn). В свою очередь, представители этого Ордена еще с конца XIX века упорно разрабатывали основные идеологические предпосылки будущего нацизма, планомерно перенося их на

германскую почву по каналам т. н. теософии и специально для этого инспирированной в германоязычном ареале Европы ариософии. Как считают наиболее авторитетные британские исследователи оккультных корней нацизма (например, доктор философии Оксфордского университета Николас Гудрик-Кларк), «немецкое оккультное возрождение (а именно оно является прямой предтечей нацизма. — А.М.) многим обязано популярности теософии в англосаксонских странах», ибо именно «здесь она (Германия. — А.М.) имела выход на международное движение тайных обществ».

В видимой своей части костяк тогдашнего состава «Герместического Ордена Золотой Зари» олицетворяли члены «Кливлендской группировки» во главе с небезызвестной Нэнси Астор. «Кливлендцы» тем и отличались, что придерживались не просто прогерманской, а пронацистской ориентации. В ее основе естественно лежал прагматический взгляд на нацизм, как на «инструмент», предназначенный для того, чтобы «задушить Россию», в чем и была заинтересована правящая элита Великобритании.

Любопытен один многозначительный штрих из деятельности «кливлендцев» — как только реальная угроза воплощения «двойного-тройного» заговора в ужасающих своими последствиями британскую элиту военно-геополитический альянс Берлин — Рим — Москва — Токио была ликвидирована, «Кливлендская группировка» тут же — 10 мая 1937 г. — поставила во главе британского правительства того самого Невилла Чемберлена. Последний, во-первых, не располагал даже минимумом необходимого для такого высокого поста интеллектом, вследствие чего даже его старший сводный брат — Остин, в прошлом министр иностранных дел Великобритании, при назначении на пост премьер-министра брата «поздравил» его телеграммой следующего содержания: «Невилл, ты должен помнить, что ничего не понимаешь в делах внешней политики!» Во-вторых, по данным председателя Британской Королевской коллегии врачей, барона Чарльза МакМорана Вильсона (он же лорд Моран), Н. Чемберлен был попросту сошедшим с ума человеком.

И вот этот сумасшедший премьер-министр Великобритании на основе предписаний «Кливлендской группировки» через Мюнхенскую сделку повел британский государственный корабль в пучину очередной

всемирной бойни, увлекая за собой, в силу обширности британской империи и громадного значения Великобритании как великой державы, практически весь мир...

Роберт фон Треек свою задачу выполнил блестяще — даже стал постоянным участником знаменитой «охоты Бофора», проходившей под руководством штальмейстера Букингэмского дворца герцога Бофора охоты для британской высшей знати. Именно об этих собиравших сливки высшей британской элиты т. н. охотничьих забавах герцога Бофора неоднократно уже упоминавшийся Алан Браун с тончайшим знанием сути дела написал, что вся эта **«охота Бофора представляла собой в такой же степени политический заговор, как и спорт»**. Сутью же отношений Роберта фон Треека с Мензисом было как поддержание непосредственного личного контакта с ним, так и, как отмечал тот же Браун, «обсуждение в таких вопросах, которые будут представлять интерес для нас обоих», — именно так представитель Канариса и заявил своему визави по охоте. То есть для Мензиса, но особенно для стоявших за ним могущественнейших сил Британской империи, с одной стороны, а с другой — для Канариса. Причем, и это очень важно подчеркнуть еще раз, что к тому моменту, когда фон Треек как бы раскрыл свое истинное лицо перед Мензисом, а также суть и цели своей миссии в Англии, Мензис уже прекрасно знал, кто перед ним. Он располагал достоверной информацией и о нем, и о том, что Канарис фактически перешел в оппозицию к нацизму (в оппозицию сугубо прозападного толка, т. е. полностью разделял геополитическую русофобию Запада, но не приемлел жестокостей нацизма), и даже о том, что адмирал начал готовить почву для создания широкой заграничной антигитлеровской сети.

Созданная Канарисом в то время двухканальная система негласной связи с руководством британской разведки — в таком виде она просуществовала до начала Второй мировой войны, при первых же залпах которой фон Треек скрылся из Англии в неизвестном направлении, — была, что называется, своеобразной данью руководящей нацистской моде. В 30-х годах XX века каждая более или менее заметная фигура Третьего рейха почитала делом своей чести иметь собственный канал нелегальной связи с представителями различных кругов правящей элиты Великобритании — Гитлер, Геринг, Гиммлер, Розенберг, Риббентроп, Гейдрих и другие располагали

собственными каналами выхода на британскую знать в руководящих кругах коварного Альбиона.

...У Гитлера, например, был даже не канал, а «многожильный кабель горячей связи» с Лондоном. Это и экс-кайзер Германии Вильгельм II, его сыновья, особенно Фридрих Вильгельм, и прочая венценосная родня бывшего монарха. Особую роль играл уже упоминавшийся выше Филипп Гессенский, числившийся в нацистской иерархии под № 53 (т. е. относился к высшему руководству Третьего рейха), а в генеалогическом древе британской монархии — таким же правнуком знаменитой британской королевы Виктории, как и скоротечный король Эдуард VIII (впоследствии герцог Виндзорский). Немаловажные функции по этой же части исполнял и герцог Карл-Эдуард Саксен-Кобург-Готский. Это и безумно влюбленная в Гитлера взбалмошная английская аристократка Юнити Митфорд — одна из пяти дочерей известного в те времена британского дипломата, пэра Англии, лорда Редесдейла (ближайший друг «духовного гуру» Гитлера Хьюстона Стюарта Чемберлена, чье имя и труды почитались в рейхе наравне с самим фюрером и его «Майн Кампф»). Сестры Митфорд были уникальной находкой едва ли не для всех основных разведок мира: старшая, Диана, была женой лидера британских фашистов Освальда Мосли (ради него оставила видного британского бизнесмена Гиннесса — того самого, что основал знаменитую Книгу рекордов), средние — соответственно Дебора, Джессика и Нэнси — также соответственно герцогиня, коммунистка (вряд ли в советской разведке пропустили мимо своего внимания сей уникальный факт — ведь как-никак, но сестра самой любовницы Гитлера), писательница-новеллистка. Через Юнити Гитлер преспокойно выходил на Н. Чемберлена, У. Черчилля, лорда Ротермира, Энтони Идена и других, не говоря уже о королевском дворе.

Это отец и сын Хаусхоферы — Карл и Альбрехт, поддерживавшие очень тесные связи с герцогом Гамильтоном, который в свою очередь был очень близок к королю Георгу VI, а также к Черчиллю. Не говоря уже об оккультных связях Хаусхоферов с Великобританией — оба имели очень тесную связь с «Герместическим Орденом Золотой Зари» (Карл Хаусхофер, судя по всему, был членом этого Ордена).

Геринг, как правило, действовал через своего близкого друга и известного в те времена шведского промышленника Биргера Долеруса, обладавшего прямыми выходами на британскую знать.

Альфред Розенберг предпочитал действовать через уже упоминавшегося выше барона Уильяма де Роппа, поддерживавшего теснейший контакт с одним из руководителей британской разведки — Ф. И. Уинтерботэмом.

Колоссальную роль для всей нацистской верхушки в качестве канала неофициальной связи играл знаменитый и влиятельный аристократ принц Макс Гогенлоэ — кто только из главарей нацизма не использовал этот канал связи с Лондоном.

Даже у Р. Гейдриха и то был свой личный канал — британский разведчик Эван Батлер, работавший в довоенном Берлине под «крышей» журналиста.

Естественно, что было бы весьма удивительно, если бы прекрасно осведомленный об этой специфической «моде» Канарис не сделал бы то же самое. Разница была лишь в том, что Канарис действовал действительно как высокочеловеческий профессионал — свою систему он создал, четко сориентировавшись не просто на высший уровень, а именно на высший уровень закулисы Британской империи. Одновременно эта система функционировала для передачи информации, и для получения консультаций, не создавая в то же время угрозы для провала самого адмирала, если бы, конечно, не Гейдрих, «сидевший на хвосте» у Канариса. По каналу А-54 он запускал информацию, в т. ч. и зондажного типа, а по каналу фон Треека получал реакцию и адекватно ей координировал свои действия как внутри рейха, так и за его пределами. Чисто с профессиональной точки зрения Канарису нельзя не отдать должное — в создании такой системы очевиден колоссальный оправдавшийся расчет. Адмирал прекрасно понимал, что в 30-х годах самой британской разведке такой агент, как Пауль Тюммель, еще не был нужен, во всяком случае так остро, как с момента начала войны. К тому же в 30-х годах передаваемая А-54 достоверная информация могла не только привести к провалу, но и просто вывести на самого Канариса, действуя он прямолинейно на британскую разведку (кстати говоря, с того момента, как А-54 и стал действовать на британцев, Гейдрих по-настоящему плотно «сел на хвост» Канариса).

Канарис прекрасно отдавал себе отчет в реальных возможностях спецслужб рейха и его союзников, особенно итальянской разведки, глава которой — М. Роатта, близкий друг Канариса — не раз «потчевал» адмирала информацией из той же папочки «Германская опасность», что имелась в Форин офисе, — к сожалению, в нее заглядывала не только советская разведка.

А вот чехам А-54 был очень нужен. Давно было известно, что первой жертвой Гитлера будет именно Чехословакия. К тому же Канарис учел, что, во-первых, сам Бенеш, на которого, как главу государства, и замыкалась чехословацкая военная разведка, был давним агентом влияния британской разведки, который так или иначе, но обладает определенным авторитетом у своих хозяев в Лондоне, вследствие чего его постоянно и «пасли» лучшие британские разведчики в Центральной Европе — Локкарт, Никольсен, Гибсон и другие.

Во-вторых, что Бенеш к тому же опытный масон с колоссальными связями в этом мире — и в первом, и во втором случаях это создавало гарантии быстрого и серьезного восприятия передаваемой информации.

В-третьих, что чехословацкая военная разведка находится под полным контролем британской, региональный резидент которой майор Гибсон — близкий друг главы первой Франтишека Моравиа. Расчет Канариса был и в том, что со временем все эти обстоятельства приведут к безоговорочному доверию британской разведки к А-54 и поставляемой им информации в случае войны.

В-четвертых, при создании канала А-54 адмирал ко всему прочему очень четко ориентировался на главу чехословацкой военной контрразведки майора Бортика, как на гарантию от провала на первом же этапе операции. Что-то, но агентурные возможности своего же абвера в Чехословакии Канарис знал блестяще, потому-то первый сигнал от Пауля Тюммеля о его готовности сотрудничать с чехами и поступил на имя Бартика, а Ф. Моравец подключился уже позже.

И, наконец, в-пятых, Канарис учел также и то обстоятельство, что в мае 1935 г. между СССР и Чехословакией был подписан многократно упоминавшийся Договор о взаимопомощи, секретным приложением к которому и было

соглашение о сотрудничестве между советской и чехословацкой военными разведками. Совершенно не случайно организация канала А-54 началась именно с 10 февраля 1936 г. — т. е. фактически за месяц до вступления в силу этого договора...

Хочу оговориться, что в части, касающейся взаимодействия Канариса и Мензиса по «делу Тухачевского», не следует все понимать в буквальном смысле — британцы не те профессионалы, чтобы столь опрометчиво работать с таким высокопоставленным «агентом влияния». К тому же уровень этого контакта таков, что, будучи великолепными профессионалами, обе стороны прекрасно понимали даже самые глухие намеки, исходившие друг от друга. А вот как он, Канарис, поучаствовал в «деле Тухачевского» — это, конечно же, чрезвычайно интересно.

После сорвавшейся весной 1936 г. фактически совместной провокации абвера и британской разведки как против советской разведки, так и особенно против советского руководства в рамках попыток разоблачения «двойного заговора»,^[30] Канарис, явно сообразуясь с позицией британских коллег стал очень осторожно, дозированно «сливать» через А-54 информацию о советской части заговора чехам, заведомо при этом зная, что она пойдет сразу же по трем адресам: Бенешу — как главе государства, региональному резиденту СИС в Праге — майору Гибсону, а через него попадет — Мензису (он курировал немецкое направление лично), а в рамках советско-чехословацкого соглашения о сотрудничестве военных разведок обеих стран — также и в Москву. При этом явно не исключалось, что то же самое проделает и лично Бенеш. Характерно, что «слив» информации начался в чрезвычайно «симптоматичное время»: с одной стороны, британская разведка всю разжигала во всеевропейском масштабе ажиотаж вокруг «тайной миссии» Канделаки и якобы намечающемся сближении между СССР и Германией, с другой же — Канарис приурочил начало «слива» к моменту, когда в вермахте произошел сильный всплеск просоветских настроений.

Впоследствии, вспоминая в своих мемуарах о Второй мировой войне о встрече в 1944 г. в Марракеше (Марокко) с экс-президентом Чехословакии Эдуардом Бенешом, У. Черчилль писал (с прямой ссылкой на рассказ самого Бенеша): «Осенью 1936 г. Бенешу из

высокопоставленного военного источника в Германии передали, что если он хочет воспользоваться предложением Гитлера (речь шла о том, что фюрер выразил готовность уважать целостность Чехословакии в обмен на гарантии, что она останется нейтральной в случае германо-французской войны; это пояснение самого У. Черчилля, на самом же деле речь шла о весьма неуклюжей попытке Адольфа хоть как-то нейтрализовать ранее неоднократно упоминавшиеся договора между СССР, Чехословакией и Францией. — А.М.), то должен спешить, потому что в скором времени произойдут события, которые сделают несущественной его возможную помощь Германии».

Вот этот «высокопоставленный военный источник в Германии» и есть тот самый агент чехословацкой военной разведки А-54, он же Пауль Тюммель, майор абвера и глава дрезденского отдела абвера.

...Здесь любопытна одна деталь — стиль подачи информации, точнее, даже пробританский дух стиля подачи столь важной информации. Такой стиль встречается также и в советской разведывательной информации, и всякий раз за теми сообщениями также стояли англо-германские «консультации». Так, еще в первой главе настоящего раздела полностью цитировалось разведдонесение ГРУ на имя Сталина от 4 июля 1933 г., и там тот же стиль: «По мнению германских кругов, следует ожидать скорого изменения политического положения в России».

Так не бывает в мире разведок, чтобы в агентурных сетях совершенно разных разведок совершенно разных государств гулял один и тот же «стиль» подачи информации...

Как премьер-министр Великобритании в годы войны, Уинстон Черчилль не только прекрасно знал о существовании А-54, но и не раз читал его информацию — Тюммель, в частности, сообщил в Лондон подробные планы различных операций: «Морской лев» — против Англии, «Барбаросса» — против СССР, «Марита» — против Греции и еще очень многое другое. Поэтому, приведя слова Бенеша в своих мемуарах, он прекрасно отдавал себе отчет, о каком таком «высокопоставленном военном источнике в Германии» он пишет.

Однако, так же, как и перемудривший в свое время с зашифровкой источника информации о заговоре Бенеш, Черчилль не мог и не желал называть ни имени, ни даже псевдонима этого агента. В Англии его

мемуары были изданы еще в 1951 г., и многие военные тайны еще не подлежали раскрытию. С другой же стороны, по инициативе самого же Черчилля в мире началась «холодная война» со всеми ее пропагандистскими маневрами, а такие вещи Черчилль понимал лучше, чем кто-либо иной из его предшественников или преемников. У нас же, несмотря на то, что эти мемуары Черчилля были изданы еще в 1955 г., т. е. еще до знаменитого выступления Хрущева на XX съезде КПСС, обратить внимание на этот факт было некому — «по милости» 1 — го секретаря ЦК КПСС выдающиеся асы советской разведки были «расфасованы» кто по тюрьмам, кто на нищенскую пенсию, а кто и вовсе выслан в «медвежьи углы» необъятной Родины...

Между тем они-то как раз превосходно знали об А-54 по сообщениям и Кима Филби, и Энтони Бланта, да и сам А-54 несколько раз выходил на советскую разведку. И будь они на своих постах, то уж вне всякого сомнения мгновенно идентифицировали бы этого «высокопоставленного военного источника в Германии» с А-54 и своим исчерпывающим анализом могли бы уберечь того же лысого от оголтело глупейшей схватки с «мертвым львом», из которой он вышел, как подчеркивал тот же Черчилль, побежденным. Но, увы. А далее время, к сожалению, сделало свое дело — смазало остроту углов, и только сейчас появилась, наконец, возможность сказать, что и как было.

И вот еще что хотелось бы сказать о Канарисе в связи с «делом Тухачевского». Сразу же после войны, в условиях открыто спровоцированной Западом «холодной войны», там произошло одно маленькое, но тем не менее очень примечательное событие. Специализировавшийся на сочинениях о «кознях «красных шпионов» некий британский публицист Верной Хинчли вдруг выступил с версией о том, что адмирал Канарис в сговоре с Кривицким сфабриковал и организовал доставку Сталину подложных документов на Тухачевского. Как и полагается в старейшем оплоте демократии и свободы слова, этому самому Вернону Хинчли так дали по рукам, что с тех давних пор с британской стороны подобных «перлов» насчет причастности Канариса, да еще и в «спарке» с Кривицким, более не было. В то же время на пустом месте версии не рождаются, тем более что Хинчли был обычным разумным журналистом, подрабатывавшим

бойким пером. Следовательно, где-то просочилась правда о причастности Канариса — иначе тому же Хинчли не заткнули бы рот.

Можно себе представить тот переполох в британской разведке, который вызвала версия Хинчли — ведь попади она в руки профессионалов, то уже тогда весь клубок невероятных интриг СИС с Канарисом при участии А-54 и фон Треека был бы размотан до конца. Но поскольку грехов у британской разведка хватит на десятки поколений вперед, то там решили весьма просто — отныне в любой публикации о Канарисе, в части, касающейся якобы природы происхождения подложных документов на Тухачевского, главный лейтмотив один: все это дело рук нациста Гейдриха, организовавшего всю эту операцию, в т. ч. и налет на штаб-квартиру абвера, т. к. Канарис категорически отказался предоставить архивные документы о сотрудничестве рейхсвера и РККА. В отечественных исследованиях этот вымысел «сдабривается» невесть откуда взявшейся докладной Ежова на имя Сталина, которая якобы подтверждает факт пожара в военном ведомстве Германии в ночь на 2 марта 1937 г.

Первым эту «докладную» Ежова на белый свет вытащил покойный ныне профессор, генерал-полковник от истории Дмитрий Волкогонов. Правда, он все же воздержался ставить за Ежова дату его подписи.

...В книге «Триумф и Трагедия. И. В. Сталин. Политический портрет» Д. А. Волкогонова на стр.534 1-го тома указанного сочинения приводится следующий документ: «В дополнение к нашему сообщению о пожаре в Германском военном министерстве, направляю подробный материал о происшедшем пожаре и копию рапорта начальника комиссии по диверсиям при гестапо...»

По только ему известным причинам покойный ныне Волкогонов воздержался ставить за Ежова дату его подписи. Тем не менее за гестапо он все-таки проставил «дату» пожара — после слова «пожаре» в тексте докладной напечатано примечание самого Волкогонова следующего содержания: «(в ночь с 1 на 2 марта 1937 г. — Прим. Д. В.)»... На самом же деле было так. В конце 1936 г. между высшим армейским командованием и службой безопасности НСДАП произошла грандиозная стычка: в здании, где размещался абвер на Тирпицштрассе, 74–76, были обнаружены микрофоны подслушивающих устройств, установленные подчинявшейся

непосредственно Гиммлеру службой безопасности. Причем не просто в помещениях абвера, а именно в том самом отделе военной контрразведки, что надзирал за связями и поведением высшего офицерского состава вермахта. Эта конкретная деталь и вызвала грандиозный масштаб стычки и ее остроту, ибо генералы были задеты за живое: одно дело Канарису что-то станет известным, но с ним всегда можно договориться, но совсем иное дело, когда о том же прознает СД.^[31]

Между тем СД не случайно установило там прослушку. Помимо вполне обыденной, рутинной практики контрразведывательного наблюдения за военными, помимо чрезвычайно характерной враждебности и конкуренции между спецслужбами Третьего рейха,^[32] в основе факта прослушивания была конкретная причина текущего момента. Дело в том, что в начале осени 1936 г. произошел заметный всплеск активизации замороженных ранее официальных контактов между советскими и германскими военными, в т. ч. и высшими, вызвавший истерику у Гитлера, который в приступе гнева орал в адрес своих генералов, что они «пьянствуют и водятся с коммунистическими генералами».

Причина истерики заключалась в том, что на осенние 1936 г. маневры вермахта главнокомандующий сухопутными войсками вермахта генерал-полковник барон Вернер фон Фрич пригласил командарма 1 — го ранга Иеронима Петровича Уборевича. Причем по настоятельной просьбе самого Уборевича — тот еще в январе 1936 г. при встрече с помощником германского военного атташе в Варшаве майором Кинцелем высказал такую просьбу.

...Эберхард Кинцель, к моменту нападения Германии на СССР — полковник, глава специальной службы генштаба по контролю за деятельностью разведки на русском направлении. Наиболее существенным из его предвоенной биографии является то обстоятельство, что именно он представил подробный доклад об укрепленных районах СССР на западных границах, боевом расписании советских войск, мобилизационных мерах СССР, промышленных резервах Советского Союза и возможных стратегических планах Москвы. Именно доклад Кинцеля послужил основанием для более тщательной доработки «Плана Барбаросса»...

Причем Уборевич обосновал свою просьбу желанием обсудить с германскими генералами ряд важных политических и военных вопросов. Военные — понятно, и то не целиком, ибо по всем существовавшим правилам, в любом случае решение таких вопросов являлось прерогативой непосредственно наркома обороны. С политическими же вопросами — вовсе ничего не понятно, поскольку вопросы политики не уровень командующего военным округом.

Однако если учесть, что Уборевич действовал как эмиссар Тухачевского, то тогда все становится на свои места, тем более, если вспомнить, что, по словам Молотова, со второй половины именно 1936 г. «кандидат в бонапарты» и стал торопить с переворотом. В таком случае все действительно становится на свои места и не только в нашем расследовании.

Дело в том, что на эти осенние маневры вермахта в 1936 г. собралось немало знаковых в рамках «двойного-тройного» заговора фигур, что не могло не привлечь внимания и Канариса, и особенно британской разведки. И Канарис, между прочим, именно в это же время и начал «слив» информации о заговоре через А-54.

...Во-первых, и впрямь, с какой такой стати командующий одним из важнейших в западной части СССР военных округов напрашивается на встречу с генералами государства, где уже три года господствует крайне недружественный СССР нацистский режим, да еще и для того, чтобы обсудить некие важные политические и военные вопросы?! Его ли это уровень — лезть с такими инициативами?!

Во-вторых, следует отметить, что Уборевич в тот момент выехал в официальную командировку в Чехословакию, в связи с чем его маршрут в Прагу через Варшаву уже достаточно странен, а если еще и учесть, что естественными для такого и без того странного случая встречами могли быть только встречи с официальными польскими военными представителями, то уже сам факт встречи и беседы со стоящим значительно ниже по рангу и званию помощником военного атташе Германии в Польше вызывает перемежающееся с недоумением подозрение.

В-третьих, почему беседа произошла именно с помощником военного атташе? А не с самим атташе? Ведь в последнем случае хотя бы какое-то подобие строго соблюдаемого в военно-дипломатической сфере паритета было бы в наличии?! И что это за такая, едва ли не абсолютная уверенность в том, что этот Кинцель обязательно доведет до сведения соответствующих военных инстанций Германии его настойчивую просьбу?!

Из итоге получается, что явно не беспочвенным выглядит предположение о том, что Кинцель являлся своего рода «хотлайном» для экстренных случаев в целях передачи срочной информации и связи. Пикантность этого предположения еще и в том, что этот «хотлайн», если, конечно, наше предположение и впрямь достоверно — пишу так, поскольку пока не представляется возможным все проверить досконально, — судя по всему, находился под контролем агентуры ГРУ, действовавшей в посольстве гитлеровской Германии в Польше: Ильзы Штёбе, Рудольфа Герништадта и Герхарда Кегеля (последний с начала 1935 г. уже являлся сотрудником посольства).

Как уже указывалось выше, Уборевич попал в Германию осенью 1936 г. на военные маневры в Бад-Киссингене, но в таком случае получается, что запрашивался он неофициально, а пригласили-то его — официально. А учитывая, что начальник Управления внешних связей наркомата обороны — Геккер — «загребел» по одному с Тухачевским и Уборевичем делу, выходит, что это была заранее просчитанная операция: в ответ на неофициальную просьбу немцы официально приглашают, а УВС уже своей властью определяет заранее выбранную кандидатуру....

Именно из-за этого визита Уборевича на сентябрьском 1936 г. съезде нацистской партии в Нюрнберге Гитлер и закатил истерику с крайне резкими антисоветскими заявлениями, которые повергли в шок германских генералов и офицеров, особенно тех, что вышли из рейхсвера. Уже 10 октября 1936 г. британская разведка — полковник Кристи, впоследствии начальник немецкого отдела МИ-6 — получила от своего агента «Фила» подробный доклад, в котором описывался этот шок генералов и всплеск открытых симпатий к РККА в вермахте.

Вот почему, желая угодить начальству, СД и установила подслушивающие устройства именно в том отделе военной

контрразведки абвера, куда стекались все сведения о настроениях и поведении высшего офицерства. С точки зрения логики контрразведывательного противоборства с генералами ход правильный. Сам же скандал в связи с разоблачением факта подслушивания в абвере закончился тем, что по прямому указанию Гитлера СД пошло на подписание 21 декабря 1936 г. выше уже упоминавшейся «Декларации 10 заповедей» с абвером. И чтобы спустя всего два месяца — в ночь на 2 марта 1937 г., — как якобы утверждает «версия Шелленберга» и что с помощью невесты откуда взявшейся «докладной» Ежова, но за гестапо подтверждал также и покойный Волкогонов в своем труде «Триумф и Трагедия», — СД, пускай даже и под патронажем самого Гитлера, рискнуло бы на очередную операцию по тайному проникновению в помещения военного ведомства, да еще и с пожаром?! Абсолютно исключено!

Гитлер еще год вынужден был терпеть строптивых генералов, пока англичане, в т. ч. и через экс-короля Эдуарда VIII, не открыли ему глаза на их истинное лицо. Только после этого он смог, наконец, избавиться от них, опорочив Бломберга, Фрича и выгнав их со всех постов.

Как уже указывалось выше, у советской разведки был великолепный агент в гестапо — «Брайтенбах», он же Вилли Леман. «Брайтенбах» как раз и был одним из ведущих сотрудников в том самом отделе контрразведывательного обеспечения всего германского ВПК, в т. ч. военного ведомства, который входил в состав гестапо (потом IVуправления РСХА) и который должен был по определению расследовать этот случай с пожаром, если он, конечно, имел бы место. Однако ни в одном из очерков — ни официальных, ни публицистических, — нив одной из книг, посвященных выдающемуся вкладу В. Лемана в борьбу против нацизма, нет даже и тени, даже глухого намека на эту историю с налетом и пожаром. А Вилли Леман сообщал всегда такие уникальные сведения о различных операциях гестапо, такие уникальные данные по другим вопросам, и к тому Dice сам был настолько высокочлассным профессионалом, что даже если эта история и обошлась бы без его прямого участия, то все равно, именно как исключительно высокочлассный профессионал он сам бы обратил внимание на такое событие, достал бы и обязательно передал нашей разведке необходимые документы, тем более что он

имел отношение к этой комиссии по диверсиям. Он это мог сделать, кстати говоря, и по другим каналам — в силу характера своих служебных функций «Брайтенбах» совершенно естественным образом находился в постоянном деловом контакте с абвером, особенно с сотрудниками его контрразведки. В. Леман пользовался у них уважением и как бывший фронтовик (с некоторыми из абверовцев он воевал бок о бок), и как высококлассный профессионал. И чтобы при таких исходных данных со стороны «Брайтенбаха» не было бы ни одного сигнала об истории с пожаром?..

Если ко всему вышеизложенному об этой «истории» примем во внимание еще ряд важных деталей, то тогда вообще не останется даже и тени намека на какую бы то ни было тень сомнений в отношении истинной природы происхождения этого псевдофакта о псевдоналете и псевдопожаре. Более того, станет окончательно ясно, почему при создании «версии Шелленберга» англичане, выпятив якобы факт налета гестаповцев на помещения абвера, тем не менее сообразили в итоге нежелательность указания точной даты этого достаточно громкого, в случае его реального свершения, события.

Во-первых, на самом деле «версия Шелленберга» не оперирует конкретной датой — она появляется только в дополняющих и разъясняющих ее публикациях. Во всех этих дополнительных разъяснениях она сдвинута на 1–2 марта 1937 г.

Во-вторых, вновь обратимся к испытанному методу простейшего сравнительного анализа двух основных вариантов «мемуаров Шелленберга» — английского и немецкого.

В переводе с английского: «И вот однажды Гейдрих послал две специальные группы взломать секретные архивы генерального штаба и абвера, службы военной разведки, возглавлявшейся адмиралом Канарисом».

В переводе с немецкого: «Поскольку не существовало письменных доказательств таких тайных сношений в целях заговора, по приказу Гитлера (а не Гейдриха) были произведены налеты на архив вермахта и на служебное помещение разведки».

Как видите, ни в том, ни в другом варианте точной даты налета нет, зато налицо прямое противоречие: в английском варианте якобы налет был произведен якобы по приказу Гейдриха, в немецком — якобы непосредственно по приказу Гитлера, да еще в скобках

подчеркивается, что «не Гейдриха». Перед нами дешевенький приемчик запутывания, заметывания следов фальсификации.

Не говоря уже о том, что «взломать секретные архивы» невозможно — в них можно только проникнуть и похитить, а взлому поддаются или не поддаются сейфы, шкафы, двери, ведущие в секретные хранилища и т. д., но никак не сами архивы.

Если со всеми проанализированными обстоятельствами определенная ясность наконец наступила, то что касается роли упоминавшейся «докладной» Ежова, впервые использованной в качестве доказательства еще Волкогоновым, то тут далеко не все ясно. Обычно очень скрупулезно указывающий источники приводимых им на страницах своих книг сведений, — например, в том же первом томе «Триумфа и Трагедии» на шесть основных глав приходится 514 ссылок на источники (колебания от 74 до 99 на главу, в среднем 85–86) — в том числе и на архивные документы, Волкогонов почему-то не сделал того же в отношении полностью процитированной им «докладной» Ежова. Странно и то, что полностью цитируя этот очень короткий документ, генерал не указал даже даты подписи Ежова, что в этой конкретной истории более чем категорически важно.

Спустя всего год — в 1991 г. — ситуация вокруг происхождения «докладной» Ежова оказалась еще более затуманенной. Первый том «Триумфа и Трагедии» был подписан к печати 23.02.90 г., а год спустя из печати выходит на все лады перепевающий «версию Шелленберга» публицистический роман Еремея Парнова «Заговор против Маршалов». В предисловии от редакции прямо сказано, что «в романе использованы многочисленные, подчас неизвестные широкой общественности документы». В этом самом романе процитирована та же самая «докладная» Ежова, причем также без ссылки, что для этого жанра творчества вполне допустимо на законных основаниях. Но вот что удивительно — из текста «докладной» бесследно исчезло упоминание Волкогонова о дате якобы пожара после якобы налета якобы в ночь на 2 марта 1937 г. Естественно, что даты подписи Ежова тоже нет. Почему Ежов, письменно докладывая о столь серьезном событии в Германии, не указал точную дату и не поставил дату своей подписи? За такие фокусы Сталин мог запросто «намылить холку», ибо всегда требовал особой точности во всем, тем более от разведки.

Почему же, с другой стороны, Д. А. Волкогонов так старался за гестапо, что указал дату псевдопожара — ведь это легче было бы сделать, вписав ее непосредственно в текст докладной Ежова? Так была ли на самом деле докладная Ежова? Ведь по определению, в тот конкретный исторический момент источником этого архивного документа для Волкогонова могла быть только Особая папка Политбюро ЦК КПСС (ныне Особый архив при Президенте РФ), т. е. все должно было пройти по каналам КГБ СССР. Но КГБ СССР в те времена никаких документов не выдавал. Что же получается в итоге? Что даже в самом высшем по своей значимости сконцентрированных особых секретов государства за XX век архиве уже тогда была возможна подделка и изготовление фальшивых якобы архивных документов особого хранения?! Если вспомнить, что в те времена идеологией в ЦК заведовал не кто иной, как Александр Николаевич Яковлев, то...

Ну вот, пожалуй, и все, что хотелось бы рассказать об истории появления не столько «мемуаров Шелленберга», сколько о содержащейся в них версии «дела Тухачевского» и что стоит за ней. Теперь уже не должно быть и тени сомнений в причастности британской разведки к появлению этого шедевра фальсификации, как, впрочем, и в причастности британской разведки к заваливанию «заговора Тухачевского».

В заключение хотелось бы обратить внимание на то, с каким невероятным рвением и упорством более семидесяти лет британская разведка озабочена сохранением в тайне своей причастности к провалу «заговора Тухачевского», в т. ч. и в кооперации с Канарисом. Ведь понимают же в британской разведке, что Канарис — сукин сын, но ведь он ее, британской разведки, сукин сын...

Священный долг — учиться у противника

Нельзя все-таки не восхищаться безусловно высочайшим, непревзойденным профессионализмом британской разведки в осуществлении глобальных интриг. И потому нельзя не отдать ей должное: кто еще в мире может не только запланировать, но и достичь гениального результата, да еще и при таком уровне «накладок».

Только вдумайтесь, что сделала британская разведка, отштамповав «версию Шелленберга»: в обстановке едва ли не абсолютного апогея «холодной войны» СИС, не прибегая ни к шантажу, ни к каким бы то ни было иным приемам из арсенала британских «рыцарей плаща и кинжала», но опираясь на особые «технологии» психологической войны, разработанные Тавистокским институтом человеческих отношений, сумела ненавязчиво вынудить жаждавшего помериться силами с «мертвым львом» (т. е. Сталиным) Хрущева добровольно подтвердить достоверность состряпанной ею фальшивки под названием «версия Шелленберга». Более того, не просто подтвердить, а как бы в опережение публикации «версии» в полном объеме, от имени самого СССР не только подтвердить, но и фактически гарантировать на редкость глупой, без преувеличения, фальшивке долгую русофобскую жизнь в статусе едва ли не истины в последней инстанции. Не просто достичь подобного, без преувеличения гениального результата, но и вынудить Хрущева собственными руками создать одну из самых мощнейших дубин для разрушения не столько даже СССР, сколько именно России.

А мысль довольно проста — если бы Сталин не клюнул на фальшивку гестапо, генералы были бы живы, и той трагедии, что разыгралась на просторах России, начиная с 22 июня 1941 г., не было бы...

В стране, в которой на войне погиб каждый десятый ее гражданин — это из расчета 20 миллионов погибших, а если из часто упоминаемой цифры в 27 миллионов, то тогда каждый седьмой, а в некоторых ее регионах, например, в Белоруссии, и вовсе каждый четвертый, столь прицельно бить по такой болезненной ране народной памяти, это уже бешеное геополитическое противоборство ради безусловного уничтожения России как таковой, как бы она при этом ни называлась.

И расчет здесь сколь гениален, но столь же и гнусен в изначальной predeterminedности сознательно запланированных на отдаленное будущее результатов — отупев в конце концов от этой боли, общество, в момент смены поколений, самостоятельно разрушит ненавистное Западу государство, а заодно и страну. Что и произошло в 1991 г.

«Священный долг учиться у противника». Это необходимо, чтобы раз и навсегда расквитаться с такими «учителями» и именно так, как это издавна полагается на Руси.

Ни в какие века, не будучи в состоянии военной силой противостоять окружающему миру, коварный Альбион по совету своих учителей — венецианской олигархии — сконцентрировался на самом опасном оружии в истории человечества: на слухах и сплетнях, молве и недомолвках, клевете и выдумках, лжи и фальшивках.

Шекспир еще несколько веков назад обратил пристальное внимание своего гения на этот выбор правящей верхушки Великобритании, пригвоздив его своими бессмертными строками:

Развесьте уши. К Вам пришла Молва.
И кто из Вас не ловит жадно слухов!
Я быстро мчусь с востока на закат,
И лошадью в пути мне служит ветер.

Во все концы земли я разношу
Известья о делах земного шара.
Я сшила плащ себе из языков,
Чтоб ими лгать на всех наречьях мира.

Нет выдумки такой и клеветы,
Которой я б ушей не засорила.
Я говорю про мир в канун войны,
И я вооруженьями пугаю.

В дни тишины, когда земля полна
Какой-нибудь совсем иной заботы.
Молва — свирель. На ней играет страх,
Догадка, недоверчивость и зависть.

С этого начиналась закладка первых камней в фундамент будущего Соединенного Королевства и Британской империи, и было

бы крайне удивительно, если бы патологически склонный консервировать в незыблемости едва ли не все свои «традиции» коварный Альбион не пронес и эту через века, вплоть до наших дней. Осознав, по итогам двух, Великобританией же инспирированных мировых войн первой половины XX века, что военной силой Россию не одолеть, правящая элита Великобритании пришла к такому же выводу, что и К. Клаузевиц за век с лишним до этого: «Россия не такая страна, которую можно действительно завоевать, т. е. оккупировать... Такая страна может быть побеждена лишь внутренней слабостью и действием раздоров. Достигнуть же этих слабых мест политического бытия можно лишь путем потрясения, которое проникло бы до самого сердца страны».

Уже после выдающейся победы русского оружия в Сталинградской битве, в самый разгар Второй мировой войны, из-под пера одного из наиболее влиятельнейших геополитиков на Западе, на идеях которого замешаны все западные концепции в плане попыток установления мирового господства, тесно связанного с КИМД и британской разведкой директора Лондонской Экономической Школы, члена «Комитета 300» состава 30–40 годов XX века сэра Хэлфорда Маккиндера, вышла уникальная по беспрецедентной агрессивности по отношению к фактически в одиночку ведущему смертельную борьбу с фашизмом союзнику статья под названием «Круглая Земля и Выигрыш Мира».

От имени еще ничего существенного не сделавшей для разгрома нацизма Великобритании Маккиндер открыто указал:

«Наш следующий враг — Советский Союз».

По сути дела, эта статья была не чем иным, как выдающейся по своему коварству геополитической инструкцией всей правящей элите англосаксонского Запада по вопросу, что и как делать дальше, т. к., по его мнению,

«грядущая борьба должна быть решающей для мирового господства, ибо конечная цель доминирование над Евразией. Поэтому грядущая неумолимая схватка за власть

над этим решающим геополитическим пространством является решающей схваткой современной эпохи».

Не слишком склонные к новизне англосаксонские лидеры тогдашнего Запада — Рузвельт и Черчилль — попытались было по старинке договориться насчет третьего по счету в XX веке запуска в действие «механизма приводного ремня», обеспечивающего перевод Перманентной мировой войны в «горячее состояние». Но не вышло.

Выдающийся советский разведчик-нелегал, обложивший своей агентурой как всю администрацию Белого дома, так и ведущие министерства США — Исхак Абдулович Ахмеров, — сумел своевременно и документально известить Сталина об этой попытке. Как и о том, что согласно им же добытому секретному Меморандуму № 121 (август 1943 г.), англосаксонские лидеры Запада всерьез рассматривают идею еще времен Первой мировой войны — повернуть всю оставшуюся мощь Германии против СССР, дать ей наконец возможность окончательно разгромить СССР (и это в 1943 г., когда советская армия уже поломала хребет вермахту?), чтобы затем уже напасть на Германию и прийти в Россию в ипостаси «спасителя-освободителя».

Естественно, что из всего этого ничего не вышло, потому как выйти и не могло. Предупрежденный, а следовательно, и прекрасно вооруженный точным знанием Сталин на Ялтинской конференции трех глав антигитлеровской коалиции так прижал Рузвельта и Черчилля, что на целых 46 лет вперед обеспечил относительно безопасное существование Советского Союза! Да и России по сей день.

За этот беспрецедентный проигрыш Рузвельт был убит выстрелом в голову. А Черчилль санкционировал срочную разработку операции «Немыслимое» (Unthinkable), целью которой было нападение на СССР уже 1 июля 1945 г. совместными англо-американскими силами. Однако и на этот раз Сталин был предупрежден своей разведкой — «кэмбриджская пятерка» агентов советской разведки не дремала. А Черчилль, не без содействия Сталина, потерял пост премьер-министра прямо во время Потсдамской конференции...

Потерпев сокрушительное поражение даже в личном плане, но по-прежнему опасаясь за свою шкуру — это посмертно ему воздают

чуть ли не королевские почести, а тогда запросто могли убить, как Рузвельта, — Черчилль во спасение своего реноме «истинного защитника истинных ценностей» Сити и Уолл-стрита вынужден был согласиться на исполнение унижительной роли «всемирного забияки»: 6 марта 1946 г. в своей знаменитой речи, произнесенной в Фултоне (США) от имени всего Запада, Уинстон Черчилль объявил Советскому Союзу «холодную войну» и с грохотом опустил «железный занавес». Началось великое противостояние Запад — Восток, добычей в котором, по мнению того же Маккиндера, должен был стать «Хартленд», ибо, как он сам же и провозглашал, **«кто господствует в Хартленде — господствует над Мировым островом, кто правит Мировым островом — тот господствует над миром».**

«Хартленд» (Heartland) — «Сердцевинная Земля» — есть суть подавляющая часть территории России, тогда СССР, т. е. ориентировочно от бассейна реки Печоры на Западе до бассейна реки Лены на Востоке включительно, или, грубо говоря, от 48° до 132°.

«Мировой Остров» (World Island) — это Евразия, на большей части которой сосредоточена Россия, исторически объективно сложившаяся, причем по соображениям безопасности, но никак не гегемонии, тем более над всем миром, территория единой, но одновременно и единственной в мире классической трансконтинентальной сердцевины Евразии, обладающей к тому же статусом Великой Державы.

Как никто из его преемников, Сталин превосходно понимал, на добычу какого приза нацелился Запад. Еще в 1947 г. в беседе с известным тогда югославским коммунистом М. Джиласом Сталин, проведя рукой по карте мира, на которой СССР был обозначен красным цветом, воскликнул в адрес англичан и американцев: **«Никогда они не смирятся с тем, чтобы такое пространство было красным — никогда, никогда».**

Дело, конечно, не в красном цвете, но в том, что они принципиально не смирились, действительно не смирились. По каналам главного «инструментария» «Комитета 300» — Королевского института международных дел — были поданы соответствующие импульсы в виде намеков, и в том же 1947 г. шефу внешней контрразведки МИ-6 Валентайну Вивьену «приходит в голову» мысль о необходимости разработки плана долгосрочной операции, целью

которой должно было стать достижение Западом победы в геополитическом противоборстве с СССР в результате целенаправленного и постоянного инспирирования по нарастающей его «внутренней слабости» и «потрясений, которые бы проникли до самого сердца страны».

Так зарождался формально до сих пор еще засекреченный — до 2017 г. — план «Операция Лиотэ». Несмотря на то что прототип плана появился еще в 1947 г. и в том же году были утверждены также и его отдельные стратегические компоненты (например, стратегический план «Пропаганда третьей силы»), в завершенном и окончательно одобренном на правительственном уровне виде план «Операция Лиотэ» был принят лишь 29 июля 1953 г.

Конечно, советская разведка своевременно узнала о начале его разработки, однако из-за начавшейся цепной реакции провалов наших выдающихся агентов — членов «кэмбриджской пятерки», в т. ч. и отстранения К. Филби от поста руководителя советского отдела МИ-6, полный текст плана «Операция Лиотэ» попал в СССР чуть позже. Этот многостраничный текст был добыт одним из ценнейших агентов советской нелегальной разведки в Англии — «Вано», которым руководили выдающиеся советские разведчики-нелегалы послевоенного периода, супруги Галина Ивановна и Михаил Владимирович Федоровы (с разрешения руководства разведки в 1994 г. они вышли из тени обязательной конспирации и тогда же впервые опубликовали свои очень скромные, но очень емкие мемуары под столь же скромным названием «Будни разведки». В 2001 г. на канале ОРТ был показан и подготовленный СВР документальный фильм о них).

И вот что тогда писал опытейший, не раз державший руку на пульсе планеты ас нелегальной разведки: «...Операция «Лиотэ» — говорится в документе — это непрерывно действующая операция, главной задачей которой является выявление и использование трудностей и уязвимых мест... внутри стран советского блока. В ходе операции должны использоваться все возможности, которыми располагает английское правительство, для сбора разведывательных данных и организации мероприятий. Планирование и организация операции поручены специальной группе, возглавляемой представителем министерства иностранных дел, которая создана на

основе решения Комитета кабинета министров по вопросам коммунистической деятельности за границей, принятого 29 июля 1953 г. (первым председателем этого комитета стал Глэдуин Джебб, по фамилии которого он так и назывался «Комитетом Джебба»; впоследствии он был заменен консультативным комитетом по вопросам психологической войны — «Комитетом Додса — Паркера». - А.М.).

Организация работы по сбору и анализу разведывательных данных и их дальнейшему использованию в свете поставленных задач возлагаются на Интеллидженс Сервис.

Эта непрерывно действующая операция состояла из трех постоянно повторяющихся циклов: «всасывание», т. е. получение данных, «дистилляция» — обработки и искажения добытых материалов до высшей степени ядовитости и «изливания» — доведения до нужных адресатов. Прежде всего ценилась информация, которая могла бы служить подрыву престижа правящих партий и парализации деятельности правоохранительных органов, армии и органов безопасности.

И еще одна цитата из проекта «Лиотэ»: «Даже самая незначительная информация, не представляющая при отдельном рассмотрении какого-либо интереса, может, как камешек мозаики, внести значительный вклад в воссоздание общей картины».

Далее говорится, что в ход идут слухи и сплетни, искажения исторической правды, сосредоточение внимания только на негативных этапах истории государств восточного блока. Все это позволит избавить жителей Восточной Европы от патриотических настроений, возбудить недовольство одной группы населения против другой, если возможно, натравливать большинство против меньшинства, поддержать тех, кто находится в оппозиции к законным органам власти, помочь оппозиционерам стать у государственного руля, пока полностью не расстроится способность управлять страной.

Позднее к этому плану было присовокуплено секретное приложение к секретному же документу английской разведки № 2279/НВ от 17 февраля 1953 г., в котором были конкретизированы основные оперативные цели в отношении государств советского блока. **Одна из главных — создать в этом блоке внутреннюю оппозицию против**

СССР по той же схеме: «всасывание» — «дистилляция» — «излияние», поддержка инакомыслия, затем постинакомыслия и так, видимо, до исчезновения способности мыслить вообще» (конец цитаты из мемуаров советского разведчика-нелегала).

Генеральная же идея плана «Операция Лиотэ», его основной лейтмотив был четко указан в преамбуле, которая, из-за особого смысла вложенного в нее, заслуживает особого внимания. Операция была названа по имени французского колониального разбойника — маршала Лиотэ. И это при врожденной франкофобии в британской разведке?! Чем же маршал заслужил такое расположение англичан?

В истории колониального разбоя Франции до сих пор гуляет история о том, что когда-то, на заре XX века, командующий французскими колониальными войсками в Алжире и Марокко маршал Лиотэ направлялся со своей свитой во дворец. Стоял полдень, нещадно палило африканское солнце. Изнывавший от жары маршал распорядился по обе стороны дороги посадить деревья, которые давали бы тень. «Деревья вырастут ведь только через 50 лет», — заметил один из приближенных. «Именно поэтому, — прервал командующий, — работу начните сегодня же».

Мысль о стратегической работе на дальнюю перспективу до того понравилась англичанам, что даже министерство финансов — ведомство по определению скупое в любом государстве — и то без сучка и задоринки утвердило колоссальные расходы на эту операцию, настолько заманчивы были конечные перспективы в борьбе с веками ненавистной Великобритании Россией. Организационная же работа по плану «Операция Лиотэ» началась еще в 1947 г. — уже тогда была проведена коренная реорганизация Отдела дезинформации (того самого, что по прямому указанию У. Черчилля от 20 июля 1940 г. накануне войны проводил мощнейшую дезинформационную операцию стратегического влияния в целях организации как можно более раннего лобового столкновения Германии и СССР, без чего коварный Альбион не выжил бы, ибо нацисты потопили к тому моменту уже почти половину британского торгового флота). И с 1947 г. реорганизованный отдел в тесной координации с Управлением коммунистической информации Министерства иностранных дел Великобритании приступил к непосредственной работе. В конце 50-х годов выше упоминавшимся документом № 2279/НВ от 17 февраля

1959 г. в структуре МИ-6 было создано новое подразделение под названием Специальные Политические Акции (СПА), внутри которого была создана секция «Проп», т. е. пропаганда.

С того момента главной задачей отдела стала борьба с коммунистическим влиянием по всему свету путем насаждения, навязывания и проталкивания «соответствующей» информации среди политиков, журналистов и других лиц подобного типа с тем, чтобы они в нужном для правящей элиты британской олигархии (а также всего НАТО, т. к. на МИ-6 были возложены функции головного подразделения разведывательного сообщества Североатлантического союза по координации усилий всех западных спецслужб стран-членов НАТО на этом направлении) влияли на общественное мнение как в стране, так и особенно за рубежом: ведь уже год, как началась провозглашенная У. Черчиллем «холодная война» с «железным занавесом».

Много что предприняли бывшие «союзники» по плану «Операция Лиотэ». Это и операция «Юно» — инспирирование восстания в Восточной Германии летом 1953 г., и инспирирование печально известных венгерских событий 1956 г. (которые, вплоть до фактов прямого обучения венгерских террористов британской разведкой, разоблачил британский специалист по разведке Майкл Смит в книге «Новый План, Старый Кинжал»), и чехословацкие события 1968 г., и польская «Солидарность» (с этой, правда, МИ-6 занималась вместе с ЦРУ) и т. д. и т. п. А уж о количестве всевозможных печатных фальшивок и говорить не приходится — несть им числа.

Из всего того, что за полвека МИ-6 провела по плану «Операция Лиотэ», в соответствии с темой нашего расследования более всего интересует следующее:

во-первых, обратите внимание на дату окончательного утверждения наиболее полного текста плана правительством Великобритании — 29 июля 1953 г. Всего три с небольшим месяца минуло со дня смерти Сталина, а борьба за умы в постсталинском СССР вышла на Западе на высший правительственный уровень. Конечно, и при Сталине Запад, в т. ч. и Великобритания, впадали едва ли не в непрерывную эйфорию лжи и клеветы на Советский Союз, но тогда они все-таки побаивались переходить грань — Сталин обладал

колоссальными рычагами влияния на самом же Западе и при необходимости мог предпринять очень крутые ответные меры.

Кроме того, утверждение плана произошло через три дня после эпохального ареста и уничтожения Лаврентия Павловича Берия, что означало не только разгром сильнейших на тот момент органов госбезопасности в мире, но и то, что в Кремле окончательно воцарился Хрущев. А уж что он из себя представлял — в МИ-6 знали не понаслышке: «старая лиса» ни в какие века не теряла своих гончих качеств, а потому заблаговременно располагала весьма пухлым досье на «дорогого Никиту Сергеевича». Короче говоря, коварный Альбион и особенно его многоопытная разведка мгновенно поняли, что противостоять их плану «Операция Лиотэ» некому.

Во-вторых, во исполнение плана «Операция Лиотэ», с 1947 г. МИ-6 приступила к выполнению программы публикаций различных мемуаров, в т. ч. и советских перебежчиков, воспоминаний нацистов и т. д., острие которых было направлено именно против СССР. Конечно, они сыграли свою роль и немалую, особенно в создании и пропаганде «черной истории» Советского Союза. И, все же они играли роль общего фона, ибо еще не было самого «гвоздя программы», вокруг которого они создавали бы якобы эффект якобы подтверждения. Этим «гвоздем» и должны были стать «мемуары Шелленберга», однако экс-обер-шпион Третьего рейха никак не хотел умирать, и, в конце концов, МИ-6 «поторопила» его. После этого путь к изданию «мемуаров», а на самом-то деле тщательно «всосанных, отдистиллированных и излитых» в соответствии с требованиями плана «Операция Лиотэ» всевозможных отрывков из протоколов допросов Шелленберга и каких-то иных его отрывочных записей был открыт.

В-третьих, «крестным отцом» этих «мемуаров» явился хорошо известный сотрудник того самого реорганизованного Отдела дезинформации МИ-6 — Роберт Конквест, проработавший в этом отделе с 1947 по 1956 г. и на волне невероятного успеха «мемуаров Шелленберга» покинувший разведывательно-пропагандистскую «альма матер», чтобы стать профессионально специализирующимся на русофобии и антисоветизме историком от МИ-6.

Успех первого издания «мемуаров Шелленберга» был оглушительный — книга была переведена на многие языки мира и издана громадными тиражами. О ней шумела вся западная пресса.

Ущерб же, прежде всего моральный, который нанесла эта книга престижу СССР, как главного победителя гитлеровской Германии, был и вовсе фантастический. И все дело в том, что МИ-6 самым искуснейшим образом создало ситуацию якобы автоматического подтверждения «версии» В. Шелленберга словами самого Хрущева.

Прекрасно зная не только о предстоящем в феврале — марте 1956 г. XX съезде КПСС — тогда ведь заранее объявляли о таких событиях, — но и то, что в стране происходит спонтанный процесс реабилитации, в связи с чем Хрущеву явно не избежать этой темы на съезде, упреждающими публикациями отрывков из «мемуаров Шелленберга», преподнесенными как отрывки из «воспоминаний» некоего «нацистского полковника Зет», МИ-6 фактически спровоцировала Хрущева на выступление на съезде с тем самым сумбурным докладом. В итоге был обеспечен гениальный результат: несмотря на то что в докладе Хрущева «О культе личности Сталина» не было ни слова о маршале Тухачевском и заговоре красных генералов, но был раздел о войне, в котором Хрущев посмел оскорбить генералиссимуса (именно по этой причине Черчилль и произнес свое знаменитое: «Хрущев полез в схватку с «мертвым львом», но вышел из нее побежденным»), к августу 1956 г. (когда «мемуары» уже вышли) по всему миру, особенно в Европе, гуляли, обрастая всевозможными нелепицами, версии якобы разоблачавшего Сталина и репрессии 30-х годов (особенно против военных) доклада Хрущева на XX съезде КПСС. То есть получилось, что и спонтанный доклад Хрущева, и «мемуары» как бы взаимно подтверждали «правдивость, объективность и достоверность» друг друга.

На эту ситуацию накладывался «второй эшелон» якобы подтверждений «версии Шелленберга». Еще до выхода в свет «мемуаров» был опубликован ряд «воспоминаний», в т. ч. и нацистов. Среди них особую роль сыграли «мемуары» бывшего сотрудника Шелленберга Вильгельма Хеттля (личный номер в СС — 309 510), который под псевдонимом Вальтер Хаген в 1952 г. издал книгу «Тайный фронт». На ее страницах впервые были апробированы основные элементы будущей «версии Шелленберга». Хеттлю деваться тогда было некуда — запутавшись во флиртах то с одной, то с другой западной разведкой, он хотел работать во вновь создававшейся тогда в Западной Германии разведке — БНД (Бундес Нахрихтен Дийнст) во

главе с Геленом. «Пропуском» туда и послужили т. н. «мемуары Вальтера Хагена».

С точки зрения профессионального искусства проведения по каналам разведки мощнейшей акции стратегического влияния, приведшей фактически к саморазоблачению руководства СССР, история с «мемуарами Шелленберга» выдающийся образец. Только после этого в голову Хрущева закралась мысль о необходимости хоть какого-то подобия правовой реабилитации красных генералов. В тексте облагороженной стенограммы выступления Хрущева на XXII съезде КПСС появился такой пассаж: «Как-то в зарубежной печати промелькнуло довольно любопытное сообщение, будто бы Гитлер, готовя нападение на нашу страну, через свою разведку подбросил сфабрикованный документ о том, что товарищи Якир, Тухачевский и другие являются агентами германского генерального штаба. Этот «документ», якобы секретный, попал к президенту Бенешу и тот, в свою очередь, руководствуясь, видимо, добрыми намерениями, передал его Сталину».

Во-первых, что значит «как-то в зарубежной печати промелькнуло...», когда к тому времени (1961 г.) «мемуары Шелленберга» были изданы массовыми тиражами на всех европейских языках, книга заполонила прилавки книжных магазинов Запада, о ней повсюду шумела западная пропаганда?

Во-вторых, неслыханно элегантно для обычно сумбурной речи Хрущева фраза в отношении Бенеша есть свидетельство того, что составители его речи были прекрасно знакомы с «мемуарами Кривицкого». Ведь именно там написано: «Эдуард Бенеш, видимо, считал, что он не вправе проверять эти свидетельства».

В-третьих, с умыслом Хрущеву приписано и озвучивание варианта всего лишь «одного документа», хотя у «Кривицкого» фигурирует целое досье, а у «Шелленберга» — объемистое досье. Дело в том, что на XXII съезде КПСС было признано, что этого самого одного документа от Бенеша якобы нет и не было, хотя он открыто фигурирует в Протоколе заседания Политбюро ЦК ВКП (б) от 24 мая 1937 г. В итоге получилось, что устами Хрущева был озвучен план действий: мол, якобы остался один документ — от Бенеша, но, поскольку найти его не можем, западную «версию» о том, что все это Гитлер виноват, а Сталин — клюнул на фальшивку, берем на

вооружение. Так, мол, и будем впредь пропаганду вести. Кому были адресованы эти пассажи?

...Во всем этом есть один нюанс — сразу же после смерти Сталина вокруг Хрущева стал вертеться некто П. Н. Поспелов (он же Фогельсон), в будущем секретарь ЦК КПСС. Именно он готовил доклад для Хрущева на XX съезде, именно он направлял общую информационную осведомленность I-го секретаря, а, по сути дела, создавал настоящий «информационный вакуум» вокруг него в вопросах о подлинной правде предыдущей истории. Он же «облагораживал» и стенограмму XXII съезда. И вот что интересно в связи с этим Фогельсоном. Как отмечает автор книги «Логика кошмара» Анатолий Иванов, Поспелов как Фогельсон фигурировал в знаменитом списке высокопоставленных советских масонов, составленных неким Хасаном Джемом — под этим псевдонимом в 1976 г. в Турции была издана книга «Масонство в мире и в Турции». Кто скрывался за этим псевдонимом, неизвестно до сих пор. Однако после очередного военного переворота в Турции во главе с генералом К. Эвреном в 1980 г. весь тираж этой книги был уничтожен.

И еще. Тот же А. Иванов на страницах вышеупомянутой книги привел уникальные данные о применявшемся Лениным масонском шифре и не где-нибудь, а в тексте пресловуто известного своего завещания, в котором именно этим шифром он реабилитировал Зиновьева и Каменева в отношении хорошо известных их «предоктябрьских грехов». Так вот смысл и дух того шифра был фактически повторен в этом уникальном пассаже Хрущева на XXII съезде КПСС.

Однако, как бы там ни было, в дальнейшем вся пропаганда по «делу Тухачевского» велась именно в вышеуказанном ракурсе...

Глава III

«Не в совокупности ищи единства, но более — в единообразии разделения»^[33]

*Так ничего гнусней и мерзостнее нет,
Чем рвения ложного поддельно яркий цвет.
Чем люди полные своекорыстным жаром,
Которые, кормясь молитвой как товаром,
И славу и почет купить себе хотят
Ценой умильных глаз
И вздохов напрокат.*

Мольер. «Тартюф»

Наше разведывательно-историческое расследование было бы неполным, не упомяни мы, хотя бы вкратце, о «вкладе» в вакханалию фальсификаций вокруг и без того трагичного «дела Тухачевского» еще двух предателей из числа бывших сотрудников советской разведки, сбежавших на Запад: Александра Орлова — бывшего резидента НКВД в Испании, и т. н. «Виктора Суворова» — бывшего сотрудника резидентуры ГРУ в Швейцарии Резуна В. Б.

Через 17 лет после успешной работы «литературного негра» Исаака (Айзека) Дон-Левина по созданию «мемуаров» Кривицкого кому-то в МИ-6, очевидно в Отделе дезинформации, пришло в голову вспомнить об этом неутомимом пройдохе. А тем временем шло исполнение плана «Операция Лиотэ», точнее, был один из апогеев особого рвения МИ-6 в исполнении его предначертаний. Вспомнили и вновь поручили ему запустить на пропагандистскую орбиту «утку» о якобы имевшем место якобы сотрудничестве Сталина с царской охранкой еще до «великого октября».

Дон-Левин отработал гонорар, но МИ-6 села в лужу. Там явно ожидали оглушительного эффекта — как-никак запуск «утки» был приурочен к итогам XX съезда КПСС, — но вполне справедливо получила «оглушительный эффект»: даже самые оголтелые, не говоря уже о просто знающих и трезвомыслящих людях в антисоветски и

антисталински настроенных кругах русской эмиграции на Западе, встретили эту фальшивку не просто в штыки, а с явной враждебностью.

Известный русский эмигрант экономист и историк Николай Владиславович Вольский 25 апреля 1956 г. писал своему другу и не менее известному русскому эмигранту историку Борису Ивановичу Николаевскому: **«От документа, пущенного в обращение Дон-Левиным, за десять километров несет такой фальшью, что нужно быть просто слепым или дураком, чтобы ее не заметить».**

Неужели департамент полиции не знал, что нет «Енисейского охранного отделения», а есть «Енисейское губернское жандармское управление»?

Ротмистр Железняков действительно существовал, но не был начальником несуществующего Енисейского охранного отделения.

В книжечке Москолева «Русское бюро большевистской партии» (изд. 1947 г.) на стр. 149–165 довольно подробно рассказывается, как и кто следил за Сталиным в Туруханском крае. Упоминается и ротмистр Железняков, но не в качестве начальника «охранки». В донесении полиции говорится побочно о Джугашвили (о Сталине тогда почти никто не слышал), и, конечно, не в том придуманном (глупо!) стиле, в каком составлен документик». (Дон-Левин запускал «утку» в виде фальшивого документа царской охранки. — А.М.)

А до этого, в письме Николаевского тому же Вольскому (у последнего был псевдоним Валентинов, из-за чего его фамилия часто указывается как Валентинов-Вольский, и письмо, о котором ниже пойдет речь, было адресовано Валентинову), встречаем следующие строки: «Сейчас здесь все только и говорят о провокаторстве Сталина. Документ этот у меня был едва ли не с 1945 г., а знал я о нем еще со времен парижских. Меня просили напечатать его с комментариями, я отказался, заявив, что «...документ поддельный и только скомпрометирует...» Это же думаю и теперь».

Эти своего рода «властители дум» русской эмиграции на Западе были яростными, принципиальными противниками и Сталина, и советской власти, и СССР в целом, полагая, что первый действовал не по законам «марксистской науки», не «по Ленину». Будучи принципиальными противниками Сталина, они тем не менее никогда в своей жизни и научной деятельности не опускались до унижительного

с точки зрения элементарной морали просто порядочного человека использования фальшивок в идейной борьбе с противниками.

Бывало, и нередко, что они впадали в заблуждения, в т. ч. и на грани добросовестного, особенно тогда, когда весьма авторитетные люди сообщали им не совсем достоверную информацию. Бывало также, и опять-таки нередко, что блуждая в сумрачных лабиринтах своих же заблуждений, они были не в состоянии нащупать точные и правильные выводы даже из достоверной, а зачастую и уникальной информации. Все это имело место в их жизни, но никогда ни их честь, ни их руки не замарывались фальшивками. И это суть самого главного, что имеет особое значение для нашего расследования, ибо из этой переписки с полным на то основанием делаются следующие выводы:

Во-первых, Дон-Левин запустил фальшивку («документик») незадолго до написания вышецитировавшихся писем — т. е. в начале весны (максимум в начале апреля) 1956 г.

Во-вторых, «документик» мгновенно и безоговорочно был расценен как абсолютная фальшивка.

В-третьих, слухи об этом «документике» и его «содержании» ходили еще во второй половине 30-х годов прошлого века, т. е., как указано в письме, «еще со времен парижских», ибо в то время Б. И. Николаевский как раз и жил в Париже.

Жаль, конечно, что по этим письмам, точнее, из-за того вида, в каком они были опубликованы в России, невозможно с абсолютной точностью установить, когда же конкретно обращались к Николаевскому с предложением опубликовать этот «документик» с его комментариями профессионального и авторитетного историка, а, главное, кто конкретно обращался. Не исключено, что это было сделано умышленно — по крайней мере из-за того же, из-за чего и выражено сожаление о невозможности что-либо точно установить (не могу не напомнить в этой связи одну латинскую пословицу: *Sapient! Sat!* — «Для понимающего — достаточно»).

Скорее всего, речь идет действительно о 30-х годах XX века, потому как именно в то время вся объединенная рать заговорщиков внутри СССР всеми силами пыталась запустить в пропагандистский оборот всевозможные слухи о каких-то тяжелых болезнях Сталина, о его скорой смерти, о его скором смещении по каким-то причинам. В таком ряду вполне на своем месте и мыслишка о «провокаторстве»

Сталина, ибо внутрисоюзная антисталинская оппозиция пыталась заблаговременно сформировать хотя бы относительно объективный фон для свержения Сталина, причем запускались действительно разные слухи — какой приживется. В таком случае более чем к месту вспомнить о таком факте — в 1936 г. Николаевский встречался в Париже с одним из лидеров антисталинской оппозиции Бухариным, а уж «Коля Балаболкин» ох, как любил разговоры, особенно не по делу...

...Когда после ареста Ежова был вскрыт его личный сейф, то там было обнаружено немалое количество досье с компроматом на многих членов ЦК, Политбюро и даже самого Сталина. В последнем хранилась странная записка какого-то старого большевика, в которой высказывалось подозрение о якобы имевшей место в прошлом связи Сталина с царской охранкой. Вполне возможно, что это досье было как бы переходящее от Ягоды к Ежову «наследство», и в таком случае предположение о том, что именно «Балаболкин» довез до Парижа этот позорный бред, обретает еще большие прав на жизнь...

Так что вполне реально, что именно в 1936 г. к Николаевскому и обратились с просьбой предать огласке «документик», состряпанный заговорщиками, да еще и со своими комментариями авторитетного в кругах русской эмиграции ученого-историка. И не менее реально, что обращавшимся с такой просьбой был не кто иной, как Бухарин — один из лидеров оппозиции, имевший определенный авторитет в глазах Николаевского. Однако, как подчеркивалось выше, Борис Иванович тем и отличался от Других, особенно внутрисоюзных оппозиционеров, что был в первую очередь очень порядочным человеком и еще более порядочным ученым.

В-четвертых, невольно, явно того даже и не предполагая, Николаевский на собственном примере наглядно проиллюстрировал нехитрую «технологию» запуска в оборот фальшивок, ориентированных на инспирирование серьезные последствий. В ее основе «три кита»: общепризнанный профессионализм избранного кандидата, его столь же общепризнанные высокие моральные качества и его столь же общепризнанная научная порядочность, что в совокупности должно было, по расчетам заговорщиков, придать особый шарм достоверности запускаемой фальшивке. Именно так и

запускаются на орбиту пропаганды всевозможные фальшивки, особенно серьезные.

Заговорщики тогда просчитались, что в общем-то понятно — не на того напали. Но вот зачем МИ-6 повторила тот же эксперимент, да еще с Дон-Левиным — тоже нетрудно понять. Потому, что спецслужбам очень часто приходится «за неимением гербовой писать на простой», т. е. вынуждены привлекать к таким операциям откровенно продажных журналистов.

...Самое интересное во всей этой грязной «утке» то, что она получила немедленный и крайне жесткий отпор даже у профессиональных советологов Запада. Такие специалисты, как Дэвид Дал-лин, Бертрам Вольф, Борис Суварин, М. Титтл, уже тогда, в 1956 г., прямо по горячим следам в прямом смысле в клочья разнесли глупейшую затею МИ-6 с научно-исторической точки зрения. Причем осуществили это столь квалифицированно, что и по сию пору невольно удивляешься. Тем не менее профессиональные советологи-антисоветчики — они и есть антисоветчики: тот же Д. Даллин завершил свое исследование абсолютно «естественным» для любого русофоба выводом — «в отношении Сталина все сгодится, и чем грязнее подозрение, тем больше оснований, что оно окажется правдивым». Печальной памяти доктор Геббельс и то наверняка позавидовал бы «технологии» Даллина...

Именно так МИ-6 поступила и в этом случае. Во время переписки ученых, 23 апреля 1956 г., произошло крупное событие — в тот день на страницах влиятельнейшего в то время на Западе американского журнала «Лайф» была опубликована «сенсационная статья» под крикливым заголовком — «Сенсационная тайна осуждения Сталина». Прямо по итогам Постановления XX съезда — «О культе личности Сталина и преодолении его последствий».

В статье утверждалось абсолютно то же самое, что и некоторое время назад по приказу из МИ-6 написал Дон-Левин в том же журнале. Разница была в выводах, в которых утверждалось, что «документик» этот попал в руки заговорщиков (тем самым автор этой статьи уже второй раз за три года письменно да и прилюдно подтвердил, что заговор действительно был) группы Тухачевского, которые из-за этого и хотели свергнуть Сталина, но якобы чудесным образом прознавший об этом вождь упредил их и поставил к стенке.

Здесь важно время публикации и кто автор. Суть фактора времени в этом случае мы уже указали — к итогам постановления XX съезда КПСС и вдогонку фальшивке Дон-Левина. Вывод же специфического характера не нов — чистейший воды операция британской разведки: уж слишком точно по времени рассчитаны ходы. А вот весь смысл этого расчета заключался в фамилии автора, коим был не кто иной, как сбежавший на Запад бывший резидент НКВД в Испании и одновременно полномочный представитель НКВД при республиканском правительстве Испании Александр Орлов, он же в действительности Лейба Лазаревич Фельдбин.

Сейчас об этом, уже только самим фактом своего бегства нанесшем колоссальный ущерб предателе известно очень много, особенно благодаря талантливой книге «Роковые иллюзии» Олега Царева и Джона Костелло. Парадоксально, но факт, что именно Орлов стал наиболее востребованным объектом для «героизации» всех этих предателей и изменников Родины довоенного периода. И этот тоже преподносится как борец со «сталинизмом», которого, кстати говоря, не видывал и в помине, потому как, с одной стороны, долгое время был в фаворе у самого Сталина, с другой же — большую часть времени до побега провел в загранкомандировках.

*Однако, что бы ни говорили продажные СМИ, что бы ни утверждалось в различного рода книгах в оправдание их предательства, в высшей степени справедлива и объективна лишь одна точка зрения — ее изложил в своих мемуарах действительно выдающийся ас советской нелегальной разведки, ныне покойный генерал П. А. Судоплатов. Ее суть очень проста, ибо это и есть **Подлинная Правда: и Рейсе, и Кривицкий, и Орлов, и им подобные были, есть да так и останутся в истории только как предатели. Потому что генеральным лейтмотивом их предательства было их категорически враждебное неприятие восстановления великого и могучего русского государства, пускай и носившего тогда название Советский Союз. На жаргоне этих предателей подобная «позиция» называлась «назад, к Ленину!», в чем, кстати говоря, они были абсолютно правы — «вождю мирового пролетариата» Владимиру Ильичу Ульянову-Ленину на самом деле было наплевать на Россию, о чем он сам же не раз говорил.***

Именно это самое «назад, к Ленину!» и привело всех их, как и «вождя мирового пролетариата», а также их собственного кумира — Троцкого, к безудержному воровству народных денег (за одним только Ильичом числится столько, что и сотни смертных приговоров было бы мало): Ренсе перед побегом украл, Кривицкий — украл, Орлов — украл, Троцкий в изгнании жил в основном на ворованные из СССР деньги (его сообщники воровали по очень хорошо знакомой по современности схеме — «отката» при заведомо завышенных суммах различных сделок; обычно это делалось по линии внешторга) и т. д. И это называлось и до сих пор называется «борьбой со сталинизмом»?!

Удивляться же следует тому, что с какой стати надо утверждать, что тот же Орлов никого не выдал, да к тому же в силу каких-то коммунистических убеждений. В подтверждение таких пассажей обычно напирают на то, что он никого не выдал из той же «кэмбриджской пятерки», «крестным отцом» которой и являлся. Причем прибегают к следующему аргументу: нет никаких данных на этот счет даже в архивах. Значит, априори не виновен?! Но ведь речь идет о разведке, как об особо специфическом виде человеческой деятельности, а все разведки мира без какого-либо исключения действуют в условиях острого дефицита информации. Следовательно, если нет данных, в т. ч. и в архивах, это по определению не может означать, что их вообще нет в природе. Нет у нас — есть в той же МИ-6...

Тем более что обстоятельства его бегства, особенно выезда из Европы в Канаду, откуда он затем перебрался в США, куда более смахивают на четко разработанный и продуманный план бегства разведчика, чем-то очень близкого британской разведке.

Во-первых, жену свою он почему-то держал на территории Франции задолго до побега.

Во-вторых, совершенно беспрепятственное получение канадской въездной визы непосредственно у генерального консула Канады в Париже, тем более под конец рабочего дня. Тот, кто хоть раз сталкивался с консульской бюрократией, тем более под конец рабочего дня западных дипломатов, прекрасно знает, какое раздражение у посетителей может вызвать откровенно демонстрируемое консульскими чиновниками нежелание пошевеливать даже пальцем. А тут в консульство врывается какой-

то советский генерал с дипломатическим паспортом, требует генерального консула, добивается этой встречи, получает лично у генконсула въездную визу, причем сам генконсул, по словам Орлова, оказался настолько «человеком дружелюбным», что написал рекомендательное письмо канадской иммиграционной службе. Любому мало-мальски знакомому с деятельностью спецслужб хотя бы только по книжкам, и то известно, что иммиграционная служба в любом государстве — это одна из самых что ни на есть передовых контрразведки этого государства. Иммиграционная служба работает только в теснейшем контакте с контрразведкой и по определению отличается подозрительностью. А тут «человек дружелюбный» совершенно незнакомому лицу запросто выдает рекомендательное письмо иммиграционным властям своей страны?! Кто хоть раз перелистывал книги о деятельности британской разведки, в том числе и в довоенный период, хотя бы краем глаза да видел, что среди излюбленных прикрытий британской разведки (впрочем, не только ее) под дипломатической «крышей» как раз консульские должности и вообще все, что связано с эмиграцией и иммиграцией, и в целом с въездом-выездом, паспортами и т. д. А канадская Королевская конная полиция — контрразведка Страны Кленового Листа — плоть от плоти детище британской. Так что с какой такой стати должно верить рассказам беглого предателя Орлова-Фельдбина?

Но даже, если это и так, то как тогда объяснить следующее: трансатлантическое плавание заняло 8 дней — вечером 13 июля 1938 г. он отплыл из Европы, а 21 июля днем сошел на берег в порту Монреаля. Прибавив же к этим 8 дням еще двое суток с момента его отъезда из Испании, получим уже десять дней, а это уже срок очень большой для того, чтобы с уверенностью говорить о том, что о его побеге могли провести и в британской разведке тоже — в мире спецслужб о побегах сотрудников, тем более резидентов узнают едва ли не мгновенно. И что же, исходя из его, Орлова, версии мы обязаны отнестись к его рассказам, как к свидетельству отъявленного непрофессионализма СИС?!

В оперативной работе «старую лису» очень трудно словить на проколах — это вам не ЦРУ. А уж что касается реакции на события, так позвольте вкратце одну историю рассказать: в конце 1924 г.

британская разведка совершенно случайно засекла Николая Рериха, выполнявшего важное задание советской разведки, в Берлине (Рерих неосторожно встретился с главой сикских террористов Махендра Пратапа, которого постоянно «пасли» англичане), и в считанные же часы все европейские резидентуры британской разведки были оповещены о необходимости резкого усиления контроля за Рерихом, что и было выполнено с неукоснительностью, достойной похвалы. Англичане сняли «богатейший улов» — они смогли тогда засечь самое, что ни на есть начало нормализации советско-японских межгосударственных отношений (это и было сутью задания Рериха), которое осуществлялось в глубочайшей тайне, причем в основном по каналам тайных обществ. И все же мгновенная реакция всей разведывательной сети привела к исключительному результату (кстати говоря, в Лондоне сделали тогда очень серьезные выводы, ибо буквально по горячим следам сообщений разведки начались первые дипломатические маневры, приведшие впоследствии к т. н. Локарнским соглашениям).

Так что и в случае с Орловым все она вовремя и своевременно знала. И все же, выяснения истины ради, попробуем допустить, что никто ничего не знал вплоть до самого момента прохождения им пограничного, таможенного и иммиграционного контроля. Но там его ожидал «дружественный прием» со стороны канадских властей! В Канаду в каком-то срочном порядке пожаловал советский генерал с дипломатическим паспортом, с женой и ребенком, которому тут же выдали временное разрешение на проживание в стране в течение двух месяцев, не дожидаясь истечения которых, он покинул канадскую территорию) и нелегально, под чужим именем обосновался в США! И опять-таки никто ничего не ведал и даже не поинтересовался, куда это подевался красный генерал с дипломатическим паспортом и семьей?

А ведь к концу первой недели после бегства Орлова из резидентуры по ходатайству НКВД СССР НКВД СССР аннулировал дипломатический паспорт Орлова, о чем оповестил все государства, с которыми СССР поддерживал официальные дипломатические отношения. Следовательно, британский МИД, а соответственно и британская разведка, знали о факте аннулирования паспорта. Глупо даже предполагать, что британская разведка никак не отреагировала

на аннулирование дипломатического паспорта столь высокопоставленного и хорошо известного ей по Испании советского разведчика.

Короче говоря, бессмысленность таких предположений очевидна. Однако Орлов утверждал, что все было тихо, тонко списывая все на легендарную еврейскую солидарность — мол, вызвал родственников из США (кстати, весьма прозорливо он восстановил с ними связи еще в 1932 г., когда был в США в командировке, а ведь 1932 — год первого, очень серьезного всплеска активности и провала заговора оппозиции), вот они и помогли. В том числе и перебраться в США, и даже 15 лет укрывали его там нелегально.

(Кстати говоря, то обстоятельство, что, по словам самого Орлова, он изначально намеревался бежать в США и потому вначале вызванивал в Париже посла У. Буллита, чтобы получить американскую визу, — вдвойне настораживает. Во-первых, Буллит до того как попасть в Париж, был послом в Москве и имел тесные контакты с оппозицией. Во-вторых, через Буллита выехал в США и Кривицкий. Выходит, что намеревавшийся перед ним открыться Орлов знал, к кому он идет, знал, что идет по заранее определенному маршруту?!)

Трудно оспаривать тот факт, что евреи в Америке могут очень и очень многое. И все же, думается, что не легендарная еврейская солидарность спасла его — ведь не спасла же она супругов Розенбергов от электрического стула. Как представляется, куда правильней на эту солидарность списать иное, а именно то, что будучи «крестным отцом» «кэмбриджской пятерки», он прекрасно знал, что их ближайший друг не кто иной, как Виктор Ротшильд, кстати, тоже имевший непосредственное отношение к советской разведке. Так вот, если бы Орлов посмел что-либо сказать о «пятерке», то получился бы донос на Ротшильда, и в таком случае даже самый оптимистичный еврей не дал бы и пенса или цента за жизнь Лейбы Лазаревича. Ибо мощная, многократно превосходящая по интеллекту и по необозримым возможностям легендарной еврейской солидарности личная разведка Ротшильдов менее чем за 24 часа расправилась бы с отщепенцем, посмевшим произнести нечто порочащее в адрес священного для мирового еврейства знаменитого

банкирского рода. И тогда был бы еще один труп, происхождение которого тоже приписали бы «длинной руке НКВД».

Более того, Лейба Лазаревич прекрасно знал и то, что Энтони Блант — близкий родственник британской королевской семьи. И посмей он что-либо рассказать уже тогда, то опять-таки стал бы трупом.

Так что, как представляется из вышеизложенного, причины его «непредательства» значительно прозаичнее, нежели какие-то там идеалы. И то, что Лейба Лазаревич все-таки был связан с британской разведкой — основания для таких подозрений есть, и вполне серьезные. Даже на легендарную еврейскую солидарность списать 15-летний период нелегального пребывания на территории США невозможно: еврейский народ очень осторожный в обращении с властями страны пребывания, даже с юдофильствующими, как в Америке. Конечно, они ему помогли, и даже очень, но все-таки движущим мотором этой 15-летней эпопеи нелегального пребывания в США был явно кто-то другой, беспардонно нахальный по отношению к американским властям, например, такой, как тот же выше уже упоминавшийся Уильям Стефенсон и американский Центр МИ-6. Уж если они позволяли себе открыто дурачить самого президента США, открыто заниматься убийствами на американской территории, вынуждая всесильного главу ФБР Гувера закрывать расследования, то что и кто могли им помешать столько лет держать Орлова «про запас», но потихоньку «доить»?!

Этот экскурс в историю сделан специально, дабы как можно яснее и нагляднее показать, что же произошло 23 апреля 1956 г.

За три года до этого (в 1953 г.), в прямом смысле сразу же после смерти Сталина (а попутно отметим, что и после серьезнейшего провала «кэмбриджской пятерки» — Д. Маклин и Г. Бёрджес вынуждены были бежать в СССР в 1951 г., а К. Филби вообще отстранен от работы в разведке), Лейба Лазаревич вдруг вылезает из глубокой тени нелегальщины и начинает публиковать в том же «Лайфе» серию статей, из которых затем была составлена его книга «Тайная история сталинских преступлений» (еще раз кстати говоря, — обратите внимание, опять та же самая история, сначала публикация серии статей, затем книга, т. е. опять тот же «почерк» британской

разведки). Естественно, что ФБР и ЦРУ пришли в бешенство от такой 15-летней наглости, но тем не менее ничего поделать не могли.

Более десяти лет они безуспешно допрашивали Орлова, но тот лихо потчевал их продуманными и гладкими историями, которые точно совпадали с тем, что он изобразил на бумаге в качестве мемуаров.

Между тем в истории их появления по-прежнему без ответа остается главный вопрос: почему такая ювелирная приуроченность к смерти Сталина? Несмотря на якобы видимую простоту ответа, желательно не спешить — дело в том, что и статьи, и составленная на их основе книга отличаются исключительной осторожностью и продуманностью, тонким искусства обхода наиболее острых углов.

И хотя известно, что Орлов обладал неплохими журналистскими задатками, такая исключительная продуманность и осторожность содержания статей и книги оставляют впечатление тщательной заблаговременной работы, тем более что любые, очень осторожные выражения на английском языке связаны с очень тонким знанием самого языка. Орлов, в отличие от Кривицкого, английский язык знал, но не настолько, чтобы столь густо пересыпать текст своих статей и книги слишком осторожными выражениями на английском языке, которые, подчеркиваю, требуют глубокого знания самого языка. В таком случае сразу же возникает вопрос — а с какой стати Орлов заблаговременно уселся писать свои мемуары и на каком таком основании он был уверен: а) в том, что их непременно опубликуют; б) в том, что такой выход из тени нелегалщины ни к каким серьезным последствиям не приведет? Кто вдохновил его, в общем-то очень осторожного профессионала, на такие вызывающие «подвиги»?

Как это ни парадоксально прозвучит, но истинное направление поиска указывает наименее интересная и наиболее неточная глава его книги, которая была посвящена «делу Тухачевского». Особенно же заключение этой главы, в котором он написал загадочную по состоянию на 1953 г. фразу: «Когда станут известны все факты, связанные с делом Тухачевского, мир поймет: Сталин знал, что делает».

Указывает, потому как если сопоставить с тем, что он же опубликовал уже 23 апреля 1956 г., то на естественный в таком случае вопрос о том, «кто и что предопределили, что настал тот момент, когда

должны стать известными все факты, связанные с делом Тухачевского», ответ оказывается автоматически предопределен: **претворявшая в жизнь предначертания плана «Операция Лиотэ» британская разведка!**

Таким образом, Орлов, хотя и крайне осторожно, но и в статьях, и в книге «Тайная история сталинских преступлений», а также в 1956 г. в статье от 23 апреля как минимум дважды признал, что военно-политический заговор во главе с Тухачевским действительно существовал.

Он предал всех, кто его купил

*Судьба тебя халвою угощает?
Не ешь: смертельный яд в халве у ней!*

Омар Хайям

Чего ради понадобилось британской разведке в канун третьего тысячелетия доказывать и так очевидное, тем более вонючим пером какого-то беглого предателя по фамилии Резун, он же «Виктор Суворов».

Впрочем, что хотели — понятно, и чуть ниже подробно расскажем. Британская разведка настолько вошла «в тему» под названием «дело Тухачевского», что вечно желая как лучше для себя, в итоге делает как всегда. Это о книжонке Резуна «Очищение», где он лихо, с помощью британской разведки, четко и ясно показал, что же ей было точно известно об истинном характере взаимоотношений Тухачевского с германским рейхсвером.

Сначала несколько слов об очередной «продукции фабрики МИ-6 по производству авторов пропагандистских легенд имени маршала Лиотэ».

Перебегая к англичанам, этот незаслуженно широко известный под псевдонимом Виктор Суворов («победитель победителя»?) В. Б. Резун, судя по всему, до сих пор не слишком и осознает, сколь же мерзко судьба обошлась с ним. Факт предательства и побега к англичанам — это «всасывание», т. е. первая фаза операции «Виктор

Суворов» в рамках «Операция Лиотэ». Затем Резуна «отдистиллировали», т. е. напрочь отшибли способность самостоятельно, без заботливо подсовываемых ему из МИ-6 тезисов мыслить и анализировать, доведя его тем самым до степени хорошей дрессированности. Ну а затем, как указано в плане «Операция Лиотэ», наступает финальная стадия — «излияние», и всему миру был явлен «излитый» из Управления психологической войны МИ-6 некто «Виктор Суворов».

Пускай и с серьезным опозданием, но мы обязаны честно признать, что в главном операция «Виктор Суворов», осуществлявшаяся МИ-6 в рамках глобального плана «Операция Лиотэ», англичанам удалась. Судя по всему, они заблаговременно знали о весьма специфическом интересе «Суворова» к определенной исторической теме — обстоятельства начала Второй мировой войны XX века, о его увлечении коллекционированием книг по этой тематике, а также об уже имевших место в его сознании попытках «переосмысления ряда общеизвестных фактов с нетрадиционных позиций». К сожалению, «кротов» в ТРУ, да и не только там, у западных спецслужб хватало, особенно у ЦРУ и МИ-6.

И потому отнюдь не случайно, что разработку будущего «Виктора Суворова» с британской стороны вел «журналист», аккредитованный в Женеве (Резун тогда работал в составе Женевской резидентуры ТРУ) как корреспондент британского военно-технического журнала. У многих разведок мира журналистская «крыша» — излюбленный вариант прикрытия для своих сотрудников, но у МИ-6 эта черта доведена едва ли не до гипертрофированности. Понадобился будущий «Суворов» МИ-6 не как секретноноситель — по своему рангу он мало что мог рассказать: от силы с десяток агентов сдать да рассказать о ТРУ, его системе и методах работы. Этим он вряд ли удивил бы ту же МИ-6. Цель, ради которой был спровоцирован его побег, указана прямо в преамбуле плана «Операция Лиотэ» — заблаговременная организация работы на дальнюю перспективу.

Дело в том, что к 1978 г., когда будущий «Суворов», а тогда Владимир Богданович Резун, бежал в Англию, в высшем эшелоне руководства британской разведки вызрел план решающего геополитического сражения со столь ненавистной всему Западу, а

Великобритании особенно, Россией. Как уже говорилось, британская разведка, точь-в-точь копируя «почерк» внешней политики самой Великобритании, традиционно делающей ставку на принцип «Wait and See» («Выждидай и смотри»), самым что ни на есть естественнейшим образом копирует этот же принцип и в своей практической деятельности. Тем более что на то был прямой заказ правящей элиты Великобритании.

Эти был план многоцелевой, многоходовой, долговременной стратегической операции влияния планетарно-цивилизационного уровня: тотальным и всепроникающим влиянием на мировое общественное сознание, особенно в Европе, прежде всего в Восточной (в т. ч. и СССР), основанным на сфальсифицированном «переосмыслении» природы происхождения Второй мировой войны, осуществить глобальный пересмотр ее главных геополитических итогов, т. е. решений прежде всего Ялтинской конференции 1945 г., а также закрепившей их Потсдамской конференции того же года, решающим образом в пользу Запада при одновременном, столь же решающем, окончательном перекладывании всей исторической ответственности за ту невиданную в истории человечества кровавую бойню на СССР (а на самом-то деле на Россию), который, в том числе и по указанным причинам (плюс как коммунистическая угроза, а на самом деле из-за того самого «хартленда»), должен навсегда сгинуть с лица земли.

Принципиально идея не нова — Великобритания после каждой, ею же инспирированной войны пытается на кого-нибудь да спихнуть свою ответственность за эти преступления против человечества.

В XX веке такое, естественно, имело место сразу же после Первой мировой войны. Однако, несмотря на все отчаянные попытки британских фальсификаторов, в т. ч. и из МИ-6 и их сообщников в других странах, ничего из этого не вышло, так как не было учтено одно наиважнейшее обстоятельство, о котором речь пойдет ниже.

В итоге «дискуссию» тогда на эту тему все-таки пришлось в целом прекратить, так как уже тогда было четко доказано, к тому же не российскими учеными-историками, а зарубежными, что ответственность за развязывание мировой бойни лежит целиком и полностью на кайзеровской Германии и лично на кайзере Вильгельме II. Однако самое интересное во всей той далекой истории то, что

именно британские «историки в штатском» — профессиональные разведчики Роберт Уильям Сетон-Уотсон и Уикхэм Стид — собственноручно упрятали один из главнейших, прямо уличающих кайзера в развязывании войны документов в массе второстепенных документов архива германского МИДа, в отделе хранения с очень красноречивым для данного случая названием — «Оксфорд». Документ совершенно случайно был найден только в 60-х годах XX века.

К середине 70-х годов XX века Западу наконец-то окончательно стало ясно и понятно, что военной силой победы над Россией (СССР) ни при каких обстоятельствах не достичь — ракетно-ядерный паритет между СССР и США буквально вынуждал даже самых твердолобых на Западе уяснить эту истину. В то же время Западу стало понятно и другое — фронтальные кавалерийские атаки на идеологическом фронте также бессмысленны, ибо немедленно натываются на непробиваемую бетонную стену советского агитпропа.

Осознав все это в полной мере, во главу угла будущей операции «Виктор Суворов» была поставлена задача прямо по Клаузевицу: такая страна, как Россия, может быть побеждена лишь собственной слабостью и действием внутренних раздоров, а достигнуть этих самых слабых мест политического бытия можно лишь путем потрясения, которое проникло бы до самого сердца страны.

Вопрос был лишь в том, как, никоим образом не выдавая своей прямой причастности, объективно создать якобы очевидную видимость собственной (России) слабости и, породив тем самым якобы объективные внутренние раздоры, перевести неизбежные в таком случае решительные действия и потрясения в русло «самостоятельного» демонтажа советского государства. Причем поскольку конечная цель — сугубо геополитическая, то средством ее достижения должна была стать именно же стрессовая встряска и полная перетряска глубин народной памяти о той страшной войне. Ведь память о той войне по своей значимости была практически тождественна памяти всего христианского мира о Христе!

Помимо того, что история войн вообще «благодатная» тема для всевозможных инсинуаций и фальсификаций — генералы, как известно, и десятилетия спустя уличают друг друга в ошибках и

провалах, не признавая за собой никакой ответственности, а историки, как грифы, на том и кормятся — эта тема имела еще и совершенно ясно осознававшийся МИ-6 конкретный геополитический смысл.

Дело вот в чем. Решениями Ялтинской (особенно) и Потсдамской конференций 1945 г. Сталин сумел чрезвычайно жестко и к тому же чисто международно-правовыми методами и средствами закрепить за СССР как довоенные, так и послевоенные территориальные приобретения, которые в действительности были не чем иным, как законным возвратом территорий законному же владельцу (для сведения, практически вся Прибалтика перешла в вечное и неотчуждаемое владение России еще по Ништадтскому договору 1721 г., гарантированному, кстати говоря, Великобританией и Францией).

Тем самым Сталин закрепил и факт воссоздания для СССР законного, исторически объективно сложившегося статуса величайшей по своим масштабам, единственной в мире подлинно трансконтинентальной, единой евразийской великой державы. На том, собственно говоря, и держался весь мир с 1945 по 1991 год.

В открытую, на виду у всего мира посягнуть на незыблемость решений тех конференций, особенно Ялтинской, Запад не мог рискнуть — даже гипотетическая попытка была бы обречена на сокрушительный провал.

В рамках решения этой задачи, которая и являлась целью вышеназванного плана, неотъемлемым и прямо способствующим успеху ее решения компонентом должна была стать операция «Ледокол»: внешне якобы отрешенно от методов ведения психологической войны, умышленно инициировать в массовом общественном сознании Европы, особенно Восточной, переосмысление в нужном ключе причин возникновения Второй мировой войны, а соответственно, и Великой Отечественной войны. Тем более что формальный повод для этого есть: война началась 1 сентября 1939 г., а 23 августа был подписан Договор о ненападении между СССР и Германией. МИ-6 тем более была обязана обыграть это обстоятельство, ибо решения Ялтинской конференции по сути своей закрепляли незыблемость границ СССР, особенно западных, по состоянию на 4.00 утра 22 июня 1941 г., а границы эти появились у

СССР только после 23 августа 1939 г., чего Запад до Ялты никак не хотел признавать. Принятые в Ялте решения напрямую затрагивали и без того чрезмерно иррационально болезненно чувствительную память некоторых народов Восточной Европы, особенно Польши, а также прибалтов, у которых Россия вечно виновата.

Что же до якобы историко-документальной публицистики, на которую претендуют книги Суворова, то ставка на этот прием была осуществлена по следующим двум главным причинам.

Во-первых, подобный жанр чрезвычайно легок в пропаганде и укоренении его в сознании. Он совершенно не поддается критическому анализу с позиций академической исторической науки, поскольку попросту пребывает вне ее системы координат. Таким образом, любая критика, даже хорошо аргументированная с позиций академической науки, авторов этого жанра изначально обречена на провал. Тем более что отношение к истории, как к науке, ко многим чванливым академикам в СССР было крайне презрительным в широких народных массах.

Именно на это-то и был расчет в операции «Ледокол» — изголодавшиеся по гонорарам, а, главное, по возможности всенародно продемонстрировать свои якобы знания, историки финального советского этапа начали ломать копыта в борьбе с мифом «Ледокола», далеко не сразу осознав, что миф попросту не чувствителен к любым их рациональным аргументам. [\[34\]](#)

Во-вторых, операцию «Ледокол» МИ-6 обусловила одним крайне жестким параметром, предыстория которого такова. В 1975 г. тогда еще дружественная СССР разведка Чехословакии установила, что сразу же после подписания знаменитого Хельсинского акта по безопасности в Европе, особенно его «третьей корзины», положения которой затрагивали свободу обмена информацией, по всем ведущим психологическую войну против СССР инстанциям Запада был отдан согласованный в рамках разведсообщества НАТО приказ о категорической недопустимости использования их собственной информации из стран социалистического содружества до тех пор, пока она не будет использована другими средствами массовой информации. То есть, попросту говоря, до тех пор, пока кто-то третий, хотя бы внешне никак не связанный ни с разведками, ни с

подрывными идеологическими центрами, не опубликует или не предаст огласке ту же информацию.

Исходя из этого, в операции «Ледокол» ставка была сделана на целенаправленное выдерживание по заранее заданной схеме цитат из различных мемуаров советских военных и государственных деятелей, открытых публикаций в советских газетах и журналах, которые после нехитрой перековки в «аргументы» превращали миф «Ледокола» в непотопляемый. Вот именно для всего этого и понадобился Резун — бывший военный разведчик. На него и планировалось списать «авторство» мифа о «Ледоколе». А заранее англичане начали эту операцию по очень простой причине: с позиций 1978 г. уже виден был конец 40-летнего временного лага памяти общества о многих событиях: 1981 г. — 40-летие 1941 г., 1985 г. — 40-летие 1945 г., 1989 г. — 50-летие, но уже 1939 г., и одновременно 100-летие принятия Западом принципиального решения об объявлении России Перманентной мировой войны на полное ее уничтожение. И поскольку в силу естественных причин со все более нарастающим ускорением уходили в вечность предыдущие поколения, поколения не только войны, но именно живые носители памяти общества, то за молодых-то как раз и следовало браться. Вот что такое операция «Ледокол» и Резун, он же «Виктор Суворов».

Ее суть в геополитическом смысле тождественна сути «версий» Кривицкого и Шелленберга, т. е. Сталин якобы целенаправленно стремился к войне и потому устроил пролог к ней в виде Договора о ненападении от 23 августа 1939 г.

В «Ледоколе» и «Дне-М» озвучена по-британски неумная «версия» — только англичанам могло прийти в голову приписать Сталину якобы имевшееся у него намерение начать войну против Германии именно 6 июля 1941 г., т. е. в день 23-й годовщины левоэсеровского мятежа в Москве 1918 г., инспирированного британской же разведкой руками одного из наиболее активных ее разведчиков того времени в России — Сиднея Реши. Неужели трудно было сообразить, что у Сталина не было даже тени намека на склонность хоть как отмечать столь некруглые даты, тем более мятежа левых эсеров?!

Тем не менее именно этими книжонками было положено начало глубинно стрессовому инакомыслию, в результате чего и без того уже ослабшая историческая память общества пошла фактически вразнос

(только «Ледокол» был издан в СССР — России 1,5 млн. тиражом), облегчив решение задачи по инициированию якобы саморазвала СССР за счет самодемонтажа уже в 1991 г. Но уже в последующих книгах, особенно в «Очищении», Резуна перевели на режим постинакомыслия. То есть строго по плану «Операция Лиотэ»: если в, «Ледоколе» логика мифа — «Сталин — злодей, но гениальный, так что, Россия, гордись тем, что он выиграл войну еще в 1939 г.», то в «Очищении» уже иная — Сталин был прав, что поставил всех этих «гениальных стратегов» от Тухачевского до иже с ним к стенке, поскольку они были мерзавцы, а с такими генералами и маршалами на войну не идут.

Однако вариант с постинакомыслием изначально был обречен на провал — даже приветствовавшая «ледокольную» ложь «демократическая общественность» и то в штыки встретила навязываемое «Очищением» постинакомыслие «а ля Лиотэ». Для остальных было ясно, что вся эта возня как с «инакомыслием», так и особенно с «постинакомыслием», тем более «очищающим», означала совсем иное — прокол МИ-6.

Прокол заключался как в самом факте обращения к жанру якобы «постинакомыслия» с заведомо порочной логикой достоверных аргументов, так и во времени начала интенсивной эксплуатации этого жанра.

Прежде всего, крайне резкие выпады в адрес Тухачевского и К°, а по сути дела якобы подтверждение правоты Сталина в том, что он совершенно справедливо расстрелял всех этих «гениальных стратегов», вышли из-под пера «Суворова» точно во время 60-летия тех трагических событий. А это означает, что 40-летний временной лаг, в течение которого общество хоть что-то помнит, давно растворился в дымке уходящих друг за другом в вечность годов и в памяти давно ушедших поколений. Временной лаг был преодолен в 1,5 раза. Следовательно, по законам психологической войны врать можно уже с применением значительной доли Правды, но преподносимой под одурманивающим сознание соусом.

Массированное и умышленное использование заведомо негодной логики в якобы стройной подаче достоверных аргументов является как бы универсальной отмычкой, вскрывающей истинную причину использования этого жанра. Законы психологической войны гласят, что только с помощью достоверных, понятных для восприятия средним по

уровню развития массовым общественным сознанием (а именно оно и является господствующим) аргументов возможно на виду всех осуществить тотальную перестановку смысловых акцентов в истине. И тем самым спровоцировать массовое общественное сознание на восприятие всего поданного материала через ложную призму совершенно оголтелого примитивизма — обыватель различает только белое и черное — и в итоге сформировать крайне ложное представление о сути Подлинной Правды.

В схематичном виде это выглядит так: Сталин совершенно справедливо поставил к стенке Тухачевского и иже с ним, потому как в первую очередь они были якобы мерзавцами, а с такими маршалами и генералами на войну, тем более мировую, не идут. То есть лейтмотив все тот же, что и в «Ледоколе» и в «Дне-М»: гениальный злодей XX века Сталин очень тщательно готовился к мировой войне, которую сам же и планировал развязать с помощью Гитлера, а «стратегии» типа Тухачевского, мол, мешали реализации его гениального замысла.

Кто, например, откажет себе в удовольствии сделать вывод о том, что предложение выпустить за один год от 50 до 100 тысяч танков серии «а-ля консервная банка», но с пулеметом — не подобает начальнику Генерального штаба и будущему маршалу? Кто откажет себе в удовольствии встать на одну доску с маршалом и с важным видом сделать вывод, возвысив себя в собственных глазах, — как же, получше самого маршала соображаю? Обыватель. А ведь именно с таким предложением Тухачевский и вышел к Сталину. Далеко еще не всемогущий тогда Сталин в сердцах обозвал это предложение «гениального стратега» проявлением «красного милитаризма». Между тем именно эту и ей подобные истории «Суворов» берет за основу своих утверждений и формально, внешне абсолютно справедливо уделяет «стратега» донельзя простейшей логикой примитивнейшего арифметического подсчета чисто с военных позиций.

А на каком основании «Суворов», совершенно точно указав время выдвижения «гениального» предложения Тухачевского, при упоминании самого факта, при его анализе, чему отдано большое количество страниц в «Очищении», преднамеренно обошел наиважнейшее обстоятельство — ведь произошло это под конец чрезвычайно не простого, как для мировой истории, так и для той, ранней советской истории, 1927 г.?! Естественно, «Суворов» ничего не

скажет, ибо отлично знает и понимает — его дело писать, что приказывают, но молчать там, где надо для МИ-6.

А насчет 1927 г. надо было молчать. Во-первых, чрезвычайно непростым его сделала именно Великобритания, а, во-вторых, и это для нашего расследования самое главное, именно этот год — время начала формирования у британской разведки достоверно аргументированного, обоснованного, впоследствии уже категорически твердого убеждения в том, что Михаил Николаевич Тухачевский самый что ни на есть «агент военно-политического влияния германского рейхсвера в высшей военно-политической иерархии» СССР!

Парадоксально, однако факт, что британская разведка в этом вопросе шла нога в ногу со Сталиным, серьезные подозрения у которого в отношении Тухачевского возникли тоже именно в 1927 г. Кстати говоря, именно так же, нога в ногу, они шли вплоть до самой ликвидации заговора в 1937 г.

И чтобы понять механизм зарождения этих подозрений, впоследствии переросших в абсолютную достоверность, придется пройти по запутаннейшим лабиринтам нескольких теснейшим образом переплетенных и взаимосвязанных замкнутых кругов политики, экономики, финансов, геополитики, всевозможных дипломатических трюков и фокусов Запада против СССР, деятельности тайных обществ.

Первое — «Импульс к возникновению подозрений».

Тухачевский выдвинул это предложение о 50 — 100 тысячах танках в декабре 1927 г. Но вот что удивительно — в начале того же года, при разработке первого пятилетнего плана развития советских вооруженных сил, который составлялся под непосредственным руководством самого «стратега», являвшегося тогда начальником Генштаба, «задумчивый юноша в тужурке хаки» (так называл Тухачевского поэт Михаил Кольцов-Фридлянд, расстрелянный в 1937 г.) не припомнил, что в мировой военной технике уже минимум лет десять, как вполне на законных основаниях существуют танки.

А потому за его подписью в плане появился следующий пассаж:

«Решающим средством будущего вооруженного столкновения являются:

а) стрелковые войска с мощной артиллерией;

- б) стратегическая конница;
- в) авиация».

И вот не прошло и года, как Тухачевскому подавай 100 тысяч танков серии «консервная банка» с пулеметом — других тогда в мировом танкостроении еще не было, даже у немцев и американцев, — а как минимум 50 тысяч. И чтоб всенепременно за один год. Просто чудо фантастической выдержки Сталина, что он всего лишь «красным милитаризмом» назвал это предложение будущего маршала, чей образовательный ценз в военном деле был всего лишь приравнен к «лицам с высшим военным образованием» (приказ Реввоенсовета Республики от 22 мая 1920 г. за подписью Троцкого).

Действительно, как все было бы до чрезвычайности просто, спиши и мы вослед действующему по указаниям из МИ-6 «Суворову» только на неадекватность будущего маршала, что и сделал Резун своими военно-арифметическими выкладками.

Но Тухачевский вышел с предложением именно в декабре 1927 г., в самый разгар острейшего хлебного кризиса в стране, возникшего в канун начала реализации первого пятилетнего плана индустриализации. Не зная этого он не мог, если учесть, какой высокий пост занимал. А следовательно, вот и первое основание заподозрить отнюдь не неадекватность, но серьезную военно-политическую провокацию, потому как в стране неимоверно острейшим образом стоит вопрос о том, как договориться с крестьянством, чтобы оно, не задирая цены, продавало бы зерно государству, а Тухачевскому подавай 100 тысяч танков! В стране, чья промышленность и экономика в целом смахивают на времена Ивана Калиты (выражение К. Ворошилова того периода), то есть нет абсолютно ничего ни для производства, потому как нет самого факта индустриализации, без которой не то что танков не построишь, но и нужных-то селу промышленных товаров не произведешь, а без этого, соответственно, нет и хлеба! Замкнутый круг, разорвать который Тухачевский предлагал «универсальной формулой»: танки вместо хлеба!

Если начальник Генштаба выходит с таким предложением именно в такое время, в такой ситуации, то это только и только серьезная военно-политическая провокация. Ведь на посту начальника Генштаба

Тухачевский обладал всей полнотой разведывательной информации, стекавшейся туда по каналам разведки, в т. ч. и военной. А следовательно, прекрасно знал, что замкнутый круг возник не сам по себе: соответствующее, не в меру злобно корыстное «содействие» Запада, особенно Великобритании, сыграло решающую роль в возникновении этого замкнутого круга или, по меньшей мере, одну из решающих ролей.

Сейчас, когда смыслом жизни достаточно значительной части общества стало тотальное очернительство всех и вся, особенно сталинского периода, можно легко представить себе, каким же «громом» среди «ясного неба» прозвучит заявление о том, что именно Запад, и с прямой подачи Великобритании, в буквальном смысле слова экономически выкрутив руки, вынудил Сталина и его соратников все-таки пойти на резко ускоренную, фактически насильственную коллективизацию при одновременном насильственном изъятии у деревни всего товарного хлеба и даже части семенного! И это при том, что в первую очередь именно Сталин во всем тогдашнем советском партийно-государственном руководстве был жестким противником столь резких мер на селе и занимал эту позицию как до 1928 года, так и после!

66 лет кряду от общественности скрывали, что насилие на селе вызвало крайне резкую, негативную, а главное, немедленную реакцию Сталина. Так, когда 30 января 1930 г. в Москву поступили сведения о крайнем насилии, осуществляемом на селе секретарем Средне-Волжского крайкома Менделем Хатаевичем, Сталин уже 31 января направил ему секретную телеграмму следующего содержания: «Ваша торопливость в вопросе о кулаке ничего общего с политикой партии не имеет. У вас получается голое раскулачивание в его худшем виде» (выделено мной. — А.М.). Телеграмма была подписана также Молотовым и Кагановичем. Причина такой резкой и немедленной реакции Сталина заключалась в том, что Мендель Хатаевич решением бюро крайкома от 20 января 1930 г. фактически развязал гражданскую войну в отдельно взятом регионе!

К началу марта 1930 г. уже было видно, что практически все секретари крайкомов и обкомов действуют как бы по единому плану, откровенно провоцируя гражданскую войну. В связи с этим и появилась знаменитая статья в «Правде» «Головокружение от успехов»

(2 марта 1930 г.). А суть этого «грома среди ясного неба» в том, что у нас давно и умышленно просто не упоминают о следующем: едва только прослышав о намерении построить социализм в отдельно взятой стране, едва лишь узнав о планах индустриализации СССР, весь Запад, прежде всего Западная Европа, на поставки из которой СССР в первую очередь и рассчитывал, принял решение о введении против Советского Союза так называемой «золотой блокады»!

Речь шла о прямом отказе западных партнеров что-либо продавать нашей стране, особенно промышленное оборудование, и прежде всего категории «средства производства для производства средств производства», кроме как за золото, которого, как они абсолютно точно знали, у Советов крайне мало (Ильич со своей бандой оголтелых преступников из числа «интернациональных коммунистов» в теснейшей кооперации с Западом выкачал из России тысячи тонн золота, пароходами перегнав его на Запад).

А в качестве альтернативной оплаты Запад требовал сырье, но особенно же зерно. Логика до нельзя бандитская: продадим вам промышленное оборудование (а в первой пятилетке максимальный крен был сделан на приобретение средств производства для создания собственной индустрии производства средств производства, что означало курс на прямое освобождение от жестокой импортной зависимости), но только за зерно. А вот его-то нет, потому как прежде всего нет крайне необходимых селу промышленных товаров, которых в свою очередь нет потому, что нет промышленности и оборудования для их производства. Конечная цель «золотой блокады» очевидна — открыто спровоцировать новую гражданскую войну в СССР, дать возможность внутренней оппозиции выступить единым фронтом и взорвать изнутри едва сложившееся государство. И не случайно, что даже посторонние, но объективные в своем анализе люди, например, такие, как французский писатель Анри Барбюс, прямо указывали, что *«в 1927 г. оппозиционеры повели по всему фронту широкое наступление против руководства ВКП(б) и Коммунистического Интернационала»*. Оппозиция не раз выступала и прежде, активизируясь в различных обстоятельствах, и никогда не переставала существовать в состоянии скрытого брожения, — *но теперь она*

развертывалась методически и агрессивно, по определенному боевому плану (выделено мной. — А.М.).

Мало того, у «логики золотой блокады» было еще и 2–3 «заместителя» — на тот случай, ежели она не сработает. Одновременно с «золотой блокадой» по инициативе британской нефтяной компании «Ройял — Датч Шелл» Кремлю был предъявлен жесткий ультиматум: либо отчислять с выручки от экспорта нефти и нефтепродуктов определенную долю — от 50 до 70 % — якобы для возмещения убытков бывшим владельцам бакинских, грозненских и майкопских нефтеприисков, либо убираться с мирового рынка торговли нефтью.

Дело в том, что, во-первых, экспорт нефти и частично нефтепродуктов и в то время был одним из важнейших и редчайших на тот момент — их по пальцам можно было пересчитать — статей валютного дохода России: «интернационалисты» так разворовали Россию, что никаких средств не осталось для строительства обещанного ими «рая», который, кстати говоря, они и строить-то не собирались, вообще ничего не собирались строить, пока за это дело не взялся лично Сталин.

Во-вторых, с весны 1925 г. советский экспорт нефти составлял уже 15–16 % мировой торговли нефтью, а это было уже очень и очень серьезно, тем более что СССР самостоятельно выходил на международный рынок (в основном через свои собственные или же совместные с западными странами фирмы — «РОП», «ДЕ-РУНАФТ», «НАФТАРЮСС» и т. д.). И все — прямые конкуренты «Ройял — Датч Шелл». Прими Кремль ультиматум, так и этот, и без того мелкий — на фоне стоявших перед страной проблем и затрат для их решения — валютный ручеек иссяк бы, а не прими — вооруженная стычка с Западом гарантирована, не говоря уже о полномасштабной войне, угроза которой в 1927 г. возросла едва ли не до абсолютных размеров. Тут и оппозиция пришла в действие (забегая вперед отметим, что именно по инициативе главы «Ройял — Датч Шелл», знаменитого в те времена Генри Детердинга, еще в 1926 г. был разработан план военного нападения на СССР объединенными силами Запада — план, в соответствии с которым чеченцы, например, воюют до сих пор).

Вторым «заместителем» являлся рекомендованный всем западным компаниям «принцип» «джентльменских соглашений» по

усилению ограбления России за счет неимоверно задираемых цен на промышленную продукцию, особенно на электрогенераторы и тяжелые электромоторы, без которых любой завод даже не завод, а просто кирпичные стены с крышей. По этим «джентльменским соглашениям» рекомендовалось завышать цены как минимум на 60–70 процентов, а как правило, в 2–2,5 раза.

Разведка сумела тогда документально точно установить даже перечни оборудования, на которые распространялся этот «принцип». В отношении же части оборудования и вовсе был введен прямой запрет на экспорт в СССР, особенно в отношении такого, что напрямую могло бы способствовать росту объемов нефтедобычи, а соответственно, и росту экспорта «черного золота». В эту категорию входили, в частности, турбобуры и искусственные алмазы, которыми оснащались первые для повышения скорости бурения скважин.

Оба эти «заместителя» логики «золотой блокады» так или иначе замыкались на «третьем». Его генеральной задачей было исподволь подвести Кремль к мысли о необходимости отмены золотого стандарта в финансовой системе СССР, т. е. к отмене нэповского золотого червонца. Речь шла не просто об отмене золотого стандарта, а о таком его варианте, который прямым путем вел и достаточно быстро к раскручиванию маховика жесточайшей инфляции. Потому как в условиях отсутствия промышленных товаров и при почти полностью перекрытых других источниках поступления валюты для приобретения промышленного оборудования экономическая ситуация развивается по заранее спрогнозированному сценарию: видя такие затруднения государства, крестьянин соглашался продавать зерно только за очень большие деньги. А ведомые волчьим инстинктом собственника крестьяне могли запросто сокрушить и государство, тем более такое аграрное, как тогдашний СССР. Однако же, как это известно из азов политэкономии, золотой стандарт не предусматривает включение печатного станка по прихоти, тем более крестьян — он ведь и основан только на паритете между количеством денег и обеспечивающего их золота и количеством товаров и услуг. Если золота нет и казна пуста, то как заплатить повышенную цену крестьянину? А только включив печатный станок, а это и есть отмена золотого стандарта хоть по декрету, хоть без него. Но как только напечатанные дензнаки попадут в оборот, то при отсутствии товаров

цены мгновенно взлетят и крестьяне немедля заломят огромную цену. Так начинается любая инфляция, особенно та, у которой цель — сугубо политическая: взорвать изнутри государство.

Со времен Великой Французской революции XVIII века механизм один и тот же: еще в начале XVIII века его разработал один из талантливейших проходимцев на службе у британской разведки — шотландец Джон Ло. Он первым апробировал как сам механизм инфляции в условиях зарождающегося капитализма, так и его использование в глобальной политической борьбе — тогда за счет этого Великобритании удалось-таки вышибить Францию из гонки колониального разбоя.

После такой инфляции от государства иногда вообще ничего не остается — Ленину, например, из-за особой устойчивости царской финансово-денежной системы, доставшейся как в порядке переходящего наследства от временщиков, пришлось раскручивать инфляцию аж в шестнадцать миллионов процентов, только после чего окончательно рухнула царская Россия. А при той слабой денежно-финансовой системе СССР 20-х годов, даже невзирая на золотой червонец, вполне было бы достаточно и нескольких десятков тысяч процентов. И нет государства, причем через гражданскую войну. Именно в этом пункте все три «заместителя» сливались с основным вариантом: через «золотую блокаду» инспирировать серьезнейшие внутренние потрясения в СССР — страна на 99 % аграрная — вплоть до политического и вооруженного столкновения между немногочисленной тогда прослойкой рабочих и в целом городского населения и громадной по численности, находившейся в абсолютном большинстве массой крестьянства.

В такой ситуации и оппозиции легче перехватывать власть под лозунгами защиты крестьянства — именно поэтому даже далекий от советских экспериментов Анри Барбюс обратил особое внимание на то, что именно в 1927 г. оппозиция развертывалась не только методично и агрессивно, но и прежде всего **«по определенному боевому плану»**.

Допустить, что Тухачевский не знал или не понимал всего этого, невозможно. Помимо того, что он читал газеты и всевозможные партийные документы, он обладал еще и доступом ко всей разведывательной информации.

Дело в том, что в 20-х годах прошлого столетия военная разведка, так же как и разведка ОГПУ, очень тщательно и внимательно приглядывала за видными деятелями белой эмиграции, отслеживая не только их связи и контакты с руководящими кругами Запада, но и, главным образом, их содержание, стремясь таким образом на самой ранней стадии выявить вынашиваемые там планы агрессии. Одним из источников такой информации была переписка между лидерами белой эмиграции, которую стремились перехватывать и Лубянка, и ТРУ, и, надо сказать, весьма успешно, если судить по хранящимся в России архивам. В них сохранились очень красноречивые документы видных деятелей белой эмиграции, в которых сквозят с прямыми ссылками на заявления лидеров Запада вышеописанные сценарии, прежде всего «хлебный». Наиболее примечательно из всех этих документов письмо от 28 мая 1923 г. бывшего посла царской России Б. А. Бахметьева в Америке, адресованное видной деятельнице масонского движения в России Е. Д. Кусковой. Именно в этом письме Бахметьев впервые с прямой ссылкой на президента США Гувера один к одному описал «хлебный сценарий».

Накануне того самого 1927 г. Бахметьев уже прямо указывал на фатальную неотвратимость столкновений «производственных инстинктов» (его собственный термин) крестьян-собственников со слабо национализированной промышленностью и торговлей, лишенных, по его в общем-то справедливому мнению, необходимой гибкости. Он писал о неизбежности новых производственных забастовок, вызванных обстановкой на «обменном конце» (его термин), и, соответственно, фатального повторения обстоятельств, приведших к первой капитуляции 1921 г. (под этим выражением Бахметьев имел в виду то, что после Кронштадского мятежа Ленин вынужден был провозгласить НЭП). Более того, прекрасно знавший уровень осведомленности и направленность мышления лидеров Запада в отношении России, Бахметьев прямо отмечал, что единственный выход — денационализация промышленности и торговли, и, как следствие, коренные политические изменения в СССР.

Но самое любопытное заключается в том, что когда в 1937 г. вся эмиграция начала обсуждать причины расстрела Тухачевского и иже

с ним, то в издававшейся в Париже миллюковской газете «Последние Новости» в номере от 2 июня (т. е. еще до расстрела) была опубликована статья, в которой, наряду с главной политической целью разоблаченного заговора — свержением Сталина, отказом от социализма во всех его проявлениях, в части, касавшейся социально-экономических планов заговорщиков', едва ли не один к одному был указан «сценарий» по Бахметьеву.

Короче говоря, Тухачевский и знал, и понимал, и уж коли вышел с таким предложением, то совершенно сознательно. А значит, шел на серьезную военно-политическую провокацию в крайне тяжелой для страны и государства ситуации.

В чем причина? По своей ли инициативе или же «по заказу»?

Сталин, например, сразу же понял, что именно по заказу оппозиции, от того-то немедленно и отстранил ретивого «стратега» от поста начальника Генштаба, отправив его командовать Ленинградским военным округом — поближе к той самой «стратегической коннице». Правда, «стратег» и там не угомонился и продолжал бомбардировать своими «проектами» кремлевское руководство. Но при всем том Сталин, ко всему прочему, вынужден был осознать и другое — ни самого «стратега», ни, тем более, стоящие за ним и направлявшие его силы из стана оппозиции просто так, голыми руками не возьмешь: слишком уж опытная рука водила пером «задумчивого юноши в тужурке хаки».

Выше уже подчеркивалось, что агентуру влияния чрезвычайно трудно поймать с поличным, ибо буквально все, что она делает, очень легко списать на что угодно — от общей обстановки до элементарного обмена мнениями и добросовестных заблуждений. И Сталину пришлось потратить немало времени и сил, чтобы серьезно, аргументированно и документально доказать возникшие серьезные подозрения в отношении «стратега». Тот же путь вынуждена была проделывать и шагавшая нога в ногу с ним британская разведка.

Теперь о втором замкнутом круге, который, учитывая, что речь идет о предложении начальника Генштаба, назовем «Контрольный фон».

Именно ради контроля согласимся на допущение гипотетического предположения: как начальник Генштаба Тухачевский был обеспокоен резко нараставшей в том самом 1927 г. угрозой вооруженного

нападения на СССР, как с Запада, так и с Дальнего Востока. Потому-то и вышел с таким предложением о танках как бы вдогонку к уже сверстанному плану развития вооруженных сил страны.

Из истории хорошо известно, что угроза войны в 1927 г. была нешуточная, и потому очень сильно беспокоила высшее руководство СССР. Однако, допустив такой гипотетический вариант, тут же приходится отвечать на резонный вопрос: а почему надо было так шарахаться, фактически перейдя грань здравого смысла — в сторону одного вида боевой техники (тогда нигде в мире еще не сложились необходимые предпосылки для выделения танковых войск в отдельный род войск, так как самих танковых войск в их современном понятии еще нигде не было), к тому же очень молодого, не устоявшегося, чрезвычайно подверженного в те годы всевозможным, вплоть до фантастических, зигзагам конструкторской мысли? Кроме того, никаких условий для реализации такого предложения не было.

Если возникает реальная угроза нападения, то дело профессиональной чести начальника Генштаба выдвинуть на срочное рассмотрение руководства государства комплекс адекватных угрозе мер по ускоренному, дополнительному укреплению обороноспособности государства, а не выдвигать предложения по тотальному разорению страны с тяжелейшими политическими последствиями, тем более столь односторонние. Именно комплекс адекватных угрозе мер — это и есть предназначение Генштаба. За то его и называют — «мозг армии». Так неужели же следует опускаться до мысли о том, что этими 100 тысячами танков Тухачевский планировал перегородить хотя бы западную границу СССР?!

Таким образом, мы вынуждены вернуться к тому, что это была серьезная военно-политическая провокация, ибо по другому оценить предложение о призыве в армию от 300 до 500 тысяч человек из числа озлобленных мужиков невозможно (экипажи тогдашних танков составляли 3 человека, и еще как минимум по 2 человека для технического обслуживания на танк, итого, из расчета на 100 тысяч затребованных танков, получается как минимум 500 тысяч человек).

Так зачем же ему понадобились в армии 500 тысяч человек из числа озлобленных на центральную власть деревенских мужиков? Это именно тот самый вопрос, который наверняка задал себе и сам Сталин, не мог не задать, тем более если учесть, что он лучше и глубже Анри

Барбюса видел, что вся оппозиция перешла к агрессивным действиям «по определенному боевому плану». И ответ, как всегда, мы найдем в разведывательной информации того времени.

29 января 1927 г., т. е. непосредственно в период подготовки плана развития советских вооруженных сил с одним «решающим средством» в лице «стратегической конницы», высшему военному командованию СССР, в т. ч. и Тухачевскому, был представлен объемистый и совершенно секретный документ под названием «Оценка международного и военного положения СССР к началу 1927 г.». В этом самом документе, в части, касающейся задач военной разведки на 1927 г., так прямо и указывалось, что «для оттяжки войны нашего союза с капиталистическим миром и улучшения нашего военно-политического положения». То есть, опираясь на достоверные разведывательные данные, IV управление штаба РККА — так называлась тогда предтеча ГРУ — совершенно отчетливо видело реально угрожающую безопасности СССР перспективу и потому именно так сформулировало свои же задачи.

Это означает, что вопрос о войне был не нов и постоянно стоял в повестке дня, и «стратег» это знал еще в начале 1927 г. Тем не менее в план развития советских вооруженных сил он воткнул уникальный пассаж о «стратегической коннице», а менее чем через год, когда обстановка в мире накалилась до предела, схватился за голову и потребовал от высшего руководства государства — нет, не 100 тысяч танков, а призыва в армию тех самых 500 тысяч озлобленных на центральную власть мужиков.

Между тем военная разведка, а следовательно, и все высшее военное руководство страны, прекрасно знали, что еще в июне 1926 г. в Лондоне состоялась секретная англо-германская конференция на полуофициальном уровне, во время которой рассматривался вопрос об организации вооруженного нападения на СССР объединенными силами Запада, в первую очередь Великобритании, Франции и Германии. Состав участников конференции смахивал на «путеводитель» по тем замкнутым кругам и лабиринтам, которые нам приходится теперь обследовать: от Великобритании — заместитель министра иностранных дел по разведке Локкер-Лэмпсон и британский нефтяной «король» Генри Детердинг, а от Германии — ярый «западник» и отъявленный русофоб, ставленник наиболее

реакционных кругов экономической элиты Веймаровской Германии генерал Макс Гофман,^[35] а также германские политики прозападной ориентации — фон Клейст и фон Курсель.

Что же до самой конференции, то когда Запад стоял на грани того, чтобы от слов перейти к «делу», т. е. напасть на СССР, то советская разведка по своим каналам инспирировала публикацию статьи об этой конференции и принятых на ней решениях в номере от 4 февраля 1930 г. германской газеты «Фоссише цайтунг» (и именно тогда и была предана огласке та часть решений конференции, что касалась Чечни). Более того, в Москве прекрасно знали и причину созыва такой конференции — ведь она состоялась менее, чем через два месяца после того, как 24 апреля 1926 г. был подписан Договор о ненападении и нейтралитете между СССР и Германией, буквально взбесивший тогда и официальный Лондон, и всех германских «западников», выразителем настроений крайних «ультра» среди которых и был генерал М. Гофман. Да и как, собственно говоря, им всем было не взбеситься, особенно Лондону, когда этот договор стал не просто прямым ответом, а достаточно чувствительной ответной пощечиной Кремля Западу за выпуск на свободу «духа войны» — подписание Локарнских соглашений 1925 г. Договор стал результатом совместных усилий Кремля и наиболее трезво мыслящей части политической, экономической и особенно военной элиты Германии того периода. ... Любопытно отметить, что отчетливо осознавая ведущую роль подавляющей части военной элиты Веймарской Германии в поддержании у наиболее прагматичной и трезвомыслящей части политической элиты страны просоветской ориентации и прекрасно зная о факте негласного сотрудничества между рейхсвером и РККА, британская разведка пыталась максимально опорочить военное командование Германии в глазах Кремля и тем самым сорвать подписание Договора о ненападении и нейтралитете. Так, еще 5 февраля 1926 г. под непосредственным руководством британского разведчика, военного атташе в Латвии Ллойда и содействии капитан-лейтенанта германских ВМС Гаазе, являвшегося членом крайне правой националистической организации «Консул», руками двух боевиков-террористов братьев Габриловичей было организовано вооруженное нападение на советских дипкурьеров Теодора Нетте и

Иоганна Махмасталя, следовавших в поезде Москва — Рига, во время которого первый был убит, а второй тяжело ранен.

Конечно, цель — якобы завладеть диппочтой — частично присутствовала, однако не она была главной. Все разведки ищут доступа к диппочте иностранных государств, но и все же делают это тихо, незаметно и уж, конечно же, без пальбы, ибо использование такого канала получения важнейшей разведывательной информации требует системного подхода, а не одномоментного налета в гангстерском духе. Судя по характеру операции, месту ее проведения (поезд Москва — Рига, дипкурьеры на этой линии ничего особо важного не возили, тем более для британской разведки), но особенно по тому, сколь быстро распространились в соответствующих кругах Германии столь же быстро дошедшие до ушей резидентур ОГПУ и ТРУ в Берлине сведения о прямой причастности германского военного ведомства в лице его морского отдела к этому нападению, это была чистой воды провокация британской разведки. Цель же была проста: поскольку именно рейхсвер и его головной орган в лице Военного министерства являлись главной движущей силой просоветской ориентации значительной части правящих кругов Германии, то, открыто подставив его как соучастника этого нападения, спровоцировать серьезное обострение советско-германских отношений в целом и в итоге попытаться сорвать подписание Договора о ненападении и нейтралитете.

Когда же это не удалось и Договор все-таки был подписан, британская разведка пустилась во все тяжкие, дабы раз и навсегда нейтрализовать откровенно и прагматично просоветски настроенную верхушку германской военной элиты, персонифицировав свой гнев на главном идеологе этой ориентации — генерале Гансе фон Секте. Через свою агентуру влияния в Германии британская разведка инспирировала тройной скандал в отношении фон Секта — ему было инкриминировано разрешение дуэлей между офицерами, приглашение принца Вильгельма на пост начальника военной подготовки вооруженных сил, на базе чего параллельно был раздут слух о якобы намечавшемся при содействии фон Секта монархическом перевороте. Кстати говоря, не остался в стороне и Гитлер — тогда всего лишь лидер нацистской партии. Не без подталкивания британской разведки — он уже в то время находился под ее колпаком, т. к. его откровенно

«пас» британский разведчик, «журналист» Сефтон Делмер — будущий фюрер выступил с личными оскорблениями в адрес генерала: мол, как можно доверять такому генералу, коли он женат на еврейке. Формально это и в самом деле было так — жена генерала по имени Доротея и впрямь была еврейкой, но это, как уже отмечалось выше, было практически повальным явлением для германского офицерства того времени, оно попросту не страдало никакой юдофобией.

Короче говоря, целенаправленно организованными и осуществленными нападениями на генерала фон Секта его «ушили». Но куда интереснее, зачем это сделали? В свете рассматриваемой нами конференции, а именно на ней принципиально был одобрен план военного похода на СССР объединенными силами Запада, эти действия британской разведки очень похожи на попытку расчистить путь для выдвижения на командный пост в рейхсвере своего ставленника, который в нужный для Лондона момент отдал бы рейхсверу приказ выступить в «дранг нах Остен». Учитывая же, что уже летом того же 1927 г., т. е. в самый апогей военной угрозы в Европе, явно не без содействия «восточников» рейхсвера и, очевидно, кого-то из советских разведслужб, таинственным образом сам Макс Гофман превратился в труп, путь расчищался явно для него...

Возмущение Лондона тем более можно легко понять, если вспомнить, что статья III Договора о ненападении и нейтралитете от 24 апреля 1926 г. прямо гласила, что если «будет образована между третьими державами коалиция с целью подвергнуть экономическому или финансовому бойкоту одну из договаривающихся сторон, другая договаривающаяся сторона к такой коалиции не примкнет». Эта статья появилась в тексте Договора отнюдь не случайно, ибо совершенно не случайно подписание Локарнских соглашений точно совпало по времени с началом практической реализации выше упоминавшейся «золотой блокады» Запада против СССР, а в обоих случаях закоперщиком выступала именно Великобритания: план очередного «разбирательства» с Россией был не только единый, но и сверстан был по британской схеме.

Советские послы и разведка еще с весны 1925 г. стали фиксировать нарастающие признаки этой блокады, а в ноябре 1925 г., т. е. всего месяц спустя после подписания Локарнских соглашений, Кремль уже точно знал, кто и как планирует осуществлять «блокаду»:

«Бэнк оф Ингланд», как главный инициатор, заключил специальные соглашения с германским Рейхсбанком, Голландским банком, а «Банк де Франс» — специальные соглашения о проведении скоординированной финансово-кредитной блокады против СССР единым фронтом. В 1928 г. эта система блокады была значительно расширена, и тоже не случайно.

Еще более Лондон взбесило то обстоятельство, что к тому же апрелю 1926 г. у Москвы вызрела и вовсе фантастическая идея заключения тройственного пакта СССР — Китай — Япония, который на фоне только что заключенного советско-германского Договора о ненападении и нейтралитете автоматически превращал саму эту идею в геополитический квартет Берлин — Москва — Пекин — Токио.

Кому из наших «умников» в Москве пришла в голову такая идея — сейчас очень трудно установить, но одно ясно, что это была весьма неуместная со всех точек зрения, затея, ибо изначально было понятно, что Лондон попросту озвереет даже от тени намека на подобное. Резкое нагнетание напряженности именно в 1927 г. — результат в т. ч. и реакции Лондона на такую затею, не говоря уже о том, что одна из причин немедленного созыва той самой англо-германской секретной конференции также проистекает из этой же затеи. Более того, едва ли не сразу после той конференции Локкер-Лэмпсон отправился послом в Пекин, где в скором времени устроил ряд антисоветских провокаций, похоронивших идею пакта.

Кто сдал британской разведке информацию об этой затее — теперь уже не установить. Во всяком случае, точно известно только одно, что Великобритания настолько точно знала обо всех крайне опасных в ее представлении геополитических маневрах Москвы, что немедленно направила послом в Пекин именно Локкер-Лэмпсона — заместителя министра иностранных дел по разведке, что обычно бывает только в случае чрезвычайных обстоятельств. И при всем при этом Локкер-Лэмпсон прекрасно знал, что делается в Европе, в частности в Германии, чтобы не допустить такого развития событий.

Одна маленькая, но очень интересная деталь — практически 90–95 % лиц, арестованных в 1937–1938 гг. по делу военных, так или иначе были связаны с этими геополитическими маневрами, в т. ч. и на китайском плацдарме.

Все это прекрасно знал и Тухачевский и именно потому, что на дату выдвижения своего «гениально» идиотского предложения пост начальника Генштаба он занимал уже два года — с ноября 1925 г. Но так же, как и Сталин, он знал и то, что главнейшим вопросом повестки дня вышеупоминавшейся конференции был вопрос об уничтожении большевизма. Локкер-Лэмпсон самолично воткнул в конец первого пункта повестки дня, называвшегося «Государства Европы и большевизм», финальную фразу: «Большевизм должен быть уничтожен».

Это странная, на первый взгляд, упертость Великобритании в отношении термина «большевизм», оказывается, имеет вполне логичное объяснение геополитически обоснованного характера, корни которого в истории Гражданской войны. Еще тогда, в горниле братоубийственной войны, спровоцированной при прямом участии Запада, британская разведка, а вместе с ней и высший эшелон британской правящей элиты (а вслед за ними и всего Запада), сумела разглядеть уникальное явление: в бушующем пламени Гражданской войны, как само собой разумеющееся, выковывались две могучие силы, которым впоследствии пришлось сойтись стенка на стенку — «коммунисты» и «большевики». Под первыми подразумевались «интернационалисты-космополиты», основной костяк которых составляли прибывшие с Лениным в знаменитом «пломбированном вагоне» марксистские доктринеры — без особой значимости национального происхождения, потому как эта группа была смешанной именно в национальном смысле. А большевики открыто ассоциировались, особенно на первых порах, с квази-, но именно же имперски ориентированным патриотическим, великодержавным крылом в компартии, которое выступало за территориальную целостность России едва ли не полностью в рамках границ империи и ее возрождение на новых началах и принципах.

Тот же Маккиндер еще лет за двадцать до Гражданской войны в России открыто предупреждал правящую британскую верхушку, что никакая социальная революция не в силах изменить отношение России к своим границам, в чем он, кстати говоря, самолично убедился на собственном же опыте, когда служил консультантом от британской разведки при Колчаке.

Именно поэтому, осознав с подачи своей разведки этот воистину уникальнейший феномен произошедшего в России, британская правящая элита едва ли не день в день с образованием СССР в 1922 г., что расценивалось в Лондоне как прямое возрождение, хотя и в несколько урезанном виде, столь ненавистной коварному Альбиону России, начала непосредственное и откровенное движение к Локарно. Именно тогда, в декабре 1922 г., под прямым нажимом британского посла в Берлине Винсента д'Абернона германским руководством были сделаны первые шаги, впоследствии приведшие к заключению Локарнских соглашений.

И вот что чрезвычайно характерно — прекрасно зная об особых отношениях между Берлином и Москвой и испытывая по этому поводу особое беспокойство, Великобритания с декабря того же 1922 г. инспирировала и в дальнейшем осуществляла это движение к Локарно почти полностью руками прозападных политиков Веймарской Германии и только в решающие моменты всегда выходила из-за кулис и высказывала свое мнение. А решающим моментом явилась неподдельная тревога Лондона по геополитическим соображениям.

Из добытых советской разведкой документов британского МИДа (Foreign Office 37/11779 № 319 and № 560/53/38 27 Jan. and 11 Feb. 1926) со всей очевидностью вытекает, чего же конкретно путался Лондон. Оказывается, советское партийно-государственное руководство, т. е. в первую очередь Сталин и его соратники, стали переходить к политике (как внешней, так и внутренней) с использованием «национальных инструментов». Это аналитические документы британского МИДа, что означает, что информация подобного рода стала поступать гораздо раньше, что, в общем-то, естественно, т. к. Сталин откровенно отошел от ленинского курса на «мировую революцию» чуть ли не сразу после его похорон и провозгласил курс на строительство социализма в отдельно взятой стране, чего не заметить было просто невозможно. Уяснив же основной вектор политики Сталина, официальный Лондон вышел из-за кулис предлокарнских интриг и уже 20 февраля 1925 г. направил будущим подписантам официальный секретный меморандум под названием «Британская политика в отношении европейской ситуации».

Поскольку советская разведка своевременно добыла его и даже провела мощную пропагандистскую акцию влияния — меморандум

был опубликован сначала в американской газете «Chicago Tribune», после чего последовала перепечатка в британской «Manchester Guardian», опираясь на которую был инспирирован парламентский запрос, в ответе на который британское правительство вынуждено было признать его аутентичность, — то и мы можем полюбоваться на то, чем же в самом деле коварный Альбион пытался обосновать необходимость Локарнских соглашений еще на стадии подготовительных интриг.

В части, касающейся России, там говорится следующее: «Россия. Европа теперь разделена на три главных элемента, а именно: победители, побежденные и Россия. Русская проблема, которая остается острейшей постоянной опасностью, может быть поставлена только как проблема; невозможно предвидеть, какие последствия для будущей стабилизации Европы будет иметь развал России. Верно, с одной стороны, что чувство неуверенности, которое испытывает организация новой Западной Европы, в немалой степени вызвано исчезновением России как державы, ответственной перед концертом европейских государств. С другой стороны, русская проблема является для настоящего момента скорее азиатской, чем европейской (тут Лондон сказал почти правду — в то время его уже очень сильно беспокоила коминтерновско-разведывательная возня Москвы в Китае, которой молча благосклонно покровительствовал даже Вашингтон, и особенно завершавшиеся тайные советско-японские зонданжные контакты по нормализации отношений между двумя государствами. — А. М.); завтра Россия может снова решительно фигурировать как фактор в балансе континентальных сил, но сегодня она, как грозная туча на восточном горизонте Европы, — угрожающая, непонятная, но теперь еще и обособленная. Россия не является поэтому фактором стабильности; она предстает в действительности наиболее опасной из всех неожиданностей, неизвестностей, и независимо от России, а может быть даже из-за России, должна создаваться «политика безопасности».

Опять-таки именно из-за России должна создаваться «политика безопасности», что в переводе с английского дипломатического языка означает — «дух войны» должен быть выпущен именно против России. Чем же СССР мог тогда угрожать тому же Западу, в т. ч. и Великобритании, если у него и армии-то в тот момент нормальной не

было? К моменту написания таких пассажей она была сокращена в 10 раз и составляла всего 500 тысяч человек. Не говоря уже об официальном отказе от курса на «мировую революцию».

Даже термин большевизм и то не использован в тексте меморандума — будущий лауреат Нобелевской премии мира за разжигание первых искр Второй мировой войны министр иностранных дел Великобритании Остин Чемберлен, чья подпись «украшала» этот меморандум, оперировал даже не географическим по смыслу понятием Россия, а сугубо геополитическим, особенно когда говорил о том, что это проблема не европейская, а азиатская. Налицо сугубо геополитические соображения Великобритании — иными категориями она не оперирует.

Как в последующем писал в своих собственноручных показаниях следствию Тухачевский, именно в 1925 г. у него были установлены отношения с немцами, т. е. когда он впервые находился в официальной командировке в Германии в рамках военного сотрудничества между рейхсвером и РККА.

В отношении его страны и государства, за создание которого он расстрелял стольких невинных людей, замышляется очень недоброе, фактически начался первый этап подготовки к будущей агрессии, в т. ч. и при активном использовании самой Германии, а он «устанавливает отношения с немцами»?! Ведь уезжал он в Германию с поста помощника М. В. Фрунзе, который с января 1925 г. был Председателем РВС республики, наркомвоенмором и начальником Генштаба (тогда просто Штаба) РККА. А следовательно, имел доступ ко всей разведывательной информации, поступавшей на имя Фрунзе от военной разведки. Между тем, незадолго до его отъезда, по каналам военной разведки от одного из лучших в то время ее агентов в Германии — «Дипломата» (он же Вольдемар фон Петров, он же Владимир Федорович Петров, бывший царский офицер, сотрудник японского посольства в Берлине) поступило сообщение, в котором, в частности, говорилось: **«...британский империализм... намерен вести самую решительную борьбу против Москвы. В поисках союзника Англия привлечет и Германию к своей русской политике... а сама английская политика в отношении СССР является политикой подготовки будущего столкновения, но время**

такового определяется общим политическим положением Великобритании...»(выделено мной. - А.М.)

Уже до подписания Локарнских соглашений было очевидно, что речь идет о подготовке Англией вооруженного столкновения с СССР при активном использовании Германии. Выходит, что «гениальный стратег» решил заблаговременно переметнуться на сторону будущего агрессора.

При таких исходных данных оснований для иных выводов не остается — о том, что в рейхсвере все, начиная с самого «идеолога» содружества двух армий генерала Ганса фон Секта, отчаянно ненавидели и коммунистов, и социалистов, и большевиков, и Советы, Тухачевскому было прекрасно известно, ибо информация на эту тему проходила и по разведывательным каналам. Следовательно, пойдя на «установления отношений с немцами», он уже тогда не являлся «борцом за народное счастье». А ведь по возвращении из Германии он был назначен начальником Генштаба.

В свете всего вышеизложенного появляются достаточно серьезные основания совершенно по иному взглянуть и на якобы тайну смерти М. В. Фрунзе на операционном столе. Десятилетиями ответственность за эту смерть пытаются приписать Сталину, а главным, якобы документальным доказательством его вины является очень не простая по своему значению давняя повесть писателя Бориса Пильняка (Вогау) «Повесть о погашенной луне». То, что повесть, возможно, даже и талантливого писателя, не может служить документальным доказательством таких обвинений — понятно всем. Куда важнее обстоятельства появления этой повести из-под пера Б. Пильняка. Дело в том, что «Повесть о погашенной луне» была опубликована в 1926 г. Ни до того, ни после Борис Андреевич Пильняк-Вогау (1894–1937) ничем особенным не прославился. И если бы не эта повесть, никто бы даже и не вспоминал о том, что был такой писатель.

Но с Пильняком-Вогау уже при жизни стали происходить весьма загадочные явления. Совершенно внезапно, 24 июня 1931 г., Пильняк-Вогау попадает под обстрел самой «тяжелой артиллерии», что тогда имелась в писательской среде СССР, — в опубликованной в тот день на страницах «Известий» статье «Об антисемитизме» сам Горький лично «припечатал» Бориса Андреевича, обвинив его в «...

пассивно-толерантном отношении к крайним проявлениям антисемитизма». История практически мгновенно приобрела всемирный масштаб.

Пильняк-Вогау в то время находился в США. Существовавшее тогда в Москве отделение «Еврейского Телеграфного Агентства» мгновенно направило депешу в Нью-Йорк с соответствующей информацией, и на следующий день, 25 июня 1931 г., эту «информацию для заграницы» перепечатала сама «Нью-Йорк тайме» (что тогда было большой редкостью). Уже 5 июля скандал приобрел такие масштабы, что Пильняк-Вогау был принужден подать письменный протест против выдвигаемых в его адрес обвинений в антисемитизме, в котором он попутно выражал свое «восхищение еврейским народом» и сообщил, что его бабушка тоже была еврейкой (на самом деле он происходил из обрусевших немецких колонистов, поселившихся в России еще во времена Екатерины II).

То, что это была специальная и блестяще проведенная пропагандистская акция влияния — никаких сомнений нет: внезапность мощнейшего залпа из орудия самого главного калибра, скорость распространения, четкая скоординированность во всемирном масштабе, бешеная скорость проведения операции, изумительно точная стыковка «технологических этапов» операции, в т. ч. и смысловых оттенков — все это достойный глубокого изучения «почерк» еврейских организаций при проведении пропагандистских акций.

Но вот ведь в чем суть дела: Борис Андреевич Пильняк-Вогау действительно ничем более не прославился ни до, ни после публикации «Повести о погашенной луне». Повод же, из-за которого появились обвинения Горького (между прочим, «великий пролетарский писатель» открыто «подводил» Пильняка под статью — в уголовном кодексе СССР тогда действовала отдельная статья за антисемитизм), вообще вызывает недоумение: «великий пролетарский писатель» придрался к написанному еще в 1924 г. рассказу «Ледоход», которого сам Горький знать не мог, ибо в то время он превосходно чувствовал себя под крылышком у фашиста Муссолини. В 1924 г. никакой реакции из-за этого рассказа ни с какой стороны не было. В 1929 г., когда этот рассказ был опубликован в составе собрания сочинений Пильняка-Вогау, также никакой реакции ни с какой стороны не

последовало. И вот спустя два года — тяжелые обвинения Горького, да еще и со скандалом во всемирном масштабе, приуроченным к посещению Пильняком-Вогану Америки.

Что случилось? Почему Горький своим «великим пролетарским чутьем» объехал самое известное произведение Пильняка, но столь крепко ударил по никому неизвестному «Ледоходу», да еще и два года спустя после повторного выхода в свет, и к тому же приурочил свой «наезд» к пребыванию Пильняка в США? Заказ? Похоже, Горький всю свою жизнь изрядно грешил этим, оттого и боялся привезти в СССР свои архивы.

Чтобы понять, что же все-таки стоит за этой историей, вернемся к самому Фрунзе. Как известно, в январе 1925 г. Михаил Васильевич Фрунзе сменил на посту председателя РВС республики и наркомвоенмора самого Троцкого. Отношения между ними были безнадежно испорчены еще в 1920 г., во время Гражданской войны — Лев Давидович обвинил Фрунзе в массовых грабежах, бонапартизме и едва не арестовал его с помощью своих людей в ЧК. Ко всему прочему следует иметь в виду, что именно в 1920 г. Троцкий с подачи лично Ленина, увязшего в фантастической афере «Алгемба», попытался лишить Фрунзе наиболее боеспособной 4-й армии, приказав от имени Ленина направить ее целиком на бессмысленное строительство никому ненужной одноименной железной дороги. Более того, Троцкий в данном случае использовал и то обстоятельство, что отношения Фрунзе с Лениным также были испорчены еще с 1918 г., когда Михаил Васильевич открыто выступил против преступных ленинских уступок по Брестскому договору.

«Смена караула» на посту председателя Реввоенсовета Республики не прошла незамеченной на Западе — в том числе и ее имел в виду британский МИД, в панике написав, что Сталин переходит к политике с использованием «национальных инструментов», в чем был прав, ибо сумел уловить глубинный смысл произошедшего в СССР: Фрунзе был не только русским по национальности, но и, прежде всего, державником, хотя и не во всем примыкал к Сталину, с которым у него, впрочем, были весьма неплохие отношения и от которого он имел в качестве заместителя самого Ворошилова.

Не успев возглавить РВС республики, Фрунзе первым делом начал давно назревшую военную реформу, среди самых первых шагов по

реализации которой были: а) резкое сокращение вооруженных сил, практически в 10 раз — с более чем 5 миллионов человек до 500 тысяч; б) резкое сокращение центрального военного аппарата, невероятно разбухшего за годы правления Троцкого в основном за счет его сторонников из числа прежде всего соплеменников; в) соответственно, столь же резко была сокращена и численность РВС, Наркомата по военным и морским делам, а также Генштаба, также перенашипованных троцкистами. В изданной в 1982 г. в Тель-Авиве книге Арона Абрамовича «В решающей войне» с беспрецедентной документальной выверенностью четко показано, что сформированный Троцким в годы Гражданской войны командный состав едва ли не на все 100 % являл собой его соплеменников и идеологических сторонников. Стоит ли после этого удивляться, что уже летом 1925 г. в той самой Москве, где в те годы легче было попасть под копыта конных экипажей, Фрунзе «удалось» дважды попасть в автомобильную катастрофу, в результате которых он получил ушибы рук, ног и головы, и в итоге у него вновь открылось кровотечение язвы желудка.

Но это одна сторона медали. А вот и другая, в корне ликвидирующая даже намек на попытки обвинить Сталина, — летом того же года Фрунзе стал настойчиво добиваться назначения себе еще одного заместителя — Григория Котовского, легендарного героя Гражданской войны. Котовский еще со времен советско-польской войны воевал бок о бок со Сталиным и Буденным. Правда, объективности ради нельзя не отметить, что за дивизией Котовского, как, впрочем, и за многими другими, числился один весьма распространенный тогда грех — она «прославилась» своими антиеврейскими погромами в период Гражданской войны. В то же время следует иметь в виду, что и сам Троцкий и прислуживавшие ему его же соплеменники, также отличались на этот счет, без разбору ставя к стенке в том числе и евреев.^[36]

То есть, по сути дела, подбирался совершенно иной военный триумvirат — Фрунзе, Ворошилов и Котовский — в корне противоположный Троцкому и стилю его правления. Все трое были смелыми, решительными, волевыми командирами, не пасовавшими перед трудностями, способными находить оригинальные решения самых сложных задач. Конечно, все они были разного

интеллектуального уровня. Фрунзе, конечно, на несколько голов был выше и Клима Ворошилова, и того же Котовского. К тому же все трое, хотя и в разной степени, но тем не менее были вполне на короткой ноге со Сталиным.

Однако 5 августа 1926 г. Григорий Котовский был злодейски убит наемным убийцей, имя которого стало известно только после развала СССР, — Мейер Зайдер. Котовцы, надо сказать, потом его ликвидировали, т. к. М. Зайдер на редкость дешево отделался — за убийство героя Гражданской войны он получил всего 10 лет по суду, из которых отсидел всего два, и уже в 1928 г. гулял на свободе.

Потрясенный совершенно нелепой смертью своего друга и еще более нелепым следствием, которое вел Особый отдел ОГПУ, Фрунзе всерьез заподозрил неладное и затребовал в Москву все документы по расследованию убийства Котовского. Особенно на самого Мейера Зайдера. Но тут его самого «заоперировали», и 31 октября 1925 г. в 5 часов 40 минут Фрунзе не стало.

А теперь посудите сами — разве в интересах Сталина было разрушать такой удачный для него триумф в военном руководстве страны, триумф из авторитетнейших военных того времени, и все как на подбор — державники?! А в ноябре 1925 г. начальником Генштаба стал Михаил Николаевич Тухачевский — только что вернувшийся из Германии «питомец» Троцкого.

В 1936 г. произошло еще одно событие: во время очередного перерыва в работе съезда жен комсостава РККА, проходившего в Кремле, к вдове Котовского — Ольге Петровне — подошел маршал Тухачевский и, как рассказывал сын Котовского — тоже Григорий, — пристально глядя ей в глаза, зачем-то сообщил, что в Варшаве вышла книга какого-то польского офицера, в которой тот утверждал, что Котовского убила сама советская власть. Зачем это понадобилось «стратегу»? Ведь обычно только преступников тянет на место преступления или же к оставшейся в живых жертве преступления!?

Как, впрочем, зачем во времена господства Тухачевского, Якира, Гамарника и т. п. «стратегов» в РККА Главному Политическому Управлению понадобилось распространять грязные инсинуации об убийстве Котовского — что, мол, убили его из-за баб? Кого и что прикрывал Главпур, во главе которого стоял Гамарник, — ведь эти инсинуации распространялись еще в 1934 г.?

А теперь вернемся к Пильняку-Вогау, его повести и к событию 1931 г. Повесть была опубликована в майском (пятом) номере журнала «Новый мир», т. е. всего через полгода после смерти Фрунзе повесть была написана и принята к публикации. Бывает, конечно, что писатели, что называется, на одном дыхании за несколько месяцев пишут произведения. Но этот случай — явно не из таких. Сын Пильняка-Вогау — Борис Андроникашвили — писал, что «сопоставив повесть с воспоминаниями ближайших друзей и сподвижников Фрунзе... нашел в них много общего... обнаружил даже совпадение отдельных реплик», и это, мол, «укрепило его веру в то, что отец получал материал из ближайшего окружения полководца».

Мне трудно судить, отдавал ли себе отчет Борис Андроникашвили в том, что он написал, однако то, что он написал — суть прямое свидетельство того, что отец его написал эту повесть по заказу и, более того, этот заказ сохранял свою силу в течение многих десятилетий, иначе что означает тотальное совпадение деталей и реплик даже через десятилетия.

Ответ на вопрос — по чьему заказу — явно просматривается. Присмотримся к некоторым деталям:

а) непонятно зачем в самый момент публикации Пильняк-Вогау уехал из СССР в Китай, где в городе Шанхае прочитал свое опубликованное произведение. А что ему было делать в Китае? Разве что отсидеться, пока в Москве гнев не пройдет?! Чтобы выехать в Китай и уже в мае там же прочитать свое произведение, он должен был самое позднее в апреле сдать готовую рукопись в редакцию журнала — это во-первых; во-вторых, он должен был заранее подать все документы на выезд, получить китайскую въездную визу, не говоря уже о том, что он должен был направиться туда от какого-нибудь ведомства СССР, ибо по-другому тогда за границу не выезжали. Какого ведомства? Кто и как конкретно помогал ему в этом, не говоря уже о том, что зачем? Ведь Пильняк не был хотя бы даже начинающим синологом, чтобы его отправлять в Китай в столь срочном порядке. А ведь, как уже отмечалось выше, большинство арестованных по делу о военном заговоре прошли через китайский плацдарм геополитических игр;

б) шумиха 1931 г. из-за практически никому не известного произведения — есть суть факта, свидетельствующего о чьем-то

очень сильном желании не просто обвинить Пильняка-Вогау, но «проучить», и тогда вопрос: за что? А не за то ли, что там, в Америке, он ненароком проболтался, об истинной подоплеке написания повести?!

Разбору истории с публикацией «Повести о погашенной луне» и обвинениями Горького в свете трагических смертей Фрунзе и Котовского так много внимания уделено отнюдь не случайно — очень похоже на то, что кто-то целенаправленно расчищал путь на самый верх военной иерархии непосредственно для 32-летнего Михаила Николаевича Тухачевского. Очень похоже, что этот самый «кто-то», виртуозно владевший навыками упреждающего пропагандистского выпада на базе иносказательных слухов определенной направленности, реализуемых в виде печатного произведения, заблаговременно обеспечил Пильняка необходимыми слухами и догадками, отводя тем самым подозрения от себя и особенно от своего протеже. Ведь если уж на то пошло, то не только между Фрунзе и Троцким черная кошка пробежала, но и между Котовским и Тухачевским тоже — ведь это именно Котовский прикрывал позорное бегство Тухачевского из-под стен Варшавы, умудряясь даже в тяжелейших арьергардных боях наносить полякам поражение, считая их боевые порядки и разметывая их на всем пути. А ведь у Тухачевского насчет той войны был особый «пунктик». Это Котовский обеспечил разгром знаменитого антоновского мятежа — пока Тухачевский носился с приказом о том, как коровам на рога противогазы надевать, лично Котовский, причем именно же разведывательно-диверсионными методами и, опять-таки, лично участвуя в той операции, ликвидировал практически всю верхушку повстанческого движения. Это бригада Котовского за несколько дней изрубила несколько тысяч повстанцев и тем самым ликвидировала опасный мятеж, в то время как Тухачевский отсиживался в штабе и пописывал всякие приказишки. Так что «оснований» занять «зуб» на легендарного Котовского у «задумчивого юноши в тужурке хаки» было предостаточно...

Надо сказать, что происходившие тогда события сами собой складываются в такую логичную цепь тесно взаимосвязанных звеньев, что ею нельзя пренебречь.

Посудите сами, что же тогда произошло в результате трагических смертей Фрунзе и Котовского. Ворошилов был назначен председателем Реввоенсовета Республики и народным комиссаром по военным и морским делам, а Тухачевский с должности помощника Фрунзе был катапультирован прямиком в кресло начальника Генштаба, сменив на этом посту опытного царского полковника С. С. Каменева.

Но за кулисами всех тех событий, начиная еще с момента назначения Фрунзе на пост председателя РВС республики, факт крупнейшего значения — Троцкого не только изгнали с военно-политического Олимпа, но и лишили всякой власти в стране, а созданную им армию — сократили. Кстати говоря, обследовавшая еще в начале 1924 г. РККА специальная комиссия ЦК партии вынесла тогда же следующий вердикт: «Красной Армии как организованной, обученной, политически воспитанной и обеспеченной запасами силы у нас в настоящее время нет». Вот какой был председатель Реввоенсовета, что даже армии в стране и то не было, хотя под ружьем на момент проверки числилось 5 с лишним миллионов человек!

Однако, как известно, Лев Давидович Троцкий, которого к тому же вывели и из Политбюро, был очень сильным политическим бойцом, чтобы просто так оставить столь необъятную власть (тем более военную). Даже более поздние документы британской и германской разведок однозначно свидетельствуют, что таких попыток он не оставлял до последней секунды своей жизни, пока ему альпенштоком не проломили череп.

А что уж говорить о Лубянке — там и вовсе знали о каждом шаге и вздохе «беса перманентной революции». Да и засылали его в Россию, в конце-то концов, вовсе не для того, чтобы опускать руки — слишком много денег вложили лично в него, чтобы он просто так отдалился от борьбы. И какова же была его личная логика дальнейших действий в таком случае? Да очень простой: ладно, сейчас ваша взяла — меня вы прогнали, но мы еще посмотрим — кто кого, ибо я еще вернусь, если мой человек в Реввоенсовете займет один из высших постов, а, может статься, и высший, и тогда я действительно вернусь!

И если из трех ярых противников Троцкого — Фрунзе, Котовского, Ворошилова — последовательно, по нарастающей, выбить наиболее сильных во всем первых двух, то ненавистному для Льва Давидовича Сталину ничего не останется, как только и протащить

кандидатуру своего верного Ворошилова на пост председателя РВС республики, а вслед за ним «взлетит» и Тухачевский, который еще с апреля 1924 г. уже был в РВС на должности помощника Фрунзе. Вот и новая «звезда» на военном Олимпе! Да еще и при «сером» Ворошилове.

...Троцкий весьма презрительно относился к Ворошилову. Естественно, что и тот не любил Льва Давидовича. Говорят, что еще в апреле 1923 г. Ворошилов якобы съезвил по адресу К. Радека, как прислужника Троцкого, обозвав его «хвостом Льва» (т. е. Троцкого — «Вот идет Лев, а за ним его хвост»).

Широко распространен якобы ответ Карла Радека:

Вариант № 1

У Ворошилова тупая голова,
Все мысли в кучу свалены.
И лучше быть хвостом у Льва,
Чем задницей у Сталина...

Вариант № 2

Эх, Клим, пустая голова,
Навозом доверху завалена.
Ведь лучше быть хвостом у Льва,
Чем задницей у Сталина...

Каким это образом очень плохо и неправильно говоривший и писавший на русском языке Карл Бернгардович Радек, который именно из-за этого далеко не всегда был способен точно выразить свои мысли по-русски, смог мгновенно срифмовать четверостишие наподобие эпиграммы? Скорее всего, сам Троцкий, уже в изгнании, выдумал этот «стих» — он-то как раз блестяще владел русским языком, да и на язык острый был.

И вот еще что. Только в последние годы отечественные историки наконец стали понимать, что во время Гражданской войны Троцким и его сторонниками целенаправленно и планомерно уничтожались, в т. ч. и чужими руками, не исключая и

белогвардейских, наиболее талантливые полководцы из народа — Чапаев, Щорс, Тимофей Черняк, В. Боженко, А. Богунский, впоследствии Фрунзе, Котовский и другие. А если к этому добавить, что за кулисами этих убийств, как правило, фигуранты процессов 1937–1938 гг. и их приспешники, то вряд ли останется даже тень намека на какой бы то ни было шанс сомневаться в указанном умысле Троцкого.

Но при этом никаких данных для иных выводов, особенно этнического характера, нет — вокруг Троцкого собралась совершенно разношерстная с этноконфессиональной точки зрения стая приспешников.

А уж назначение Ворошилова обросло всевозможными слухами да намеками. До сих пор эти слухи продолжают свою жизнь, причем только в антисталинском духе. Вообще слухи подобного рода на редкость живучие — то Сталин сподобил Фрунзе на тот свет, то «отец всех народов» туда же отправил академика Бехтерева, который якобы поставил ему диагноз «паранойя». Такое впечатление, что никто не хочет замечать определенный «почерк» в очернении одного и того же имени — как чуть что, так сразу же Сталин виноват. А виноват ли?

В отношении Фрунзе выше были приведены соответствующие данные, а вот, к примеру, в отношении «загадки» смерти Бехтерева — ведь это же произошло в 1927 г., т. е. в том самом году, в отношении которого даже Анри Барбюс и то вынужден был прямо указать, что оппозиция разворачивалась тогда методично, агрессивно и по определенному боевому плану. А что может быть лучше для обоснования попытки свержения своего политического противника, чем предлог медицинского характера, особенно если этот предлог якобы говорит об имеющем место психическом расстройстве противника?! В принципе это достаточно распространенное явление в заговорах. Во многих странах мира в разные эпохи заговорщики очень часто прибегали и прибегают к использованию т. н. медицинских причин якобы для обоснования справедливости свержения своего противника.

Не говоря уже о том, что представитель старой научной школы, человек исключительной чести и научной порядочности, свято, без каких-либо исключений соблюдавший клятву Гиппократы Владимир

Михайлович Бехтерев, во-первых, с одного раза такой диагноз поставить не мог даже при всем своем колоссальнейшем опыте, и, во-вторых, тем более не мог его огласить вслух. Что впоследствии открыто и признала его дочь — также выдающийся ученый, академик Наталья Владимировна Бехтерева...

А ведь все так и произошло — уже в ноябре 1925 г. при выдвинутом на пост председателя РВС республики Ворошилове начальником Генштаба стал М. Н. Тухачевский. Причем все это происходило в обстановке расползавшихся по Москве слухов о «неслучайности» смерти Фрунзе прямо на операционном столе, а уже в мае следующего года публикуется та самая повесть Пильняка-Вогау, который предусмотрительно уехал в Китай!

Для контроля правильности таких выводов взглянем на эту ситуацию с немецкой стороны.

Когда Троцкого прогнали со всех постов, особенно с поста председателя РВС, немцы всерьез всполошились — уже 15 февраля 1925 г. ГРУ перехватило очень интересное агентурное сообщение германской разведки, в котором прямо отмечалось, что «уход Троцкого отразился неблагоприятно на германо-советских отношениях. Работа Ранцау (первый посол Веймарской Германии в СССР. — А.М.) в Москве встречает все больше и больше затруднений». Ведь все ставки прагматичного «русофильства» и «восточной ориентации» германского рейхсвера были сделаны на Троцкого, как на стержень влиятельной группы германофилов в советском военно-политическом руководстве.

Можно ли предположить, что практичные немцы забросили идею сотрудничества с СССР, особенно с РККА, едва начав ее? Категорически нет, ибо в рейхсвере слово Ганса фон Секта еще очень многое значило, а до отмены Версальских ограничений было еще далеко. Следовательно, практичные немцы обязательно должны были искать замену Троцкому в смысле налаживания нового канала влияния.

Так оно и было. И то, что впоследствии «гениальный стратег» собственноручно написал, что «отношения с немцами были установлены в 1925 г.» — есть не только честное признание самого факта, но и того обстоятельства, что немцы практически мгновенно сориентировались: ведь бурно восходящая новая «звезда» советского

военного Олимпа как раз в 1925 г. и отправилась на выучку в Германию.

Могла ли совпасть личная заинтересованность Троцкого в продвижении своего протеже Тухачевского и интересы самих немцев? Да! Они уже столько раз совпадали. Тем более что управу на Тухачевского немцам найти было очень просто. Однако же предполагать, что Тухачевский был завербован немцами в 1925 г. как тривиальный агент разведки — оснований практически нет никаких. Да он и сам собственной же рукой написал в показаниях следствию, что были установлены отношения, а не завербован.

При организации канала влияния, тем более стратегического, никто не берет подписку о сотрудничестве. Немцы превосходно знали толк и в приобретении агентуры влияния.

В то же время открытым остается один вопрос — на какой конкретно основе были установлены отношения немцев с Тухачевским?

Для этого нам придется перейти в следующий круг, который назовем так — «гениальный стратег в свете дипломатических интриг Запада, в т. ч. и Германии (включая и рейхсвер)».

В самом этом круге есть два контура, которые очень хитро переплетаются. Так, контур № 1 связан с общезападными интригами в дипломатической сфере, из которых наибольший интерес представляют только три, которые, в свою очередь, сложи их вместе, становятся «золотым ключиком», открывающим многие тайны германофильской эпопеи Тухачевского.

Когда в Локарно совершенно сознательно и строго в антироссийских целях на свободу выпускался «дух войны», вопрос тут же уперся в проблему «материализации духов». Весьма практичный, а в своей извечной русофобии еще и прагматичный Запад все предусмотрел заранее — «технология» была наготове, оставалось только на кнопку нажать.

Дело в том, что еще в тексте Версальского «мирного» договора о будущей войне, по настоянию британских специалистов по международно-правовой казуистике была зарыта одна идея — о том, что разоружение Германии должно явиться предпосылкой для общего ограничения вооружений всеми странами. Формально, ну что тут скажешь — после того как были загублены жизни 10 миллионов

человек, а в несколько раз больше искалечено, идея вроде бы правильная. Если бы не одно «но», а именно: с 1919 и по 1925 г. включительно коварный Альбион, а вместе с ним и весь Запад, отчего-то не вспоминали об этой идее даже тогда, когда СССР неоднократно выдвигал предложения о разоружении.

Как только главные организаторы Локарно заработали на уникальную премию мира за разжигание первых искр будущей войны, Запад втащил побежденную Германию в Лигу Наций, начисто при этом позабыв, что всего в тысяче километров от ее восточных границ начинается 1/7 (тогда) часть света — Россия, пускай и называвшаяся тогда СССР.

Прежде, чем это сделать — а ведь это означало не что иное, как политическую реабилитацию государства, всем тогдашним миром официально признанного агрессором, — в процесс локарнских дипломатически-спиритических сеансов по взыванию к «духу войны» прагматичный Запад вдруг учредил Подготовительную комиссию Лиги Наций по подготовке и проведению международной конференции по разоружению.

Прекрасное название для комиссии, где подготавливали все необходимые правовые предпосылки для развязывания очередной мировой войны против СССР. Именно поэтому СССР туда очень долго не подпускали. К февралю 1932 г., когда в Женеве открылась международная конференция по разоружению, наконец выяснилось, чем занималась эта комиссия, — оказывается, для того, чтобы всем разоружиться, сначала необходимо уравнивать Германию в правах на вооружение, т. е. дать ей возможность вооружиться до уровня остальных основных держав, а затем вновь сесть за стол переговоров.

Но то, что для всего остального мира выяснилось лишь к февралю 1932 г., советская разведка зафиксировала еще тогда, когда в Локарно британские и иные западные спиритуалисты от дипломатии взывали к «духу войны».

Прежде всего, достоверно был установлен факт откровенного шантажа Запада Германией, которая стала требовать всяческих компенсаций — от возврата колоний и отсеченных по Версальскому договору территорий до уравнивания в правах в военной сфере. Мотивировка была «убедительная» — за якобы возможное недовольство России (СССР) в связи с запланированным еще только

по проекту Локарнских соглашений будущим вступлением Германии в Лигу Наций. Причем шантаж начался задолго до открытия самой Локарнской конференции — еще 10 июня 1925 г. И что самое интересное, весь шантаж был построен на той же самой логике Остина Чемберлена, которая изложена в меморандуме от 20 февраля 1925 г. — т. е. именно «из-за России создавать политику безопасности».

В начале сентября 1925 г. Москве становится известным содержание письма министра иностранных дел Германии Густава Штреземана к кронпринцу (письмо датировано 7 сентября 1925 г.), в котором будущий лауреат Нобелевской премии мира за разжигание войны четко сформулировал задачи Германии: во-первых, разрешение репарационного вопроса, во-вторых, «защита немцев за границей — тех 10–12 млн. соплеменников, которые живут под чужеземным игом», в-третьих, «ревизия восточной границы» (он ее назвал «великой задачей». — *А.М.*), в-четвертых, объединение Германии с Австрией. Впоследствии один к одному это стало программой нацистов, когда их привели к власти, программой, заранее одобренной в Лондоне.

Когда же конференция открылась, шантаж вылился в откровенно русофобское заявление будущего лауреата Нобелевской премии, ибо всего через три дня после того, как «спиритуалисты» от дипломатии слетелись в Локарно, т. е. 8 октября 1925 г., он заявил: «Ситуация, с которой мы можем встретиться, приняв принцип экономического бойкота при объявлении войны Россией, связана с практической невозможностью для Германии оказать военную помощь или разрешить проход войск. Если в случае русского нападения мы признаем Россию агрессором, это обеспечило бы единогласие в Лиге Наций и мы поддержали бы Лигу Наций всей силой своего морального авторитета. В этом отношении мы являемся одной из наиболее важных великих держав».

Когда же Великобритания в буквальном смысле за фалды втащила Германию в Лигу Наций, тот же Штреземан, уже отработывая полученную им Нобелевскую премию мира, при вступлении в Лигу от имени Германии заявил следующую оговорку: «Германия будет участвовать в санкциях Лиги Наций как государство и ее член только в той мере, в какой это совместимо с ее военным положением и с учетом его географического положения».

Намек, а по сути шантаж во всеуслышание, был воспринят на ура — уже осенью 1926 г. началась эвакуация союзных войск Антанты из Рейнской зоны, 12 декабря 1926 г. союзники по Антанте приняли решение о снятии с Германии военного контроля, а 31 января 1927 г. межсоюзная военная контрольная комиссия была навсегда удалена из Германии. Путь к вооружениям был открыт. И не Сталиным, а Западом, — и это есть ФАКТ!

Предвидя подобное, Сталин перекрыл возможность такого варианта развития событий Договором о ненападении и нейтралитете от 24 апреля 1926 г.

Теперь взглянем на эту ситуацию с «колокольни» Ганса фон Секта, т. е. как он себе представлял сотрудничество с РККА? Еще в своем меморандуме от 11 сентября 1922 г. он, в частности, писал:

«Восстановление протяженной границы между Россией и Германией является предпосылкой двухстороннего усиления.

Россия и Германия в границах 1914 г. — это должно стать основой взаимопонимания между обоими государствами.

Мы хотим двух вещей: во-первых, усиления России в хозяйственной и политической, т. е. в военной области, и, таким образом, косвенно собственного усиления, поскольку мы укрепляем возможного будущего союзника: далее, мы хотим... непосредственного собственного усиления, для чего мы поможем создать в России военную промышленность, которая может послужить нам в случае необходимости».

Планы Секта сохранялись в силе и в дальнейшем — и пока он служил в рейхсвере, и даже тогда, когда его оттуда «ушли»...

А теперь сопоставим то, что было указано в вышеприведенной цитате из меморандума Секта, с де-факто и де-юре снятием военного контроля с Германии в свете ее вступления в Лигу Наций, а также со «смыслом и духом» Локарнских соглашений, и попытаемся представить, каким же образом в такой ситуации можно было реализовать, или, по меньшей мере, попытаться реализовать долгожданные для рейхсвера возможности реального равенства в

военной сфере? Причем следует помнить, что, с одной стороны, формально версальские ограничения еще не были сняты де-юре, а, с другой, стоял «шлагбаум» — советско-германский Договор о ненападении и нейтралитете от 24 апреля 1926 г.

Только в одном случае — если бы СССР, из-за которого западные «спиритуалисты» от дипломатии выпустили «дух войны» на свободу, приступит к реализации какой-нибудь крупномасштабной программы милитаризации! Вот это и есть задача для «агентуры влияния», точнее, «агентуры стратегического военно-политического влияния»: в ситуации крайнего обострения международной обстановки (т. е. в 1927 г.) спровоцировать правительство своей страны на принятие какой-нибудь крупномасштабной военной программы, и тогда у контрпартнера появится не только аргумент требовать уже от своего правительства адекватной реакции на такую милитаризацию, но и убедить в ее необходимости и так априори согласный с этим Запад! Что и попытался сделать «гениальный стратег», выйдя со своим предложением о 100 тысячах танков за один год! То есть попытался в ситуации крайнего обострения международной обстановки и внутреннего положения спровоцировать правительство СССР на принятие крупномасштабной милитаристской программы!

Теперь самое время разобрать и вопрос, на какой основе могли быть установлены управляемые доверительные отношения между немцами и Тухачевским?

Приобретение «агентуры влияния», тем более военно-политического влияния, к тому же с таким колоссальным креном в сторону глобальной геополитики, как в рассматриваемом случае, — задача очень сложная, многоуровневая и в один присест не решается.

За полвека неустанного восхваления якобы невинно репрессированного «стратега» все без исключения реабилитаторы обходят самые интересные моменты биографии Тухачевского, в которых в общем-то и содержатся ответ на поставленный вопрос.

Момент № 1 — заключение в концлагерь в крепости Ингольштадт в период пребывания в немецком плену. Именно оттуда Тухачевский совершил свой пятый (с его же слов), наконец-то увенчавшийся успехом, побег. Присмотримся к этому немецкому городку Ингольштадт.

Очень странный этот небольшой городок в Баварии, недалеко от Мюнхена. Странный тем, что самым парадоксальным образом за последние пять веков туда сходятся корни крупнейших политических событий и явлений, последовательно, столетие за столетием переворачивавших мир. И, прежде всего, это связано с Университетом Ингольштадта.

Например, основные контуры протестантской Реформации в Германии — еще до знаменитых 95 тезисов Мартина Лютера — были разработаны профессором именно Ингольштадтского университета Йоганом Рейхлиным (1455–1522). Это уже потом те же самые мысли были вдуты в заранее подготовленные уши Мартина Лютера одним из самых загадочных людей в его окружении — Филиппом Меланхтоном (настоящая фамилия Шварцер). Но подлинным прародителем Реформации следует считать именно И. Рейхлина.

Еще больший парадокс заключается в том, что научное и духовное наследие Рейхлина, считающегося одним из крупнейших деятелей гуманистического движения в Германии на рубеже XV–XVI веков, странным образом расценивалось одним из идеологов одной из идеологических предтеч нацизма — Гвидо фон Листом (1848–1919) — как важнейшая составляющая концепции арманизма, в недрах которой в значительной мере сформировался нацизм как идеология.

В то же время с Университетом Ингольштадта связана, и достаточно длительное время, история функционирования начальной штаб-квартиры ордена иезуитов. И родословная одного из наиболее зловещих за всю современную (почти три века) историю масонства его орденов — Ордена Иллюминатов, непосредственно повинного как в совершении т. н. Великой Французской революции, так и в последующем революционном разбое XVIII–XX веков, также начинается с Университета Ингольштадта. Именно в нем работал профессором права и основатель Ордена Иллюминатов — Адам Вейсхаупт (масонский псевдоним «Спартак»). Вейсхаупт вначале был вполне ревностным иезуитом, но затем весь опыт иезуитов трансформировал в иллюминизм (вообще-то он повторял путь М. Лютера — тот тоже вначале был ярым католиком-папистом, а потом — ярим антипапистом и протестантом).

И уж совсем поразительно, что первоначальная база основной предтечи нацистской партии — Общества Туле (Thule Gesellschaft), в то

время носившего название «Германенорден» (Germanenorden), — тоже находилась в Ингольштадте и объединяла часть наиболее влиятельных интеллектуальных и аристократических сил Германии, в частности Баварии. Как Германенорден, Туле существовало уже тогда, когда Тухачевский сидел в Ингольштадте. Причем Германенорден активно использовался правящей германской элитой — от кайзера до германской разведки — в организации крупномасштабной подрывной деятельности против России в период Первой мировой войны сразу по трем направлениям: в целях организации шпионажа и проведения акций влияния подрывного характера (в основном с использованием прибалтийских баронов), для организации дворцового переворота, имевшего цель вывести Россию из войны за счет заключения сепаратного мира с Германией (**упреждая именно этот переворот, британская разведка в срочном порядке организовала «февральскую революцию» в России**) и для реализации глобального плана переворота в России в тех же целях, но с использованием банды Ленина и иже с ним, на которую Берлин положил глаз еще до Первой мировой войны.

В свете такой исторической необычности самого Ингольштадта есть основания полагать, что и концлагерь для военнопленных там был тоже очень необычный — судя по всему, туда свозили именно тех пленных офицеров, на которых по тем или иным причинам «положили глаз» германская разведка или же в целом германские политические власти, или же германские тайные общества. Среди наиболее именитых узников этого концлагеря — Шарль де Голль, в будущем президент Франции, а в годы Второй мировой войны глава французского движения Сопротивления, Луи Риве — будущий шеф французской разведки с конца 20-х и до середины 30-х годов XX века, Гамелен — будущий начальник Генерального штаба Франции, позорно проигравший Гитлеру военную кампанию 1940 г. Обладая серьезным перевесом в силах, Гамелен, между прочим, проигнорировал все предупреждения французской разведки об агрессии Гитлера и не менее успешно саботировал все попытки СССР наладить военное сотрудничество с Францией, в т. ч. и в 1937 г. Между прочим, обвинения в адрес Тухачевского точь-в-точь совпадают с тем, что спустя три года после его расстрела сделал Гамелен, позорно не выполнив свой воинский долг перед своей же Родиной.

Много было в этом концлагере различных аристократов и иных примечательных личностей, ну и, конечно же, сам Тухачевский.

Вообще же надо сказать, что идея концентрации наиболее важных или чем-то перспективных по тем или иным соображениям военнопленных, особенно офицеров, — не нова, она известна едва ли не с библейских времен, и этой методикой пользуются все разведки мира, когда вспыхивают войны, ибо любая война заканчивается миром, во имя сохранения которого следует заблаговременно готовиться к следующей войне. А для этого надо готовить кадры агентурной разведки, агентурные сети и т. д.

В свете все этих данных заслуживает особого внимания категоричное утверждение очень авторитетного в мире геополитика и писателя, близко знавшего выдающихся деятелей европейской и мировой истории, в т. ч. и виднейших масонов и иных деятелей мировой закулисы, — Жана Парвулеско — о том, что в период заключения в Ингольштадте Тухачевский был посвящен в некий «Орден Полярных».

Между тем, как по месту свершения такого факта, так и по смыслу названия — «Орден Полярных» — его более не с чем достаточно уверенно идентифицировать, кроме как с Обществом Туле, ибо Туле — название загадочной, мистической островной страны, бесследно сгинувшей где-то на Крайнем Севере. Легенда о Туле встречается в истоках некоторых германских преданий.

Частично косвенными, частично прямыми доказательствами в пользу утверждения Парвулеско могут служить следующие факты:

а) Германенорден и Туле в своей пропаганде базировались на идеях крайнего национализма, переплетаясь с махровой юдофобией, и в то же время, по свидетельству одного из солагерников будущего «стратега» — Реми Рур-Ферварка, — Тухачевский позволял себе такие высказывания, как, например, «я ненавижу социалистов, евреев и христиан» — это как раз из «репертуара» вышеназванных обществ;

б) при учреждении в 1912 г. Германенорден создавался как масонская ложа, и в то же время один из видных знатоков зарубежного масонства — югославский историк Зоран Ненезич (кстати, сам тоже масон и весьма высокопоставленный — глава ложи «Великий Восток Югославии») утверждал, что при посещении фашистской Италии в

конце 20-х годов Тухачевский сделал доклад в одной из тамошних масонских лож, где подал знак посвященного.

Единственный же в его биографии период времени, когда он реально мог быть посвящен в масонскую ложу, — это как раз период отсидки в Ингольштадте.

Здесь следует иметь в виду вот еще что. Когда Муссолини пришел к власти в Италии, то большинство масонских лож левой ориентации было закрыто, зато иные, особенно поддерживающие режим дуче, напротив — что называется, расцвели. Между тем они, как правило, были связаны по различным каналам как с Германенорден, так и с нацистскими организациями в Германии.

Одновременно следует помнить, что итальянское масонство едва ли не с самого начала находится под контролем британского, особенно со второй половины XIX века. И сам дуче в этом смысле вполне классический образец — его даже удостоили одной из высших наград Британской империи — орденом Бани.

Что же касается самого Германенорден, то здесь следует принять во внимание еще и такие обстоятельства. Сам орден создавался традиционным для европейского масонства методом «отпочкования», в данном случае от «Великой Ложы Германии», причем через запутаннейшую систему розенкрейцеровских связей. Между тем германское масонство начиная с XVIII века находится под полным контролем британского. И Германенорден также не избежал этого влияния — сами же масонские источники открыто признают, что создание этого ордена происходило под патронажем одной из самых могущественнейших в мире масонских лож — созданного еще в середине второй половины XIX века «Герместического Ордена Золотой Зари». Основная идеологическая база последнего — теософия, посредством которой была инспирирована ариософия, от которой корни идут уже к нацизму. В свою очередь, и «Общество Туле» не избежало британского патронажа — все основные идеи нацизма: от измерения черепов и носов, сжигания книг до создания СС и воплей «хайль» со вскидыванием руки — переходящее наследство от британского патронажа.

В части же, касающейся розенкрейцеров, следует также иметь в виду, что они-то как раз и были сильны в России еще с дооктябрьских времен, а при наличии британского контроля и над розенкрейцерами, и

над германским масонством в целом есть прямой смысл полагать, что один из первых сигналов насчет Тухачевского прошел именно по каналам розенкрейцеров.

Предполагать такое обязывает тот факт, что геополитические игры внутрисоюзной оппозиции на оси Берлин — Москва — Дальний Восток (Пекин ли, Токио ли) происходили при очень активном участии розенкрейцеров, имя одного из которых — Николай Рерих. Возню же Советов с розенкрейцерами именно на восточном азимуте и именно с участием Рериха британская разведка засекала с самого начала советской эпохи, т. е. с 1918 г., и никогда более не выпускала из поля зрения, а когда в том была особая потребность, подключала к расследованию интересующих ее вопросов масонские связи розенкрейцеров. Тухачевский же едва ли не с самого начала был в эпицентре всех этих геополитических игр, так что оказаться в поле зрения британской разведки было парой пустяков.

Однако вернемся к вопросу: мог ли Тухачевский быть завлечен в такие сети еще в Ингольштадте? Вполне, если судить по тем настоящим, а не панегирическим филиппикам в его адрес, — ведь по словам хорошо знавших его людей, «стратег» издавна отличался тем, что проявлял себя как фанатик в достижении поставленной цели, всегда был готов рисковать по максимуму ради достижения такой цели, не знал ни жалости, ни сострадания, ни близких и т. д., не говоря уже о тех фактах, которые были приведены еще в главе 2 первого раздела.

Момент № 2. Бежать из плена ему удалось только с пятого раза, нарушив честное слово при свободном выходе в город. Несмотря на то что о четырех предыдущих попытках мало что известно, за исключением побега из лагеря в Бад-Штуере, исходя из общей для все разведок методики легендирования при организации побегов для «своих людей», есть принципиальное основание предполагать, что все это легенда, иначе его не перевели бы в лагерь, откуда можно было спокойно, под расписку и честное слово, выходить в город на прогулку. Судя по всему, с этим же связано и его почти месячное пребывание в Швейцарии после побега — 18 сентября 1917 г. он оказался там, но только 12 октября того же года предстал перед военным агентом России в Париже А. Игнатьевым.

А что он делал почти целый месяц в Швейцарии, раз так рвался на Родину, что пять раз пытался бежать? Ведь из Швейцарии до Франции — рукой подать. А вот если вспомнить, что в Швейцарии действовали мощные резидентуры германской разведки, непосредственно руководившие всей ленинской шайкой, то тогда все встанет на свои места, тогда туман рассеивается. Не говоря о том, что очень уж своевременно удался ему именно пятый побег — акkurat к Октябрю...

Сразу же возникает вопрос: почему он не обратился, причем сразу же, к военному агенту России в Швейцарии Генерального штаба генерал-майору Сергею Александровичу Голованю — ведь так было бы проще и логичнее.

И Головань преспокойно выполнил бы эту свою прямую обязанность военного агента. Нет, Тухачевскому зачем-то понадобилось ехать через всю Швейцарию и Францию, чтоб предстать именно пред Игнатьевым. Да потому, что немцам было хорошо известно, что Головань не только выполнил бы просьбу об отправке на Родину, но прежде всего тщательно проверил бы бежавшего из плена подпоручика Тухачевского, ибо располагал, хотя и малочисленной, но очень эффективно работавшей агентурной сетью по наблюдению за всеми нелегальными связями немцев с Россией, в т. ч. и с эмигрантской общиной в Швейцарии, включая и шайку Ленина. А вот Игнатьеву в Париже при его колоссальной занятости своими функциями представителя при штабе союзного командования Антанты явно был бы недосуг заниматься такой проверкой, и в то же время это определенный авторитет: сам Игнатьев отправил его на Родину! Судя по всему, расчет оказался более чем точным — уже в 20-х числах октября 1917 г. будущий «стратег» был в России.

Момент № 3. У внимательных исследователей давно на сильном подозрении находится якобы факт чудесно резкого старта будущего «стратега» с помощью некоего Н. Н. Кулябко. Это обстоятельство не раз подвергалось очень справедливым сомнениям. Однако из-за того, что длительное время нечем было подкрепить эти сомнения, они так и оставались сомнениями. Сейчас появились некоторые документы, которые позволяют говорить вот о чем.

Николай Николаевич Кулябко в тот момент, т. е. в феврале 1918 г., когда произошла «чудесная» встреча Тухачевского с ним, состоял членом ВЦИК по работе с военными комиссарами и одновременно

являлся военным комиссаром обороны Москвы. Но самое важное в этом факте то, что Кулябко, как и все члены ВЦИК, был избран по прямому согласованию и утверждению его кандидатуры представителями германской разведки при Ленине — майором Любертсом (шифрованная подпись «Агасфер») и его помощником лейтенантом Гартвигом (шифрованная подпись «Генрих»). А они, в свою очередь, получили прямое указание на сей счет непосредственно из Генерального штаба Германии, куда, естественно, заблаговременно сообщили имена кандидатур в члены ВЦИК и, конечно же, свои соображения и характеристики, которые были составлены на основании данных самой германской разведки. Жаль, что именно характеристики-то и не публикуются, а было бы очень интересно, как германская разведка характеризовала октябрьский костяк «ленинской гвардии». Кстати говоря, Сталина там нет.

При содействии этого Кулябко, чья кандидатура была одобрена германской разведкой, Тухачевский оказался в Военном отделе ВЦИК. Так что абсолютно правы те, кто давно заподозрил нечистое уже в самом старте будущего «стратега», а также те, кто давно уже указывают на то, что эта самая начальная ступенька в карьере будущего «полководца» была старательно высечена именно немцами.

Как известно, в апреле 1918 г. Тухачевский стал членом Коммунистической партии, а вот рекомендовал его туда старинный друг их семьи, старый «революционер» и... бывший подполковник Отдельного корпуса жандармов, бывший начальник Киевского охранного отделения — все тот же Николай Николаевич Кулябко! Это одно и то же лицо и именно тот самый подполковник Кулябко, который, по сути дела, оказал максимальное содействие революционерам-террористам в организации убийства премьер-министра Российской империи Петра Аркадьевича Столыпина, осуществленного небезызвестным Дмитрием (Мордкой) Богровым.

А по совместительству Н. Н. Кулябко являлся и хорошим старым знакомым «вождя мирового пролетариата» — Ульянова-Ленина. Во всех книгах о Тухачевском о Кулябко пишут как о давнем революционере. В определенном смысле это правда — связями в революционных кругах он располагал и по должности, и через своего дядю Юрия Павловича Кулябко и его жену Прасковью Ивановну, которые состояли в РСДРП(б) еще до «революции» 1905 г.

Встречались с Лениным и в России, и в период его пребывания в эмиграции за границей.

Связующим звеном между Н. Н. Кулябко и В. И. Лениным выступали Богровы, точнее клан Богровых: близкие и дальние родственники убийцы Столыпина Дмитрия Богрова — Сергей (Вениамин) Евсеевич Богров (1879 г. рождения) — в партийном подполье кличка «Фома» и «Валентинов», Валентина Львовна Богрова (1832 г. рождения) — очень близкая знакомая Ленина, Крупской, Горького и т. п. С. Е. Богров после «октября» оказался на службе у Троцкого в народном комиссариате иностранных дел, откуда, по прямой протекции Ленина, навсегда уехал в Германию вместе со старшим братом Мордки Богрова — Владимиром.

После столь удачно организованного руками Богрова убийства Столыпина Н. Н. Кулябко, естественно, вылетел из Отдельного корпуса жандармов, хотя его шурин (т. е. родной брат его жены) и однокашник, постоянно протезировавший ему генерал-майор Отдельного корпуса жандармов Александр Иванович Спиридович, продолжал оставаться начальником дворцовой охраны царя, а с августа 1916 г. являлся Ялтинским градоначальником.

После увольнения от должности Н. Н. Кулябко работал в Киеве агентом по продаже швейных машин — лучшего прикрытия для подпольщика не сыщешь, а если к тому же учесть, что рынок швейных машин в дореволюционной России был стопроцентно монополизирован германской фирмой «Зингер», и к тому же принять во внимание, что в те времена излюбленным прикрытием для германской разведки в России служили именно германские фирмы и компании, то тогда на все 100 % станет понятно, почему объективные исследователи прямо указывают на то, что первая ступенька в карьере будущего маршала была старательно высечена немцами.

...Всеете прямой причастности Н. Н. Кулябко к организации убийства Столыпина есть прямой смысл вспомнить одну известную мудрость о том, что история повторяется дважды — сначала в виде трагедии, затем в виде фарса. Правда, то, о чем речь пойдет ниже, к разряду фарса не отнесешь, ибо было трагедией, но тем не менее элементы фарсового повторения имелись. Речь идет о печально знаменитом убийстве СМ. Кирова 1 декабря 1934 г. На тот момент прошло 23 с небольшим года после убийства Столыпина, но если

сравнить «технологический почерк» в организации убийства Петра Аркадьевича и Сергея Мироновича, то, к удивлению многих, он окажется идентичным. Разница только в именах убитых, исполнителей и местах совершения преступления.

В практике спецслужб это означает только одно — за кулисами убийства Кирова как «технологический идеолог» стоял тот же «специалист»-профессионал, что и в случае убийства Столыпина.

А если в одной и той же стране, пускай и поменявшей свое официальное название, менее чем за четверть века происходят два крупнейших политических убийства с одним и тем же, едва ли не до последних микронов деталей совпадающим «технологическим почерком» их совершения, то это означает, что в обоих случаях действовал один и тот же профессионал — в данном случае Николай Николаевич Кулябко, ибо только он знал уникальные детали операции по подготовке убийства Столыпина при якобы внешней непричастности охраны.

Не следует считать, что автора занесло — ну хотя бы потому, что почему бывшему товарищу министра внутренних дел и шефу отдельного корпуса жандармов в 1914–1915 гг. генерал-лейтенанту Владимиру Федоровичу Джунковскому, фактически открывшему для большевиков все каналы для антивоенной пропаганды еще в период Первой мировой войны, молено было быть подлинным автором широко известных операций Лубянки — «Трест», «Синдикат» и других, авторство которых до сих пор приписывают Дзержинскому и Артузову, а вот Кулябко не мог проконсультировать заинтересованную в организации убийства Кирова антисталинскую оппозицию?! Кстати говоря, профессионал — он и есть профессионал: в обоих случаях Кулябко вышел «сухим из воды» — после убийства Столыпина он отделался всего лишь тем, что его уволили из охраны, а в 1934 г. «кировский поток» виновных и невиновных обошел его стороной, но только до 1937 г...

При таких исходных данных было бы очень удивительно, если бы германская разведка или же германские тайные общества, действовавшее рука об руку с первой, не попытались занять такого агента в лице Тухачевского. И судя по всему, к странностям ни те, ни другие не были склонны, а потому «определенные отношения» с

будущим «стратегом» были установлены еще в период его пребывания в плену, т. е. то, о чем говорилось еще в гл. 2...

Когда же он прибыл в Германию в статусе помощника Фрунзе, то был бы грех для любой, а не только германской, разведки не воспользоваться столь уникальнейшим шансом — скорее всего, именно в 1925 г. и произошло окончательное оформление отношений немцев с Тухачевским. Причем именно в том смысле, что германская разведка по указанию верхушки германского генералитета того времени определила наиболее целесообразный характер дальнейшего использования своих отношений со «стратегом». Ведь на роль тривиального шпиона он уже не годился, но слишком уж заманчива была перспектива заполучить мощного в недалеком будущем «агента стратегического военно-политического» и даже геополитического влияния в тех глобальных геополитических комбинациях рейхсвера, основы которых были разработаны У. Брокдорф-Ранцау, К. Хаусхофером и Г. фон Сектом.

Теперь о втором контуре. Он охватывает проблему о том, почему все-таки именно в декабре 1927 г. «стратег» вышел с таким, на редкость неадекватным, предложением? Как мы помним, расследование обстоятельств появления этого предложения было начато с хлебного кризиса. Однако это всего лишь одна сторона медали. Важнее «идеи Тухачевского в свете проамериканского германофильства Троцкого, но в фокусе постлокарнских геополитических интриг Великобритании в обеспечении безопасности своих вечных интересов».

Как-то, якобы само собой, в нашей исторической литературе, особенно посвященной сотрудничеству рейхсвера и РККА, сложилось навязываемое мнение о том, что Троцкий был германофилом сугубо прогерманского толка. В действительности же, Троцкий никогда и ни при каких обстоятельствах не был таким германофилом, но всегда был германофильствующим, по определенным политическим и иным соображениям, прагматиком проамериканского толка (хотя, конечно, выдающуюся роль Германии в истории, экономике, науке, технике и политике он отчетливо и глубоко понимал и признавал).

Корни такой его позиции в длительном пребывании в эмиграции в Америке, но в еще большей и определяющей степени в его личных, перемежавшихся с деловыми (политическими), связях с финансовой

элитой США того времени, в т. ч. и с очень сплоченной, чрезвычайно влиятельной еврейской группировкой американского финансового и торгово-промышленного капитала, которая почти поголовно была представлена выходцами из Германии, сохранившими свои обширные интересы и в этой стране.

... О том, какой она имела вес во всех сферах жизни США того времени, может дать представление один пикантный факт. Сейчас, возможно, далеко не каждый американист сразу вспомнит, что в начале XX века в США всерьез стоял вопрос о том, какой же язык должен быть государственным — английский или немецкий. С небольшим перевесом Америка склонилась тогда к более привычному английскому, однако же, представьте себе, насколько было сильно влияние выходцев из Германии, в т. ч. и еврейской общины, если им удалось выставить такой серьезнейший вопрос в самый центр общественной и государственной жизни уже тогда громаднейшего государства....

Сейчас уже ни для кого не секрет, что основная масса денежных средств на т. н. «русскую революцию» была предоставлена американскими банкирами еврейского происхождения (выходцами из Германии).

У специалистов и просто интересующихся историей людей постоянно на слуху такие именитые и знаменитые в финансовом мире Уолл-стрита фамилии, как Шиффы, Варбурги, Куны, Лебы, Каны, Оппенгеймеры, Гольдберги, Магнусы и другие. Да, факт вроде бы налицо, ибо все вышеперечисленные лица — «звезды» первой величины как американского, так и в целом международного финансового капитала.

Если все вышеперечисленные проявления в высшей мировой геополитике того времени вкратце свести к единому знаменателю, то получим следующее: **за счет активнейшего в дальнейшем использования ими же инспирированной «русской революции» в глобальном масштабе разрушить Британскую империю, особенно на Востоке, и тем самым обеспечить максимальное проникновение американского капитала в эти регионы мира!**

В принципе это не что иное, как знаменитый «план Марбурга» — программа захвата власти во всемирном масштабе, реализация которой осуществлялась на деньги фонда Карнеги. Ее сутью было

следующее: во-первых, при опоре на неограниченные финансовые средства Карнеги международный финансовый интернационал и международные социалисты организуются в единое движение, чтобы, и во-вторых, социализировать все правительства мира при одновременной и параллельной полной концентрации всей верховной власти в руках международного финансового капитала.

Это и есть самая что ни на есть высшая мировая политика и геополитика, а в таких вопросах негативно педалировать этнический фактор со столь резко выраженным моноэтническим уклоном — роковая ошибка, наносящая России фактически непоправимый ущерб ее высшим национальным интересам.

...У нас очень многие любят выводить истоки якобы еврейской русофобии чуть ли не со времен противостояния Руси с Хазарией. Однако мало того, что упускается из виду, что Хазария не была поголовно иудаизированной — верхушка, да, исповедовала иудаизм, но не все же население, — так ведь еще и геополитика тех времен никоим образом не попадает в поле зрения исследований. А ведь вполне достаточно и беглого взгляда на исторические документы, чтобы убедиться в абсолютном доминировании чисто геополитических мотивов противостояния. «Я живу у входа в реку и не пускаю русое», — писал в одном из своих писем хазарский царь Иосиф министру Омейядского халифа Испании Абдorraхмана III Хасадаи ибн Шафруту еще в X веке. А ведь речь шла о реке Волге — крупнейшей реке Руси, а потому и о выходе Руси на Восток через Каспий («у входа в реку» означает в устье Волги. — А.М.), т. е. о сугубо геополитическом противостоянии, но никак не этноконфессиональном. Тем более если учесть, что еще с VIII века, с началом распада Арабского халифата, резко обострилась борьба за контроль над всеми путями, связывающими Запад и Восток в тогдашнем мире.

Если же вспомнить, что основу правящего класса Хазарии составляли купцы-«рахдониты» (в переводе с персидского означает «знающие дороги»), то и вовсе станет понятным, почему Хазарское государство возникло именно там — речь шла о контроле за основными в тогдашнем мире торговыми путями с Запада на Восток и наоборот, в чем иудеи с глубочайшей древности превосходно понимают толк. Сразу же станет понятным и длительное

противостояние Хазарии с Византийской империей, ибо именно Византия на длительное время монополизировала контроль над этими путями (после распада Древнего Рима). То есть все это — в чистом виде геополитика в одном из наиболее ярчайших проявлений ее Высшего Закона. Л остальное — идеологическо-религиозные наслоения, якобы призванные что-то объяснить, а на самом деле запутать вплоть до провоцирования межэтнической вражды...

Несмотря на то что у американского капитала еще в самом начале XX века развилось стремление к мировому господству, особенно на Востоке,^[37] в те времена, даже при всей уже тогда очевидной мощи, сыгравшей колоссальную роль еще в Первой мировой войне, США все-таки не были готовы полностью перехватить у Великобритании глобальную инициативу в борьбе за мировое господство (это случится только в 1945 г.). Уж слишком много слагаемых силы требовалось для того, чтобы раз и навсегда вышибить Великобританию с ее громадной империей с пьедестала неоспоримого тогда мирового лидера.

Первым номером в сумме этих слагаемых было золото (во всех его проявлениях — от чисто металлического и ювелирного до денежного эквивалента), ибо тогда еще царила эпоха золотого стандарта. Поэтому не случайно, что именно американскими деньгами, хотя и через германские банки, осуществлялось «спонсирование» т. н. «русской революции». Также не случайно в первые годы советской власти и вплоть до смерти Ленина золото перекачивалось из России в США в прямом смысле слова пароходами — то были два акта одного и того же спектакля под названием «Всемирная Финансовая Революция», необходимость которой столь вожделенно и долго алкал американский капитал (сейчас идет уже Третья Всемирная Финансовая Революция, и опять-таки в пользу США.)

Передовым «инструментом» реализации таких планов в те времена и являлись Троцкий и его «перманентные революционеры» — прибывшие вместе с ним из США подмастерья финансового капитала. Кто сейчас помнит, что, не успев еще толком обжить свой кабинет в Смольном, Троцкий уже 3 декабря 1917 г. принимал именно в Смольном директора Федеральной Резервной Системы США Уильяма В. Томпсона, помощник которого — знаменитый в те времена Раймонд Робине — на следующий же день доказывал британскому разведчику

Локкарту, что его, Робинса, задача здесь, в России, **«наложить лапу на всю Россию во имя выгод Уолл-стрита и многих деловых американцев».**

Однако же золото — золотом, но без военной силы — оно всего лишь груда металла. А. С. Пушкин всего лишь четырьмя поэтическими строчками, но очень точно высветил глубинную суть союза злата и булата в истории человечества:

Все «моё» — сказало злато.

Все «моё» — сказал булат.

Все «куплю» — сказало злато.

Все «возьму» — сказал булат.

Именно союз злата и булата, его интересы и потребности и предопределили германофильствующий прагматизм проамериканского толка у Троцкого. Поэтому, в частности, подчиняясь прямому диктату этого союза, он и возглавил вооруженные силы только что родившейся советской республики и сразу же появились деньги на армию. Что же до самого теснейшим образом взаимосвязанного с американским собратом германского капитала, так и он точно так же мечтал о прорыве туда, где долгое время и безраздельно господствовала Великобритания (в этом подлинный исходный импульс всех геополитических концепций того же Карла Хаусхофера). Так что возникший в результате прямого слияния основанных на союзе злата и булата прагматических интересов (геополитического характера) американского и германского капиталов альянс якобы германской военщины с Лениным и Троцким на самом же деле был не чем иным, как весьма своеобразно специфическим «двуликим Янусом»: с одной стороны, опирающимся на бескрайние просторы и богатства России плацдармом для экспансии в мировом масштабе, с другой же — непосредственным «орудием», за счет использования которого должны были решаться глобальные, формально обоюдовыгодные для американского и германского капиталов задачи тотального разрушения Британской империи.

Вот почему, собственно говоря, германское золото на «русскую революцию» имело отчетливый цвет американских долларов.

...До определенного момента и как бы в одной упряжке с ними шла и Великобритания, глобальная задача которой, как прирожденного врага России, ликвидировать ее и как государство, и как страну. В этом смысле ее геополитические интересы до поры до времени частично совпадали и с интересами США и Германии — и именно поэтому Ллойд Джордж, едва узнав о «февральской революции», радостно воскликнул в британском парламенте, что «британское правительство уверено, что эти события начинают собой новую эпоху в истории мира, являясь первой победой принципов, из-за которых нами была начата война».

Однако очень скоро коварный Альбион обжегся так, что с тех пор крайне подозрительно стал смотреть не столько на Москву, сколько на Вашингтон и Берлин, ибо при дележке добычи ни друзей, ни партнеров не бывает. США откровенно проигнорировали Версальский «мирный» договор, отказавшись его ратифицировать (кстати, сорвал его ратификацию не кто иной, как Генри Кэбот Лодж-старший), затем подтолкнули поверженную Германию к сотрудничеству с Советами — как сообщал глава американской миссии в Берлине Эллис Дризел в Госдеп США еще 10 января 1919 г., «один из ведущих немецких финансистов (Ратенау. — А. М.) разъяснил мне (т. е. ему, Э. Дризелу. — А.М.), что нациями, призванными навести порядок в России, являются, несомненно, немцы и американцы».

Обратите внимание на то обстоятельство, что такое «разъяснение» Дризел получил еще до того, как начались военно-геополитические игры между Карлом Радеком и представителями высшей военной, политической и деловой элиты поверженной Германии.

Кстати говоря, вместо ратификации Версальского договора в августе 1921 г. США подписали отдельный Договор с Германией, в котором не было и тени намека на какое бы то ни было эхо Версаля. В октябре 1921 г. — Висбаденское соглашение между Францией и Германией. В апреле 1922 г. — Рапалльский договор с Советской Россией. В итоге получилась совершенно иная глобальная геополитическая конструкция, в которой, как бы само собой, Лондону места не нашлось.

Дальше был «план Дауэса» (1923 г.) — «мина, подложенная под Европу», и многое другое...

А вот «миной», подложенной непосредственно под Великобританию, точнее американо-германской «миной», заложенной руками Ленина и Троцкого под фундамент Британской империи, стали непомерно неадекватные реальным возможностям геополитические потуги едва только образовавшейся советской республики, особенно на восточном направлении.

Вот чем должно объяснять отнюдь не удивительное совпадение с «тайной вечерей» Радека в Берлине секретного предложения Троцкого ЦК партии об организации вооруженного похода в Индию от 5 августа 1919 г.

Этим же должно объяснять и происхождение совершенно неадекватных геополитических фокусов Москвы раннего советского периода, в частности, пресловутого «персидского похода» в 1920 г., когда ради того, чтобы отобрать у белогвардейцев пару-тройку угнанных ими посуды, напали на Персию и учредили там недолговечную Гилянскую Советскую Республику. Между тем эта авантюра не что иное, как прямой вооруженный наскок на Великобританию с целью потеснить ее в Персии, а ведь эта страна — прямой подступ к главной жемчужине в короне британской империи Индии. Кому все это могло быть выгодно, кроме США и Германии?

...Кстати говоря, в глубине всех этих соотношений и взаимосвязей американо-германского толка, особенно в точке пересечения тактических и стратегических соображений самого Троцкого как «германофила проамериканского толка», и следует искать главную причину неимоверного взлета Тухачевского: от подпоручика до генерала армии (если по-современному) всего-то за четыре месяца, из которых только три он пребывал в коммунистах — уже летом 1918 г. он командовал Восточным фронтом, главная задача которого была геополитическая, т. е. освободить захваченную в результате спровоцированного Англией мятежа чехословацкого корпуса Транссибирскую магистраль.

Мало того, что США и особенно непосредственно американский капитал с самого начала проявляли колоссальный интерес к этой великой железнодорожной магистрали — тот же Генри Кэбот Лодж-старший еще до войны проехал по всей магистрали, детально

исследуя ее значение, — так ведь еще и лично директор Федеральной Резервной Системы США У. В. Томпсон прямо указал Троцкому, что грабить Россию США намерены именно с помощью Транссиба! Полковник Р. Робине вполне определенно выразился на этот счет в беседе с Локкартом, как бы предупреждая через него Великобританию, активно провоцировавшую Японию на согласованную еще до «февральской революции» интервенцию на советский Дальний Восток. США же были категорически против «японизации» советского Дальнего Востока, т. к. мало того, что Транссиб в руках Японии полностью бессмыслен для США, так ведь и опирающаяся на ресурсы России Япония — это уже очень серьезная угроза самой Америке в ее дальневосточных интересах.

Именно на Восточном фронте проверялась «революционная сознательность» новоиспеченного члена компартии Тухачевского — будущего «гениального стратега и полководца». Проверялась именно Троцким.

Не исключено, что сам «стратег» некоторое время не понимал, или, по меньшей мере, не вполне осознавал, какими же мощными, восходящими потоками геополитических ветров его столь круто «взмывает» вверх — по сути дела, едва ли не вертикально — но догадываться он должен был, особенно после Ингольштадта...

Обо всем этом необходимо было упомянуть, ибо главным здесь является имеющее для нашего расследования важнейшее обстоятельство, — такая позиция Троцкого, а, следовательно, и его ближайших сторонников и последователей, давно и хорошо была известна Великобритании, особенно ее разведке.

И потому совершенно не случайно, что при попытке выехать из США в Россию через Канаду британские власти арестовали Троцкого, справедливо полагая, что он везет в предстоящую «русскую революцию» уже социалистического толка очень сильный американский акцент с очень сильными прогерманскими нотками.

...Даже с точки зрения элементарно обыденных деталей британская разведка была права — Троцкий направлялся в Россию как американский гражданин, т. е. с загранпаспортом США, выданным ему по личному распоряжению президента США Вудро Вильсона, за спиной которого всегда стоял «серый кардинал» тогдашнего Белого дома — знаменитый полковник Хауз, теснейшим образом связанный с

влиятельнейшими финансовыми кругами Уолл-стрита, особенно же еврейскими.

Так что наряду с запродавшимся германскому Генеральному штабу «вождем мирового пролетариата» Ульяновым-Лениным, «великий октябрь» стряпал и гражданин США — Лев Давидович Бронштейн-Троцкий, который, кстати говоря, сохранял американское гражданство вплоть до изгнания из СССР.

И вот что интересно: когда британские власти арестовали Троцкого в Галифаксе, то тут же последовал очень резкий нажим со стороны тех банкиров, которые «спонсировали» «русскую революцию» американско-германского толка (кстати, сообщил им об аресте Троцкого министр иностранных дел Временного правительства П. Миллюков), и многомиллиардно обязанная Соединенным Штатам за войну Великобритании вынуждена была отступить и освободить Троцкого.

Сам же Лейба Давидович до конца своей жизни откровенно валял дурака, заявляя, что — «закулисная механика его ареста и освобождения» ему, видите ли, «не вполне ясна»...

Именно с тех пор все действия Троцкого и его приспешников британская разведка оценивала только через призму этого уникального американско-германского акцента в «русской революции». В постлокарнский период значимость остроты восприятия американско-германского акцента в действиях Москвы (пока было сильно влияние Троцкого и его сторонников) для британской разведки резко усилилась, поскольку за кулисами самого Локарно разыгрывались нешуточные геополитические баталии глобального толка. Дело прежде всего в том, что столь незаурядно отмеченные Комитетом по присуждению Нобелевский премий «успехи» Великобритании в Локарно имели как минимум тройную подоплеку, сводившуюся к получению свободы маневра в целях решения задач азиатской политики Лондона.

Во-первых, в Локарно Великобритания сумела на некоторое время вернуть себе роль главного арбитра на Европейском континенте, не неся в принципе никакой ответственности за судьбу Европы.

Во-вторых, Лондону удалось подорвать сложившуюся было в порядке постфактум по итогам Первой мировой войны военную гегемонию Франции в континентальной Европе.

В-третьих, объединенными усилиями Сити и Даунинг-стрит Великобритании удалось свести на нет также сложившуюся в порядке постфактум по итогам Первой мировой войны американскую финансовую гегемонию в Европе.

В-четвертых, все эти «успехи» понадобились Лондону только для того, чтобы развязать себе руки в своей азиатской колониальной политике, особенно на Дальнем Востоке, прежде всего в Китае, Индии, где и находился основной источник имперского могущества Великобритании, основанного на колониальном грабеже и морской гегемонии.

По свидетельству очень проницательного английского экономиста начала XX века Дж. Гобсона Англия еще в начале века «не могла нести без существенной помощи колоний финансовое бремя, связанное с необходимостью увеличения флота». Без флота нет и Великобритании.

Но именно над этим основным источником имперского могущества Великобритании и нависла колоссальная угроза: именно на этом направлении стали сосредотачиваться взоры и концентрироваться усилия как Советов и Коминтерна с их призывами к «мировой революции», так и США, и опять-таки Японии, не говоря уже о резко усилившемся не без содействия извне национально-освободительном движении в Индии и Китае.

Официальный Лондон, прежде всего сама британская разведка, во все нарастающих объемах фиксировали не только явные признаки такого поворота событий, но и факты прямого прорыва как Москвы вкупе с Коминтерном, так и Вашингтона, и Токио, особенно в Китай. Причем, что более всего пугало британскую правящую элиту, так это факты следующего принципиального значения:

— объективное блокирование интересов Москвы и Вашингтона в Китае в 20-е годы XX века, в т. ч. и на базе разыгрывания (некоторое время) карты «антияпонизма»;

— серьезная трансформация этого блокирования в деятельность, в т. ч. и на базе тайных обществ (включая и масонские), в целях установления прочных контактов с наиболее могущественными закулисными силами Азии.

...Это самое совпадение интересов имело следующую подоплеку. Москва и Коминтерн лезли в Китай с идеей «мировой революции» на

Востоке, вектор которой — освобождение от колониального ига и объединение Китая на демократических основах — действительно объективно совпадал в то время с интересами Вашингтона, который в своем стремлении потеснить в Китае другие державы, особенно Великобританию, сделал ставку на либеральную политику в отношении Китая в целях инициирования движения за создание единой Китайской Республики, что отвечало экономическим интересам Америки.

Со столь же корыстной позиции трактовки своих вечных интересов Великобритания по-своему была права — единый демократический Китай, созданный помимо воли Великобритании, но при поддержке Москвы и Вашингтона явился бы величайшей угрозой для британских интересов в Азии, что неизбежно привело бы к вытеснению коварного Альбиона из региона. А неизбежное, в случае активного содействия Москвы и Вашингтона интеграционным процессам в Китае, тяготение последнего к двум первым создало бы совершенно непреодолимую для Лондона геополитическую ситуацию.

Естественно, что вывод коварного Альбиона был совершенно однозначный — пускай и очень корыстный союзник Япония, но только при его содействии можно противостоять национально-освободительному движению в Китае, а следовательно, и всяким попыткам не только прорыва, но и закрепления Москвы и Вашингтона в этой стране. Такова принципиально британская подоплека появления пресловуто печального «меморандума Танаки», в котором достаточно ярко был изложен антироссийский вектор будущей японской агрессии. И не случайно, что именно советская разведка «просветила» на сей счет американских коллег...

Все эти интриги геополитического толка особенно тревожили британскую разведку еще и потому, что с первых же дней советской власти она постоянно фиксировала непомерно неадекватные тогдашним возможностям Москвы попытки пролезть в Азию, особенно в Тибет, Индию, Китай. Чрезвычайно ее встревожили геополитические игры Москвы вокруг научных интересов выдающихся ученых Рерихов — дело в том, что игра осуществлялась в т. ч. и по каналам тайных обществ, а также едва только оперявшихся советских спецслужб. К тому же сами Рерихи были наследственными мартинистами-розенкрейцерами. И более всего Лондон опасался

того, что именно эти особенности Рерихов Москва пытается использовать для установления прочных контактов с наиболее мощными закулисными силами Азии. Но особенно волновало Лондон то обстоятельство, что за всеми этими попытками стояли мощные финансовые и деловые круги США, финансировавшие не столько научные экспедиции Рериха, сколько научно обоснованный прорыв американского капитала на плечах всемирно известного научного авторитета и советской разведки в кооперации с Коминтерном в азиатский регион. При прямом содействии финансовых и деловых кругов США Рерих еще в 1922 г. учредил в Нью-Йорке тайное общество «Всемирный Союз Западных Буддистов» (ВСЗБ) и возглавил его материнскую ложу «Орден Будды Всепобеждающего» («Майтрейя Сангха»). В этот союз вошли крупные американские бизнесмены, банкиры, финансисты, ученые, политики, обладавшие колоссальным влиянием в США и в мире. Едва возникнув, это общество тут же установило прочные связи с возникшей еще в 20-х годах в СССР специфической масонской ложей «Единое Трудовое Братство», охватывавшей элиту советской партийно-государственной иерархии и спецслужб. Через каналы ЕТБ и с монгольского плацдарма, посредством главы монгольской спецслужбы Хаян Хирву были установлены прочные связи с самой могущественной тайной организацией Азии — «Великим Братством Азии», а также тибетским тайным обществом «Братья и друзья тайного».

Они, особенно «Великое Братство Азии», располагали колоссальным влиянием практически во всей Азии, особенно в пределах тогдашней Британской Индии, Сиккима, Непале, Ладкхе, Афганистане и т. д. Более того, как подчеркивают специалисты, «Великое Братство Азии» находилось в прямом контакте и диалоге с еврейскими хасидами (а именно они-то и составляли всегда ударную мощь еврейства в США), исмаилитами, различными русскими сектантами, в т. ч. и в Западном Китае, с бенгальской мистико-террористической организацией «Белый Лотос», тайными китайскими обществами «Обществом Старшего Брата» и «Красные Пики», через которых, в свою очередь, выходили на разветвленную сеть иных китайских тайных обществ. По сути дела, это был чрезвычайно круто замешанный на мистико-религиозно-политических идеях геополитического характера альянс тайных обществ, который,

приди он в движение полностью, чего, собственно говоря, и добивались в Москве и Вашингтоне, непременно подорвал бы могущество Британской империи, особенно в Азии.

Британская разведка и дипломатия пытались отслеживать все эти процессы и контакты, и по мере сил и возможностей противодействовать им, в чем особая роль отводилась Индийскому разведывательному бюро британской разведки (благодаря именно его активности в поле зрения СИС попал Р. Зорге, причем задолго до появления в Японии, куда он уезжал, уже обреченно зная, что бриты у него «на хвосте»).

Между тем с советской стороны все эти попытки и контакты осуществлялись преимущественно сторонниками и последователями Троцкого, и потому совершенно не случайно, что 1937–1938 гг. буквально выкосили всех, кто имел хоть какое-либо отношение ко всем этим «играм».

Не случайно и то, что американский посол в Москве Дж. Дэвис, сообщая Рузвельту о разгроме заговора Тухачевского, открыто подтвердил, что предъявленные заговорщикам обвинения обоснованны и объективны, ибо и сам точно знал, что это абсолютно соответствует действительности, особенно в части, Касающейся геополитической подоплеки заговора. Здесь следует иметь в виду, что через некоторые родственные связи отдельных заговорщиков заговор в целом выходил и на мощнейшие на Западе силы еврейства, особенно на одну из самых могущественных в мире еврейских масонских ложе «Б'най Брит» («Сыны Завета»). Дело в том, что один из сподвижников Тухачевского — Ян Гамарник был женат на родной сестре одного из руководителей «Б'най Брита», знаменитого еврейского поэта, основоположника современной израильской поэзии Хаима-Нахмана Бялика. Но именно «Б'най Брит» обладал наиболее мощным влиянием на администрацию США и в 20-е, и в 30-е, и в последующие годы, вплоть до настоящего времени.

Сталин прекрасно осознавал особую силу, мощь и влияние этой могущественной ложи и именно поэтому пригласил одного из видных ее деятелей — знаменитого писателя Лиона Фейхтвангера — в Москву, чтобы он собственными глазами убедился в объективности предъявляемых оппозиции обвинений и затем сообщил куда надо. Так, собственно говоря, появилась знаменитая книга Л. Фейхтвангера о

1937 г., которую все непрерывно цитируют. Книга получилась действительно объективная...

И, наконец, не менее серьезная трансформация этого объективного блокирования интересов Москвы и Вашингтона в попытке установления военно-политического альянса геополитического характера между СССР, Китаем и Японией при отчетливом германо-американском содействии.

...В этой связи особо следует отметить позицию мэра Токио в середине 20-х годов XX века виконта Гото Симпей, проявившего значительный интерес к созданию такого военно-политического альянса между СССР, Китаем и Японией, геополитическое острие которого было бы направлено против Британской империи.

Между тем и без того чрезвычайно сложная в политической жизни тогдашней Японии фигура Гото Симпей являлась одновременно и фактором участия в этом закулисном процессе определенных заинтересованных сил в Германии, персонифицировавшихся в К. Хаусхофере и его идеях континентального блока: Гото Симпей и К. Хаусхофер были давно знакомы и поддерживали очень тесные личные и деловые контакты.

Именно они по своим закулисным каналам влияния сдвинули с «мертвой точки» процесс нормализации советско-японских отношений в 1924–1925 гг., что в итоге привело к возобновлению дипломатических отношений между СССР и Японией уже весной 1925 г. Гото Симпей объединил свои усилия с могущественнейшим в закулисной политической жизни Японии главой «Общества Черного Океана», «Великого Общества Национального Духа» и «Общества Черного Дракона» Тояма Мицурой (также близким с К. Хаусхофером), а Карл Хаусхофер дал советским представителям выходы на них и их представителей.^[38] Тояма Мицура, тесно связанный в течение долгих лет и с китайским лидером Сунь Ят Сеном, и с основателем Японской компартии Сэном Катаямой, в кооперации с Карлом Хаусхофером стоял также и за кулисами попыток прорыва Москвы в Китай...

На все это накладывалась и откровенно подрывная деятельность Коминтерна в регионе, значительные успехи советской разведки, нередко получавшей, хотя и неофициальную, но достаточно ощутимую помощь американских разведслужб в регионе.

Если предположить, в британском представлении, было призвано в начале нейтрализовать рапалльский фактор в Европе и еще только разворачивавшееся наступление Москвы и Коминтерна (при негласной поддержке Вашингтона) в азиатском регионе, то постЛокарно — это уже совсем иной фон, главными элементами которого были Рапалльский договор 1922 г., Договора об установлении дипломатических отношений с Китаем (1924 г.) и Японией (1925 г.), Договор о ненападении и нейтралитете между СССР и Германией от 24 апреля 1926 г., а также инициированные на их основе попытки формирования тройственного военно-геополитического альянса СССР — Китай — Япония. Все это, по мнению Лондона, создавало колоссальную угрозу британским интересам в регионе.

Собственно говоря, именно этот конгломерат геополитических причин и привел к тому, что Лондон инициировал ту самую англо-германскую секретную конференцию в июне 1926 г. Но какое отношение якобы панславизм и необходимость его ограничения имеют к интересам Англии и Германии на Востоке, где и та и другая собирались осваивать новые экономические области? Ведь именно это фигурировало во втором пункте повестки дня той конференции, и только в самом конце была названа правда: преградить путь именно большевистской (не коммунистической) экспансии, направленной на Турцию, Иран, Индию, Китай. Лондон более всего опасался именно великодержавного подхода Москвы к этим геополитическим проблемам.

Азиатский узел затягивался все туже и туже, особенно в своей дальневосточной части, прежде всего в китайской — именно вследствие этого новым британским послом в Пекин и был назначен уже упоминавшийся Локкер-Лэмпсон. Уже в начале 1927 г. отчаянными усилиями Великобритании удалось добиться резкого осложнения советско-китайских отношений — известное нападение на советское консульство в Китае (организатор не кто иной, как Локкер-Лэмпсон), кровавая резня китайских коммунистов, устроенная Чан Кайши по прямому наущению британской разведки,^[39] привела к резкому снижению активности Москвы в регионе.

Одновременно Лондон отчаянно нагнетал антисоветскую истерию по всей Европе — советских послов убивали (Воровского в Варшаве), выгоняли (Раковского из Франции), на полпредства СССР за рубежом

осуществлялись вооруженные налеты (на «Ар-кос» в Лондоне, в Китае) и т. д. Вопрос о войне против СССР при активнейшем содействии Великобритании всерьез встал в повестку дня международной жизни. В это же самое время, видя, что Лондон особо увязает в дальневосточных делах, в Париже решили при содействии США попытаться разблокировать пост-локарнский британский ошейник на горле Европы.

В апреле 1927 г. министр иностранных дел Франции, лауреат Нобелевской премии мира Аристид Бриан, над которым вся европейская пресса хохотала в связи с тем, что «у Бриана — пушки торчат из кармана», вдруг предложил государственному секретарю США Фрэнку Кэллогу заключить двусторонний договор о вечной дружбе, запрещающий обращение к войне, как средству решения международных споров. Кэллог почти девять месяцев вынашивал ответ и в конце концов в декабре 1927 г. представил следующее: предложение о заключении многостороннего международного пакта, который в конечном, подписанном 27 августа 1928 г., виде носил название Парижского договора о воспреещении войны в качестве орудия национальной политики и средства урегулирования международных споров (в дипломатической практике коротко его называли Пакт Кэллога — Бриана).

И вот именно в этот момент, на фоне тяжелейшего хлебного кризиса, на фоне всех остальных, не менее тяжелых внешних и внутренних проблем СССР, начальник Генерального штаба Тухачевский выходит со своим неадекватным предложением о 100 тысячах танков. Так в чем же дело? А оно, оказывается, в том, что Тухачевский этим предложением едва ли не копировал провокационные затеи своего только что изгнанного (27.11.27) со всех постов кумира — Троцкого. Более того, именно тогда, в 1927 г., Троцкий завыл о необходимости брать власть в момент, когда враг в 80 км от столицы (повторив тем самым знаменитый лозунг Клемансо еще времен Первой мировой войны), короче говоря, мало всего этого, так ведь еще и одна маленькая деталь в предложении Кэллога сыграла свою серьезную роль. В предложении госсекретаря, а затем и в самом тексте Пакта Кэллога — Бриана никоим образом не были зафиксированы ни механизм контроля, ни санкций, не были определены понятия международной войны, в т. ч. и в связи с

национально-освободительными движениями, не были определены понятия интервенции, блокады, военной оккупации чужих территорий и т. д., т. е. ничего, даже без относительной разницы в подходах к этому вопросу у Москвы и у Запада.

На таком фоне сугубо милитаристское предложение Тухачевского, прими его Кремль (а скрыть такую программу было бы нереально), давало бы прямые козыри всему Западу обвинить СССР в развязывании гонки вооружений, а учитывая, что Германия уже была де-факто уравнена в военной сфере со странами-победителями и система военного контроля с нее уже была снята, то это и ей дало бы серьезные козыри развернуть с помощью того же Запада гонку вооружений. Учитывая, что в предложении Кэллога вообще ничего путного для дела мира не предусматривалось, «красный милитаризм» Тухачевского мог спровоцировать тот же Запад на использование вооруженной силы в целях якобы устранения такой милитаристской угрозы, тем более что идейно, в моральном плане Запад готов был разобратся силой с той же Москвой.

И что тогда? Армии еще толковой нет, индустрии нет, хлеба нет, крестьянство жестко выступает против государства, оппозиция агрессивно и методично разворачивается по определенному "боевому плану, международная обстановка накалена до предела — и вооруженное нападение Запада на СССР!

Вот что в себе таило, казалось бы, лишь только внешне неумное предложение начальника Генштаба Тухачевского — даже по количеству вкратце затронутых аспектов очевидно, насколько все было сложно, запутанно и перепутанно. А «Виктор Суворов» здесь со своими военно-арифметическими подсчетами!

Куда легче теперь обстоит дело с предложением от января 1930 г. Вновь демонстрируя, на первый взгляд, полную неадекватность, «стратег» предложил в мирное время создать армию из 260 стрелковых и кавалерийских дивизий, 50 артиллерийских дивизий, 225 пулеметных батальонов, 40 тысяч самолетов и 50 тысяч танков. Половина, если не более, вышеуказанных разъяснений годна и в этом случае, однако же напомним главное из сути положения 1930 г. Ведь это был самый разгар коллективизации, когда подавляющая часть секретарей партийных организаций на местах как по команде перешла

к жесточайшему насилию на деревне, откровенно провоцируя гражданскую войну в стране. И вот в такой обстановке «стратег» предложил призвать в армию несколько миллионов до крайности озлобленных крестьян?! Зачем?

Никакого иного ответа, кроме как прямого расчета повернуть с их помощью оружие против центральной власти — нет и быть не может! Хотя бы потому, что уже в 1930 г. в отношении Тухачевского пошла волна сообщений о вынашивавшихся им планах военного переворота в стране.

...Арестованный по спровоцированному, в т. ч. и Тухачевским, делу «Весна» (против бывших царских офицеров и генералов, служивших в то время в РККА) военный историк Какурин на допросе 26 августа 1930 г. показал, что как до XVI съезда ВКП(б), так и на одной из встреч со своими сторонниками после него, «Тухачевский выдвинул вопрос о политической акции, как цели правого уклона и перехода на высшую ступень, каковая мыслилась как военная диктатура, приходящая через правый уклон».

*И хотя все «уклоны» при рассмотрении той давней истории конечно же важны, тем не менее сосредоточимся на главном вопросе: как должна была соотноситься идея об установлении военной диктатуры с предложением о срочном наборе в армию нескольких миллионов до крайности озлобленных крестьян. **Ни о чем, кроме как о наличии замысла о военном перевороте, это не свидетельствует!** Это, конечно, чудо, что армия в целом тогда не сдетонировала в ответ на вынужденно насильственную коллективизацию. Но это чудо объясняется прежде всего тем, что в армии в то время не было должного количества «горючего материала», способного сдетонировать в мгновение ока — **вот «стратег» и решил, по методу Троцкого, добавить «взрывчатки» в военную сферу!***

Более того, уже в 1937 г., бывший генеральный консул СССР в Париже Н. И. Кузьмин на допросе признал следующее: «1 ноября 1930 года был в Ленинграде на квартире М. Тухачевского и обедал у него. Эту дату я помню хорошо.

Беседуя с ним, я информировал его о встречах с Сувориным в Париже.

Я прямо сказал ему, что Суворин в беседах со мной просил передать ему привет от Троцкого (он уже был в изгнании. — А.М.) и его личный, что он информирован о том, что группа наиболее талантливых военных во главе с ним (Тухачевским. — А.М.) находится в опале, что пора перейти к активной борьбе...

Тухачевский на это мне ответил, что те методы и формы борьбы, которые применяли троцкисты, ничего реального кроме разгона по тюрьмам дать не могут».

Между тем троцкисты в те времена применяли в основном листовки, нелегальные сходки, всевозможные воззвания, протесты, демонстрации и т. п.

Следовательно, из слов Кузьмина со всей очевидностью вытекает, во-первых, что борьба против Сталина и его политического курса — это давно обсуждаемая Тухачевским и его окружением тема, а, во-вторых, что «мирный троцкизм» его уже более не устраивает, что прямо коррелирует с данным Какурина. Вокруг показаний Какурина, между прочим, навертели достаточно много всевозможных инсинуаций, особенно в отношении реакции Сталина на эти показания.

Однако Сталин сразу и полностью поверил Какурину, несмотря на то что его показания горячо опровергли сторонники Тухачевского, у которых Сталин, естественно, поинтересовался мнением на сей счет. И именно поэтому немедленно инициировал назначение «стратега» на должность заместителя наркома обороны по вооружениям. В том, на какую должность был назначен «стратег», и содержится ответ на вопрос — во что же поверил Сталин. Он поверил именно в серьезность угрозы военного переворота, потому-то вновь оторвал «стратега» от непосредственного командования войсками, даже в округе, и перевел его в Москву, где надзирать за ним было легче. «Стратег» же оказался тем самым тщеславным «наполеончиком», которого обвели вокруг пальца — дали серьезное повышение, но без реальных рычагов власти, и поставили под надзор Лубянки, и не только ее. В 1930 г. у Сталина хватало иных забот, чтобы получить еще и военный переворот...

В отношении предложения «стратега» от 1930 г. необходимо также иметь в виду следующее. Дело в том, что к началу того года вышеупоминавшаяся уже Комиссия по подготовке Женевской

конференции по разоружению наконец выработала «формулу разоружения» — сначала всем надо пропорционально вооружиться, а затем заниматься разработкой мер по разоружению. С 1932 г. эта формула пошла в дело, и опять-таки по «протекции» Лондона. **Так что предложение Тухачевского о 260 дивизиях, прими его Кремль, по сути дела немедленно предоставило бы козыри Западу для постановки вопроса о ликвидации силой такой угрозы. Не говоря уже о том, что на Западе и так обсуждался вопрос о пропорциональном довооружении Германии. Мешало только одно — позиция Франции, боявшейся резкого усиления Германии, но если бы был получен такой козырь, то все сомнения были бы опровергнуты.**

Не менее интересно и «предупреждение» Тухачевского от 1931 г., за которое «Виктор Суворов» так сильно раскритиковал «стратега». «Суворов» быстро установил, что «стратег» с этим предупреждением попал впросак, ибо ни одна из тех стран, о которых он предостерегал, так и не напала на СССР. «Виктор Суворов» как всегда солгал.

Если открыть 2-й том «Очерков истории российской разведки» под редакцией академика Е. М. Примакова, то на странице 179 увидим, что уже «в начале 1931 г. внешняя разведка, ссылаясь на свои источники в Париже, Берлине, Варшаве, докладывала руководству страны, что французское правительство готово предоставить Германии заем в 2–3 миллиарда золотых франков с тем, чтобы оказать на нее давление в вопросах советско-германских отношений и пересмотре условий Рапалльского договора».

В середине 1931 г. разведка докладывала о тяжелом экономическом положении, сложившемся в Германии, и о готовности главы германского правительства Брюнинга поехать в Париж и принять помощь на предлагаемых Францией условиях. Между тем речь шла о принуждении Германии к отказу от Рапалло и особенно от пролонгации советско-германского договора о ненападении и нейтралитете от 24 апреля 1926 г., 5-летний срок которого как раз и истек весной 1931 г. Более того, по-прежнему оставался на повестке дня вопрос о создании объединенной паневропейской армии по франко-германскому плану Фоша — Рехберга, ударная роль в которой отводилась именно рейхсверу. А рейхсвер в те годы был решающей политической силой — как говорил военный министр Германии

Вильгельм Тренер в 1930 г., «в политической жизни Германии не должен быть сдвинут ни один камень без того, чтобы рейхсвер не сказал бы своего решающего слова».

Вот «стратег» и решил предупредить господ генералов о том, что в Москве прекрасно знают обо всех франко-германских переговорах, и поэтому в том предупреждении нет ни слова о Германии. И лишь по той простой причине, что объективно это совпадало с интересами самого СССР, инициативное предупреждение-извещение «стратега» осталось без последствий, в т. ч. и без правки Сталина, как в 1935 г. Но не осталось незамеченным...

В то же время «стратег» очень чутко реагировал на всевозможные пожелания дорогих его сердцу германских генералов. Так, в конце ноября 1931 г. советская военная разведка зафиксировала следующее пожелание рейхсвера: ***«При нападении Польши на Восточную Пруссию мы заинтересованы, чтобы русские смогли быстро перебросить свои войска на западную границу, с тем, чтобы отвлечь от Германии польские военные силы».*** И вот в начале 1932 г. «стратег» по собственной инициативе разрабатывает подробный план разгрома Польши.

Наконец, еще в первой главе этого раздела было проанализировано предупреждение 1935 г., т. е. история с правками статьи «Военные планы современной Германии».

Обо всех этих нюансах, имеющих едва ли не решающее значение при анализе действий Тухачевского на протяжении многих лет, «Виктор Суворов» не посмел нам рассказать — он утверждает, что Сталин правильно поставил к стенке некомпетентного маршала за глупости. Нет, не глупости то были, а самые что ни на есть серьезные провокации, с дальним прицелом и колоссальными негативными последствиями. И не за то его поставили к стенке — даже при утверждаемом всевластии Сталина необходимо было и в следственном, и в судебном порядке доказать вину. А вину «агентуры влияния», тем более стратегического военно-политического влияния, чрезвычайно трудно доказать, в т. ч. и по соображениям секретности. **К стенке его поставили за непосредственную попытку государственного переворота.**

...В конце 20-х годов — возможно в начале 1930 г. (точную дату установить не удалось), произошел один интересный для истории

германской военной разведки случай.

Бывший глава германской военной разведки во время Первой мировой войны Вальтер Николаи долгое время хранил свои — уникальные архивы (48 тысяч досье и картотека агентуры) в имении своего близкого знакомого, землевладельца в Восточной Пруссии.

Когда Альфред Гугенберг предложил ему хорошее хранилище в Берлине, Николаи согласился и стал перевозить свои архивы. И вот во время перевозки этих архивов бесследно исчезло более 3 тысяч досье. Впоследствии это объясняли тем, что некий бельгийский профессор Бюллюс выкрал их для бельгийской разведки?!

Однако если бельгийская контрразведка на тот период еще что-то значила в мире спецслужб, то вот что такое бельгийская разведка в те времена, вряд ли ответили бы даже профессионалы «невидимого фронта». Не тот размах. Если исходить из принятой в Германии системы секретного делопроизводства, это означает, что некто Бюллюс смог выкрасть от полумиллиона до миллиона страниц секретнейшего содержания (в среднем досье от 150 до 350 страниц).

Судя по всему, этот размах чисто российский — и не потому ли вся «ленинская гвардия» и «выдающаяся плеяда полководцев» кололись на следствии в Лубянке, что им предъявляли их же досье из архивов германской разведки?

Такой прием неоднократно применялся, в т. ч. и в разведке. Так, в 1939 г. после присоединения Западной Украины к СССР в одной из львовских тюрем был обнаружен бывший польский разведчик-нелегал Сосновский, который до середины 30-х годов работал в Германии, а после провала был обменян на германскую агентуру, арестованную в Польше, и опять брошен за решетку.

Сосновский чрезвычайно много знал, но длительное время не хотел что-либо говорить либо говорил далеко не все. И вот чтобы его разговорить и в полной мере «освежить» его память, отбив ему охоту врать, работавшие с ним выдающиеся асы советской разведки Василий Зарубин и Зоя Воскресенская использовали следующий прием: они стали каждый раз уличать Сосновского в неточности, используя материалы, полученные в свое время от агента в гестапо «Брайтенбаха», который и вел дело Сосновского в Германии. Сосновский всякий раз оказывался уличённым либо в неточностях, либо во лжи, причем даже в таких мелочах, о которых он и думать-

то забыл. В конце концов он вынужден был признать высочайший профессионализм советских разведчиков и заговорил уже честно и подробно, принеся колоссальную пользу советской внешней разведке.

А почему такого же не могло быть и в ходе следствия по делам 1937–1938 гг.? ...

Вместо эпилога

Понимающему — достаточно!

Древнеримская пословица

Чем отличается ум от мудрости? В не лишенной юмора трактовке ум всегда найдет выход из безвыходного положения, мудрость же никогда не позволит себе роскоши в нем оказаться.

У ориентированного на совершение государственного переворота с последующим установлением военной диктатуры в России (тогда СССР) заговора части советских высоко доставленных военных во главе с маршалом Тухачевским как у ключевого компонента военно-геополитического заговора, преследовавшего цель создания альянса военных диктатур Берлин — Москва — Токио, не было никаких шансов избежать провала.

Потому как не было ни ума, ни мудрости, чтобы не игнорировать Высший Закон Высшей Мировой Геополитики и Политики — ведь исстари же известно, что «*Dura lex, Sed lex!*» («Закон суров, но это закон!»), — который с древнейших времен гласит: **вне какой-либо зависимости от целей и причин ее обретения, монополия пути сообщения уже самим фактом своего появления безальтернативно принуждает к автоматическому установлению своей монополии заселения, но именно теми способами, которыми была достигнута первая. В то же время в абсолютно равной степени монополия заселения в прямой зависимости от целей и причин ее утверждения самим этим фактом не менее безальтернативно принуждает к установлению своей монополии пути сообщения именно теми способами, которые безусловно гарантируют безусловную незыблемость монополии заселения, а также достижение целей, ею преследуемых.**

Тот самый Закон, над которым никто и ничто не властен, но под его сенью протекает вся история человечества. Его неумолимо суровая логика — в генетике основных геополитических инстинктов всех государств мира, тем более великих держав. Он может снести с лица земли любые империи и иные государственные образования и народы,

и даже эпохи, но может в то же время и привести к образованию новых империй, новых государств, новых их коалиций и даже положить начало новым эпохам в мировой цивилизации.

Воистину нужна высшая мудрость, чтобы хотя бы на уровне державно-геополитических инстинктов заблаговременно почуять, пускай даже и чисто интуитивно, что у этого закона есть одна, до чрезвычайности страшная особенность: с тех же самых незапамятных времен его читают как справа налево, так и слева направо, как с конца и до начала в порядке обратной логики, так и наоборот, причем вне какой-либо зависимости от какой бы то ни было системы письменности.

Но как только в Высшей Мировой Геополитике и Политике этот закон начинают читать именно так, то человечеству неизбежно гарантированы особо трагичные, кровавые последствия. А если к тому же от слишком вольного в своей корысти «прочтения» переходят к «делу», то в таком случае чрезвычайные, вплоть до масштабов тектонического характера, последствия социально-экономических и политических потрясений и катаклизмов настолько неизбежны, насколько неизбежны ожесточенные, кровавые столкновения сил, порождающих спецификой своего корыстного «прочтения» неизбежность таких последствий, с силами, вынужденными противостоять неизбежности таких последствий.

...Классическим проявлением этого закона в истории и современности является арабо-израильский конфликт, особенно его сердцевина — палестино-израильский конфликт.

Выстроивший современный Израиль политический сионизм пришел в Палестину под лозунгом «Народу без земли — Землю без народа». Хотели ли, планировали ли такой конечный результат сами лидеры сионизма, это уже давно перестало что-либо значить, потому как одним только фактом этого лозунга в действие пришел жестокий, жизнедробильный механизм Высшего Закона, и беспрецедентность кровопролития на Ближнем Востоке оказалась гарантирована, как выходит, на века. Потому что лидеры «народа без земли» самим фактом такого лозунга открыто обозначили задачу ликвидации монополии тысячелетнего заселения палестинцев вместе с их автоматически сложившейся тысячелетней монополией пути сообщения на этих же землях.

Классикой этого проявления Закона является то обстоятельство, что даже поиски мира ведутся также в рамках его логики. Особенно со стороны палестинцев — «Мир в обмен на земли!», чем только еще жестче гарантируют «стабильность» кровопролития. Потому как этого принять не может уже само израильское государство, потому что это означало бы уже ликвидацию сложившейся за XX век монополии израильского заселения с автоматически же установленной израильской монополией пути сообщения.

И какой бы вариант решения проблемы ни пытались рассматривать обе стороны, открыто продиктованное логикой закона ожесточение дошло уже до такой степени, что конца этому трагическому кровопролитию попросту не будет. Во всяком случае до тех пор, пока не иссякнут демографические ресурсы одной из сторон и в результате не ослабнет либо монополия заселения, либо стремление к ее захвату. Потому что, как это ни печально, но при любом варианте одна из сторон всенепременно посчитает себя явно ущемленной, а результатом будет опять кровь невинных людей.

Таковы же и все т. н. межэтнические и этноконфессиональные конфликты, в т. ч. и на постсоветском и постюгославском пространствах, в сути которых нет абсолютно ничего от этносов в них участвующих, кроме как человеческих жертв, ни от религий, ими исповедуемых, кроме жертв, приносимых на алтарь религиозного фанатизма. Зато налицо и в избытке глубинные геополитические причины, как правило, из арсенала ожесточенного противоборства по оси Запад — Восток.

Обладает кровавой «классикой» и история России, особенно XX века. Нападение гитлеровской Германии на Россию (тогда СССР) в геополитических дефинициях означало: нацистам необходим был «лебенсraum» («жизненное пространство»), свободный от недочеловеков. Но при всем при этом в одинаковой, если не в большей степени в действиях Гитлера играла роль и логика первой части Высшего Закона — об установлении своей монополии пути сообщения на Восток, что только до крайности обострило все и без того до чрезвычайности кровавые последствия агрессии.

В целом же следует отметить, что с тех же незапамятных времен Высший Закон Высшей Мировой Геополитики и Политики

обладает мириадами форм проявления в любых областях политики, экономики, финансов, военного дела, транспорта, социальной и повседневной жизни каждого отдельно взятого индивидуума или целого общества, не говоря уже о его уникальнейшей особенности проявлять эти же мириады в комплексе, вследствие чего и без того кроваво-трагические последствия усугубляются до запредельности.

В блестящем аналитическом историко-публицистическом эссе «Триумф и Трагедия Эразма Роттердамского» Стефан Цвейг (кстати говоря, близкий друг Карла Хаусхофера) чрезвычайно точно определил эту уникальнейшую особенность действием следующей «триады»: «Когда национальное и социальное объединяются ненавистью религиозного экстаза, и возникают подземные толчки чудовищной силы, потрясающие мир...»

Вся история человечества, особенно ее главная составляющая — история бесчисленных войн, т. н. «революций, движений, восстаний», заговоров, неоднократно зафиксированного «белого» и «красного» геноцида различных народов (ассимиляция, в т. ч. и насильственная, и непосредственное физическое уничтожение) и т. п. — ярчайшее тому доказательство.

Именно этой «триадой», в частности, дважды за один век разрушали Россию — сначала ту, царскую, потом советскую...

Такие трагические последствия проявления Высшего Закона Высшей Мировой Геополитики и Политики обусловлены прежде всего логикой жизнедробильного механизма, которая порождает также и абсолютно непримиримое, основополагающее противоречие между Западом и Востоком, прежде всего между англосаксонским Западом и Россией, как единственной в мире единой, подлинно трансконтинентальной евразийской державой. И дело тут в следующем.

В целом Запад складывался в прочные государственные образования (а также коалиции из них — например, англо-французская времен Крымской войны 1853–1856 гг., или НАТО в XX веке) в рамках логики первой части Высшего Закона, т. е. в основном от установления вооруженным путем своей монополии пути сообщения и заселения. Восток же прошел свой путь принципиально иначе, особенно на последнем, финишном этапе 2-го тысячелетия от Рождества Христова, т. е. в XX веке. Он институционализировался в прочные

государственные образования в рамках логики второй части этого же Закона, т. е. от утверждения, в т. ч. и вооруженным путем, своей монополии заселения на своей же территории к отстаиванию, в т. ч. также вооруженным путем, своей монополии пути сообщения на своей территории.

...Классикой в этом смысле со стороны Запада является история строительства Великобритании и особенно ее империи. Вовне — многовековая, свирепо-ожесточеннейшая, особо коварная борьба с окружающим миром за установление своей абсолютной морской гегемонии, внутри — варварская свирепость насильственного насаждения протестантизма и перехода к капитализму, особенно в части, касающейся утверждения частной собственности на землю, в результате чего не только физически была уничтожена одна десятая тогдашнего населения Англии, но и на длительное время был предрешен отрицательный демографический рост в стране, вплоть до конца XVIII века.

Логика первой части Высшего Закона настолько прочно въелась в саму генетику государственного самосознания Запада, особенно его крупнейших государств, что даже в самых мирных, казалось бы, явлениях она полновластно проявляет себя. Объединение Германии под конец XIX века происходило, например, в строгом соответствии именно с ней — поглощение Западной Германией Восточной было осуществлено именно как установление своей монополии пути сообщения на территории всего ареала послевоенного компактного проживания германского народа, своего рода мирный «дранг нах Остен».

Классикой же пути Востока можно и нужно считать исторический путь России. В переводе на язык принципиальных геополитических дефиниций Высшего Закона это означает: от отстаивания вооруженным путем своего права на жизнь через утверждение, в основном также вооруженным путем, своей же монополии заселения, как непосредственной гарантии от физического уничтожения, консолидированное стремление к чему Запад стал демонстрировать едва только началось 2-е тысячелетие от Рождества Христова (первая серьезная агрессия произошла уже в 1018 г.),^[40] к формированию своей государственности как прямому

воплощению своего же права на свою же монополию пути сообщения в пределах границ действия своей же монополии заселения.^[41]

Не случайно поэтому, что у истоков зарождения Русского централизованного государства, а протекают они из победы русского воинства в Куликовской битве 1380 г., самое отчаянное вооруженное сопротивление неизбежному зарождению русской государственности оказал именно Запад. Еще за 176 лет до этого Запад уже уразумел магистральный вектор развития Руси, объявив ей в 1204 г. крестовый поход. На Куликовом поле вместе с Мамаем в битве участвовала и генуэзская пехота, как представитель объединенного антирусского фронта Запада, простиравшегося тогда от Балтийского до Черного моря (на севере — шведы и крестоносцы, в центре — поляки, Литва и крестоносцы, на юге — Мамай).

Соображениями именно безопасности монополии заселения основного, государствообразующего (русского) народа и было продиктовано как само создание Русского централизованного государства, так и его последующее движение вишь по всем азимутам, вплоть до естественных преград — морей, океанов, горных хребтов или же до границ ареалов иных миров и цивилизаций. Но именно потому, что это движение вишь практически всегда было продиктовано соображениями именно безопасности, потому-то Россия, в отличие от великих держав Запада, и довела до 3-го тысячелетия все те народы, которые по разным причинам и разными же путями были интегрированы в ее состав...

И если теперь все эти принципиальные геополитические схемы свести к одному знаменателю, то получим то самое основополагающее противоречие между Западом и Востоком: в то время как в основе созидания Запада лежит именно **Агрессия**, она же и фактор его бытия в целом, то в основе процветания и бытия Востока, особенно континентального — **Безопасность**.

Вот почему сам Маккиндер еще в самом начале XX века откровенно предупредил правящую элиту Великобритании и Запада, что никакая социальная революция не сможет изменить отношение России к великим географическим границам ее существования, потому как они абсолютно тождественны понятию безопасности ее бытия вообще, а не только как государства — следовательно, и возможности процветания.

Вовсе не случайно, что именно певец британского империализма Редьярд Киплинг, указывая в поэтической форме на непреложность того факта, что «Запад есть Запад», а «Восток есть Восток», особо подчеркнул, что «и с мест они не сойдут».

Уж слишком принципиально это различие **между Агрессией и Безопасностью!** От того-то тот же Киплинг далее и подчеркнул, что «пока не предстанет небо с землей на страшный Господень суд».

Тем более не случайно, что представитель классического ядра Атлантического Центра Силы (т. е. Запада) — Великобритании, государства, прошедшего столь классический путь созидания себя и своей империи в рамках логики первой части Высшего Закона, — Норман Энджел с полным на то основанием прямо указал, что всем смыслом существования «баланса сил» по-британски, а следовательно, и всем смыслом существования «старой доброй» Великобритании является именно Агрессия. Причем агрессия, как упреждающий выпад, как якобы превентивная, защитная мера. Именно поэтому едва лишь на горизонте мировой геополитики и политики еще расплывчато начинают проявляться смутные контуры могущего, в гипотетическом будущем, вырисоваться намек даже на призрачную угрозу «балансу сил», Великобритания обрушивается на эту тень призрака всей мощью коварства своей агрессии и не успокаивается до тех пор, пока не останется даже и призрака от тени на тень.

Любопытно, что незадолго до разгрома заговора выдающийся защитник интересов Великобритании и Британской империи Уинстон Черчилль так объяснял советскому послу в Лондоне суть агрессии по-британски. По его словам, начиная со времен Генриха VIII и Елизаветы Англия всегда боролась против той державы на континенте, которая становилась слишком могущественной, и не успокаивалась до тех пор, пока эта держава не была разгромлена. И хотя Англия постоянно имела возможность заключить выгодную сделку с гегемоном континента, политика «дальнего прицела» неизменно побеждала.

Вот одно из основных слагаемых наиглавнейшей причины изначальной предрешенности неизбежного провала двойного (и особенно тройного) заговора. Потому что проигнорировав Высший Закон Высшей Мировой Геополитики и Политики, заговорщики, особенно российские, оперировали в своих геополитических

«пасьянсах» не имеющей аналогов в мире непреходящей геополитической и геостратегической ценностью единой трансконтинентальной евразийской территории России, которую планировали использовать как разменную монету.

Именно в этой точке, по причине совершенно очевидной угрозы нарушения «баланса сил», произошло парадоксальное, но тем не менее геополитически вполне логичное, временное совпадение высших геополитических интересов Лондона и Москвы, приведшее к тому самому главному парадоксу, с которого и началась эта книга — к тому, что именно британская разведка, хотя и с чужого плацдарма, чужими руками и под чужим флагом, но тем не менее оказала серьезное содействие Сталину в разоблачении заговора Тухачевского.

Потому что если в понимании наиболее прозорливых политических деятелей той же Великобритании (например, У. Черчилля) тот, «кто готов ограничиться концепцией «западной безопасности», тот развязывает Германии руки не против большевизма (СССР сейчас достаточно силен для того, чтобы отстоять себя от атаки со стороны Германии), а для создания «Серединной Европы», от Северного и Балтийского морей до Средиземного...» «Серединная Европа» означала бы смерть для Британской империи». В любом из этих вариантов Западу, особенно Великобритании, грозила перспектива лишиться империи, но в то же время, хотя и без колоний, однако живой осталась бы сама метрополия, а вот для России это означало бы смерть и как государства, и как страны. Ведь отводившаяся ей решающе ключевая роль «главного коренника», в случае успехов заговора, превратила бы ее в бесправного «двуликого Януса». С одной стороны, она становилась «свободным тылом», который обеспечивал бы Германии и Японии свободу экспансии на интересующих их направлениях, причем «свобода» такого тыла должна была гарантироваться колоссальными территориальными уступками. С другой стороны, превращалась в «дойную корову» для бедных ресурсами союзников (особенно Японии).

Не случайно поэтому, что участники и военного, и более широкого правотроцкистского заговоров вели переговоры (в основном через Троцкого) о колоссальных территориальных уступках своим контрапартнерам по глобальному военно-геополитическому заговору: Германии планировали отдать Украину, Японии — Дальний Восток,

особенно Сахалин с его нефтяными запасами, столь необходимыми ВМФ Японии для экспансии, а также Сибирь вместе со всеми их природными и иными богатствами.

Однако в этом временном совпадении высших интересов Великобритании и СССР содержался на первый взгляд парадокс, а на самом деле вполне логичный для Великобритании геополитический подход к возникшей угрозе с позиций коварной агрессии — именно такой геополитической смерти для СССР и как государства, и как страны, смерти, которая многократно, вплоть до непреодолимости, умножила бы силы и без того на антибританской основе союзничавших Германии и Японии, Великобритания категорически не могла допустить.

Что толку, если вместо столь ненавистой России (СССР) появятся мощные Германия и Япония с «дойной коровой» в лице той же России, да еще и при возможности глобального маневра силами и средствами через ее трансконтинентальную евразийскую территорию. Перспектива гибели империи очевидна. А «старой доброй» Англии нужно было совсем иное — чтобы те же Германия и Япония растерзали Россию в вооруженном столкновении. Ведь Великобритания с нетерпением ждала войны не позднее 1938 г., чтобы затем обессиленных в кровавой драке Германию и Японию подчинить себе, а у ослабленной России взять сколько заблагорассудится. Тот же Черчилль даже во время войны, уже пребывая в союзнических отношениях с Москвой в рамках антигитлеровской коалиции, еще в 1942 г. отнюдь не скрывал настроений высшего эшелона правящей элиты Великобритании, подчеркнув, что он предпочел бы видеть германскую армию в гробу, а Россию — на хирургическом столе!

Правда, до этого, в страхе за судьбу своей чертовой Великобритании, тот же Черчилль держал перед Сталиным совсем иные речи: «Направленной против нас коалиции Германии, России и Японии — вот чего мы опасались больше всего». А давно понявший этот патологический страх Великобритании Сталин искусной игрой буквально загнал Лондон, а затем и Вашингтон в положение союзников Москвы против их же геополитической воли.

Сам факт, хотя и временного, хотя и частичного, однако на несколько исторических мгновений все-таки и объективного совпадения высших геополитических интересов самой

Великобритании с интересами России (СССР), в итоге вылился в историческое явление: **при абсолютно диаметрально противоположных мотивах и преследуемых целях, вследствие вытекающей из высшего закона геополитической закономерности, позволяющей иногда, хотя бы на несколько исторических мгновений, всего лишь снизить остроту основополагающего, исторически непримиримого противоречия между Западом и Востоком, это кратковременное, частичное и коварно агрессивное, со стороны Великобритании, совпадение высших интересов двух держав привело к тому, что у обоих момент истины в осознании смертельной опасности тройного заговора настал практически одновременно — осенью 1936 г.!**

В предыдущих главах уже много говорилось о том, что делали Великобритания и её разведка, так что остается лишь напомнить квинтэссенцию ее действия по заваливанию заговора военных.

Осенью 1936 г. Канарису была дана «отмашка» — судя по всему, по каналу Мензис — фон Треек, — и именно тогда же «хитроумный грек» через весьма предусмотрительно подставленного чехословацкой военной разведке майора абвера Пауля Тюммеля (агент А-54) стал осторожно «сливать» достоверную информацию о заговоре советских военных Праге, заведомо зная, что через Бенеша она достигнет и Сталина — главного конечного адресата информации. Особо важно подчеркнуть, что весь процесс «резэкспорта» информации через Чехословакию контролировался британской разведкой на всех этапах. В Праге — через регионального резидента СИС майора Гарольда Гибсона, в Лондоне — через канал Уинтерботэм — де Ропп, в Москве — через очень ценного агента, имевшего доступ к высшему руководству страны (только в 1940 г. его наконец «завалил» один из блестящих агентов «кэмбриджской пятерки» — Энтони Блант), в Париже — также через очень ценного агента № 178, он же Дмитрий Навашин, — видного российского масона еще с дореволюционных времен, и негласного банкира Троцкого, тесно связанного с руководством советской разведки и дипломатии (Навашин был очень близок и с Артузовым, и с Литвиновым).

На редкость «своевременно» — 25 января 1937 г. — Навашина отправили к праотцам. Но вот что важно — вопреки традиционной склонности эмигрантов все списывать на «длинную руку» НКВД,

родственники Навашина категорически отвергали даже тень намека на эту версию, но в то же время глухо ссылались на некий «европейский след». Не менее удивительно и то, что практически одновременно с его убийством на тот же свет был отправлен и британский разведчик Виктор Лич, который в свое время завербовал Навашина.

Как уже было указано выше, и у Сталина момент истины наступил также осенью 1936 г. — именно тогда маховик механизма разгрома заговора военных (да и в целом внутренней оппозиции) стал ускоренно набирать обороты. Именно с конца лета, но в основном с наступлением осени 1936 г. начались аресты лиц из ближайшего окружения Тухачевского — Шмидта, Примакова, Путны и других. Осенью же 1936 г. была произведена замена руководства НКВД СССР — Ягоду сменил Ежов, официально вступивший в должность наркома 1 октября 1936 г. Тогда же немедленно последовали приказы нелегальным резидентурам, особенно во Франции, о срочном негласном изъятии секретных архивов Троцкого — первая их партия прибыла в Москву уже в самом конце 1936 г.

Кстати говоря, весьма оригинально с архивами подыграла и британская разведка. Дело в том, что у бывшей любовницы Горького, тесно связанной с британской, а также и с советской разведками, знаменитой по тем годам Марии Будберг-Бенкендорф долгое время хранился архив переписки писателя со многими видными деятелями СССР и эмиграции. Длительное время Мура — так ее звали при жизни — категорически отказывалась отдавать эти архивы Москве, ссылаясь на категорический запрет самого Горького. Но как только его не стало, то к осени 1936 г. архив был уже у Сталина. Между тем компромат там содержался чрезвычайный. Но что самое интересное, так это то, что убедил Муру отдать этот архив Сталину не кто иной, как британский разведчик Роберт Брюс Локкарт!

Ну и, конечно, особое значение имеет свидетельство В. М. Молотова, который в одной из бесед с писателем Ф. Чуевым заявил, что начиная со второй половины 1936 г., т. е., по сути дела, с той же самой осени 1936 г., Тухачевский стал торопить с переворотом. А это, в свою очередь, означает, что Сталин и так уже обладал достаточной информацией о заговоре, иначе ни о какой, даже приблизительной фиксации периода в целом, когда «стратег» вдруг начал торопить с переворотом, не могло бы быть и речи.

...В этой связи нельзя не упомянуть, хотя бы вкратце, о некоторых агентах и сотрудниках разведки, которые внесли весомый вклад в разгром заговора.

Это и австрийская графиня и коммунистка Рут фон Майенбург из военной разведки, которая в период с 1934 по 1938 г. выполнила серию ответственных заданий ГРУ в Европе и к 1938 г. была уже полковником РККА (всего за четыре года!). Рут фон Майенбург сумела внедриться в оппозиционно настроенные круги вермахта, прежде всего благодаря близкой дружбе с генералом фон Гаммерштейн-Эквордом. Ценность добывавшейся «красной графиней» информации была настолько велика, что она удостоилась личной благодарности наркома обороны Ворошилова. Да и сам факт того, что за четыре года она «доросла» до звания полковника, тоже о многом говорит: запросто так в разведке звания не присваивают!

Это и дочери самого генерала фон Гаммерштейн-Экворда: Хельга и Мария Луиза, которые вначале были информаторами разведывательного аппарата Компартии Германии, а затем стали сотрудничать и с разведкой.

Это и другой информатор разведаппарата КППГ — саксонский аристократ, бывший офицер, сохранивший связи в военных кругах Арнольд Фит фон Гольсенау (впоследствии стал известен как писатель Людвиг Ренн).

Это и работавший по Германии и Австрии агент ГРУ под псевдонимом «Эльза» (идентифицировать имя по литературе не представилось возможным) — известно, что добывавшаяся ею ценнейшая информация наверх «почему-то» не докладывалась, причем самый последний доклад «Эльзы», представленный буквально накануне разгрома и ареста руководства заговора, также не был доложен ни Ворошилову, ни Сталину, а с самой «Эльзой» почти на год «потеряли» связь, хотя все это время она находилась в Москве.

Это же и дочь американского посла в Берлине — Марта Додд, ценность которой с точки зрения разоблачения заговора заключалась в том, что ее отец — Уильям Додд, посол США в нацистской Германии, — поддерживал неплохие личные отношения с ближайшим соратником Гитлера Эрнстом Ханфштенглем по кличке «Путци», впоследствии эмигрировавшим в США и ставшим советником президента Рузвельта. Кстати говоря, эмигрировал он именно после

начала провала заговора военных. Как выясняется из зарубежных материалов, обвинение, которое бросил Сталин в адрес Тухачевского в связи с тем, что тот передал немцам мобилизационный план, было связано именно с Ханфиштенглем. Надо обратить внимание на следующее обстоятельство: Сталин заявил об этом 2 июня 1937 г. на расширенном заседании Военного совета при наркомате обороны, а о том, что именно Ханфиштенглю Тухачевский передал советский мобилизационный план за рубежом, широко стало известно только из статьи «Что же происходит в России?», опубликованной в газете «Эко де Пари» 30 августа 1937 г. Между тем ушедшему на Запад 17 июля 1937 г. предателю И.

Рейссу еще тогда, когда он вроде был на посту, уже давалось задание изыскать возможность для вступления в контакт с Ханфиштенглем, на что будущий предатель заявил, что он не намерен делать глупости. А это означает, что у Сталина были данные о том, что факт передачи советского мобилизационного плана немцам имел место. Более того, учитывая, что сам Сталин имени Ханфиштенгля в своем выступлении не назвал и к тому же все списал на рейхсвер, фактически свидетельствует в пользу того, что у него действительно были агентурные данные, которые он вынужден был зашифровывать. Кроме того, если учесть, что Рейссу давалось поручение изыскать возможность для вступления в контакт с Ханфиштенглем, то помимо возможности для вполне обоснованного утверждения о том, что источником первоначальной информации на эту тему была именно же Марта Додд, это еще и основание для следующего вывода: во-первых, выдан был мобилизационный план на 1936/37 г., во-вторых, именно с фактом наличия этого плана у германских военных связаны те самые «удивительные» командно-штабные учения вермахта, на которых Минск был «взят» на пятый день после начала агрессии! Кстати говоря, с августа 1937 г. новый начальник Генштаба Б. М. Шапошиков немедленно занялся разработкой нового мобилизационного плана.

Это и широко известный ныне «наш человек в гестапо» — агент «Брайтенбах», он же Вилли Леман и выдающийся ас советской нелегальной разведки, впоследствии генерал-майор Василий Михайлович Зарубин, у которого «Брайтенбах» был на связи. Этот аспект их совместной деятельности никак, даже вполслова не

упоминается ни в одной из публикаций. Но ведь «Брайтенбах» был одним из наиболее ценных агентов советской разведки в Германии того времени, а его информация всегда охватывала столь широчайший круг вопросов — от проблем внешней политики, милитаризации, новых видов вооружений до чисто разведывательных и контрразведывательных вопросов, — что такое явное умолчание вклада этого агента в разгром заговора наводит на размышления. И вот почему. Когда в марте 1935 г. по разведывательным каналам промелькнул слух о возможном возвращении знаменитого Вальтера Николаи в абвер, то едва только принявший «Брайтенбаха» на связь Зарубин первым долгом поставил ему задачу срочной проверки реальности этого слуха. Не надо быть профессионалом разведки, чтобы уяснить простую истину, что при всей своей важности этот слух по сравнению со слухами и просто данными о назревающем заговоре не более чем мелочь. И что же, «Брайтенбаха» никак не использовали в проверке данных о заговоре, тем более, если учесть его высокое положение именно в том отделе IV управления РСХА, которое отвечало за контрразведывательное обеспечение и ВПК, и военного руководства Германии, не говоря уже о его широких дружеских связях в абвере? Это исключено, потому как таких агентов как раз и используют в таких делах. Я уж не говорю о том, что сам «Брайтенбах» был великолепным асом контрразведки, чтобы самостоятельно понимать, что интересует Москву. Более того, В. М. Зарубин выехал из Германии в конце марта 1937 г., а уже в мае того же года был награжден орденом Красного Знамени, не так уж и часто в те годы выдававшимся, тем более разведчикам. Нет никаких сомнений, что и в то тяжеленное время этот выдающийся разведчик и патриот своей Родины совершенно заслуженно получил свою высокую награду, но если исходить из широко известных фактов, например: времени его работы в Германии — с марта 1935 по март 1937 г., кураторства над агентом «Брайтенбах», времени отъезда из Германии — март 1937 г., времени награждения высокой правительственной наградой — май 1937 г. и, наконец, из ничем не мотивированных попыток некоторых антисталинистов привязать Зарубина к «миссии Канделаки», то получается, что более не с чем идентифицировать мотивировку реляции к награде, кроме как его,

Зарубина (вместе с «Брайтенбахом»), вкладом в разгром заговора военных.

Это же, конечно, и злостно опороченный генерал Николай Скоблин, он же «Фермер» (ранее ЕЖ-13) — руководитель разведки и контрразведки Российского Общевоинского Союза (РОВС).

Это и А-270 — австрийский барон Курт Позаннер, профессиональный разведчик, руководящий сотрудник разведки НС ДАН, одним из первых сообщивший о заговоре. Это и его агент «Сюрприз» — австрийский военный разведчик Адольф Хайровский.

Это и Винцент Антонович Илинич, также одним из первых сообщивший о заговоре.

Это и генерал П. П. Дьяконов, имевший прямые выходы на высшее руководство вооруженных сил и спецслужб Франции, особенно Второго бюро Генштаба, а также располагавший широкими связями в русской эмиграции в Европе, особенно среди бывших военнослужащих царской армии.

Это и агенты советской разведки в непосредственном ближайшем окружении самого президента Чехословакии Бенеша — Людмила Каспарикова и Яромир Смутный.

Это же и доблестный представитель «кэмбриджской пятерки» — Дональд Маклин, имевший прямой доступ ко многим материалам британского МИДа, в том числе и по германской тематике.

Это и многие, многие другие агенты и сотрудники советской разведки, своевременно добывавшие и передававшие в Москву сведения о заговоре. И конечно же, агентура контрразведывательных органов госбезопасности СССР, о которой в принципе достаточно известно из ряда публикаций.

Конечно, как бы ни хотелось все рассказать, но в рамках одной книге это сделать нереально. Однако на фигуре одного из тех, чье имя вообще никогда не увязывалось с разоблачением заговора военных, хотелось бы задержать внимание.

Речь идет о выдающемся патриоте России, знаменитом военном разведчике еще с царских времен, Генерального штаба генерал-майоре (с 15.07.1916), генерал-лейтенанте Советской армии — графе Алексее Алексеевиче Игнатьеве, до октября 1917 г. являвшемся военным агентом России во Франции.

Дело в том, что Алексей Алексеевич и его младший брат — Павел Алексеевич — также профессиональный разведчик, по личному приказу Николая II занимались с 1915 г. тщательным расследованием обстоятельств активно инспирировавшихся за рубежом слухов о сепаратных переговорах между Германией и Россией, о готовящемся «дворцовом перевороте» прогерманского толка, о грядущей революции под германским патронажем и т. п.

Братья Игнатьевы, как истинные патриоты России, проделали тогда огромную работу и очень многое смогли установить достоверно. И не их вина, что добытая ими информация не пошла на пользу России.^[42]

Но что интересно: после октябрьского переворота Алексей Алексеевич перешел на сторону большевиков и в 1924 г. — обратите внимание, после смерти Ленина — передал в распоряжение СССР все банковские счета и лежавшие на них немалые валютные средства, а сам остался работать в советском торгпредстве в Париже. Павел Алексеевич и вовсе остался жить в эмиграции (умер в 1930 г.).

Однако в руках у братьев остались практически все нити агентурных и иных оперативных контактов и связей для негласного наблюдения за действиями германской разведки и тайных обществ, а также их агентуры против России. В 1937 г. Алексей Алексеевич возвратился в СССР и из сотрудников торгпредства, несмотря на 60-летний возраст, был зачислен на действительную военную службу инспектором по иностранным языкам Управления военно-учебных заведений РККА.

Почему именно в 1937 г. он возвратился в СССР? Не боясь, хотя за рубежом уже в массовом порядке гуляли всевозможные слухи и сплетни об арестах в Москве? Почему его, уже достигшего 60-летнего возраста, зачислили на действительную военную службу, в то время когда из РККА увольняли куда более молодых? Из одной радиопередачи от 9 мая 2002 г. по случаю Дня Победы случайно выяснилось, что Игнатьев был очень близок к Сталину и мог обращаться к нему напрямую. Кстати говоря, из бывших царских высших офицеров, к тому же разведчиков, он был второй, первый — маршал Б. М. Шапошников. И оба живыми и невредимыми пережили 1937 г., причем один впоследствии получил

звание маршала, другой — в 66-летнем возрасте — генерал-лейтенанта!

Так что же столько лет после революции делали высокопрофессиональные русские разведчики Алексей и Павел Игнатьевы, особенно Алексей? Судя по всему, они занимались активной разведывательной деятельностью, причем явно минуя все разведслужбы СССР, выходя прямиком на Сталина. Об обоих братьях длительное время был своеобразный заговор молчания. В лучшем случае о них, в основном об Алексее Алексеевиче, вспоминали только в связи с передачей им всех банковских счетов. Но именно факт умолчания — один из самых верных признаков, что они сыграли значительную роль в разоблачении заговора военных. Потому как подобный прием — негласное использование бывших сотрудников бывших спецслужб бывшего государства — вообще очень характерен для мира разведок, а для личной разведки Сталина — особенно. И вот еще что. Архив А. А. Игнатьева до сих пор находится в Париже на хранении у французского государства. Почему? Почему его хотя бы сейчас не заберут в Россию? Ведь Россия в порядке реституции отдала Франции десятки тонн архивных материалов масонских лож: и 2-го бюро Генштаба. Неужели нельзя поставить вопрос о возврате архива выдающегося патриота России? А может, все дело в том, что эти архивы крайне нежелательны для т. н. демократии? Похоже на то, потому что если посмотреть, как «оригинально» в России переиздается знаменитая книга А. А. Игнатьева «50 лет в строю», то поневоле придешь к такому выводу. А почему Сталин не репатриировал эти архивы — понятно: во избежание расшифровки агентуры и доверенных лиц Игнатьевых, которые продолжали работать, в т. ч. и на Сталина.

Однако уже в феврале 1937 г. традиционно русофобское коварство превентивной агрессии Великобритании одержало победу над временным совпадением, и «добрая старая» Англия с превеликим удовольствием разменяла и так уже предрешенный провал заговора вояк на экономическое умиротворение Гитлера за счет уже спроектированной будущей Мюнхенской сделки по сдаче в аренду Чехословакии в целях ускорения его нападения на СССР.

Сталин же в феврале 1937 г. провел Пленум ЦК ВКП(б), на котором впервые было озвучено, что в Кремле знают о заговоре военных и готовы со всей решимостью расправиться с заговорщиками.

Но, оказывается, и это еще не все. Далее произошло следующее: по мере приближения Великобритании к апогею момента истины, а СССР — по мере придания процессу разгрома заговора необратимого характера, без какого-либо сговора, совершенно случайно, но вполне объективно получился совместный англосоветский удар по США, причем во спасение США. Вот то самое заявление У. Черчилля, в котором он говорил об угрозе «Срединной Европы» высшим интересам Великобритании, относилось ведь не к британским поклонникам нацизма, а к президенту США. Потому как явилось прямой ответной реакцией У. Черчилля как персонифицированного выразителя настроений имперских сил на декабрьское 1936 г. заявление главы Белого дома Ф. Д. Рузвельта в Буэнос-Айресе о решимости США к обеспечению «коллективной обороны» западного полушария от эвентуального (превентивного) нападения из других регионов, имея в виду фашистские режимы.

Столь громким заявлением Черчилль бросил Соединенным Штатам в лице президента Рузвельта серьезное обвинение в стремлении добиться гибели Британской империи. (Тут он был прав, и все равно это произошло с предрешенной заранее неизбежностью, и монополия пути сообщения, или, как это принято говорить в Атлантическом Центре Силы, глобальная морская гегемония перешла к США.) Правящая элита Великобритании не пришла в восторг от рузвельтовских пассажей. Уже в январе 1937 г. в США появился тот самый специальный представитель британского правительства сэр Рэнсимен, а британский посол в Вашингтоне Линдсей на фоне его визита «докладывал» Госдепартаменту о том, что у Лондона с Парижем есть новый «совместный общий план действий по достижению полного соглашения с Берлином».

Заявление Рузвельта, очевидно, не только покорило имперскую гордость угасавшей от своих интриг бывшей «владычицы морей», но и явилось достаточно мощным катализатором в выработке проекта будущей Мюнхенской сделки, и с этим проектом Рэнсимен пожаловал в Вашингтон.

Однако в чем на самом деле глубинная, коренная причина срочного вояжа Рэнсимена в США, да еще и в ранге специального представителя британского премьер-министра? А она, оказывается, в том, что британская разведка прекрасно знала, кто главный вдохновитель и «дирижер» основных заговоров оппозиции в СССР, в первую очередь военного заговора. А что из себя представляет Троцкий с его прагматичным «германофильством» сугубо проамериканского толка, ей объяснять не надо было. Понимала она и то, что все эти геополитические игры с Германией и Японией, которые пытался организовать Троцкий, по большей части хитроумная ширма, потому как в итоге планировался прорыв американского капитала в Европу на плечах германо-советского «дюзта» в тройном заговоре. Короче говоря, выходило, что для Лондона получалась все та же гибель — что от гитлеровского варианта «Серединной Европы», что от варианта заговорщиков хоть по двойному, хоть по тройному заговору.

И без того на редкость невеселая перспектива омрачалась еще и тем, что вышеуказанную позицию Рузвельта, которую он изложил в своем выступлении в Буэнос-Айресе, поддерживали очень влиятельные силы континентальной Европы — крупнейшие масонские ложи и объединения Франции, Испании, Бельгии, Австрии, Дании, Люксембурга, Венгрии, Румынии, Чехословакии, всего 16 государств. То есть влиятельнейшие силы континентальной Европы солидаризовались с позицией Рузвельта о целесообразности гибели Британской империи.

Такая «солидарность» не могла привести Великобританию в восторг. Именно поэтому, прибыв в Вашингтон, Рэнсимен с порога ошарашил Рузвельта заявлением о том, что Лондон ждет войны не позднее 1938 г., и имея в виду содержащийся в его, Рэнсимена, уже явно выработанный на Даунинг-стрит проект будущей Мюнхенской сделки, стал выпытывать позицию главы Белого дома по различным вопросам европейской и дальневосточной политики. И вот при обсуждении дальневосточных вопросов Рэнсиму явным образом удалось изменить позицию США, как непосредственно по проблемам Дальнего Востока, так и Европы. К сожалению, по тем документальным данным, которые опубликовала Служба внешней разведки России в приложении к 3-му тому «Очерков истории российской внешней

разведки» очень трудно напрямую вычислить, как это удалось Рэнсиму, — одно только ясно, что Рузвельт явно неспроста столь подробно объяснял гостю из Лондона политику США на Дальнем Востоке. Однако, если сопоставить то, что опубликовала СВР — т. е. разъяснения Рузвельта — с тем, что затем практически незамедлительно последовало, можно с полным основанием уверенно говорить, что Рэнсимен раскрыл перед Рузвельтом тройной заговор, подав его дальневосточный сюжет как яро антиамериканский, склонив тем самым главу Белого дома к срочному «экономическому умиротворению» Японии сугубо в антисоветских целях при одновременном разъяснении, что примерно то же самое Великобритания проделает с Германией.

И вот как это выглядело (реконструкция): сначала Рузвельт заявляет, что **«в азиатской войне Америка останется нейтральной до тех пор, пока не будут задеты непосредственно американские интересы».**

Затем поясняет, что **«захват Японией крупной китайской территории без согласия Китая должен рассматриваться как нарушение американских интересов».**

А теперь посмотрите, что произошло буквально сразу же после этих слов: после такого «пояснения» Рузвельта, в том же 1937 г., точнее за оставшиеся в нем 11 месяцев (беседа происходила в конце января), американские поставки стратегического для ВПК Японии сырья возросли по сравнению с 1936 г. в среднем в 2–3 раза, а по отдельным позициям аж в 16 с лишним раз!

Если весь экспорт США в Японию в 1937 г. возрос по сравнению с 1936 г. на 41 %, то экспорт военных материалов — на 124 %, а в целом военные материалы заняли 53,5 % от общего объема экспорта. И Япония уже в ночь на 8 июля 1937 г. двинулась в агрессию, не просто захватывая китайские территории, но прямым прокладывая себе коридор на Север, в направлении СССР. И если в целом японские историки утверждают, что в тот момент «Америка находилась в положении, позволяющем определять судьбу японской экономики», ибо на долю США приходилось 33,6 % всего японского импорта, то вот в геополитическом раскладе именно США находились в том самом положении, позволявшем им определять азимут континентальной агрессии Японии в сторону СССР (через год — в 1938 г. — произойдет

уже первое вооруженное столкновение Японии с СССР) при условии, что правительство Японии возглавит сторонник германо-японского союза, антиатлантист и евразиец — принц Коноэ!

Статьи экспорта США 1936 в Японию	год 1936 (долларов)	год 1937 (долларов)	Увеличение в 1937 году (раз)
Железный и стальной лом	14 177 000	39 386 000	2,7
Самолеты и части к ним	989 000	2 484 000	2,5
Металлообрабатывающие станки	3 331 000	11 904 000	3,5
Сырая нефть	14 194 000	22 103 000	1,5
Бензин	2 367 000	3 683 000	1,5
Медь	7 293 000	17 997 000	2,4
Свинец	603 000	712 000	1,1
Чугун и сталь	54 000	880 000	16,3

Все это означает, что Рэнсимену действительно удалось всерьез повлиять на позицию президента США. То есть удалось склонить президента к политике «экономического умиротворения» Японии, чтобы быстро и резко повлиять на переориентацию Страны восходящего солнца с нанесения ударов по британским и американским позициям в регионе, что было бы неизбежно в случае успеха тройного заговора, на агрессию против СССР. А так повлиять на главу США можно было только в одном случае — разложив перед Рузвельтом все карты пасьянса тройного военно-геополитического заговора, как сценария того самого «Последнего Дня Англосаксов», о котором говорил еще Гомер Ли. Да еще подвернуть под это дело, что примерно то же самое Великобритания проделает и с Германией — т. е. также «экономически умиротворит» любимого коричневого бастарда в Берлине через «сдачу ему в аренду» Чехословакии, в т. ч. и в первую очередь в качестве магистрального плацдарма для нападения на СССР!

То обстоятельство, что Рузвельт в конце концов произнес, что *«если СССР окажется под угрозой германских, чисто империалистических, т. е. территориальных, стремлений, тогда должны будут вмешаться европейские государства, и Америка станет на их сторону»*, а Рэнсимен в ответ поддакнул, что *«в основе*

каждого нападения фашистов или их вассалов на СССР будут лежать именно «империалистические мотивы», — есть суть того, что и между ними произошел сговор в рамках проекта будущей Мюнхенской сделки, потому как ни о каких территориальных стремлениях Германии к СССР на тот момент не могло идти и речи, ибо тогда Германия сидела еще в версальских границах. Заявлять это по состоянию на конец января 1937 г. можно было только в одном случае — при достигнутом между США и Великобританией полном согласии о том, что первые своей военно-экономической помощью Японии разворачивают Страну восходящего солнца против СССР, а вторая — обеспечивает Гитлеру проход к границам СССР за счет Чехословакии, с помощью ВПК которой также быстро и резко производится накачка милитаристских мускулов Германии. И тогда война, которую с нетерпением ожидает Великобритания в 1938 г., станет настоящей реальностью!

Самое интересное заключается в том, что в результате переговоров Рузвельта с Рэнсименом сложилась ситуация, когда оказалась полностью измененной подлинная суть Антикоминтерновского пакта — с изначально антибританской и в целом антианглосаксонской, едва только прикрывавшейся термином «антикоминтерновский» на подлинно антикоминтерновскую, точнее, антисоветскую, что впоследствии позволило той же Великобритании открыто заявить Гитлеру, что **она не прочь присоединиться к этому пакту.**

Что же до того, как Великобритания спасла США, то здесь следует иметь в виду одно обстоятельство — неважно, знала ли британская разведка или нет, но ведь наши военные подумывали о том, как бы и вовсе «кинуть» самого Троцкого, т. е. ставка определенных сил США на Троцкого могла бы оказаться битой еще в самом начале. Факт о том, что у военных заговорщиков действительно была такая мысль, выплыл уже на последнем московском процессе в мае 1938 г.

Что же до Сталина, то он и в самом деле спас и Великобританию, и США, потому как в случае успеха заговора «Последний День Англосаксов» наступил бы неизбежно. Вот почему посол США в СССР Дж. Дэвис и написал президенту Рузвельту в упоминавшейся телеграмме, что **и он, и конечно же президент, точно знают, что предъявленные заговорщикам обвинения не являются**

фабрикацией. Конечно, ни Великобритания, ни США ни в коей мере не оценили того, что для них сделал Сталин. Ибо обе страны оказались очень сильно замазанными в Мюнхенской сделке.

Но и Сталин в долгу не остался — когда потребовалось, то он собрал остатки разгромленных заговоров и использовал их уже в интересах СССР: именно из этой «шинели» выросли и Договор о ненападении с Германией от 23 августа 1939 г., и Договор о ненападении с Японией от 13 апреля 1941 г. А Америке, в знак «особой благодарности», двумя разведывательными операциями — «Снег» и «Рамзай» — подарил Пёрл-Харбор, тем более что Рузвельт и сам его «заказывал»...

Вот какой гигантский муравейник планетарных проблем, проистекающих из Высшего Закона Высшей Мировой Геополитики и Политики, разворошил изначально безумный заговор военных во главе с Тухачевским.

В заключение вот еще о чем. Отлично понимая, что нижеизлагаемое вызовет может быть наибольшие нарекания, тем не менее не могу не сказать об этом, хотя бы в порядке сугубо личного мнения.

Результаты произведенного разведывательно-исторического расследования дают все основания утверждать, что безумная военно-геополитическая интрига военных во главе с Тухачевским, на ликвидацию которой были брошены самые могущественные силы Запада, привела к тому, что за счет прямо сопряженного с процессом заваливания заговора «экономического умиротворения» Гитлера резко было ускорено нападение Германии на СССР. Ведь первоначально Гитлер планировал напасть не ранее 1942–1943 г., о чем Сталин знал и под эти сроки планировал все свои действия.

Однако ликвидация заговора военных объективно разрушила систему перекрещивавшихся советско-франко-чехословацких договоров о взаимопомощи, так как позволила Западу, особенно Франции, начисто отказаться от них под надуманными предлогами, и в итоге Мюнхенская сделка стала возможной. **То есть провал заговора стал прямым и непосредственным прологом к Мюнхенской сделке, а та, соответственно, — к 1 сентября 1939 г. Вторая мировая война стала жестокой реальностью.** Оказавшись на краю

погибели, Великобритания сделала все, чтобы вновь за счет ущерба России спасти свою шкуру...

Вот чем заканчиваются безумные геополитические интриги «стратегов» — поклонников наполеоновской заповеди «сначала влезть в драку, а потом думать». Но они над этим никогда не задумывались. А зря...

Список использованной литературы

Абрамов Н. Дело Тухачевского: новая версия // Новое время. 1989. № 13.

Авторханов А. Технология власти. М., 1991.

Анин Б., Петрович А. Радиошпионаж. М., 1996.

Архивы раскрывают тайны. Международные вопросы: события и люди. М., 1991.

Ахтамзян А. Военное сотрудничество СССР и Германии в 1920–1933 гг. // Новая и новейшая история 1990. № 5.

Баландин Р., С. Миронов. «Клубок» вокруг Сталина. М., 2002.

Барнетт К. Военная элита рейха. Смоленск, 1999.

Безыменский Л. А. Германские генералы с Гитлером и без него. М., 1964.

Безыменский Л. А. Разгаданные загадки третьего рейха. М., 1981. Кн. 1.

Безыменский Л. А. Разгаданные загадки третьего рейха. М., 1984. Кн. 2.

Безыменский Л. А. Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2000.

Бешанов В. Танковый погром 1941 г. М., 2000.

Бобренев В. А., Рязанцев В. Б. Палачи и жертвы. М., 1993.

Бойцов В. Секретные лаборатории рейхсвера в России // Армия. 1991. № 2,3.

Брюханов Б. Б., Шошков Е. Н. Оправданию не подлежит. Ежов и ежовщина. 1936–1938. СПб., 1998.

Бушков А. Россия, которой не было. М., 1997.

Валентинов Н. В. Наследники Ленина. М., 1991.

Ветераны внешней разведки России. М., 1995.

Викторов Б. А. Без грифа «секретно». М. 1990.

Виноградов А. Тайны битвы XX столетия. М., 1999.

Волков А., Славин С. Адмирал Канарис — «железный» адмирал. Смоленск, 1998.

Волкогонов Д. Триумф и трагедия. Политический портрет Сталина. Т. 1, 2. М., 1989.

Волкогонов Д. Троцкий. Политический портрет. М., 1992.

- Воскресенская З. Под псевдонимом Ирина. М., 1997.
- Галкин А. А. Германский фашизм. М., 1989.
- Геленсен В. М. Вальтер Николаи — глава германской военной разведки во время Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1998. №№ 2, 3.
- Гоголицын Ю. Тайные правители человечества, или Тайные общества за кулисами истории. СПб., 2000.
- Голенков А. Сталин без наветов. М., 1998.
- Голяков С., Ильинский М. Зорге. Подвиг и трагедия разведчика. М., 2001.
- Горбунов Е. А. Схватка с черным драконом. М., 2002.
- Горлов С. А., Ермаченков Е. В. Военно-учебные центры рейхсвера в Советском Союзе // Военно-исторический журнал. 1993. № 6–8.
- Горлов С. А. Советско-германское военное сотрудничество. М., 1993 (Кандидатская диссертация).
- Грибанов С. «АЗ ВОЗДАМ». М., 1998.
- Гудрик-Кларк Н. Оккультные корни нацизма. Тайные арийские культы и их влияние на нацистскую идеологию. М., 1997.
- Гуль Р. Красный маршал. Берлин, 1932.
- Дамаскин И. А. Сто великих разведчиков. М., 2001.
- Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Т. 2. Архив Дирксена. М., 1938–1939 гг.
- Докучаев. Москва. Кремль. Охрана. М., 1995.
- Дугин А. Конспирология. М., 1993.
- Дугин А. Основы геополитики. М., 2000.
- Дьяков Ю. Л., Бушуева Т. С. Фашистский меч ковался в СССР. Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество 1922–1933 гг.: Неизвестные документы. М., 1992.
- Емельянов Ю. В. Записки о Бухарине. М., 1989.
- Замойский Л. Массонство и глобализм. Невидимая империя. М., 2001.
- Захаров В. В. Военные аспекты взаимоотношений СССР и Германии 1921 г. — июнь 1941 г. М., 1992.
- Захаров В. В. Политика Советского государства по отношению к Германии в военной области и ее влияние на оборону СССР. (Докторская диссертация). М., 1993.
- Зданович А. А. «Ц-МО» информирует Берлин // Армия. 1991. № 1.

- Зегер А. Гестапо — Мюллер. Ростов-на-Дону, 1997.
- Знаменитые шпионы XX века. М., 2001.
- Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание. М., 1996.
- Иосиф Сталин в объятиях семьи: Сборник документов. М., 1993.
- Карпов В. Расстрелянные маршалы. М., 1999.
- Карпов В. Генералиссимус. Кн. 1 и 2. М., 2002.
- Кен О. Чехословакия в политике Москвы. 1932–1936 гг. // Россия-XXI. 1997. № 1–2.
- Кириллина А. А. Рикошет. СПб., 1993.
- Кожин В. Россия. Век XX-й 1901–1939. М., 1999.
- Кожин В. Россия. Век XX-й 1939–1964. М., 1999.
- Колвин И. Двойная игра. М., 1960.
- Колесников В. Тайная миссия Нидермайера // Служба безопасности. 1993. № 3–4.
- Колпакиди А., Прудникова Е. Двойной заговор. Сталин и Гитлер: несостоявшиеся путчи. М., 2000.
- Колпакиди А., Прохоров Д. КГБ: спецоперации советской разведки. М., 2000.
- Колпакиди А., Прохоров Д. Империя ГРУ. Кн. 1. М., 2000.
- Колпакиди А., Прохоров Д. Внешняя разведка России. СПб., М., 2001.
- Кривицкий В. Я был агентом Сталина. М., 1991.
- Кривицкий В. Я был агентом Сталина. М., 1996.
- Кондрашов С. «Привет маршалу Ворошилову» // Новое время. 1993. № 33.
- Константинов С. Своими руками // Независимое военное обозрение. 11.07.1996.
- Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888–1938. М., 1988.
- Кровавый маршал Михаил Тухачевский. СПб., 1997.
- Кун М. Бухарин: его друзья и враги. М., 1992.
- Ларуш Л. Физическая экономика. М., 1997.
- Ларуш Л. Вы на самом деле хотели бы знать все об экономике? М., 1992.
- Лемин И. М. Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно (1919–1925). М., 1947.
- Люди-загадки XX века. М., 1996.
- Мадер Ю. Репортаж о докторе Зорге. Берлин, 1988.

- Мельников Д. Заговор 20 июля 1944 г. в Германии. М., 1962.
- Мельников Д., Черная Л. Империя смерти. М., 1987.
- Мельников Д., Черная Л. Преступник номер 1. Нацистский режим и его фюрер. М., 1991.
- Мельтюхов М. И. Советско-польские войны. М., 2001.
- Мильтштейн М. А. Заговор против Гитлера. М., 1962.
- Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1990.
- Муранов А. И., Звягинцев В. Е. Досье на маршала. М., 1996.
- Назаров М. Миссия русской эмиграции. Т. 1. М., 1994.
- Найтли Ф. Шпионы XX века. М., 1994.
- Неизвестный Сталин. М., 1994.
- Николаевский Б. И. Тайные страницы истории. М., 1995.
- Норд Л. А. Воспоминания о М. Н. Тухачевском // Возрождение (Париж). №№ 63–68. 1957.
- Овсяный И. Д. Тайна, в которой война рождалась. М., 1975.
- Овсяный И. Д. 1939: последние недели мира. М., 1981.
- Оккультные силы России. СПб., 1998.
- Оккультные силы СССР. СПб., 1998.
- Они не молчали. М., 1991.
- Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. СПб., 1991.
- Орлов Б. М. В поисках союзников: командование Красной Армии и проблемы внешней политики СССР в 30-х гг.// Вопросы истории. 1990. № 4.
- Открывая новые страницы. Международные вопросы: события и люди. М., 1989.
- Очерки истории российской внешней разведки. Т. 2. М., 1996; Т. 3. М., 1997.
- Павлов В. Г. «Сезам, откройся!» Тайны разведывательных операций. М., 1999.
- Первушин А. Оккультные тайны НКВД и СС. СПб., М., 1999.
- Перин Р. Гильотина для бесов. СПб., 2001.
- Пещерский В. «Красная капелла». Советская разведка против абвера и гестапо. М., 2000.
- Писарев Ю. А. Тайны Первой мировой войны. М., 1990.
- Письма Сталина Молотову. 1925–1936 гг. Сборник документов М., 1995.
- Поварцов С. Причина смерти — расстрел. М., 1996.

Полторак А., Зайцев Е. Рурские господа и вашингтонские судьи. Ленинград, 1968.

Попов В. И. Советник королевы — суперагент Кремля. М., 1995.

Порецки Э. Тайный агент Дзержинского. М., 1996.

Пруссаков В. Адольф Гитлер. Нью-Йорк — Москва, 1991.

Путлиц В. Г. По пути в Германию. М., 1957.

Пфафф И. Прага и дело о военном заговоре // Военно-исторический журнал. 1988. № 9 — 11.

Пэдфилд П. Рудольф Гесс — сподвижник Гитлера. Смоленск, 1998.

Пятницкий В. Заговор против Сталина. М., 1998.

Райле О. Тайная война. М., 2002.

Раппопорт В., Геллер Ю. Измена Родине. М., 1995.

Реабилитация. Политические процессы 30 — 50-х годов. М., 1991.

Ржешевский О. А. Война и история. М., 1976; под его же редакцией «1939 год — уроки истории». М., 1990.

Роговин В. 1937 год. М., 1996.

Роговин В. Власть и оппозиция. М., 1993.

Роговин В. Мировая революция и мировая война. М., 1998.

Роговин В. Партия расстрелянных. М., 1995.

Роговин В. Сталинский неонеп. М., 1995.

Руге В. Гинденбург. Портрет германского милитариста. М., 1981.

Руге В. Как Гитлер пришел к власти. М., 1985.

Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. Саратов, 1995.

Сахаров В. В. Военные аспекты взаимоотношений СССР и Германии. 1921 г. — июнь 1941 г. М., 1992.

Сергеев Ф. Тайные операции нацистской разведки 1933–1945. М., 1991.

Соболев Г. Тайна «Немецкого золота». СПб., М., 2002.

Соколов Б. Михаил Тухачевский. Смоленск, 1999.

Соловьев Б., Суходеев В. Полководец Сталин. М., 1999.

Соловьев О. Ф. Масонство в мировой политике XX века. М., 1998.

Сопряков В. Восток — дело тонкое. М., 1999.

Соцков Л. Операция «Тарантелла». М., 2001.

Ставинский Э. Наш человек в гестапо. М., 2002.

Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. М., 1995.

Старков Б. А. Дела и люди сталинского времени. СПб., 1995.

Статистика антиармейского террора // Военно-исторический архив. Вып. 2М., 1997.

Сувениров О. Ф. Трагедия РККА. 1937–1938. М., 1998.

Судебный отчет. Материалы военной коллегии Верховного Суда СССР. Бухаринско-троцкистский процесс, 1938 год. М., 1997.

Судоплатов П. Разведка и Кремль. М., 1996.

Судоплатов П. Спецоперации Лубянка и Кремль 1930–1950 гг. М., 1998.

Судоплатов П. Разные дни тайной войны и дипломатии 1941 года. М., 2001.

Тарле Е. В. Политика: история территориальных захватов (XV–XXвек). М., 2001.

Телицын В. Л. Проект «Аненербе». Наследие предков и Третий рейх. М., 2001.

Трудные вопросы истории. М., 1997.

Фал иго Р., Коффер Р. Всемирная история разведывательных служб. М., 1997.

Фальсификаторы истории. Историческая справка. М., 1951.

Федорова Г., Федоров М. Будни разведки. М., 1994.

Фест И. Адольф Гитлер. Пермь, 1993.

Финкер К. Заговор 20 июля 1944 г. М., 1976.

Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет. Пер. с немец. М., 2001.

Хлевнюк О. В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992.

Хлевнюк О. В. Сталин и Орджоникидзе. Конфликты в Политбюро в 30-е годы. М., 1993.

Царев О., Костелло Д. Роковые иллюзии. М., 1995.

Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М., 1992.

Шелленберг В. Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика., пер. с англ. М., 1991.

Шелленберг В. Мемуары. Пер. с нем. М., 1991.

Шиллеровский институт науки и культуры, бюллетени №№ 5 и 7, 1995 — 96 гг.; «Зоопарк народов Пальмерстона». М., 1997.

Широнин В. КГБ — ЦРУ. Секретные пружины перестройки. М., 1997.

Шишкин О. Битва за Гималаи. НКВД: магия и шпионаж. М., 1999.

Шишкин О. Убить Распутина. М., 2000.

Шрейдер М. Б. НКВД изнутри: Записки чекиста. М., 1995.

Уоллер Дж. Невидимая война в Европе. Смоленск, 2001.

Усов В. Советская разведка в Китае. 20-е годы XX века. М., 2002.

Уткин А. Россия над бездной: 1918 г. — декабрь 1941 г. М.

Энциклопедия Третьего рейха. М., 1996.

Яковлев Н. Н. ЦРУ против СССР. М., 1983.

Якупов Н. Трагедия полководцев. М., 1992.

notes

Примечания

1

Перифразированное четверостишие Б. Пастернака.

Речь идет о Тордесильясском договоре 1494 г. между Испанией в лице Кастильи и Португалией, по которому между ними было разделено Западное полушарие. Впоследствии — в 1529 г. — он был дополнен Сарагосским договором, по которому те же «подписать!» поделили между собой уже Восточное полушарие. После двух с половиной веков ожесточенной борьбы, в 1777 г. Великобритания вынудила Испанию и Португалию подписать договор Сан-Ильденфонсо, по которому вышеуказанные два договора были признаны утратившими силу.

Джон Ди (1527–1608) — математик, астроном, страстный библиофил, географ, владелец лучшей в те времена во всей Европе научной библиотеки, придворный астролог английской королевы Елизаветы I, один из главных магистров Ордена Розенкрейцеров и одновременно один из лучших, если не самый лучший, разведчик-универсал, состоявший на связи лично у главы елизаветинской разведки сэра Френсиса Уолсингэма. Специализировался на добывании разведывательной информации из высших монархических кругов Европы, а также на осуществлении особо крупных стратегических акций влияния. Одной из самых выдающихся его операций является распространение т. н. «предсказаний бурь» на 1588 г., которой он преследовал цель помешать рекрутированию матросов и солдат в «Непобедимую армаду» Испании, сведения о чем он лично же сам и добыл, получив с помощью своей агентуры доступ к переписке между Римским Папой и испанским королем Филиппом II.

Не менее любопытно и то, что за Иваном Ивановичем и его способностями управлять государством приглядывал еще один шпион английской короны — Джером Горсей, очень близкий к русскому двору и, судя по всему, выполнявший функции резидента. Кстати говоря, именно он почему-то находился непосредственно при Иване Грозном в момент его смерти — убедиться в том, что цель достигнута?..

Это изначально было предопределено, ибо выразилось в преисполненном необозримого религиозно-геополитического значения факте: Иван IV стал первым Помазанником Божиим на русском престоле — при венчании его на царство над ним было совершено церковное Таинство Миропомазания, и с того времени русские цари являлись единственными на земле людьми, над кем священный обряд совершался дважды, т. е. при крещении и венчании на царство, что в итоге означало Дважды по Прямому Повелению Божьему! Отсюда и его такое отношение к своим подданным в первый период правления.

В одном из своих отчетов в Лондон Р. Ченслор писал: «Вот если бы наши бунтовщики так знали свое положение по отношению к государю, как в России». Несчастные английские бунтовщики и впрямь не ведали этого и поплатились: только в период правления Генриха VIII (что предшествовало вступлению Ивана IV на престол) только за бродяжничество согнанных с земли в ходе т. н. огораживаний было повешено свыше 72 тысяч ни в чем не повинных людей, т. е. практически 10 % тогдашнего населения Англии! Между тем давно установлено, что за весь период правления Ивана Грозного, т. е., как обычно утверждает история, самого жестокого из всех русских царей, было казнено всего от 3 до 4 тысяч человек.

Самое интересное в этой ненависти — это то, что Византийской империи (именно с таким самоназванием) в истории вообще не существовало, а сам термин «Византийская империя» появился как раз в описываемое время, т. е. век спустя после крушения того государства, которое исторически незаконно называют вышеуказанным термином, носившим к тому же изначально негативный оттенок. История зафиксировала, что в действительности империя со столицей в городе Византии (впоследствии Константинополь, ныне Стамбул, Турция) имела следующее название: «Империя Ромеев», т. е. «Империя Римлян», начало истории которой относится к 320 г. н. э., когда римский император Константин в преддверии неизбежного краха самого Рима перенес столицу на Восток, в Византии. Есть немало убедительных доказательств, что слово «империя» в названии государства проистекает не из латинского «империа», т. е. «господствовать», а из греческого «эмпирия», т. е. «знание». Следуя этой версии, само название государства означает «Знания Ромеев». Очевидно, именно с этим обстоятельством связана глубинная ненависть Запада к Византии, вызревшая в племенах варваров, разрушивших Древний Рим. С этим же обстоятельством явно связана и автоматически перенесенная Западом столь же злобная ненависть к России. Естественно, с учетом геополитических и иных причин высшего порядка.

Мало кому известно, например, что столь прочно вошедшее в историю человечества Просвещение (XVIII в.) было не чем иным, как блестяще задуманной и великолепно осуществленной очень долговременной, многовариантной и многоходовой операцией венецианской разведки, основные положения которой разработал и лично осуществлял ее глава — аббат Антонио Конти. Главной целью операции было раздробление монолита европейских монархий в преддверии неизбежного перехода к капитализму.

Подданные британской империи Лабушеры — абсолютно реальные лица. Например, сына сэра Генри «втемную» использовал выдающийся агент советской разведки, член знаменитой «кэмбриджской пятерки» Дональд Маклин, что нашло отражение в архивных ныне делах Службы внешней разведки: № 83791 и № 32826 (л.д. его куратора — нелегала Арнольда Дейча).

В связи с тем, что британская разведка документально точно установила, что именно барон Вильгельм фон Мирбах, тогда германский консул-разведчик в норвежском Бергене, лично был повинен в организации потопления германской подводной лодкой крейсера «Гэмпшир» британского ВМФ, на борту которого с важнейшим дипломатическим поручением лично от короля Георга V 5 июня 1916 г. в Россию отбыл британский фельдмаршал, военный министр граф Хартумский Гораций Герберт Китченер (вместе с ним погибло 643 человека, спаслись только 12), есть все основания считать, что его убийство в Москве явилось актом возмездия. По всем признакам — это чисто английское убийство, потому как помимо прямых мотивов мести британская разведка преследовала цели т. н. «антантовской необходимости», а также свои личные, ибо прикрываясь союзнической французской разведкой, но руками тогда левого эсера Я. Блюмкина осуществила это убийство как сигнал к левоэсеровскому мятежу, который сама и подготовила руками своих же разведчиков и агентов, в т. ч. и известного Сиднея Рейли. Одним ударом, на чужой территории, чужими руками и под чужим флагом убийством решать целый комплекс насущных в тот момент политических вопросов — это «почерк» британской разведки.

Кроме того, следует также отметить и то, что фон Мирбах еще в мае 1918 г. начал бомбардировать Берлин тревожными телеграммами, суть которых сводилась к тому, что германский вассал Ленин стал искать связи с Антантой, о чем, кстати говоря, «вождю мирового пролетариата» было прекрасно известно, т. к. Блюмкин как раз и возглавлял германское направление молодой контрразведки Советов (кстати, назначили его на этот пост также в мае, что явно не случайно).

И Ленин, и Дзержинский прекрасно знали о готовящемся убийстве и мятеже, но не помешали, ибо преследовали свои корыстные цели — с одной стороны, избавиться или по меньшей мере ослабить свою вассальную зависимость от Германии, с другой же — передавить под шумок всех более или менее опасных конкурентов в борьбе за власть, а эсеры в этом списке были первыми.

Формально Вильгельм Оранский не был представителем Брауншвейгского дома, он происходил из правившей в Нидерландах династии Нассау-Оранских, которая корнями уходила именно к курфюрстам Брауншвейгского дома.

III. Руставели. Витязь в тигровой шкуре.

К. Прутков. Мысли и афоризмы.

Из речи Остина Чемберлена, министра иностранных дел Великобритании в 20-х годах XX века, лауреата Нобелевской премии мира за... разжигание первых искр Второй мировой войны...

К. Э. Циолковский.

Кривицкий действительно попал «под колпак» абвера в результате хитроумной операции, лично разработанной Канарисом. По указанию «хитроумного грека» его ближайший помощник тех лет Герман Гезинг разработал план операции по поставкам на международный черный рынок «антиквариата» — стрелкового оружия времен Первой мировой войны, в основном германского, которое было специально испорчено специалистами абвера так, чтобы оно отказывало в первом же бою. Поставки такого «антиквариата» осуществлял личный агент Канариса Йозеф Вельтенс, которого, в соответствии с разработанной ему Канарисом легендой, интересовали только деньги и более или менее правдоподобные транспортные накладные. Это была ловушка адмирала Канариса, в которую попались многие «поставщики» оружия испанским республиканцам.

Этот пример любопытен в сравнении с событиями в нашем государстве в 1937–1938 гг. Если во Франции контрразведка арестовывала гитлеровскую агентуру сотнями, то неужели в России, прошедшей Первую мировую войну, германскую оккупацию и советизацию с помощью германской разведки, агентов германских разведслужб было меньше?!

Шарль Морис Талейран.

Николай Григорьевич Ляхтерев впоследствии многие десятилетия плодотворно работал в ГРУ. Перед войной был «легальным» резидентом военной разведки в Будапеште.

Сравните это сообщение с информацией, поступившей к Артузову от В. А. Илинича в 1934 г.

Здесь следует иметь в виду, что Троцкий располагал разветвленной сетью своих сообщников, которые систематически поставляли ему секретную информацию из Советского Союза. Так, одним из подобных каналов получения информации были сестры Е. С. и Р. С. Коган. Последняя работала техническим секретарем в ЦК ВКП(б), а первая — шифровальщиком советского посольства в Осло. А сколько еще других подобных лиц обеспечивали Троцкого секретной информацией?..

Сама эта фальшивка была изготовлена в 1797 г. ярым русофобом-поляком М. Сокольниковым.

Бернард Шоу.

Дело тут в следующем. В собственноручных показаниях от 1 июня 1937 г. Тухачевский сообщил следствию, что во время проходивших под его руководством весной 1936 г. стратегических игр в Генштабе он вместе со своими сообщниками обсуждал вопрос о вредительско-подрывных действиях на западных границах СССР в случае войны с Германией. Чудом сохранившиеся скудные сведения об этих играх свидетельствуют о том, что Тухачевский составил задание для игр на редкость неадекватно как международной, так и военной ситуации вокруг СССР. И вот после этих игр в нашем Генштабе немцы проводят в конце 1936 г. свои командно-штабные игры и приходят к тем выводам, которые указаны выше. Как прикажете расценивать такую ситуацию, если до весенних 1936 г. игр в нашем Генштабе Тухачевский и Уборевич встречаются с германскими генералами и обсуждают с ними какие-то вопросы, а до игр в германском Генштабе в конце того же 1936 г. Уборевич посещает военные маневры в Бад-Киссингене, на которые неофициально напрашивался еще в начале года?! Едва ли есть хотя бы малейшая возможность не заподозрить прямую связь между этими событиями.

В этой связи есть прямой смысл вернуться к предыстории статьи Тухачевского от 31 марта 1935 г. По донесениям военной разведки Тухачевскому прекрасно было известно об этом приказе Бломберга. Более того, он прекрасно знал, что фактически за год до его собственной статьи тот же Бломберг весной 1934 г. опубликовал в нацистском официозе «Фелькишер Беобахтер» огромную статью на тему «Рейхсвер и нацистская партия — едины». И вот после всего этого у Тухачевского хватило ума и совести ограничиться только «военными планами Гитлера», отделив его от генералов?! Да тысячу раз прав был Сталин, внося крайне резкие правки в черновик его статьи, ибо тем самым он вбил, пускай и небольшой, но клин в отношения заговорщиков с рейхсвером — ведь в Берлине тогда отреагировали очень нервно, вплоть до полуофициальных протестов, а протестовал как раз Бломберг от имени рейхсвера. Кстати говоря, Сталин присвоил Тухачевскому звание Маршала Советского Союза в ноябре 1935 г., что очень задело Бломберга — ведь как-никак, но Бломберг был на самом деле боевым офицером, прошедшим Первую мировую войну, а Тухачевский, как известно, всю ту войну просидел в плену, и вот он маршал, а тот генерал-полковник. Неведомыми путями, но Бломбергу удалось убедить Гитлера сделать его фельдмаршалом, но это произошло только в 1936 г.

О самом этом законе см. в эпилоге.

Правда, при нападении на СССР это не помешало тому же, например, Рейхенау зверствовать в отношении советского населения вне какой-либо зависимости от его национальности, хотя, конечно, более всего он усердствовал в отношении славян.

Президент Рузвельт о никарагуанском диктаторе Сомоса, 30-е годы XX в.

Формально, с 11 октября 1922 г. выпускались кредитные билеты Государственного банка — червонцы, обеспеченные золотом и иностранной валютой. Это были бумажные деньги достоинством 1, 3, 5, 10 и 25 червонцев. Однако в связи со свертыванием НЭПа в конце 20-х годов подобная практика была прекращена. Тем более ее не было в 1937 г.

Весной 1936 г. к легальному резиденту советской внешней разведки в Вене — В. П. Рошину — через общего знакомого, бывшего царского офицера Хомутова, обратился лидер Немецкой партии народной свободы Райнгольд Вулле. Суть его обращения заключалась в получении от СССР различной помощи (в т. ч. и финансовой — 750 тыс. марок) для свержения Гитлера. Вулле якобы представлял широкую антигитлеровскую оппозицию. Во время разговора Вулле признал, что одновременно обращался к англичанам, но не назвал, к кому конкретно. Здесь следует иметь в виду следующее: во-первых, в Австрии все германские спецслужбы в те времена чувствовали себя не хуже, чем на родине; во-вторых, Рошин до этого был рядовым сотрудником берлинской резидентуры и лишь за год до этого переведен резидентом в Вену; в-третьих, саму суть обращения Вулле, ибо в сущности это была провокация, которая, в случае успеха, могла привести к грандиозному скандалу; в-четвертых, весной 1936 г. между Мензисом и Канарисом был установлен канал связи в лице фон Треека; в-пятых, именно весной 1936 г. терпение британской разведки в отношении заговора Тухачевского стало иссякать.

Особую остроту конфликту придавало также и то обстоятельство, что еще в 1933 г. Гитлер официально удовлетворил прошение военного ведомства Германии о том, чтобы оно же, т. е. в лице абвера, являвшегося тогда его подразделением, отвечало за контрразведывательное обеспечение военной сферы. Однако ни Гиммлер, ни Гейдрих вовсе не намеревались пунктуально исполнять указ Гитлера по этому вопросу. Уже в 1935 г. в СД было создано специальное управление Штайна, которое проводило расследования различных дел в этой сфере в интересах гестапо и СД, стремясь при этом завладеть правами абвера. Возглавивший с 1 января 1935 г. абвер Канарис, не долго думая, переключил внимание контрразведки абвера на самого Штайна. Сообразив перспективу нелегкого поединка с профессионалами абвера, Штайн улизнул за границу и под псевдонимом «Пфайффер» пытался сотрудничать с британской разведкой, в связи с чем нельзя исключать передачи им информации о настроениях генералитета англичанам.

В 1936 г. абвер был в необычайном фаворе. Канарис обеспечил получение точных сведений о полной безнаказанности Гитлера в случае реокупации Рейнской области. Если бы Гитлер знал, откуда «хитроумный грек» получил эти сведения, он тогда же повесил бы адмирала. Ибо сведения пришли по каналу фон Треска. Канарис же обеспечил доставку Франко в Испанию, правда, никто тогда не знал, что на английском самолете и с английским пилотом. Был еще и успех «пятой колонны», и вообще очень много успешных операций.

Козьма Прутков.

Хочу оговориться, что считаю долгом чести вывести из этой категории всех тех, кто принадлежит к школе доктора исторических наук, профессора О. А. Ржешевского. Несмотря на то что кое в чем наши взгляды не совпадают, тем не менее низкий ему поклон за исключительную честность и объективность в своих исследованиях и в воспитании своих последователей. Только в трудах О. А. Ржешевского и его учеников можно увидеть подлинную, нередко горькую, но Правду о той войне.

Это тот самый генерал Гофман, который в конце 1917-го — начале 1918 г. вел переговоры с эмиссарами Ленина насчет заключения Брестского договора, из-за чего впоследствии он до последней секунды своей «таинственно» оборвавшейся именно в 1927 г. жизни клял себя почем зря, но при этом вслух мечтал повесить правительство СССР в полном составе.

Московский раввин Маазе — умнейший и мудрейший человек — еще в 20-х гг. прошлого столетия сказал, что «революции делают Троцкие, а расплачиваются Бронштейны».

«Мы занимаем ведущее положение в экономике. Мы продолжаем усиливать нашу позицию. Можно препятствовать этому процессу, можно задержать, но... остановить наступление США невозможно. Экономические силы, которые являются основой всего, влекут нас вперед к экономическому господству» (1901 г., сенатор Генри Кэбот Лодж-старший).

«Судьба предопределила нам нашу политику — мировая торговля должна быть в наших руках... Наши торговые корабли избороздят все океаны. Мы создадим военный флот, соответствующий нашему могуществу... Американский закон, американский порядок, американская цивилизация воцарятся на всех берегах, вплоть до самых далеких и погруженных во мрак невежества и бескультурности» (1902 г., сенатор Беверидж).

Любопытно в связи с этим отметить, что у Р. Зорге был прямой контакт с «Обществом Черного Дракона» — его ближайший сподвижник и главный агент Ходзumi Одзаки имел в этом обществе своего человека в лице издателя Сиге Мидзуно.

Опять-таки «почерк» британской разведки — в то время Москва и Коминтерн готовили китайскую революцию силами компартии Китая, и свершись она по московско-коминтерновскому сценарию, Лондону из Китая пришлось бы убираться еще в 1927 г. Но «старая лиса» была очень мудрой, а потому довела до сведения Чан Кайши информацию о готовящемся его аресте коммунистами, и резня после этого стала фактом, после которого, в свою очередь, сворачивать свою деятельность в Китае пришлось Коминтерну и советской разведке. Как обычно, британская разведка сработала на опережение негативных для нее событий.

В 1018 году объединенное польско-венгерско-саксонское войско под командованием польского князя (впоследствии короля) Болеслава Великого напало на Русь и захватило Киев. Но вот что интересно. Волею истории именно тогда на поле брани были заложены первые кирпичики в фундамент будущего евразийского характера будущей державы российской, ибо в отражении той агрессии участвовали также и воины-азиаты, что впоследствии станет уже вполне естественным явлением державного порядка.

Именно потому и состоялся исторический выбор самодержавия, как формы государственного правления, призванной обеспечивать незыблемость монополии на пути сообщения как высшей гарантии безопасности монополии заселения, ибо в централизованном, самодержавном порядке это легче делать на уже тогда обширнейших территориях.

А польза могла быть немалая, ибо они, особенно Павел Алексеевич, первыми в русской разведке еще в 1916 г. смогли достоверно установить факт прямой причастности германской разведки и ее агентуры к работе с Лениным и К°. У Павла Алексеевича была компактная, но очень эффективная нелегальная резидентура с отличным агентурным аппаратом, действовавшая на территории Швейцарии. К сожалению, подлый удар по его резидентуре и агентурному аппарату нанес предатель интересов России П. Милюков в своей на редкость провокационной речи с трибуны Госдумы 1 ноября 1916 г., после чего о некоторых агентах П. А. Игнатьева стало широко известно. Однако в целом его резидентура сумела выдержать удар и сохранить основные позиции, и как знать, не этой ли резидентуры в т. ч. — наряду с резидентурой, возглавлявшейся официальным военным агентом генерал-майором С. А. Голованем, — опасались германские хозяева Тухачевского и он сам, потому как проболтавшись почти месяц в Швейцарии, он так и не удосужился появиться перед официальным военным агентом России, отправившись прямым путем в Париж к А. А. Игнатьеву, у которого, из-за перегруженности делами по координации военных и разведывательных действий России и Франции, просто не было времени на проверку сбежавшего из плена подпоручика Тухачевского.